

«MILITARY ANARCHY» IN THE ROMAN EMPIRE

**by
Iulij B. Tsirkin**

**Nestor-Historia
St. Petersburg
2015**

Ю. Б. Циркин

**«ВОЕННАЯ АНАРХИЯ»
В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

ББК 63.3(0)32
Ц69

Циркин, Ю. Б.

Ц69 «Военная анархия» в Римской империи / Ю. Б. Циркин. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 472 с. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-4469-0421-1

Две очень важные проблемы в настоящее время вызывают особый интерес: переход от одного общества к другому и проблема империй и их крушения. Эти две проблемы стоят и в центре данной книги. Так называемая военная анархия в Римской империи, охватывающая 235–285 гг., открывает эпоху перехода от античности к Средневековью. Эта эпоха насыщена самыми разнообразными событиями, конфликтами, деяниями, и ее рассмотрение дает возможность проследить не только исторический процесс, но и судьбы конкретных людей. С другой стороны, в этот период произошло крушение одного типа государства — Ранней Римской империи — и начало становления другого — Поздней Римской империи. В книге подробно на уровне современной науки рассматриваются события этого бурного периода.

Книга рассчитана на историков и филологов-классиков, в том числе студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблемами мировой истории.

ББК 63.3(0)32

ВВЕДЕНИЕ

Чрезвычайно важной проблемой всемирной истории является вопрос о переходе от одного общества к другому. Трудно найти другую проблему, которая так же важна для понимания самой сути исторического процесса. Частным, но для нашей цивилизации необыкновенно важным является переход от античности к Средневековью. Вся эта эпоха в ее целостности еще не была предметом специального комплексного исследования, хотя отдельные работы имеются как в нашей стране, так и за рубежом. Однако прежде чем говорить об эпохе в целом, необходимо тщательное исследование отдельных проблем на уровне современной науки. Так называемая военная анархия (235–285 гг.) открывает собой эту эпоху. Ее исследование можно в некоторой степени рассматривать как введение к изучению эпохи, которая сейчас известна под названием «поздней древности».

Кроме того, эпоха «военной анархии» чрезвычайно интересна, поскольку она насыщена самыми разнообразными событиями, конфликтами, деяниями, и эта тема дает возможность проследить не только исторический процесс, но и судьбы конкретных людей, а изложение событий порой может напоминать приключенческий роман. Именно в эту эпоху старинные ценности переживают кризис и христианство делает решающий шаг к превращению в универсальную религию Римской империи.

С тем, что в III в. произошел качественный перелом в римской истории, долгое время были согласны все исследователи. Этот период рассматривался как период кризиса Римской империи. Активная дискуссия велась по проблемам сути этого кризиса, его причин и результатов. Так, М. И. Ростовцев видел суть кризиса в борьбе грубого необразованного крестьянства и выражающих его настроения варваризованной армии и императоров против приверженных традиционным ценностям сенаторов и городской буржуазии, и эта борьба завершилась победой крестьянского мира над пришедшими в упадок

городами, что и привело в конечном итоге к падению античного мира¹. Значение классовой борьбы в кризисе III в. подчеркивала и Е. М. Штаерман. По ее мнению, в основе всех событий лежал кризис самого рабовладельческого строя, который выражался в борьбе, с одной стороны, мелких и средних муниципальных землевладельцев и выражающей их интересы армии, а с другой — крупных землевладельцев, прежде всего сенаторов, представляющих элементы нового общественного строя; соответственно императоры делятся на сенатских и солдатских². Ф. Альтхайм доказывал, что главной чертой всех этих событий являлась борьба различных этнических групп внутри романства, а в ходе этой борьбы новые группы все решительнее предъявляли свои права на господство³. По А. Демандту, главной причиной всех бед Римской империи стали варварские нападения: императоры не могли одновременно присутствовать на всех фронтах, что и вело к резкому ослаблению центральной власти, усилению зависимости императоров от армии, росту инфляции и другим внутренним трудностям⁴. Близко к этому взгляду мнение А. Циолковского, который полагает, что внешний фактор, особенно появление у римских границ агрессивных организмов, с которыми не могла справиться оборонительная система Империи, и вызвал глубокий внутренний кризис⁵. Г. Альфёльди считал, что причиной и сутью кризиса явилось сочетание варварских вторжений и внутреннего упадка; последний же определяли три фактора: нестабильность прежнего сложного строя Рима, ускоренная трансформация базовых структур этого строя и осознание (или, по крайней мере, ощущение) современниками хрупкости и изменчивости их времени в противоположность прежней более стабильной эпохе⁶. Разнообразие мнений не мешало принятию самого наличия острого кризиса, в результате которого оказались разрушенными все элементы предшествующего римского общества.

Однако в последнее время в мировой историографии все больше развивается тенденция к отрицанию существования этого кризиса как такового. Многие историки, опираясь в основном на археологические данные, отрицают радикальный слом римских экономиче-

¹ Ростовецв М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2002. Т. II.

² Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

³ Althelm F. Niedergang der Alten Welt. Frankfurt am Main, 1957.

⁴ Demandt A. Die Spätantike. München, 1989.

⁵ Ziolkowski A. Storia di Roma. Milano, 2000. P. 413–419.

⁶ Alföldy G. Storia sociale dell'antica Roma. Bologna, 1987.

ского, социального и политического механизмов⁷. По их мнению, практически нет качественного различия между Ранней и Поздней империями, между принципатом и доминатом. Эти ученые полагают, что в III в. не произошло никаких катастрофических изменений и речь могла идти лишь о тех или иных региональных мутациях, которые не изменили или мало изменили общую картину⁸. В целом же имело место лишь развитие предшествующих тенденций, а то новое, что появилось в это время, было затем продолжено тетрархами и Константином. Таким образом, перед нами фактически сравнительно медленный эволюционный процесс. В связи с этим отрицается и понятие кризиса. Вместо этого говорится об изменениях (мутациях) в Римской империи, или же этот период римской истории называют просто «Римская империя в III в.»⁹. И если употребляется слово «кризис», то его ставят в кавычки¹⁰. Между тем сравнение двух эпох в истории Римской империи, на наш взгляд, показывает, что эти эпохи различаются именно качественно во всех своих аспектах — социальном, экономическом, политическом, психологическом, идеологическом. Поэтому мы стоим на старой точке зрения, согласно которой в III в. произошел качественный скачок в развитии Рима¹¹, и в его результате и начался тот период европейско-средиземноморской истории, который все чаще называют «поздней древностью».

Принимая эту традиционную точку зрения, мы, однако, сталкиваемся со многими дискуссионными проблемами. Даже те исследователи, которые признавали и признают существование «кризиса III в.», расходятся не только в сущностных, но даже и в хронологических вопросах. В отечественной, как советской, так и постсоветской, научной литературе под кризисом традиционно понимается период от убийства Коммода до воцарения Диоклетиана, т. е. 193–284 гг.¹² Однако этот взгляд не является единственным. И в мировой,

⁷ Об этой «ревизионистской» тенденции в современной историографии: Ziolkowski A. Op. cit. P. 413–414.

⁸ Например, Kulikowski M. *Cities and Government in Late Antique Hispania* // *Hispania in Late Antiquity*. Leiden; Boston, 2005. P. 31–70.

⁹ Например, Carrié J.-M., Rousselle A. *L'Empire romain en mutation*. Paris, 1999; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. *L'empire romain au IIIe siècle*. Paris, 1997; Сепеев И. П. *Римская империя в III в. нашей эры*. Харьков, 1999.

¹⁰ Drinkwater J. Maximinus to Diocletian and “crisis” // САН. 2005. Vol. XII. P. 28–66.

¹¹ По мнению, например, К. Христа, этот период был временем необходимого перехода между двумя структурно различными стадиями Римского государства: Christ K. *Römische Geschichte. Einführung, Quellenkunde, Bibliographie*. Darmstadt, 1980. S. 233.

¹² Если говорить об учебной литературе, которая обобщает существующие научные взгляды, то, например: История Древнего Рима. М., 1993. С. 302–318.

и в отечественной науке все чаще под кризисом III в. подразумевается период 235–284 гг., в то время как предшествующий период считается эрой нарастания кризисных явлений, аккумуляции трудностей, которые затем уже переросли в полноценный кризис¹³. С другой стороны, под периодом кризиса иногда подразумевается огромный промежуток времени от Марка Аврелия (161–180 гг.) до восточного императора Анастасия (491–518 гг.)¹⁴. Выделение такого протяженного периода может быть оправдано с точки зрения всемирной истории, но едва ли подходит для конкретно римской истории. Чтобы приблизиться к решению этой хронологической проблемы, рассмотрим римские кризисы в целом.

Можно говорить о трех больших кризисах, являющихся межевыми столбами на пути истории Рима. Первый кризис был кризисом Римской республики. Его причиной было то, что приблизительно в середине II в. до н. э. в римском обществе сложился целый клубок противоречий: между рабами и свободными, между крестьянами и крупными землевладельцами, между всадниками и сенаторами, между различными группировками самих сенаторов. Рост городской клиентелы и «городской фамилии» усиливал паразитизм римского общества и создавал, правда, еще не очень-то ощущаемое, противоречие между его трудовой и паразитической частями. Все это резко ослабляло государство. Это ослабление особенно стало проявляться в армии. Римская армия формировалась преимущественно из средних слоев населения, в основном крестьянства. И размывание этих слоев вело к ослаблению войска. Эта опасность стала столь велика, что наиболее дальновидные представители нобилитета готовы были предпринять необходимые меры для уменьшения противоречий, что неизбежно должно было вести к земельной реформе. Но любая такая попытка вызывала резкое неприятие основной части знати, что еще больше усиливало напряжение в обществе. С другой стороны, увеличение клиентелы, в том числе провинциальной, усиливало не столько знать в целом, сколько отдельные группировки и семьи нобилей, что имело своим неизбежным результатом усиление личностного момента в римской политической жизни. Следствием было все более укореняющееся насилие, к которому прибегали противоборствующие политические группировки. Римское государство слабело, а отдельные

¹³ *Le Glay M. Grandeza y caída del Imperio romano. Madrid, 2002. P. 243–361; Ziolkowski A. Op. cit. P. 400–423; Белкин М. В., Вержбицкий К. В. История Древнего Рима. СПб., 2008. С. 113–118, 133–138.*

¹⁴ *Rémondon R. La crise de l'Empire romain de Marc Aurèle à Anastase. Paris, 1980.*

фамилии и личности усиливались. Римская *civitas* как вид полиса теряла свои основные функции. А в общий клубок противоречий вплетались противоречия между римлянами и италиками и между римлянами и италиками, с одной стороны, и провинциалами — с другой. Собственно говоря, это был кризис полиса в его специфически римском варианте. Мощное восстание рабов на Сицилии и выступление Тиберия Гракха в самом Риме в 133 г. до н. э. вывели наружу подспудные тенденции, и этими событиями можно датировать начало кризиса Римской республики.

Итогом кризиса в значительной степени стала Союзническая война (90–88 гг. до н. э.). Внешне она завершилась победой Рима. Но на деле старые римские порядки, старые представления и вообще старые формы жизни Рима потерпели жесточайшее поражение. Рим по существу принял основное требование италиков — предоставление им римского гражданства. С распространением гражданства практически на всю Италию Римско-Италийская федерация, возглавляемая Римом, практически перестала существовать. Ее место стало занимать единое Италийское государство, а Рим из полиса, стоящего во главе сложной системы подчиненных италийских общин, превратился в столицу этого государства. Сами же италийские общины становились муниципиями, граждане которых обладали теми же правами, что и римляне. С этого времени, по словам Цицерона, италики приобрели две родины: природную, где они родились, и все Римское государство, гражданами которого они отныне являлись.

Конечно, это не означает, что в 89–88 гг. до н. э. произошло молниеносное превращение Римско-Италийской федерации в единое государство. Лишь начался процесс, продолжавшийся больше половины столетия. И все же главное было сделано. Была разрушена полисная исключительность Рима, отгороженность его граждан от остального мира и даже противопоставление ему. Теперь представление гражданских прав негражданам, осуществляемое в индивидуальном порядке в качестве награды за заслуги перед римским народом, превратилось в массовое действие, основанное на определенном законе. Барьер, отделяющий гражданский коллектив от остального мира, был отодвинут столь далеко, что его уже можно было почти не принимать во внимание. Место Рима во главе Средиземноморской державы заняла (может быть, правильнее — начала занимать) Италия.

После Союзнической войны сначала в принципе, а затем и на практике создается новый гражданский коллектив, состоявший как из римлян, так и из граждан италийских муниципиев. Все вместе они стали обладать всей совокупностью гражданских прав, в том числе

и политических. Таким образом, государство меняет свою суть: будучи орудием власти римских граждан, оно превращается в орудие власти граждан итало-римских. Но форма этого государства осталась прежней. Прежней осталась и правящая элита Римской республики. Таким образом, в римской политической жизни сначала наметилось, а вскоре и довольно ясно выявилось новое противоречие: между сутью государства, теряющего свой полисный характер, и его формой, сохранявшей полисное, республиканское устройство. Союзнической войной завершился кризис Римской республики. Начался новый период — период крушения Римской республики.

88 г. стал «годом великого перелома». В этом году римская армия выступила против самого Рима. Началась эра гражданских войн. Именно армия стала материальным орудием разрушения республиканского строя. И это вполне естественно. Армия, как действующая, так и в лице ее ветеранов, являлась в то время единственной реальной силой, сплоченной и организованной. Поэтому вполне естественно, что претендентами на наследство республики выступают в первую очередь военные командиры. Именно они, упорно сражаясь друг с другом, время от времени захватывают верховную власть и устанавливают свою диктатуру. В последней гражданской войне победу одержал Г. Юлий Цезарь Октавиан, позже принявший имя Августа. В 31 г. до н. э. он разгромил своего последнего соперника Антония, который в следующем году покончил жизнь самоубийством, оставив Октавиана единственным повелителем государства. Менее чем через три года, в январе 27 г. до н. э., полномочия нового главы начали официально оформляться. В эти годы на смену Римской республике приходит Римская империя¹⁵.

Итак, в бурном периоде, охватывающем последнее столетие существования Римской республики, надо выделить два качественно различных этапа — собственно кризис республики (приблизительно 133–88 гг. до н. э.) и ее падение, время почти непрерывных гражданских войн, приведших к замене республики империей (88–30/27 гг. до н. э.).

Обратимся теперь к третьему кризису, кризису Поздней империи. Обходя его рассмотрение, ибо оно является предметом специального исследования, отметим следующее. Кризисные явления в жизни позднеримского общества и государства стали появляться по крайней мере с 70-х гг. IV в. Их ярким проявлением стала катастрофа римской армии

¹⁵ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005. С. 21–156; Циркин Ю. Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб., 2005.

под Адрианополем в 378 г. Однако кризис как таковой начался, пожалуй, с 395 г., когда после смерти императора Феодосия Римская империя фактически распалась на два государства. С этого времени европейско-средиземноморский мир более уже никогда не знал политического единства. Началась эпоха «после Рима»¹⁶. С течением времени кризис углублялся. Его внешними проявлениями были увеличивающиеся расхождения между западом и востоком римского мира, с одной стороны, и все более усиливавшийся натиск варваров и начало образования варварских королевств — с другой. Восточная империя сумела выйти из этого кризиса. В развитии же Западной Римской империи в 454–455 гг. произошел перелом. Свержение Валентиниана III и захват Рима вандалами ознаменовали начало нового периода, периода крушения этой империи¹⁷. Фактическими распорядителями западного трона становятся варвары. Территория государства съезжывается как шагреновая кожа. Восточные императоры пытаются вмешаться в этот процесс, но они оказываются бессильными перед лицом варварских военных командиров. И все завершилось в 476 г., когда после свержения Ромула Августула восточный император Зенон был вынужден признать правителем Италии варвара Одоакра.

Таким образом, и в этом третьем большом кризисе выделяются две подобные эпохи: собственно кризис и пришедшее ему на смену крушение старого государства. А тот факт, что Восточная империя сумела выйти из этого кризиса, показывает, что само по себе крушение прежнего государства все-таки не было фатальным, что при сравнительно удачно сложившейся ситуации и умелых действиях правительства в такой ситуации гибели государства можно было избежать. Это, однако, не отменяет того факта, что и в данном случае вслед за собственно кризисом пришло (правда, не на всей территории) крушение существующего государства.

Если первый и третий большие кризисы в римской истории имели ту общую черту, что в них выделяются две эпохи — кризис и крушение, — то едва ли иначе обстояло дело и со вторым кризисом. По-видимому, это можно считать типологической чертой больших римских кризисов¹⁸. Такая констатация позволяет решить хронологическую проблему второго кризиса. В нем выделяются две эпохи — собственно кризис, начавшийся убийством Коммода и новой

¹⁶ Фриман Э. Методы изучения истории / пер. П. Николаева. М., 1983. С. 202–204.

¹⁷ Siroheker K. F. Germanentum und Spätantike. Zürich; Stuttgart, 1965. S. 88–100.

¹⁸ И в ходе этих больших кризисов, и в промежутке между ними имели место меньшие кризисы (как, например, гражданская война 68–69 гг.), но их рассмотрение не входит в нашу задачу.

гражданской войной, и крушение Ранней империи. Поскольку, как и в период гибели республики, главным орудием разрушения стала армия, этот период гибели можно вслед за М. И. Ростовцевым назвать «военной анархией»¹⁹. Рубежом между двумя эпохами стало убийство Александра Севера и приход к власти Максимиана. Максимин стал первым императором, выдвинутым самой армией. Он не использовал армию как средство захвата трона, как это, например, сделал Септимий Север, а сам стал ставленником армии на троне. Это было качественно новое явление, до того времени не имевшее места в римской истории. Таким образом, принимая эту точку зрения, временем кризиса можно считать 193–235 гг., а «военную анархию» датировать, как это уже давно принято, 235–284 гг.

Ранняя Римская империя являлась хорошо сбалансированной системой, в которой различные элементы гармонично соответствовали друг другу. Во второй половине II в. в этой системе все яснее стали ощущаться признаки наступающего кризиса. Войн становилось все больше, а победы давались все труднее. Но это было не единственным признаком. Пустела казна, что вызывалось теперь не безумным мотовством императора, как это было в I в., а усиливающимися экономическими затруднениями. Стала портиться монета; в золотой становилось все больше серебра, в серебряной — меди. А это вело к инфляции и безудержному росту цен. Уже не все города могли самостоятельно справляться с растущими трудностями, и император стал все чаще назначать специальных кураторов из числа сенаторов. Они помогали городам, но зато вмешивались в городские дела. Поддержка узурпатора Авидия Кассия некоторыми городами свидетельствовала о недовольстве, по крайней мере, восточных городов императорской властью. Следовательно, кризис начал угрожать городам, т. е. основным ячейкам античного общества. При Коммодэ эти кризисные явления усилились и стали дополняться кризисом «верхов».

Марк Аврелий поддерживал превосходные отношения с сенатом. Иначе сложились отношения с этим органом у его сына Коммоды. Правда, императора, как правило, поддерживали выходцы из провинций, но в целом хорошие отношения, обычные при Антонинах, были нарушены. Некоторые сенаторы принимали участие в заговорах против императора, следствием чего явились репрессии, от которых сенат уже давно отвык. Ко времени Коммоды и его преемников сенат в значительной степени был представлен муниципальной знатью Италии и провинций. И конфликт между императором и сенатом

¹⁹ Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 145–208.

оказывался конфликтом между государством и правящим слоем этого же государства. А это означает, что начинает меняться сама суть Римского государства.

Опорой императорской власти были все более увеличивающийся в размерах бюрократический аппарат и армия. Значение армии еще больше увеличилось с усилением опасности на границах. По мере увеличения нестабильности внутри государства росла роль армии и во внутренних делах Римской империи. Но сама армия в это время изменилась. В ней увеличивалась доля провинциалов, причем набирались в легионы в основном обитатели менее романизированных регионов, таких, как северная часть Балканского полуострова и дунайский регион, что вело к варваризации войска. Со времен Августа армия была профессиональной, а профессиональные воины мало связаны с обществом, у них формируются собственные традиции, ценности, представления. Пути гражданского общества и армии все более расходились.

Бюрократический государственный аппарат и армия имеют некоторые общие черты. Во-первых, дисциплина, без которой ни армия, ни чиновничество не могут выполнять свои обязанности. Во-вторых, пирамидальное построение: на каждом следующем этаже пирамиды находится все меньше людей, так что на вершине остается один человек — глава государства, главнокомандующий. Римский император был и тем, и другим. Использование своих полномочий в таком качестве при все большем удалении от общественных институтов вело не просто к личной власти (она была установлена еще Августом), а к безраздельности этой власти. В результате принципат себя все более изживал. Монархические элементы принципата становились столь сильными, что сенат, главный оплот республиканизма, все более оказывался лишь символом государства без реальных полномочий. Сенат всеми силами пытался сохранить прежнее положение, но силы были неравны²⁰.

В результате одного из заговоров в ночь с 31 декабря 192 г. на 1 января 193 г. Коммод был убит. Его убийство пустило в ход механизм кризиса.

После убийства Коммода императором был провозглашен Пертинакс. Сенат тотчас одобрил это решение. Пертинакс был сыном вольноотпущенника и сделал блестящую карьеру благодаря своим

²⁰ Ziolkowski A. Op. cit. P. 312–399; Le Glay M. Op. cit. P. 195–246. Мы ограничиваемся указанием на эти две обобщающие работы, хотя, разумеется, исследований по истории и структуре Ранней империи намного больше, и многие из них учтены нами.

способностям. Став императором, он в первую очередь решил заняться финансовой системой, основательно расстроенной при Коммодe. Другой задачей было восстановление дисциплины воинов, особенно преторианцев, также весьма расшатавшейся. И то, и другое преторианцам не понравилось, и Пертинакс вскоре был ими убит. Преторианцы возвели на трон Дидий Юлиана, который пообещал им большой денежный подарок, чем его соперник, префект Города Сульпиций. Сенат, разумеется, тотчас принял соответствующее постановление, хотя большинство жителей Рима таким выбором было недовольно. В ответ на эти события свои претензии на трон предъявили наместники Паннонии Люций Септимий Север, Британии — Децим Клодий Альбин и Сирии — Гай Песцений Нигер. Ближе всех к Риму находился Север, и он воспользовался этим. Север договорился с Альбином, пообещав сделать его соправителем с титулом цезаря, привлек на свою сторону дунайские и рейнские легионы и затем выступил в Италию. Когда Дидий Юлиан осознал опасность, было уже поздно. Армия Севера перешла Альпы. Сенат по поручению императора объявил Севера «врагом отечества», но реально ничего сделать с ним не мог. Многие итальянские города приветствовали Севера как мстителя за Пертинакса. На сторону Севера перешел флот. Не получив никакой поддержки, в том числе и от испуганных преторианцев, Дидий Юлиан был убит, и 9 июня 193 г. Север вступил в столицу. Сенат, естественно, признал его и дал ему все полагающиеся полномочия и титулы. Септимий Север был африканцем. Уже до этого начиная с Траяна на римском троне сидели выходцы из провинций, но они были потомками итальянских колонистов. Север же происходил из местного берберского населения Африки. Он был настоящим провинциалом, и в его лице императором впервые становится бывший «варвар». Императорская власть окончательно отделяется от итальянского происхождения не только в лице собственно италиков, но и потомков выходцев из Италии. Отныне стало ясно, что трона может достигнуть любой римский гражданин независимо от его точного этнического происхождения.

После захвата Рима Север выступил против Нигера. Решающее сражение произошло осенью 194 г. у Исса, где когда-то Александр Македонский разгромил Дария. И на этот раз победа осталась за Западом. Бежавший Нигер был убит, и вступившему в Антиохию Северу была поднесена голова его соперника. Через некоторое время были подавлены последние очаги сопротивления новому императору на Востоке. А затем Север обратился к Западу. Альбин сам дал повод для вмешательства Севера. В свое время он был признан цезарем,

т. е. помощником, частично соправителем и наследником. Теперь войска провозгласили его августом, т. е. полноправным императором. Альбин с армией переправился в Галлию, разбил стоявшие на стороне Севера рейнские легионы и был признан не только в Британии, но и в значительной части Галлии и Испании. В ответ Север объявил цезарем своего сына Бассиана, а Альбина — «врагом отечества». В начале 197 г. Север с армией перешел Альпы, армия Альбина была разгромлена около Лугдуна, а сам он убит. Оставив часть войска для расправы с еще сопротивлявшимися сторонниками Альбина, Север победителем вернулся в Рим.

Эта гражданская война имела большое значение. Нигера поддерживали преимущественно крупные города Востока, и последующий удар пришелся именно на них. На стороне Альбина оказались наиболее романизованные районы западных провинций, которые и стали объектом жестоких репрессий. Их результатом были не только казни, но и конфискации имущества, перешедших в руки императора, его семьи и его сторонников. Вал казней и конфискаций прокатился и по Риму, где было много сторонников Альбина. Было казнено 64 сенатора, т. е. больше 10% всего состава сената. Репрессиям подверглись и многие другие реальные или потенциальные противники Септимия Севера. В результате произошло грандиозное перераспределение собственности за счет мелких и средних муниципальных собственников (и частично сенаторов) в пользу крупной собственности императора и его сторонников.

Уничтожив в сенате своих действительных или мнимых противников, Север не стал продолжать продуманную антисенатскую политику. Введя в сенат, как это часто делали и до него, многих своих сторонников, Север рассчитывал на сотрудничество с этим органом. Главными целями Септимия Севера являлись укрепление собственного положения как главы государства и обеспечение внешней и внутренней стабильности империи. Он пришел к власти в ходе гражданской войны и, хотя был юридически признан сенатом, понимал, что для полной легализации своей власти этого было недостаточно. В самом начале своего выступления Север выдвинул лозунг мести за Пертинакса и затем включил имя Пертинакса в набор своих имен. А, вернувшись в Рим после победы над Нигером, провернул юридическую фикцию — посмертное усыновление его Марком Аврелием. После этого он официально стал считаться братом Коммода, внуком Антонина, правнуком Адриана, праправнуком Траяна, прапраправнуком Нервы. Своего старшего сына Бассиана он переименовал в Марка Аврелия Антонина. Таким образом, Север и его семья

официально вошли в императорскую семью, правившую Римом уже почти сто лет, так что он в ходе и результате гражданской войны, как некогда Август, лишь «восстанавливал» государство, разгромив его врагов. Со стороны нового императора это было еще большим лицемерием, чем со стороны Августа: тот хотя бы реально (хоть и в завещании) был усыновлен Цезарем. Из всех Антонинов только Коммод не был обожествлен. Объявив себя «братом Коммода», Север заставил сенат обожествить этого ненавидимого им принцепса. Еще раньше он настоял на обожествлении Пертинакса, так что теперь все его фиктивные родственники были *divi*.

Этим Север не ограничился. Обожествление было распространено и на него самого, и на всю его семью, причем объектом обожествления являлись еще живые люди. В I в. обожествить себя при жизни пытались Калигула, Нерон, Домициан, но эти попытки рассматривались как яркие и несомненные признаки деспотизма и тирании, чуждых римскому сознанию, и, естественно, эти акты отменялись после устранения названных принцевов (кстати, все они были убиты). Теперь же обожествляется не только сам живой император, но и вся семья. Возникает понятие *domus divina* — божественного дома, в котором объединяются правящий, т. е. еще живой, император, его умершие предки и все живые ближайшие родственники. В официальную титулатуру вводится слово *dominus* — господин, и жители империи обращаются к императору *dominus noster* — «наш господин».

Слово *dominus* всегда означало господина, что представляло противоположность рабу. Это в свое время подчеркнул Тиберий, говоря, что он для солдат — император, для рабов — господин (*dominus*), а для сената и народа — принцепс. И еще Август решительно отвергал всякие попытки назвать его «господином». В этом отношении Овидий противопоставлял Августа первому римскому царю Ромулу, говоря, что Ромул носит имя господина, а Август — принцепса. А позже Тацит, выражая традиционную точку зрения, ясно противопоставлял *dominatio* (господство) *libertas* (свободе). *Libertas* была одной из основных ценностей римского общества. Правда, и в это время можно было обратиться к какому-либо человеку «*domine*», но такое обращение являлось всего лишь вежливой формой, если имя человека, к которому обращались, было неизвестно. Не только богами, но и господами приказывали себя именовать Калигула и Домициан, а последний даже распространил такое наименование и на свою жену. Но и это воспринималось как проявление тирании, а Нерва и Траян подчеркивали возвращение к принципату от «господства». И все же уже тогда время от времени к принцепсу стали обращаться «госпо-

дин», но, как утверждал Плиний Младший, не как рабы к господину, а как дети к отцу (отец семейства — *pater familias* — тоже издревле был господином своих домохозяев). Позже такое обращение становилось все более употребляемым. Особенно оно распространилось в восточной, греко-язычной части империи, где традиции монархизма были очень сильны. Включение в число приближенных Септимия Севера представителей Востока, о чем пойдет речь немного ниже, способствовало распространению восточных монархических традиций и в верхах римского общества, особенно в самой императорской семье. Теперь использование слова *dominus* при обращении к императору в отличие от времен Калигулы и Домициана не вызывает отторжения в римской среде.

Таким образом, ставя себя над обществом и наделяя не только себя, но и своих близких божественным ореолом, Септимий Север стремился укрепить свою власть, идеологически ее обосновать и в известной степени обезопасить от покушения других претендентов.

Будучи прагматичным политиком, Север отдавал себе отчет, что одной идеологической базы для власти мало, что нужны еще и реальные шаги по ее укреплению. Здесь Север во многом шел по пути, уже проложенному его предшественниками. Сохраняя сенат как официального партнера по власти, он все же не доверял ему, а его аппарат считал неэффективным. Были ликвидированы должности эдильов и народных трибунов, избираемых сенатом, а консулов и преторов император стал назначать сам, только сообщая сенату об этом. Старая государственная казна — эрарий, которой управлял сенат, была превращена в городскую казну самого Рима; так сенат оказался окончательно отрезанным от всякого влияния на финансовую политику государства. Даже управление сенатскими провинциями осуществляли лица, назначаемые императором по жребию. Все это привело к тому, что сенат, несмотря на свое внешнее почетное положение, все более превращался в городской совет Рима. Место сената фактически занял совет принцепса. Север продолжил линию на использование в качестве советников юристов, которых он назначал и на должность префекта претория. Среди них был крупнейший юрист того времени Эмилий Папиниан. И префекты претория, и другие члены совета принцепса были преимущественно юристами, и надобность в советниках из числа сенаторов отпадает, так что эти последние вовсе исчезают.

Основная тяжесть непосредственного управления государством падает на императорский бюрократический аппарат. Создается большое количество разнообразных управлений (*scrinia*), в том числе департаментов императорской канцелярии, руководимых прокура-

торами из числа всадников, и резко увеличивается число работающих в них чиновников (*scribarii*). Север и его наследники создали 50 новых прокураторских постов, причем если при Коммоде только один прокуратор получал в год 300 тысяч сестерциев, то теперь таковых стало трое. Созданная Севером провинция Месопотамия, очень важная в стратегическом отношении, управляется, как и Египет, префектом из числа всадников. Создав три новых легиона, он поставил во главе их не легатов из числа сенаторов, как это было с незапамятных времен, а всаднических префектов. При Севере роль бюрократии резко увеличилась.

Как это обычно бывает при господстве бюрократической системы, значение личных связей становится непомерно большим. Огромную роль в управлении государством играет сама императорская семья. Септимий Север провозгласил августами своих сыновей — сначала старшего, Бассиана (Антонина), а затем младшего, Гету. Так это официально во главе государства встали три равноправных императора. Конечно, сыновья полностью подчинялись отцу и даже не пытались играть самостоятельную роль, но само их провозглашение подчеркивало роль семьи как высшего органа власти, стоявшего и над сенатом, и над всеми другими органами управления. Важное место в семье и соответственно в управлении занимала жена Севера Юлия Домна. Она имела титул не только августы, как это было у прежних императриц, но и «матери августов», «матери отечества» (как сам Север — «отца отечества»), «благочестивой», «счастливой» и даже «матери сената» и «матери лагерей». Все эти титулы приравнивали ее к высшим носителям власти, и это подчеркивало, что во главе империи стоит вся семья Северов — сам Септимий Север, его два сына и жена.

«Второй круг» властвующих образовывали личные друзья императора и люди, которым он особенно доверял. И это были прежде всего земляки его и его жены. Сам Септимий Север происходил из Африки, а Юлия Домна — из Сирии. И именно оттуда вышло большинство ближайших соратников Септимия Севера. Из 76 высших постов в государстве 35 занимали африканцы, а 15 — выходцы с Востока, в основном сирийцы, т. е. $\frac{2}{3}$ всех людей, занимавших высшие должности в империи, были земляками императора и императрицы. Африканцев и сирийцев Север охотно включал и в сенат. При нем впервые в сенате доля выходцев из провинций превысила долю уроженцев Италии, и среди новых сенаторов большинство было африканцами.

Другой силой, на которую Септимий Север опирался, которая обеспечивала защиту империи от внешних врагов и которую он мог бы в случае необходимости противопоставить своим врагам внутри,

была армия²¹. Он пришел к власти, опираясь на легионы, и всегда помнил об этом. Недаром, умирая, он завещал сыновьям заботиться о солдатах и не обращать внимания на остальных. И сам он действительно проявлял такую заботу.

Север увеличил армию на три легиона, увеличена была и численность вспомогательных частей, так что общее количество воинов составило более 400 тысяч человек. Сама по себе эта цифра не очень-то большая, составляя не более 5% всего взрослого мужского населения Империи. Но это явилось еще одним шагом к милитаризации государства. А с другой стороны, эти 400 тысяч солдат представляли собой огромную организованную силу, чей общественный вес оказывался гораздо большим, чем процент в населении. Один легион был расквартирован в Италии недалеко от Рима. И это была его постоянная квартира, а не временное местопребывание, связанное с гражданской войной. Такой поступок Севера рвал с традицией империи. Официально этот легион рассматривался как подкрепление преторианцев и, как и те, находился под командованием префекта претория. Император принял полномочия проконсула не только по отношению к провинциям, как это было со времен Августа, но и по отношению к Италии, что давало ему возможность командовать войсками и в этой стране. Этим был сделан первый шаг к уравниванию Италии и провинций. Преторианская гвардия была реорганизована и увеличена, впредь она должна была образовываться из наиболее отличившихся воинов провинциальных легионов, и такой принцип ее пополнения уничтожил привилегии италиков и давал возможность воинам легионов провести часть службы не на далеких границах, а в благодатных условиях столицы. Естественно, что первыми новыми преторианцами стали солдаты самого Севера, отличившиеся в гражданской войне. Увеличил Север и солдатское жалование, не увеличивавшееся со времени Домициана, несмотря на то, что стоимость жизни за это время значительно выросла.

Север стал активно привлекать профессиональных военных к службе в гражданских учреждениях. Важным шагом Севера была легализация солдатского брака. До этого времени связь солдата с женщиной считалась простым сожителем, не дававшим сторонам никаких прав, а дети — незаконными. Теперь эта связь была легализована, солдатские жены получали все необходимые права, а сыновья становились наследниками отцов и римскими гражданами, особенно если

²¹ Некоторые стороны военной реформы Септимия Севера, как и других его мероприятий, будут подробнее рассмотрены ниже.

они вступали в военную службу. Семейным солдатам император разрешил жить не в казармах, а в особых поселках — канабах — и арендовать участки на лагерной земле. Это привело к возникновению солдатских средних хозяйств размером до 400 югеров, т. е. 100 га. Армия стала более оседлой и менее зависимой от центра, усилились ее экономические связи с окружающим населением. В общенациональном плане создание солдатских поселений на принципах, близких к античным, должно было помочь выйти из кризиса путем распространения античных структур на легионные земли, ранее изъятые из социально-экономических связей. В том же направлении должны были идти такие мероприятия Севера, как продажа на льготных условиях земельных участков из государственного фонда.

Из верхушки всадничества, из армейских верхов и личных друзей и земляков Север фактически формирует новую знать, оттесняющую старую, сенатскую.

Септимий Север положил начало созданию *res privata*. Под этим термином подразумевалось личное имущество императора, отделенное от государственного. Оно формировалось из имуществ, конфискованных Севером после победы над своими соперниками. Создавалась специальная служба для управления этим имуществом. Тем самым имущество принцепса как государя отделялось от имущества того же принцепса как частного собственника. Принципат, таким образом, получал собственную экономическую базу, не зависящую от личности самого императора.

Септимий Север умер 4 февраля 211 г. Он оставил своими наследниками сыновей Бассиана и Гету, которые уже считались августами. Умирая, он завещал им жить дружно и править совместно, но они ненавидели друг друга, и в следующем году Бассиан убил Гету, а матери даже запретил носить траур по погибшему сыну. Во всей империи было казнено до 20 тысяч человек, которых Бассиан считал сторонниками брата. Бассиан был прозван Каракаллой по названию плаща с капюшоном, который он любил носить. Человек не без способностей, он был в то же время жестоким, мстительным и капризным. Его правление ознаменовалось изданием знаменитого эдикта 212 г., предоставившего римское гражданство почти всем свободным жителям империи (*constitutio Antoniana de civitate*). Вне действия этого эдикта остались только так называемые дедитиции. Ученые до сих пор спорят, кто же они такие, но в любом случае ясно, что они составляли незначительное меньшинство населения империи. Трудно сказать, каковы были конкретные мотивы, побудившие Каракаллу издать этот эдикт. Как бы то ни было, его изданием завершается дол-

гий процесс уравнивания в правах практически всего населения государства. Отныне понятие «римлянин» стало означать почти любого свободного жителя империи, а понятие «римский народ» практически (или почти) полностью совпало с подданными римского императора. Можно говорить об официальном завершении романизации провинций. На деле до него было еще довольно далеко, но в данном случае формальность тоже была очень важна. Глубинной целью издания эдикта, явно не осознаваемой самим императором, был выход из кризиса путем расширения сферы античного уклада на территории внутри Империи, ранее находившиеся вне этой сферы. Но этой цели эдикт, конечно, не достиг, ибо в социальном отношении многие окраинные народы, такие, как испанские васконы или африканские берберы, были очень далеки от античного общества. И все же значение этого эдикта трудно переоценить. Сколь широко бы ни распространилось римское гражданство, римские граждане теоретически и, что не менее важно, эмоционально считались элитой государства и противопоставлялись и peregrini, и латинским гражданам. Теперь же римский народ окончательно перестал быть элитой Римского государства и стал его населением. Внутри него исчезли различные юридические категории, относившиеся к наличию или отсутствию гражданства либо его объему. Почти все свободные люди в пределах Римской империи стали римлянами.

Правление Каракаллы было отмечено не только изданием этого эдикта, но также жестокими преследованиями подлинных и мнимых врагов и бессмысленными военными походами. Во время похода против Парфии в 217 г. он был убит в результате заговора, организованного префектом претория М. Опеллием Макрином. Макрин происходил из африканской провинции Мавретании, был прокуратором Плавтиана, но пережил его падение и даже сделал после этого неплохую карьеру, став в 212 г. префектом претория. После убийства Каракаллы Макрин был провозглашен императором.

Макрин стал первым императором, не принадлежавшим к сенаторскому сословию. Тем не менее сенат покорно признал его. Но положение Макрина было трудным. Сенат его ненавидел. Скудость средств заставила Макрина сократить различные раздачи, что вызвало недовольство населения и, что было еще важнее, солдат, а его попытки укрепить дисциплину в армии еще более озлобили легионеров. Этим воспользовалась родственница Септимия Севера (сестра его жены), сирийка Юлия Меса, которая развернула пропаганду в сирийских войсках, поднявших в 218 г. мятеж в пользу ее внука Элагабала. Макрин был разбит, и Элагабал был признан императором.

Новому императору было всего 14 лет, и бразды правления сосредоточились в руках бабки и нескольких его любимцев. Элагабал был наследственным жрецом восточного солнечного бога Эл-Гебала и в Риме чувствовал себя больше им, чем принцем. Исполняемые им восточные обряды вызвали недовольство римлян, приписывавших императору разные грехи, в том числе утонченный разврат. Популярность правительства быстро падала, и, чтобы спасти династию, Юлия Меса возбудила преторианцев, которые в 218 г. убили Элагабала и сделали императором ее другого внука, Александра Севера.

Александр был образованным юношей, обладал мягким и добрым характером, но был безволен и охотно подчинялся другим. Сначала это была бабушка Юлия Меса, а затем его мать Мамея. Правительство пыталось провести ряд реформ, снова поднять престиж сената, оздоровить финансы, восстановить частную торговлю, упорядочить законодательство. Однако все попытки были безуспешны. Неудачной была и внешняя политика правительства Александра. И в 217 г. он был убит в результате военного мятежа.

Правление династии Северов явилось важным этапом в истории Римской империи. С одной стороны, оно продолжало тот путь, которым шли предшествующие императоры. Сравнительно немного было совершено новых мероприятий Северов по сравнению с тем, что делалось раньше. Такими абсолютными нововведениями можно считать, пожалуй, только военную реформу Септимия Севера и эдикт Каракаллы. Но шаги Септимия Севера и его сына были столь решительны и многообразны, что в своей совокупности создавали новое качество политического устройства Империи. И это новое качество отразилось уже в признании всадника Макрина императором. Элагабал стремился сделать то же самое в идеологической области, но неудачно. Александр Север попытался вернуться к старинному качеству принципата, основанного на партнерстве. Однако в реальности дело свелось лишь к некоторой «косметике», не изменив общий характер власти. И поэтому, с другой стороны, Северы в своей деятельности открывали новый этап политической истории Рима, являлись предшественниками последующих акций, приведших к фактическому появлению нового типа государства в виде Поздней империи. Уже при их правлении Империя все больше приобретает характер автократического, бюрократического и милитаристского государства²². Но говорить, что уже тогда Империя стала

²² Литература, посвященная гражданской войне 193–197 гг. и правлению династии Северов, очень разнообразна. Отметим лишь обобщающую работу: *Birley A. R. Septimius Severus. The African Emperor*. London; New York, 2002. О некоторых шагах Септимия Севера и его преемников подробнее будет сказано ниже.

таковой, еще, пожалуй, рано. Для этого понадобились горькие уроки «военной анархии» и те изменения, которые она с собой принесла.

Процесс, проходивший в 235–285 гг., был разнообразен. Темой данной работы является политический аспект этого процесса. Этот выбор в значительной степени определен современной историографической ситуацией. В последнее время проблема власти и конкретно империй снова стала весьма актуальной, занимая чуть ли не центральное место в различных исторических и вообще гуманитарных исследованиях. И эти исследования очень часто обращаются к опыту именно Римской империи²³. В этом контексте изучение «военной анархии» показывает, как конкретно происходил слом одной политической системы и вызревание другой, в большой степени ей противоположной, хотя обе системы существовали в рамках одного государства.

Прежде чем говорить непосредственно о событиях «военной анархии», необходимо кратко остановиться на основных источниках наших знаний об этом периоде. Как отмечает А. Демандт, это время столь же богато событиями, сколько бедно источниками²⁴. От этого времени сохранилось довольно большое количество надписей и папирусов; еще больше дошло монет. Все они дают сведения о различных аспектах этого времени, включая знание об определенных политических событиях. Археологические раскопки дополняют эти сведения. Наконец, чрезвычайно важными являются законы императоров этого времени, собранные более поздними кодексами, особенно Кодексом Юстиниана²⁵. Однако ни археология, ни эпиграфика, ни нумизматика при всей их значимости не могут дать связное изложение политической истории «военной анархии». Да и выводы, вытекающие только из этих материалов, по своей природе односторонни и ограничены. Что касается юридических памятников, то надо учесть, что в кодексы более позднего времени включены только те документы, которые были по тем или иным причинам действенны для времени составления кодексов, так что многие законодательные акты III в. вполне могли исчезнуть²⁶. Для политической истории 235–285 гг.

²³ Уколова В. И. Империя как «смысл» исторического пространства // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 20; Миллер А. И. Наследие империй и массовое сознание // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 26–28. Как отмечает А. И. Миллер, Римскую империю сейчас уже не рассматривают как некий образец, с которым сравниваются последующие империи. Однако в любом случае все отталкиваются от примера именно Римской империи.

²⁴ Demandt A. Op. cit. S. 34.

²⁵ Christ K. Op. cit. S. 237–240; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 25–28.

²⁶ Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine. London; New York, 2004. P. 8.

решающее значение имеют нарративные источники, которых у нас, к сожалению, не так уж много.

Первые годы «военной анархии» были предметом описания Геродиана, который сам был современником этих событий. Геродиан — автор «Истории после Марка в восьми книгах». Его произведение описывает события, начавшиеся со смертью Марка Аврелия в 180 г. и завершившиеся убийством Пупиена и Бальбина и провозглашением Гордиана III в 238 г. В конце VI книги автор рассказывает об убийстве Александра Севера (с чего и началась «военная анархия»), а последующим событиям посвящены VII и VIII книги. Геродиана упрекают в риторичности, в неглубоком понимании эпохи, в обилии ненужных и опускании важных деталей. В целом его сочинение оценивают не очень высоко. Однако важно, что это — произведение современника. Несмотря на все свои недостатки, Геродиан — добросовестный историк, и он стремится честно рассказать о событиях, которые описывает²⁷.

Более поздним автором, но тоже современником событий, был Киприан. Знатный карфагенянин, Тасций Цецилий Киприан в 245 г. стал христианином и очень скоро занял пост карфагенского епископа. Прекрасно образованный, обладающий хорошим четким слогом и в то же время убежденный христианин, он в своих различных трактатах и обширной корреспонденции дает ясную картину событий середины III в. Правда, занят он преимущественно Африкой, но в ряде случаев выходит за пределы своей провинции. Кроме того, в корреспонденции Киприана сохранились и письма, адресованные ему, и они рассказывают уже о событиях за пределами Африки, в том числе в самом Риме. Конечно, его сочинения в высшей степени пристрастны, но это делает их хорошим противовесом официальной пропаганде, какую, например, можно видеть в многочисленных надписях и монетах²⁸. Современником Киприана был александрийский епископ Дионисий, чьи послания сохранились в «Церковной истории» Евсевия. Они расширяют картину взаимоотношений христиан и Империи, рассказывая о восточной ее части, особенно Египте и Александрии.

Среди историков — современников событий 235–285 гг. — надо назвать также П. Геренния Дексиппа. Он принадлежал к знатной, но не senatorской, афинской семье, был высокообразованным чело-

²⁷ О Геродиане, в частности, см.: *Alföldy G. Die Krise des Römischen Reiches*. Stuttgart, 1989. S. 240–294; *Доватур А. И. Историк Геродиан // Геродиан. История императорской власти после Марка*. СПб., 1995. С. 7–57; *Bals M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit.* P. 17–18.

²⁸ *Alföldy G. Der heilige Cyprian und die Krise des Römischen Reiches // Historia*. 1973. Bd. 22. S. 479–501; *Федосик В. А. Киприан и античное христианство*. Минск, 1991.

веком, сам активно участвовал в политической и культурной жизни родного города и в частности являлся организатором его защиты от нападения варваров в 267 г. Войны с германцами начиная с 238 г. он описал в своем сочинении «Скифика» в четырех книгах. Дексипп был также автором «Хроники» в двенадцати книгах, в которой дал обзор истории от мифических времен до 269/70 гг., располагая события по годам афинских архонтов и римских консулов²⁹. «Хронику» Дексиппа продолжил Евнапий, написавший уже в начале V в. «Всемирную историю», в которой описывал события 270–404 гг.³⁰ Греческие авторы, естественно, большее внимание уделяли событиям, происшедшим в восточной части Империи. К сожалению, от всех этих произведений дошли лишь отрывки. Однако их активно использовали историки более позднего времени.

С некоторой натяжкой к современникам можно отнести часто авторов так называемых Латинских панегириков. Они были произнесены различными риторам и обращены уже к императорам тетрархии Максимиану и Констанцию, а затем к Константину. Однако порой эти авторы вспоминают о более ранних событиях, свидетелями которых они тоже были или могли быть, и это дает возможность использовать их сведения (учитывая, разумеется, полностью официальную окраску описаний) для дополнения знаний о времени «военной анархии», но только лишь для Галлии³¹.

Остальные литературные источники — произведения авторов более позднего времени. Период «военной анархии», несомненно, был описан Аммианом Марцеллином, создавшим свои «Денния» как прямое продолжение «Истории» Тацита. К сожалению, сохранившийся текст его произведения начинается только с XIV книги, описывающей события 353 г. Лишь некоторые случайные сведения о событиях предшествующего столетия можно встретить в труде этого историка. Огромное, состоящее из 31 книги произведение Аммиана Марцеллина составляло исключение в исторической литературе IV в.³² В моде были тогда более краткие компендии, дающие

²⁹ Millar F. P. Herennius Dexippus: the Greek World and the Third-Century Invasion // JRS. 1969. Vol. 59. P. 16–26; Hanslik R. Dexippos // Kleine Pauly. 1978. Bd. 1. Sp. 1502.

³⁰ Dörrie H. Eupapios // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 427–428; Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // Римские историки IV в. М., 1997. С. 315–316.

³¹ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 18–19.

³² Историки римской литературы отмечают не только величину труда Аммиана, но и то, что он был единственным историком этого времени, вернувшимся к хронологическому изложению римской истории: например, Соболевский С. И. Историческая литература III–V вв. // История римской литературы. М., 1962. С. 430.

самые, как казалось авторам, необходимые сведения об истории³³. Евтропий так и назвал свое сочинение — «*Breviarium historiae Romanae*» (Сокращенное изложение римской истории). Написанное, как сообщает сам автор, по указанию императора Валента, это произведение в очень краткой, но достаточно емкой и ясной форме излагает всю историю Рима от его основания Ромулом до смерти императора Юлиана в 364 г. Большая часть IX книги (20 параграфов из 28) относится к событиям 235–285 гг. Несмотря на чрезвычайную краткость, рассказ Евтропия дает связное изложение событий этого грозного времени. Хотя его труд носил вполне официальный характер, он старается быть более или менее объективным историком³⁴. В произведении Евтропия порой встречаются сведения, не упоминаемые другими авторами. И все же в целом оно предстает как конспект истории Рима.

Более подробно о событиях 235–285 гг. рассказывает С. Аврелий Виктор, который был современником (может быть, старшим) Евтропия. Его перу принадлежит сочинение «Книга о цезарях» (*Liber de Caesaribus*), в котором он дает биографии императоров от Августа до Констанция II и Юлиана³⁵, и в их числе законных принцевсов времени «военной анархии» (25–38 гг.). В отличие от Евтропия Аврелий Виктор не просто называет события, но и дает связный рассказ, а главное — он имеет свою точку зрения на эти события³⁶. Во многом примыкая к традиции биографов более раннего времени, особенно Светония³⁷, он продолжает и идеологическую традицию авторов эпохи Ранней империи. Это сказывается на его оценке деятельности тех или иных императоров. Ко времени Аврелия Виктора проблема взаимоотношений императора и сената давно ушла в прошлое, но историк откровенно примыкает к просенатской традиции римской историографии. Однако в ликвидации политической роли сената он винит не только деспотизм конкретного императора, но и самих сенаторов, которые предпочли лень и комфортное существование своим государственным обязанностям. Перу Аврелия Виктора приписывается также «Эпитома» — «Извлечение» (*libellus... breuiatus*)

³³ Дуров В. С. История римской литературы. СПб., 2000. С. 524.

³⁴ О Евтропии, в частности, см.: Соболевский С. И. Указ. соч. С. 429–430; Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Указ. соч. С. 305–310.

³⁵ Самостоятельное правление Юлиана в книгу не входит. Книга, вероятно, была написана до того, как Юлиан стал августом: Соболевский С. И. Указ. соч. С. 427–428.

³⁶ Соболевский С. И. Указ. соч. С. 428; Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Указ. соч. С. 313–314.

³⁷ Southern P. Op. cit. P. 10.

о жизни и смерти императоров, в котором даны еще более краткие биографии императоров от Августа до Феодосия. Однако признано, что это произведение Аврелию Виктору не принадлежит³⁸.

Теперь необходимо обратиться к самому спорному литературному источнику — так называемым Писателям истории августов (*Scriptores historiae Augustae*). Это сборник биографий императоров от Адриана до Кара и его сыновей, авторами которого были шесть писателей. В некоторых биографиях содержатся обращения к императорам Диоклетиану и Константину, так что создание этого сборника или по крайней мере написание отдельных жизнеописаний должно было бы относиться к первой трети IV в. Однако во второй половине XIX в. изучение сборника привело к выводу, что перед нами грандиозная фальшивка, что в действительности все биографии написаны одним автором во второй половине IV в. Сходство некоторых сообщений автора биографий с данными Аврелия Виктора, Евтропия и автора «Эпитомы» объяснялось использованием всеми тремя не дошедшей до нас «Истории императоров» (*Kaisergeschichte*)³⁹. С этого времени весь сборник находится под самым глубоким подозрением. Сразу же надо отметить, что мнение, согласно которому античные авторы использовали преимущественно один источник, чуть ли не переписывая его, которое господствовало в XIX и в начале XX в., в настоящее время не поддерживается. Евтропий занимал пост *magister memoriae*, т. е. был фактически личным секретарем Валента. Аврелий Виктор, о котором известно больше, чем о Евтропии, занимал ряд еще более важных постов, в том числе консула и префекта Рима. Это означает, что оба писателя были довольно образованны и имели доступ и к государственным архивам, и к значительной литературе. Поэтому постулировать существование некоей *Kaisergeschichte* нет никаких оснований⁴⁰. В настоящее время взгляд на «Писателей истории августов» более нюансированный. Не отказываясь от мысли о более позднем происхождении всего сборника (некоторые ученые относят написание биографий даже к VI в.) и даже от идеи об одном авторе, исследователи находят все же возможность извлечь из рассказов биографа ценные данные, особенно тогда, когда он использует

³⁸ Соболевский С. И. Указ. соч. С. 428; *Albrecht M., von. Geschichte der römischen Literatur*. Bern; München, 1992. Bd. II. S. 1089.

³⁹ Немецкое название *Kaisergeschichte* (сокращенно KG) с этого времени используется учеными независимо от их национальности и языковой принадлежности.

⁴⁰ Однако и во второй половине XX в. мысль о существовании этого гипотетического сочинения не была оставлена: *Demandt A. Op. cit.* S. 15; *Albrecht M., von. Op. cit.* S. 1089.

таких авторов III в., как Геродиан или Дексипп, которые прямо упоминаются в некоторых жизнеописаниях⁴¹.

Между тем существует и мнение, согласно которому подвергать сомнению данные и о шести различных авторах, и о написании биографий действительно во времена Диоклетиана и Константина нет никаких реальных оснований. Согласно этому взгляду, не позже 330 г. неизвестный редактор объединил биографии (может быть, произведя какой-то предварительный отбор) в сборник, большая часть которого до нас дошла⁴². Действительно, есть случаи, когда об одном и том же событии говорят авторы разных биографий, и эти описания отличаются друг от друга. В некоторых биографиях приводятся несомненно исторические детали, как, например, одно из имен Бальбина, которые у других историков не упоминаются. Порой то, что ранее считалось анахронизмом (например, пост дукса или именование императора *dominus*) и соответственно доказательством позднего происхождения биографий, теперь признается относящимся и к III в. В текст жизнеописания обильно включены различные письма, речи, документы, которые рассматриваются как несомненные фальшивки. Во многих случаях это действительно так, но надо иметь в виду, что подобные приемы применялись и другими античными авторами, чье существование сомнений не вызывает. К сожалению, просопография Рима нам известна далеко не полностью, и тот факт, что имена шести авторов этого сборника не упоминаются в других источниках, не дает основания сомневаться в их существовании. Одним словом, мы присоединяемся к тем исследователям, которые признают подлинность сборника и его авторов, и считаем вполне возможным широко пользоваться содержащимися в нем данными. Разумеется, как и всякий нарративный источник, этот сборник требует критического анализа при рассмотрении того или иного конкретного события⁴³. Во вся-

⁴¹ *Johne K.-P. Kaiserbiographie und Senatsaristokratie*. Berlin, 1976. S. 11–46; *Hanslik R. Historia Augusta* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 2. Sp. 1191–1193; *Southern P.* Op. cit. P. 9–10; *Drinkwater J.* Op. cit. P. 9–10.

⁴² *Соболевский С. И.* Указ. соч. С. 420–426. В. С. Дуров не касается времени возникновения сборника, но постоянно говорит о его авторах во множественном числе (указ. соч. С. 509–511), что ясно свидетельствует о принадлежности ученого к тем исследователям, которые отвергают мнение о сборнике как о фальшивке. Предполагается, что сборник начинался с биографии Нервы, продолжая тем самым труд Светония.

⁴³ Проблема «Писателей истории августов» довольно сложна. Она требует нового и обязательно комплексного историко-филологического исследования (*Hanslik R. Historia Augusta*. Sp. 1192), которое, однако, должно, на наш взгляд, отказаться от заранее установленной аксиомы. Однако, следуя традиции, мы в дальнейшем будем ставить имена этих биографов в кавычки.

ком случае сейчас признано, что биографы (или биограф) в целом пользовались довольно доброкачественными источниками⁴⁴.

В целом авторы сборника придерживаются просенатской традиции, со времени Тацита почти укоренившейся в римской историографии⁴⁵. Идеальными фигурами для них являются те императоры, которые поддерживали хорошие отношения с сенатом или даже, по мнению авторов, правили в полном с ним согласии (например, Александр Север). А такие принцепсы, как Максимин или Галлиен, которые порвали добрые отношения с этим органом, вызывают нескрываемую антипатию. Узурпаторы, непризнанные сенатом в качестве законных императоров, именуются тиранами, несмотря порой на явную к ним симпатию. К сожалению, в этом сборнике имеется большая лакуна, в которую вошел период от смерти Гордиана III в 244 г. до катастрофы Валериана в 260 г.

Павел Орозий, христианский историк начала V в., написал всемирную историю, тенденция которой видна уже из ее заглавия — «История против язычников». Написанная вскоре после того как в 410 г. Рим был захвачен вестготами, эта история должна была опровергнуть распространившийся в языческой среде взгляд, что причиной этой катастрофы явилась измена отеческим богам. Вся история, начиная с сотворения мира и грехопадения и кончая уходом вестготов из Испании в 418 г., рассматривается с христианской точки зрения, и в частности все катастрофические события толкуются как наказание за преследование христиан. История Римской империи излагается по правлениям императоров, и императорам времени «военной анархии» посвящено несколько параграфов последней VII книги. Орозий описывает правление императоров довольно кратко, но сообщает порой сведения, не встречающиеся у других писателей⁴⁶.

Чрезвычайно важным источником знаний о политической истории «военной анархии» является произведение Зосима. Свою «Новую историю» он написал около 500 г. или немногим позже. И хотя в это время христианство уже давно было не только чрезвычайно распространено, но и официальной государственной религией, Зосим оставался язычником. Это сказалось на его оценках деятельности христианских императоров, но для описания событий III в. его религиозная принадлежность не играла никакой роли. В целом произведение Зосима оценивается не очень высоко, но при отсутствии или

⁴⁴ *Albrecht M., von.* Op. cit. S. 1102–1104.

⁴⁵ *Johne K.-P.* Op. cit. Passim.

⁴⁶ *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2004. С. 5–80.

немногочисленности параллельных источников его труд имеет очень большое значение. Полагают, что источники Зосима не очень-то разнообразны и для изложения событий времени «военной анархии» он использовал в основном Дексиппа (для событий до 270 г.) и Евнапия (для более позднего времени)⁴⁷. Однако, поскольку Зосим не пренебрегает и тем, что происходило на Западе, можно думать, что он пользовался более разнообразным материалом.

Среди врагов Рима в III в. значительную роль играли готы. Истории готов и их войнам с Римской империей посвятил свой труд автор первой половины VI в. Иордан. Он использовал данные своего старшего современника Кассиодора и других еще более ранних историков. Его труд является важным источником не только о войнах готов и римлян, но и вообще о положении на Балканах и частично в Малой Азии⁴⁸.

Некоторые сведения, иногда весьма существенно дополняющие наши знания о «военной анархии», дают еще более поздние византийские авторы, такие, например, как Георгий Синкелл, Иоанн Малала и особенно Иоанн Зонара, написавший «Сокращенную историю». Это его произведение представляло собой краткое изложение всемирной истории от сотворения мира до смерти императора Алексея I Комнина. Хотя Зонара жил уже в XII в., он использовал многочисленные и весьма достоверные источники гораздо более раннего времени. Поэтому он прекрасно дополняет сведения позднеримских и ранневизантийских авторов. В XII книге Зонара повествует о событиях, происшедших в период от смерти Адриана до времени Константина, а также ее значительная часть посвящена периоду «военной анархии». Он использовал различные источники, в том числе ныне потерянные, например труд историка VI в. Петра Патриция⁴⁹. Сочинение Зонары дает хорошую картину «военной анархии», приводя порой детали, отсутствующие у других авторов, достоверность которых, однако, сомнений, как правило, не вызывает.

Все указанные (и неуказанные) источники при всей их краткости и недостаточности дают возможность (хотя и далеко не полную) проследить политическую историю «военной анархии» и сделать из этой истории некоторые выводы, которые будут сформулированы в Заключение.

⁴⁷ Lippold A. Zosimos // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1562–1564; Paschoud F. Introduction // Zosime. Histoire nouvelle. Paris, 2000. T. I. P. VII–LXXX.

⁴⁸ Скржинская Е. Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960. С. 11–61.

⁴⁹ Ziegler K. Zonaras // RE. 1972. Hbd. 19A. Sp. 718–732; Classen C. J. Zonaras // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1551–1552.

Глава I

НАЧАЛО «ВОЕННОЙ АНАРХИИ»

Завершая рассказ о правлении Александра Севера, Аврелий Виктор (24, 7–11) подводит итог и этому правлению, и всей истории государства. Он пишет, что Александр оставил государство укрепленным, а само государство все время возрастало в своей силе. Но после смерти Александра, «поскольку правители больше стремятся властвовать над своими, нежели покорять чужих, и вооружаются друг против друга, они как бы низвергли в пропасть римские устои (*Romanum statum*), и к власти оказались допущенными попеременно хорошие и плохие, знатные и незнатные, и много варваров. В самом деле, все вокруг пришло в замешательство, когда не стал соблюдаться установленный порядок; все уже считают дозволенным (*fas*), как во время смуты, отнимать у других должности, которые сами исполнять не умеют, и от невежества в науках подрывают все основы. Таким образом, сила случая, получив свободу действия, повлекла людей по пути пагубных пороков; долго она встречала сопротивление со стороны добродетелей, как неприступной стены, но после того как почти все покорились дурным страстям, она поручила общественное благо людям низкого происхождения (*infimis genere*) без нравственных устоев»¹. И далее (25, 1) историк говорит, что первым из солдат получил власть почти необразованный Гай Юлий Вер Максимин. Для Аврелия Виктора, писавшего свое сочинение приблизительно через 120 лет, это событие представляется рубежом двух эпох римской истории. И с этим его мнением согласны многие современные историки. Действительно, убийство Александра Севера положило начало разрушению старого порядка, дало

¹ Перевод А. И. Донченко и В. С. Соколова.

старт «военной анархии»². Впервые римские солдаты претендовали на решение вопроса о троне³.

Об убийстве Александра и провозглашении Максимиана с той или иной долей подробностей рассказывают разные авторы. Подробнее всего об этом говорит Геродиан (VI, 8–9), который к тому же и по времени ближе всех стоял к этим событиям. По его словам, Александр Север, вынужденный из-за нападений германцев на Галлию остановить войну с персами и собрать войска на Рейне, однако предпочел новой военной кампании переговоры с варварами и пообещал им доставить все необходимое и большое количество денег. Это вызвало недовольство среди солдат, которые жаждали военных действий, наград и добычи. Они подняли мятеж и провозгласили императором Максимиана, возглавлявшего недавно набранное пополнение и обучавшего молодых воинов воинскому делу. Максимиан то ли действительно, то ли притворно сначала сопротивлялся, но в конце концов согласился, после чего послал воинов убить Александра и его мать. Воины, бывшие рядом с императором, сначала согласились его поддержать, но затем перешли на сторону мятежников. В результате и Александр, и его мать Мамея, и многие их приближенные были убиты. По словам биографа Александра, император был убит то ли в Британии, то ли в Галлии в поселке (*vicus*) Сицилии воинами, недовольными его подчинением матери, женщине скупой и жадной (SHA Alex. 59, 6–8; 61, 1–7). Сообщение о его убийстве воинами в небольшом вике в Британии под названием Сицилия очень кратко передает и Аврелий Виктор (24, 4). Несколько подробнее об этом событии сообщает автор «Эпитомы» (24, 3–4), не уточняющий место убийства. Практически такую же картину с некоторыми вариациями повторяют Иоанн Антиохийский (FHG IV. Fr. 141) и Зонара (XII, 15).

Совершенно иначе об этом событии рассказывает Зосим (I, 13, 1–2). По его словам, мятеж подняли войска Паннонии и Мезии, недовольные Александром. Они провозгласили императором Максимиана, командовавшего паннонской кавалерийской частью, а тот, собрав войска, двинулся на Италию. Александр же в это время находился на Рейне. Узнав о мятеже, он пообещал воинам и самому Максимиану прощение, но, узнав о продолжении ими неповиновения

² Millar F. The Roman Empire and its Neighbours. London, 1967. P. 49; Lorient X. Les premières années de la grand crise du IIIe siècle // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 659; Ziolkowski A. Storia di Roma. Milano, 2000. P. 400.

³ Сергеев И. П. Римская империя в III веке. Харьков, 1999. С. 161.

и потеряв надежду, покончил с собой, после чего были убиты также его мать и префект претория.

Современные историки в основном принимают версию Геродиана⁴. Появление слухов, что убийство императора произошло в Британии, могло быть вызвано тем, что это событие произошло в *vis Britannico* (современный Бретценхайм около Майнца)⁵. В самой Британии в это время, насколько известно, не происходило никаких чрезвычайных событий, которые потребовали бы личного присутствия императора, в отличие от германской границы, через которую все время прорывались варвары. Что касается рассказа Зосима, то его источник точно установить довольно трудно. Обычно предполагают, что им служила «Хроника» Дексиппа, которую Зосим использовал для описания событий до 270 г.⁶ Дексипп сам активно участвовал в событиях третьей четверти III в. и, занимая высокое положение в Афинах⁷, мог владеть относительно большим объемом информации. Но или Дексипп, или уже Зосим неверно понял сообщение об участии в выступлении против Александра паннонских солдат. Геродиан (VI, 8, 3) отмечает, что большая часть новобранцев, которыми командовал Максимин, были паннонцами. Возможно, известие о выступлении этих паннонцев и было интерпретировано греческим историком как восстание панноннской армии. А дальнейший рассказ о движении мятежного войска на Италию явился уже следствием этой первоначальной ошибки.

Само выступление солдат и выдвижение на первый план Максимиана явилось следствием развития римской армии и особенно мер Септимия Севера. Во время своего правления, начиная уже со 193 г., этот император провел ряд мероприятий, составивших в целом то, что называют военной реформой Септимия Севера⁸. Геродиан (III, 8, 4–5), рассказывая о действиях Севера после победы над Альбином, упоминает не только щедрые раздачи народу и воинам, но также увеличение солдатского жалования, предоставление воинам права

⁴ *Bengtson H. Römische Geschichte. München, 1985. S. 331; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 617–618; Campbell B. The Severan dynasty // САН. 2005. Vol. XII. P. 26.*

⁵ *Enßlin W. The Senate and the Army // САН. 1939. V. XII. P. 71; Bengtson H. Op. cit. S. 231.*

⁶ *Paschoud F. Introduction // Zosime. Histoire nouvelle. Paris, 2000. T. I. P. 40–46.*

⁷ *Hanslik R. Dexippos // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 1502.*

⁸ *Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus // Historia. 1972. Bd. 21, 3. P. 485–496; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. L'empire romain au IIIe siècle. Paris, 1997. P. 145–147; Сергеев И. П. Римская империя в 3 в. Харьков, 1999. С. 54–57.*

на законный брак и позволение им носить золотые кольца. Как известно, золотое кольцо было знаком принадлежности к всадническому сословию. Разумеется, едва ли речь могла идти о включении в это сословие всех воинов. Обычно считается, что привилегию носить золотое кольцо получили преимущественно примипилы, центурионы высшего ранга, достичь которого, однако, могли и отличившиеся рядовые солдаты, а также особые воины — принципалы⁹. Однако означает ли это, что и примипилы автоматически становились всадниками? Иногда считают, что было именно так¹⁰. Однако это утверждение необходимо нюансировать. Само по себе право носить золотое кольцо еще не означало всаднического ранга, а во время службы являлось лишь знаком отличия¹¹. Но после ухода с военной службы и вступления в службу гражданскую такой бывший центурион мог получить всадническую должность и уже в этом качестве продолжить свою карьеру¹². И это в принципе открывало путь во второе сословие империи любому способному центуриону независимо от его происхождения¹³. А в период правления Северов среди центурионов резко увеличивается число провинциалов, причем среди этих провинциалов теперь преобладают уроженцы менее романизованных провинций¹⁴. Среди всаднических должностей важное место занимала прокуратура. Прокураторами могли стать бывшие центурионы и трибуны преторианских когорт¹⁵. И до Септимия Севера солдатам и офицерам легионов этот путь был фактически закрыт. Но Север реорганизовал преторианскую гвардию. После захвата Рима он разогнал старые части и создал новые, составленные из наиболее отличившихся воинов провинциальных легионов (Cas. Dio LXXIV, 2, 4–6; Herod. II, 13; SHA Sev. 6, 11–7, 1; Zon. XII, 8). Естественно, что среди новых преторианцев большинство составляли дунайские воины, обеспечившие ему победу¹⁶. А это открыло путь к прокураторским постам воинам провинциальных легионов, особенно выходцам из Дунайской армии,

⁹ Millar S. N. The Army and the Imperial House // CAH. Vol. XII. 1939. P. 16.

¹⁰ Bengtson H. Römische Geschichte. München, 1985. S. 323.

¹¹ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 147.

¹² Millar S. N. Op. cit. P. 16, 29; Smith R. E. Op. cit. P. 494–496; Garnsey P., Saller R. Storia sociale dell'Impero romano. Bologna, 2003. P. 151.

¹³ Poma G. Le istituzioni politiche del mondo romano. Bologna, 2002. P. 177.

¹⁴ Ezov A. The Centurions in the Rhine Legions in the Second and Early Third Century // Historia. 2007. Bd. 56, 1. P. 61–67.

¹⁵ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 128–130; Poma G. Op. cit. P. 145; Campbell B. The Severan dynasty // CAH. Vol. XII. 2005. P. 10.

¹⁶ Это подтверждается недавно найденной надписью, содержащей посвящение по случаю отставки преторианцев в какое-то время после 212 г.: из 15 вышедших в отставку

по крайней мере тем воинам, которые могли в своих легионах дослужиться до должности примипила.

Поскольку должность центуриона в принципе была доступна способному, умелому и храброму солдату, то, начав свою военную карьеру рядовым солдатом, такой воин мог подняться до самых верхов римского общества. Конечно, путь этот был далеко не легкий. Надписи показывают, что в целом он занимал до двадцати лет¹⁷. Но гражданская война явно облегчила и укоротила его. В перспективе это вело к довольно радикальным изменениям в составе и самих высших сословий (ибо путь из всадников в сенаторы был относительно легким), и самых высших уровней и военного, и гражданского управления¹⁸. Разумеется, мгновенного решительного изменения ни в том, ни в другом отношении не произошло. По-прежнему высшие военные и гражданские посты оставались в руках прежних сенаторских и всаднических фамилий. И хотя их состав и расширился и в среде знати появились новые люди, поднятые туда Севером, это не привело к немедленным радикальным изменениям¹⁹.

Вообще-то включение в состав военной и политической элиты таких людей, иногда даже совершенно незнатного происхождения, не было новостью в Империи. Самым ярким примером здесь является карьера Пертинакса. Как известно, П. Гельвий Пертинакс был сыном вольноотпущенника, который с помощью отцовского патрона Лоллиана Авита, а затем зятя Марка Аврелия Помпеяна стал всадником, командовал когортами и кавалерийской алой, был прокуратором, а потом в качестве претория, т. е. бывшего претора, вошел в сенат. Будучи сенатором, он командовал легионами, был императорским легатом в Мезии, Сирии, Британии, консулом-суффектом в 174 или 175 г., проконсулом Дакии, занимал ряд других важных постов. В 192 г. Пертинакс являлся снова консулом (причем не суффектом, а ординарным, что ценилось выше) вместе с самим Коммодом и занимал пост префекта Города. И, наконец, после убийства Коммода сам стал императором, проправив немногим меньше трех месяцев²⁰. Столь блестящая карьера показывает, что

воинов 12 происходили из дунайских земель (*Coolly A. E., Mitchell S., Saeway B. Roman Inscriptions 2001–2005 // JRS. 2007. Vol. 97. P. 222*).

¹⁷ *Forni G. Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell'impero // ANRW. 1974. Bd. II, 1. P. 357.*

¹⁸ *Рябов А. Ю. Цели военных реформ Септимия Севера и их влияние на эволюцию имперской политической системы // Жебелевские чтения III. СПб., 2001. С. 189.*

¹⁹ *Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 12; Campbell B. Op. cit. P. 10–11.*

²⁰ *Fluss. Helvius // RE. SpBd. III. 1918. Sp. 895–904; Hanslik R. Pertinax // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 664; Birley A. R. Septimius Severus. L.; NY, 2002. P. 63–67.*

принадлежность не просто к плебсу, но даже к его слою, наиболее презираемому в общественном мнении — бывшим рабам и их потомкам, — не мешала в подходящих обстоятельствах и при наличии собственных способностей и хорошего покровителя подняться до самых высот римской политической иерархии. И все же она была исключением. В результате реформы Септимия Севера блестящая карьера выходца из «низов» могла перестать быть исключением, по крайней мере в перспективе. Однако существовало одно важное условие: этот путь шел преимущественно через армию.

При Септимии Севере роль армии резко возросла. Сам Север пришел к власти в ходе гражданской войны при поддержке армии, которой он командовал, и ей он оказывал большое внимание. Септимий Север не проводил целенаправленной антисенатской политики. Сам он происходил из Африки и до конца дней говорил по латыни с акцентом (SHA Sev. 19, 9), но это не значит, что он чувствовал себя именно африканцем. Север был хорошо знаком с римской и греческой литературой, философией и риторикой (SHA Sev. 1, 4; 18, 5)²¹, а, проведя значительную часть своей сознательной жизни в армии и частично на гражданской службе, полностью проникся римским духом. Как и все римляне, он продолжал видеть в сенате воплощение Римского государства и поэтому не собирался конфликтовать с ним сознательно. Он лишь уничтожал сторонников своих соперников, а это привело к казни по крайней мере 64 сенаторов²². Вместо них он, как делали и его предшественники, вводил своих сторонников, после чего твердо рассчитывал на сотрудничество с этим органом. Просопографические исследования показывают, что резких изменений в составе сената не произошло, хотя доля африканцев в нем все же увеличилась²³. Однако реально правление Септимия Севера стало еще одним шагом в уменьшении роли сената²⁴. Зато резко увеличилась роль бюрократии. Так, Север и его наследники создали 50 новых прокураторских постов²⁵, причем если при Коммоде только один прокуратор получал в год 300 тысяч сестерциев, то теперь таковых стало

²¹ Fluss. Severus // RE. 1923. Hbd. 4A. Sp. 2000–2001.

²² Alföldy G. Die Krise... S. 166–168, 176–177.

²³ Graham A. J. The limitations of prosopography in Roman imperial history (with special reference to the Severan period) // ANRW. 1974. Bd. II, 1. P. 147; Le Glay M. Grandezza y caída del Imperio Romano. Madrid, 2002. P. 255.

²⁴ Рябова А. Ю. Антисенатские тенденции в политике Септимия Севера // Мнемон. СПб., 2002. С. 201–206.

²⁵ Alföldy G. Storia sociale... P. 239. Le Glay M. Op. cit. P. 255–256. За время от Траяна до Септимия Севера число прокураторов увеличилось вдвое: Saller R. P. Promotion and Patronage in Equestrian Careers // JRS. 1980. Vol. 70. P. 57.

трос²⁶. Созданная Севером провинция Месопотамия, очень важная в стратегическом отношении, управлялась, как и Египет, префектом из числа всадников. И при подобных назначениях он в большой мере ориентировался на военных. Такими были, например, М. Аквиллий Феликс или Т. Корнасидий Сабин, которые чередовали военные и гражданские посты²⁷. Создавая три новых легиона, получивших почетное название Парфянских, Север ставил во главе их не сенаторских легатов, как это было принято издавна, а всаднических префектов, таких, как, например, Г. Юлий Пакациан, ставший командиром одного такого легиона, а позже и префектом Месопотамии²⁸. Один из этих новых Парфянских легионов был вопреки всем традициям расквартирован в самой Италии, причем в непосредственной близости от Рима. Это давало возможность солдатам по крайней мере часть службы провести в относительно комфортных условиях Италии и Рима²⁹. Но, главное, создавало императору мощную вооруженную опору в столице и вблизи нее³⁰.

Надо иметь в виду, что сама армия к тому времени существенно изменилась. В ней резко уменьшилась доля италиков и возросла доля провинциалов. И среди последних все больше рекрутов приходило из менее романизированных территорий. В большой мере это было связано с тем, что армия все больше рекрутировалась из уроженцев тех или близких регионов, где легионы были расквартированы³¹. Это целиком и полностью относилось и к Дунайской армии. А роль этой

²⁶ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 127.

²⁷ Pflaum H.-G. Les carrieres procuratoriennes equestres sous la Haut-Empire romain. Paris, 1960. Т. II. P. 598–602.

²⁸ Ibid. P. 605–610.

²⁹ Это можно рассматривать в ряду мер Септимия Севера как еще одно поощрение воинов.

³⁰ Септимий Север, приведенный к власти провинциальными легионами, много заботился об этих легионах. Но он явно не мог не видеть в них и опасности, ибо и другой командующий полевой армией вполне мог при благоприятной ситуации воспользоваться этой армией для захвата власти. Так что созданная в Италии и целиком зависимая от императора мощная вооруженная сила могла в случае необходимости противостоять такой опасности: Fluss. Severus. Sp. 1990.

³¹ Forni G. Op. cit. P. 381–387. См., например, состав VII Клавдисва легиона, стоявшего в Верхней Мезии, в котором служили в основном уроженцы Балканского полуострова: Inscriptions de la Mésie superieure. Beograd, 1986. P. 45. Просопографические исследования показывают, что войска, стоявшие в обеих Германиях и Реции, также во все большей степени набирались из уроженцев этих провинций и ближайших регионов, включая Северную Италию: Stoll O. Legionäre, Frauen, Militärfamilien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2006. Jahrg. 52, 1. S. 223–262, 327–330. Единственным исключением была, пожалуй, Британия: стоявшие там легионы набирались в основном на континенте (Forni G. Op. cit. P. 388).

армии все более увеличивалась³². Она выносила на себе тяжесть войн с маркоманами и другими племенами, стремившимися вторгнуться в Италию, чьи богатства еще увеличивались в глазах варваров. Она привела к власти Септимия Севера и являлась его главной опорой в войнах с соперниками. Из ее солдат Север, как уже говорилось, создавал новую преторианскую гвардию.

Среди воинов, начавших служить при Септимии Севере и сделавших затем блестящую карьеру, был и Г. Юлий Вер Максимин.

О происхождении Максимиана говорят многие авторы. Автор «Эпитомы» (25) называет его Юлием Максиминем Фракийцем (Iulius Maximinus Trax). Другие писатели это прозвище не упоминают, но тем не менее пишут о его фракийском происхождении. Геродиан, который из всех историков, чьи произведения сохранились, ближе всех стоял к описываемым событиям, сообщает (VI, 8, 1), что Максимин происходил из живущих в глубине фракийцев и $\mu\iota\varsigma\omicron\upsilon\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\omega\nu$. Практически то же самое повторяет Иоанн Антиохийский (FHG IV. Fr. 141). Много позже фракийцем его именует Зонара (XII, 15). Латинский биограф («Юлий Капитолин») говорит, что Максимин происходил из фракийской деревни, соседней с варварами, да и рожден он был от варваров (*barbaro etiam patre et matre genitus*). Ссылаясь на Симмаха, о происхождении Максимиана из Фракии (*in Tracia natus*) пишет Иордан (Get. 83). И только византийский хронист IX в. Синкелл называет Максимиана мисийцем ($\mu\iota\varsigma\omicron\varsigma\omicron\varsigma\ \tau\omicron\ \gamma\epsilon\nu\omicron\varsigma$). Обращает на себя внимание, что Геродиан (и, полностью следуя ему, Иоанн) называет будущего императора $\mu\iota\varsigma\omicron\upsilon\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\omicron\varsigma$ (а не $\eta\mu\iota\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\omicron\varsigma$). И хотя эти слова очень близки по значению, первое может подчеркивать, что Максимин не просто был «полуварваром» (*semibarbarus*, как его называет биограф, — SHA Max. 2, 5), но и происходил он из смешанной варварской семьи, ибо, по словам «Юлия Капитолина», его отец был готом, а мать аланкой³³. Приводятся даже имена родителей — Микка и Габаба или Абаба (SHA Max. 1, 6; Iord. Get. 83). Эти данные обычно считаются вымышленными и доказывающими фальшивость всего сообщения «Юлия Капитолина»³⁴. Между тем другие авторы, в том числе те, которые занимаются проблемой варваров и их отношений с империей, вполне допускают, что уже в конце II в. часть готов и аланов вполне могла расселиться на Балканском полуострове, а ро-

³² Syme R. *Emperors and Biography*. Oxford, 1971. P. 179–181.

³³ Belezza A. *Massimino il Tracce*. Genova, 1964. P. 15.

³⁴ Syme R. *Op. cit.* P. 182; Любжин А. И. Примечания // Властелины Рима. М., 1992. С. 357. При этом почему-то не обращается внимания на то, что эти имена повторяет и Иордан, ссылающийся в данном случае на Симмаха.

дители Максимины происходить из тех варваров, которые должны были по приказу римского правительства поселиться вдоль имперских границ на Дунае³⁵. С филологической точки зрения имена родителей Максимины вполне могли быть подлинными, отвечая всем правилам германской и скифо-иранской ономастики³⁶. «Юлий Капитолин» не просто называет Микку готом, а говорит, что он был «из Готии» (e Gothia). И хотя в римских источниках этот топоним появляется только в IV в., сами готы свою страну Gutþida располагали именно на Балканском полуострове³⁷. Все это позволяет отнестись с доверием к сообщению о готско-аланском происхождении Максимины. В целом же эта территория была населена фракийцами, так что будущий император рос явно во фракийском окружении. И в начале своей службы он, если верить «Юлию Капитолину», едва говорил по латыни, а скорее на фракийском языке (SHA Max. 2, 5). Как фракиец, он и вошел в историю.

Зосим (I, 13, 3) пишет, что Максимин был незнатного рода (γένος... ἀφάρους). Другие авторы начиная с Геродиана (VI, 8, 1) уточняют, что в детстве он был пастухом, а «Юлий Капитолин» прибавляет, что он стал главарем молодежи (iuvenum etiam procer) и устраивал засады против разбойников, защищая своих земляков от их нападений (SHA Max. 2, 1). Такое утверждение вызывает подозрение в наличии здесь литературного топоса³⁸. Действительно, сразу же вспоминается история Ромула и Рема, которые якобы в детстве работали в хлеву и при стадах, а затем возглавили отряд юношей, нападавший на разбойников (Liv. I, 4, 8–9). К этому можно прибавить сообщение Флора (I, 33, 15), что Вириат, которого римский автор называет «Ромулом Испании», тоже сначала был пастухом, потом разбойником, а затем предводителем лузитанов. И все же, учитывая, что во Фракии скотоводство было весьма распространено³⁹, категорически отрицать возможность первоначального занятия юного Максимины пастушеством едва ли следует.

³⁵ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 79–80; Щукин М. Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 92. Наличие, скорее всего, готов в римской армии подтверждает надпись умершего в Сирии воина Гуты, сына Эрманирия (Щукин М. Б. Там же).

³⁶ Altheim F. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main, 1957. Bd. II. S. 294; Belezza A. Op. cit. P. 22–28.

³⁷ Буданова В. П. Указ. соч. С. 80.

³⁸ Sute R. Op. cit. P. 185. Даже А. Белецца, обычно стремившаяся подтвердить историчность сообщений о Максимины, видит здесь проявление фантазии Капитолина (Belezza A. Op. cit. P. 40).

³⁹ Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949. С. 243.

Сколько бы споров ни возникало относительно точного места рождения Максимиана, его родителей или первоначального занятия, все согласны в том, что он был низкого провинциального и сельского происхождения⁴⁰. И вступление в армию было для него, как и для многих его сверстников и соотечественников, единственным средством вырваться из окружающей среды и сделать более или менее приемлемую карьеру.

О военной карьере Максимиана кратко сообщает Геродиан (VI, 8, 1–2). По его словам, он из-за своего высокого роста был зачислен в конницу, а затем прошел все воинские звания, командовал лагерями и управлял провинциями⁴¹ и, наконец, получил от Александра Севера специальное поручение подготовить молодое пополнение к готовящейся кампании против германцев. Более подробно обо всем этом рассказывает биограф Максимиана (SHA Max. 2, 2–7, 1), а также очень похоже повествует о его карьере Иордан (Get. 84–88). Оба автора говорят, что военную службу Максимин начал в коннице, а начало его карьеры было связано с успехами в состязаниях по случаю дня рождения сына Септимия Севера Геты. Последнее сообщение позволяет говорить, что речь идет не о простой коннице, а об *equites singulares*⁴², особой кавалерийской части, входившей в охрану императора и сопровождавшей его при всех его передвижениях⁴³, ибо только здесь он мог стать известным Септимию Северу. Впрочем, в саму службу, если верить Геродиану (VII, 1, 2), Максимин вступил еще на родине⁴⁴, а только затем уже начал свой путь к вершинам власти. Но лишь

⁴⁰ Lorient X. Op. cit. P. 668.

⁴¹ Так *cursus honorum* Максимиана приведен в русском переводе. Однако его понимание зависит от толкования конечной части фразы (см. ниже).

⁴² Belezza A. Op. cit. P. 47.

⁴³ Neumann A. *Equites militares-singulares* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 338; Dixon K. R., Southern P. *The Roman Cavalry*. Barnes and Noble Books, 2000. P. 30–31.

⁴⁴ Иордан (84) пишет, что Максимин пришел на военную службу прямо с пастбища (*de pascu*). Фракия издавна была территорией, поставлявшей Риму крепких и умелых солдат: Betz A. *Thrake* // RE. 1936. Hbd. 11A. Sp. 460. Не исключено, что из-за высокого роста и огромной физической силы Максимин сразу же был включен в число *equites singulares*, сопровождавших провинциального наместника, и лишь потом, когда Септимий Север увидел его и поразился его силе, он стал *eques singularis Augusti*. Численность этой отборной воинской части при Септимию Севере была удвояна: Сепреев И. П. Указ. соч. С. 48. И не исключено, что Максимин попал в нее в результате именно этого решения императора. Надо заметить, что воины этой конной гвардии набирались из уроженцев разных провинций, но чаще всего Германии, Паннонии и Фракии (Speidel M. P., Panciera S. *From the North and Black Sea Shores* // Chiron. 1989. Bd. 19. P. 126; Speidel M. P. *Die Dankmäler der Kaiserreiter. Equites singulares Augusti*. Köln; Bonn, 1994. S. 16–17), так что в зачислении в ее состав Максимиана нет ничего удивительного.

близость непосредственно к самому Северу, который всячески ему покровительствовал, дала Максиму возможность получать военные чины (SHA Max. 3, 6)⁴⁵. Успешная карьера продолжилась и при преемниках Септимия Севера, и лишь в правление Макрина Максимин, если верить его биографу, сам ушел со службы, вернувшись туда после восстановления на троне Северовской династии.

При разговоре о военной службе Максимиана неизбежно встает вопрос о его гражданстве. Его гентилиций Юлий ясно показывает, что он не был среди тех, кто стал римским гражданином в соответствии с эдиктом Каракаллы⁴⁶. Существует мнение, что если бы он получил римское гражданство при вступлении в военную службу, то его гентилиций должен был быть, вероятнее всего, Септимий⁴⁷. Отсюда делался вывод, что Максимин скорее всего уже был римским гражданином до вступления в армию, будучи, видимо, сыном солдата⁴⁸. Однако такой вывод совсем не обязателен. Более поздние исследования показывают, что довольно часто новый гражданин (не только римский, но и латинский) получал свой гентилиций по собственному выбору⁴⁹. И часто выбор падал на прославленные римские имена. Такие «хорошие» имена и носили обычно романизированные туземцы⁵⁰. И имя Юлий среди провинциалов было широко распространено⁵¹. Поэтому вполне возможно, что и Максимин, став римским воином и получая чисто римское имя, выбрал себе прославленный *nomē Iulius*. *Praepomen* Гай тоже могло быть навеяно воспоминаниями о Цезаре. Что касается *cognomen* а Максимин, то по этому поводу высказана весьма привлекательная гипотеза. Имя его отца Микка связывают с готским *mikils* — большой, и *Maximinus* тоже может быть связано с подобным понятием⁵². Покровительство Септимия Севера могло позволить ему приобрести гражданство.

Геродиан завершает свой рассказ о служебном пути Максимиана до назначения его командиром новобранцев словами *τῶν ἐθνῶν τε ἀρχὰς πύτευθῆναι*. И решение вопроса о том, управлял ли Максимин еще какими-то провинциями, зависит от толкования этого пассажа.

⁴⁵ Автор явно намекает на то, что Максимин благодаря покровительству Севера свои чины получал вне очереди, что и вызывало подозрения соратников (*a conmilitionibus suspici*).

⁴⁶ Lorient X. Op. cit. P. 668. Эти люди, как известно, стали Аврелиями.

⁴⁷ Syme R. Op. cit. P. 188.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Forni G. Op. cit. P. 347.

⁵⁰ Syme R. Tacitus. Oxford, 1953. Vol. I. P. 243.

⁵¹ Salway B. What's in Name? // JRS. 1994. Vol. 84. P. 134.

⁵² Belezza A. Op. cit. P. 22.

Что означает τῶν ἐθνῶν? Означает ли это «провинции», как это сделано, например, в русском переводе, или вспомогательные этнические части в римской армии?⁵³ Известно о Г. Юлии Максимине, который был президом Тингитанской Мавретании в правление Александра Севера. Но надо ли его идентифицировать с будущим императором, неясно⁵⁴. В рукописном тексте Аврелия Виктора (Caes. 25) имеются расхождения в написании: Максимин praesidens то ли Trebellicae, то ли ges bellicae. В первом случае, возможно, содержится намек на то, что он какое-то время стоял во главе территории, населенной трибалами, одним из наиболее крупных фракийских племен⁵⁵. Хотя и в данном случае речь могла идти о воинской части, состоявшей из трибаллов. В случае же принятия второго чтения можно говорить о воинском умении Максимины и, может быть, о его роли чуть ли не как военного советника императора. Таким образом, можно сказать, что сведения об административных постах Максимины столь неопределенны, что говорить твердо о том, что Максимин в том или ином качестве возглавлял какие-либо территории, невозможно. О чисто военной карьере будущего императора говорит его биограф. Можно ставить под сомнение те или иные детали этой карьеры, но трудно представить, что автор упустил бы такие важные данные об управлении своим персонажем целыми провинциями или их частями, если бы они до него дошли. В сообщениях древних авторов Максимин выступает как солдат *par excellence*. Более того, по словам того же Аврелия Виктора, он был первым из военных (*primus e militaribus*), кто голосованием легионов достиг трона.

Захват Максиминем власти был связан с военными и внешнеполитическими событиями первой половины 30-х гг. III в. В 227 г., разгромив последнего парфянского царя Артабана V, короновался Арташир из рода Сасанидов, создав тем самым на месте одряхлевшего Парфянского царства новую, мощную Персидскую державу Сасанидов. Римское правительство сначала не обратило внимания на эти изменения. Упоенные недавними успехами в войнах с парфянами римляне не поняли, что в Иране не просто произошла смена династий, а было создано новое государство с новыми амбициями, опирающимися на новые и более значительные силы. И уже в 230 г., после того как Арташир установил свою власть на всей территорией бывшей Парфии, персы вторглись в римские вла-

⁵³ Belezza A. Op. cit. P. 51; Lorient X. Op. cit. P. 669.

⁵⁴ Lorient X. Op. cit. P. 669.

⁵⁵ Данов Х. Траки. София, 1982. С. 31–32.

дения⁵⁶. После неудачной попытки дипломатическим путем остановить персидское вторжение Александр был вынужден сам во главе армии отправиться на Восток. Война шла с переменным успехом, и, хотя в конкретных сражениях чаша весов чаще склонялась на сторону персов, в целом Александру удалось выбить их из Месопотамии и Сирии, а волнения в Персии, где Арташир еще не сумел окончательно утвердиться, заставили персидского царя на время отказаться от стремления захватить азиатские владения империи (Herod. VI, 2, 1–7, 1)⁵⁷. После возвращения в Рим Александр отпраздновал пышный триумф (SHA Alex. 56–57) и принял победные титулы *Parthicus maximus* и *Persicus maximus*. Однако реально решительных побед одержано не было, а поведение самого императора во время войны было таким, что подорвало его авторитет в армии (ср. Herod. VI, 6, 3). Приблизительно в это же время германцы, используя занятость римской армии на Востоке, начали прорывать римские границы на Рейне и Дунае, угрожая даже самой Италии (Herod. VI, 7, 2–4). Еще во второй половине II в. в Германии завершился период стабильности и началась новая полоса передвижений. В ходе этих передвижений многие прежние племена и союзы племен распадались и формировались новые. Так, на Рейне появились аламаны («все люди») и франки («свободные»). И уже в 213 г. произошла первая война между римлянами и аламаннами⁵⁸. Завершение периода стабильности привело и к возобновлению германского натиска на Рейне и Дунае⁵⁹. Аламаны прорвались через Рейн и Верхний Дунай и начали разорять территорию Верхней Германии и Реции⁶⁰. Это потребовало переброски армии на Рейн. Готовясь к новой кампании, Александр собрал огромную армию, провел новый набор воинов и поручил подготовку новобранцев Максимину. Были проведены и определенные инженерные работы с целью обеспечить войскам переход через Рейн. То, что Максимин, став императором, вскоре начал поход против германцев, используя при этом мост, построенный по приказу Александра (Herod. VII, 1, 6), говорит о наличии уже

⁵⁶ Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961. С. 9–24; Он же. Сасанидская держава в III–V вв. // История Древнего мира. М., 1989. Т. III. С. 255–256; Frey R. The Heritage of Persia. Casta Mesa, 1993. P. 237–241.

⁵⁷ Birley A. R. Op. cit. P. 195.

⁵⁸ Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. Aubier, 1969. Т. I. P. 243, 335.

⁵⁹ Demandt A. Die Spätantike. München, 1989. S. 39–40.

⁶⁰ Schönberger H. The Roman Frontier in Germany: an Archaeological Survey // JRS. 1969. Vol. 59. P. 174–175.

существующего плана кампании. Император даже как будто начал какие-то военные действия⁶¹. Но совершенно неожиданно Александр отказался от них и повел переговоры с германцами, стремясь купить мир за большие деньги (Herod. VI, 7, 9). Биограф объясняет неожиданный поворот в поведении императора мятежностью легионов, которые были недовольны его строгостью и которые он якобы приказал распустить (SHA Alex. 59, 4–5). Однако никаких сведений о мятежности легионов и их роспуске нет, и все описание событий показывает, что мятеж возник уже после отказа Александра от похода.

Хотя после поражения в Тевтобургском лесу Август отказался от завоевательной политики и даже завещал потомкам заняться лишь охраной имперских границ (Tac. Ann. I, 11), идея установления *pacis Romanae* во всей вселенной не исчезла ни из сознания римлян, ни из официальной идеологии Империи. Время от времени наблюдается рецидив завоевательной политики. Клавдий не только окончательно аннексировал Мавретанию, но и начал завоевание Британии, так никогда и не завершившееся. Римские границы резко расширил Траян. Марк Аврелий после побед на Дунае попытался создать новые провинции Сарматии и Маркоманию на левом берегу реки (SHA Marc. 24, 5)⁶². И римское общественное мнение, особенно армейское, болезненно воспринимало отказ следующих императоров от прежних завоеваний или их части. Можно вспомнить, какую реакцию среди соратников Траяна вызвал отказ Адриана от Месопотамии и Армении. И отказ Коммода от продолжения войны с варварами стал первым шагом в его конфликте с сенатом, да и значительным числом римлян вообще. В римских правящих кругах явно существовали два направления внешней политики: одно, более реалистическое, стремилось в духе завещания Августа ограничиться сохранением существующего положения, а другое, опирающееся на уже ставшую традиционной имперскую идеологию, ставило целью подчинить Риму весь мир. Последнее наибольшую опору находило, естественно, в армии.

К III в. пути армии и гражданского общества существенно разошлись. Уже реформа Мария создала предпосылки для установления связей солдат в большей степени со своим командующим, чем с государством. Эта тенденция еще более усилилась во время гражданских войн конца республики. А Август уже открыто говорил о войне как о своем, а не о римском (R. g. 15, 26, 30)⁶³. Военная реформа

⁶¹ Demougeot E. Op. cit. P. 250–251.

⁶² Altheim F. Niedergang... S. 54–55; Alföldy G. Die Krise... S. 34.

⁶³ Махляков А. В. Солдаты Римской империи. СПб., 2006. С. 259–265.

Августа привела фактически к созданию профессиональной армии. Хотя старый республиканский принцип обязательной службы каждого гражданина не был официально отменен, на деле армия стала отдельной корпорацией, члены которой были связаны непосредственно с императором, который и платил им из особой казны или даже иногда из собственных средств⁶⁴. С течением времени персональная связь армии с императором только усиливалась, а связи с сенатом и народом потеряли для воинов всякое значение⁶⁵. Разумеется, это не имело отношения к командованию (выше центуриона), которое оставалось в руках сенаторов и всадников. Но рядовые воины и унтер-офицеры стояли полностью на такой позиции. К гражданским людям они относились с презрением. Это хорошо видно из речи Максимиана, как ее передает Геродиан (VII, 8, 3–8). Даже если сама речь в том виде, в каком ее воспроизводит историк, составлена им самим, сама психология профессионального солдата выражена в ней довольно ясно.

В ходе гражданской войны 193–197 гг. роль армии резко возросла. Септимий Север не был «военным императором», как его ранее изображали⁶⁶. Но и обстоятельства его прихода к власти, и стремление отблагодарить за это воинов, и боязнь, как бы кто-либо другой не воспользовался его опытом, заставляли его обращать на армию особое внимание.⁶⁷ Среди прочего он увеличил денежное содержание рядовых воинов, остававшееся неизменным со времени Домициана, на 50%, а Каракалла и его увеличил на столько же⁶⁸. И Каракалла стал любимцем солдат. «Юлий Капитолин» рассказывает, что после убийства Каракаллы Максимин из-за ненависти к его убийце оставил военную службу и вернулся на нее лишь после свержения и убийства Макрина (SHA Max. 4–6)⁶⁹. Александр же если не полностью порвал, то в значительной степени ослабил свои связи с армией. Пока в Империи царил мир, это не особенно сказывалось на престиже императора⁷⁰, но вынужденное участие Александра в военных действиях все

⁶⁴ Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. СПб., 2001. С. 10–26; Poma G. Op. cit. P. 177–179.

⁶⁵ Махлаюк А. В. Указ. соч. С. 183–184.

⁶⁶ Campbell B. The Severan dynasty. P. 10.

⁶⁷ Ibid. P. 15.

⁶⁸ Alston R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian // JRS. 1994. Vol. 84. P. 114–115.

⁶⁹ Это сообщение не выглядит особо подозрительным, и нет достаточных оснований опровергать его.

⁷⁰ Birley A. R. Op. cit. P. 194–195.

изменило. Уже упоминалось, что неудачи и трудности персидской кампании воины приписывали неумелости и изнеженности императора. Сама фигура Александра, всецело находившегося под влиянием матери, вызывала насмешки солдат. К женщинам в армии всегда относились с подозрением⁷¹, и даже разрешение солдатского брака не изменило радикально это отношение. А Мамея (мать, а не жена, как у воина!) не только сопровождала сына, но и влияла непосредственно на его дела, в том числе, что явно обижало солдат особенно, не давая сыну поощрять их деньгами и дарами. «Юлий Капитолин», восторгавшийся Александром Севером, тем не менее говорит, что солдаты считали его мальчишкой (*puerum*), а его мать скупой и жадной (*avarum et cupidam*) (SHA Alex. 59, 8). О презрительном отношении воинов к Александру выразительно говорит и Геродиан (VI, 7, 10). Такое падение авторитета императора облегчало любую авантюру. Но дело было не только в этом.

Готовясь к германской кампании, Александр Север, как уже говорилось, произвел новый набор. Если верить «Юлию Капитолину», он не распределил новобранцев по уже существующим частям и подразделениям, а составил из них новый, четвертый легион, во главе которого поставил Максимиана (SHA Max. 5, 5). Вопрос об этом легионе довольно спорный, но, видимо, можно говорить о создании специального резервного корпуса. Учитывая, что в свое время Септимий Север, как об этом уже говорилось, создал три новых легиона (Парфянских), этот корпус и стал четвертым легионом. Как мыслилась его дальнейшая судьба, неясно. В военных кампаниях самого Максимиана он не упоминается, что, конечно, не означает, что сами воины не приняли активного участия в военных действиях. Можно думать, что после подготовки воинов он подлежал раскассированию. Геродиан (VIII. 6, 1) говорит, что Максимиану вручили власть паннонцы и фракийские варвары. Так как инициаторами мятежа были новобранцы, находившиеся под командованием Максимиана, то совершенно естествен вывод, что именно из них и был составлен этот резервный легион⁷². Но именно уроженцы дунайских земель были особенно недовольны Александром. Совсем недавно воины, выходцы из этого региона, активно выражали свое недовольство тем, что император, собрав всю силу для войны с персами, фактически оголил границу со свободной Германией, в результате чего балканские провинции подверглись нападению и разорениям (Herod. VI, 7, 2–3).

⁷¹ Махлаюк А. В. Указ. соч. С. 283–284.

⁷² Campbell B. The Severan dynasty. P. 26.

Отказ от вторжения в Германию поставил эти провинции под угрозу нового нашествия. Падение авторитета императора, жадность и скупость его матери, опасения за благополучие и саму жизнь оставшихся на родине близких, жажда наград и добычи, особенно сильная у еще не воевавших новобранцев, — все это вместе нагревало атмосферу. И нужно было только найти человека, которого можно было бы противопоставить слабому и изнеженному императору. И таким стал Максимин. Закаленный воин, всегда, несмотря на занимаемое им высокое положение, разделявший все труды и опасности с подчиненными ему воинами, грубый и необразованный, но зато рослый, сильный и отважный, да к тому же еще и земляк. Лучшей противоположности Александру найти было нельзя.

Когда новобранцы подняли мятеж и провозгласили Максимиана императором, он, по словам Геродиана (VI, 6, 1), сначала отказывался от этой чести и лишь под угрозой убийства согласился стать императором. Действительно ли этот мятеж стал для Максимиана неожиданностью и он некоторое время не решался его возглавить, или он разыграл комедию, а в действительности сам был инициатором выступления, сказать невозможно. Как бы то ни было, провозглашение Максимиана состоялось, а через некоторое время к мятежу присоединились и солдаты основного лагеря, в котором находились сам Александр и Мамея. Император и его мать, а также некоторые приближенные были убиты. Вся армия признала императором Максимиана (Herod. VI, 8, 4–9, 7; SHA Alex. 61; Max. 7, 4–5).

Автор биографии Максимиана утверждает, что тот стал императором без всякого декрета сената (SHA Max. 8, 1), что другими словами повторяет и Евтропий (IX, 1). Едва ли, однако, дело обошлось совершенно без сената. Эти слова скорее всего надо понимать как избрание нового императора непосредственно войском, не обращавшим внимания на сенат⁷³. Но затем сенат покорно признал Максимиана, ибо, по словам Аврелия Виктора (Caes. 25, 2), опасно было безоружным противостоять вооруженным⁷⁴. Этому предшествовало послание Максимиана сенату, в котором он сообщал о своем провозглашении воинами (Zon. XII, 16). Максимин получил все необходимые почести,

⁷³ Hohl E. Iulius, 526 // RE. 1917. Hbd. 14. Sp. 858; Bellezza A. Op. cit. P. 82–83; Lippold A. Der Kaiser Maximinus Trax und der römische Senat // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1966/1967. Bonn, 1968. S. 75–77.

⁷⁴ Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената // ВДИ. 1938. № 3. С. 137–138; Enßlin W. The Senat... P. 72. Может быть, и страх перед новым германским вторжением тоже содействовал быстрому признанию сенатом выбора армии: Demougeot E. Op. cit. P. 252.

в том числе включение в некоторые жреческие коллегии⁷⁵. Вероятно, тогда же он стал и *consul designatus* на следующий год.

Точную дату этих событий установить невозможно. Предполагают, что убийство Александра произошло между 18 февраля и 9 марта 235 г. Во всяком случае, 25 марта этого года Максимин был уже признан в Риме⁷⁶. До провинций и провинциальных войск новость о появлении нового императора доходила дольше, так что 20 апреля Пальмирская когорта, стоявшая в Дура-Европос, еще называлась *Alexandriana*, но уже в начале мая другие части и подразделения становятся *Maximianaе*. И египетские папирусы, появившиеся между 3 и 12 мая, датируются первым годом Максимина⁷⁷. Как и его предшественники, Максимин становится также верховным понтификом и «отцом отечества». Одновременно с этими титулами новый император приобретает и трибунскую власть. Хотя приобретение *tribunicia potestas* традиционно падает на 10 декабря, ее упоминание появляется на монетах Максимина уже в апреле⁷⁸. Таким образом, можно говорить, что в марте-апреле 235 г. власть Максимина была уже официально оформлена и полностью легализована.

Максимин был не первым, кто, выйдя из низов, достиг высшей власти. Выше уже говорилось о сыне вольноотпущенника Пертинаксе. После убийства Каракаллы в 217 г. на трон вступил префект претория М. Опеллий Макрин, уроженец Цезарейской Мавретании, выходец из довольно скромной семьи, начавший свой путь юристом и в этом качестве замеченный всемогущим тогда фаворитом Септимия Севера Плавцианом и взятый им на свою службу. Благодаря поддержке другого любимца Септимия Л. Фабия, Цилона, он не только не пострадал после падения Плавциана, но и успешно продолжил свою карьеру. Пройдя ряд всаднических должностей, Макрин стал при Каракалле одним из префектов претория и именно в этом качестве организовал заговор, результатом которого стали убийство Каракаллы и провозглашение Макрина⁷⁹. Макрин так и не добрался до сена-

⁷⁵ Lippold A. Op. cit. S. 78, 84.

⁷⁶ Lorient X. Op. cit. P. 670; *Alram M. Die Münzprägung des Kaiser Maximinus I. Trax.* Wien, 1989. S. 25.

⁷⁷ Lorient X. Op. cit. P. 671. Более поздние исследования несколько расширяют этот временной коридор: между 30 апреля и 4 июня 235 г. (*Rathbone D. W. The Dates of the Recognition in Egypt of the Emperors from Caracalla to Diocletianus // ZPE. 1986. Bd. 62. P. 108–109.*)

⁷⁸ *Alram M. Op. cit. S. 25.* С 10 декабря 235 г. Максимин отсчитывает уже вторую трибунскую власть.

⁷⁹ *Pflaum H.-G. Op. cit. P. 669–672.*

торской должности и стал первым всадником, вступившим на римский трон. И все же между ними и Максимином была большая разница. Римские сословия в отличие от средневековых не были почти наглухо замкнутыми. Социальная мобильность, зависящая от самых разных обстоятельств, в Римской империи была довольно заметной⁸⁰. И Пертинакс, и Макрин, используя высокое покровительство, сумели войти во всадническое сословие, а Пертинакс затем и в сенаторское. Оба они перед своим восшествием на трон занимали важные посты в административной иерархии Империи: один был префектом Города и только что отбыл ординарное консульство, а другой был префектом претория, занимавшийся при Каракалле, как пишет Геродиан (IV, 12, 7), обычными делами. Совсем другим было положение Максимина. Недаром античные авторы подчеркивают, что он стал первым из военной среды (*primus e militibus*, *ex corpore militari primus*), кто стал императором (Aug. Vict. 25, 1; Eutr. IX, 1). Как уже говорилось, сведения о занятии им административных постов неопределенны, и при нынешнем состоянии наших знаний можно говорить о чисто военной карьере будущего императора. Более того, Максимин стал первым императором, путь которого на государственной службе начался с рядового солдата⁸¹. Конечно, покровительство императоров из династии Северов, начиная с основателя династии, этот путь ему в огромной степени облегчило. Но в принципе возможным он стал в результате военной реформы Септимия Севера.

Первой целью нового императора стала подготовка, а затем активная военная кампания против германцев. Это было вызвано рядом причин. Военная доблесть всегда занимала высшую ступень в системе римских ценностей. Естественно, что такое представление о значимости доблести в наибольшей степени укоренилось в армии⁸². И Максимин, почти всю свою сознательную жизнь проведенный в вооруженных силах, не мог не разделять его. Но особенно это было важно для императора. Недаром в сборнике императорских биографий именно военная доблесть являлась важнейшим критерием разделения правителей на «хороших» и «плохих»⁸³. Победа в войне должна была стать для Максимина, пришедшего к власти в результате военного мятежа,

⁸⁰ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 149–152.

⁸¹ Это подчеркивают все современные историки

⁸² Маклаук А. В. Указ. соч. С. 299–305.

⁸³ Rösger A. Die Darstellung des Perserfeldzugs des Severus Alexander in Historia Augusta // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1975/1976. Bonn, 1978. S. 167.

лучшим средством его моральной легитимации в глазах римского общества⁸⁴. Сам мятеж, независимо от того, был ли он спонтанным или тщательно подготовленным, явился реакцией на «соглашательство» Александра Севера. И теперь новый император должен был своей военной активностью наглядно продемонстрировать свою противоположность мягкому и изнеженному предшественнику. Наконец, была еще одна важная причина. Хотя в первый момент Максимиана признала вся армия, а Максимин постарался еще более привязать к себе солдат удвоением их жалования и другими привилегиями (Herod. VI, 8, 8), в действительности далеко не все воины были довольны свершившимся переворотом. Как мы увидим далее, вскоре после провозглашения Максимиана возникли заговоры против него, и в этих заговорах активное участие приняли некоторые военные круги и даже части армии. Да и позже Максимин потерял и власть, и жизнь от рук солдат. Война, требовавшая максимальной концентрации сил и особенно высокого уровня дисциплины, была лучшим средством сплотить всю армию вокруг императора.

Окончив приготовления к войне, начатые еще его предшественником, в том числе завершив подготовку новобранцев, Максимин перешел Рейн и начал свой поход внутрь Германии. Он лично участвовал в боях и с риском для собственной жизни вдохновлял своих воинов. Особенно упорным и чрезвычайно опасным было сражение, развернувшееся в глубоком болоте, когда только личная смелость Максимиана спасла положение и позволила римлянам одержать решительную победу. Император столь гордился этой победой, что направил сенату не только отчет о ней, но и специально нарисованные большие картины, изображавшие подвиги и его самого, и его воинов (Herod. VII, 2–9; SHA Max. 12). В честь победы были отчеканены монеты с гордой надписью VICTORIA GERMANICA и триумфальным портретом Максимиана⁸⁵. Эти монеты были выпущены уже в конце лета 236 г. Это позволяет уточнить хронологию германской кампании. Если следовать буквально тексту Геродиана, то создается впечатление, что вся кампания заняла один сезон и зимой Максимин уже находился на Дунае в Сирмии. Однако вероятнее всего, что эту зиму он провел на Рейне⁸⁶. В то же время все легенды монет, чеканившихся в 235 г., ясно намекали на военные успехи, например, VICTORIA

⁸⁴ Lorient X. Op. cit. P. 676.

⁸⁵ Alram M. Op. cit. S. 27, 41–42.

⁸⁶ Stylow A. U. Ein neuer Meilenstein des Maximinus Trax in Sardinien und die Straße Karales-Olbia // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 520–523.

AUG(usti)⁸⁷. По-видимому, Геродиан, как и биограф Максимиана, объединил в одном рассказе два зарейнских похода императора. Несколько позже сенат присвоил ему почетный титул Германского величайшего⁸⁸.

Одержав победу над аламаннами и обезопасив этим рейнскую границу, Максимин, не заезжая в Рим, осенью или в самом конце лета 236 г. перенес центр своего внимания на Дунай, сделав главной базой Сирмий⁸⁹. Геродиан, сообщая о пребывании Максимиана в Сирмии, в то же время умалчивает о его дунайских кампаниях. «Юлий Капитолин» просто кратко упоминает о множестве других, кроме германской, войн (et alia... bella) Максимиана и приводит письмо, якобы написанное императором сенату, в котором тот говорит, что провел столько войн, сколько не провел ни один из прежних правителей (SHA Max. 13, 1–2). Оба автора пишут, что в Сирмии Максимин только готовился к войне с сарматами, когда пришла весть о событиях в Африке и Италии, о которых пойдет речь ниже. Но надписи показывают, что он носил не только титул Germanicus maximus, но и титулы Sarmaticus maximus и Dacicus maximus (ILS 488–490). Это ясно свидетельствует о том, что Максимин не только готовился к сарматской кампании, но и уже одерживал победы над сарматами и другими племенами к северу от Дуная⁹⁰. Эти победы, видимо, и вдохновили его на составление плана полного подчинения Германии вплоть до Океана, т. е. Балтийского моря (Herod. VII, 2, 9; SHA Max. 13, 3)⁹¹. Как уже говорилось, в римском общественном мнении, особенно в армейской среде, никогда не исчезала мысль об установлении власти Рима над всем миром. И первым этапом дальнейшего расширения римского господства представлялось подчинение Германии. Вероятно, во время войны против аламаннов Максимин убедился, что природные условия непосредственно за Рейном представляют собой слишком много препятствий для успешного похода⁹², и решил, что

⁸⁷ Alram M. Op. cit. S. 40.

⁸⁸ Ibid. S. 42; Belezza A. Op. cit. P. 105.

⁸⁹ Этот город уже был чрезвычайно важной базой войск на Дунае: Mirković M. Beneficarii consularis in Sirmium // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 345–346.

⁹⁰ Belezza A. Op. cit. P. 108–109.

⁹¹ Hatt J. J. Histoire de la Gaule romaine. Paris, 1959. P. 213–214.

⁹² В письме к сенату Максимин пишет, что глубокие болота помешали ему продолжить поход (SHA Max. 12, 6). Вполне возможно, что само это письмо, как и другие подобные «документы» в этом сборнике, выдуманно, но оно все равно отражает впечатление римлянина от природы зарейнской Германии и препятствия, ясно видимые профессиональным военным.

удар с юга будет более эффективным. К тому же он и сам происходил из этих мест и вполне мог знать природу по крайней мере ближайших к Дунаю территорий. В таком случае предшествующие задунайские походы можно рассматривать как подготовительную фазу грядущей грандиозной войны. Римская армия была уже не в состоянии одновременно вести войну на нескольких фронтах⁹³, и, профессиональный военный, Максимин это понимал. Поэтому он сосредоточил все свое внимание на германской кампании, совершенно не обращая внимания на начало нового давления персов на восточную границу Империи, что еще больше вдохновляло персидского царя, захватившего ряд римских владений в Месопотамии, включая Эдесу⁹⁴. И все же в целом события развернулись иначе, чем предполагал Максимин.

Еще раз можно подчеркнуть, что интересы Максимиана в огромной степени лежали в чисто военной плоскости. С этой точки зрения внутренняя политика была полностью подчинена военной. Это, в частности, определяло и его отношения с сенатом.

После убийства Александра Максимин разогнал находившийся при нем сенаторский совет (Herod. VII, 1, 3), приказал сенаторам осудить память убитого императора, что те и сделали (может быть, одновременно с официальным признанием Максимиана), и сразу же начал чеканить свои монеты с легендой MARTI PACIFERO, явно ставя себя под покровительство воинственного бога и, по-видимому, намекая на готовящийся поход, долженствующий принести окончательный мир⁹⁵. В то же время никаких радикальных перестановок в конкретном руководстве государством он не произвел. У власти оставались практически те же (или почти те же) люди, что и при Александре⁹⁶. И сенаторы, и всадники (может быть, за немногими исключениями) спокойно продолжали свою карьеру⁹⁷. Таковыми были, например, будущие императоры и соперники Максимин Пупиен и Бальбин⁹⁸. А сын Пупиена Марк Африкан был в 236 г. ординарным консулом вместе с самим Максимином⁹⁹. Став 1 января 236 г.

⁹³ Lorient X. Op. cit. P. 776.

⁹⁴ Malricq A. Classica et Orientalia. Paris, 1965. P. 24; Абрамзон М. Г. Осроена в римской восточной политике в I в. до н. э. — III в. н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 2005. Вып. XV. С. 116.

⁹⁵ Alram M. Op. cit. S. 38–40.

⁹⁶ Dietz K. Senatus contra principem. München, 1980. S. 290–300.

⁹⁷ Ibid.; Eck W. Ein senatorischer Cursus honorum aus der Mitte des 3. Jahrhunderts n. Chr. // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 532–540; Stylow A. U. Op. cit. S. 530–531.

⁹⁸ Dietz K. Op. cit. S. 99–103; 129–134.

⁹⁹ Ibid. S. 208–209; Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 230.

консулом, Максимин более этот пост не занимал. Ординарными консулами 237 г. были Л. Марий Перпетуй и Л. Муммий Феликс Корнелиан, а 238 г. — Фульвий Пий и Понтий Прокул Понтиан¹⁰⁰. Все эти люди принадлежали к северовской знати, и ни один из них не был выдвиженцем Максимиана¹⁰¹. Примером продолжения всаднической карьеры может служить судьба Тимеситея, в будущем фактического правителя Империи при своем зяте Гордиане III. Тимеситей входил в ближайшее окружение Александра Севера, сопровождая его в персидской кампании и во время подготовки к войне с германцами. В последнем случае он не только исполнял прокураторскую должность, но и имел прямое отношение к войскам, готовящимся к новой войне, будучи вице-президом Нижней Германии. Максимин лишил его военного командования, но, последовательно доверяя ему прокуратуры в Вифинии, Азии, Лугдунской Галлии и Аквитании, сохранил его на авансцене римской общественной жизни¹⁰². Так что события 235 г. далеко не были для него катастрофой.

Все это естественно. Был ли солдатский мятеж стихийным и совершенно для Максимиана неожиданным или был инициирован самим Максимином, в любом случае новый император не имел в своем распоряжении кадров, которыми он мог бы заменить людей, уже занимавших высокие посты. Заметим, что о каких-либо убийствах советников Александра Геродиан не говорит. Максимин, по словам Геродиана (VII, 1, 4), казнил многих слуг Александра, подозревая, что они горюют о смерти своего хозяина¹⁰³. Но о казнях сенаторских советников нет ни слова. Нет никаких сведений о производимых Максимином «чистках» сената, а просопографические исследования показали, что их как целенаправленных мероприятий и не было¹⁰⁴. Более того, Максимин старался подчеркнуть свое уважение к сенату. После своих блестящих побед в Германии он направил в Рим отчеты о своих успехах. Один отчет был предназначен сенату, другой — народу (Herod. VII, 2, 8; SHA Max. 12, 5; 9–10)¹⁰⁵. Прославив свои

¹⁰⁰ Syme R. Op. cit. P. 191; Бикерман Э. Указ. соч. С. 230.

¹⁰¹ Dietz K. Op. cit. S. 165–166, 188–189, 190–191, 205–206.

¹⁰² Pfau H.-G. Op. cit. P. 811–819.

¹⁰³ Геродиан говорит об οἰκείοις. Предполагают, что речь идет не о собственно слугах, а о придворных чиновниках всаднического ранга: Dietz K. Op. cit. S. 305.

¹⁰⁴ Dietz K. Op. cit. S. 288–289.

¹⁰⁵ Биограф Максимиана пишет, что тот из ненависти к сенату письму к народу составил с большим уважением (maioris reverentia). Но, во-первых, автор, не скрывающий своей ненависти к Максимину, мог таким образом смикшировать сам факт уважения императора по отношению к сенату, а во-вторых, Геродиан о такой детали ничего не

победы в Германии монетной легендой VICTORIA GERMANICA, титул Germanicus maximus он принял только позже, дождавшись соответствующего решения сената¹⁰⁶. На монетах Максимиана по-прежнему красуются буквы SC¹⁰⁷, что явно говорит о желании Максимиана подчеркнуть свое уважение к сенату и нежелание рвать с римской традицией. В том же направлении шло и обручение его сына Максимиана с Юнией Фавиллой, которую «Юлий Капитолин» считает правнучкой Антонина, т. е. Каракаллы (SHA Max. 27, 6–8)¹⁰⁸.

Однако, хотя сенат раболепно признал нового принцепса и предал damnation memoriae прежнего, отношение многих сенаторов к новому владыке было далеко не однозначным. Если уж Макрин, всячески выражавший свое почтение к сенату, тот презирал, считая выскочкой¹⁰⁹, то тем более с подозрительностью и даже ненавистью он относился к фракийцу, грубому солдату, даже до конца не овладевшему латынью, самым своим внешним видом вызывающему страх¹¹⁰. Однако до поры до времени это никак не выражалось внешне и лишь позже ярко проявилось в просенатской историографии.

Александр Север стал идеальной фигурой в просенатской историографии¹¹¹. Это было связано с политикой его правительства. Первым (или, по крайней мере, одним из первых) мероприятием нового императора, а точнее — фактически властвующей его бабушки Юлии Месы, стало создание особого совета из 16 сенаторов. О методе создания этого совета Геродиан сообщает дважды. Сначала (VI, 1, 2) он говорит, что император и его женщины (бабушка и мать) избрали наиболее почтенных и нравственных сенаторов, а в другом случае (VII, 1, 3) упоминает об избрании этих людей самими сенаторами. Это породило некоторую дискуссию, но, видимо, надо принять исправление Мендельсона, который предлагал изменить предлог 'υπό на ἀπό'¹¹², и в таком случае выражение Геродиана мож-

сообщает. И главное, даже если принять версию «Юлия Капитолина», это не отменяет самого факта отчета принцепса перед сенатом.

¹⁰⁶ Alram M. Op. cit. S. 97.

¹⁰⁷ Callu J.-P. La politique monétaire des empereurs romains de 238 à 311. Paris, 1969. P. 131.

¹⁰⁸ Lippold A. Op. cit. S. 83. Вопреки высказываемым иногда сомнениям, А. Липпольд не только считает это сообщение достоверным, но и видит в обручении сына с Фавиллой мост Максимиана к высшему обществу.

¹⁰⁹ Petkovits. Opellius // RE. 1939. Hbd. 35. Sp. 549; Potter D. S. The Roman Empire at Bay. L., 2004. P. 148; Campbell B. The Severian Dynasty. P. 20.

¹¹⁰ Belezza A. Op. cit. P. 117–118.

¹¹¹ Johne K.-P. Kaisergeschichte und Senatusaristokratie. Berlin, 1976. S. 89, 96.

¹¹² Lorient X. Op. cit. P. 678, n. 167.

но перевести как просто «сенаторы» или «из числа сенаторов». Компетенция этого совета неизвестна¹¹³. Историк ограничивается общей фразой, что эти люди были помощниками императора и что без обсуждения с ними ничего не делалось. Никаких конкретных сведений о действиях этих советников или хотя бы об обсуждении ими каких-либо дел Геродиан не сообщает. Но они явно постоянно находились при особе императора и сопровождали его во время походов, в том числе и в его последнем походе, во время которого Александр был убит. Максимин же сразу после убийства Александра и своего провозглашения не только распустил совет, о чем говорилось выше, но и отослал часть этих советников в Рим (следовательно, они находились вне столицы), а часть в провинции в качестве наместников. По словам Зонары (XII, 15), заимствованным у Диона Кассия, Мамея информировала советников обо всех делах императора. Для Геродиана создание сенаторского совета было трансформацией самой императорской власти, которая заменялась некоей аристократической формой правления (VI, 1, 2)¹¹⁴. По словам «Элия Лампридия» (SHA, Alex. XIX, 1–3), Александр Север одного из префектов претория назначил с согласия сената (что противоречило обычной практике принципата), а новых членов вводил в сенат только после совета со всем составом этого органа и после соответствующего голосования, но также по рекомендациям своих приближенных¹¹⁵. В целом речь шла, по-видимому, о возвращении к августовской модели принципата. На деле из этой попытки ничего не вышло, и даже в правление самого Александра большую роль, чем сенатские советники, играли сначала бабушка, а затем мать императора¹¹⁶, а также такие его приближенные, как, например, знаменитый юрист Ульпиан (SHA Alex.

¹¹³ Р. Сайм полагает, что он мог быть чем-то вроде регентского совета: *Syme R. Op. cit.* P. 156. По мнению М. Циммерманна, этот совет должен был обеспечить согласие народа, армии и сената: *Zimmermann M. Kaiser und Ereignis. München, 1999. S. 237*. Согласие сената с императором он, несомненно, обеспечивал, но в отношении народа и армии такое утверждение представляется весьма сомнительным.

¹¹⁴ Это отсылало взглядом сенаторской знати, которая стремилась видеть в принцепсе только «первого среди равных» (*Dietz K. Op. cit. S. 307*). Тесное сотрудничество императора и сенаторской знати и считалось в то время «аристократией», в качестве идеальной формы правления: *Марков К. В. Consilium principis в идеальной монархии Диона Кассия // Studia historica. М., 2004. Вып. IV. С. 122–124.*

¹¹⁵ *Chastagnol A. Latus clavus et adlectio dans l'Histoire Auguste // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1975/1976. Bonn, 1978. P. 127–128.*

¹¹⁶ Это подчеркивается монетами, на которых Мамея появляется не только как Августа и «мать императора», но и как «мать сената», «мать отечества», «мать лагерей» и даже как богиня Венера или Веста: *Campbell B. Op. cit. P. 24.*

15, 6)¹¹⁷. Убийство же Александра и разгон находившегося при нем совета окончательно поставили крест на этой своеобразной реставрации первоначального принципата. Это не могло не вызвать ответной реакции, если не во всем сенате, то по крайней мере у части сенаторов.

Геродиан не раз говорит о жестокости, злобе и жадности Максимиана (VII, 1, 5; 8; 12; 3, 1–5). «Юлий Капитолин» называет его самым жестоким зверем (*crudelius animal*) на всей земле (SHA Max. 9, 2). По словам Зосима (I, 13, 3), после того как Максимин укрепился у власти, все почувствовали, что монархия (βασιλεία) превратилась в тиранию (τυραννίδα). И Иоанн Антиохийский говорит, что Максимин пытался превратить монархию в грубую тиранию (FHG Ioann. Fr. 142). О тирании Максимиана говорит и Синкелл (р. 680). Но надо обратить внимание на слова Зосима τῆς δὲ βασιλείας ἤδη βεβαίως παρὰ Μαξιμίνου κατεχομένης. Это выражение, стоящее в *genetivus absolutus*, показывает, что, по мнению историка, превращение монархии в тиранию произошло не сразу, а после того как власть уже прочно (ἡ δὲ βεβαίως) оказалась в руках Максимиана. О том, что произошло между убийством Александра и его матери и превращением монархии в тиранию, Зосим не говорит. Но из рассказов других авторов известно о двух заговорах против Максимиана, один из которых привел к открытому мятежу.

Организатором первого заговора был Магн, которого биограф Максимиана называет консуляром (SHA Max. 10, 1), а Геродиан (VII, 1, 5) еще и патрицием (звипатридом). Уже давно его идентифицируют с Г. Петронием Магном, одним из патронов Канузия, чье имя было выскоблено из списка, но все же довольно легко читается¹¹⁸. По словам Геродиана (VII, 1, 4; 7), Магна поддерживали все сенаторы и многие центурионы, а также отборные воины. «Юлий Капитолин» тоже говорит о центурионах и многих воинах, но молчит о сенаторах (SHA Max. 10, 1). Утверждение Геродиана об участии в заговоре всех сенаторов, конечно, является преувеличением. Говоря о репрессиях Максимиана после раскрытия заговора, он пишет о беспощадной казни всех подозреваемых (Herod. VII, 1, 8). Между тем нет никаких

¹¹⁷ Автор биографии Александра Севера сообщает о существовании при особе императора совета из 20 юристов и не менее 50 других мудрых людей, без одобрения которого Александр не принимал никакую юридическую норму (SHA Alex. 16, 1–2). Это явно не тот совет, о котором говорит Геродиан, но каково соотношение между этими советами, неизвестно (Groebe. Aurelius, 221 // RE. 1896. Hbd. 4. Sp. 2530).

¹¹⁸ Fluss. Magnus // RE. 1928. Hbd. 27. Sp. 488; Lortet X. Op. cit. P. 672; Dietz K. Op. cit. S. 187. К. Дитц, однако, полагает, что эта идентификация не доказана.

сведений о казнях сенаторов, кроме сведений о казни самого Магна¹¹⁹, а у остальных сенаторов, как говорилось выше, не наблюдается никакого перерыва в карьере. Ясно, что в заговоре участвовали не столько сенаторы, сколько центурионы и отборные воины. Предполагается, что этими воинами были преторианцы¹²⁰. Однако Геродиан утверждает, что этим воинам была доверена охрана моста через Рейн и забота о его исправности. Это не очень вяжется с обязанностями преторианцев, и скорее речь идет о каких-то инженерных отрядах. Иоанн Антиохийский (FHG IV, fr. 142) утверждает, что это были германцы. Возможно, что речь идет о *pumeri*, составленных из германских наемников. Во всяком случае Магн мог рассчитывать на относительно большое количество воинов¹²¹. Сам он собирался не просто свергнуть Максимиана, но собственноручно захватить власть (Herod. VII, 1, 5; SHA Max. 10, 1). Заговорщики предполагали разрушить мост через Рейн, что предавало бы императора, не могущего возвратиться назад, в руки германцев (Herod. VII, 1, 7; SHA Max. 10, 2). Эти сведения говорят о том, что заговор возник вскоре после аккламации Максимиана, перед началом или сразу же после начала германской кампании, т. е. скорее всего весной 235 г.¹²²

Заговор был раскрыт, и виновные, включая самого Магна, казнены без всякой пощады. Геродиан (VII, 1, 8) говорит, что казни были произведены без надлежащего суда, разбирательства и предоставления обвиняемым возможности оправдаться (*μῆτε κρίσεώς τινι μεταδοῦς μῆτε ἀπολογίας*). Ему вторит «Юлий Капитолин» (SHA Max. 10, 6). Оба автора считают такое поведение Максимиана ярким показателем его жестокости и беззакония. Однако вопрос более сложен. В заговоре, как мы видели, активно участвовали центурионы и солдаты, так что речь шла о вопиющем нарушении воинской дисциплины, причем в условиях то ли уже начавшейся, то ли активно подготавливаемой войны. Дисциплина в римской армии была одной из самых высших ценностей, а суровость, проявляемая полководцем ради ее сохранения, высоко ценилась¹²³. Максимин, почти всю сознательную

¹¹⁹ Dietz K. Op. cit. S. 305.

¹²⁰ Lorient X. Op. cit. P. 672.

¹²¹ «Юлий Капитолин» говорит о многих воинах (*multis militibus*), Геродиан пишет о немногих (*οὐκ οἴους*). Авторы русского перевода предпочли принять исправление Стефана, заменившего *οὐκ* на *μέγ*, и перевели как «немногих воинов» (Геродиан. История императорской власти после Марка. СПб., 1995. С. 235 и примеч. 1). Однако традиционное чтение полностью согласуется с данными биографа и представляется предпочтительным.

¹²² Lorient X. Op. cit. P. 672.

¹²³ Махлаюк А. В. Указ. соч. С. 282–297.

жизнь проведенный в армии и сам прошедший путь от рядового солдата до главнокомандующего, полностью проникся этим духом. Поэтому он мог рассматривать совершившееся как *perduellio*, в чем, возможно, заговорщики и были обвинены¹²⁴. *Perduellio* было древнейшим понятием, обозначающим преступление против государства, особенно во время войны, включая предательство и дезертирство, а также покушение на права и личность магистрата, особенно народного трибуна. Обвинения в *perduellio* прекратились с концом республики, но само понятие осталось¹²⁵. Ульпиан (Dig. 48, 4, 11) пишет, что обвиняемый в *perduellio* — это тот, кто злоумышляет против государства или принцепса. Хотя в императорскую эпоху *perduellio* в большой степени смешивается с «оскорблением величества», все же сохраняет свою самостоятельность¹²⁶ и, что главное, расследуется и судится иным образом, более ускоренно, завершаясь, как правило, смертным приговором без права его обжалования. Человек, обвиненный в *perduellio*, оказывается за пределами правовой защиты¹²⁷. Так что с этой точки зрения Максимин действовал целиком в рамках римского правового поля. Но поскольку по крайней мере одним обвиняемым был сенатор, суд и казнь без сенатского суда воспринимались сенатом (а за ним просенатской историографией) как незаконные¹²⁸. Более того, такой негласный характер суда способствовал появлению слухов о том, что никакого заговора и не было, а обвинение было выдвинуто лишь для оправдания жестокости и жадности самого Максимиана (Herod. VII, 1, 8; SHA Max. 10, 5–6).

Если заговор Магна был раскрыт прежде, чем заговорщики смогли приступить к исполнению своего замысла, то второй заговор завершился мятежом. По словам Геродиана (VII, 1, 9–10), Иоанна Антиохийского (FHG IV, fr. 143) и «Юлия Капитолина» (SHA Max. 11, 1–4), мятеж подняли осроенские лучники, недовольные убийством Александра. «Требеллий Поллион», рассказывая об этом же событии, говорит о маврах или армянах (SHA Trig. tyr. 32, 1–4)¹²⁹. Инициатором

¹²⁴ Dietz K. Op. cit. S. 312.

¹²⁵ Brecht Ch. *Perduellio* // RE. 1937. Hbd. 37. Sp. 616–639; Magdlain A. *Remarques sur la Perduello* // Historia. 1973. Bd. 22, 3. P. 405–422; Medicus D. *Perduellio* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 623–624; Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 242.

¹²⁶ Brecht Ch. Op. cit. Sp. 639.

¹²⁷ Magdlain A. Op. cit. P. 421.

¹²⁸ Ср.: Dietz K. Op. cit. S. 315.

¹²⁹ Думается, такая разногласия в рассказах биографов Максимиана и «тридцати тиранов» говорит против весьма распространенного предположения, что, несмотря на приписывание биографий шести разным авторам, в действительности весь сборник был написан одним человеком. Заметим также, что «Требеллий Поллион» называет инициа-

выступления был командир осроенцев Македон или Македоний, который, однако, сам на власть не претендовал, а убедил провозгласить императором Квартина, по Геродиану и Иоанну, или Тита, как его называли «Юлий Капитолин» и «Требеллий Поллион». Возможно, что более полное имя узурпатора было Тит Квартин либо Тиций Квартин¹³⁰. Геродиан и Иоанн называют Квартина проконсулом и другом Александра, а, по словам биографа Максимиана, новый император его уволил из армии. В то же время он находился недалеко от расположения войск, так что мятежные воины тотчас провозгласили его императором. Если Тит «Требеллия Поллиона» — тот же Квартин, то, по словам этого автора, он удерживал какую-то власть в течение шести месяцев. Это, однако, совершенно невозможно, ибо никак не укладывается в хронологию. И Геродиан (VII, 2, 1), и «Юлий Капитолин» (SHA Max. 11, 7) говорят, что Максимин перешел Рейн и вторгся в Германию уже после раскрытия заговора Магна и подавления мятежа осроенцев. А активная фаза германской кампании началась скорее всего летом 235 г., поскольку, по словам Геродиана (VII, 2, 3), через какое-то время после начала военных действий наступила пора созревания хлебов. И уже не позже осени того же 235 г. Максимин после своих побед был вторично провозглашен императором¹³¹. Так что и заговор Магна, и мятеж осроенцев могли произойти только весной 235 г.¹³² и места для шестимесячного императорства Квартина просто не было. Сама противоречивость и смутность известий об этом мятеже, как кажется, может говорить, что ничего определенного о ходе событий, их протагонистах и продолжительности в Риме сказать не могли. Руководители мятежа явно не получили той поддержки в армии, на какую рассчитывали. Это, видимо, может объяснить странное поведение Македона, который сначала чуть ли не силой заставил Квартина принять порфиру, а затем ночью предательски убил его и принес его голову Максиминому в надежде угодить тому (Herod. VII, 1, 11; SHA Max. 11, 4–5). Впрочем, это ему не помогло, и он был Максимином казнен.

Означает ли выступление осроенцев противоречия между восточными и дунайскими солдатами, а их поражение — окончательную

тором мятежа Магна, явно путая руководителей двух разных заговоров, в то время как «Юлий Капитолин» эти два заговора ясно различает.

¹³⁰ Stein A. Titus // RE. 1937. Hbd. 12A. Sp. 1579; Hanslik R. Quartinus // RE. 1963. Hbd. 47. Sp. 836. К. Дитц считает отождествление Квартина и Тита невозможным: Dietz K. Op. cit. S. 209.

¹³¹ Stylow A. U. Op. cit. S. 518.

¹³² Lorient X. Op. cit. P. 672.

победу «иллирийцев» над «сирийцами»?¹³³ Едва ли можно говорить столь категорично. Но все же заговоры показали, что армия не была единым организмом. Александр Север, видимо, еще пользовался значительным авторитетом у части солдат и офицеров, особенно у выходцев с Востока, и это могли использовать противники Максимиана. И Максимин это понял. Характерна его реакция на мятеж осроенцев и узурпацию Квартин. После раскрытия заговора Магна репрессии были масштабны. Конечно, сообщение о более чем 4 тысячах человек, казненных Максиминиом (SHA Max. 10, 6), — явное преувеличение, но оно дает представление о впечатлении, произведенном этими казнями. И совершенно иначе император поступил после, казалось бы, гораздо более опасного открытого мятежа. Известно только о двух жертвах — самом Квартине, которого убил и не Максимин, а бывший друг узурпатора Македон, и том же Македоне, казненном за двойное предательство. Ранее считалось, что отряд осроенских лучников после мятежа был распушен¹³⁴. Но К. Лоррио обратил внимание на то, что Геродиан (VII, 2, 1) среди воинов, которых привел Максимин в Германию (следовательно, уже после окончания мятежа), называет и осроенских лучников, и армянских стрелков, и мавретанских копейщиков (которых «Требеллий Поллион» считает мятежниками), и сделал естественный вывод, что никакого роспуска мятежных частей Максимин не произвел¹³⁵. Пройдя все ступени военной службы, от рядового воина до главнокомандующего, Максимин хорошо знал армию и ее психологию. Вторично столкнувшись с опасностью, исходящей от собственных войск, он на этот раз предпочел воинов не раздражать, а привлечь их относительной мягкостью. На это явно были рассчитаны монеты с легендами *FIDES MILITUM* и *SALUS AUGUSTI* и изображением императора между воинскими штандартами¹³⁶. На медальоне, выпущенном в честь победы над германцами, изображен не только император, поражающий врага, но и солдат, идущий за своим полководцем¹³⁷, что должно было подчеркнуть тесную связь Максимиана с армией. Максимин всячески подчеркивал, что никаких разногласий в армии нет и что все воины верят в императора и сплочены вокруг него.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ Stein A. Titus. Sp. 1579.

¹³⁵ Lorient X. Op. cit. P. 672–673.

¹³⁶ Belezza A. Op. cit. P. 96; Alram M. Op. cit. S. 40.

¹³⁷ Heitz Ch. Alles bare Münzen? Fremdendarstellungen auf römischen Geld // Bonner Jahrbücher. 2006. Bd. 206. S. 187.

Оба заговора возникли исключительно в военной среде. Хотя Геродиан говорит об участии в заговоре Магна всех сенаторов, нет никаких сведений хотя бы об одном сенаторе, кроме самого Магна, кто бы действительно входил в число заговорщиков. Нет также никаких данных, которые позволяли бы считать Магна вождем сенаторской «партии»¹³⁸. Организация им заговора могла быть вызвана исключительно его честолюбием, ибо он сам после убийства Максимиана намеревался взять власть. Возможно, мысль об активном участии сенаторов (если не всех, то большинства) возникла уже после событий 238 г., когда сенат действительно активно выступил против Максимиана. И тем более нельзя говорить о каком-либо участии сенаторов в мятеже осроенцев. Единственный сенатор, оказавшийся замешанным в нем, был Квартин, да и того, если верить нашим авторам, буквально заставили принять знаки императорской власти. Из всего этого можно сделать вывод, что сенат как корпорация не играл никакой роли в событиях весны 235 г. Покорно признав Максимиана императором, вручив ему все необходимые полномочия и знаки достоинства, осудив по приказу нового принцепса память любимого ими Александра Севера, сенаторы полностью приняли новый режим и продолжали верно служить ему. С течением времени в сенате даже возникла группировка, более или менее лояльная к Максимиану¹³⁹. До поры до времени между Максимианом и сенатом установилось «мирное сосуществование».

Другой наряду с войной важной задачей Максимиана было, естественно, укрепление своей власти и создание новой династии, наподобие Северовской. Поскольку военная обстановка требовала постоянного пребывания императора в армии, ему был необходим полномочный представитель в столице. Возможно, что сначала он рассчитывал на сына, которого он, если верить биографу, сразу же после взятия власти намеревался послать в Рим, но тот предпочел остаться рядом с отцом (SHA Max. 17, 3). После этого ставка была сделана на префекта претория. Согласно конституции, изданной Максимианом в августе 235 г. (C. J. I, 26, 1), префект претория становился первым должностным лицом в отсутствие императора, и его решения приравнивались к императорским¹⁴⁰. Один из преторианских

¹³⁸ *Loriot X. Op. cit.* 672.

¹³⁹ *Belezza A. Op. cit.* P. 119; *Zimmermann M. Kaiser und Ereignis. München, 1999.* S. 264.

¹⁴⁰ В Кодексе Юстиниана эта конституция приписывается Александру Северу, но ее датировка (август 235 г.) показывает, что действительным автором был Максимиан: *Enßlin W. Praefectus praetorio // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2417.*

префектов Александра, находившийся вместе с ним, был убит во время переворота (Zos. I, 13, 2). После этого Максимин назначил своих людей на этот пост. В 238 г. префектом претория, находившимся в Риме, был П. Элий Виталиан. Но сколь долго он находился в этой должности, неизвестно. Незадолго до этого человек с таким именем был прокуратором Цезарейской Мавретании, и возможно, что на высокий пост в Риме он прибыл незадолго до событий 238 г., во время которых и погиб¹⁴¹. Но в любом случае Максимин держал на этом месте наиболее доверенных людей. Возможно, после раскрытия заговора Магна и подавления мятежа осроенцев в условиях начавшейся войны Максимин уже не мог и не хотел доверять имеющимся в Риме властям, в том числе сенату, и предпочел иметь там своего человека с расширенными полномочиями. Как профессиональный военный, до конца проникнувшийся военной психологией, он и внутреннюю политику желал строить по армейскому образцу со строгой дисциплиной и незыблемой иерархией. Широкие полномочия, данные командиру преторианцев, по его замыслу, по-видимому, должны были обеспечить желанный военный порядок, по крайней мере в столице.

Не менее, а в перспективе и более важным было обеспечить наследование власти. «Юлий Капитолин» пишет, что соправителем Максимино был дан его сын (SHA Max. 8, 1), причем конструкция фразы (*filio... dato в abblativus absolutus*) позволяет говорить об одновременности получения известия о провозглашении Максимиана и решения о соправлении его сына Максима, а также о том, что это решение принял не сам новый император. Аврелий Виктор (25, 2) сразу после сообщения о признании Максимиана сенаторами говорит, что цезарем был сделан (*factus est*) Максим. Однако надписи и монеты существенно корректируют эти сведения. Так, сравнительно недавно найденный сардинский миллиарий упоминает только одного Максимиана, который уже получил вторую императорскую аккламацию, но еще не имел второй трибунской власти и был *consul designatus*. И это все позволило датировать миллиарий периодом между осенью и десятым декабря 235 г.¹⁴² В более поздних надписях, в которых Максимин уже имеет почетные титулы, он встречается вместе с *nobilissimus Caesar* Г. Юлием Вером Максимом (например, ILS 488–491). На монетах Максим в качестве цезаря появляется в первой половине 236 г.¹⁴³ На александрийских же монетах Максим отмеча-

¹⁴¹ Dietz K. Op. cit. S. 178, Anm. 494.

¹⁴² Stylow A. U. Op. cit. S. 516–518.

¹⁴³ Alram M. Op. cit. S. 27–28, 42, 70–71.

ется еще позже, не раньше 29 августа этого года¹⁴⁴. Но александрийцы могли и запоздать с признанием. Поэтому наиболее вероятно, что Максим стал цезарем в начале 236 г., возможно, в феврале или марте¹⁴⁵. Во всяком случае цезарем он становится еще до того, как Максимин получил титул *Germanicus* (ILS 491), но не раньше прославления *Victoria Germanica* и после 1 января 236 г., ибо Максимин уже назван консулом. Как уже говорилось, Максимин сам отважно сражался во главе своих войск, подвергая себя неизбежным опасностям, а с другой стороны, поход 235 г. показал трудности войны в Германии. Поэтому не исключено, что перед вторым походом за Рейн император, чтобы обеспечить трон своему сыну, добился от сената признания Максима цезарем. Иногда Максим, как и отец, именуется августом, но реально он все же никогда этого титула не имел¹⁴⁶. Юный цезарь не только стал *princeps iuventutis*, но и получил те же почетные титулы, что и его отец, — *Germanicus maximus*, *Dacicus maximus*, *Sarmaticus maximus* (ILS 489–490). Может быть, тогда состоялось и обручение наследника с Юнией Фадиллой. Недаром биограф говорит о зататках (или залогах), данных (или, вероятнее, присланных) Максимом своей невесте, как о царских (*agae regiae*) (SHA Max. 27, 7–8). Интересно наблюдение, что явно по приказу Максимиана портретам его сына были приданы «классические» черты, столь отличающиеся от его собственных¹⁴⁷. Это, по мысли Максимиана, должно было помочь его наследнику стать частью римского высшего общества. И частично этой цели император достиг. Не скрывающий своей ненависти и презрения к варвару Максимино «Юлий Капитолин» говорит о красоте и образовании Максима. Пишет он и о пороках юноши, но при этом отмечает, что враги распускали о нем позорящие слухи, не желая, чтобы его образ остался незапятнанным (SHA Max. 27, 1–3; 28, 1–3).

Приблизительно одновременно (или немного позже) с провозглашением Максима цезарем произошло обожествление жены Максимиана Цецилии Паулины¹⁴⁸. В надписях (ILS 492) и на монетах она появляется только как *diva Pia Augusta*. И отсюда ясно вытекает, что титул августы она получила только после смерти и обожествления¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Ibid. S. 28, 58.

¹⁴⁵ Lorient X. Op. cit. P. 676. Это может быть подтверждено надписью из Козы в Этрурии: Scott R. T. A New Inscription of the Emperor Maximinus at Cosa // Chiron. 1981. Bd. 11. P. 313.

¹⁴⁶ Alram M. Op. cit. S. 29.

¹⁴⁷ Lippold A. Op. cit. S. 88.

¹⁴⁸ Lorient X. Op. cit. P. 679.

¹⁴⁹ Alram M. Op. cit. S. 29.

Синкелл (р. 680) и Зонара (XII, 26) утверждают, что ее убил сам Максимин, а Аммиан Марцеллин (XIV, 1, 8), противопоставляя ее мужу, пишет, что она пыталась вернуть его на путь правды и гуманности. Историк говорит, что он рассказывал обо всем этом при изложении истории Гордианов, но, к сожалению, эта часть произведения Аммиана не сохранилась. Возможно, такое противопоставление Паулины, как и частично Максима, Максимино было делом просенатской историографии, еще более подчеркивающей этим дикость фракийца, ставшего римским принцепсом. Время смерти Паулины неизвестно. Предполагают, что она умерла или незадолго до прихода Максимиана к власти, или вскоре после этого события¹⁵⁰. Если это так, то между смертью императрицы и ее обожествлением и посмертным присвоением титула августы прошло около или несколько больше года. Приблизительная одновременность получения Максимом титула цезаря и покойной Паулиной титула августы (и ее обожествления) не случайна. Эти акты должны были не только укрепить власть Максимиана, но и обосновать создание им новой династии¹⁵¹, обладающей теми же чертами легитимности, что и свергнутая династия Северов. Может быть, сначала Максимин и не обратил внимания на этот аспект власти. Но раскрытие заговоров и подавление мятежа, опасности германской кампании и желание ввести свою династию в традиционное русло побудили его к принятию соответствующих мер. И каково бы ни было действительное отношение сенаторов к Максимино и его семье, сенат покорно принял соответствующие постановления.

Выше приводились слова Зосима, Иоанна Антиохийского и Синкелла о превращении Максимином «монархии» в «тиранию». На первый взгляд это похоже на историю Юлиев-Клавдиев, когда все четыре преемника Августа начинали с относительно «либеральной» политики, а затем переходили к жестокому террору. Но причина такого перехода в правление Максимиана была совершенно другая. Как уже говорилось, внутренняя политика Максимиана была подчинена военной политике, а Римская империя рассматривалась как резервуар средств, которые должны были обеспечить военные кампании императора. А эти кампании требовали огромных ресурсов. Деньги давали золотые и серебряные рудники. С этим, вероятно, связано единственное известное нам преобразование в провинциальной системе, произведенное Максимином. В свое время Каракалла,

¹⁵⁰ Ibid. S. 30.

¹⁵¹ Le Glay M. Op. cit. P. 283.

видимо с целью приближения управления непосредственно к рудникам, создал на северо-западе Испании отдельную провинцию Антониану, или Верхнюю Испанию¹⁵². Однако эта мера, по-видимому, в тот момент себя не оправдала. Главным было то, что в новой провинции не было регулярных войск, ибо единственный легион, стоявший в Испании, остался в Тарраконской провинции. Максимин, стремясь поставить добычу драгоценного металла под усиленный военный контроль, по-видимому, уже в самом начале своего правления ликвидировал новую провинцию и снова присоединил ее территорию к Тарраконской Испании. Легатом вновь увеличенной провинции был назначен Деций, пользовавшийся полным доверием императора¹⁵³. Но все же главным резервуаром пополнения казны были налоги, которые правительство Максимиана и начало выкачивать из населения Империи. Активные военные действия, о чем говорилось выше, начались после разгрома заговоров и мятежа. И связанное с этими действиями усиление налогового гнета тоже должно было пасть на это время. Отсюда, как кажется, и возникновение в более поздней историографии представления о переходе от «монархии» к «тирании», что явно произошло летом 235 г.

Однако регулярных налогов явно не хватало, и Максимин перешел к уже давно испробованному способу — конфискациям имущества под любым предлогом¹⁵⁴. В этой ситуации всюду разгулялись доносчики. И было совершенно неважно, искренне ли верил император доносам; главное — он использовал их для пополнения своей казны. Геродиан (VII, 3) и «Юлий Капитолин» (SHA Max. 13, 5–6) рисуют красочные картины жестокостей Максимиана и страданий его жертв. Кратко, без всяких подробностей, но весьма выразительно говорят о жестокости Максимиана и разгуле доносчиков Зосим (I, 13, 3) и Иоанн Антиохийский (FHG IV, fr. 145). Натура Максимиана, воспитанного в правилах строгой военной дисциплины и стремящегося распространить правила этой дисциплины на все общество, и неизбежный в таких условиях произвол местных властей еще более ухудшали положение. Главные удары наносились, как подчеркивают авторы, по более богатым. Характерно замечание Геродиана, что

¹⁵² Roldán Hervás H. M. La organización politico-administrativa y judicial de la Hispania Romana // Historia de España. 1982. T. II, 2. P. 100.

¹⁵³ Ozcáriz Gil P. Algunas consideraciones acerca de la provincia *Hispania superior* y su administración // Pyrenae. 2007. T. 38, 2. P. 39–42.

¹⁵⁴ Возможно, некоторые монетные клады, относившиеся к этой эпохе, как, например, клад в Колонии Агриппине, свидетельствуют о попытках местных богачей уберечь хотя бы часть своего имущества от конфискаций Максимиана: Hatt J. J. Op. cit. P. 214.

мелкие и незначительные хозяйства Максимин не считал достойными своих замыслов. При этом и он, и следующий за ним Иоанн Антиохийский добавляют, что чернь (*ὄχλος*) страдания знатных и богатых нисколько не заботили, а некоторых злых и порочных (*τῶν κακοῦτων καὶ φαύλων*) даже радовали. Едва ли из этого надо делать вывод о социальной направленности политики Максимина. Его цели были сугубо фискальные, но, видимо, некоторой поддержкой в «низах» он все же пользовался.

Если верить авторам, то создается впечатление, что чуть ли не весь более или менее богатый слой населения Империи был уничтожен или по крайней мере разорен этими мерами Максимина. Это, разумеется, огромное преувеличение. Но все-таки определенный удар по высшим классам, в том числе и по муниципальной аристократии, был нанесен. При всей старательности правительства и его агентов на местах, как и при активности донощиков, этот резервуар пополнения средств не был неисчерпаемым. И Максимин перешел к конфискации городских и храмовых имуществ, в том числе тех денег, которые были предназначены для благодеяний и раздач, а также для представлений и празднеств. Это уже задевало интересы гораздо более широких кругов, и уже весь народ (*δῆμος*) стал выражать свое недовольство. Это еще раз говорит, что ни о какой сознательной политике, направленной против высших слоев в интересах низших, нет речи.

Может быть, в этом русле надо рассматривать и меры, принятые Максиминем против христиан. Едва ли Максимин понимал суть христианского учения и являлся принципиальным противником христианства. Но христиане, не имеющие поддержки в широких кругах общества, были наиболее удобной и безопасной мишенью конфискаций. И то, что Геродиан пишет о грабеже храмов, вполне могло относиться и к христианским святыням. Надо иметь в виду еще одно обстоятельство. Римская религия всегда была тесно связана с государством. Христиане же образовывали отдельные общины, с государством не связанные. Существование подобных религиозных общин всегда вызывало подозрения римских властей. Можно вспомнить запрещение вакханалий и репрессии против их сторонников. А Максимин с его чувством железной дисциплины тем более не желал терпеть существование каких-либо организаций, не вписывающихся в традиционный порядок. По данным христианских писателей, гонения Максимина были довольно жестокими, но они едва ли превосходили репрессии, направленные против других кругов населения, против языческих храмов, против городов. К тому же нет никаких

данных, позволяющих говорить о каком-либо императорском эдикте, направленном против христиан. В науке уже было обращено внимание, что Лактанций не упоминает Максимиана среди гонителей и что впервые упоминание о гонении Максимиана встречается только у Евсевия¹⁵⁵. Правда, сам Евсевий (HE VI, 28) ссылается на Оригена, но эта ссылка довольно неопределенна. При этом Евсевий приводит имена двух человек, для которых события повернулись неблагоприятно, это бывший еретик Амвросий и кесарийский пресвитер Протоктит, но автор умалчивает, в чем, собственно, состояла неблагоприятность их положения. Характерно, что оба они пережили Максимиана. Более ясны судьбы римского епископа Понциана и пресвитера Ипполита, которые были сосланы на Сардинию и там погибли. Видимо, в столице антихристианские преследования были более суровыми. И Евсевий, и Орозий (VII, 19, 2) говорят, что объектами преследований при Максимиане были только главы Церквей (*'ἀρχοντας*) и клирики, т. е. люди, которые могли распоряжаться церковными имуществами, а не христиане вообще. Как и в случае с другими объектами репрессий этого времени, конкретными инициаторами таких репрессий оказывались местные власти, действующие, разумеется, в соответствии с общей атмосферой, существующей в Империи, а целью этих репрессий был захват церковных имуществ. Атмосферу, созданную антихристианскими мерами Максимиана, на местах могли использовать и для «выпуска пара» населения. Так явно произошло в Понте и Каппадокии, где после серии страшных землетрясений начались репрессии против местных христиан явно с целью не допустить выступления против провинциальных, а тем более центральных властей (Сург. Ер. 75, 10, 1–5). Характерно, однако, что преследуемые христиане могли бежать в соседние провинции, где, следовательно, никаких гонений не было¹⁵⁶.

Жесткая фискальная политика Максимиана практически лишила его какой-либо социальной поддержки. Сенат покорно принимал все,

¹⁵⁵ Syme R. Op. cit. P. 192. Лактанций после гонений Домициана говорит уже только о гонении Деция, подчеркивая при этом, что после Домициана прошло много лет (*de mort. pers.* IV, 1). Едва ли одиннадцать лет, прошедших между смертью Максимиана и началом правления Деция, а с этим, как будет сказано позже, и началом преследования христиан, можно считать *plurimos annos*. Заметим, что, говоря о гонении Валериана (V, 1), автор употребляет выражение «немногим позже» (*non multo post*).

¹⁵⁶ Об антихристианских гонениях Максимиана: Belezza A. Op. cit. P. 121–133; Keresztes P. The Emperor Maximinus' Decree of 235 A. D. // Latomus. 1969. T. 28, 3. P. 601–618. Некоторые исследователи подчеркивают, что объектом репрессий Максимиана были только руководители Церкви (например, Millar F. The Roman Empire... P. 104).

что диктовал ему император, но многие сенаторы, если не большинство их, в глубине души ненавидели и презирали варвара, добравшегося до трона. Если попытки Максимиана войти в аристократическую среду при посредстве своего сына и имели успех, то очень ограниченный. Знаки внимания к сенату воспринимались многими сенаторами как должное, но не изменяли их отрицательного отношения к выскочке. Города испытывали всю тяжесть налогов и конфискаций, а переход власти от преследований отдельных богачей к реквизициям городских и храмовых имуществ, в том числе предназначенных для празднеств и раздач, озлобил широкие круги городского населения. Максимиан, концентрировавший все свои усилия в основном на войне, не мог и не желал проводить старую, идущую еще с Августа политику «хлеба и зрелищ». В этих условиях только армия и имперский бюрократический аппарат оставались опорой Максимиана. Политику Максимиана хорошо характеризует фраза, которую Дион Кассий (LXXVI, 15) приписал Септимию Северу: «Ублажайте солдат и не заботьтесь об остальных». Перед нами первый подлинно «солдатский император». Но и в армии популярность Максимиана, как кажется, снижалась (Herod. VII, 3, 6). Все это в большой мере определило слабость и недолговечность его правления.

Глава II

СЕНАТОРСКАЯ РЕАКЦИЯ

В той своеобразной политической модели, каковой являлся принципат, роль сената была весьма важной. Для римского сознания было характерно представление о непрерывности истории своего государства — *res publica populi Romani Quiritum*. И воплощением этой непрерывности был сенат. Поэтому никакие авторитарные стремления императоров, никакие акты императорского террора, направленного против тех или иных сенаторов либо целых группировок, никакой деспотизм тех или иных принцепсов не могли уничтожить сенат как таковой. Даже уже в IV в. Симмах (Ер. 152) и Намациан называли сенаторов лучшей частью человеческого рода. Сенаторы стремились возвести себя к древним родам, и даже уже христиане гордились своим происхождением якобы от Геракла и Энея¹. К 30-м годам III в. состав сената резко изменился. Италики уже не составляли в нем большинства, не говоря о староримской знати, от которой вообще остались лишь воспоминания. Составленный в огромной степени из представителей провинциальной знати, а также знати Италии сенат представлял интересы имперской знати и в какой-то степени партикулярные интересы конкретных локальных групп. Это дробило сенат на отдельные группировки, как кажется, в основном по земляческому принципу². Достаточно вспомнить о роли «испанского землячества» во времена Нервы и особенно Траяна и в меньшей степени Адриана³. Значительную роль играли различные отношения

¹ Demandt A. Die Spätantike. S. 279–280; Roda S. Nobilità burocratica, aristocrazia senatoria, nobilità provinciali // Storia di Roma.. Torino, 1999. P. 609–616, 622–626.

² Может быть, такие «землячества» заменили «личные партии», существовавшие в сенате в последний век республики.

³ Montenegro Duque A. Hispania durante el Imperio // Historia de España. T. II, I. Madrid, 1982. P. 217–229.

и связи, основанные на родстве, дружбе и покровительстве⁴. Однако сенат имел и общие, корпоративные интересы. Прежде всего надо отметить необыкновенную силу традиций, объединяющих сенаторов независимо от их происхождения. Даже новые сенаторы, своим введением в сенат обязанные непосредственно императору, проникались традиционным духом и сознанием своего избранничества. Различные группировки в сенате существовали, и это скажется в дальнейшем, но в целом сенаторов объединяло прежде всего их чувство принадлежности к особой и притом высшей касте. Это осознание своей ведущей роли в государстве сплачивало сенат. Сенаторы, конечно, не могли не понимать своего реального бессилия перед лицом императорской власти, опирающейся на бюрократический аппарат и вооруженную силу. Покорное признание Максимиана является лучшей иллюстрацией сказанного. Но это не мешало им претендовать не только на особое положение в Империи, но и на противопоставление себя этому аппарату и особенно армии. Более того, кажется, чем меньше оказывалась реальная роль сената, тем больше и отдельные сенаторы, и все сенаторское сословие претендовали на свое особое и при этом чрезвычайно высокое положение. И как только складывались более или менее благоприятные обстоятельства, сенат поднимал голову и открыто противостоял армии. Такие обстоятельства сложились в 238 г.

В начале весны 238 г. вспыхнуло восстание в Африке⁵. Его инициаторами, по Геродиану (VII, 4, 3–5), были молодые люди из знатных ливийцев, недовольные произволом императорского прокуратора. Греческий термин *νεανίσκοι* — перевод латинского *iuvenes*. Кто такие эти *νεανίσκοι* — *iuvenes*, спорно. Иногда полагают, что это — *iuventus*, т. е. члены местной городской милиции, составленной из молодых зажиточных людей⁶. По мнению других исследователей, речь идет о сравнительно молодых членах сословия декурионов, являвшихся одновременно арендаторами императорских салтусов⁷. Иногда их объединения считают просто аристократическими организациями⁸.

⁴ Winterling A. Freundschaft und Klientel im kaiserzeitlichen Rom // *Historia*. 2008. Bd. 57, 3. S. 314.

⁵ На основании нумизматического материала это восстание датируется концом февраля — началом марта 238 г.: *Alram M.* Op. cit. S. 31.

⁶ Lorient X. Op. cit. P. 692.

⁷ Kolb F. Der Aufstand der Provinz Africa Proconsularis im Jahre 238 n. Chr. // *Historia*. 1977. Bd. 26, 4. S. 463–471; *Le Glay M.* Op. cit. P. 284, n. 22.

⁸ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 390.

а самих «юношей» — молодыми богатыми землевладельцами⁹. Очень вероятно, что это — члены городской *collegia iuvenum*, объединявшей молодых (до 20 лет) членов высшего слоя местного муниципального общества, готовящихся к военной службе¹⁰. Впрочем, в состав этих коллегий, по-видимому, входили и *humiliores*, хотя руководство, несомненно, принадлежало выходцам из высших слоев города¹¹. Не исключено, что уже до этого имели место какие-то выступления *iuvenes* против Максимиана в других местах¹². Выступление африканских «юношей» отражало недовольство политикой Максимиана, возникшее в этой провинции. В первой половине III в. африканские провинции становятся одними из главнейших поставщиков продовольствия для Рима и, несомненно, также армии¹³. Поэтому естественно, что и тяжесть сборов в этом регионе была весьма значительна. Произвол прокуратора усугублял ситуацию. Это выступление могло отражать и сепаратистские настроения в Африке, центр которой Карфаген считался наряду с Александрией вторым городом империи (*Herod. VII, 6, 2*)¹⁴. Коллегия «молодежи» дала организационную форму выступлению. Под руководством знатных предводителей коллегии ее рядовые члены подняли восстание¹⁵. Восставших активно поддержало и остальное население провинции. В разных местах с милевых столбов стирались имена Максимиана и его сына. К восстанию, кажется, примкнул и нумидийский город Зараи, являвшийся значительным торговым центром и, как и города Проконсульской Африки, особенно тяжело переносивший фискальный гнет Максимиана¹⁶.

⁹ Millar F. *The Roman Empire...* P. 180; Altheim F. *Niedergang...* S. 300.

¹⁰ Saumagne Ch. *Saint Cyprien*. Paris, 1975; Landage D. *Collegia iuvenum* — Ausbildung einer municipalen Elite? // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 326, 333–339; Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. СПб., 2006. С. 165.

¹¹ Jacques F. *Humbles et notables. La place des humiliores dans les collèges des jeunes et leur rôle dans la révolte de 238* // Antiquités africaines. 1980. T. 15. P. 218–225.

¹² Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 390.

¹³ Fries H. *Das römische Nordafrika* — ein unterentwickeltes Land // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 376–377, 384–385; Brenjtes B. *Nordafrika in der Antike* // Das Altertum. 1991. Bd. 37, 4. S. 198.

¹⁴ Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената // ВДИ. 1938. № 3. С. 140–141; Bellezza A. *Op. cit.* P. 147–148. Правда, преувеличивать сепаратистские настроения в Африке в то время едва ли стоит. Романизация провинции зашла уже довольно далеко, и не только колонисты, но и аборигены ощущали себя римлянами: Lassère J.-M. *Ubique populus*. Paris, 1977. S. 653. Африканские повстанцы стремились не к отделению от Империи, а в лучшем случае к приведению к власти «своего» императора.

¹⁵ Jacques F. *Op. cit.* P. 228–230.

¹⁶ Kallala N. *Une borne milliaire inédit de Monastir, l'antique Ruspina* // L'Africa Romana. Roma, 2002. P. 1704–1710.

Восставшие провозгласили императором проконсула Африки Гордиана (Herod. VII, 5, 2–7; SHA, Max. 14, 2–3; Gord. 8, 3–6). Если верить и Геродиану, и автору биографий Максимиана и Гордианов, сам Гордиан предложением принять власть был застигнут врасплох и сначала даже пытался отказаться от этой чести, приняв ее лишь под давлением восставших. Однако существует точка зрения, что в действительности уже существовал заговор, планировавший это восстание, и сам Гордиан (или, по крайней мере, его сын) был его участником¹⁷. Одной из целей (в обычное время, может быть, даже важнейшей) создания городских молодежных коллегий было проведение игр в честь богини Ювентус, а в свое время Гордиан особенно заботился об играх, в том числе молодежных (SHA, Gord. 4, 6)¹⁸. Так что какая-то связь между Гордианом и местной молодежью явно намечается. Но даже если никакого заговора действительно не существовало¹⁹ и во всяком случае Гордиан не был в курсе планируемого выступления, сенат мгновенно использовал восстание в Африке. И личность нового императора вполне соответствовала взглядам и мыслям значительного большинства сенаторов.

Марк Антоний Гордиан Семпрониан принадлежал к сенаторской аристократии. По версии его биографа (SHA Gord. 2, 2), по отцовской линии он происходил от Гракхов, а по материнской — от Траяна²⁰. Современные исследователи опровергают эти сведения²¹. По их мнению, происходил Гордиан, вероятно, из Малой Азии, и его предки могли получить римское гражданство в 40–30 гг. I в. до н. э. от Марка Антония²². Как бы то ни было, знатность Гордиана не вызы-

¹⁷ Lorient X. Op. cit. P. 691; Le Glay M. Op. cit. P. 184.

¹⁸ Lande D. Op. cit. S. 345.

¹⁹ Lippold A. Op. cit. S. 74; Alram M. Op. cit. S. 30–31.

²⁰ Траян был образцовым императором в глазах Александра Севера, который в своей политике в значительной степени ориентировался на этого «лучшего принцепса», каким он его считал. Ср.: Syme. Emperors... P. 111, 155.

²¹ Ф. Альтхайм (Niedergang... S. 300), однако, принимает эту родословную Гордиана.

²² Barnes T. D. Philostratus and Gordian // Latomus. 1968. T. 27. P. 593; Lorient X. Op. cit. P. 694; Dietz K. Op. cit. S. 58. Существовало предположение, что Гордиан был прямым потомком Марка Антония. Основанием для этого служило сообщение о том, что в Риме ему принадлежал бывший дом Помпея (SHA Gord. 3, 6), который, как известно, был в свое время конфискован и приобретен Антонием. Следовательно, логично полагать, что этот дом по наследству переходил к потомкам триумвира, пока его хозяином не стал будущий император (Rohden P., von. Antonius, 61 // RE. 1894. Hbd. 2. Sp. 2629). Однако этот довод в настоящее время серьезно не воспринимается. Во всяком случае очень любопытно, что в генеалогии Гордиана нет места ни Августу, ни Цезарю, но зато, хотя и косвенно, упоминаются Помпей и Антоний: Gillam J. F. Three

вает сомнения. Попытка же связать происхождение нового императора, с одной стороны, со старинным римским родом, а с другой, с любимым сенаторами императором показывает вектор политической мысли, а в данном случае и действия, сенаторских кругов. Семья Гордианов была тесно связана с греко-римской культурой²³. Недаром Филострат свое позднее сочинение «Жизнь софистов» посвятил Антонию Гордиану²⁴. Сам Гордиан в свое время получил очень неплохое образование и в молодости писал стихи. Характерно, что, подражая Вергилию и Стацию, он написал «Антониаду», прославлявшую Антонина Пия и Марка Аврелия (SHA Gord. 3–4). Он был женат на Фабии Орестилле, правнучке Антонина Пия. Таким образом, сенат мог видеть в Гордиане фигуру, которая символизировала не только знатность и высокую культуру личности принцепса (в противоположность вышедшему из варварских низов грубому солдату Максимино), но и хорошие отношения между императором и сенатом, предшествующие и северовскому авторитаризму, и безумствам Коммода²⁵. Символом «доброе старого времени», так непохожего на суровое настоящее, мог представляться Гордиан и африканским повстанцам²⁶.

Карьера Гордиана была довольно долгой и сначала для сенатора обычной. Но в 193 г. он, как кажется, поставил не на ту карту и был исключен из сената, восстановлен в котором был уже Каракаллой. Возобновив карьеру, он стал легатом Нижней Британии, а затем консулом (явно суффектом) и в 237 г. или несколько раньше занял пост проконсула Африки²⁷. К моменту восстания ему было уже 80 лет (SHA Gord. 9, 1), и он сделал своим соправителем с титулом августа своего почти пятидесятилетнего сына Гордиана II, бывшего при нем в качестве легата (SHA Gord. 9, 6). Гордиан II тоже являлся довольно опытным администратором, будучи в свое время и консулом, и проконсулом Ахайи²⁸. А то, что младший Гордиан был в то же время по материнской линии праправнуком Антонина Пия, несомненно, тоже сыграло свою роль. Как подчеркивает автор биографии Гордиана II

passages in the *Historia Augusta* // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1967/1968*. Bonn, 1970. P. 101–102. Возможно, что в это время ни Цезарь, ни Август не представлялись сенаторским кругам идеальными фигурами и их противники привлекали большее внимание.

²³ Syme R. Op. cit. P. 166–170.

²⁴ Barnes T. D. Philostratus... P. 581; Dietz K. Senatus... S. 56.

²⁵ Ср.: John K.-P. Op. cit. S. 152.

²⁶ Bellezza A. Op. cit. P. 146–147.

²⁷ Barnes T. D. Philostratus... P. 593–596.

²⁸ Ibid. P. 596.

(SHA Gord. 17, 4), это обстоятельство связывало его с домом цезарей. Тем самым возникающая династия претендовала на непосредственную преемственность с династией Антонинов. На такую же преемственность претендовали и Северы, но все прекрасно знали о фиктивности установления такого родства. В противоположность Северам Гордианы были подлинными родственниками одного из императоров этой столь чтимой в сенатских кругах династии. И такое высокое родство подтверждало, по крайней мере в глазах сенаторов, что новый император будет одним из лучших принцевов²⁹.

Новый император направил послание в Рим, где сенат с воодушевлением провозгласил его и сына новыми августами (Herod. VII, 7, 2; SHA Gord. 11, 9–10)³⁰. А чтобы закрепить власть за новой династией, резко противопоставленной Максимино и его сыну, малолетний внук Гордиана (будущий Гордиан III) был назначен претором, а в будущем ему был обещан пост консула (SHA Max. 16, 7)³¹. Максимино и его сын официально были лишены власти и объявлены «врагами народа». Зато убитый по его приказу Александр Север был обожествлен³². Предварительно префект претория Виталиан был предательски убит (Herod. VII, 6, 4–8; SHA Gord. 9, 5–8), и это обезопасило новый режим от выступления части преторианцев, оставшихся в Риме. Сам Максимино и его сын во главе армии стояли на Дунае. Провозглашенные императорами Гордианы находились в Африке и не имели никаких личных представителей в столице, кроме тех, с кем были переданы послания сенату и народу. Префект Города Сабин, оставленный Максимином для управления государством (ср. SHA Gord. 13, 2), колебался (SHA Gord. 9, 3). Назначенный Максимином префект претория, обычно замещавший императора во время его отсутствия в столице, как только что говорилось, был убит. В ходе последующих народных волнений, вызванных известием о провозглашении новых августов, были убиты также ранее колебавшийся префект Рима Сабин и различные управ-

²⁹ Ср.: *Béranger J.* L'hérédité dynastique dans l'Historia Augusta // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium* 1971. Bonn, 1974. P. 7.

³⁰ Геродиан (VII, 6, 1) пишет, что Гордиан отправился в Карфаген, чтобы там сделать все, как в Риме. Включает ли планта и создание в Карфагене своего сената? (ср.: *Dietz K.* *Senatus...* S. 337, Anm. 264). Едва ли. Ведь Гордиан сразу же направил послание в Рим, так что ясно, что он полностью признавал компетенцию римского сената. Под «все» могло подразумеваться принятие императорских инсигний, организация своего двора и набор собственного войска.

³¹ *Béranger J.* Op. cit. P. 5.

³² *Lippold A.* Op. cit. S. 82; *Alram M.* Op. cit. S. 25, N. 45.

ляющие и судьи (Herod. VII, 7, 3; SHA Max. 15, 1)³³. В результате власть в Риме, где не оказалось никаких высших чинов императорской бюрократии, фактически полностью оказалась в руках сената. Пожалуй, впервые за многие десятилетия сенат на деле стал верховным правительственным органом.

Сенат направил копии своего постановления и самому Максими-ну, и наместникам провинций (Herod. VII, 7, 5). Из 45 наместников 20 или 25 признали свершившийся переворот³⁴. При этом большинство провинций западной части империи остались верными Максими-ну, в то время как восточная часть в большей степени выступила на стороне сената³⁵. Египет признал Гордианов уже в начале апреля³⁶. В городе Эги в Киликии даже стали сразу выпускать свои монеты с именами обоих Гордианов³⁷. Не исключено, что и некоторые другие города грекоязычного Востока могли сделать то же самое. На стороне сената оказалась и Италия³⁸. Надо заметить, что и правители некоторых сенатских провинций, таких, как, например, Бетики, выступили против решения сената³⁹. Это, вероятно, отражает наличие

³³ Возможно, что погибший префект Рима Сабин был тем Флавием Сабинном, который сравнительно недавно являлся членом сенаторского совета при Александре Севере (SHA Alex. 68, 1): *Bellezza A. Op. cit. P. 159*. Им мог быть и Г. Аппий Сабин, дважды бывший до этого консулом: *Syme R. Op. cit. P. 177*. По Аврелию Виктору (Caes. 26, 5), Сабин был убит не случайно в толпе, как можно полагать из сообщений Геродиана и «Юлия Капитолина», а преторианцами по подстрекательству Домиция. Полагают, что этот Домиций — это либо консуляр С. Кальпурний Домиций Декстер, либо бывший префект Египта, а затем префект претория Л. Домиций Гонорат (*Bellezza A. Op. cit. P. 166*). Есть также предположение, что это — Л. Домиций Галликан (*Dietz K. Senatus... S. 141*). Последнее предположение, однако, представляется сомнительным, т. к., как позже будет сказано, Галликан явился инициатором народного выступления против преторианцев, и трудно представить, что одновременно он был и подстрекателем придворных гвардейцев. Но в любом случае речь явно идет о борьбе различных сенаторских группировок, которые использовали то ли толпу, то ли преторианцев в своих личных и политических целях.

³⁴ *Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 54*.

³⁵ *Alföldy G. Römische Heeresgeschichte. Beiträge. 1962–1985. Amsterdam, 1987. S. 454–455*. На греческом Востоке сенат вообще пользовался значительным почетом. Там долгое время существовал культ сената (Ἱερὰ Σύγκλητος). Он еще существовал и в III в.: *Kienast D. Der heilige Senatus. Senatuskult und kaiserliche Senat // Chiron. 1985. Bd. 15. S. 266–277*. Может быть, на поведение восточных провинций повлияло и азиатское происхождение Гордиана: *Loriot X. Op. cit. P. 699*.

³⁶ *Rathbone D. W. Dates... P. 109*.

³⁷ *Weiss P. Ein Altar für Gordian III, die älteren Gordianen und die Severer aus Aigai (Kikikian) // Chiron. 1982. Bd. 12. S. 196–197*.

³⁸ *Loriot X. Op. cit. P. 699–700*.

³⁹ *Ibid. Sp. 699*.

упоминавшихся выше различных группировок в сенате и неустойчивость настроений в высших кругах общества. К этому времени из числа тех сенаторов, происхождение которых нам известно, италиков (и собственно римлян) было приблизительно 48%, а из числа провинциальных сенаторов 25% происходили из Африки и 50% — с грекоязычного Востока⁴⁰. Галльские и испанские сенаторы, игравшие значительную роль в конце I в., может быть, в начале II в., явно были оттеснены выходцами с Юга и Востока. Этот процесс, начавшийся еще при Траяне и резко убыстрившийся при Северах, разумеется, не мог не вызвать некоторого недовольства среди представителей Запада. Едва ли надо думать, что весь сенат как единый блок был оппозиционен солдатскому императору. В нем явно существовали группы, в большей степени лояльные Максиминому⁴¹. К тому же многие наместники не могли не понимать, что расстановка реальных сил не очень-то благоприятна для сената, в распоряжении которого реальной боеспособной армии не было. А то, что Максимин не смирится со своим свержением, было совершенно ясно.

Развитие событий подтверждало опасения колеблющихся. Легат Нумидии Капеллиан решительно выступил против Гордианов. Правда, какая-то часть находившихся под его командованием войск, как кажется, некоторое время колебалась⁴², но Капеллиан довольно быстро восстановил порядок. И Геродиан, и автор биографий Максиминов и Гордианов объясняют это выступление в первую очередь взаимной ненавистью наместников двух соседних провинций. Впрочем, автор биографии Максимиана («Юлий Капитолин») отмечает еще один мотив действия Капеллиана: он подготавливал плацдарм для возможного провозглашения себя самого императором в случае гибели Максимиана (SHA Max. 19, 5). Силы были явно неравны. В распоряжении Капеллиана находился III Августов легион⁴³, в то время как Гордианы могли рассчитывать лишь на нерегулярные части и только что набранное ополчение⁴⁴. Армия Гордиана потерпела поражение. Гордиан II погиб в сражении, а его отец, узнав о поражении и гибели

⁴⁰ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 110.

⁴¹ Bellezza A. Op. cit. P. 119; Zimmermann M. Op. cit. S. 264.

⁴² Kallala N. Op. cit. P. 1710.

⁴³ Этот легион с мая 235 г. имел еще и почетное имя Максимианиана, что говорит о его преданности императору (Bellezza A. Op. cit. P. 81, 148). И это обстоятельство Капеллиан тоже не мог не учитывать. Характерно, что после убийства Максимиана этот легион был распущен и лишь позже восстановлен: Kubitschek W. Legio // RE. 1925. Hbd. 24. Sp. 1501.

⁴⁴ Drinkwater J. Maximinus to Diocletian and "crisis" // САН. 2005. Vol. XII. P. 31.

сына, повесился (Herod. VII, 9, 1–3; SHA Max. 19, 1–2; Gord. 15–16). Победитель обрушил на сторонников Гордианов репрессии, жертвой которых пал, в частности, некий Л. Эмилий Северин⁴⁵. Знаком победы Капеллиана стало восстановление имен Максимиана и его сына на некоторых миллиариях⁴⁶.

Поражение и гибель Гордианов повергли сенаторов в шок. Они явно не ожидали такого поворота событий. Исчезновение признанных сенатом и, следовательно, единственных законных императоров создало юридический и властный вакуум. Заполнить его надо было как можно быстрее, ибо неясно было, как в таких условиях поведут себя и наместники, и провинциальные армии. И сенат на своем заседании избрал двух новых императоров — Пупиена и Бальбина. Впрочем, этот акт оказался совсем не автоматическим.

Хронология этих событий не совсем ясна, но все же понятно, что между гибелью Гордианов и избранием Пупиена и Бальбина прошло, как можно судить по папирусным данным, видимо, дней десять⁴⁷. Если учесть, что известие о событиях в Африке шло в Рим не менее двух-трех дней⁴⁸, то выходит, что на раздумье у сенаторов было около недели. Геродиан и «Юлий Капитолин» несколько по-разному описывают эти события. По словам Геродиана (VII, 10, 2–3), сенат собрался на специальное закрытое заседание, дабы обдумать действия в случае неизбежной войны с Максиминем. Заседание это состоялось в храме Юпитера Капитолийского, и на нем как бы в присутствии самого верховного бога избрали императорами Пупиена и Бальбина. Если буквально следовать изложению Геродиана, то сенаторы уже заранее решили избрать не одного, а двух равноправных августов, чтобы избежать тирании; кандидатов же было несколько, но Пупиен и Бальбин получили больше голосов, чем другие. Автор же биографии Пупиена и Бальбина (SHA M, B 1–2) говорит, что заседание проходило в храме Конкордии (Согласия) и сенаторы сначала занимались различными текущими делами, пока принцепс сената не прервал доклад консула и не призвал сенат избрать новых императоров. Выступивший вслед за ним Пупиен

⁴⁵ Lassère J.-M. Op. cit. 1977. P. 547. Северин был казнен в Нумидии. Это может говорить о том, что сторонники Гордианов имелись и в этой провинции, управляемой Капеллианом: Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 395.

⁴⁶ Kallala N. Op. cit. P. 1712–1713.

⁴⁷ Rea J. R. O. Leid. 144 and the Chronology of A.D. 238 // ZPE. 1972. Bd. 9. Hft. 1. P. 8–11.

⁴⁸ По словам Плутарха (Cat. Maior 27), Карфаген находился на расстоянии двух-трех дней плавания от Рима.

предложил избрать сразу двух императоров (автор умалчивает о причине такого предложения), а Векций Сабин⁴⁹ выдвинул кандидатуры Пупиена и Бальбина, из которых один должен был защитить Италию от армии Максимиана, а другой в это время заниматься внутренними делами. И сенат единодушно и с восторгом принял предложение Векция Сабина.

Оба источника не очень-то надежны. Геродиан гордился тем, что он повествует только о том, что видел или о чем слышал сам, но он, разумеется, не мог присутствовать на заседании сената и пользовался какими-то известиями об этом⁵⁰. Собрание императорских биографий, как говорилось во Введении, некоторыми исследователями вообще считается относительно поздней фальшивкой, хотя их авторы (или автор) пользовались довольно доброкачественными источниками. Сам автор биографий Пупиена и Бальбина то приводит различные документы, которые могли бы считаться (но обычно исследователями не считаются) извлечениями из сенатских протоколов, то ссылается на греческих историков Геродиана и Дексиппа (например, 15, 3–5). Поскольку между изложениями этого автора и Геродиана существуют отмеченные различия, то можно думать, что источником сведений «Юлия Капитолина» об избрании Пупиена и Бальбина являлось сочинение Дексиппа. П. Геренний Дексипп, как указывалось во Введении, был не только историком, но и активным участником событий; в частности, он командовал войсками в войне с готами при Галлиене, описав затем эту войну (SHA Gal. 13, 8). Однако по отношению к более раннему времени он не всегда точен: так, он называет Элагабала не двоюродным братом, а дядей по отцу Александра Севера (SHA Alex. 49, 5). Для решения вопроса обратимся к другим, менее подробным сообщениям античных авторов.

Очень кратко об этих событиях упоминает Аврелий Виктор (Caes. 26, 7), но это упоминание содержит очень важный нюанс: после известия о гибели Гордианов сенаторы сначала (primo) поочередно (vices) осуществляли власть (potestatum), а лишь потом (tunc) императорами были назначены Пупиен и Бальбин. Аврелий Виктор, занимая высокие посты, в том числе должности консула и префекта Ри-

⁴⁹ В действительности *poen* Векция Сабина был не *Vectius*, а *Vettius*, так что речь идет, всроятнее всего, о Веттии Сабине, потомке всадника П. Веттия Сабина: *Hanslik R. Vettius*, 44) // RE. 1958. Hbd. 16A. Sp. 1867–1868. Этот всадник был уроженцем Равенны, и, возможно, семья сохранила связи с этим городом. Недаром Равенна стала центром собрания Пупинием сил для борьбы с Максимином.

⁵⁰ *Доватур А. И.* Историк Геродиан // Геродиан. История. СПб., 1995. С. 33.

ма⁵¹, мог кроме письменных источников использовать различные документы, хранившиеся в архивах Рима и Константинополя. Поэтому, хотя он довольно поздний историк, его сведения вызывают доверие. Несколько путано об этих событиях рассказывает Зосим (I, 14, 2), основным источником которого в данном случае считается тот же Дексипп⁵². По Зосиму, сенат в предвидении неминуемого наступления Максимиана избрал из своей среды двадцать наиболее опытных в военном деле человек, а среди них в качестве *αὐτοκράτορας* Бальбина и Максима, т. е. Пупиена. Последний издатель труда Зосима Ф. Пашу полагает, что в этом месте слово *αὐτοκράτορας* означает не императоров, как обычно у поздних историков, а главнокомандующих⁵³. Зосим дальше (15–16) действительно говорит об ожидании императоров из Африки (а это, конечно же, Гордианы). Но еще до этого, по его словам, Максимиан и его сын были убиты; далее — буря погубила Гордианов, после чего власть была вручена Гордиану III, а Пупиен и Бальбин организовали заговор против нового императора, но были убиты вследствие раскрытия этого заговора. Это все, однако, настолько противоречит ходу событий, известному по другим источникам, что принято быть не может. Такая путаница объясняется отсутствием у Зосима источника, детально рассказывающего об этом времени⁵⁴. В то же время Зосим сообщает о создании специальной комиссии из двадцати сенаторов для организации обороны от Максимиана, о чем молчат и Геродиан, и Аврелий Виктор. Создание этой комиссии упоминает также «Юлий Капитолин» (SHA Gord. 10, 1–2). Ее создание подтверждается надписями, которые уточняют, что члены этой комиссии были консулярами (ILS 1186; CIL XIII, 6763; XIV 3902). Следовательно, в данном случае Зосим и автор биографии Гордианов правы. Наконец, это позволяет говорить, что еще до избрания императорами Пупиена и Бальбина власть реально принадлежала сенату и избранному им органу. А это косвенно подтверждает скорее правоту Геродиана, чем «Юлия Капитолина».

Решение вопроса о реальной роли сената и возможной борьбе различных группировок внутри него в значительной степени связано с проблемой относительной хронологии. Большинство исследователей полагает, что комиссия двадцати была создана до избрания

⁵¹ Gruendel R. Praefatio // *Sextus Aurelius Victor. Liber de Caesaribus*. Lipsiae, 1961. P. VI–VIII; *Albrecht M., von*. Op. cit. S. 1089–1090.

⁵² Paschoud F. Notes // *Zosime. Histoire nouvelle*. Paris, 2000. T. I. P. 141–142.

⁵³ Ibid. P. 142. Зонара (XII, 16) прямо называет Пупиена (Максима) и Бальбина (Альбина) полководцами (*στρατηγούς*). Это слово никогда не обозначает императора.

⁵⁴ Idem. Introduction // *Zosim...* P. XXVIII.

Пуписна и Бальбина императорами. Однако была высказана мысль, что создание этой комиссии имело место уже после избрания новых императоров⁵⁵. В известной степени такой вывод можно сделать из рассказа Геродиана (VII, 11–12). Историк рассказывает, что приблизительно в то же время, как были избраны Пупиен и Бальбин и провозглашен цезарем Гордиан III, началась фактически гражданская война в самом Риме, и во время этих боев избирались начальники по всей Италии и вооружалась молодежь, большую часть которой Пупиен увел для войны с Максиминем. Избрание начальников и мобилизацию молодежи можно сопоставить с созданием комиссии двадцати *rei publicae curandae* (ILS 1186). Однако такой вывод все же лишь косвенный. Зосим же прямо говорит, что сначала из числа сенаторов (τῆς βουλῆς) были избраны двадцать наиболее опытных в военном деле, а уже из них (ἐκ τούτων) были назначены Бальбин и Пупиен. Сообщение Зосима об избрании двадцати сенаторов совпадает с официальным названием комиссии: *XX viri ex senatu consilio rei publicae curando*. Поэтому скорее надо присоединиться к традиционному мнению, что создание комиссии предшествовало избранию императорами Пуписна и Бальбина, которые сами были членами этой комиссии⁵⁶.

Пассаж Зосима не дает твердых хронологических указаний. Гораздо определеннее в этом отношении «Юлий Капитолин». По его словам, сенат, как только узнал о провозглашении Гордианов, не только сразу же одобрил это, но и тотчас же избрал двадцать мужей, включая Пупиена и Бальбина, для организации обороны Италии от армии Максимина. Так что, если верить автору биографии Гордианов, сенат избрал комиссию двадцати сразу же после получения известия о восстании в Африке. Это соответствует и реальной обстановке. Сенаторы едва ли могли рассчитывать на добровольное подчинение Максимина их решению. Необходима была мобилизация всех возможных ресурсов для организации отпора наступлению официально свергнутого, но в реальности располагающего значительной воинской силой императора. В распоряжении Гордианов в Африке сил, как уже говорилось, было немного⁵⁷, а далеко не все провинциальные намест-

⁵⁵ Lorient X. Op. cit. P. 697.

⁵⁶ Например, Stein. Caelius // RE. 1897. Hbd. 5. Sp. 1261. До недавнего времени было известно шесть членов этой комиссии, включая Пупиена и Бальбина: Dietz K. Senatus... S. 326–329.

⁵⁷ В африканских землях стоял III Августов легион: Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 252, 265. Но он, как мы видели, находился в распоряжении не Гордианов, а Капеллиана.

ники были готовы признать Гордианов и предоставить свои силы в распоряжение новых принцепсов и сената. Правда, в самой Италии тоже имелись вооруженные силы. Но большая часть преторианцев находилась при особе императора, т. е. в данном случае вместе с Максиминим. Стоявший обычно в Италии II Парфянский легион был выведен из страны и находился в армии Максимиана. К тому же надо учесть, что среди солдат Максимин вообще был гораздо более популярен, чем сенат и сенатские императоры. Поэтому создание специального органа и организация им новой армии в самой Италии были жизненно важны.

До недавнего времени были известны имена шести членов этой комиссии, включая будущих императоров⁵⁸. Сравнительно недавно к этому списку прибавился седьмой член — М. Гн. Лициний Руфин (А. é 1997, 1425)⁵⁹. Хотя мы знаем всего лишь немногим больше трети вигинтивиров, из этого списка можно сделать некоторые выводы. Во-первых, было различным их происхождение. Оставляя в стороне Пупиена и Бальбина, о которых пойдет речь позже, надо отметить наличие среди вигинтивиров представителей старой знати — патрициев. Таким был Л. Валерий Клавдий Ацилий Присциллиан, сын консула и проконсула, считавший себя (насколько оправданно, сказать трудно) потомком знатной фамилии Валерий Мессал республиканского времени⁶⁰. Новым патрицием был Л. Цезоний Луцилл Макр Руфиниан. Во время гражданской войны 193–197 гг. его отец был активным сторонником Септимия Севера, и это стало основой блестящей карьеры и отца, и сына. Сам будущий вигинтивир был возведен в патрициат тем же Септимием Севером или Каракаллой⁶¹. Рутилий Пудент Криспин был «новым человеком». Может быть, он принадлежал к плебейскому роду Рутилиев, игравших определенную роль в Риме в последнем веке республики, но в имперский период явно не занимавших особо видные посты⁶². Делая военную карьеру, Рутилий Пудент Криспин стал латиклавным трибуном,

⁵⁸ Dietz K. *Senatus...* S. 326–327.

⁵⁹ Millar F. *The Greek East and Roman Law: The Dossier of M. Gn. Licinius Rufinus* // JRS. 1999. Vol. 89. P. 95–96; Gordon R., Reynolds J. *Roman Inscriptions 1995–2000* // JRS. 2003. Vol. 93. P. 238–239; Potter D. S. *The Roman Empire...* P. 231.

⁶⁰ Dietz K. *Senatus...* S. 245–248, 329.

⁶¹ Ibid. S. 103–109, 328.

⁶² Eder W. *Rutilius* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 1471–1473. В имперское время только Кв. Юлий Рутилий Кордин стал сенатором, легатом и консулом при Нероне и Веспасиане: Wirth G. *Rutilius* // Ibid. Sp. 1473. Но он явно не был предком Рутилия Пудента.

т. е. трибуном сенаторского ранга, вероятно, при Септимии Севере⁶³. О происхождении четвертого члена комиссии, Туллия Менофила, ничего определенного сказать нельзя, хотя он и играл значительную роль в Риме в первой половине III в.⁶⁴ Что же касается недавно обнаруженного нового члена комиссии XX, то, судя по предыдущей карьере, Руфин, как и Криспин, был *homo novus*.

Во-вторых, любопытно не только социальное, но и географическое происхождение членов комиссии. Четверо вигинтивиров происходили из Италии. Бальбин, как об этом будет сказано ниже, считался (или считал себя) потомком испанца Бальба. Поэтому не исключено, что он был родом из Бетики. Но никаких доводов в пользу такого предположения нет. И вполне возможно, что он тоже был либо римлянином, или по крайней мере италиком. Также неизвестно происхождение Менофила. Его когномен — греческий. Это еще не означает, что он обязательно происходил с Востока, ибо греческие имена имели и римляне⁶⁵. И все же его восточное происхождение кажется очень вероятным. Родиной же Руфина была провинция Азия. Если новые находки не принесут в этом плане сюрприза, то можно говорить, что в комиссию вошли консуляры, представлявшие Италию и восточные провинции⁶⁶. И это соответствует отношению к Максимино различных групп сенаторов, о чем говорилось выше.

В-третьих, различна была предыдущая карьера вигинтивиров. Некоторые из них были связаны с армией. Не говоря о Пупиене, это были Криспин и Менофил. А карьеры Руфиниана и Присцилиана были исключительно гражданскими⁶⁷. Но при всем этом их карьеры были типично сенаторскими и вершинами этих карьер были посты консулов. Совершенно необычным оказался *cursus honorum* Руфина. Он был известным юристом⁶⁸ и значительную часть своей сознательной жизни провел в императорской канцелярии, занимая посты *a studiis*, *a rationibus*, *a libellis*. Только потом он стал претором и затем наместником Норика⁶⁹. Руфин имел, по-видимому, ранг консуляра

⁶³ Dietz K. *Senatus...* S. 210–220, 328.

⁶⁴ Ibid. S. 233–245, 329.

⁶⁵ Dietz K. *Senatus...* S. 237.

⁶⁶ Учитывая сомнения относительно Бальбина.

⁶⁷ Zimmermann M. *Kaiser und Ereignis*. München, 1999. S. 273.

⁶⁸ Одна из ранее известных надписей называет его *ἐντρεπὸς νόμος* (чрезвычайно опытный в законах): Millar F. *The Greek East...* P. 93. Кроме того, его имя встречается в Дигестах (24, 1, 41), где он упоминается как автор большого сочинения *Regula* (Правила).

⁶⁹ Надпись называет его *ἡγεμὼν*. «Легат» на греческий язык обычно переводится как *ἀρχιεπίτροπος*. Можно говорить, что Руфин в Норике не имел ранга легата Августа. *ἡγεμὼν*

(**υλατικός*)⁷⁰. В списке ординарных консулов его имя не встречается, поэтому теоретически он мог быть в каком-то году, предшествующем 238-му, консулом-суффиксом⁷¹. Но в подробном перечислении его должностей эта должность не упоминается. Поэтому гораздо вероятнее, что Руфин, являясь всадником, был введен в сенат в ранге консуляра, не будучи предварительно консулом.

Все это позволяет говорить, что при избрании комиссии XX сенаторы старались учесть интересы различных группировок, несомненно, существующих в сенате. В комиссии были представлены и члены старой знати, и «новые люди», только недавно вошедшие в сенат, люди, имевшие солидный военный опыт, и гражданские деятели, и даже выходцы из имперского бюрократического аппарата, наконец, представители и Италии, и тех провинций, которые поддержали Гордианов. Включение в состав комиссии известного и опытного юриста должно было обеспечить «юридическую чистоту» ее действий. Такой состав делал комиссию XX полномочным органом сената. Сам сенат, таким образом, подтверждал и пытался на деле реализовать свое положение высшей инстанции государства.

Суммируя все порой противоречивые сведения источников, можно представить развитие событий следующим образом. Независимо от того, существовал заговор или нет, а если существовал, то какую роль в нем играл Гордиан либо его сын, известие о восстании в Африке и провозглашении новых императоров горячо приветствовалось сенатом. Именно сенат в сложившейся ситуации оказался важнейшим органом. Как известно, в эпоху принципата сосуществовали имперский бюрократический государственный аппарат

иногда обозначает прокуратора. Но трудно представить, что после претурны Руфин стал прокуратором. Надо иметь в виду, что в ходе или в результате Маркоманских войн Марк Аврелий, видимо, с целью укрепить предположе Италии ввел в Норик II Италиейский прокуратора и поставил во главе провинции уже не прокуратора, как это было ранее, а легата пропреторского ранга: *Alföldy G. Noricum. London: Boston, 1974. P. 157, 159.* Между тем никаких экстраординарных событий, которые заставили бы императора вернуть наместнику Норика прежний прокураторский ранг, не происходило. Поэтому гораздо логичнее считать, что **πραιός* — перевод латинского *praeses* (*Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions. Toronto, 1974. P. 52, 147–149.*). О том, что такой перевод вполне возможен, говорит пассаж Геродиана (VII, 5, 2), в котором упоминаются **πραιωνίος* Гордиана и совершенно ясно, что прокуратором тот быть не мог. В актах африканских мучеников 250 г. *praefectus, praeses* и **πραιός* встречаются практически параллельно (*Dietz K. Senatus... S. 160*). Вероятнее всего, Руфин имел ранг именно презида. По мнению Ф. Миллара, Руфин действительно был президом, но формально считался легатом Августа: *Millar F. The Greek East... P. 97–98.*

⁷⁰ Ср.: *Mason H. J. Op. cit. P. 95, 170–171.*

⁷¹ *Millar F. The Greek East... P. 98; A. é. 1999. P. 43.*

и сенат с его формально избираемыми магистратами (и промагистратами). Теперь же первый был фактически обезглавлен. Префект претория, фактически возглавлявший этот аппарат в отсутствие императора, был убит еще до оглашения посланий Гордианов. Префект Рима колебался, а несколько позже разделил участь префекта претория. В ходе беспорядков были убиты и другие чиновники. В этой ситуации инициативу в свои руки взял консул. Если верить «Юлию Капитолину», то он, предварительно встретившись с другими магистратами, в неположенный день созвал сенат и стал инициатором признания Гордианов и объявления Максимиана и его сына врагами народа (SHA Gord. 11). Была ли уже тогда создана комиссия двадцати, или это произошло позже, когда выяснилось, что Максимиан и не думает сдаваться, далеко не все наместники признали Гордианов императорами, а надежды на приход военных сил из Африки практически не было? Определение цели этой комиссии — *rei publicae curandae* — говорит скорее в пользу первого предположения. В отсутствие признанных императоров комиссия на основе принятого сенатусконсульта должна была осуществлять верховную власть в государстве⁷². Естественно, что обойти проблему вооруженного сопротивления Максимиану сенаторы тоже не могли. Недаром в комиссию вошли люди особенно опытные в военном деле, некоторые из которых уже направились в Северную Италию для организации ее обороны. Но в ее состав вошли и люди, до этого, как говорилось выше, военного опыта не имевшие, такие, например, как Руфиниан и Присициллиан. Да и недавно обнаруженный член комиссии XX Руфин не делал до этого военной карьеры. Правда, одно время он являлся наместником Норика и это делало его знатоком северного «предполья» Италии. Но при этом он, судя по его *cursus honorum*, был к 238 г. сугубо штатским чиновником⁷³, хотя в качестве наместника Норика должен был все же командовать находившимся там II Италийским легионом. Это подтверждает мысль о том, что комиссия XX должна была не только обеспечить защиту Италии от армии Максимиана, но и осуществлять временное общее руководство государством. Извешение же о гибели Гордианов заставило сенат искать возможности заполнения неожиданно возникшего вакуума.

⁷² Ср.: *Lo Cascio E. The government and administration of the empire in the central decades of third century* // САН. 2005. Vol. XII. P. 156–157. Существует предположение, что образцом для создания этой комиссии был сенаторский совет, учрежденный Александром Севером, но из имеющихся источников это совершенно не вытекает: *Zimmermann M. Op. cit. S. 272–273*. К тому же этот совет существовал при императоре, а комиссия XX была создана до избрания новых императоров.

⁷³ *Gordon R., Reynolds J. Op. cit. P. 238–239.*

Пока в империи официально имелись признанные сенатом императоры, даже если они физически находились далеко от столицы, правительственные полномочия вполне могли осуществлять имеющиеся в Риме власти. Но исчезновение законных принцепсов заставляло сенат сделать нетривиальные шаги. Ситуация в некоторой степени напоминала ситуацию 41 г., когда после убийства Калигулы в Риме не оказалось законного императора и сенат, казалось, стал хозяином положения. Но, разумеется, полностью идентичными эти ситуации не были. Тогда, с одной стороны, еще не выветрилась память о республиканских временах и часть сенаторов могла всерьез думать об их возвращении, а с другой, реальной силой оказались преторианцы, которые и решили дальнейшую судьбу государства. Теперь же ни о каком возвращении к доимператорской эпохе не могло быть и речи, но зато и сил, готовых в самом Риме энергично сопротивляться сенату, было не так уж много. Как уже упоминалось, сенат как корпорация противопоставлял себя и остальному населению империи, и армии, но внутри него, несомненно, тоже имелись различные группировки, и либо на согласование различных интересов, либо на победу одних групп сенаторов над другими требовалось некоторое время. Поэтому и решено было на какое-то время осуществлять управление поочередно. Образцом для этого, несомненно, был институт междоцарствия, о котором, видимо, и вспомнили сенаторы.

Долго, однако, так продолжаться не могло. Положение было слишком серьезным, и надо было принимать решение. Достичь полного согласия явно не удалось, и было выдвинуто несколько кандидатов на пост новых принцепсов. Геродиан (VII, 10, 3–5) выделяет два этапа выборов: сначала выдвижение тех, кого считали наиболее подходящими, а затем уже избрание большинством голосов Пупиена и Бальбина. Характерно, что для обозначения первого этапа греческий историк использует глагол *δοκιμάζω*, как в свое время в Афинах называли первичную проверку кандидатов. Это ясно говорит о внутренней борьбе в сенате и выдвижении нескольких претендентов на трон⁷⁴. Победу одержали группировки, ориентировавшиеся на Пупиена и Бальбина. Эти люди и были избраны большинством голосов. Само по себе существование двух равноправных императоров не было новостью в Риме. Веспасиан и Тит, Марк Аврелий и Люций Вер, Каракалла и Гета уже правили Империей. А в последние годы

⁷⁴ К. Лорно считает несомненным, что этим этапом было избрание комиссии XX (Loriot X. Op. cit. P. 703). Однако этот вывод никак не следует из рассказа Геродиана и нам представляется совершенно необоснованным.

правления Септимия Севера официально у власти находились даже три августа. И совсем недавно два Гордиана были признаны законными императорами. Но в каждом из этих случаев речь шла о близких родственниках (даже Марк Аврелий и Люций Вер официально считались братьями). И если исключить случай Каракаллы и Геты, то во всех остальных дуализм власти был чисто формальным, ибо фактическую власть осуществляли соответственно Веспасиан, Марк Аврелий, Септимий Север. Теперь же впервые на троне оказывались два действительно равноправных августа, не являвшиеся ни фактически, ни формально родственниками. Их равноправие было подчеркнуто тем, что впервые достоинство верховного понтифика было разделено между обоими императорами⁷⁵.

Геродиан и биограф Пупиена и Бальбина по-разному оценивают причины избрания двух равноправных августов. Геродиан (VII, 10, 2) называет причиной разделения власти стремление не допустить установления тирании, какая могла возникнуть в случае, если бы у власти стоял один человек. «Юлий Капитолин» приводит другой резон, вкладывая в уста Векция Сабина предложение, чтобы один принцепс ведал военными делами, а другой — внутренними, чтобы один отправился на войну с Максиминем, а другой оставался в Риме (2, 5). И в том, и в другом случае аллюзии, связанные с республиканской эпохой, очевидны. Можно вспомнить слова Флора (I, 9, 2), писавшего, что после изгнания царей римский народ вместо них поставил у власти двух консулов, чтобы власть не искажалась единоличностью или долговременностью (*solitudine vel mora*) правящего⁷⁶. Из истории, особенно более раннего времени, известно, что один консул обычно отправлялся на войну, а другой находился в Риме. Конечно, новые времена внесли существенную коррективу: верховная власть оставалась бессрочной, но ограничивалась коллегиальностью. В этих условиях сенат вполне мог стать высшим арбитром.

Впрочем, как кажется, была еще одна причина такого необычного решения. Оно вполне могло явиться результатом компромисса, достигнутого в ходе закулисных переговоров⁷⁷. В этом отношении

⁷⁵ *Enßlin W.* Op. cit. P. 78.

⁷⁶ В данном случае нас не интересует, действительно ли уже тогда была установлена власть двух консулов (либо преторов), или же эта коллегиальность возникла позже. Несомненно одно: в I–III вв. уже давно устоялось и не вызывало никаких сомнений представление об установлении коллегиального консулата именно с целью недопущения узурпации власти.

⁷⁷ *Syme R.* Op. cit. P. 166; *Zimmermann M.* Op. cit. S. 272–273. Ср.: *Drinkwater J.* Op. cit. P. 32; *Lo Cascio E.* Op. cit. P. 157.

интересен ход сенатского заседания, как он изображен «Юлием Капитолином» (1–2). Хотя многие детали, приведенные этим автором, в том числе цитаты из документов, в настоящее время считаются неподлинными, описание общего хода событий не может вызвать особых возражений. По словам биографа, сенат сначала молчанием встретил предложение принцепса сената отбросить прежние дела и избрать новых императоров. Затем Пупиен в своем выступлении настаивал на избрании именно двух принцепсов. Наконец, Векций Сабин предложил избрать конкретно Пупиена и Бальбина. Несколько позже Векций Сабин был назначен префектом Рима (SHA *Max. Balb.* 4, 4), что нельзя расценивать иначе, как плату за его выступление. Позже этот же Сабин был ординарным консулом⁷⁸, причем это консульство было у него второе⁷⁹. Это говорит о том, что он принадлежал к верхушке сенатской знати⁸⁰. Из рассказа вытекает, что предложения и Пупиена, и Сабина были неожиданностью для многих сенаторов. Если учесть приведенные выше сведения Геродиана о наличии нескольких кандидатов, из которых Пупиен и Бальбин получили большинство голосов, то создается впечатление, что другие группировки не были готовы к такому повороту событий и не смогли сплотить вокруг своих кандидатов необходимое число голосующих сенаторов⁸¹. Может быть, на такой эффект и было рассчитано предложение Векция Сабина. И едва ли надо верить «Юлию Капитолину», что сенат единодушно и с восторгом избрал Пупиена и Бальбина. В «Эпитоме о цезарях» (26, 2), приписываемой Аврелию Виктору, но явно ему не принадлежавшей, Пупиен и Бальбин называются захватившими власть (*regnum invadentes*). Глагол *invado* имеет оттенок насильственности действия. Хотя рассказы Геродиана и биографа Пупиена и Бальбина расходятся в деталях, в целом они совпадают: оба новых императора были избраны голосованием сенаторов, и ни о каких насильственных действиях ни их самих, ни их сторонников

⁷⁸ *John K.-P.* Op. cit. S. 112.

⁷⁹ Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 233. В списках ординарных консулов Сабин упоминается только в 240 г. Следовательно, впервые он был консулом-суффектом, а не ординарным.

⁸⁰ *Dietz K.* *Senatus...* S. 268. «Юлий Капитолин» говорит, что Векций Сабин происходил из Ульпиев (*ex familia Ulpiorum*). Даже если это является выдумкой автора, характерно указание на родство со столь чтимым сенаторами Траяном, что, по мнению писателя (а, может быть, и сенаторов), должно было дополнительно связать новых принцепсов с первыми Антонинами. Ср.: *Syme R.* Op. cit. P. 100.

⁸¹ Если сопоставить этот рассказ с приведенным выше изложением Геродиана, то можно полагать, что целью первого этапа — докциация — было стремление «усыпить» бдительность сторонников других кандидатов.

по отношению к сенату не говорится. Видимо, в этих словах позднего автора сохранились отзвуки недовольства тех сенаторов, которые оказались в меньшинстве во время голосования.

И Геродиан (VII, 10, 4), и биограф Пупиена и Бальбина (5–7) подчеркивают противоположность личностей новых императоров. Это была противоположность не только характеров, но и происхождения. Бальбин был очень знатным (*nobilissimus*) и богатым, принадлежал к патрициату и сам возводил свой род к известному политическому деятелю и историку I в. до н. э., верному стороннику Цезаря, а затем Октавиана, Корнелию Бальбу Теофану (SHA Max. Balb. 7). Заметим, что Бальб обычно не называется Теофаном. С другой стороны, известно, что, хотя он фактически получил римское гражданство от Помпея (об этом пишет и «Юлий Капитолин» — *per Gnaeum Pompeium*), официально он был усыновлен митиленцем Теофаном, который сам стал римским гражданином благодаря Помпею (Cic. Att. VII, 7, 6), так что «Теофан» вошло в систему наследственных имен Бальбов⁸². Редчайшее упоминание этого когномена позволяет думать о достоверности источника знаний биографа. Это, конечно, не означает, что Бальбин реально происходил от Бальба, но говорит о действительном существовании таких его притязаний. О Пупиене биограф пишет, что его отец был плебеем (*e plebe*) и то ли кузнецом, то ли изготовителем телег. Геродиан сообщает, что Пупиен тоже был благородным и патрицием (*εὐγενὴς καὶ εὐλατρίδης*), но в то же время явно противопоставляет его более знатному Бальбину. Хотя столь низкое происхождение Пупиена считается фальшивкой, нет сомнения, что он был *homo novus*⁸³. Оба будущих императора делали похожую карьеру, которая, по-видимому, может считаться типичной. В том числе они были наместниками провинций и командовали войсками, занимали должности консулов⁸⁴. В целом оба они явно олицетворяли две силы в сенаторском сословии — «старых» и «новых» сенаторов, выдвинувшихся уже при Северах. Выдвижение их обоих и явилось компромиссом между этими силами.

И все же дело было не только в компромиссе. Сенат впервые получил возможность свободного избрания принцепса, и избрано было два равноправных императора. Это было совершенно новым явлением в конституционной истории принципата и воплощением

⁸² Blázquez J. M. La economía de Hispania Romana // Historia de España. T. II, 1. Madrid, 1982. P. 341.

⁸³ Dietz K. Senatskaiser und ihre μοναρχίας ἐπιθυσία // Chiron. 1976. Bd. 6. S. 393; Idem. Senatus... S. 129–131.

⁸⁴ Syme R. Op. cit. P. 171–172.

идеала римской аристократии⁸⁵. Этот идеал изложен в программной речи Пупиена перед солдатами после гибели Максимиана, как ее передал Геродиан (VIII, 7, 4–6)⁸⁶. Пупиен называет три инстанции власти: римляне, сенат и императоры, избранные народом и сенатом⁸⁷. Избраны же они из-за их благородного происхождения⁸⁸ и военных подвигов. Власть является не собственностью одного человека, а общим достоянием римского народа (κοινὸν τοῦ Ῥωμαίων δήμου), императорам же вручено управление, дабы римляне жили счастливо и свободно, а варвары оставались спокойными. Сами по себе эти идеи были не новы. Нерон в своей «тронной» речи, написанной Сенекой, обещал разделить дом и государство (domum et rem publicam) (Tac. Ann. XIII, 4, 2). Гальба, усыновляя Пизона, выдвинул принцип заслуги, а не рождения в правящем доме как основание для наследования власти (Tac. Hist. I, 15–16). Если для Гальбы заслугой были знатное происхождение и внутренние качества наследника, то для Антонинов — опыт в государственных делах. Пупиен соединяет оба аспекта принципа заслуги, несмотря на то что его собственное благородное происхождение было весьма сомнительным. И это явно — не личные взгляды императора, а точка зрения сенаторской знати. Именно таким сенат (по крайней мере, его большинство) хотел видеть политическое устройство Римской империи, в котором два императора, уравнивая, как когда-то консулы, друг друга, правили наподобие магистратов республики, в то время как высшая власть принадлежала бы сенату и народу⁸⁹. Конечно, эту речь нельзя считать абсолютно подлинной хотя бы потому, что перед нами греческий, а не латинский текст. Но основные идеи речи в нем представлены верно. Надо заметить, что сам Пупиен, если верить Геродиану, в качестве первого основания для избрания именно его и Бальбина приводит их благородное происхождение (εὐγένεια), в то время как для историка гораздо более важны воспитание (παιδεία) и опытность (ἐμπειρία)⁹⁰. Уже поэтому можно считать, что высказанное Пупиеном — это не идеи Геродиана,

⁸⁵ Lorient X. Op. cit. P. 703.

⁸⁶ Об этой речи как о программе: Lorient X. Op. cit. P. 706.

⁸⁷ Явное противопоставление провозглашению армией.

⁸⁸ Может быть, в утверждении «Юлия Каптолина» о низком (e plebe) происхождении Пупиена содержится скрытая полемика с императором. Как уже говорилось, одним из источников автора биографии был, как он сам писал, Геродиан, так что не знать об изложении этим историком речи Пупиена он не мог.

⁸⁹ Ср.: Lorient X. Op. cit. P. 706.

⁹⁰ Zimmermann M. Op. cit. S. 278.

вложенные в уста принцепса, а программа нового правительства. Если говорить современными терминами, это была программа конституционной монархии⁹¹. Она была особенно актуальна для сената после авторитаризма Северов (кроме, может быть, Александра Севера) и опиравшейся на войско «тирании» Максимиана. Эта программа в принципе могла бы удовлетворить различные «партии», существовавшие в сенате.

Однако удовлетворить все сенаторские группировки избрание Пупиена и Бальбины, как и программа нового правительства, по-видимому, все же не смогли. Явно обделенными почувствовали себя люди, которых Геродиан (VII, 10, 5) называет друзьями и близкими (φίλων καὶ οἰκεῖων) Гордиана. И они сыграли на недовольстве народа. Римская толпа издавна была настроена монархически. И хотя о восстановлении республики речи не было, резкое возвышение сената и связанные с этим какие-то республиканские аллюзии ей не нравились. К тому же римляне ненавидели лично Пупиена. В свое время он был префектом Города и в этом качестве проявлял такую решительность и твердость, что вызвал недовольство значительной части толпы (Herod. VII, 10, 6). Агитация недовольных сторонников покойных Гордианов сделала свое дело. Еще не успело завершиться заседание сената, избравшего новых императоров, как в Риме вспыхнул бунт, направленный против этих избранников. Толпа потребовала, чтобы власть сохранилась в доме Гордиана. По словам Геродиана (VII, 10, 7), новоизбранные августы, не сумев прорваться на Капитолий, пошли на хитрость и сами назвали своим соправителем племянника Гордиана II, тоже Гордиана, который к тому времени, как говорилось выше, уже официально был претором и будущим консулом. «Юлий Капитолин» (Gord. 22, 2) утверждает, что кандидатуру малолетнего Гордиана выдвинули народ и воины (populus et milites). Этому Гордиану было всего то ли тринадцать, то ли даже одиннадцать лет (SHA Gord. 22, 2), так что ничем себя проявить он не мог. Да и причина, по которой воины и народ так возлюбили дом Гордианов, неизвестна. Поэтому наиболее вероятно, что те, кто был недоволен столь резким усилением власти сената и видел в новых императорах его ставленников, поддались на агитацию сторонников Гордиана и выдвинули кандидатуру ребенка,

⁹¹ В этой речи нет даже упоминания о юном Гордиане, в это время уже цезаре. Совершенно ясно, что если благородное происхождение ему свойственно, то о его подвигах говорить не приходится. Это еще раз показывает, что речь является не реакцией на сиюминутную ситуацию, а официальной программой нового правительства.

рассчитывая в значительной степени на династические чувства, имевшиеся у народа или по крайней мере его части, да и у воинов тоже⁹².

В Риме начались волнения. Часть ветеранов и всадническая молодежь поддержали Пупиена и Бальбина, но сил у них явно было недостаточно. И только что избранным императорам и большинству сенаторов пришлось пойти еще на один компромисс. Они согласились объявить Гордиана III цезарем (Herod. VII, 10, 8–9; SHA Gord. 22, 5; Max. Balb. 9, 4). События развивались очень быстро. Судя по данным папирусов, в Египте, например, даже не заметили, что в Империи было два августа; сразу же пошли в ход датировки по августам Пупиену и Бальбину и цезарю Гордиану⁹³. Попытка создания квазиреспубликанской диархии провалилась. Признание юного Гордиана цезарем открывало в будущем перспективу превращения его в полноправного августа. И это давало возможность появления в Риме династии, частично восходящей к Антонинам и противопоставленной той, которую хотел создать Максимин, провозглашая своего сына Максима цезарем⁹⁴. Это привело к стабилизации положения в Риме. Пупиен и Бальбин получили возможность и решать наболевшие вопросы внутренней политики, и готовиться к войне с Максиминем, армия которого уже вторглась в Италию и осадила Аквилею. Это, однако, была лишь одна сторона дела. Тот факт, что толпа сумела навязать сенату и новым августам своего кандидата, ясно говорит о слабости сената. Принцип выборности императоров, который знаменовал в какой-то степени возвращение к республиканской практике, не был принят римским народом, а у сената и его избранных не было сил навязать его⁹⁵.

Реальная власть сосредоточилась в руках Пупиена и Бальбина. И они энергично принялись за дело. Все предыдущие годы почти постоянно росла инфляция. Это не только понижало уровень жизни, но и мешало полноценной подготовке к войне. Новые императоры, пытаясь выйти из этого положения, восстановили введенный в свое время Каракаллой и ликвидированный Элагабалом серебряный

⁹² Drinkwater J. Op. cit. P. 32. В это время демонстрируемая армией верность тому или иному принцепсу еще распространялась и на его потомков: Capogrossi Colognesi L. Storia di Roma tra diritto e potere. Bologna, 2009. P. 410.

⁹³ Van't Dack E. La papyrologie et l'histoire du Haut-Empire // ANRW. 1974. Bd. II, 1. P. 883.

⁹⁴ Béranger J. L'hérédité dynastique dans l'Historia Augusta // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1971. Bonn. 1974. P. 5–6.

⁹⁵ Bais M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 84.

антониан, весящий полтора денария⁹⁶. Насколько эффективной в тот момент оказалась эта мера, сказать трудно.

Вскоре в Риме снова вспыхнули волнения, приведшие к настоящим уличным боям. Геродиан (VII, 11, 1–12, 7) рассказывает, что сенаторы Галликан и Меценат, заподозрив нескольких воинов, вошедших в здание, где заседал сенат, убили их, после чего призвали народ к убийству врагов сената и народа, т. е. друзей и сторонников Максимиана. После этого в Риме развернулись кровавые бои, которые закончились сильнейшим пожаром и сопровождавшими его грабежами. Кратко об этих же событиях говорит и «Юлий Капитолин» (Мах. Balb. 9, 1–3). Поскольку Галликан происходил из Африки (Геродиан называет его Καρχηδόνιος), то было высказано мнение, что это была сознательная провокация этого сенатора, принадлежавшего к «партии» Гордиана, дабы вызвать народные волнения и свергнуть власть августов⁹⁷. В таком случае Галликан и его сторонники могли бы править за спиной малолетнего императора. Впрочем, не исключено, что все происшедшее действительно было вызвано лишь случайным стечением обстоятельств. Но в любом случае эти события показывают, сколь велико было напряжение в Риме и высок накал эмоций, ибо достаточно было одной искры, даже если она была случайной, чтобы городская масса взорвалась и развернула уличные бои. Горожанам противостояли в основном преторианцы (точнее, их часть, которая оставалась в Риме). К этому времени преторианцы были уже не италиками, а провинциалами⁹⁸. Их априори можно было считать приверженцами Максимиана, и это усиливало неприязнь к ним римской толпы.

По словам Геродиана, эти бои начались еще до отъезда Пупиена из Рима для войны с Максиминем и продолжились после этого отъезда. Автор биографии императоров относит их ко времени уже после отправления Пупиена на войну. Правда, он путает эти волнения с теми, которые привели к провозглашению цезарем Гордиана III. С одной стороны, конечно, трудно представить, чтобы такой энергичный деятель, как Пупиен, не обратил никакого внимания на потрясения в столице и спокойно покинул ее в самый разгар волнений. И это, конечно, делает более правдоподобной версию «Юлия Капитолина». Но, с другой стороны, надо учесть, что война с Максиминем

⁹⁶ Crawford M. Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantine // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 569; Callu J. P. La politique monétaire... P. 197; Idem. Approches numismatiques de l'Histoire du 3e siècle // ANRW, Bd. II, 2. P. 602.

⁹⁷ Lorient X. Op. cit. P. 718–719; Dietz K. Senatus... S. 142.

⁹⁸ Ле Бокз Я. Указ. соч. С. 142–143.

требовала незамедлительного личного присутствия императора на театре военных действий. И если вспомнить приведенное выше сообщение «Юлия Капитолина» о разделе полномочий между двумя августиами, то понятно, что Пупиен вполне мог уехать в Равенну, оставив Рим на попечение своего коллеги. Бальбин же справиться с беспорядками так и не смог. Ситуация явно вышла из-под контроля сената и его императора. После убийства многих граждан, грандиозного пожара и грабежей волнения успокоились сами собой. Если они были вызваны провокацией Галликана, то тот своих целей не достиг. Но напряжение, конечно же, осталось, что и сыграло свою роль в последующих событиях.

И все же главной задачей нового правительства было отражение наступления Максимиана, уже вторгнувшегося в Италию. Меры для этого были приняты еще до избрания новых императоров, возможно, вскоре после признания Гордианов. Когда армия Максимиана подошла к Аквилее, город был уже хорошо подготовлен к возможной осаде, и это было делом двух бывших консулов Криспина и Менофила, избранных сенатом (Herod. VIII, 2, 5)⁹⁹. Геродиан (VIII, 2, 4–6) рассказывает, что Аквилея имела лишь древнюю полуразрушенную стену, и лишь при известии о наступлении Максимиана стараниями Криспина и Менофила укрепления были восстановлены, а город снабжен всем необходимым для сопротивления наступающей армии. Оба они были членами комиссии XX¹⁰⁰. В это же время для организации сопротивления «врагам народа» (*hostes publices*), т. е. Максимиану и его сыну, в Транспадану был послан преторий Л. Фабий Анниан, сотрудничавший с этой комиссией, и его резиденцией был Медиолан (ILS 1188). Еще одним опорным пунктом сенаторской армии была Равенна, что явно привело и к переходу на сторону сената равеннского флота¹⁰¹. Именно там стал собирать свою армию Пупиен (Herod. VIII, 6, 5).

Как уже говорилось, выдвигая идею избрания двух императоров, Векций Сабин предлагал, чтобы один принцепс отправился на войну с Максимином, а другой оставался бы в Риме (SHA, Max. Balb. 2, 5). Ход событий подтверждает историчность этого сообщения «Юлия Капитолина»¹⁰². Геродиан (VIII, 6, 5–6) пишет, что Пупиен собирал

⁹⁹ Из них Криспин был официально избран командующим для войны: *duci... bello Aquil[ic]ensi* (A. c. 1929, 158).

¹⁰⁰ *Bellezza A. Op. cit. P. 162–163.*

¹⁰¹ *Loriot X. Op. cit. P. 697.*

¹⁰² Это может служить косвенным доводом в пользу историчности всего рассказа биографа.

в Равенне отборных людей из Рима и лучших воинов из Италии и что к его армии присоединились германцы, верные лично ему¹⁰³. Если учесть еще и упорное сопротивление Аквилей, можно говорить, что в этот момент Италия в целом попыталась противопоставить себя войску Максимиана¹⁰⁴. И это оказало влияние на ту часть армии Максимиана, которая была связана с Италией. Те воины, которые ранее были расквартированы недалеко от самого Рима, убили Максимиана и его сына, а также всех тех, кто входил в его окружение (Herod. VIII, 5, 8–9)¹⁰⁵. Победа сената казалась полной. Однако вскоре положение снова обострилось.

Пупиен вернулся в Рим вместе с верными ему германцами¹⁰⁶, а также преторианцами и той частью армии, которая в свое время служила под командованием Бальбина (Herod. VIII, 7, 7). Эти части и составили римский гарнизон. В известной степени такой состав столичного гарнизона отражал соотношение сил на вершине власти. И Бальбин, и Пупиен по существу обладали каждый своей вооруженной опорой, в то время как наличие преторианцев должно было уравновесить силы двух императоров. Коллегиальность в принципе себя не оправдала. Пропаганда подчеркивала взаимное согласие

¹⁰³ В III в. начиная с правления Каракаллы германцы являлись личными телохранителями императоров: Millar F. *The Roman Empire and its Neighbours*. London, 1967. P. 38. Что же касается германцев Пупиена, то они, вероятнее всего, пришли с ним с Рейна: Alföldy A. *Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus*. Darmstadt. S. 411.

¹⁰⁴ Мишина З. Указ. соч. С. 144–145; Levi M. A. *L'Italia antica*. Milano, 1991. P. 482.

¹⁰⁵ Это воины II Парфянского легиона, расквартированного в районе Альбанской горы Септимием Севером: Kubitschek W. *Legio II RE*. 1925. Hbl. 24. Sp. 1477; Le Glay M. *Op. cit.* P. 254. Участие воинов этого легиона в осаде Аквилей подтверждено надписями: Bellezza J. *Op. cit.* P. 193.

¹⁰⁶ Значение германцев для Пупиена было очень велико. Конечно, это было вызвано не тем, что сенатские императоры не могли набрать солдат в самой Италии (Итагерман Е. М. Указ. соч. С. 396–397), ибо материал и Геродиана, и «Юлия Капитолина» говорит о солидной, если не единодушной, поддержке Италией борьбы с Максимином. Германские солдаты были лично преданы Пупиену, и он отвечал им взаимностью. На своих монетах Пупиен поместил титул «Германский», хотя в других источниках он никак не засвидетельствован (Абрамзон М. Г. *Римская армия и ее лидер по данным пумизматики*. Челябинск, 1994. С. 163). В свое время Пупиен действительно одержал какие-то победы на Рейне, но наместник едва ли мог претендовать на титул, свойственный только императору. Ясно, что этот титул он принял после провозглашения императором, хотя, разумеется, за свое краткое правление никаких побед над германцами он одержать не мог. Появление этого титула на монетах Пупиена можно объяснить или воспоминаниями о прежних победах, что кажется маловероятным, или противопоставлением Максимино, который с полным правом именовался Германским, или, по-видимому, что наиболее вероятно, подчеркиванием связи с солдатами Германской армии.

императоров. Монетные легенды говорили о взаимном согласии и верности августов, что подчеркивалось изображением пожимающих друг друга рук¹⁰⁷. Но на деле после исчезновения общего врага никакого согласия между принцепсами не было. Каждый август стремился к единовластию и подозревал другого в интригах (Herod. VIII, 8, 4). Сенат мог бы в таком случае играть роль арбитра, но для этого у него не было сил. Преторианцы были недовольны обоими августами. Возвращение к практике существовавших двух равноправных глав государства, напоминающее практику республики, им совершенно не нравилось. Как почти два столетия назад, преторианцы резко отреагировали на попытку ликвидации монархии, даже если эта попытка была кажущейся. К тому же возвышение германской гвардии Пупиена наносило ущерб их привилегированному положению¹⁰⁸. Результатом стал их мятеж в начале августа того же года¹⁰⁹. Пупиен и Бальбин были убиты, а Гордиан провозглашен августом. Геродиан (VIII, 8, 5–8), рассказывая об этих событиях, отмечает, что преторианцы потому провозгласили августом Гордиана, что в тот момент не нашли никого другого. Это свидетельствует о том, что преторианский мятеж не был результатом какого-либо заговора с целью привода к власти своего кандидата. Преторианцы выступили против Пупиена и Бальбина именно как ставленников сената. Возможно, по требованию преторианцев память свергнутых и убитых императоров была официально предана забвению (*damnatio memoriae*)¹¹⁰.

Правление избранных сенатом императоров продолжалось всего 99 дней. С их гибелью потерпел сокрушительное поражение и сам сенат. Хотя этот институт еще традиционно рассматривался как символ римской государственности, он уже не имел ни традиционного же уважения, ни реальной власти. Попытка восстановления прежней власти сената в новых условиях была утопией¹¹¹. Характерно, что для того чтобы иметь в Риме военную опору, Пупиен привел с собой германские войска. Но это ему не помогло. Преторианцы, обеспокоенные в первую очередь своим реальным положением и связанными с ним материальными выгодами, решительно выступили против

¹⁰⁷ Enßlin W. The Senat... P. 81.

¹⁰⁸ Altheim F. Niedergang... S. 154.

¹⁰⁹ Drinkwater J. Op. cit. P. 33. Этот мятеж преторианцев и выдвижение ими Гордиана III был последним случаем активного участия рядовых преторианцев в политической борьбе в Риме: Сергеев И. П. Римская империя в III в. н. э. Харьков, 1999. С. 77–78.

¹¹⁰ Van't Dack E. Op. cit. P. 876.

¹¹¹ Lo Cascio E. Op. cit. P. 156.

императоров, а страх Бальбина, что Пупиен использует подавление преторианского мятежа для его устранения, не дал последнему возможности вовремя использовать германцев. После этих событий сенат как корпорация сохраняется, но его значение как органа реальной власти резко уменьшается.

Эти события в значительной степени уникальны в истории Римской империи. Это единственный случай, когда император провозглашается не войсками, а гражданским населением и он признается как законный принцепс в Риме¹¹². И население самого Рима принимает во всем этом значительное участие. Разумеется, за народными выступлениями стояли те или иные политические группировки, но их противостояние делало выступления римского плебса относительно автономными. В то же время исход этих событий показал, что реально ни народ (включая провинциалов), ни сенат долговременного влияния на политическую жизнь государства оказать уже не могли.

¹¹² Barton J. M. Africa in the Roman Empire. Accra, 1972. P. 45–46.

Глава III

ПУТЬ ВНИЗ

ГОРДИАН III

Свержение Пупиена и Бальбина было вызвано соединением нескольких факторов. Конечно, решающую роль в их поражении сыграли разногласия и взаимная подозрительность императоров. Но это было лишь вершиной айсберга. Уже говорилось, что сама идея правления сената являлась утопией. Императорами, избранными сенатом, были недовольны и преторианцы, и солдаты полевых армий, да и гражданское население тоже. В самом сенате не существовало никакого единства. Уже тот факт, что часть провинциальных наместников, которые сами были сенаторами, отказалась поддержать Гордианов и выступила практически на стороне Максимиана, показывает наличие глубоких разногласий в сенаторской среде. Выдвижение юного Гордиана на пост цезаря, как уже говорилось, было делом рук группировки, недовольной сложившейся ситуацией. А то, что эту идею с удовольствием подхватили значительные массы римского населения, говорит о глубоком проникновении в эти массы монархических и даже династических чувств. Опираясь и на них, и на неприятие армией, в том числе преторианцами¹, самой идеи диархии, сторонники Гордиана успешно справились со своей задачей оттеснить от власти соперничающие внутри самого сената группировки. Пока существовала угроза восстановления Максимином своей власти, его противники выступали единым фронтом. Ликвидация этой угрозы разрушила «единый фронт» антимаксиминовских сил. Противники Пупиена и Бальбина, уже одержавшие частичную победу, навязав

¹ После реформы Септимия Севера можно, хотя и с некоторыми оговорками, говорить об отсутствии или во всяком случае уменьшении противоречий между преторианцами и вообще столичным гарнизоном и легионерами в полевых армиях.

фигуру Гордиана в качестве цезаря, теперь добились полной победы. Пупиен и Бальбин были убиты, а Гордиан III стал августом. Ни о каком коллективном правлении официально теперь речи не было.

Отцом Гордиана III, по утверждению «Юлия Капитолина», был консуляр Юний Бальб (SHA Gord. 4, 2). Автор «Эпиомы» (27, 1) называет его сенатором (*clarissimus*). Среди ординарных консулов в первой трети III в. Юния Бальба нет. Так что если он действительно был консуляром, то только консулом-суффектом. В любом случае отец Гордиана никак не появляется в истории сына, и поэтому можно говорить, что он умер еще до его возвышения. Впрочем, далеко не все исследователи вообще принимают Бальба за историческую личность². Все же гораздо важнее другое. В официальном наборе имен нового императора вообще нет места имени (или именам) отца, кем бы тот ни был. Гордиан III именуется только внуком божественного М. Антония Гордиана (т. е. Гордиана I) и сыном сестры божественного М. Антония Гордиана (т. е. Гордиана II) или, короче, внуком божественных Гордианов (например, ILS 497–498). Такое необычное для патриархального римского общества именование объясняется только одним: стремлением создать новую династию — династию Гордианов³. Учитывая, что старшие Гордианы связывали себя с Антонинами, можно говорить о попытке установить прямую связь с принцепсами предыдущего столетия, а частично и с Северами, по крайней мере с Александром Севером, минуя «тиранию» Максимиана и непопулярных сенатских императоров.

Самому новому августу в тот момент было слишком мало лет. По словам его биографа, ему было то ли 13, то ли 11 лет, а по другим сведениям — 16 (SHA Gord. 22, 2). Сейчас принимают в основном среднюю цифру — 13 лет⁴. Это означает, что править реально он, разумеется, не мог. Возможно, что какую-то роль в начале его правления играла его мать Меция Фаустина. Биограф Гордианов говорит о евнухах и придворных слугах (*spadones ac ministros aulicos*) матери, которые торговали его волей. Он же приводит якобы письмо самого I ордиана, в котором тот жалуется, что им торговала даже его мать

² Dietz K. *Senatus*... S. 174–175.

³ Видимо, этой цели могли служить слухи, что третий Гордиан является даже не племянником, а сыном I ордиана II (SHA Gord. 23, 1). Эти слухи полностью опровергаются официальными надписями. Но и возникнуть они могли не только потому, что очень хотелось видеть на троне «правильную» династию, но и потому, что отец юного императора был мало известен или вообще неизвестен.

⁴ Rohden P., von. *Antonius* // RE. 1894. Hbd. 2. Sp. 2619; Lortet A. Op. cit. P. 725; Hanslik R. *Gordianus* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 845.

(SHA Gord. 23, 7; 25, 4). В то же время исследователи отмечают, что имя Меции Фаустины не встречается ни в надписях, ни на монетах⁵. Это странно, учитывая продолжающееся со времени Септимия Севера почитание не только самого императора, но и всего «божественного дома». Так, уже в 238 г., в первом году правления Гордиана, появляется посвящение «божественному дому» (A. e. 1909, 135). Правда, надо отметить, что это посвящение сделано на Рейне отставным солдатом, который мог не очень разбираться в тонкостях столичной пропаганды и в обстановке в Риме. Но в более поздних надписях упоминание «дома» становится постоянным. Например, надпись уже 242 г. была сделана ради здоровья самого императора, его супруги, о которой пойдет речь позже, и всего его божественного дома (*tota domu divina*) (ILS 502). Это говорит о том, что мать Гордиана титула августы не имела и не занимала никакого официального положения. Что же касается регентства, то думается, что такой вопрос и не возникал. Это, конечно, не отменяет влияния матери на сына, что представляется совершенно естественным. Просопографические исследования позволяют внести коррективы в утверждения онографа, хотя полностью их и не дезавуируют.

Эти исследования показывают, что реальная власть оказалась в руках небольшой группы сенаторов, занявших высшие посты в государстве⁶. Так, коллегой самого Гордиана по ординарному консульству 239 г. стал Маний Ацилий Авиола, который, видимо, принадлежал к старинному знатному роду Ацилиев Глабрионов и играл какую-то нам не известную, но явно важную роль в борьбе с Максимом, будучи родственником вигинтивира Присцилиана⁷. Ординарными консулами следующего года были Г. Октавий Аппий Суэтрий Сабин и Л. Рагоний Венуст. Сабин был сделан сенатором Септимием Севером, так что он принадлежал к группе северовской знати, имевшей довольно сильные позиции в сенате, а род Рагониев был сенаторским уже по крайней мере с середины II в.⁸ В 241 г. консулом снова стал сам император, а его коллегой являлся Клодий Помпеян, занимавший в 239 г. пост претора⁹. Конечно, круг лиц, реально управляющих государством, был шире, чем это ограничивает число ординарных консулов, если даже прибавить к ним претора, но приведенные имена показывают, что представители сенаторской

⁵ Syme R. *Emperors...* P. 170; *Loriot A. Op. cit.* P. 727

⁶ *Loriot A. Op. cit.* P. 727-729

⁷ Dietz K. *Senatus...* S. 39, 334-335.

⁸ *Ibid.* S. 192-196, 209-210.

⁹ *Ibid.* S. 128.

аристократии попытались и после неудачи в установлении сенатского правления сохранить власть, хотя она явно перешла к другой группировке¹⁰. И эта группировка противопоставила себя только что свергнутой. Имена Пупиена и Бальбина вычеркивались из надписей, память их уничтожалась¹¹.

Первой важнейшей задачей нового правительства было установление контроля над провинциями и армией. В первую очередь надо было решить проблему Африки. После разгрома и гибели Гордианов эта провинция, как кажется, практически находилась под контролем наместника Нумидии Капелиана, опирающегося на III Августов легион. В условиях беспорядков в самом Риме и войны с Максиминим правительству явно не хватало времени для устранения этого наместника. Однако уже вскоре после прихода к власти Гордиана проконсулом Африки был назначен Л. Цезоний Луцилл Макр Руфиниан. Это назначение было не случайным. Незадолго до своего назначения в Африку Руфиниан являлся членом комиссии XX, временно осуществлявшей верховную власть в государстве в период междоусобия и организовавшей защиту Италии от Максимиана. И он сыграл значительную роль в бурных событиях 238 г. Теперь он должен был обеспечить верность Африки новому императору и его правительству¹². Тогда же римское правительство приняло решение о роспуске III легиона, воины которого были распределены по различным частям на Рейне и Дунае¹³. Оказали ли Капелиан и его воины какое-либо сопротивление или нет, неизвестно. Также неизвестна и судьба самого Капелиана. Но обращает на себя внимание то, что Гордиан принимает титул «восстановителя вселенной» (*restitutor orbis*), а 1 января 239 г. в африканских провинциях празднуется «милосердие нового века» (*indulgentia novi saeculi*). В честь императора воздвигаются статуи с прославлением *Victoriae Augustae* и *Victoriae senatus Romani*. Исследователи связывают эти факты с победой правительства Гордиана над Капелианом¹⁴. Поэтому не исключено, что Капелиан попытался оказать сопротивление, но потерпел поражение. А так как его имя больше ни разу не встречается, то можно полагать, что он был казнен¹⁵.

¹⁰ Это не исключает полностью влияния Меции Фаустины и ее придворного круга. Эти две группы вполне могли сосуществовать, оказывая поддержку друг другу.

¹¹ *Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 653.*

¹² *Dietz K. Senatus... S. 103–108.*

¹³ *Loriot X. Op. cit. P. 730; Le Bohec Y. Le Troisième Legion Auguste. Paris, 1989. P. 453.*

¹⁴ *Loriot X. Op. cit. P. 729–730; Dietz K. Senatus... S. 117–118.*

¹⁵ *Loriot X. Op. cit. P. 730.*

Другой бывший член комиссии XX Туллий Менофил стал легатом Нижней Мезии. Во время гражданской войны 238 г. его предшественник занял сторону Максимиана и, естественно, был смещен после победы сенатских императоров (или, может быть, уже правительством Гордиана)¹⁶. На Нижнем Дунае в это время сложилось трудное положение. Прекращение Максимином подготовки к задунайскому походу было воспринято варварами как знак уступки и ослабления Империи, а внутренние раздоры, о которых они не могли не знать, давали удобную возможность вторжения на имперскую территорию. Петр Патриций (FHG IV. Fr. 8) рассказывает о посольстве карпов к Менофилу, требуя денег и ссылаясь на то, что готам деньги платят, а они не слабее их. Менофил различными хитростями сумел избежать и платы, и грозящей войны, так что в течение трех лет Мезия была спокойна. Этот фрагмент совершенно ясно говорит, что до этого римлянам пришлось откупиться от готского вторжения. Это вторжение не могло иметь места, пока Максимиан со всей армией стоял в Сирмии, готовясь к германскому походу, но и ненамного должно было предшествовать прибытию в Нижнюю Мезию Менофила. Поэтому скорее всего готы вторглись на римскую территорию в 238 г. во время правления Пупиена и Бальбина (SHA Max., Balb. 16, 3)¹⁷. Тогдашний наместник Нижней Мезии, заняв промаксимиановскую позицию, в эти условиях, видимо, не решался использовать имеющиеся у него силы для отпора варварам, разорившим Истрию. Может быть, выжидая исхода событий, он предпочел откупиться. Сил в распоряжении Менофила, вероятно, тоже было не так много, и он был вынужден маневрировать. Его дипломатия достигла успеха.

Третий бывший член комиссии XX Рутилий Пудент Криспин был направлен в Тарраконскую Испанию¹⁸. Наместник этой провинции Деций не только отказался признать Максимиана и его сына «врагами народа», но и принял активные меры для подготовки обороны своей провинции против возможного нападения сенатских сил¹⁹. Естественно, что сохранить Деция во главе провинции новое правительство не могло. Криспин же был не только членом комиссии XX, но и вместе с Менофилом непосредственно организовывал оборону Италии от войска Максимиана. И именно он был назначен командующим (*dux*) в этой войне (A. e. 1929, 158). Видимо, правительство опасалось, что

¹⁶ Dietz K. *Senatus...* S. 196–197.

¹⁷ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 83; Demougeot E. *Op. cit.* 256.

¹⁸ Dietz K. *Senatus...* S. 210–226.

¹⁹ Alföldy G. *Römische Heeresgeschichte. Beiträge...* S. 453–455.

Деций, так активно себя проявивший, мог, как и Капелиан, оказать сопротивление. Деций, однако, учитывая сложившуюся ситуацию, явно решил мирно отказаться от своих полномочий, и он в отличие от Капелиана остался жив²⁰.

Л. Домиций Галликан Папиниан, сыгравший значительную роль во время беспорядков в столице и своими действиями в огромной степени способствовавший провозглашению цезарем Гордиана, был, вероятно, назначен легатом Далмации²¹. В этой провинции не было легионов, но она находилась на противоположном от Италии побережье Адриатического моря и уже поэтому имела огромное стратегическое значение. Новое правительство сменило (может быть, не сразу) и многих других легатов. Так, наместником Верхней Мезии стал Л. Катий Целер, Аравии — М. Домиций Валериан, Нижней Британии — Эгнатий Луцилиан²².

Смена произошла и в провинциях, управляемых всадниками. Особенно важны были для правительства две Мавретании. В условиях сопротивления Капелиана и роспуска III Августова легиона обеспечить стабильность в североафриканском регионе было жизненно важно. И президом Цезарейской Мавретании был назначен Фальтоний Реституциан, а прокуратором вместо легата (*procurator pro legato*) Тингитанской Мавретании — М. Ульпий Виктор²³.

Смена командующих стала только одним шагом в деле восстановления полного контроля над армией. Был принят также ряд других мер. Так, от имени императора давалось прощение дезертирам, отсутствовавшим в войсках до семи лет, но подчеркивалось, что это время в срок службы не засчитывается и деньги за это время не платятся (С. J. 12, 35, 5). В другом рескрипте говорится, что солдат, когда-либо уволенный по болезни, не может вернуться в строй, если только его излечение не установлено врачом и не утверждено судьей (С. J. 12, 35, 6). Наконец, отмечается, что в случае совершения воинного преступления, оно оставляет отпечаток на его репутации и после отставки (С. J. 12, 35, 7). Примечателен срок в семь лет. Он явно отсчитывается от времени до начала волнений в армии, ког-

²⁰ По мнению К. Дитца, дальнейшая карьера Деция показывает наличие континуитета в политике императоров этого времени: *Senatus...* S. 291. Но возможно, что активную роль Деций стал играть только уже после смерти Гордиана III: *Alföldy G. Römische Herrschergeschichte. Beiträge...* S. 461.

²¹ *Dietz K. Senatus...* S. 140–143.

²² *Dietz K. Senatus...* S. 143–146, 146–148, 120–121.

²³ *Pflaum H.-G. Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire romain.* Paris, 1960. Т. II. P. 828–830, 842–843.

да рейнские и дунайские воины практически заставили Александра Севера из-за германских вторжений прекратить персидский поход и сосредоточиться на отражении германской опасности (Herod. VI, 7, 3). Правительство Гордиана, таким образом, давало частичную амнистию воинам за время волнений и беспорядков, но, с другой стороны, укрепляло дисциплину и сводило к минимуму не только дезертирство, но и симуляцию болезней и инвалидности. Пыталось оно и ограничить влияние армии на гражданскую жизнь. Так, у военного судьи было отнято право судить по гражданским делам (С. J. 7, 48, 2). После вмешательства армии в политику она возвращалась к своему основному делу — войне и подготовке к ней. Таким образом, новая правящая группировка смогла относительно быстро взять под свой контроль как центральную власть, так и провинции и армию. Возможно, что это обстоятельство и было представлено на монетах как *CONCORDIA MILITUM*²⁴, что подчеркивало с правительственной точки зрения полное согласие армии с императором.

Правительство Гордиана не ограничилось только решением военных проблем. Было принято много самых разных мер в различных областях. В Кодексе Юстиниана сохранилось около четырех с половиной сот эдиктов, конституций и рескриптов императоров 235–274 гг. Почти половина из них издана от имени Гордиана, и из этого числа не многим менее трех четвертей относятся к первым трем годам его правления, т. е. ко времени деятельности сенаторского правительства. Они касались разных сторон жизни.

За время правления Максимиана, целиком занятого войной и подготовкой к ней и рассматривавшего Империю лишь как тыловую базу армии, и за короткий, но бурный период переворотов и гражданской войны общая обстановка в государстве усложнилась. Солдаты, почувствовав свою силу, стали вовсе выходить из-под контроля, порою чиня произвол. По их примеру действовали и другие люди, имевшие для этого хоть какие-то возможности. Это вызывало недовольство местного населения. Колоны фракийской Скаптопары жаловались новому императору на произвол солдат, которые требуют бесплатного размещения и провианта, угрожая в случае неприятия мер против солдат и других притеснителей покинуть родные места, что, конечно же, принесет казне убыток. В этой же жалобе говорится, что правители провинции практически ничего сделать ни с солдатами, ни с другими лицами, тоже требующими помещений и денег,

²⁴ *Абрамзон М. Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994, С. 54.

не могут²⁵. Последнее ясно свидетельствует о том, что в сложившейся ситуации местные власти оказались бессильными перед распоясавшимися солдатами. Хотя в принципе сами по себе требования солдат предоставить им кров и пропитание не были незаконными, ибо еще с республиканских времен такие права им предоставлялись²⁶, чрезмерность солдатских требований способствовала разорению крестьян. А это угрожало не только казне, о чем писали отчаявшиеся земледельцы, но и общей обстановке в государстве. И правительство не могло этим не заняться.

Другим видом произвола была активность прокураторов, особенно при взыскании долгов фиску и при публичных торгах. И уже 239 г. датируются два рескрипта, призывающих прокураторов проявить умеренность при проведении таких мер (С. J. X, 3, 2; 3). Прокураторам вообще было запрещено принимать какие-либо решения по вопросам, которые относились к компетенции провинциального наместника, если эти прокураторы не занимали должность *vice praesidis* (С. J. IX, 20, 4). В том же 239 г. кураторам городов было запрещено накладывать штрафы (С. J. I, 54, 3). В принципе кураторы назначались для надзора за финансовой деятельностью городов, но позже они стали активно вмешиваться в судопроизводство, как гражданское, так и уголовное²⁷. Запрещением накладывать штрафы правительство возвращало кураторов к их первоначальным обязанностям и практически запрещало вмешиваться в юрисдикцию городских властей. Оно явно стремилось обеспечить себе поддержку городов и городской элиты. Это было для него особенно важным, если учесть, что именно города оказывались главными жертвами внутренней политики Максимиана. Для этого, в частности, было установлено право декурионов на «отдых» от литургий сроком от трех до пяти лет (С. J. X, 4, 2). Были восстановлены права «свободных городов», ликвидированные Максимином²⁸. Был принят и ряд других мер, в том числе в сфере наследственного права и в отношениях между патронами и отпущенниками, и все они были направлены на стабилизацию обстановки в Империи и ликвидацию, по мере возможности, того урона, который она понесла в 235–238 гг.

Важна была и идеологическая сторона всей правительственной деятельности. С одной стороны, всячески подчеркивалось наступле-

²⁵ Данный текст взят: Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. Кузищина В. И. М., 1987. С. 332.

²⁶ Southern V. The Roman Empire from Severus to Constantine. L.: NY, 2004. P. 69.

²⁷ Burton G. P. The Roman Imperial State, Provincial Governors and the Public Finances of Provincial Cities, 27 B. C. — A. D. 235 // Historia. 2004. Bd. 53, 2. P. 337.

²⁸ Lorient X. Op. cit. P. 729.

ние новой эпохи, начавшейся с приходом к власти Гордиана III. Уже в сентябре 238 г., вскоре после того как Гордиан стал августом, в рескрипте говорилось о «пути моего времени» (*secta temporum meorum*), которое явно противопоставляется прежним временам (С. J. X, 11, 2). Как говорилось выше, 1 января 239 г. отмечалось наступление «нового века», отмеченного в первую очередь милосердием (*indulgentia*) нового императора. Многие императоры более раннего времени, даже Калигула, начинали свое правление с принятия мер против донощиков, и не было более надежного способа привлечь на свою сторону общественное мнение, особенно более зажиточных слоев общества, чем наказание донощиков и противопоставление этой мерой предыдущему правлению. Не пренебрегло этим и правительство Гордиана. И уже в упомянутом рескрипте сентября 238 г. сурово осуждаются донощики. А через одиннадцать месяцев новый рескрипт снова сурово выступил против донощиков и потребовал не принимать доносы, дабы не совершать несправедливости (С. J. IX, 35, 3).

С другой стороны, всячески подчеркивался континуитет императорской власти. «Тирания» Максимиана, правление двух равноправных императоров, гражданская война — все это должно было выглядеть как печальный эпизод, уклонение в сторону от магистрального пути Империи; ликвидировав это недоразумение, государство возвращается на старый путь. Как уже говорилось выше, юный император, отказавшись ввести в свою номенклатуру имена отца, подчеркивал свою связь с дедом и дядей по материнской линии, основывая законность своей власти в первую очередь на династическом праве наследования²⁹. Два первых Гордиана были обожествлены. Излюбленными правителями были для сенаторской аристократии Антонины. Но то, что руководство новым правительством принадлежало преимущественно северовской знати, сказалось и на отношении к Северам. Правда, в основном это относилось к последнему Северу — Александру³⁰. Может быть, именно тогда и возникло представление об Александре Севере как об идеальном императоре. Однако другие Северы также пользовались почтением. Ярким свидетельством всего этого является алтарь, поставленный в киликийских Эгах и посвященный императору Гордиану, предкам богам Гордианам, Северу Александру, а также Антонину (т. е. Каракалле) и Домне³¹.

²⁹ Ср.: Zimmermann M. Op. cit. S. 282.

³⁰ В 238 г. Александр Север был обожествлен. Сейчас трудно сказать, было ли это сделано еще Пунином и Бальбином, или уже правительством Гордиана.

³¹ Weiss P. Ein Altar für Gordian III, die älteren Gordiane und die Severen aus Aigai // Chiron. 1982. Bd. 12. S. 192–195.

В самих Эгах особое отношение к Северам могло быть связано с благосклонностью этих императоров, особенно Александра, к этому городу³², но важно, что оно полностью соответствует официальному курсу.

Все эти меры действительно позволили новому правительству стабилизировать после бурных месяцев переворотов, беспорядков и гражданской войны внутреннюю обстановку и обеспечить относительное спокойствие на границах.

Происшедшая смена власти и на центральном, и на провинциальном уровнях не привела, однако, к радикальным изменениям в правящем слое. Многие сенаторы и всадники спокойно продолжали свою карьеру. Можно сказать, что события 238 г., как и события 235 г., не привели к разрыву в высших слоях римского общества. Только люди, особенно ревностно выступавшие против Гордианов, потеряли свои посты. У власти остались те, кто начинал свою карьеру при Северах³³. «Новых людей», которых подняли бы наверх события 238 г., в этот момент не было. Возможно, власть перешла к другой группе знати, отличной от группировок, которые объединялись вокруг Пупиена и Бальбина.

Контроль над армией, поддержка городов, прекрасные отношения Гордиана с сенатом, появление благодарственных (искренних или неискренних) надписей в честь юного императора — все это создавало впечатление возвращения к «золотому веку Антонинов». Однако это было только иллюзией. В условиях непрекращающегося экономического кризиса попытки правительства смягчить налоговое бремя³⁴, лежащее на населении, особенно на городах, вели только к росту денежного дефицита. Выходом из ситуации стало увеличение выпуска монеты путем ухудшения ее качества. За время правления Гордиана аурей девальвировался на 20%, а антониан — на 5,5%³⁵. Это не помогло, и правительство было вынуждено сокращать расходы. Так, в 241 г. арвальским братьям было выдано по 25 денариев вместо обычных 100³⁶. Резко замедлилась строительная деятельность. «Юлий Капитолин» отмечает, что в Риме при Гордиане почти ничего не было построено, кроме нескольких нимфеев и бань, а планируемая им вместе с Тимеситеем постройка летних и зимних терм так и не была осуществлена (SHA Gord. 32, 5–7). Обострялась ситуация

³² Ibid. S. 197.

³³ Lorient X. Op. cit. P. 727–729.

³⁴ Drinkwater J. Op. cit. P. 34.

³⁵ Lorient X. Op. cit. P. 733.

³⁶ Enßlin W. The Senat... P. 84.

на границах. Германцы возобновили давление на Рейн и Дунай³⁷, а на Востоке все более грозной становилась персидская опасность.

«Первой ласточкой» нового обострения обстановки внутри Империи стал мятеж Сабиниана в Африке (SHA Gord. 23, 4; Zos. I, 17, 1). Ни биограф Гордиана, ни Зосим никаких подробностей о фигуре самого Сабиниана не сообщают. Предполагается, что это был М. Азиний Сабиниан, который в это время мог быть проконсулом Африки³⁸. Если это так, то мятежник принадлежал к той же группе северовосточной знати, которая осуществляла власть в Империи. Сабиниан происходил из Африки и был сыном богатейшего магната и маслоторговца из города Ахоллы недалеко от Карфагена³⁹. Одно время он был консулом-суффектом и в начале правления Гордиана был назначен проконсулом Азии⁴⁰. В какой-то момент он был перемещен в Африку, где сменил Руфиниана. Однако этот вывод основан на косвенных соображениях, и никаких доказательств его правильности нет. Правда, «Юлий Капитолин», говоря о выступлении в Африке, упоминает, что оно происходило *duce Sabiniano*. Но ясно, что в данном случае выражение *duce* означает просто «под предводительством»⁴¹. Так что сделать какой-либо вывод о ранге Сабиниана на этом основании невозможно. Как бы то ни было, провинция, которая могла считаться спокойной и верной (особенно учитывая, что она в свое время провозгласила императором деда правящего ныне принцепса), выступила против правительства. Зосим называет восставших карфагенянами (Καρθηδόνιοι). Они, по Зосиму, и выдали мятежника императорским войскам, избежав этим наказания за свое выступление. Ясно, что центром мятежа был Карфаген. Это свидетельствует о сохранении в провинции недовольства центральным правительством⁴². Думается, что оно связано с угрозой варварских вторжений, на которую правительство Гордиана не обращало должного внимания. После роспуска III Августова легиона значительных сил в Африке не осталось. Правительство намеревалось компенсировать уход мобильных сил созданием сети отдельных *castella*, образующих Триполитанский

³⁷ Lorient X. Op. cit. P. 753–757.

³⁸ Lorient X. Op. cit. P. 734, n. 591; Dietz K. *Senatus...* S. 92–93; Paschoud F. *Notes*. P. 144. Ф. Пашу даже утверждает, что Сабиниан был, несомненно (*sans doute*), проконсулом Африки.

³⁹ Le Glay M. Acholla // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 50.

⁴⁰ Dietz K. *Senatus...* S. 90–93.

⁴¹ Так это слово и переведено на русский язык (Властители Рима. М., 1992. С. 208), что, на наш взгляд, совершенно правильно.

⁴² Lorient X. Op. cit. P. 735.

лимес⁴³. В далекой исторической перспективе такой переход к расквартированию стабильных пограничных сил был оправдан, но в данный момент его было явно недостаточно, тем более что эти *castella* пока еще были мало связаны друг с другом. Берберы, воспользовавшись уходом легиона, начали все чаще вторгаться на территорию римских провинций, свидетельством чего является разрушение и оставление римлянами некоторых укреплений⁴⁴. Прокуратор Тингитанской Мавретании М. Ульпий Виктор, управлявший провинцией *pro legato*, сумел каким-то образом договориться с предводителем берберского племени бакватов⁴⁵. Но этого явно было мало для обеспечения безопасности Северной Африки. Провинция Африка, особенно богатая и потому чувствующая себя в наибольшей опасности, не видя реальной помощи от Рима, возможно, решила найти себе собственного государя, как это произошло позже, например с Галлией. Об этом прямо пишет Зосим, говоря, что карфагеняне, не относясь более благосклонно к правящему императору, сделали императором (*εἰς βασιλεία παράγουσιν*) Сабиниана. Каков был масштаб восстания, неизвестно. Зосим пишет, что Гордиан направил в Африку войска, а биограф утверждает, что мятеж был подавлен президом Мавретании. Впрочем, между этими сообщениями особого противоречия нет. Под зосимовской Ливией надо явно понимать не материк, а провинцию, и в таком случае войсками, направленными против мятежника, являлись силы мавретанского презида. Им был Фальтониий Реституциан, который действительно имел ранг презида Цезарейской Мавретании⁴⁶.

В этих условиях весной 241 г. (вероятно, в мае⁴⁷) происходит смена власти. Сенаторское правительство уступает место Тимеситею. Неизвестно, как происходила эта смена и каковы были ее причины. Мы знаем только результат: Гордиан женился на дочери Тимеситея,

⁴³ Pflaum H.-G. Op. cit. P. 885–887; Lorient X. Op. cit. P. 745–749; Le Bohec Y. Le Troisième Légion... P. 453–457.

⁴⁴ Lorient X. Op. cit. P. 747.

⁴⁵ Pflaum H.-G. Op. cit. P. 842–843; Cazzona C. Filippo l'Arabo e la provincia Sardinia // L'Africa Romana. Roma, 2002. P. 1834.

⁴⁶ Pflaum H.-G. Op. cit. P. 829; Lorient X. Fultonius Restitutianus // Antiquités africaines. 1972. T. 6. P. 145–146. По мнению Х.-Г. Пфлаума и К. Лорио, это деяние Реституциана объясняет дальнейший быстрый карьерный рост презида, который затем стал префектом городских когорт в Риме. Однако о дальнейшей карьере Реституциана ничего не известно, и пост префекта городских когорт стал, видимо, последней должностью этого человека.

⁴⁷ Lorient X. Les premières années... P. 738; Paschoud F. Notes. P. 144; Potter D. The Roman Empire... P. 230.

и тот, став префектом претория (Eutrop. IX, 2, 2; SHA Gord. 23, 6; Zos. I, 17, 2), фактически сосредоточил в своих руках все руководство государством, безраздельно правя от имени зятя. Существует мнение, что сенаторы, до этого времени руководившие государством, будучи людьми сугубо гражданскими и видя обострение обстановки на границах, что требовало силового решения, добровольно уступили власть «сильному» человеку⁴⁸. Однако в это трудно поверить. Олигархическое правительство обычно уступает место только под давлением или при катастрофе. Но такой ярко выраженной катастрофы в Империи в это время не наблюдалось, а нарастающие трудности правящая группировка вполне могла считать разрешимыми. И некоторые последующие шаги нового правителя показывают, что прежнее руководство едва ли отдало ему власть добровольно.

Г. Фурий Сабин Аквила Тимеситей⁴⁹ к этому времени уже прошел большой путь. Он начал свою карьеру, вероятно, при Каракалле в качестве префекта одной из когорт, возможно, принимал участие в свержении Макрина, был близок к Юлии Мамее и сделал блестящую всадническую карьеру при Александре Севере. Максимин предпочел перевести его в Азию, а сенаторское правительство, явно боясь такой яркой фигуры, сделало его прокуратором Лугдунской Галлии и Аквитании, т. е. провинций, в которых не было никаких войск и которые были сравнительно удалены от Рима⁵⁰. Неизвестно, сколь долго оставался Тимеситей в Галлии, но трудно себе представить, что правительство ни с того ни с сего вызвало его в Рим и вручило власть, ибо не было никаких предпосылок для выделения Тимеситея из рядов других видных всадников. Например, Фальтоний Рестуциан, недавно подавивший мятеж Сабиниана, имел гораздо больше данных для возвышения, чем лугдунский и аквитанский прокуратор. Представляется привлекательной гипотеза Х.-Г. Пфлаума, что Тимеситей, вернувшись каким-то образом в Рим⁵¹, сблизился с Гордианом на почве общего увлечения культурой и сумел женить шестнадцатилетнего императора на своей дочери Фурии Сабине Транквиллине, после

⁴⁸ Lorient X. Les premières années... P. 735.

⁴⁹ Биограф Гордианов называет его Мизитеем (SHA Gord. 23, 6 и далее), а Зосим (I, 17, 2; 18, 2) — Тимосиклсес. Однако надписи дают форму «Тимеситей», что, естественно, является единственно правильным.

⁵⁰ Hanslik R. *Furius* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 644; Pflaum H.-G. Op. cit. P. 811–819; Dietz K. *Senatus*... S. 294.

⁵¹ Возможно, что ему помогли представители галльской знати, с которыми он мог сблизиться во время пребывания в Галлии: Hatt J. J. Op. cit. P. 216; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 138.

чего тот назначил тестя префектом претория⁵². Возможно, что прежний богатый опыт Тимеситея в финансовых вопросах привлек правительство и самого Гордиана, и не исключено в таком случае, что Тимеситей сначала был назначен префектом претория, в обязанности которого в большей степени входили хозяйственные вопросы, в частности снабжение армии⁵³, а уже потом тот использовал свое нахождение вблизи императора, чтобы фактически захватить власть, укрепив ее выдачей замуж за юного Гордиана своей дочери. Бывший в 240 г. префектом претория Домиций⁵⁴ либо был смещен, либо остался коллегой Тимеситея, но явно был оттеснен им на второй план. Мать Гордиана, может быть, к этому времени умерла, и это развязало руки всесильному зятю.

Тимеситей явно противопоставил себя прежнему руководству. Не имея возможности полностью игнорировать сенат, он, однако, сделал ставку на тех его членов, которые к прежней правящей группировке не принадлежали. Ординарными консулами на 242 г. были назначены Г. Ветгий Грат Аттик Сабиниан и Г. Азиний Лепид Претекстат⁵⁵. Оба они принадлежали к наследственным сенаторам, но большой роли ни в событиях 238 г., ни в последующем правлении сенаторов не играли⁵⁶. Еще менее значительными фигурами были ординарные консулы 243 г. Л. Анний Арриан и Г. Цервоний Пап⁵⁷. Гораздо важнее было смещение ряда провинциальных наместников. И жертвами этой политики стали известные нам бывшие члены комиссии ХХ. Руфиниан перестал быть проконсулом Африки, а Криспин был заменен на посту легата Ближней Испании Галликаном, переведенным туда из Далмации⁵⁸. Об их карьере в последние годы правления Гордиана ничего не известно, и можно думать, что они ушли в тень, чтобы вернуться на политическую и общественную арену уже при Филиппе. Гораздо трагичнее сложилась судьба Менофила. Он исчезает из поля зрения источников, а его имя вычеркивается из надписей⁵⁹. Вероятно, Менофил, опираясь на свои войска и. может быть, рассчитывая на свою популярность (и явно ее преуве-

⁵² Pflaum H.-G. Op. cit. P. 819–820

⁵³ Carlà F. *Tu tantum praefecti mihi studium et annonam in necessariis locis praebere*. prefettura al pretorio e annona militaris nel III secolo d. C. // *Historia*. 2007. Bd. 56, I. P. 94.

⁵⁴ Enßlin W. *Praefectus praetorio*. Sp. 2425.

⁵⁵ Буккерман Э. Указ. соч. С. 232.

⁵⁶ Dietz K. *Senatus*... S. 87. 248–251.

⁵⁷ Ibid. S. 35, 123.

⁵⁸ Ibid. S. 109, 143, 225–226.

⁵⁹ Lorient X. *Les premières années*... P. 739.

личивая), или открыто выступил против Тимеситея, или, по крайней мере, составил заговор, который был раскрыт, с целью свержения префекта, или же, наконец, был заподозрен в таком заговоре. И Тимеситей без колебаний казнил героя Аквилейской войны⁶⁰. Что касается еще одного бывшего члена комиссии XX, Руфина, то он, судя по надписи, стал *amicus Caesaris* и несколько раз исполнял роль посла своего родного города, добиваясь для него различных привилегий⁶¹, но никакой роли в политической жизни государства не играл. Поскольку мы не знаем других членов этой комиссии, то не можем и говорить об их судьбе. Если же экстраполировать эти данные на судьбу остальных членов, то возможно предположить, что те, кто играл значительную роль в событиях 238 г. и осуществлял важные функции в последующее время, теперь были оттеснены или даже в особых случаях казнены. Крутыми мерами Тимеситей обезопасил свою власть от возможных попыток сената и его наиболее видных членов взять над ним реванш.

Тимеситей начал формировать свою команду из числа всадников. Видную роль в ней играли братья М. Юлий Филипп и Г. Юлий Приск. В нее явно входили Валерий Валент и Клавдий Аврелий Тиберий и, возможно, Г. Аттий Алций Фелициан⁶². Приск, может быть, заменил Домиция на посту второго префекта претория⁶³. Фелициан стал одновременно префектом анноны, вице-префектом вигилов и при отсутствии префектов претория исполнять их обязанности⁶⁴. Префектом вигилов стал Валерий Валент, который затем заменил Фелициана во главе префектуры претория, не будучи, как и он, формально префектом⁶⁵. Можно говорить, что власть оказалась в руках новой олигархии, но теперь уже не сенаторской, а всаднической⁶⁶. Эти люди, видимо,

⁶⁰ Ibid; *Potter D.* Op. cit. P. 230. Ср.: *Dietz K.* *Senatus...* S. 244–245.

⁶¹ *Millar F.* *The Greek East and Roman Law* // JRS. 1999. Vol. 89. P. 95–96; *Potter D.* *The Roman Empire...* P. 231.

⁶² Состав команды Тимеситея был, конечно, более широким: *Loriot X.* *Les premières années...* P. 741–742.

⁶³ *Pflaum H.-G.* Op. cit. P. 835; *Buis M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 138; *Potter D.* *The Roman Empire...* P. 232. Однако и Х.-Г. Пфлаум (Ibid.), и В. Энслин (*Praefectus...* Sp. 2425) возражают против этой гипотезы, считая, что префектом претория Приск стал только в 244 г. По-видимому, решить окончательно этот вопрос в настоящее время невозможно.

⁶⁴ *Pflaum H.-G.* Op. cit. P. 843–849; *Dietz K.* *Senatus...* S. 292–293; *Potter D.* Op. cit. P. 230.

⁶⁵ *Pflaum H.-G.* Op. cit. P. 830–831; *Potter D.* *The Roman Empire...* P. 230.

⁶⁶ По мнению Д. Поттера, власть перешла в руки всаднических офицеров: *Potter D.* *The Roman Empire...* P. 232.

были связаны не только принадлежностью к всадническому сословию. Сам Тимеситей, судя по его имени, происходит с грекоязычного Востока, скорее всего из Греции или Анатолии⁶⁷. Братья Филипп и Приск, а также Тиберий были уроженцами Аравии. Восточного (точнее не определить) происхождения был Валент. Можно говорить, что большинство членов команды Тимеситея происходили с Востока⁶⁸, и это могло спланировать их перед лицом италиков и выходцев из западных провинций. Из этой картины выбивается только Фелициан, который был выходцем из Африки. Но характерно, что он на своих важных постах был все же заменен Валентом, и после этого о нем ничего не слышно. Умер ли он, или просто ушел в тень, неизвестно.

Итак, у власти встал Тимеситей, опирающийся на свою всадническую команду. Роль всадничества резко увеличилась. Интересен в этом отношении пример Руфина, который на определенном этапе своей карьеры вошел в сенаторское сословие, но которого его соотечественники, сделавшие в честь него почетную надпись, предпочли называть всадником (ἑπαιτικός)⁶⁹. Судя по имеющимся данным, члены команды Тимеситея занимали не столько официально почетные посты, которые, пожалуй, были оставлены сенаторам, сколько те, какие позволяли реально контролировать государство. В руках самого Тимеситея находилась префектура претория. Поставив во главе вигилов своих доверенных людей, которым он при своем отъезде из столицы доверил и руководство собственной префектурой, он фактически сосредоточил в своих руках командование всем столичным гарнизоном. В руках префекта претория (или его заместителя) оказалась и префектура анноны, что делало его распорядителем всех продовольственных запасов и особенно снабжения армии. Эта обязанность все больше входила в круг полномочий префекта претория, но Тимеситей сделал решительный шаг в этом направлении, недвусмысленно взяв в свои руки (или передав частично в руки доверенных людей) руководство этой чрезвычайно в тех условиях важной стороной жизни⁷⁰.

⁶⁷ Pflaum H.-G. Op. cit. P. 820–821; Lorient X. Op. cit. P. 736.

⁶⁸ Potter D. The Roman Empire... P. 232.

⁶⁹ В явно более ранних надписях из его родной Тиатры Руфин называется «светлейшим консуляром» (λαμπρότατος ἑπαιτικός) (Millar F. The Greek East... P. 92–93), что подчеркивало его статус сенатора и, может быть, наместника провинции, в данном случае Норика (ср.: Mason H. J. Op. cit. P. 170). В период же сооружения почетной статуи времени Гордиана (сама статуя погибла, а надпись обнаружена на пьедестале) принадлежность к всадничеству, по-видимому, казалась землякам Руфина более важной. Ср.: Potter D. The Roman Empire... P. 231–232.

⁷⁰ Carrà F. Op. cit. P. 94.

Уже давно возросла роль префекта претория в налоговой сфере⁷¹, а теперь с переходом под его руководство анноны он косвенно взял под контроль финансы государства вообще. Был издан рескрипт, указывавший на право обвиняемого в случае тяжелого приговора, вынесенного наместником провинции, апеллировать к префекту претория (С. J. IX, 2, 6)⁷². Это не только подтверждало положение префекта как высшей юридической инстанции, но и усиливало его контроль над сенаторскими наместниками. Таким образом, Тимеситей становится реальным правителем Римской империи, сосредоточив в своих руках важнейшие военные и гражданские функции. Префектура Тимеситея стала важнейшим шагом на пути «цивилизации» этой должности, превращения ее в высшую административную после, естественно, поста императора. Как показали последующие события, она могла стать и прекрасным трамплином для захвата официальной власти.

Зосим (I, 17, 2) называет Тимеситея человеком, известным своей ученостью. Эта образованность, по-видимому, определила и его поведение. Обладая фактически всей властью, имея, насколько мы можем судить, безграничное влияние на своего зятя, он старался не очень выдвигать свою фигуру. Может быть, его подвиг на это явно хорошо ему известный пример тестя Александра Севера Макриана, которого тот возвел в ранг цезаря, но затем казнил по обвинению в подготовке убийства императора (SHA Alex. 49, 3–4)⁷³. Так что титула цезаря Тимеситей предпочел не принимать. Но это не значит, что он не обращал никакого внимания на имидж власти. Его дочь получает титул августы (какой не имела мать Гордиана), и в официальных надписях теперь прославляется не только сам император, но и Фурия Сабиния Транквилла, «святейшая августва, супруга нашего господина» Гордиана. И если в первые годы почитание «божественного дома» было редкостью, то теперь оно становится весьма частым (например, ILS 502–504). Это последнее очень интересно.

⁷¹ *Bals M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 135.*

⁷² Этот рескрипт был издан в апреле 243 г., когда Тимеситей и его коллега вместе с императором уже находились в походе против персов, а в Риме префект вигилов Валерий Валент замещал обоих префектов в качестве *vices agente praefectorum praetorio* (CIL XIV, 4398). Трудно сказать, доверил ли Тимеситей своему «агенту» право принимать апелляции на приговоры наместников, или же сам был готов решать эти вопросы в военном лагере.

⁷³ Можно вспомнить и пример Г. Фурия Плавциана, тестя Каракаллы, который возбудил зависть своего зятя и из-за его интриг был казнен Септимием Севером (*Hanslik R. Furius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 644–645*). Если же говорить о Макриане, то неизвестно, в какой степени обвинение в подготовке убийства императора было обоснованно.

Мать императора к тому времени, как говорилось выше, скорее всего, уже умерла; ни о каких других членах семьи не известно. В результате выходит, что в состав «божественного дома» кроме самих императора и императрицы, которые упомянуты отдельно, входит только тесть императора Тимеситей. Не имея титула цезаря и оставаясь *vir eminentissimus* (CIL VI 1611), т. е. обладателем даже не высшего, а второго всаднического ранга, он косвенно все же оказывался объектом поклонения в качестве члена «божественного дома». Как и во времена Северов, «божественный дом» в своей совокупности становился объектом почитания и носителем верховной власти. Наряду со всем этим была, вероятно, развернута и соответствующая пропаганда с целью, с одной стороны, возвеличить Тимеситея, а с другой — очернить его предшественников по власти. Можно осторожно предположить, что та чрезмерно уничижительная характеристика «свнухов и придворных слуг» матери Гордиана, которые якобы торговали должностями, да и самой матери тоже, с одной стороны, и гиперболизированное прославление Тимеситея, какое сохранилось в биографии Гордианов, — с другой, являются отзвуком этой пропаганды.

Укрепив свою власть, Тимеситей был вынужден обратить особое внимание на внешнеполитические проблемы. Особенно серьезное положение сложилось на восточной границе. Еще в конце правления Максимиана персы, воспользовавшись тем, что после сирийской кампании Александра Севера официальный мирный договор заключен не был⁷⁴, начали новое наступление на римскую Месопотамию. Римляне были почти вытеснены из этой области. Персидское наступление развивалось также в Сирии и даже в Малой Азии. Ни Максимин, занятый подготовкой к завоеванию Германии, ни Пупиен и Бальбин, у которых просто не оказалось времени, ни сенаторское правительство, занятое преимущественно внутренними делами, на события на Востоке особого внимания не обращали. Правительство Гордиана III было вынуждено принять какие-то меры. С ними явно связана поездка молодого императора в Антиохию, где он находился весной 239 г., но никаких практических последствий эта демонстрация не имела⁷⁵. Приход к власти в Персии энергичного и воинственного Шапура I, сына и наследника Арташира, интенсифицировал персидские атаки на римские владения⁷⁶. Не реагировать на персидскую угрозу Тиме-

⁷⁴ *Maricq* 4. *Classica et Orientalia*. Paris, 1963. P. 20.

⁷⁵ *Loriot* X. *Les premières années...* P. 760.

⁷⁶ *Frey* R. *The Heritage of Persia*. *Castra Mesa*, 1993. P. 241. Точная дата воцарения Шапура спорна (*Ibid.* P. 238), но в 241 г., когда Тимеситей пришел к власти, Шапур, несомненно, уже сидел на троне. Наиболее вероятной датой воцарения Шапура считается

сителей, разумеется, не мог. Это поставило бы под вопрос само его положение во главе государства. С другой стороны, принятием мер против персидских нападений Тимеситей ясно противопоставлял свои качества инерции предшествующих правительств. Наконец, для него, уроженца восточных провинций, как и для других членов его команды, также, как было сказано, в большинстве происходивших с Востока, защита восточных рубежей Империи являлась личным делом. Последней каплей стал захват Сасанидами Хатры⁷⁶. Этот город был одним из важнейших центров транзитной торговли в Передней Азии, связывая, как и Пальмира, Средиземноморье с внутренними районами Азии⁷⁸. Захват персами Хатры резко изменял не только политическую, но и экономическую ситуацию во всем переднеазиатском регионе. И Тимеситей начал активную подготовку персидской кампании.

Эта подготовка велась по разным направлениям. Учитывая большое стратегическое значение Египта, туда направили Гн. Домиция Филиппа, который занимал пост префекта вигилов и был, видимо, одним из доверенных людей Тимеситея. В Египте Филипп, однако, стал не префектом, а дуксом (*отратилáтис*), что подчеркивало чрезвычайность его полномочий, связанную с подготовкой к военным действиям⁷⁹. В пограничных городах были собраны значительные запасы для снабжения армии (*SHA Gord.* 28, 2). Возможно, с этой же целью была возобновлена прерванная ранее работа монетного двора в Антиохии⁸⁰. Были сконцентрированы значительные воинские части. Победная надпись Шапура, условно называемая *Kes gestae divi Saporis* (*RGDS*), сообщает, что Цезарь Гордиан собрал силы из всей Римской державы, а также из народов готов и германцев (7–8)⁸¹. Выделение из всей римской армии этнических отрядов готов и других германцев говорит о том, что это были какие-то вспомогательные части, набранные Тимеситеем из варваров. Когда, как и на каких условиях они попали в римскую армию, точно неизвестно. Возможно, это связано с событиями на Нижнем Дунае и на Балканах.

240 г.: Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 197; Хосроев А. Л. История манихейства. СПб., 2007. С. 261.

⁷⁶ *Maricq A.* Op. cit. P. 26; *Loriot X.* Les premières années... P. 760; *Надирова И. И.* Хатра. СПб., 2009. С. 58–62.

⁷⁸ *Streck.* *Natra* // *RE.* 1912. Hbd. 14. Sp. 2520; *Altheim F.* Niedergang... S. 53; *Надирова И. И.* Указ. соч. С. 155–159.

⁷⁹ *Loriot X.* Les premières années... P. 741–742.

⁸⁰ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 199.

⁸¹ В парфянской версии, сохранившейся хуже, чем греческая, говорится, что войско Гордиана было собрано из всех стран — римлян, готов и германцев. *Maricq A.* Op. cit. P. 49.

О войне с готами в Мезии и Фракии сообщают биограф Гордианов (SHA Gord. 26, 4) и Иордан (Get. 90, 92). Свидетельством этого вторжения являются клады монет, относительно обильные именно в балканском регионе⁸². Готское вторжение в эти провинции, а также в Дакию было столь значительным, что Тимеситей был вынужден прервать восточный поход⁸³. Всесильный префект претория и фактический командующий римской армией не мог не помнить, что именно германская угроза, а точнее недовольство солдат этой угрозой, заставила в свое время Александра Севера прервать свой, казалось бы, успешный поход против персов. К тому же, оставлять в тылу столь опасную и грозную силу было невозможно. К этому времени готы, вероятно, захватили Ольвию и Тиру, откуда еще раньше римляне были вынуждены вывести свои гарнизоны⁸⁴. Это ослабляло черноморский фланг римской обороны и, в свою очередь, усиливало готов. Может быть, толчком для их вторжения послужила казнь Менофила: готы могли испугаться, что после этого события римляне не будут выполнять договор о выплате им денег, который заключил с ними опальный наместник, и решили принять свои меры⁸⁵. К готам примкнули и другие варвары⁸⁶. Готы и их союзники были разгромлены. И вполне возможно, что какая-то часть варваров, то ли пленных, то ли добровольцев, могла быть включена в римскую армию, где эти люди составили свои отдельные этнические отряды⁸⁷.

⁸² *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 250.

⁸³ Существует мнение, что в действительности готское вторжение, о котором идет речь, произошло позже: *Буданова В. П.* Указ. соч. С. 85; *Kulikowski M.* Rome's Gothic Wars. Cambridge. 2007. P. 18. Однако для такого мнения нет объективных доводов. Более того, многочисленные монетные клады, обнаруженные на территории современных Румынии и Болгарии, доказывают, что именно в это время варвары проникали на римскую территорию, заставляя население принимать экстренные меры для спасения своих имуществ (*Loriot X.* Les premières années... P. 757). Что же касается готского вторжения 248 г., то оно тоже имело место, и ни одно из этих двух вторжений нельзя считать литературным дубликатом одного из них.

⁸⁴ *Demougeot E.* Op. cit. P. 394–395; *Шеллов Д. Б.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 140; *Пругло В. И.* Тира // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 28; *Левин Е. И.* Борисфенида, Ольвия... // Там же. С. 40.

⁸⁵ Более чем через полтора века после этого вестготский король Аларих счел, что казнь Стилихона может поставить под вопрос договор, с ним заключенный, и вторгся в Италию.

⁸⁶ *Буданова В. П.* Указ. соч. С. 85.

⁸⁷ Впрочем, нельзя исключить и то, что готские отряды могли появиться в римской армии на основании договора, заключенного Менофилом. Что же касается германцев вообще, то германские воинские части уже использовались римлянами и до этого, как показывает, в частности, пример Пуниена.

Перед началом войны в Риме были торжественно проведены празднования в честь Минервы, а непосредственно перед отправлением в поход император торжественно открыл ворота храма Януса (SHA Gord. 26, 3; Eutrop. IX, 2, 2; Aur. Vict. 27, 7; FHG IV. Ioann. Ant. Fr. 147; Oros. VII, 19, 3). Эти действия должны были иметь большое символическое значение. К этому времени Греко-персидские войны давно рассматривались как война между Западом и Востоком, и игры в честь Минервы должны были напомнить о богине, которая помогла эллинам разгромить восточных варваров⁸⁸. Можно вспомнить, что Александр перед своим восточным походом учредил специальные игры в Эгах, а при высадке в Азии поставил алтари Зевсу, Афине и Гераклу и, вступив в Трою, принёс жертвы той же Афине (Arr. Anab. I, 11, 1; 7; Plut. Alex. 15). Да и воспоминания о походе самого Александра могли при этом всплывать в памяти. В этом отношении интересен эпизод из жизни Плотина, рассказанный Порфирием (Vita Plot. 3): желая познакомиться с мудростью персов и индийцев, философ записался в армию Геродиана и пошел в поход на Персию. Плотин явно рассчитывал пройти с армией всю Персию и достичь Индии, ибо в противном случае воевать, имея такую цель, было бы бессмысленно. Порфирий был одним из долговременных и преданных учеников Плотина, проводшим с ним много лет, и явно слышал этот рассказ от самого учителя. И возможно, что Плотин был не единственным, кто представлял себе экспедицию Геродиана как повторение похода Александра. Геродиан и Тимеситей явно стремились представить свою персидскую кампанию как новую великую битву всей западной цивилизации против восточного варварства. Однако при этом они хотели опереться и на старинную римскую традицию. Аврелий Виктор подчеркивает, что ворота храма Януса были закрыты со времени Марка Аврелия. Это значит, что, хотя за прошедшее время римляне вели многочисленные войны, к этому старинному обычаю императоры не обращались. Геродиан не просто открыл их, но и сделал это по обычаю предков (*more veterum*). Император и стоявший за его спиной всесильный префект претория демонстрировали свое уважение к традициям, в большой мере нарушенным в предшествующие десятилетия, и уверенность, что с помощью богов они, как когда-то греки при Марафоне и Саламине, разгромят бесчестных варваров, осмелившихся вторгнуться в пределы Империи.

Тимеситей, по-видимому, разработал и стратегический план войны. В соответствии с этим планом римские войска начали наступление.

⁸⁸ Lorient X. Les premières années... P. 766.

Хотя номинально главнокомандующим был император, реальное командование принадлежало Тимеситею. Военные действия развивались успешно. Римляне не только вытеснили персов из Сирии, но и перешли Евфрат, снова захватив ряд городов, ранее взятых персами (SHA Gord. 26, 5–27, 3; Eutrop. IX, 2, 2; Aur. Vict. 27, 8; Amm. Marc. XXIII, 5, 17; Sync. P. 681). В честь побед были выпущены монеты с гордой надписью VICTORIA AETERNA⁸⁹. В Осроене было восстановлено клиентское царство, и власть была передана Абгару X⁹⁰. Римская армия перешла старые границы Империи и вторглась в ту часть Месопотамии, которая находилась под властью Сасанидов. Именно в это время неожиданно умер Тимеситей. Его смерть была столь неожиданной, что сразу же возник слух о его отравлении Филиппом (SHA Gord. 28, 1; 5–6)⁹¹. Именно М. Юлий Филипп, который тогда находился среди ближайших соратников Тимеситея, был назначен его преемником на посту префекта претория (SHA Gord. 29, 1; Zos. I, 18, 2)⁹².

Зосим (I, 18, 2) пишет, что после смерти Тимеситея Гордиан засомневался в прочности своей власти (ἀσφαλεία τῆς ἡγεμονίας). Того абсолютного доверия, какое он питал к тестю, по отношению к Филиппу он явно не имел. В значительной степени ему пришлось взять на себя реальное командование армией. Выполняя план Тимеситея, римская армия двинулась к столице Сасанидов Ктесифону. Однако в решающий момент Гордиан умер.

О смерти Гордиана существуют две абсолютно противоположные версии. Биограф Гордианов подробно рассказывает о том, как Филипп, в обязанности которого как префекта претория входило снабжение армии⁹³, намеренно саботировал это снабжение, чтобы вызвать недовольство солдат императором, и распускал слухи о неспособности Гордиана из-за его молодости управлять государством. Этим он сначала добился провозглашения себя соправителем Гордиана, а затем убийства Гордиана солдатами, после чего получил всю власть (SHA Gord. 29–30). Практически то же самое говорят и другие античные

⁸⁹ Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 103.

⁹⁰ Lorient X. Op. cit. P. 768; Абрамзон М. Г. Осроена... С. 116–117.

⁹¹ К вопросу о верности или неверности этого слуха мы вернемся несколько позже.

⁹² По мнению Х.-Г. Пфлаума, Филипп не стал префектом претория после смерти Тимеситея, а являлся префектом Месопотамии: Pflaum H.-G. Op. cit. P. 837. Однако эта точка зрения не принята в науке и Филиппа по-прежнему считают префектом претория в момент гибели Гордиана: например, Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 56; Carlà F. Op. cit. P. 94.

⁹³ Carlà F. Op. cit. P. 94.

авторы. Зосим (I, 18, 3–19, 1) фактически повторяет в более кратком виде ту же версию. Евтропий (IX, 2, 3) утверждает, что Гордиан уже после своих побед на обратном пути был коварно убит Филиппом. Аврелий Виктор (27, 8) пишет, что Гордиан после удач на войне погиб из-за козней (*insidiis*) Марка Филиппа. Об убийстве императора солдатами, подстрекаемыми Филиппом, упоминают также автор Эпитомы (27, 2) и Синкелл (р. 681); о предательстве Филиппа пишет Аммиан Марцеллин (XXIII, 5, 7; 17). Орозий (VII, 19, 3), не называя конкретно Филиппа, говорит о коварном убийстве Гордиана его приближенными. Вероятно, на это же событие намекает таинственный пассаж XIII «Сивиллиных оракулов», упоминающий об убийстве молодого Ареса в результате коварства его друга⁹⁴.

Совершенно иначе говорят о гибели Гордиана некоторые более поздние византийские хронисты и историки, в частности Зонара (XII, 18), по словам которого император во время битвы с персами, вдохновляя своих воинов, сам бросился в атаку, но его конь поскользнулся, в результате чего Гордиан получил тяжелую травму, был доставлен на римскую территорию и скоро умер. И Зосим в другом месте (III, 32, 4) упоминает о трагической для Гордиана битве с персами. Наконец, о разгроме римской армии Гордиана и убийстве самого императора с гордостью сообщает Шапур в своей победной надписи (RGDS 8), изображая на рельефе Гордиана, убитого его собственной рукой. Упомянутый пассаж XIII «Сивиллиных оракулов» отмечает гибель юного героя *ἐν τάξει* (в строю), что тоже позволяет говорить о смерти Гордиана в бою, хотя и в результате предательства.

Решение чисто исторической проблемы осложняется проблемой религиозно-идеологической. Существует традиция, согласно которой Филипп, заменивший Гордиана на троне, был первым императором-христианином. Так об этом упоминают Евсевий и Иероним, и им следует большое количество позднеантичных и раннесредневековых писателей⁹⁵. И тогда встает вопрос: а мог ли христианин быть коварным виновником смерти и своего предшественника и покровителя Тимеситея, и императора⁹⁶? Гибель и того, и другого, несомненно, связана друг с другом: в случае виновности Филиппа в смерти одного

⁹⁴ MacDonald D. The Death of Gordian III — Another Tradition // *Historia*. 1981. Bd. 38. 4. P. 504.

⁹⁵ Pohlsander H. A. Philip the Arab and Christianity // *Historia*. 1980. Bd. 29. 4. P. 465.

⁹⁶ Об этом прямо не говорится в соответствующих статьях, но практически все историки, стремящиеся реабилитировать Филиппа, говорят о его принадлежности к христианству; например, York J. M. The Image of Philip the Arab // *Historia*. 1972. Bd. 21. 2. P. 320–332; MacDonald D. Op. cit. P. 502–508. И, наоборот, те ученые, которые считают

или другого резко повышается вероятность того, что Филипп стоял за смертью и Тимеситея, и Гордиана⁹⁷.

Возможно, частично ответ можно найти в событиях, происходивших в Риме. Уже говорилось, что, отправляясь на войну, Тимеситей оставил там Фелициана в качестве *vice praefectorum praetorio*, но затем его заменил Валерий Валент. Последний во время занятия этого поста оставил надпись в честь императрицы Транквиллины (ILS 2159); следовательно, он тоже стал *vice agens praefectorum praetorio* во время правления Гордиана⁹⁸. Можно предполагать, что смена лиц, заменявших префектов претория и тем самым осуществлявших фактическую власть в столице в отсутствие и императора, и префектов, произошла в связи со сменой и самого префекта. Фелициан, как говорилось выше, происходил из Африки, в то время как Валент с Востока, и последний был, по-видимому, более близок Филиппу. Поэтому совсем не исключено, что Филипп, став после смерти Тимеситея префектом претория, захотел иметь своим представителем в столице более близкого человека. Если это так, то в команде, собранной Тимеситеем, произошли важные изменения. Филипп собирает вокруг себя людей, преданных ему, а не его покойному предшественнику. Если бы речь шла только о смене на самом верху команды, едва ли возникла бы нужда в более глубоких изменениях в этой команде. И в таком случае можно осторожно предположить, что Филипп действительно стоял за неожиданной смертью Тимеситея.

После гибели Гордиана Филипп сообщил в Рим, что Гордиан умер от болезни (SHA Gord. 31, 2; Zos. I, 19, 1). Смерть в бою всегда считалась в Риме почетной. И если Гордиан, как об этом сообщает гордая надпись Шапура, действительно погиб в сражении, то ничто не мешало Филиппу рассказать, каким храбрым воином был погибший император, пожертвовавший жизнью за родину⁹⁹. Через 119 лет император Юлиан вспоминал о Гордиане и называл его вместе с Траяном, Вером и Севером (тоже воевавшими на Востоке), стремившимся к великим делам и совершавшим достопамятные подвиги (Amm. Marc. XXIII, 5, 17–18). Конечно, эта речь Юлиана, как ее пере-

Филиппа виновным, подчеркивают, что христианином он не был: Pohlsonder H. A. Op. cit. P. 463–473.

⁹⁷ Ср.: Pohlsonder H. A. Op. cit. P. 465.

⁹⁸ К. Лорно (Les premières années... P. 742) и Д. Поттер (The Roman Empire... P. 230) считают, что Валент занимал этот пост в 242–244 гг.

⁹⁹ Позже возникла легенда о гибели Клавдия II в бою именно в качестве жертвы, принесенной ради победы римлян.

дал Аммиан Марцеллин, была чисто пропагандистской и победы и подвиги Гордиана были использованы для вдохновения воинов, воевавших с теми же персами. Но едва ли этот пример мог вдохновить солдат, если бы не сохранилась традиция, столь резко контрастирующая с сообщениями о смерти императора от болезни. Так что, как кажется, сам доклад Филиппа сенату о смертельной болезни императора заставляет подозревать префекта в сокрытии реальных фактов. Наконец, можно привести еще один косвенный довод в пользу предположения о виновности Филиппа в смерти Гордиана. Евсевий, считавший Филиппа христианином, рассказывает, что император пытался в предпасхальную ночь помолиться в церкви вместе с народом, но епископ отказался его впустить без исповеди из-за множества возводимых на него обвинений (HE VI, 34). Сам этот рассказ едва ли историчен¹⁰⁰, но характерно, что даже христианский историк, весьма благосклонный к Филиппу, сохранил воспоминания о каких-то обвинениях императора. В тех условиях это скорее всего могли быть слухи о его причастности к смерти Гордиана.

Различные противоречивые сведения можно, однако, свести к комплексному предположению, уже сделанному в науке. Исходя из данных о том, что сражение, упомянутое Шапуром, происходило в районе недалеко от Ктесифона, а кенотаф Гордиана находился в северной части Месопотамии, был сделан весьма правдоподобный вывод, что в битве при Месихе около самой персидской столицы римляне, как и утверждает гордо Шапур, были разбиты и отступили на север¹⁰¹. Это, естественно, вызвало недовольство и, может быть, раздоры в римской армии, чем и воспользовался Филипп, подогревавший недовольство солдат. Результатом и мог стать мятеж, стоивший жизни Гордиану¹⁰². Может быть, косвенным подтверждением этому является эпизод из жизни Плотина, о котором упоминалось выше. Явно со слов самого Плотина Порфирий говорит, что после гибели Гордиана в Месопотамии он едва спасся и нашел убежище в Антиохии. Такое неприкрытое дезертирство из воюющей армии возможно было только в условиях беспорядка в самой армии, что вполне согласуется с известиями о солдатском мятеже.

¹⁰⁰ Проблема отношения Филиппа к христианству будет рассмотрена позже.

¹⁰¹ Что касается гибели в этом бою римского императора от руки самого персидского царя, то это, конечно, топос, так часто встречающийся в ближневосточных надписях, в том числе в персидских. Например, Дарий гордо утверждал, что именно он убил мага Гаумату (Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 77.

¹⁰² Potter D. S. The Roman Empire... P. 236.

Филипп всячески подчеркивал свое глубочайшее уважение к памяти покойного Гордиана. На месте его гибели была воздвигнута пышная гробница, точнее кенотаф (SHA Gord. 34, 2; Eutrop. IX, 2, 3; Amm. Marc. XXIII, 5, 7). Сам Гордиан был обожествлен (Eutrop. IX, 2, 3; Amm. Marc. XXIII, 5, 8)¹⁰³. По словам биографа, на гробнице была помещена многоязычная надпись, называющая Гордиана победителем персов, готов и сарматов и уничтожителем римских междоусобиц (*depulsor Romanorum seditionum*) (SHA Gord. 34, 3). Сообщение об этой надписи явно недостоверное. Аммиан Марцеллин, упоминающий об этой гробнице, ничего о надписи не говорит, хотя и вкладывает в уста Юлиана прославление побед и подвигов Гордиана. Однако в этом прославлении юного императора отражена скорее память о войнах на Дунае и на Востоке¹⁰⁴. Важен и другой момент, отраженный в этой фальшивой надписи. Правление Гордиана III сохранилось в памяти как время успокоения Рима после убийства Александра Севера, «тирании» Максимины и бурных событий 238 г.

Гордиан совсем всего не дожил до двадцати лет. Насколько он был самостоятелен в последние месяцы своего правления, после смерти Тимеситея, сказать трудно. Может быть, попытка выйти из тени нового префекта претория и привела его к трагическому концу. Но в любом случае ясно, что все остальное время своего правления реальная власть находилась в руках других людей. В первые годы это была сравнительно небольшая группа сенаторов. Однако удержать власть сенаторы не смогли. Сенат как корпорация при всем его традиционном авторитете не обладал реальными рычагами власти. И смена сенаторов у власти Тимеситеем и его всаднической командой явилась ярким показателем нового положения, когда не столько традиционный

¹⁰³ MacDonuld D. Op. cit. P. 507–508. Ученый приводит эти сообщения в качестве довода в пользу того, что человек, столь ясно показывавший свое расположение к предшественнику, не может быть его убийцей. Такой довод, конечно, не может быть принят. В истории имеется много примеров воздания внешних и часто пышных почестей покойнику его реальным убийцей. Филипп в данном случае поступал так же, как и многие другие узурпаторы (*Stein A. Iulius // RE. 1917. Ibid. 19. Sp. 759*). По словам Ф. Альтхайма (*Niedergang... S. 278*), Филипп делал все возможное, чтобы смыть пятно, лежащее на его восхождении на трон. Заметим, что, по данным Евтропия (IX, 3), хотя это и спорно, и сам Филипп тоже был обожествлен, хотя никто (кстати, и сам ученый) не сомневается в виновности в его смерти его преемника Деция. Также не может быть принято соображение, что Филипп не мог в своем докладе сенату о смерти Гордиана столь нагло исказить события, которые произошли на глазах солдат. Однако нигде не сказано, что Филипп озвучил воинов и вообще кого-либо со своим донесением сенату.

¹⁰⁴ Римская традиция так и не примирилась с поражением при Мессине и предпочла вовсе его не заметить: *Potter D. S. The Roman Empire... P. 236*.

авторитет, сколько умение использовать эффективные в данный момент инструменты управления определяли действительную власть. На смену традиционной знати приходили новые группы и люди. Этот процесс, начатый частично уже Северами, после поражения сенаторской реакции в 238 г. и отстранения сенаторского правительства в 241 г. резко ускорился, хотя и был еще весьма далек от завершения.

ФИЛИПП АРАБ И ЕГО СЫН

13 января 244 г. Гордиан был еще жив, а 15 марта (мартовскими идами) того же года датируется закон, изданный уже от имени Филиппа (С. J. III, 42, 6). Отсюда очевиден вывод, что гибель Гордиана и приход к власти Филиппа относятся к этому промежутку времени¹⁰⁵. Представляется, что этот промежуток был заполнен какими-то маневрами вокруг императорской власти. Зонара (XII, 18) рассказывает, что Филипп сообщил сенату о смерти Гордиана и предложил ему избрать другого императора. Сразу же появилась кандидатура некоего философа Цезаря Марка, который, однако, почти сразу умер, а его преемником стал Север Гостилиан, который как будто даже и не приступил к правлению, ибо сразу же заболел и перерезал вены. Обе эти фигуры совершенно неизвестны, и каким образом они оказались на троне, непонятно. Упоминание о них идет сразу же после сообщения об убийстве Гордиана и захвате Филиппом власти. На первый взгляд этот рассказ Зонары противоречит приведенным ранее сообщениям Зосима и «Юлия Капитолина» о докладе Филиппа сенату, в котором он сообщал не только о смерти Гордиана, но и об избрании его, Филиппа, солдатами. Но оба эти сообщения легко совместить. Филипп мог сообщить сенату о смерти Гордиана от болезни, об избрании его императором, но при этом заявить, что сам он, несмотря на выбор войска, предоставляет право выбора нового принцепса сенату. Это могло быть таким же лицемерием, каким были в свое время отказы от власти Октавиана и Тиберия. Филипп явно был уверен в своем утверждении сенатом. Может быть, для этого он, как говорилось выше, и заменил Фелициана, занимавшего пост префекта претория, на более надежного Валента. И, разумеется, совершенно не случайно, что оба неудачливых претендента на трон погибли почти сразу же

¹⁰⁵ *Stein. Iulius. Sp. 757; Lorient X. Chronologie du règne de Philippe l'Arabe // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 789; Trout D. F. Victoria Redux and the First Year of the Reign of Philip the Arab // Chiron. 1989. Bd. 19. P. 221.*

после выдвижения своих кандидатур. Их гибель была и хорошим уроком сенату, которому было ясно показано, что произойдет, если он серьезно отнесется к предложению Филиппа самому избрать угодного сенаторам императора. После этого Филипп мог некоторое время спокойно оставаться на Востоке, улаживая тамошние дела.

Марк Юлий Филипп являлся выходцем из горной области Трахонитиды и был арабом (Aug. Vict. Caes. 28, 1). Отсюда его прозвище Араб, вошедшее в историографию, хотя в официальной номенклатуре императора это имя отсутствует. Автор «Эпитомы» (28, 4) прибавляет, что он был низкого происхождения (*humillimo... loco*), а его отец (Юлий Марин) являлся знаменитым предводителем разбойников (*nobilissimo latronum ductore*). Это сообщение отрицается некоторыми исследователями на основании того, что старший сын Марина, Приск, сделал всадническую карьеру¹⁰⁶. Однако сам по себе этот довод не может быть принят. Социальная мобильность в Риме была довольно высокой. Если уж сенаторское сословие активно пополнялось выходцами из других кругов, то вступление во всадническое сословие было еще более легким¹⁰⁷. После Септимия Севера «путь наверх» стал еще легче. Высшие военные посты чаще стали занимать люди, вышедшие из «низов» и пробившиеся в число всадников¹⁰⁸. Трахонитида была областью, в которой оседлое смешанное еврейско-сирийское население постоянно сталкивалось с кочевыми племенами¹⁰⁹. Возможно, что Марин действительно был главой какого-то кочевого арабского племени¹¹⁰. Такие кочевые вожди, по крайней мере с конца I в. до н. э., брались на службу как Империей, так и вассальными царьками Передней Азии, как, например, некий Соайд Малех, ставший Адрианом, который, сохраняя старое положение этнарха, т. е. племенного вождя, стал после поступления на римскую службу еще и стратегом¹¹¹. Родовое имя «Юлий» показывает, что и Марин, и его сыновья скорее всего стали гражданами еще до эдикта Каракаллы. Какую карьеру сделал на римской службе Марин, мы не знаем. Сыновья же его продолжили путь до самых вершин, а второй сын даже достиг трона.

¹⁰⁶ Stein. Iulius. Sp. 669, 756.

¹⁰⁷ Garnsey P., Saller R. Storia sociale dell'Imperio romano. Bari, 2003. P. 150.

¹⁰⁸ Alföldy G. Römische Heeresgeschichte. Beiträge... S. 14–15.

¹⁰⁹ Hölcher G. Trachonitis // RE. 1937. Hbd. 12A. Sp. 1865.

¹¹⁰ Altheim F. Niedergang... S. 276. О том, что для историка, живущего в оседлом обществе, кочевник и разбойник были синонимами, см.: Грушевой А. Г. Принципы взаимоотношений Рима и ранней Византии с арабийскими кочевниками // МНЕМОН. СПб., 2007. Вып. 6. С. 339. Здесь речь идет об Иосифе Флавии, но это явно относится ко всей античной историографии.

¹¹¹ Там же. С. 345–347.

Первым и самым главным делом Филиппа было урегулирование отношений с персами. Поражение при Месихе разрушило всякие планы завоевания Персии. Но и силы Шапура были значительно подорваны и предыдущими поражениями, и значительными потерями в последнем победоносном сражении. Это заставило обоих противников пойти на заключение мира (Zos. I, 19, 1; Sync. P. 683)¹¹². Зонара (XII, 19) утверждает, что Филипп при этом отказался от Месопотамии и Армении, но позже, увидев недовольство римлян, от этой уступки отказался. Шапур, со своей стороны, гордо заявил, что именно Филипп запросил мира, и мир ему был дан, а за возвращение пленников римский император заплатил 500 тысяч денариев (SGDS 9). Речь идет не о римских серебряных денариях (в таком случае сумма была бы не очень велика), а о золотых персидских денариях, римских ауреях, что равнялось 12 с половиной миллионам римских денариев¹¹³. А это были уже огромные деньги. В том, что Филипп был вынужден выплатить персидскому царю огромную сумму, никто не сомневался¹¹⁴. Но сразу после этого Шапур утверждает, что эти деньги были φόρος, т. е. ежегодной данью. А это вызывает сомнения. Если, как полагают ученые, для однократного платежа сумма в 500 тысяч аурев была хотя и огромной, но не чрезмерной, то для ежегодной дани она была для Рима невозможной¹¹⁵. Что касается уступки Месопотамии и Армении, то римские владения в Месопотамии, несомненно, остались в руках римлян¹¹⁶. После заключения мира Филипп назначил своего брата префектом Месопотамии, и это подтверждается надписями, в которых Приск назван ἑταρχος Μεσσηποταμίας (SIG III 4602; 4603)¹¹⁷. И монеты в месопотамских городах, ранее подчинявшихся римлянам, продолжают выпускаться с именами Филиппа¹¹⁸. Сложнее обстоит дело с Арменией. Филипп, как кажется, сохранил власть над Малой Арменией, но в Великой Армении действительно предоставил персидскому царю возможность свободно действовать (Euagr. HE V, 7)¹¹⁹. Вполне вероятно, что окончательное заключение мира было

¹¹² Lorient X. Les premières années... P. 774.

¹¹³ Guey J. Deniers (d'or) et deniers d'or (de compte) anciens // Syria. 1961. T. 38. P. 261–267; Pecary T. Le „tribut“ aux Perses et les finances de Philipp l'Arabe // Ibid. P. 275–277; Crawford M. Op. cit. P. 569.

¹¹⁴ Lorient X. Les premières années... P. 774.

¹¹⁵ Lorient X. Les premières années... P. 774. Т. Пекари, специально исследовавший этот вопрос, счел, что однозначно решить его невозможно: Pecary T. Op. cit. P. 279.

¹¹⁶ Bengtson H. Römische Geschichte. München, 1985. S. 337.

¹¹⁷ Pfau H.-G. Op. cit. P. 832.

¹¹⁸ Lorient X. Les premières années... P. 774; Абрамзон М. Г. Осроща... С. 117.

¹¹⁹ Enßlin W. The Senat... P. 88; Drinkwater J. Op. cit. P. 26.

результатом сложных дипломатических маневров, которые могли сопровождаться и маневрами войск. Хотя попытки Цезаря Марка и Гостилиана прийти к власти рухнули, Филипп не решился вызвать недовольство в Риме уступкой собственно римских владений в Месопотамии. И в конце концов стороны пришли к компромиссу. Шапур отказался от подчинения римской части Месопотамии, а Филипп — от сохранения римского влияния в Армении¹²⁰. Этого, по-видимому, Шапур больше всего и добивался. Армения издавна была яблоком раздора между Римом и его восточным соседом. К тому же на армянском троне находилась династия Аршакидов, другая ветвь которой была свергнута Сасанидами, и Шапур стремился ликвидировать последнее убежище этой династии на Западе. Поэтому, идя на другие уступки Филиппу, персидский царь настоял на предоставлении ему свободы действий в этой стране¹²¹. И Шапур использовал полученную возможность, завоевав между 244 и 251 г. часть Армении¹²². Говоря о более позднем времени, Шапур заявляет, что цезарь (это явно уже был не Филипп) обманул его и совершил несправедливости (*ὑδίκησάν*) в Армении, в ответ на что он, Шапур, напал на Римскую империю (RGDS 10–11). Следовательно, какие-то действия римлян в Армении персидский царь считал нарушением сложившегося равновесия и поводом для начала новой войны с Римом. В то же время надо отметить, что в своей гордой надписи Шапур говорит только о деньгах, уплаченных Филиппом, но ничего — о территориальных уступках последнего. По-видимому, в тексте договора они и не упоминались; в противном случае царь не преминул бы сообщить о своих приобретениях. Ведь когда он повествует о своих успехах в третьей войне с Римом, он называет завоеванные им города (RGDS 27–34). Шапур рассматривает всю кампанию и заключение мира с Римом как свою великую победу. Недаром Месихе он переименовал в Пероз-Шапур (Победоносный Шапур) (RGDS 10). Но и Филипп гордится заключенным миром. В Антиохии чеканятся монеты с легендой PAX FUNDATA CUM PERSIS¹²³. В некоторых надписях (например, ILS 506, 507) встречаются титулы Parthicus maximus и Persicus maximus. Титул Persicus

¹²⁰ Trout D. E. Op. cit. P. 228–229.

¹²¹ Potter D. S. Roman Empire... P. 237.

¹²² Луконин В. Г. Сасанидская держава в III–V вв. // История Древнего мира. М., 1989. С. 256; Frey R. The Sassanians // САН. 2005. Vol. XII. P. 468–469; Lightfoot C. S. Armenia and the eastern marches // Ibid. P. 492–493.

¹²³ Lorient X. Les premières années... P. 775; Nony D. La „nobilitas“ de Philippe l'Arabe // Revue numismatique. 1997. T. 152. P. 47.

упоминается и на монетах¹²⁴. В ряде же других случаев эти титулы отсутствуют (ILS 505, 508–511); не появляются они и в папирусах. Поэтому одни исследователи полагают, что официально Филипп победные титулы, связанные с войной на Востоке, не принимал¹²⁵, и в таком случае в появлении их в тех или иных надписях можно видеть только проявление излишнего раболепия. Другие ученые считают, что Филипп принял эти титулы, явно выдавая заключение мира за великую победу¹²⁶. Окончательно решить этот вопрос пока трудно. Можно лишь сказать, что в первое время после окончания войны император явно стремился представить ее итоги как самые благоприятные для Империи, а итоги восточной кампании как победу¹²⁷.

Заключение мира являлось только первым шагом нового императора в этом регионе. Становилось ясно, что самой опасной становится именно восточная граница. И Филипп предпринял ряд мер, которые должны были укрепить здесь имперские позиции. Своего брата Приска он, как уже упоминалось, назначил префектом Месопотамии. Там же, в Месопотамии, он ликвидировал восставшее Гордианово царство в Эдесе и превратил этот город в римскую колонию¹²⁸. Император явно считал колонию лучшей опорой римской власти в этом сложном пограничном регионе, чем клиентское государство. Во время своего пребывания на Востоке Филипп основал в Аравии в качестве колонии Филиппополь (Aug. Vict. 28, 1)¹²⁹, и город с этого момента начал отсчитывать свою эру¹³⁰. Новая колония получила право выпускать свою бронзовую монету¹³¹. При этом дело не ограничилось лишь изменением юридического статуса. Старый город был радикально перестроен на римский манер¹³², что было относительно

¹²⁴ Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 103.

¹²⁵ Lorient X. Les premières années... P. 775.

¹²⁶ Enßlin W. The Senat... P. 88.

¹²⁷ См. об этом надпись CIL 505, о которой еще будет идти речь. В некоторой степени основанием для такого утверждения мог быть факт, что Филипп не оставил в руках врагов ни одного римского пленного и не уступил ни одного подвластного римлянам города.

¹²⁸ Trout D. E. Op. cit. P. 230; Абрамзон М. Г. Осросна... С. 117. Колония римских граждан существовала в Эдесе и ранее, частично сосуществуя с монархией Абгаридов. По мнению М. А. Шнайделя, монархия в Осросене была ликвидирована не позже 242 г., т. е. еще Гордианом или, точнее, Тимеситеем: Speidel M. A. Ein Bollwerk für Syrien // Chiron. 2007. Bd. 37. S. 424. Однако думается, что в разгар войны с персами император или его всевластный тесть, человек достаточно разумный, едва ли пошли бы на такие изменения в своем тылу.

¹²⁹ Вероятнее всего, речь шла о родине Филиппа: Enßlin W. The Senat... P. 88.

¹³⁰ Honigsmann E. Philippopolis // RE. 1938. Hbd. 38. Sp. 2263.

¹³¹ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 104.

¹³² Althem F. Niedergang... S. 279.

редким явлением в восточных провинциях, но довольно часто встречалось при республике и во времена Августа. Но это было не бездумное проведение в жизнь римского городского плана, а его приспособление к уже существующей урбанизации¹³³. И в первый год существования города его совет возглавил отец императора Марин¹³⁴. Другой Филиппополь, расположенный во Фракии, тоже получил колониальный статус. Колонией стал также палестинский Сихем-Неаполь, а столица Аравии Бостра получила почетный титул колонии-метрополии¹³⁵. Создание колоний именно в «проблемных» регионах ясно говорит о намерении Филиппа сделать из колоний опорные пункты в случае возможного нового обострения обстановки. На Дунае Филиппу, по-видимому, пришлось еще и вести какие-то военные действия против «скифов» (Zon. XII, 19). Речь, видимо, идет о тех же готах, с которыми имел дело Тимеситей по пути на Восток.

Филипп прибыл в Рим 23 июля 244 г.¹³⁶ Следовательно, его путь в столицу занял не менее четырех с половиной — пяти месяцев, а может быть, и больше. Это ясно показывает, что новый император был вполне уверен в прочности своего положения¹³⁷. И уже в тот же день, видимо, воины II Парфянского легиона поставили почетную надпись в честь Победы, возвращающей в столицу не только Филиппа, но и его жену Отацилию Северу, которая, судя по этой надписи, уже носит титул августы (ILS 505). Этот титул жена Филиппа, несомненно, получила сразу же, как сенат признал августом ее мужа. Позже появляются и другие титулы императрицы — «мать лагерей» (*mater castrorum*) (ILS 506, 509), «мать лагерей и армии» (*mater castrorum et exercitus*) (ILS 507) и даже «мать лагерей, сената и родины» (*mater castrorum et senatus et patriae*) (ILS 513). Подобные титулы носили женщины дома Северов, и не только мать Александра Юлия Маменя, но и жена Септимия Севера и мать Каракаллы Юлия Домна, а также мать Элагабала Юлия Созмиада. Все они оказывали значительное влияние на правящих императоров, оттесняя на задний план других мужчин из своей семьи¹³⁸. Конечно, говорить о том, что Ота-

¹³³ Will E. *De l'Euphrate au Rhin*. Beyrouth, 1995. P. 486.

¹³⁴ Stein. *Iulius*. Sp. 669–670.

¹³⁵ Enßlin W. *The Senat...* P. 88; Altheim F. *Niedergang...* S. 280.

¹³⁶ Enßlin W. *The Senat...* P. 88. Сравнительно недавно было высказано мнение, что Филипп мог прибыть в Рим и позже: Trout D. E. *Op. cit.* P. 221–233.

¹³⁷ Peachin M. *Philip's Progress. From Mesopotamia to Rome in A. D. 244* // *Historia*. 1991. Bd. 40, 3. P. 331–341.

¹³⁸ Clove R. L. *Some Male Relatives of the Severan Women* // *Historia*. 1988. Bd. 37, 2. P. 196–197.

цилия Севера играла при Филиппе такую же роль, как Мадея при Александре Севере, не приходится. Но все же какую-то роль она, по-видимому, играла. Ориген писал письма не только самому Филиппу, но и его супруге (Eus. HE VI, 36, 3), что может говорить о каком-то влиянии императрицы при дворе. После побед на Нижнем Дунае, к чему мы еще вернемся, среди «восстановителей вселенной» (*restitutores orbis*) была названа и Отацилия. После же свержения и гибели Филиппа (и, как мы увидим, его сына) она тоже была убита¹³⁹, а ее имя, как и имена ее мужа и сына, было изъято из надписей. Прославляя свою супругу и даруя ей различные почетные титулы, Филипп, вероятно, ориентировался на пример Северов, как основателя династии, так и последнего ее представителя.

Тот же пример служил для Филиппа образцом в отношении к сыну. По словам автора «Эпитомы» (28, 3), тот носил имя Гая Юлия Сатурнина. Не совсем понятно происхождение этого имени. Не исключено, что так звался дед императора. В семитском мире был распространен обычай, согласно которому ребенок получал имя ближайшего умершего родственника¹⁴⁰. Марин был еще жив к моменту воцарения сына, так что умершим вполне мог быть дед Филиппа. В приведенной выше надписи воинов II Парфянского легиона сын Филиппа еще не упоминается¹⁴¹. Но уже очень скоро он появляется во всех надписях с титулом цезаря и другим именем, таким же, как у отца, — Марк Юлий Филипп (например, ILS 506). Уже в августе 244 г. сенат (конечно же, по требованию императора) провозгласил цезарем и принцепсом молодежи его старшего сына. Это произошло не позже 18 августа, ибо этим числом датируется рескрипт, изданный от имени Филиппа Августа и Филиппа Цезаря (C. J. 4, 29, 10). С этого времени почти все императорские акты выпускаются от имени Филиппа-Августа и Филиппа-Цезаря (например, C. J. 3, 44, 9) или Филиппов — Августа и Цезаря (например, C. J. 4, 14, 5)¹⁴². При этом, чтобы подчеркнуть династическую преемственность, имя мальчика было радикально изменено и приравнено к имени отца¹⁴³. Для пропаганды династической преемственности Филипп использует такое важное в Риме средство массовой информации, как монету. На монетах появляется юный

¹³⁹ Stein. Marcius // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 1607.

¹⁴⁰ Ср.: Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987. С. 132–133.

¹⁴¹ К. Лорно подчеркивает, что Филипп Младший в этот момент цезарем еще не был, и, следовательно, между провозглашением отца августом и сына цезарем прошло несколько месяцев: Lorient X. Chronologie... P. 791.

¹⁴² Впрочем, иногда и позже официальным автором таких актов является один Филипп Август (например, C. J. 4, 29, 11, датированный октябрём 244 г.).

¹⁴³ Stein. Iulius. Sp. 770–771; Lorient X. Chronologie... P. 792.

princeps iuventutis, у ног которого простерся поверженный враг, так что римляне должны были понять и привыкнуть к тому, что не только нынешние, но и будущие победы связаны с семьей Филиппа¹⁴⁴. В провозглашении сына августа цезарем не было ничего нового. И Максимин, надеясь основать свою династию, через какое-то время объявил своего сына Максима цезарем. Но Филипп пошел дальше. Через три года, в июле-августе 247 г., Филипп Младший становится августом, хотя ему было не больше одиннадцати лет¹⁴⁵. И здесь Филипп идет по стопам Септимия Севера, который сделал августом и официально своим соправителем старшего сына Бассиана, будущего Каракаллу, в возрасте двенадцати лет¹⁴⁶. Новый август, несмотря на свой юный возраст, становится и верховным понтификом (ILS 511). Ранее ни Септимий Север, ни предшествующие императоры, имевшие официальных соправителей, пост верховного понтифика не делили. Первые два верховных понтифика одновременно появились в 238 г., чтобы подчеркнуть полное равноправие Пупиена и Бальбина. Теперь по этому пути пошел Филипп. Естественно, что ни о каком реальном равноправии речи не было. Но этим фактом подчеркивался династический принцип правления.

Это же подчеркивание династической легитимности видно и в обожествлении отца императора Марина. Точный момент обожествления Марина определить трудно. Он, как отмечалось выше, был еще жив не только во время рождения старшего внука, но и при приходе к власти сына, и он, по-видимому, не переехал в Рим, а остался в Филиппополе, где был включен в число эпонимов города¹⁴⁷. Но через какое-то время в надписях и монетных легендах появляется θεός Μαρτίνοϋ или Μαρτίνοϋ¹⁴⁸. В честь обожествления Марина чеканятся монеты с изображением отца императора, парящего над орлом¹⁴⁹. Так как после Домициана и до Аврелиана случаев обожествления живого человека в Риме не было, то нужно думать, что отец императора умер. Надо, однако, заметить, что обычно обожествлялись умершие императоры. Только Траян обожествил своего умершего отца, не занимавшего трон¹⁵⁰. Филипп явно использовал пример столь почитаемого

¹⁴⁴ Heitz Ch. Op. cit. S. 189. В текст статьи немецкого ученого явно вкралась опечатка: в нем в качестве отца Филиппа II упоминается Гордиан III.

¹⁴⁵ Stein. Iulius. Sp. 771.

¹⁴⁶ Hanslik R. Caracalla // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 1049.

¹⁴⁷ Stein. Iulius. Sp. 669.

¹⁴⁸ Ibid. Sp. 669–670.

¹⁴⁹ CAH. Vol. of Plates V. P. 232–233, fig. f.

¹⁵⁰ Gärner H. Ulpian // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1045.

императора и добился обожествления своего отца¹⁵¹. И этим он воспользовался, чтобы еще раз подчеркнуть божественность императорской власти и тех людей, которые с этой властью родственно связаны. С этой же целью Филипп выпускает монеты с легендой *NOBILITAS*. Эта довольно редкая легенда порой встречается на монетах предшествующих императоров и подчеркивает их рождение (реальное или только юридическое) в императорском доме¹⁵². Филипп же не устанавливает никаких связей с предшествующими принцепсами, но подчеркивает высокую значимость основанной им новой правящей фамилии. Так вновь оформляется «божественный дом» (ILS 508).

Входили ли в «божественный дом» другие родственники Филиппа, точно сказать трудно. В надписях в честь Приска о его принадлежности к «божественному дому» прямо ничего не говорится, хотя порой и подчеркивается, что он брат и дядя Филиппов августов (CIL III 14149). В другой надписи, которую сделал прокуратор Александрии Клавдий Аврелий Тиберий, почитаются «наши господа» Филиппы августы, супруга «господ» августа Севера и ἑξοχώτατος (т. е. *vir eminentissimus*, обладатель второго всаднического ранга) префект претория Приск¹⁵³. Такое тесное соединение всех этих людей позволяет предположить, что они, по крайней мере в Александрии, воспринимались как некое единство. Довод этот, конечно, очень слаб, и до открытия новых надписей вопрос о принадлежности Приска к «божественному дому» надо оставить открытым.

Независимо от того, числился ли Приск к «божественному дому» или нет, он входил в число самых доверенных лиц Филиппа. Зосим (I, 19, 2) сообщает, что после прибытия в Рим Филипп поставил Приска во главе войск, стоявших в Сирии. При этом, как показывают приведенные выше надписи, Приск продолжал быть префектом Месопотамии и претория. Может быть, одновременно с назначением Приска командующим в Сирию другого своего родственника (κρηεσιῆς), вероятнее всего, брата жены, Севериана он поставил во главе войск, стоявших в Мезии и Македонии (Zos. I, 19, 2). Как и в случае с созданием колоний, речь шла о «проблемных» территориях, которые еще недавно являлись театрами активных военных действий. Командование в этих регионах Филипп доверил своим ближайшим родственникам.

Этим Филипп не ограничился. В другом месте (I, 20, 2) Зосим говорит, что Приск управлял восточными провинциями. И это совсем

¹⁵¹ Nony D. Op. cit. P. 49–50.

¹⁵² Ibid. P. 48–49.

¹⁵³ Pflaum H.-G. Op. cit. P. 832.

не то же самое, что командование сирийскими легионами и префектура Месопотамии¹⁵⁴. Имеется и эпиграфическое свидетельство нового положения Приска. Не лишаясь поста префекта претория, он является еще и правителем Востока (*rector Orientis*) (CIL III 14149). На какую точно территорию распространялась власть Приска, сказать трудно. Скорее всего, речь шла о Сирии, Палестине и Аравии, не говоря, конечно, о самой Месопотамии¹⁵⁵. Таким образом, можно говорить, что создается особая территориальная единица, глава которой фактически становится соправителем императора. Подобные меры в чрезвычайных случаях предпринимали Август, делая своим фактическим соправителем в разных частях Империи Агриппу (в Галлии одно время также Друза), и Тиберий, направляя с чрезвычайными полномочиями на Восток Германика. Оставаясь всадником, Приск получил в подчинение сенаторских наместников.

В подобном же положении был и Севериан. В своем рескрипте император говорит, что никакой претор и никакой презид провинции сенаторского ранга (*clarissimus vir*) не может отменить приговор, вынесенный вице-принцепсом, ибо такое право имеет только сам принцепс (CJ 2, 26, 3)¹⁵⁶. Мы не знаем, какой ранг имел Севериан. Но то, что Филипп специально подчеркивает, что наместник сенаторского ранга не имеет права отменить вынесенный приговор, говорит скорее, что сам Севериан сенатором не был. Вероятнее всего, как и в случае Приска, всадник был поставлен над сенаторами. Характерен его титул — *vice principis*. В руках такого вице-короля сосредоточивается практически вся власть над определенной частью территории Империи. Этот рескрипт датируется октябрём 245 г. Если Севериан стал командовать войсками в Мезии и Македонии одновременно с тем, как Приск возглавил легионы Сирии, то и назначение вице-принцепсом тоже, может быть, произошло тогда же, когда и назначение Приска правителем Востока. То, что эти люди носили разные официальные титулы (*rector* в одном случае и *vice principis* — в другом), может говорить о том, что сама практика назначения территориальных соправителей еще далеко не устоялась, а ее введение было вызвано конкретной ситуацией.

Перед нами принципиально новое явление. Вообще-то объединение нескольких провинций и стоящих в провинциях войск под

¹⁵⁴ *Paschoud F. Notes. P. 147.*

¹⁵⁵ *Potter D. S. The Roman Empire... P. 239.*

¹⁵⁶ В. Энслин считает, что в этом рескрипте речь идет о префекте претория (*Enßlin W. The Senat... P. 89*). Однако более позднее исследование показало, что здесь подразумевается Севериан: *Potter D. S. The Roman Empire... P. 239.*

властью одного человека случалось и раньше, но тогда каждый раз это было обусловлено необходимостью концентрации войск для конкретной военной кампании. Теперь положение было совершенно иным. Фактически создавались новые территориальные объединения, управляемые родственниками императора¹⁵⁷. Ощущая, что он не имеет возможности эффективно управлять всем государством, император создает под своей властью полунезависимые объединения — некий эмбрион территориального разделения власти, что стало предвестием будущего административно-политического развития в эпоху Поздней Империи¹⁵⁸.

Филипп Араб не мог не понимать, что римское общественное мнение будет сравнивать его с Максиминем Фракийцем. На деле эти фигуры были довольно разными. Вполне возможно, как об этом говорилось выше, отец Филиппа был вождем арабского племени, и, следовательно, сам будущий император принадлежал к арабской аристократии. Еще важнее было то, что Филипп, вероятнее всего, являлся римским гражданином, по крайней мере в третьем поколении. Занимая после смерти Тимеситея пост префекта претория, он становился фактически вторым лицом в государстве — положение, которого не было у Максимиана. В это время префект претория занимался и различными хозяйственными делами¹⁵⁹, а это означает, что карьера Филиппа не могла быть чисто военной. К тому же Александр Север возводил своих префектов претория в сенаторское сословие (SHA Alex. 21, 3–5)¹⁶⁰, и эта практика могла существовать и позже. Не исключено, что и Филипп, заняв этот пост, был сделан сенатором. Несмотря на все это, в глазах римского общества он выглядел варваром, как и Максимин. И Филипп делал все, чтобы опровергнуть это мнение¹⁶¹. Максимин не только убил (или допустил убийство) своего предшественника, но и заставил сенат осудить его память; Филипп всячески подчеркивал свое уважение к памяти Гордиана и стал инициатором его обожествления. Максимин за все три года своего правления ни разу не побывал в Риме; Филипп, урегулировав дела на Востоке, прибыл в столицу. Максимин не выступал против сената, но и не

¹⁵⁷ Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln; Graz, 1967. S. 113, 117.

¹⁵⁸ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 133, 143.

¹⁵⁹ Carli F. Tu tantum praefecti mihi studium et annonam in necessario locis praebe: praefectura al pretorio e annona militaris nel III secolo d. C. // Historia. 2007. Bd. 56, 1. P. 88–96.

¹⁶⁰ Enßlin W. Praefectus praetorio. Sp. 2400.

¹⁶¹ Lo Cascio E. The government and administration of the empire in the central decades of third century // CAH. 2005. Vol. XII. P. 158.

обращал на него особого внимания; Филипп сразу же после вступления в Рим успокоил сенат благожелательной речью (λόγοις εὐτακέσι) (Zos. I, 19, 2). Фракиец не обращал никакого внимания на римский плебс; араб при своем вступлении в Рим раздал народу значительные суммы, отмечая этими «щедротами» начало своего правления непосредственно в столице¹⁶². Уже эти первые шаги нового императора создавали благоприятный фон для его правления.

Филиппу было важно добиться поддержки не только армии¹⁶³, но и гражданского населения (и этим он тоже резко отличался от Максимиана, для которого роль всей Империи сводилась к тыловому обеспечению войск). И лучшим способом ему представлялось подчеркивание своего традиционализма¹⁶⁴, что и должно было заставить римлян забыть о его арабском происхождении. Недаром, как уже было отмечено в науке, ряд его законов, например его рескрипт по поводу восстановления частных зданий (C. J. 8, 10, 4), сопровождался многозначительной оговоркой: «в соответствии с предписаниями древности (iuxta placitum antiquitatis)»¹⁶⁵. В этом же направлении шло закрепление за наследниками и религиозными группами гробниц и других памятников, связанных с захоронениями (C. J. 3, 44, 8; 9)¹⁶⁶. На восстановление старинной морали был направлен запрет привлечения молодых мужчин в дома терпимости, и Аврелий Виктор (28, 6), сообщая об этом предписании, называет его честнейшим (honestissime)¹⁶⁷. Филипп издал закон о всеобщей амнистии, согласно которому возвращались все изгнанники и ссыльные и полностью восстанавливалась их репутация (C. J. 9, 51, 7). Но там же делалась весьма важная оговорка: амнистия не относилась к совершившим проступок (или преступление) военным. Закон был направлен на гражданских лиц, и он должен был в первую очередь расширить поддержку Филиппа в римском обществе.

¹⁶² Stein. Iulius. Sp. 760.

¹⁶³ Эту поддержку Филипп приобрел давно применявшимся, обычным способом — раздачей солдатам значительных сумм денег (Zos. I, 19, 1).

¹⁶⁴ Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine. L.; NY, 2004. P. 71.

¹⁶⁵ York J. M. Op. cit. P. 331.

¹⁶⁶ Первый из этих актов был издан уже в июне 244 г., т. е. еще до вступления Филиппа в столицу, что показывает значение, которое новый император придавал этому вопросу. Его издание явно было направлено на создание благоприятного морального климата накануне прибытия в Рим. Второй эдикт относится уже к ноябрю следующего года и касается уже более широкого круга лиц, имеющих отношение к кладбищам.

¹⁶⁷ Биограф Александра Севера сообщает, и нет оснований сомневаться в достоверности сообщения, что эту меру хотел провести еще Александр (SHA Alex. 24, 4). В этом случае мы снова видим намеренное ориентирование Филиппа на пример Северов.

В русле подчеркиваемого традиционализма можно рассматривать упоминание совета принцепса в одном из законов (С. J. 7, 26, 6). Этот закон относился к отношениям между кредитором и должником по поводу заложенной вещи. Но важно здесь другое: император говорит, что издал этот закон после совещания с советом (*cum consilio collocutus*). Речь идет, конечно же, о совете принцепса¹⁶⁸. Этот совет возник еще при Августе, приобрел упорядоченную форму при Адриане, а со времени Северов стал постоянным, чрезвычайно важным правительственным органом, рассматривающим самые разные вопросы конкретного управления государством¹⁶⁹. Поэтому само по себе предварительное обсуждение сравнительно частного вопроса в совете принцепса не было чем-то чрезвычайным. Вполне возможно, что и другие законодательные акты обсуждались в совете, хотя прямо об этом и не всегда говорилось. Но в данном случае император подчеркивал, что соответствующее юридическое решение он принял только после такого обсуждения. Тем самым Филипп подчеркивал, что он полностью следует старым римским принципам коллегиальности и обсуждения различных дел¹⁷⁰.

Венцом этой традиционалистской активности Филиппа стало празднование тысячелетия Города (*Eutrop. IX, 3; Aur. Vict. 28, 1; Epit. 28, 3*). Собственно, тысяча лет исполнилось 21 апреля 247 г., но императора тогда не было в столице, и основные мероприятия были отложены на следующий год¹⁷¹. К сожалению, подробных описаний этого празднования не сохранилось. Авторы только говорят о грандиозных играх, великолепных представлениях и шумном веселье. Для этого Филипп использовал собранных в Риме еще Гордианом слонов, львов, тигров, леопардов и других животных, предназначенных для участия в триумфальном шествии, которое должно было отметить победу над Персией (*SHA Gord. 33, 1–2*). Речь шла о секулярных играх (*ludis saecularibus*), какие в принципе проводились каждые сто или сто десять лет¹⁷². Предыдущие секулярные игры устраивались Септимием Севером в 204 г. (*Herod. III, 8, 9; Zos. II, 4, 3*), и они проходили точно в соответствии со всеми требованиями и ритуалами, установленными Августом.

¹⁶⁸ *Enßlin W.* The Senat... P. 89.

¹⁶⁹ *Poma G.* Le istituzioni politiche del mondo romano. Bologna, 2002. P. 146–148.

¹⁷⁰ Ср.: *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 135–138.

¹⁷¹ *Le Gall M.* Grandeza... P. 287–288; *Drinkwater J.* Op. cit. P. 37.

¹⁷² Промежуток в 110 лет был установлен Августом: *G. Radke.* Saeculum // *Kleine Pauly.* 1979. Bd. 4. Sp. 1493.

том¹⁷³. В политических целях императоры порой пренебрегали этими требованиями. Так, Клавдий отпраздновал секулярные игры в 47 г., т. е. через 64 года после игр Августа, что вызвало, по словам Светония (Claud. 21, 2), насмешки в Риме. И Филипп устроил такие игры тоже всего лишь через 44 года после Септимия Севера. Однако и у Клавдия, и у Филиппа были весьма веские основания для проведения секулярных игр. При Клавдии ими отмечалось восьмисотлетие Рима (Тас. Анн. XI, 11, 1), при Филиппе — тысячелетие.

Главной целью секулярных игр было обеспечение величественного существования и благополучия Рима в следующем сто- или столетии¹⁷⁴. Тысячелетие, однако, открывало новые возможности. Речь шла уже не о следующих ста или ста десяти годах, а о тысяче и в перспективе о вечности. Тысячелетие Рима было отмечено не только играми, но и выпуском специальных монет с легендами ROMA AETERNA и SAECULUM NOVUM¹⁷⁵. Надпись saecul(um novum) встречается даже на изготовленных тогда лампах, где она иногда соседствует с изображениями солнца и луны как символов вечности и бессмертия¹⁷⁶. Эти лозунги не были новыми в имперской пропаганде. Но в год тысячелетия они приобрели новый смысл. В Риме издавна было популярно этрусское представление о веках, согласно которому и все человечество, и каждый народ, и каждое государство или город проходят через череду веков и каждый век начинается с «золотого времени» и завершается катастрофой, после чего начинается новый век¹⁷⁷. Десятивексовый юбилей давал хороший повод, чтобы провозгласить окончание прежнего времени с его катастрофами, неудачами, переворотами и начало нового, а это начало целиком и полностью связать с правящим императором — Филиппом¹⁷⁸. Но это начало не является полным разрывом с прошлым, ибо Рим, имея начало, не имеет конца; он вечен, что подчеркивается первым лозунгом. Таким образом, в пропаганде Филиппа вечность Рима и новый век его истории тесно связаны друг с другом. Может быть, в этом праздновании присутствовал еще один мотив. После эдикта Каракаллы, согласно которому практически все свободные жители Империи

¹⁷³ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 104; Paschoud F. Notes. P. 199.

¹⁷⁴ Brind'Amour P. L'Origine des Jeux seculaires // ANRW. 1978. Bd. II, 16, 2. P. 1355. Зосим (II, 7, 1–2) утверждает, что пренебрежение Диоклетиана и особенно Константина и Лициния этими играми стало причиной катастрофического положения Империи.

¹⁷⁵ Southern P. Op. cit. P. 72; CAH. 1939. Vol. of Plates V. P. 232–233, fig. c, h.

¹⁷⁶ Altheim F. Niedergang... S. 311.

¹⁷⁷ Подробнее об этом: Цуркин Ю. Б. Мифы Древнего Рима. М., 2000. С. 36–41.

¹⁷⁸ Turcan R. Le culte imperial au IIIe siècle // ANRW. 1978. Bd. II, 16, 2. P. 1070.

стали римскими гражданами, роль Италии и Рима в государстве объективно снижалась, и этого не могли не ощущать сами римляне, римский городской плебс. Торжество в честь тысячелетия Города должно было всей Римской империи напомнить о его первенстве в Империи, естественно, в тесной связке с императором¹⁷⁹. Недаром главной фигурой монетной серии становится богиня Рома. С другой стороны, в Риме издавна всякие игры тесно связывались с их организатором¹⁸⁰, и устройство грандиозных игр в честь тысячелетия Города должно было еще раз напомнить уже теперь самим римлянам о значимости фигуры императора Филиппа.

Игры в честь тысячелетия Рима были отпразднованы полностью в соответствии с римскими религиозными обрядами, включая, естественно, и гладиаторские игры, и сам император, разумеется, при этом присутствовал. И надписи в честь него, и монеты (как в изображениях, так и в легендах) полностью соответствовали старым правилам. В связи с этим встает вскользь затронутый ранее вопрос о христианстве Филиппа. Надо подчеркнуть, что современник Филиппа Киприан не знает о том, что этот император был христианином. Более того, в сочинении «К Донату», написанном в 246 г. или немногим позже¹⁸¹, говорится о бедствиях века и произволе принцепса (Ad Don. 6; 11). Это мало соответствует представлению христианского автора о правлении христианского императора. Молчит о христианстве императора и Дионисий Александрийский. Ничего об этом не говорит ни один языческий писатель¹⁸². Первое сообщение о принадлежности к христианству Филиппа и его сына содержится у Евсевия (HE VI, 34), и на это сообщение опираются все более поздние авторы¹⁸³. Историк сообщает, что Филипп захотел в последнюю предпасхальную ночь помолиться в церкви со всем народом, но тамошний епископ допустил его туда только после покаяния, и согласие императора на покаяние показывает, по словам Евсевия, что он был благочестивым человеком. Весь этот пассаж предваряет выражение «существует рассказ» (κατέχει λόγος), причем Евсевий не упоминает, чей это λόγος, и откуда он, Евсевий, его узнал. Не упоминает он также ни времени,

¹⁷⁹ Levi M. A. L'Italia antica. Milano, 1991. P. 482–483.

¹⁸⁰ Трубочкин Д. В. Частнос и общественное в римском празднике // Вестник истории, литературы и культуры. М., 2008. Т. 5. С. 277–278.

¹⁸¹ Alföldy G. Der Heilige Cyprian und die Krise des römischen Reiches // Historia. 1973. Bd. 22, 3. S. 484.

¹⁸² Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Минск, 1991. С. 17.

¹⁸³ Pohlsander H. A. Philip the Arab and Christianity // Historia. 1980. Bd. 29, 4. P. 463, 466.

ни места происшествия, ни имени епископа¹⁸⁴. И это сразу же снижает достоверность всего повествования. Да и неопределенное «есть рассказ» показывает, что сам кесарийский историк не подтверждает стопроцентно его достоверность. Вслед за Евсевием Иероним (2261e) говорит о христианстве то ли самого Филиппа, то ли его сына¹⁸⁵. Наконец, Орозий (VII, 20, 2; 28, 1) и Иордан (Get. 89) уже без всякого сомнения утверждают, что Филипп был первым императором-христианином. И затем это утверждение становится постоянным у ряда христианских историков более позднего времени. В качестве доказательства своего утверждения, что Филипп посвятил празднование тысячелетия Рима не языческим богам, а Христу и Церкви, Орозий говорит, что ни один автор не сообщает о принесении императором жертв на Капитолии. Между тем все, что известно и об этом праздновании, и о монетах, выпущенных в его честь, ясно говорит о его языческом характере¹⁸⁶. Евсевий (HE VI, 36, 3) сообщает о письмах, которые Ориген писал Филиппу и его жене. Нет оснований сомневаться в существовании этих писем, тем более что Евсевий говорит, что он сам собрал письма Оригена и объединил их в отдельные книги. Но ни Евсевий, ни повторявший за ним Иероним не говорят о получении Оригеном ответов¹⁸⁷.

Все это, однако, не означает, что сообщения раннехристианских авторов недостоверны. Конечно, говорить о крещении Филиппа или его сына нет никаких реальных оснований. Но надо иметь в виду, что христианство в это время уже стало довольно значительной силой, особенно в восточной части Империи. В Трахонитиде, родной области Филиппа, видимо, уже существовала христианская община¹⁸⁸. Много сторонников христианства находилось в рядах воинов, особенно среди восточных лучников, активно поддерживавших Филиппа¹⁸⁹. И Филипп вполне мог интересоваться этой религией, все более распространявшейся в Римской империи. Если рассказ Евсевия о намерении Филиппа посетить пасхальную службу хоть частично достоверен, то ничего, кроме как любопытства императора, он не доказывает. К тому же в это время уже появляются христиане и в армии, особенно в восточных войсках, в том числе среди осроенских

¹⁸⁴ На это уже обращено внимание в науке: *York J. M.* Op. cit. P. 327; *Pohlsander H. A.* Op. cit. P. 467.

¹⁸⁵ *York J. M.* Op. cit. P. 329.

¹⁸⁶ *Herzog-Hausen G.* *Kaiserkult* // RE. 1924. SpBd. 5. Sp. 848.

¹⁸⁷ *Pohlsander H. A.* Op. cit. P. 468–469.

¹⁸⁸ *Colpe C.* *Batanaia* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 1. Sp. 840.

¹⁸⁹ *Altheim F.* *Niedergang...* S. 315.

срелков, которые активно поддерживали Филиппа, и это тоже могло подвигнуть его если не к поддержке, то к некоторым симпатиям к христианству¹⁹⁰. По словам биографа Александра Севера, этот император в своем ларарии поместил среди других изображений также изображения Христа и Авраама (SHA Alex. 29, 2). Филипп, как уже говорилось, стремившийся подражать Северам и особенно Александру, вполне мог следовать его примеру, если и не ставить статуи Христа, то выражать свой интерес к христианству. Кроме того, он, несомненно, относился к христианам вполне терпимо¹⁹¹. Это вполне объясняется общей политикой «милосердия», проводимой, по крайней мере официально, этим императором¹⁹². Преемник Филиппа Деций, его свергнувший, начал первое серьезное общеимперское гонение, и для христиан контраст между правлениями Филиппа и Деция был столь велик, что и могла возникнуть легенда о христианстве первого¹⁹³. Надо, однако, отметить, что еще за год до начала гонения Деция, следовательно, еще при Филиппе в Александрии произошел кровавый христианский погром (Eus. VI, 41, 1–9), и ни сам император, ни префект Египта не приняли никаких мер ни для предотвращения этого погрома, ни для наказания виновных¹⁹⁴. И это мало совместимо с версией о принадлежности Филиппа к христианству.

Одной из важнейших задач императорской власти было обеспечение снабжения Рима, Италии и армии. Особое значение в этом плане придавалось Египту, который был главным поставщиком зерна и для римского плебса, и для солдат. Однако именно первые годы правления Филиппа (244 и 245) были в Египте одними из самых неблагоприятных из-за недостаточного разлива Нила, приведшего к значительному аграрному кризису¹⁹⁵. Необходимость выхода из создавшейся ситуации стала толчком к проведению Филиппом ряда серьезных реформ в этой стране, затеавших и земельные отношения, и налоговые проблемы, и систему литургий¹⁹⁶. В частности, предусматривалась в случае необходимости насильственная продажа владельцем необрабатываемой или плохо обрабатываемой земли, а также зерна

¹⁹⁰ Alföldy A. Studien... S. 290.

¹⁹¹ Drinkwater J. Op. cit. P. 61.

¹⁹² Enßlin W. The Senat... P. 89.

¹⁹³ Clarke G. Third-century Christianity // CAH. 2005. Vol. XII. P. 626.

¹⁹⁴ Pohlsander H. A. Op. cit. P. 468.

¹⁹⁵ Bianchi A. Aspetti della politica economico-fiscale di Filippo l'Arabo // Aegyptus. 1983. An. 63. P. 186–188.

¹⁹⁶ Parsons P. J. Philippus Arabs and Egypt // JRS. 1967. Vol. 57. P. 134–140; Bianchi A. Op. cit. P. 183–196; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 145; Bowman A. K. Egypt from Septimius Severus to the death of Constantine // CAH. 2005. Vol. XII. P. 315–319.

по установленным властями ценам. Усиливалась ответственность местных властей за своевременное получение государством необходимого зерна в полном объеме. Система литургий давно тяжелым бременем лежала на городских булевтах, и список литургий постоянно расширялся¹⁹⁷. Но булевты все меньше могли выносить эту тяжесть. И теперь литургии распространяются и на лиц, которые к этому сословию людей не относятся. И речь идет не только о горожанах, но и о сельчанах. И когда сельчане пытались освободиться от этих литургий, ссылаясь, с одной стороны, на свою бедность, а с другой — на законы Септимия Севера, который возложил литургии только на булевтов, им отвечали, что эти законы устарели, а бедность с течением времени в равной степени поражает и город, и деревню. Происходят изменения и в административном аппарате. Исчезают так называемые ситологи — чиновники, отвечающие за сбор и доставку хлеба. Вместо них вводится система декапротии. Декапроты — члены особой коллегии из десяти наиболее богатых булевтов города, которые и отвечали теперь за решение всех вопросов, связанных со сбором, доставкой и передачей государству зерна¹⁹⁸. Это усиливало ответственность местного самоуправления и увеличивало тяжесть бремени, лежащего на населении (особенно учитывая отмеченное выше расширение литургий и за пределы самого богатого слоя горожан). И во главе Египта рядом с префектом появляется католикос, управляющий страной как частным владением императора и осуществляющий надзор за решением именно финансовых проблем¹⁹⁹. Таким образом, экономическая сторона управления Египтом, столь важная для имперского правительства, была выделена в отдельную сферу администрации, глава которой подчинялся непосредственно императору. Все это должно было обеспечить не только сохранение столь необходимых поставок из Египта, но и их увеличение.

Филипп стремился укрепить свое положение не только в Риме и Италии, но и в провинциях. Так, значительное внимание он уделял Сардинии. Эта провинция прикрывала Италию с запада, и спокойствие в ней гарантировало безопасность снабжения столицы. В начале прав-

¹⁹⁷ Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 193–194.

¹⁹⁸ Декапротия была распространена в восточной части Римской империи по крайней мере со второй половины I в. н. э.: Volkman H. Dekaprotai // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 1437. Раньше считалось, что в Египте эта система была введена в 202 г. как следствие реформы Септимия Севера (Ibid.), которая и оформила слой булевтов (Фихман И. Ф. Указ. соч. С. 204). Но теперь доказано, что декапроты появились в Египте только при Филиппе (Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 67).

¹⁹⁹ Helck W. Katholikos // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Sp. 166.

ления Филиппа прокуратором и префектом Сардинии был М. Ульпий Виктор, недавно с успехом действовавший в Африке. Нет точных данных, когда он появился на острове. Однако учитывая, что в последнее время Гордиан был слишком занят войной с персами (как до, так и после смерти Тимеситея), можно полагать, что он не мог одновременно уделять должное внимание западным провинциям. Поэтому скорее всего Виктор был перемещен из Тингитанской Мавретании на Сардинию уже Филиппом²⁰⁰. Возможно, перед ним встали приблизительно те же задачи, что и в Мавретании. Однако в последние годы правления Филиппа Сардинией управлял уже П. Элий Валент²⁰¹. Может быть, Филипп все же не доверял Виктору, являвшемуся «кадром» Тимеситея и Гордиана. А Сардиния, расположенная непосредственно к западу от Италии, имела слишком важное стратегическое значение, чтобы оставить во главе нее не очень проверенного человека.

В своей внутренней политике, направленной на создание имиджа «хорошего государя», следовавшего старинным традициям и всячески заботящегося о римском народе, Филипп столкнулся с неумолимыми экономическими реальностями. Свой приход к власти он, как уже говорилось, сопровождал дарами солдатам. Щедрыми раздачами было отмечено и его вступление в столицу. И эти раздачи повторялись еще дважды. Больших расходов требовало активное строительство, в том числе новых дорог и укреплений²⁰². Это были, если можно так выразиться, традиционные статьи расходов. Но при Филиппе к ним прибавились еще две другие. Прежде всего это был огромный выкуп, который необходимо было выплатить Шапуру. Хотя, как говорилось выше, о ежегодной дани речи не было, а сама сумма была все же не непосильна, она все-таки повисла огромной тяжестью на казне. К этому Филипп прибавил пышное празднование тысячелетия Города. С политической точки зрения оно было необходимо императору для увеличения его престижа и подчеркивания его «романности», но с экономической было весьма разорительно²⁰³. Создание колоний, о которых говорилось ранее, особенно строительство практически нового города Филиппополя на месте родной деревни Шахба²⁰⁴, тоже требовали больших расходов²⁰⁵.

²⁰⁰ Cazzola C. Op. cit. P. 1834–1835.

²⁰¹ Ibid. P. 1927–1828, 1833.

²⁰² Pekárý T. Op. cit. P. 279–280.

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Rey-Coquais J.-P. Philippopolis (Chahba) // The Princeton Encyclopedia of Classical Cities // Princeton, 1976. P. 705–706.

²⁰⁵ Drinkwater J. Op. cit. P. 38.

Одним из путей выхода из такого положения было продолжающееся понижение качества монеты. Количество серебра в антонииане еще более понизилось по сравнению со временем правления Гордиана: с 47,7 до 40,24%²⁰⁶, т. е. основная монета девальвировалась приблизительно на 16%, причем почти каждая новая эмиссия сопровождалась ухудшением качества монеты²⁰⁷. Но это привело к росту цены золота, и отношение между серебряным денарием и ауреусом увеличивается с 1:25 до 1:40²⁰⁸. Другим путем стало совершенствование налоговой системы. Реформы в Египте могли быть частью такого совершенствования. Конечно, чрезмерно усиливать налоговую тяжесть было невозможно. Подобные попытки, предпринятые Максимом, стоили ему трона и жизни. И Филипп не мог этого не учитывать. Восстание против Максимиана началось в Африке, и наиболее активно противников этого императора поддержала Италия. Понимая политическое значение этих стран, Филипп и остерегся предъявлять к ним чрезмерные требования²⁰⁹. И он предпочел закрыть различные «дыры» в налоговом законодательстве. Так, был ликвидирован ранее существовавший налоговый иммунитет для поэтов (C. J. 10, 53, 3)²¹⁰. Другой закон говорил, что нахождение сына в плену не является основанием для освобождения родителей от налогов и других обязанностей (*munera*) (C. J. 10, 52). Существует мнение, что и амнистия, проведенная Филиппом, имела только одну цель — увеличить число налогоплательщиков²¹¹. Та чрезмерность требований налогов, какую проявил Приск на Востоке, о чем еще пойдет речь, разумеется, не была его личной инициативой, а могла проводиться по требованию царственного брата.

Была одна статья расходов, которую Филипп пытался ликвидировать. Это были выплаты дунайским варварам. В свое время Менофил купил мир с готами, обязавшись выплачивать им ежегодные субсидии (*stipendia*). Тимеситей победил готов, но деньги, как кажется, продолжали выплачиваться. Филипп же решил отказаться от этих выплат

²⁰⁶ *Carrié J.-M., Rousselle A.* Op. cit. P. 127. По данным Ж.-П. Калю, проба антонияна ухудшилась с 43,5% при Гордиане до 34,1% в начале правления Филиппа и 31,5% — в конце: *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 165. Это даст еще больший процент падения монеты — от 24 до 27%.

²⁰⁷ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 199.

²⁰⁸ *Crawford M.* Op. cit. P. 569.

²⁰⁹ *Drinkwater J.* Op. cit. P. 38.

²¹⁰ Исследователи подчеркивают, что этот закон ни в коей мере не говорит о враждебности Филиппа культуре, но преследует исключительно фискальные цели: *Stein. Iulius.* Sp. 767; *Enßlin W.* The Senat... P. 89; *Pekáry T.* Op. cit. P. 281.

²¹¹ *Pekáry T.* Op. cit. P. 281.

(Iord. Get. 89). Этот отказ имел большое значение для его внутренней политики. Вынужденный уплатить огромную сумму персидскому царю, он хотел показать римлянам, что в принципе он никаких других подобных переговоров с варварами вести не будет²¹². Но это осложнило положение на Дунае.

В 244 г. аламаны, по-видимому, сделали попытку прорваться через Рейн, свидетельством чего явилось разрушение одного из римских укреплений²¹³. Но это нападение являлось, как кажется, разовым явлением, и рейнская граница оставалась относительно спокойной. Гораздо более серьезное положение сложилось на Среднем и особенно Нижнем Дунае, включая задунайскую Дакию. Карпы вторглись на римскую территорию. Эта территория входила в зону ответственности Севериана, но тот явно не сумел оказать варварам достойного сопротивления²¹⁴, и Филиппу пришлось лично отправиться на дунайский театр военных действий. Он нанес карпам ряд тяжелых поражений и заставил их уйти за пределы Империи (Zos. I, 20, 1–2). Были восстановлены некоторые разрушенные карпами укрепления в Дакии²¹⁵. Филипп отчеканил монеты с легендой, говорящей о *Victoria Carpica*, и принял победные титулы *Carpicus Maximus* и *Germanicus Maximus*²¹⁶. Однако эта победа далась нелегко. Филиппу пришлось пробыть в этом регионе довольно долго. Хотя свою победу он праздновал уже летом 246 г., когда в знак изгнания карпов из Дакии ввел начало новой эры этой провинции 20 июля²¹⁷, в Рим он вернулся не раньше лета следующего года²¹⁸.

Возможно, эти события — тяжелая борьба с варварами и в связи с этим необходимость долгое время находиться вдали от столицы — побудила Филиппа сделать следующий шаг в утверждении власти своей семьи. Он возвел в ранг августа своего сына Филиппа II, который уже был цезарем, сделав его одновременно и вторым верховным понтификом. Как говорилось выше, юному августу было не более одиннадцати лет, и всем было ясно, что речь идет не о действительном разделе власти, а об обеспечении ее преемственности. Как и во времена Септимия Севера, была подчеркнута роль всей императорской

²¹² Drinkwater J. Op. cit. P. 38.

²¹³ Lorient X. Chronologie... P. 792.

²¹⁴ Stein. Iulius. Sp. 761. Мы вообще ничего больше не слышим о Севериане.

²¹⁵ Tudor D. Le rôle défensif du camp romain de Slaveni sur le limes Alutanus en Dacie // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln; Bonn, 1977. Bd. II. P. 309.

²¹⁶ Stein. Iulius. Sp. 761; Lorient X. Chronologie... P. 793; Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 163; Southern. Op. cit. P. 71–72.

²¹⁷ Wilkes J. Provinces and frontiers // CAH. 2005. Vol. XII. P. 224.

²¹⁸ Lorient X. Chronologie... P. 793.

семьи, как показывает медальон, изготовленный в том же 247 г., на котором изображены с одной стороны Филипп и его супруга, а напротив них — юный Филипп II. И это изображение сопровождается легендой *CONCORDIA AUGUSTORUM*²¹⁹. В созданном Филиппом Филиппополе именно в его правление была изготовлена мозаика, изображавшая вечный век (Эон) в окружении аллегорических фигур, причем лица Эона и Геи (Земли) имели, как кажется, черты самого императора и его жены Отации Северы²²⁰. Эту идею вечности власти августа и его семьи Филипп пытался перенести и в Рим. В ознаменование тысячелетия Рима были выпущены монеты не только с упоминавшимся выше легендами, подчеркивавшими вечность Рима и наступление нового века, но и с легендами, символизирующими вечность августа (*AETERNAS AUGUSTA*). Идея вечности власти августа время от времени появлялась и раньше, но именно Филипп (а после него и другие императоры) стал особенно выдвигать ее на первый план, недвусмысленно связывая все три понятия — вечность Рима, вечность августа, а также наступление нового счастливого века²²¹.

Может быть, не случайно именно вскоре после празднования тысячелетия Города Филипп столкнулся с неожиданными, пожалуй, для него событиями — народными волнениями и попытками узурпаций²²². Одной из причин этого явилась необходимость каким-либо образом возместить огромные расходы, связанные и с войной на Дунае, и в еще большей степени с пышным празднованием в Риме. Земельно-налоговая реформа в Египте, о которой говорилось выше, явно привела к росту налогового гнета и ухудшила положение не только сельчан и землевладельцев египетской хоры, но и многих жителей Александрии, через которую египетские богатства распространялись по Средиземноморью, в том числе направляясь и в Рим. Это, видимо, привело к усилению напряженности, в атмосфере которой было достаточно какой-то часто незначительной искры, чтобы вспыхнули волнения. В Александрии эти волнения приняли форму антихристианского погрома (Euseb. HE VI, 41–42). Судя по рассказу будущего александрийского епископа Дионисия, приведенному Евсевием, погром, который власти не смогли или не захотели предотвратить и подавить, не ограничился только Александрией, а распространился и на другие города и деревни. Почему жертвами стали

²¹⁹ Southern P. Op. cit. P. 73, fig. 11.

²²⁰ Le Glay M. La religion romaine. Paris, 1997. P. 71.

²²¹ Шмаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 288; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 106–107.

²²² Potter D. S. The Roman Empire... P. 240.

именно христиане, точно сказать трудно. Отношения между христианами и язычниками уже давно складывались конфликтно, и властям (по крайней мере, местным) было сравнительно легко «канализировать» растущее недовольство населения, направив его на христиан, чей образ жизни был вызывающе непохож на образ жизни остальных людей²²³. И не исключено, что александрийские власти использовали проповеди некоего пророка, чтобы перенести недовольство на христиан²²⁴. Этот погром был в Александрии не первым²²⁵ и, видимо, не неожиданным. Как, когда и при каких условиях он завершился, неизвестно. Видимо, постепенно страсти утихли, и в Александрии воцарилось относительное спокойствие. Но положение резко обострилось в других местах.

Зосим (I, 20, 2) пишет, что чрезмерная тяжесть налогов, установленная Приском, вызвала восстание на Востоке. Вероятно, как говорилось выше, огромные расходы, связанные в первую очередь с расходами на показную пышность празднования тысячелетия, требовали их компенсации и, следовательно, повышения налогов. Можно ли говорить о произволе Приска, мы не знаем. Скорее всего, он просто добросовестно выполнял полученные инструкции. В любом случае это привело ко всеобщему недовольству и восстанию. Зосим не говорит, кто конкретно поднялся на это восстание. На основании того, что его причиной была тяжесть налогов, можно сделать вывод, что речь шла о сравнительно широких слоях населения, а не о выступлении солдат. Может быть, впрочем, к восстанию примкнули и рядовые воины стоявших там войск. Зосим (I, 21, 2) пишет о ненависти тамошних воинов, как и дунайских солдат (*τὸ τῶν στρατιωτῶν μῖσος*), к офицерам и командующим (*ταξάρχους καὶ ἡγεμόνας*), и это, по его словам, пугало императора. Восставшие провозгласили императором некоего Иотапиана. Аврелий Виктор (29, 2) говорит, что переворот Иотапиана произошел в Сирии, в то время как, по другой версии, Иотапиан стал императором в Каппадокии²²⁶. Первый вариант представляется более предпочтительным²²⁷. Трудно сказать, входила ли Каппадокия в сферу власти Приска, но Сирия, несомненно,

²²³ Vittighoff F. "Christianus sum" // *Historia*. 1984. Bd. 33, 3. S. 345–346; *Свенцицкая И. С.* Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 177–180. Местные власти порой специально натравливали толпу на христиан, чтобы дать возможность выхода недовольству: *Свенцицкая И. С.* От общины к церкви. М., 1985. С. 202.

²²⁴ Ср.: *Potter D. S.* The Roman Empire... P. 240.

²²⁵ Жестокий погром произошел в Александрии во времена Септимия Севера (Euseb. HE VI, 1).

²²⁶ *Stein*. Iotapianus // *RE*. 1916. Hbd. 18. Sp. 2004.

²²⁷ *Potter D. S.* The Roman Empire... P. 239.

являлась частью его «вице-королевства». Сам Иотапиан претендовал на происхождение от Александра. Аврелий Виктор, сообщая об этом, не уточняет, о каком Александре идет речь — об Александре Македонском или Александре Севере²²⁸. Первый давно был популярен на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии. Второй же вообще происходил из Сирии, так что объявление себя его потомком сразу же обеспечивало узурпатору поддержку значительной части местного населения. Можно вспомнить, что сирийские войска в отличие от дунайских и рейнских поддерживали Александра, а позже часть их (осроенские стрелки) даже пытались отомстить Максимиனு за убийство этого императора.

Иотапиан стал выпускать свои монеты с полной императорской титулатурой, а это говорит о том, что его власть распространялась на какую-то часть имперской территории. Это восстание завершилось уже после смерти Филиппа, причем не в результате его подавления, а в результате мятежа собственных солдат, обезглавивших своего командующего. Видимо, у Филиппа не было сил справиться с восстанием. К сожалению, никаких подробностей об этом деле мы не знаем. Неизвестна и роль Приска. После смерти своего брата он исчезает из истории. В то же время в надписях с его упоминанием нет никаких следов вычеркивания его имени, и можно говорить, что по отношению к нему *damnatio memoriae* не применялось. С другой стороны, именно его действия вызвали выступление, так что именно он и должен был в первую очередь стать объектом ненависти и каких-то акций повстанцев. Можно высказать предположение (хотя никаких доказательств и нет), что Приск не только не сумел подавить восстание, но и пал его жертвой.

О реакции Филиппа на восстание Иотапиана ничего не известно. Если обратить внимание на слова Аврелия Виктора о том, что воины Иотапиана после прихода к власти Деция сами принесли ему голову своего императора, то становится ясно, что Филипп и не предпринял никаких мер для подавления этого восстания²²⁹. Может быть, он все же понадеялся на брата, или же, что скорее всего, события на Дунае не дали ему возможности вмешаться в восточные дела. Может быть, одновременно с восстанием на Востоке или немногим раньше против

²²⁸ По мнению Штейна, это был именно Александр Север: *Stein. Iotapianus. Sp.* 2004–2005.

²²⁹ Правда, существует мнение, что Филипп направился с войском на подавление восстания Иотапиана, и именно во время этого похода его постигло убийство: *Dušančić R. W. The End of Philippi // Chiron. 1976. Bd. 6. P. 432.* Но никаких доказательств такого мнения нет.

Филиппа выступил Тиб. Клавдий Марин Пакациан, командовавший войсками в Паннонии и Мезии (Zos. I, 20, 2 — 21, 2; Zon. XII, 19). До этого Пакациан был в каком-то году консулом-суффектом и управлял Сирией и, вероятно, принадлежал к знатной сенаторской фамилии²³⁰. По-видимому, при возвращении в Рим после победы над карпами Филипп ему дал те же полномочия в этой угрожаемой зоне, как ранее Северину²³¹. Но Пакациан явно не оправдал доверие императора. Известие о выступлении Пакациана привело Филиппа в смутение (συνταραχθέντος). Если восстание Иотапиана являлось в первую очередь реакцией на усиление налогового гнета, то выступление Пакациана было чисто военным мятежом. А это значило, что из рук императора уходит по крайней мере часть армии, и судьба власти снова, как в 193 г. и позже, может решаться открытой гражданской войной, в столкновениях полевых армий. И, как в 193 г., мятеж подняли дунайские легионы, чья относительная близость к Риму стала тогда решающим фактором в «гонке за тронem». Этот мятеж, вероятно, вспыхнул уже ближе к зиме 248 г. или даже зимой, ибо этим можно объяснить, что Пакациан даже не пытался двинуться со своими войсками на Рим, явно выжидая более благоприятных погодных условий²³². Это, однако, не многим улучшало положение Филиппа. Выступление Пакациана ставило под вопрос систему суперкомандований, созданную Филиппом. Император оказался в заколдованном круге. С одной стороны, ситуация требовала, чтобы в наиболее угрожаемых районах командование войсками нескольких провинций было сосредоточено в одних руках, но с другой, это концентрировало в руках таких «вице-королей» слишком большие силы. Родственник Северин оказался явно не на высоте при решении поставленных перед ним задач, и императору пришлось самому отражать варварское нашествие. А сменивший Северина Пакациан стал нелояльным к нему.

Был еще один важный момент, который не мог не взволновать Филиппа. Пакациан провозгласил себя императором, приняв все обычные титулы. В Виминиации, где уже до этого Филипп чеканил свои монеты, предназначенные для снабжения дунайской армии²³³, он стал выпускать свои²³⁴. Эти монеты имеют легенду ROMAE

²³⁰ Stein. Claudius // RE. 1899. Hbd. 6. Sp. 2171–2172; Hanslik R. Claudius // Kleine Pauly. 1979 Bd. 1. Sp. 1218; Southern P. Op. cit. P. 307, n. 93.

²³¹ Fitz J. Op. cit. S. 114–115, cp. 117.

²³² Wittig. Messius // RE. 1931. Hbd. 29. Sp. 1265.

²³³ Fitz J. Viminacium // Kleine Pauly. 199. Bd. 5. Sp. 1276.

²³⁴ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 200–201.

AETER(nae) AN(no) MILI(esimo) ET PRIMO²³⁵. Такая легенда не только сообщает дату мятежа, но и дает представление о его идеологической базе. Выдвигая на первый план более чем тысячелетнюю историю Рима, Пакациан выступал как представитель древних, исконно римских традиций, явно противопоставляя себя арабу Филиппу и подвергая сомнению его «романность». Он явно рассчитывал на поддержку не только своих солдат, но и римского общественного мнения и особенно, пожалуй, сената — главного хранителя этих традиций. И этот расчет был верен. Ведь Филипп, как говорилось выше, стремился именно в своей традиционности убедить римлян. Филипп созвал сенат и запросил у него помощи, заявляя о готовности в противном случае отречься. И характерно, что, по словам Зосима, никто из сенаторов ему даже не ответил. Сенат явно не желал выступать на стороне Филиппа. Положение сложилось довольно трудное. Становилось ясным, что Филипп теряет поддержку не только армии (или, по крайней мере, ее значительной и наиболее боеспособной части), но и сената. В некотором смысле это было крахом его политики. Положение спас Деций, ясно выступивший в поддержку императора.

Г. Мессий Квинт Деций Валериан сам происходил из района Сирмия и в свое время был наместником Нижней Мезии²³⁶, так что он хорошо знал и район мятежа, и воинов, в нем участвовавших. Важен еще один момент. В 238 г. Деций недвусмысленно встал на сторону Максимиана, противопоставив себя, таким образом, большинству сената. После поражения Максимиана он был смещен со своего поста легата Тарраконской Испании. На политическую сцену он вернулся скорее всего после смерти Гордиана²³⁷, может быть, в результате амнистии, проведенной Филиппом. Более того, Филипп назначил его префектом Рима²³⁸, что было знаком императорского доверия и демонстрацией желания объединения всех сил общества независимо от прошлых позиций. Теперь Филипп направил Деция на Балканы на смену мятежному Пакациану. Поскольку Деций уже был наместником одной из мезийских провинций, а обычно легатом одной и той же провинции одного человека не назначали, можно полагать, что он был послан на Балканы не в качестве наместника провинции, а в качестве правителя объединенных провинций²³⁹. Авторы умалчивают,

²³⁵ Stein. Claudius. Sp. 2772; Lorient X. *Cronologie*... P. 794.

²³⁶ Wittig. Messius. Sp. 1251–1252; Dietz K. *Senatus*... S. 190; Rives J. B. *The Decree of Decius and the Religion of Empire* // JRS. 1999. Vol. 89. P. 130–139.

²³⁷ Alföldy G. *Heeresgeschichte*... Beiträge. S. 461.

²³⁸ Wittig. Messius. Sp. 1252; Dietz K. *Senatus*... S. 190.

²³⁹ Fitz J. *Vereinigung*... S. 118.

были ли ему приданы какие-либо войска. По словам Зосима, император послал Деция в Паннонию и Мезию сменить там командование, так что, вероятнее всего, мятеж к этому времени уже прекратился. Солдаты, может быть, уже при известии о направлении к ним Деция сами убили Пакациана и подчинились императору и его посланцу.

Мятеж Пакациана явно ослабил оборону дунайской границы, и этим воспользовались готы, недовольные отменой Филиппом денежных субсидий. Под командованием готского короля Остроготы образовалась довольно сильная коалиция варварских племен, включавшая в себя не только готов, но и другие племена, в том числе карпов, с которыми сравнительно недавно воевал Филипп (Iord. Get. 89–94; FHG III. Dex. fr. 18)²⁴⁰. Варвары разрушили город Марцианополь, находившийся довольно далеко от границы. Следовательно, они проникли в глубь территории Мезии, практически не встречая сопротивления. Они опустошили Мезию и Фракию. Борьба с ними Деция шла неудачно. По словам Иордана, готы с большой добычей вернулись в свои земли. Вскоре после этого на них напали гепиды (Iord. Get. 94–100). Не исключено, что это нападение было каким-либо образом спровоцировано римлянами, и именно гепидская угроза заставила готов покинуть римскую территорию²⁴¹.

Мы не знаем, при помощи каких мер Деций восстановил дисциплину в дунайской армии (Zos. I, 21, 3), но они, видимо, были столь крутыми, что часть воинов даже предпочла обратиться за помощью к готскому королю. По словам Иордана (Get. 90–91), именно обращение этой части римских воинов послужило для Остроготы поводом к вторжению на территорию Империи. Вскоре после того как Деций стал императором, в одной из надписей его среди прочего называют также восстановителем (reparator) военной дисциплины (ILS 8922). Однако практически сразу после этого солдаты провозгласили его императором. Зосим (I, 21, 3) пишет, что солдаты, видя, как он наказывает виновников мятежа Пакациана, предпочли его самого объявить

²⁴⁰ Буданова В. П. Указ. соч. С. 84–85; Щукин М. Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 135. Возможна и другая последовательность событий: возмущенные отменой выплаты денег готы, объединившись с другими племенами, вторглись на римскую территорию; они были отбиты армией Пакациана, который в ранге победителя и провозгласил себя императором (ср.: Drinkwater J. Op. cit. P. 37).

²⁴¹ Если буквально следовать тексту Иордана, то надо говорить, что гепиды позавидовали готской добыче, и в таком случае нет сомнения, что готско-гепидская война началась уже после возвращения готов с территории Римской империи. Однако это не значит, что предварительно не проходила закулисная дипломатическая работа, о которой могло стать известно готскому королю, что и заставило его вернуться за Дунай.

императором. Армия Деция двинулась в Италию. Зонара (XII, 19) сообщает, что Деций пытался успокоить Филиппа, написав ему в письме, что он по прибытии в Рим сам сложит с себя императорскую власть. Если это сообщение достоверно, то можно сказать, что Деций пытался создать впечатление своей невиновности в развязывании гражданской войны и возможного принуждения его к принятию пурпура²⁴². Об этом же, по-видимому, свидетельствует и то, что в отличие от Пакациана Деций не стал выпускать свои монеты²⁴³. Филипп, однако, понимал, что такой исход военного мятежа совершенно невероятен, и со своей армией двинулся навстречу войскам Деция. В битве при Вероне он потерпел поражение и был убит (Aug. Vict. 28, 10; Epit. 28, 2; Eutrop. IX, 3; Sync. P. 683). При известии о поражении Филиппа преторианцы убили его сына, оставленного им в Риме (Aug. Vict. 28, 11; Epit. 28, 3; Eutrop. IX, 3).

Совершенно иную версию событий предлагает Иоанн Антиохийский (FHG IV, Fr. 148). По его словам, наоборот, Филипп, победоносно воевавший со «скифами», в это время находился на Балканах, а мятеж вспыхнул в Риме. Посланцы императора, прибывшие в столицу с дарами для увещевания сената и народа, сами примкнули к мятежу. Узнав об этом, Филипп бежал в город Берию, где и был убит агентами Деция. Орозий (VII, 20, 4), не скрывавший своей симпатии к Филиппу, которого он считал первым христианином на императорском троне, говорит только о военном мятеже (*tumultu militare*) и убийстве обоих Филиппов в результате коварства (*fraude*) Деция, не уточняя ни места, ни обстоятельств гибели императора.

Современные исследователи в основном принимают версию большинства античных авторов. Но существует также точка зрения, что только Иоанн дает достоверную информацию²⁴⁴. Изолированность в античной историографии версии Иоанна, которая в отличие от остальных (кроме, конечно, версии Орозия) не была антифиллипповской, объясняют, с одной стороны, язычеством большинства античных писателей, а с другой — враждебностью Константина и его преемников к Лицинию, претендовавшему на происхождение от Филиппа (SHA Gord. 34, 5). Однако эта конструкция слишком сложна, чтобы быть абсолютно верной. Нет никаких сведений о пребывании Филиппа на Балканах во время мятежа. Зато не только упомянутые авторы, но и Иордан тоже говорит о нахождении Деция в этом

²⁴² Ср.: Drinkwater J. Op. cit. P. 37–38.

²⁴³ Wittig. Messius. Sp. 1266.

²⁴⁴ York J. M. Op. cit. P. 332; Dušanić S. Op. cit. P. 427–439.

регионе. Не утверждая окончательно, можно сказать, что традиционная точка зрения все же представляется более предпочтительной²⁴⁵. В то же время полностью сбросить со счетов доводы сторонников версии Иоанна тоже нельзя. Приводятся некоторые надписи, монеты и папирусы, говорящие об определенном периоде единоличного правления Филиппа II²⁴⁶. Эти данные, однако, говорят не о правильности сообщения Иоанна, а о том, что между убийствами отца и сына прошло несколько больше времени, чем можно было бы думать, судя по сообщениям авторов.

Точное время всех этих событий определить трудно. Последний папирус с упоминанием Филиппов относится к 22 сентября 249 г.²⁴⁷ Первая конституция Деция датируется 16 октября 249 г. (С. J. 10, 16, 3). В соответствии с ней налогом облагалось имущество, а не личность, а также регулировалось налогообложение во всей Империи. Можно думать, что к 16 октября Деций был уже признан в Риме. В этом месяце (а может быть, еще и в сентябре) появляются первые монеты с именем нового императора, но некоторые из них задним числом датируются июнем²⁴⁸. Самые ранние известные нам папирусы, датированные правлением Деция, появляются в ноябре того же года²⁴⁹. Можно представить, что приблизительно в июне 249 г. солдаты дунайских легионов провозгласили Деция императором. При известии об этом Филипп двинулся на подавление мятежа, оставив в Риме сына. В сентябре в битве (вероятнее всего, при Вероне в Северной Италии) он был разбит и убит²⁵⁰. Филипп II, которому было всего 12 лет, остался единственным законным августом. И в некоторых провинциях начали датировать миллиарии и монеты правлением этого юного императора. Однако такое положение не устраивало преторианцев, под охраной которых Филипп II находился. Они убили Филиппа Младшего, правление которого, таким образом, продолжалось около месяца или даже меньше. Вероятно, тогда же погибла и императрица Отацилия Севера²⁵¹. Эти события показали изолированность Филиппа и его семьи. Никакие попытки самого Филиппа обрести опору в Риме не удались. Не удалась и очередная попытка создания новой династии.

²⁴⁵ Wittig. Messius. Sp. 1266; Rives J. R. Op. cit. P. 139.

²⁴⁶ Dušanić S. Op. cit. P. 428–431.

²⁴⁷ Rathbone D. W. Dates... P. 112.

²⁴⁸ Wittig. Messius. Sp. 1263–1264.

²⁴⁹ Dušanić S. Op. cit. P. 431.

²⁵⁰ Paschoud F. Notes. P. 148.

²⁵¹ Stein. Marcius // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 1607.

Свержение и гибель Филиппов были результатом не заговора или переворота, а открытой гражданской войны. Снова вопрос о троне решался в сражениях полевых армий. Их командующим уже не был нужен никакой предлог для выступления против правящего императора. Разница между законным императором и узурпатором («тираном») отныне сводится исключительно к соотношению военных сил и еще, пожалуй, удачливости. Если узурпатору удавалось захватить Рим, он получал признание сената и становился законным принцепсом. Можно говорить, что началась новая полоса в истории этого «черного пятидесятилетия» — полоса почти бесконечных гражданских войн.

ДЕЦИЙ

Отношение Деция к своему предшественнику было, как кажется, противоречиво. Деций, видимо, продолжал утверждать, что он не виновен в развязывании гражданской войны. Если верить Евтропию (IX, 3), то оба Филиппа были обожествлены, что, конечно, не могло произойти без прямого приказа нового императора. Оснований подвергать сомнению сообщение Евтропия у нас нет²⁵². Но, с другой стороны, известно, что имена Филиппа, его сына и жены вычеркивались из надписей (например, ILS 509)²⁵³. Рассматривать подобные акты только как самовольные действия местных властей едва ли возможно. Видимо, сам император не очень знал, как ему относиться к памяти Филиппа и его семьи. С одной стороны, для легитимности собственного положения было необходимо подчеркнуть континуитет императорской власти, непрерывность существования самого института императорства, ибо в условиях захвата трона насильственным путем только такой континуитет обеспечивал законность конкретного императора²⁵⁴. В условиях отсутствия официального династического принципа наследования власти обожествление предшественника было важным средством легитимации его преемника²⁵⁵. Но, с другой стороны, свержение Филиппа и убийство членов его семьи (старшего

²⁵² Впрочем, порой сообщение Евтропия все же считается ошибочным: *Herzog-Hansen G. Kaiserkult. Sp. 848.*

²⁵³ Это подтверждается и недавно найденным миллиарием на Сардинии: *Cazzola C. Op. cit. P. 1829.*

²⁵⁴ *Currié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 110.*

²⁵⁵ *Giesecke H. Die Divinisierung der römischen Kaiser in ihrer Funktion als Herrschaftslegitimation // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 377–390.*

сына — несомненно, жены и других сыновей — вероятно) делали всякое почтение к убитым открыто лицемерным. Деций, как кажется, так и не сделал в этом отношении окончательный выбор.

Однако в любом случае политика Деция в ряде областей была противоположна политике Филиппа. Это, в частности, относится к налоговой сфере. Недаром первая известная нам конституция Деция касалась именно налогов. Был отменен и ряд аспектов налоговой реформы Филиппа в Египте, где снова вернулись к северовскому законодательству²⁵⁶. Возможно, именно этот шаг Деция и привел к изменению настроения сторонников Иотапиана, которые, как об этом упоминалось выше, сами убили его и преподнесли голову убитого новому императору. Недаром Деция прославляют как восстановителя свободы (*restitutor libertatis*)²⁵⁷. Но особенно четко прослеживается разрыв Деция с политикой Филиппа в религиозной сфере, которая при последнем была отмечена несомненной терпимостью. Причиной этого была не ненависть к Филиппу, как об этом писал Евсевий (HE VI, 39, 1) и вслед за ним и другие христианские авторы (например, Синкелл, р. 683), а горячее стремление вернуть Империи благополучие и величие не только в материальном, но и в духовно-религиозном плане.

Одной из характерных черт римского религиозного сознания было представление о *раx deorum* — Божьем мире: римляне чтят своих богов в полном соответствии с традиционными ритуалами, включая, естественно, и жертвоприношения, а боги не только покровительствуют Риму, но и гарантируют ему (по крайней мере, в будущем) власть над всей вселенной. Нарушение людьми этого мира ведет к катастрофическим последствиям — ужасным поражениям, грозящим самому существованию Города, как это было, например, во время войны с Ганнибалом, когда лишь экстренные меры привели к исправлению положения²⁵⁸. Но тяжелое положение сложилось и к моменту прихода к власти Деция. Огромная трудность, с какой римская армия справлялась с нападениями варваров, явно свидетельствовала о приближении катастрофы. Для Деция и его сподвижников причина была ясна: как и во время II Пунической войны, нарушен Божий мир²⁵⁹. Все шире распространялись религии, которые были не только чужды традиционным римским представлениям, но и глубоко им враждебны. Сторонники этих религий отрицали в первую очередь необходимость

²⁵⁶ *Bianchi A.* Op. cit. P. 196–197.

²⁵⁷ *Ibid.* P. 197.

²⁵⁸ *Le Glay M.* La religion romaine. Paris, 1997. P. 31–32.

²⁵⁹ *Pohlsander H. A.* The Religion Policy of Decius // ANRW. 1986. Bd. II, 16, 3. P. 1827–1829; *Carrié J.-M., Rousselle A.* Op. cit. P. 122.

жертвоприношений, а также императорский культ. Это, в частности, были манихеи. Уже около 240 г. манихеи появились в Александрии, а в 250 г. там уже, по-видимому, существовала их община²⁶⁰. Манихейство было опасно еще и тем, что оно шло из Ирана, и манихеи могли рассматриваться как «пятая колонна» персидского царя. Появились и язычники, которые пренебрегали принесением жертв²⁶¹. И все же наибольшую опасность представляли христиане. Христианство по самой своей природе резко отличалось от всех культов, распространенных в Римской империи. Как и восточные культы, как, например, культ Исиды, оно не было связано с государством и официальной римской религией. Но если поклонники Исиды вполне могли сочетать свою веру с государственными культами, включая культ императора, то христиане решительно противопоставляли себя этим культам²⁶². Христианские общины распространялись почти по всей Империи, а Церковь начала приобретать общеимперскую организационную структуру, явно не совпадающую с государством. И этот значительный пласт населения решительно отказывался поклоняться традиционным божествам и совершать главный обряд — жертвоприношение. Это, конечно, с точки зрения консервативных кругов римского общества, к каковым принадлежал и сам император, надо было пресечь. Принцепс как глава римского народа нес особую ответственность и перед народом, и перед богами за правильное и тщательное исполнение религиозных обязанностей. Благочестие (*pietas*), одна из основополагающих категорий в системе римских ценностей, являлось также основой и моральным оправданием императорской власти²⁶³. Пренебречь этим Деций, человек сам по себе весьма консервативный, естественно, не мог. Не исключено, что, по мнению Деция, религиозная терпимость Филиппа в большой мере оскорбляла богов и нарушала Божий мир. Торжественному празднованию тысячелетия Рима и утверждению вечности Города Деций противопоставил восстановление *paх deorum*. И он начал свое наступление в защиту *mos maiorum* (нравов предков) и восстановление *paх deorum*²⁶⁴. Это не только было выражением личной позиции императора, но и отвечало настроению довольно широких кругов римского общества, особенно сенаторской знати, в среде которой

²⁶⁰ Хосроев А. Л. История манихейства (*Prolegomena*). СПб., 2007. С. 217.

²⁶¹ Рапович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1990. С. 171.

²⁶² Scheid J. *La religion a Roma*. Roma; Bari, 2004. P. 157–158.

²⁶³ Turcan R. *Op. cit.* P. 1000, 1002; Alföldy G. *Die Krise...* S. 356–357.

²⁶⁴ Turcan R. *Op. cit.* P. 1011; Flach D. *Die römischen Christenverfolgen. Gründe und Hintergründe* // *Historia*. 1999. Bd. 48, 4. S. 464; Le Glay M. *Grandeza...* P. 357.

консервативные тенденции всегда были очень сильными²⁶⁵. Недаром позже Киприан написал специальный трактат для опровержения чрезвычайно распространенного среди язычников взгляда, что христиане, отвергающие поклонение римским богам, виновны во всех бедах Империи²⁶⁶. Совсем не исключено, что императором двигали и чисто материальные соображения. Среди христиан уже было довольно много относительно богатых людей²⁶⁷, и конфискация их имущества могла помочь казне. Например, известно, что после изгнания Феликса и его жены Виктории их имениями стал владеть фиск (Cyr. Ep. 24, 1). Но все же эти резоны, если они и были, играли далеко не самую важную роль.

Вскоре после своего прихода к власти, не позже января 250 г., а, вероятнее, еще в конце предыдущего года²⁶⁸, Деций издал специальный эдикт, предписывавший каждому жителю Империи публично, в присутствии местных властей и специальной комиссии принести жертву и вкусить жертвенного мяса, после чего данный человек получал специальный документ (*libellus*), подтверждающий этот акт²⁶⁹. Виновные в отказе от жертвоприношений подвергались наказанию, в том числе изгнанию и конфискации имущества (*possessions et domos, bona*), но порой даже и ужасной смертной казни, например сожжению или побиению камнями²⁷⁰. Возможно, что было издано даже несколько эдиктов, каждый из которых ужесточал положения предыдущего. Во всяком случае Киприан (Ep. 55, 9) пишет о «диких эдиктах» (*feralia edicta*) во множественном числе²⁷¹. Специально христиане, по-видимому, в эдикте (или эдиктах) не упоминались. Деций не ставил своей целью уничтожение христианства как религии и,

²⁶⁵ Pohlsonder H. A. The Religion Policy... P. 1838.

²⁶⁶ Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 487–488.

²⁶⁷ Киприан (de laps. 5) пишет (разумеется, с несомненным преувеличением), что христиан охватила жажда обогащения.

²⁶⁸ Wittig. Messius. Sp. 1281; Saumagne Ch. Op. cit. P. 24.

²⁶⁹ Более четырех десятков таких документов дошло из Египта: Millar F. The Roman Empire... P. 193.

²⁷⁰ Федосик В. А. Указ. соч. С. 99; Rives J. B. Op. cit. P. 143–154. Единственное исключение делалось для иудеев: Safray S. Das Zeitalter der Mischna und des Talmuds // Geschichte des jüdischen Volkes. München, 1981. Bd. I. S. 421. Впрочем, возможно, что прямо такое исключение в тексте декрета не упоминалось, но оно явно подразумевалось. Это исключение, вероятнее всего, объясняется тем, что иудеи исповедовали традиционную религию, а Деций всячески подчеркивал необходимость поклонения именно богам, почитаемым предками. Христианство же было надэтнической и, с точки зрения руководящих кругов Рима, новой религией, не унаследованной от отцов и дедов. См. об этом: Vittinghoff F. Op. cit. S. 353.

²⁷¹ Alföldy A. Studien... S. 286.

пожалуй, даже Церкви как организации²⁷². Недаром многие арестованные христиане даже могли принимать единоверцев, в том числе пресвитеров, или вести переписку²⁷³. Так, известно большое количество писем Киприана, которые тот направил своим арестованным собратьям. Не требовалось (и это отличало данный декрет от более поздних) выдать священные книги. Единственное, что безусловно требовалось, так это совершить жертвоприношение и этим доказать свое уважение к традиционным богам. Многие образованные римляне искренне не понимали, почему нельзя в душе верить только в одного Христа, а публично совершить такую формальность, как жертвоприношение. Позже префект Египта недоуменно спрашивал арестованных христиан, кто же мешает им чтить и своего Бога, и других богов, и не понимал, почему христиане отказываются это делать (Euseb. HE VII, 11, 9). Деций вполне мог относиться к таким людям. И если язычникам, которые ранее уклонялись от жертвоприношений, выполнить требования декрета было довольно просто, то для христиан это означало фактический отказ от основных постулатов их религии.

Началось первое общеимперское гонение на христиан²⁷⁴. Оно оказалось тем более страшным, что было в большой степени неожиданным²⁷⁵: Филипп относился к ним терпимо, и сами они ни против Филиппа, ни против Деция не выступали. Христианские проповедники и писатели всегда подчеркивали абсолютную лояльность христиан к Империи и императорам. Однако понимание лояльности у них и в тех кругах, которые представлял Деций, было разное. Христиане понимали под лояльностью неучастие ни в каких мятежах и полное подчинение властям (и даже молитвы за представителей власти, особенно за правящего императора) при сохранении в неприкосновенности своей веры, запрещающей поклоняться языческим богам и приносить им какие-либо жертвы. Для консервативных кругов римского общества и Деция, выражающего их взгляды и настроения, лояльность к Империи не могла не включать участие в традиционной религиозной жизни, в том числе, естественно, и в жертвоприношениях²⁷⁶. Контраст между положением хрис-

²⁷² Herzog-Hausen G. *Kaiserkult*. Sp. 848.

²⁷³ Pohlsonder H. A. *The Religion Policy...* P. 1840.

²⁷⁴ Свенцицкая И. С. От общины... С. 209; Millar F. *The Roman Empire...* P. 102; Pohlsonder H. A. *The Religion Policy...* P. 1831; Demandt A. *Op. cit.* S. 45. О репрессиях в отношении христиан известно из самых разных провинций Империи — от Палестины до галльских провинций (Федосик В. А. Указ. соч. С. 104).

²⁷⁵ Ziolkowski A. *Storia di Roma*. Milano, 2000. P. 422.

²⁷⁶ Pohlsonder H. A. *The Religion Policy...* 3. 1837.

тиан и их общин при Филиппе и при Деции был столь велик, что некоторые христиане восприняли императора как предвестника прихода антихриста (Сург. Ер. 22, 1), а с ним и наступления конца света²⁷⁷.

На христиан обрушились репрессии. Появилось значительное число мучеников, предпочитавших смерть, порой очень мучительную, отказу от своей веры. Многие подверглись изгнанию и потеряли все свое имущество (Euseb. HE VI, 39–42; Сург. Р. 684–701). Но многие христиане не выдерживали гонения и выполняли требования. Даже некоторые епископы предпочли запятнать себя принесением жертв и получением соответствующих документов. Так поступили, например, Фортунат из африканского Ассурса (Сург. Ер. 65, 1, 1) и испанские епископы Басилид и Марциал (Сург. Ер. 67, 1). Случалось, что главы семей заставляли своих христианских родственников совершать жертвоприношения. Так, например, некую Бону заставлял принести жертву ее муж (Сург. Ер. 24, 1). Раскол происходил в семьях. Например, мучеником стал Маппалик, а его мать и сестра оказались в числе «павших» (Сург. Ер. 27, 1). Некоторые епископы, как, например, Киприан Карфагенский или Дионисий Александрийский, бежали и руководили своей паствой из укрытий²⁷⁸. Другие, такие, как римский епископ Фабиан или иерусалимский епископ Александр, выбрали смерть (Euseb. HE VI, 39, 1–3). В Египте некоторые христиане, бежав из городов и деревень, нашли убежище в пустыне, и это положило начало существованию движения анахоретов²⁷⁹. Пик репрессий, как кажется, падает на июнь-июль 250 г.²⁸⁰

Издание и неуклонное проведение в жизнь упомянутого декрета было только частью общей религиозно-идеологической политики Деция. Сам Деций, как уже говорилось, происходил из деревни близ Сирмия, где род Мессиев или Мессиев Квинтов осел уже давно. Но будущий император поддерживал активные связи с Италией, особенно с Этрурией, откуда происходила его жена Геренния Куп-

²⁷⁷ Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 484–485; Potter D. Prophets and Emperors. Cambridge: London, 1994. P. 109. Лукиан, чье письмо сохранилось в корреспонденции Киприана, называет Деция не только предшественником антихриста, но и огромным змеем (anguem maiorem), явно намекая на библейского левиафана, ставшего символом страшного чудовища, враждебного Богу и людям. Лактанций (de mort. IV, 1) позже называл Деция «проклятой тварью» (execrabile animal).

²⁷⁸ Киприан оправдывал свое бегство из Карфагена страхом не за себя, а за то, что своим присутствием он навлечет на христиан еще большие беды (Ер. 20, 2).

²⁷⁹ Millar F. The Roman Empire... P. 193.

²⁸⁰ Alföldy A. Studien... S. 286; Федосик В. А. Указ. соч. С. 95.

рессения Этрускилла²⁸¹. Карьера Деция была типично сенаторской. Уникальным было, пожалуй, то, что впервые таких высоких постов (а в конечном итоге и трона) достиг выходец из дунайского региона²⁸². Уроженцы провинций или их потомки уже становились императорами, и первым из них был Траян. Однако их родиной были провинции, уже достигшие довольно высокого уровня романизации. Паннония же находилась еще очень далеко от такого уровня. Возможно, что дунайское происхождение Деция способствовало, хотя бы частично, его активной поддержке Максимиана²⁸³. И все же рассматривать Деция как представителя провинциальной знати едва ли возможно²⁸⁴. Став сенатором и пройдя ряд сенаторских должностей, увенчанный постом префекта Города, он выступал деятелем традиционного римского типа, классическим сенатором со всеми положительными и отрицательными чертами, свойственными сенаторскому сословию, в том числе и с подчеркнутым традиционализмом²⁸⁵. Когда-то Цицерон в своей речи «Об ответах гаруспиков» (IX, 19) сформулировал причины римских побед: римляне превосходили все народы благочестием, почитанием богов и знанием, что всем руководят боги. Идеальный римский сенатор оставался в этой уверенности и в своем высоком предназначении и при Империи²⁸⁶. По словам Зенона (I, 21, 1), Деций отличался родом и достоинствами (γένει προέχων καὶ ἀξιώματι). В некоторой степени это сообщение перекликается с утверждением в речи Пупиена, как ее передал Геродиан (VIII, 7, 4–6), о том, что императоров избирают за благородное происхождение и военные подвиги. Как уже говорилось, эта речь была фактически программой идеального сенатского правительства. И хотя сам Деций раньше занимал позицию, враждебную позиции большинства сената, теперь он выдвинул тот же идеал «хорошего императора».

²⁸¹ Wittig. Messius. Sp. 1248–1250; Syme R. Emperors... P. 197. Имена сыновей Деция также подчеркивали их отдаленное этруское происхождение: Altheim F. Niedergang... S. 318.

²⁸² Altheim F. Niedergang... S. 162; Syme R. Emperors... P. 196.

²⁸³ Ценность такого предположения уменьшается с учетом того, что от 20 до 25 наместников провинций, как об этом говорилось в свое время, а не только один Деций отказались признать свержение Максимиана, и считать их всех выходцами из дунайского региона невозможно. Правда, не известно ничего о том, чтобы кто-либо из них, кроме Канцелиана и Деция, вооружил свои войска в поддержку свергнутого императора.

²⁸⁴ Тем более нельзя считать Деция первым из иллирийских солдатских императоров, как это иногда полагают: Altheim F. Niedergang... S. 298.

²⁸⁵ Herzog-Hausen G. Kaiserkult. Sp. 848; Wittig. Messius. Sp. 1284.

²⁸⁶ Cp.: Nicolet C. Il cittadino, il politico // L'uomo romano. Roma; Bari, 2003. P. 36–40.

Очень важным актом было принятие Децием имени Траяна. Как говорилось выше, уже Гордиан претендовал на происхождение по материнской линии от Траяна, и это показывало вектор политической мысли сенаторского большинства. Траян представлялся идеальным императором, лучшим принцепсом, осуществлявшим власть в полном согласии с сенатом и в полной мере уважающим его свободу. Претендовать даже на косвенное происхождение от этого популярного государя Деций, конечно, не мог. И он пошел по другому пути, пример которого показал Септимий Север, когда он принял имя Пертинакса²⁸⁷. Для Септимия Севера принятие этого имени, как и более позднее посмертное включение себя и своей семьи в дом Антонинов, выражало кроме своеобразной легитимации своей власти еще и ясную претензию на продолжение политики Пертинакса и Марка Аврелия²⁸⁸. По существу то же самое сделал и Деций, только он избрал для этого более отдаленную во времени и более популярную фигуру — Траяна. Он явно демонстрировал свою программу — возвращение к принципам правления «лучшего принцепса», обеспечивая этим себе широкую поддержку в Риме, особенно в сенате²⁸⁹. К тому же Траян был последним великим завоевателем в римской истории. Принимая его имя, Деций ясно намекал на восстановление блеска римского имени, угаснувшего в ходе неудач последнего времени. И сделал он это практически сразу после прибытия в столицу²⁹⁰.

Деций этим не ограничился. Он выпустил серию монет с изображениями и именами *divi*, включающую Августа, Веспасиана, Тита, Нерву, Траяна, Адриана, Марка Аврелия, Люция Вера, Коммода, Септимия Севера и Александра Севера²⁹¹. Деций, таким образом, включает себя в общий ряд императоров, представляя свое правление как логичное продолжение истории вечного Рима. Этот список в значительной степени совпадает с перечнем лучших (*optimi*) императоров в биографии Аврелиана (SHA Aug. 42, 4); в последнем нет только Коммода (не говоря, естественно, о Клавдии II и Аврелиане). Эта серия, однако, включает в себя не всех обожествленных императоров. Известно, что

²⁸⁷ Wittig. Messus. Sp. 1247.

²⁸⁸ Potter D. S. The Roman Empire... P. 109–110.

²⁸⁹ Altheim F. Niedergang... S. 315; Dietz K. Senatus... S. 244.

²⁹⁰ Wittig. Messius. Sp. 1247. Еще до своего провозглашения императором Деций, как говорилось выше, восстал на Балканах. И хотя его кампания была не особенно удачной, он вполне мог представить свои действия как великую победу, сравнимую с завоеванием Дакии Траяном, что и послужило поводом к принятию его имени (*Drinkwater J.* Op. cit. P. 38).

²⁹¹ Potter D. S. The Roman Empire... P. 244; CAH. Plates. Vol. V. P. 236–237.

обожеествлены были Клавдий, Пертинакс, все три Гордиана, а, по словам Евтропия (IX, 3), и оба Филиппа. Но эти императоры не нашли места на монетах Деция. И это очень интересно. Деций помещает на своих монетах всех обожествованных Флавиев и Антонинов, включая ненавистного сенаторам Коммоду, но из Юлиев-Клавдиев опускает Клавдия. В свое время отношение большинства сенаторов к Клавдию выразилось в язвительном «Отыквлении Клавдия», приписываемого Сенеке, и, вероятно, такое отношение закрепилось в просенаторской историографии вплоть до времени Деция и даже Диоклетиана. Не совсем понятно опущение Пертинакса, который, кстати, не упомянут и в биографии Аврелиана. Это могло быть связано и с кратковременностью его правления (Деций не хотел допускать даже намека на кратковременность и своего правления), и с тем, что Пертинакс был, вероятно, замешан в заговоре, приведшем к убийству Коммоду (SHA Pert. 4, 4)²⁹². Что касается Гордианов, то Деций явно не желал прощать им свою опалу²⁹³. А может быть, новый император вообще хотел вычеркнуть из памяти римлян бурные события, происшедшие после убийства Александра Севера, и свое правление непосредственно присоединить к более, как тогда казалось, спокойным временам. Возможен еще один вариант. Монеты прославляли память одиннадцати divi, и не исключено, что Деций надеялся в будущем стать двенадцатым²⁹⁴. Во всяком случае эти монеты ясно показывают стремление Деция легализовать свою власть в более широком контексте истории Римской империи, и притом в связи с правлениями лучших принцевов, укрепить свой имидж достойного преемника великих императоров²⁹⁵.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что все эти монеты были выпущены не в Риме, а в Медиолане, и предназначались они для выплаты солдатам²⁹⁶. Это означает, что пропаганда доблестных предшественников была направлена не столько на граждан, сколько на армию. Видимо, после ряда военных неудач Деций стремился поднять дух воинов напоминанием о великих свершениях, достигнутых при божественных предшественниках.

²⁹² Об участии Пертинакса в заговоре против Коммоду: Birley A. Op. cit. P. 84.

²⁹³ Выше говорилось, что Деций, вероятно, так и не определил свое отношение к памяти Филиппов, и уже одно это явно мешало ему включать этих императоров в число своих предшественников.

²⁹⁴ Pohlsander H. A. The Religion Policy... P. 1830. Двенадцать было одним из священных чисел; ведь и олимпийских богов было тоже двенадцать.

²⁹⁵ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 110; Drinkwater J. Op. cit. P. 39.

²⁹⁶ Turcan R. Op. cit. P. 1009–1010. Подобные монеты выпускались и на Балканах (Ibid.).

В этом же направлении шло намерение Деция построить новую стену, окружающую Рим, и он даже освятил будущее строительство (Aug. Vict. 29, 1). Рим к этому времени вышел далеко за пределы прежних стен, построенных еще царем Сервием Туллеем, и уже одно это обстоятельство требовало создания новых укреплений. Однако, вероятнее всего, не это обстоятельство подвигло Деция на строительство. Самому Городу давно ничего не угрожало, и императоры, хотя и очень заботились о столице, не считали необходимым создание нового кольца укреплений. Непосредственной угрозы не было и при Деции. Строительством стены он явно стремился сравниться с древними царями. Сервий Туллий был одним из почитаемых царей. Ему, как известно, приписывали не только создание городской стены, но и важнейшие реформы, положившие начало римскому политическому и социальному бытию, и активную внешнюю политику. Деций, таким образом, пытался ввести себя в ряд не только «хороших» императоров, но и еще более древних и не менее «хороших» царей. Резкое обострение политического положения заставило императора отправиться на театр военных действий, так что грандиозное строительство даже не было начато, но само освящение явно по древнейшему обряду должно было еще раз продемонстрировать приверженность Деция традиционным ценностям.

Выдвижение на первый план традиционных религиозных ценностей тоже было частью политики Деция. Надписи прославляют его как «восстановителя святынь»²⁹⁷. В некоторых случаях, как это было в этрусской Козе, речь шла действительно о восстановлении храмов. В других же, по-видимому, это прославление выражало общий религиозный подъем, стимулируемый Децием. Так, по приказу императора (*iussu imperatoris*) жители Аквилеи восстановили статую Нептуна²⁹⁸. При этом император всячески подчеркивал почитание именно отеческих богов, как это видно, например, из его послания жителям Афродисиаса, в котором он призывал их отметить молитвами и жертвоприношениями его правление ради богини, имя которой посит город²⁹⁹. Некоторые исследователи полагают, что религиозная политика Деция была в некотором смысле аналогична гражданской политике Каракаллы: тот установил единое римское гражданство, а этот пытался создать единую имперскую религию³⁰⁰. Думается, что такое

²⁹⁷ Ziolkowski A. Op. cit. P. 404; Southern P. Op. cit. P. 74. Польский историк отмечает, что этот титул был довольно редким.

²⁹⁸ Alföldy G. Die Krise... S. 358.

²⁹⁹ Potter D. S. The Roman Empire... P. 243.

³⁰⁰ Rives J. B. Op. cit. P. 153.

мнение едва ли соответствует действительности, ибо в конце 40-х гг. III в. время для таких попыток еще не пришло. Но то, что Деций сознательно ставил религию на службу своей власти, можно вполне принять.

Как и его предшественники, Деций стремился не только укрепить свою власть, но и создать новую династию. У него было двое сыновей, и старшего Геренния Этруска он в августе или сентябре 250 г. сделал цезарем и даровал ему трибунскую власть. Может быть, тогда же цезарем стал и его второй сын — Гостилиан³⁰¹. Позже Деций сделал Геренния Этруска и августом, хотя и не разделил с ним верховный понтификат (ILS 515–518)³⁰². Жена Деция Геренния Купрессения Этруцилла получила все обычные для того времени титулы императрицы, включая титул «матери лагерей» (ILS 521). Все это шло в русле обычных действий императоров III в. Однако Деций, возможно, замыслил значительные преобразования, на которые его могло толкнуть то тяжелое положение, в каком оказалась Империя уже сравнительно скоро после его прихода к власти.

В какое-то время произошло восстание в Галлии. Евтропий (IX, 4) говорит о нем как о гражданской войне, которая чуть было не разгорелась, но была вовремя потушена Децием. Нам ничего более о событиях в Галлии не известно, но слова Евтропия позволяют думать о попытке узурпации, довольно быстро пресеченной Децием. Имсеются монеты Деция с легендой VICTORIA GERMANICA³⁰³. Связаны ли были эти монеты с победой в Галлии, сказать трудно. Скорее всего, произошли какие-то столкновения на Рейне, окончившиеся, как в то время было часто, римской победой, масштаб которой в пропагандистских целях был явно преувеличен³⁰⁴. Но если эти успехи, размеры которых мы точно не знаем, обеспечили правительству Деция спокойствие в западной части Империи, то на Балканах сложилась совершенно другая ситуация.

В 250 г. снова обострилось положение на Нижнем Дунае. Летом (или, может быть, весной) 250 г. готы, возглавляемые королем Книвой, вместе с присоединившимися к ним какими-то «союзниками» (вероятно, карпами) прорвались через южную часть Дакии, переправились через Дунай и вторглись в Нижнюю Мезию, а затем и во Фракию.

³⁰¹ В Египте Геренний Этруск был признан императором не позже 15 сентября, а Гостилиан — в октябре 250 г.: *Rathbone D. W. Dates...* P. 113.

³⁰² *Wittig, Messius. Sp. 1263–1264; Hunslik R. Decius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 1411–1412.*

³⁰³ *Wittig, Messius. Sp. 1268.*

³⁰⁴ *Ibid. Sp. 1269.*

Свидетельством этого являются множество монетных кладов, зарытых жителями в надежде спасти свои деньги от варваров, и разрушение римских укрепленных лагерей³⁰⁵. Местные власти не сумели противостоять варварам, и Децию пришлось лично отправиться на театр военных действий (Aug. Vict. 29, 3). Видимо, в связи с этим он направил какие-то войска и корабли на Боспор (A. é. 1996, 1358)³⁰⁶. Положение Боспора в это время было довольно трудным. Боспорские цари уже не имели сил отражать варварские нашествия³⁰⁷. И Деций, вероятно, решил своими силами обеспечить этот фланг римской обороны перед решающей, как ему казалось, схваткой с варварами. Перед этим он, по-видимому, и возвел в ранг цезарей своих сыновей, один из которых сопровождал отца, а другой оставался в Риме. В это время карпы грабили Дакию, а готы разделились на две группы, из которых одна осадила город Новы, а другая двинулась во Фракию к Филиппополю. Готское вторжение грозило и более южным районам, в том числе Греции. По словам биографа Клавдия, Деций направил будущего императора, тогда еще молодого человека (*iuvenum*), с отрядом к Фермопилам, чтобы в случае необходимости защитить этот важный стратегический пункт (SHA Claud. 16, 1–2)³⁰⁸. Сам же Деций направился с армией в Дакию и сумел выбить оттуда карпов. В честь этого он был провозглашен «восстановителем Дакий» (*restitutor Daciae*) и принял титул *Dacicus maximus* (ILS 514, 517). Но главным противником оставались готы.

Армия, возглавляемая легатом обеих Мезий Требонианом Галлом, сумела освободить от осады Новы (Sync. P. 705), но отступившие оттуда готы соединились с другими отрядами. Деций разбил значительные силы готов под Никоподем, и враги даже попытались вести с ним переговоры (Sync. P. 705), но император от этих переговоров отказался. Казалось, дела идут вполне удачно для римлян. Но неожиданно под Бероей армия Деция потерпела значительное поражение (Iord. Get. 101–102). Готы осадили Филиппополь. Наместник Македонии Л. Приск³⁰⁹ попытался защитить город, но неудачно. Более

³⁰⁵ Tudor D. Le rôle... P. 403.

³⁰⁶ Potter D. S. The Roman Empire... P. 244.

³⁰⁷ Шеллов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 140–141.

³⁰⁸ Эти сведения содержатся в письме, которое, как пишет «Требеллий Поллион», Деций направил президиу Ахайи. Как и все такие письма в этом сборнике, это письмо считается фальшивкой, все известие о поручении, данном Клавдию, выдумкой (Wittig. Messuius. Sp. 1230). Однако само по себе это сообщение полностью отвечает ситуации, какая в это время сложилась на Балканском полуострове. И нет абсолютно ничего подозрительного в намерении Деция направить специальный отряд для защиты провинции Ахайи.

³⁰⁹ Иордан (Get. 103) в духе уже своего времени называет Приска *dux*.

того, после взятия Филиппополя готы провозгласили того же Приска императором, противопоставляя его Децию. Они явно заключили с Приском союз. Иордан (Get. 103), рассказывая об этих событиях, говорит, что Книва Приска *sibi foederavit*, а целью этого союза была якобы война с Децием (*quasi cum Decio pugnaturum*). Это сообщение ясно говорит, что инициатором заключения союза с узурпатором был готский король, а Приск играл во всем этом второстепенную роль. Провозглашая целью союза войну с законным императором, Книва, если буквально следовать Иордану, имел в виду другую цель: недаром историк говорит *quasi*. Не исключено, что с его помощью готы надеялись занять какие-то земли к югу от Дуная или же с помощью той части римских войск, которая пошла за Приском, еще активнее пограбить население Фракии и Мезии. Или же, наоборот, Приск надеялся с помощью готов захватить трон.

Пока Деций находился на Балканах, воспользовавшись его уходом из столицы, там попытался захватить власть Юлий Валент Лициниан (Aur. Vict. Caes. 29, 2–3; Epit. 29, 5). Выступление Валента было особенно опасным. Его активно поддержала толпа (*cupientissimo vulgo*). На какое-то время Валент, как кажется, сумел захватить власть. Аврелий Виктор пишет, что он *imperium capit*, а эпитоматор сообщает, что Валент *imperator effectus est*. Киприан (ep. 55, 9) упоминает о соперничающем принце (aemulus princeps), в котором надо видеть Валента³¹⁰. Христианский автор связывает два события: узурпацию Валента и избрание римским епископом Корнелия. А так как Корнелий был избран в начале марта 251 г.³¹¹, то и выступление Валента надо, по-видимому, отнести приблизительно к этому же времени³¹². Характерно, что, по словам Аврелия Виктора, знать (*nobilitas*), т. е. явно сенат, Приска объявила «врагом отечества». Но ничего такого не было сделано в отношении Валента. Это может говорить о том, что не только толпа, но и по крайней мере часть senatorской знати поддержала узурпатора. Это не могло не напомнить Децию ситуацию 238 г., когда толпа при подстрекательстве части сенаторов заставила сделать цезарем Гордиана III. Оба узурпатора были уничтожены быстро (тох). Вероятно, Деций все-таки располагал в Риме какой-то силой, которая и в его отсутствие сумела справиться с выступлением Валента. Приск тоже был убит; во всяком случае, когда в следующем году война на Балканах возобновилась, о Приске речи уже не было.

³¹⁰ Wittig. Messius. Sp. 1272; Alföldy. G. Der Heilige Cyprian... S. 492, Bem. 68.

³¹¹ Duquenne L. Chronologie des lettres de S. Cyprien. Bruxelles, 1972. P. 29.

³¹² Wittig. Messius. Sp. 1272.

Обе узурпации не удались. Однако они были чрезвычайно опасны. Мятеж Валента показал ненадежность самой столицы и, видимо, части сенаторской знати. Узурпация же Приска была опасна его союзом с варварами: она показала, что не только он, но и возможный другой будущий узурпатор может использовать внешнюю силу для захвата власти. И в этих условиях необходимо было предпринимать какие-то нетривиальные шаги.

Одним из соратников Деция был будущий император Валериан. События 238 г., казалось бы, должны были развести их. В то время как Валериан выступил не только сторонником Гордианов, но и деятельным участником их возвышения, Деций, как уже говорилось, до конца оставался на стороне Максимиана и даже предпринял активные шаги по организации обороны Тарраконской Испании, легатом которой он был, от возможных атак противников Максимиана. Тем не менее Валериан играл в его правление заметную роль. В это время он был, очень вероятно, принцепсом сената (SHA Val. 5, 4). Зонара (XII, 20) пишет, что Деций поручил Валериану руководство делами (διοίκησις τῶν πραγμάτων). Что это за τὰ πράγματα, из краткой заметки Зонары неясно. Предполагают, что выражение διοίκησις указывает прежде всего на финансовую реформу³¹³. Однако это слово имеет и более широкое значение. Например, Зосим (I, 60, 1) пишет, что Аврелиан после победы над Пальмирой поручил префекту Месопотамии Марцеллину администрацию (διοίκησιν) всего Востока. Автор биографии Валериана рассказывает, что сенат в 251 г. в ответ на послание Деция единогласно постановил сделать Валериана цензором. Но когда Деций на основании этого сенатусконсульта предложил ему этот пост, тот решительно отказался, заявив, что только августы (т. е. Деций и его сын) должны заниматься всеми делами (SHA Val. 5, 4–6; 9). Из речи Деция, обращенной к Валериану, видно, что под цензурой подразумевалось ведение практически всех гражданских дел, включая контроль за сенаторами и всадниками, руководство финансовыми вопросами, назначение чиновников, кроме префекта Рима и ординарных консулов, снабжение армии оружием и даже общее суждение о положении в государстве, т. е. по существу почти вся гражданская сфера императорской власти. В случае принятия Валерианом этого предложения он на деле становился соправителем Деция³¹⁴. Вся история с посланием Деция, решением сената и отказом Валериана обычно считается новеллой, не имевшей

³¹³ Witting. *Messius*. Sp. 1278.

³¹⁴ Wickert L. *Licinius*. Sp. 489.

отношения к реальности³¹⁵. Однако такой поступок полностью вписывается в общее консервативное направление политики Деция³¹⁶. В некоторой степени полномочия, предлагаемые Валериану, можно сопоставить с *τὰ πρᾶγματᾶ*, о которых пишет Зонара. Видимо, *διοίκησις τῶν πρᾶγματῶν* и было руководство всей гражданской сферой власти. Деций мог действительно попытаться создать пост своего «заместителя по гражданским делам», который действовал бы в согласии с сенатом. Совсем не исключено, что новая должность фактического заместителя императора должна была принять форму древней цензуры³¹⁷. Кандидатура Валериана могла быть вполне подходящей. Он происходил из знатного рода, занимал ряд гражданских и военных постов, в том числе пост консула-суффекта³¹⁸, а в это время, как было сказано выше, скорее всего являлся принцепсом сената. Эта фигура вполне могла обеспечить Децию лояльность сената в его отсутствие и вообще в столь трудный момент, когда император оказался перед столькими опасностями. Чем в таком случае вызван отказ Валериана, неясно. Вполне возможно, что он понимал двусмысленность предложения, в каком он оказался бы в случае действительного своего назначения на этот пост, ибо при наличии полномочий у него не было бы реальных рычагов власти. К тому же официальным представите-

³¹⁵ Ibid. Доводом против реальности этого рассказа является то, что пресмник Деция Требониан Галл в случае действительности рассказа не был бы спокоен в отношении Валериана и не оказывал бы ему доверия. Но надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Требониан, как об этом будет сказано ниже, всячески демонстрировал свое уважение к Децию, который был обожествлен (Eutrop. IX, 4). В этих условиях отказ в доверии приближенному лицу своего предшественника выглядел бы явным знаком лицемерия нового императора. Во-вторых, Валериан отказался от предлагаемых полномочий, основываясь на идее о нераздельности власти августа, и это могло быть вполне адекватно расценено Требонианом. Так что отказывать рассказу о несостоявшейся цензуре Валериана лишь на этом основании нельзя. Другие исследователи полагают, что, хотя сообщение о предложении Деция и отказе Валериана — фикция, в нем все же содержится информация о реальном соотношении должностей в то время: *John E. K.-P.* Op. cit. S. 132.

³¹⁶ Ср.: *Pohlsander. The Religion Policy...* P. 1830.

³¹⁷ *Ковалев С. И.* История Рима. М., 1986. С. 638; *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 81. Французские авторы приводят мнение А. Шастаньоля, статья которого на эту тему мне, к сожалению, недоступна. Еще раньше некоторые исследователи, отвергая реальность рассказа в биографии Валериана и не веря в возможность восстановления цензуры, однако признавали наличие исторического зерна во всей этой истории: например, *Wittig.* Op. cit. Sp. 1278. П. Соутхерн также считает, что речь могла идти о назначении Валерианом поста «заместителя императора по гражданским делам»: *Sothorn P.* Op. cit. P. 75.

³¹⁸ *Wickert L.* Licinius. Sp. 488; *Wirth G.* Valerianus // *Kleine Pauly.* 1079. Bd. 5. Sp. 1098.

лем императора в Риме был оставлен его младший сын Гостилиан, при котором находилась его мать Геренния Этрусцилла в качестве августы³¹⁹, и как бы сложились отношения между императрицей и «гражданским императором», никто, в том числе и сам Валериан, предсказать не мог. Наконец, Валериан, игравший определенную роль в событиях 238 г., не мог не помнить о том, что попытка в той или иной форме восстановить реальную власть сената встретила не только полное неприятие, но и ожесточенное сопротивление со стороны армии и римской толпы. И было совершенно неясно, как в случае проведения в жизнь предполагаемой реформы поведут себя и воины, и римский плебс, и в какой степени это может быть рискованно для самого Валериана.

Возможно, что восстановление в новом виде древней цензуры рассматривалось Децием в качестве первого шага в серии реформ³²⁰. Но отказ Валериана стал в этом деле значительным препятствием. Еще важнее было все силы и все внимание сконцентрировать на борьбе с готами.

Несудача предыдущей кампании заставила Деция собрать значительные силы. Готы продолжали разорять Фракию. Чтобы их оттуда выбить, Деций снова вместе с сыном возглавил значительную армию. Другой армией командовал все тот же Г. Вибий Требониан Галл. Если готы действительно хотели с помощью Приска более или менее легально поселиться на римской территории, то его смерть лишила их этой возможности, и они стали отступать назад вместе с большой добычей и пленниками. Деций решил перерезать им путь. Он направил Требониану приказ идти на соединение с ним, а сам двинулся наперерез варварам. Жестокое двухдневное сражение произошло у Абритта к северо-востоку от Филиппополя³²¹. В первый день погиб Геренний Этрусск, а на следующий день, 15 августа 251 г., пал в бою и сам Деций (Eutrop. IX, 4; Aur. Vict. 29, 4–5; Epit. 29, 3; Lact. De mor.

³¹⁹ Alföldy A. Studien... S. 344.

³²⁰ Ковалева С. И. Указ. соч. С. 638. Может быть, попытку восстановления цензуры надо поставить в один ряд со столь же несудачной попыткой построить новую стену Рима. Деций пытался частично решить финансовую проблему путем выпуска более тяжелых и соответственно более полноценных сестерциев (но не антонинанов): Callu J.-P. La politique monétaire... P. 135. Однако можно ли это считать финансовой реформой, сказать трудно. Во всяком случае из-за своей дороговизны эти монеты довольно скоро вышли из употребления (Ibid.). Так что если считать выпуск более полноценных сестерциев реформой, то она потерпела неудачу.

³²¹ Точное местонахождение Абритта все еще спорно: Danoff Ch. Abritus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 18; Буданова В. П. Указ. соч. С. 89–90. Но то, что он находится где-то на пути между Филиппополем и Нижним Дунаем, несомненно.

pres. IV, 3³²²; Amm. Marc. XXXI, 5, 16; Zos. I, 23, 2–3; Iord. Get. 103; FHG III. Dex. Fr. 16; Sync. P. 705; Zon. XII, 20)³²³. Не совсем понятна роль в этих событиях Требониана Галла. По словам Зосима и Зонары. Галл вступил в сговор с варварами и заманил армию Деция в болота. Дав императору сигнал к сражению и обещая прийти на помощь, он, однако, помощь не оказал, а заманенный им Деций погиб в этих болотах. О коварстве (*fraude*), вследствие которого Деций погиб славной смертью (*mortem illustrem*), говорит и Аврелий Виктор³²⁴. Сейчас трудно сказать, действительно ли в битве с персами погиб Гордиан, как это гордо утверждает Шапур. Как уже говорилось, скорее всего Гордиан погиб в результате солдатского мятежа, инициированного Филиппом. И если это так, то Деций и его сын стали первыми римскими императорами, погибшими в бою, причем в бою не с соперниками за власть, а с внешними врагами³²⁵.

Армия тотчас провозгласила императором Требониана Галла (Sync. P. 705). Полагают, что это было бы невозможно, если бы он был действительно предателем³²⁶. Никаких доказательств за или против слухов о предательстве Требониана нет. Можно лишь говорить о том, что слухи действительно ходили. Их воспроизвел Дексипп, откуда, вероятно, и заимствовал Зосим, а вслед за ним Зонара.

Правление Деция было очень кратковременным — всего два года. Став императором, Деций стремился возродить былую мощь Рима возвращением к традициям. Не забывая об укреплении своей власти и увековечении по возможности своей династии, он в других отношениях пытался вернуть атмосферу «доброе старое время». В религиозном плане это было восстановление нарушенного «Божьего мира», возрождение почитания отеческих богов. В идеологическом — присоединение к традиции великих императоров, прославивших, по мнению Деция и его сторонников, Римскую империю, и, косвенно, включение себя в этот ряд. В административном плане — попытка создания некоего гражданского института (может быть, в виде старинной

³²² Лактанций ошибочно называет противников Деция карпами.

³²³ *Sotgiu G. Treboniano Gallo, Ostiliano, Volusiano, Emiliano* // ANRW. 1975. Bd. II. 2. P. 758.

³²⁴ Аврелий Виктор называет предателем некоего Брута, о котором больше ничего не известно. Трудно сказать, как появилось это имя. Скорее всего, до историка или его источника дошло в искаженном виде название места — Абритт; ср.: *Высокий М. Ф. Комментарии* // Римские историки IV века. М., 1997. С. 345.

³²⁵ *Syme R. Emperors...* P. 198. Одна из последних работ о войне с готами: *Kulikowski A. Rome's Gothic Wars*. Cambridge, 2007. P. 18.

³²⁶ *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 247.

цензуры), который бы существовал наряду с императорской властью и обеспечивал связь императора с сенатом и обществом. Эти попытки, однако, рухнули, и рухнули они не только из-за кратковременности правления или тем более какого-либо сопротивления, но и из-за полного несоответствия времени. Эти меры оказались столь же утопичными, как и попытка сената в 238 г. вернуть себе почти полную власть. Никакого возвращения к старому уже не могло быть.

ТРЕБОНИАН ГАЛЛ И ЕГО СОПРАВИТЕЛИ

После своего провозглашения императором войсками Требониан Галл направил соответствующее послание сенату, в котором сообщал о гибели Деция, причиной которой называл предательство. Видимо, тогда же он объявил цезарем своего сына Волузиана (Zos. I, 24, 1)³²⁷. Сенат, разумеется, тотчас признал его августом, а его сына цезарем, но одновременно сделал августом и находившегося в Риме второго сына Деция Гостилиана (Aug. Vict. 30, 1). Требониан не только согласился с этим, но и усыновил Гостилиана (Zos. I, 25, 1)³²⁸.

Если «Фракиец» и «Араб» были прозвищами, которые дали историки соответственно Максимину и Филиппу, то имя Галл входило в нomenclатуру нового императора: Г. Вибий Требониан Галл. Автор «Эпитомы» (31, 1) утверждает, что он, как и его сын Волузиан, родился на острове Менинге (Гирбе) у берегов Африки. Однако, судя по надписи (CIL XI 1927), Требониан происходил из италийской Перузии, где издавна занимал высокое положение род Вибиев³²⁹. Перузия была древним умбрийским, а затем этрусским городом, одним из важнейших центров Этрурии (Liv. IX, 37, 12). Разрушенная в 40 г. до н. э. во время Перузинской войны, она была затем восстановлена Августом, который вывел в этот город колонию

³²⁷ По Синкеллу (р. 705), после гибели Деция армия провозгласила императорами Галла и Волузиана. Правда, Волузиана он называет сыном Деция, явно путая его с Гостилианом.

³²⁸ Проблема титула и положения Гостилиана спорная. Одни исследователи полагают, что Гостилиан был сделан августом еще Децием; по мнению других, наоборот, Требониан дал Гостилиану сначала титул цезаря, а только потом — августа (*Paschoud F. Notes. P. 149*). Аврелий же Виктор недвусмысленно говорит, что сенаторы после известия о смерти Деция дали власть августу Галлу и Гостилиану (*Gallo Hostilianoque*). Поскольку хронология событий этого времени довольно путаная (*Southern P. Op. cit. P. 76*), то окончательное решение вопроса, по-видимому, пока невозможно, и есть смысл просто принять сведения Аврелия Виктора и Зосима.

³²⁹ *Altheim F. Niedergang... S. 318.*

Августу Перузию³³⁰. И среди первых жителей августовской колонии были, по-видимому, и предки Требониана Галла³³¹. Сам он явно принадлежал к сенаторскому сословию и при Филиппе занимал пост консула-суффекта³³². О точной должности, какую Требониан занимал в 251 г., ученые спорят. Высказано было даже мнение, что уже Деций незадолго до своей гибели сделал Требониана своим соправителем с титулом августа³³³. Это предположение, однако, принять довольно трудно. Но ясно, что в это время Требониан командовал отдельной армией, которая, объединившись с той армией, которую возглавлял сам Деций, должна была уничтожить варварское войско. Был ли Требониан действительно виновником гибели Деция и значительной части его армии, как об этом говорилось выше, сказать точно невозможно. Но сам новый император старался, по крайней мере официально, воздать всяческие почести погибшему Децию, который был обожествлен (Eitrop. IX, 4)³³⁴. Однако до всякого урегулирования положения в столице Требониану было необходимо уладить дело с готами.

Как и семь лет назад Филипп, так теперь Требониан, прежде чем направиться в Рим, повел переговоры с врагом. Но его положение было гораздо хуже, чем в свое время Филиппа. Тогда не только римские, но и персидские силы были в большой степени подорваны, и это заставило обоих противников пойти на компромисс. Теперь же после гибели обоих императоров и значительной части римского войска пространства для маневра у Требониана не было. И он был вынужден заключить мир на довольно тяжелых для римлян условиях. По словам Зосима (I, 24, 2), Требониан обязался платить готам ежегодную твердо установленную сумму денег и оставил им всю захваченную ими добычу и всех римских пленных, особенно знатных, захваченных варварами в Филиппополе. Иордан (Get. 106) говорит о договоре (foedus), а Зосим (I, 25, 1) — просто о мире (εἰρήνη). Учитывая терминологию эпохи Иордана и несколько более раннего времени, когда федераты активно использовались для защиты Римской империи,

³³⁰ Radke G. Perusia // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 665.

³³¹ Enßlin W. Vibius // RE. 1958. Hbd. 16A. Sp. 1985. Судя по этрускому когномену его отца (Ibid.), Требониан и его семья могли принадлежать к тем этрускам, которые остались в Перузии и после разрушения города и вывода туда римской колонии.

³³² Синкелл (р. 705) называет Галла бывшим консулом. Однако в консульских фастах его имя не встречается, так что он мог быть только консулом-суффектом: Hanslik R. Trebonianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 935.

³³³ Enßlin W. Vibius. Sp. 1987.

³³⁴ По словам Евтропия, к богам был причислен только сам Деций, но не погибший за день до гибели отца Геренний Этруск.

можно с осторожностью сказать, что упоминание договора свидетельствует о том, что готский король в какой-то форме согласился за ежегодную субсидию гарантировать или даже защищать от других варваров дунайскую границу³³⁵. Но даже если такое предположение верно, наличие в договоре соответствующей клаузулы не смягчало впечатление о позорности для римлян этого мирного договора. В отличие от Филиппа, который, заплатив деньги, вернул римских пленников, Требониан и деньги врагам заплатил, и пленников оставил в их руках. И то недоброжелательство, с каким Зосим сообщает об этом договоре, является, видимо, отголоском недовольства, царившего в Империи.

Заклучив этот мир, Требониан прибыл в Рим. Поскольку слухи о причастности нового императора к гибели своего предшественника и его старшего сына, по-видимому, уже распространились³³⁶, Требониан стал демонстративно подчеркивать свое уважение к памяти Деция. Как уже говорилось, сам Деций был обожествлен, а оставшийся в живых сын усыновлен и возвышен (может быть, не сразу) до положения августа³³⁷. В этих условиях Требониан не мог не демонстрировать и свое доверие сотрудникам Деция, в том числе Валериану, которому было поручено командование войсками на Рейне и в Реции³³⁸. Это означало, что Валериан становился ответственным за потенциально очень опасный участок границы. Хотя зарейнские германцы пока оставались относительно спокойными³³⁹, вся история отношений с ними показывала, что они в любой момент могут попытаться вторгнуться на римскую территорию. Поручая Валериану охрану этого сектора границы, Требониан стремился обезопасить свой тыл в случае осложнений на Дунае и на Востоке.

Евтропий (IX, 5) и Синкелл (р. 706) пишут, что Галл и Волузиан не совершили за время своего правления ничего достойного. Иордан (Get. 106), напротив, высоко оценивает правление Требониана и его сына: по его словам, в это время повсюду был мир, а сами они правили милостиво (*ubique pacati, ubique regnaverunt gratiosi*). Однако реальность была совершенно иной. В Империи не было ни мира,

³³⁵ Ср.: *Southern P.* Op. cit. P. 308, n. 96.

³³⁶ Слухи о виновности Требониана ходили не только в Риме, но, например, и в Сирии, где автор XIII Сивиллиного оракула почти прямо называет императора убийцей (*Potter D. Prophets...* P. 109–110). Можно говорить, что и в других провинциях ходили те же слухи.

³³⁷ *Sotgiu G. Treboniano Gallo...* P. 799.

³³⁸ *Wickert. Licinius* // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 489.

³³⁹ Это спокойствие могло быть следствием той *Victoria Germanica*, которая упоминается на монетах Деция.

ни благоденствия. Положение становилось все напряженнее. Смерть в бою Деция и его сына была, конечно, как пишет Аврелий Виктор, славной, но впервые римский император пал от рук врагов. Возможно, как об этом говорилось в свое время, в бою погиб и Гордиан III, но даже если это так (что весьма спорно), то римское сознание этот факт принять не хотело, и недаром ни один античный автор о поражении и гибели Гордиана не говорит. И не только поражение, но и гибель императоров и последовавший за этим позорный с римской точки зрения мир стали свидетельством радикального изменения соотношения сил между Империей и варварским миром. И это могли почувствовать некоторые более проницательные современники.

Киприан (Ad Demetr. 17) увидел в поражении и гибели Деция не только Божье мщение виновнику гонения, но и ясное свидетельство наступления «последних времен» (*documentum recentis rei*). Другим свидетельством этого, по его мнению, являлись сами войны, которые становились все более частыми (Ad Demetr. 2; 5). Конечно, такая оценка событий в огромной степени была определена христианством автора. Но этот глубочайший скептицизм взгляда на будущее мира после поражения под Абриттом мог отражать и настроения более широкого круга римского общества.

Демонстрация Требонианом продолжения политики предшественника, которая должна была успокоить римское общественное мнение, вызвала явную тревогу у христиан. Киприан, который называл Деция диким и жестоким тираном, его гонение рассматривал не только как проявление присущей языческому миру несправедливости, но и как наказание за грехи самих христиан³⁴⁰. Однако, как говорит сам Киприан (De lapsis I), уже вторжение готов вынудило Деция фактически прекратить исполнение своего эдикта³⁴¹. Уже вскоре после Пасхи, которая в 251 г. приходилась на 23 марта, Киприан смог вернуться в Карфаген, а в конце марта или в апреле того же года в этом городе собрался собор африканских епископов³⁴². Кое-где местные власти еще могли по инерции продолжать требовать от христиан принести жертвы и вкусить жертвенное мясо, но при известии о гибели Деция и эти локальные преследования, по-видимому, сошли на нет³⁴³. Ка-

³⁴⁰ Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 485.

³⁴¹ Как отмечает Г. Альфельди, это сочинение было написано еще до поражения римлян при Абритте и поэтому ясно говорит о прекращении гонения еще при жизни Деция: Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 497–498.

³⁴² Duquenne L. Op. cit. P. 29–32.

³⁴³ Свенцицкая И. С. От общины... С. 209; Она же. Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 283–285.

залось, христиане могли возрадоваться установившемуся спокойствию, но именно при Требониане Киприан пришел к выводу, что неминуемо близится конец света, хотя в это время собственно гонения уже не было³⁴⁴. Но христиане явно его ожидали. В 57-м письме (2, 1) Киприан пишет о неминуемом новом гонении, к которому надо готовиться и для битвы (*certamen*) с которым надо объединить все силы. В 58-м письме (1, 2) он говорит, что это преследование будет еще более жестоким и поразит фактически всех, а само неминуемое гонение явится лишь одним из знаков предстоящей гибели мира и прихода антихриста.

Но если гонение еще только неминуемо, то другие знаки приближения всеобщей гибели видны уже, по Киприану, в настоящее время. Правление Требониана, который так и не предпринял нового гонения, которого так страшились Киприан и его единомыслители³⁴⁵, было полно различных природных катаклизмов. Катастрофической стала страшная эпидемия, начавшаяся в Эфиопии и оттуда распространившаяся по Римской империи (FHG IV. Ioan. Ant. fr. 151). Заражение могло быть связано с военными действиями на египетско-эфиопской границе. Еще, вероятно, при Деции блеммы и нубийцы из ближайших оазисов вторглись в Египет, и ему явно пришлось предпринять против них какие-то военные акции³⁴⁶. Соприкосновение римских воинов с африканцами и привело, видимо, к распространению эпидемии в Империи. Судя по симптомам, это была бубонная чума³⁴⁷. Иордан (Get. 104, 106) говорит о всеобщем море (*generalis morbus*), поразившем весь мир (*totius orbis*). О чуме и болезнях еще раньше писали Евтропий (IX, 5), Орозий (VII, 21, 5)³⁴⁸ и другие авторы. Иордан ссылается на Дионисия и Киприана. Именно в это время Дионисий был александрийским епископом³⁴⁹, так что и он, и Киприан являлись современниками этой эпидемии. По-видимому, тому факту, что Дионисий находился в Египте, и обязан Иордан, говоривший, что более

³⁴⁴ Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 486–488.

³⁴⁵ Федосик В. А. Указ. соч. С. 168. Возможно, Требониан действительно намеревался возобновить гонение и даже успел изгнать римского епископа, но этому помешали мятеж Эмилиана и последующая смерть императора: Altheim F. Niedergang... S. 318; Alföldy A. Studien... S. 298–299.

³⁴⁶ Desanges J. Recherches sur l'activité des Méditerranéens aux confins de l'Afrique. Paris, 1978. P. 341.

³⁴⁷ Федосик В. А. Указ. соч. С. 167.

³⁴⁸ В другом месте (VII, 22, 2) Орозий говорит, что чума началась еще при Деции, когда тот открыл гонение на христиан. Возможно, что эпидемия действительно началась еще в 250 г., но Рим она поразила явно уже в правление Требониана.

³⁴⁹ Hiltbrunner O. Dionysios // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 66.

всего мор опустошил Александрию и другие города Египта. Возможно, эпидемия была столь опустошительна, что в Александрии более полутора лет не выпускались монеты³⁵⁰. Зосим (I, 26, 2) говорит, что чума опустошала города и деревни в таком масштабе, какого никогда не было в прошлом, и из этих слов видно, что одним Египтом несчастье не ограничилось. Добралась чума и до самого Рима. Страшная эпидемия, как это часто бывает, заставила искать виновников несчастья. В Риме явно распространились слухи о причастности к ней самого императора. Иордан, в целом очень благосклонно относившийся к Требониану и его сыну, пишет о клеветниках (*calamniatoribus*), которые ставили болезнь в вину императорам. Жертвой чумы в том же 251 г. пал Гостилиан (*Aug. Vict.* 30, 2; *Epit.* 30, 2). Он, как свидетельствуют консекрационные монеты, был обожествлен³⁵¹, но это Требониану не помогло. Смерть Гостилиана усилила неблагоприятные для императора слухи, обвинявшие его теперь и в тайном убийстве сына Деция (*Zos.* I, 25, 2). Требониан и Волузиан пытались восстановить свой авторитет, взяв на себя похороны самых обездоленных (*tenuissimi*) граждан (*Aug. Vict.* 30, 2)³⁵². Однако то, что слухи о виновности Требониана дошли до Зосима, говорит о том, что этот ход принцепсов желаемого результата не дал.

Может быть, другим средством остановить распространение неблагоприятных слухов стала попытка снова использовать в качестве «козлов отпущения» христиан. Недаром приблизительно в это время Киприан пишет свой трактат «К Деметриану», обращенный к язычникам, в котором он решительно опровергает их заявления об ответственности христиан за все беды Империи³⁵³. До нового гонения, как уже говорилось, дело явно не дошло. Орозий, тщательно перечислявший императоров-гонителей, седьмым таким гонителем называет Деция (VII, 21, 2), а восьмым — уже Валериана (VII, 22, 3). В то же время Дионисий, слова которого приводит Евсевий (VII, 1), пишет, что Требониан Галл изгнал святых мужей, и речь идет о римских

³⁵⁰ Lorient X. L'atelier d'Alexandrie sous Trébonien Galle // *Revue numismatique*. 1997. Vol. 152. P. 55–57.

³⁵¹ Enßlin W. *Vibius*. Sp. 1988.

³⁵² Аврелий Виктор использует выражение *favor quietus*. Глагол *quiescere* может означать и приобретение благосклонности, и напрасное старание приобрести ее. Для более точного понимания всей фразы автора важно идущее дальше придаточное предложение, вводимое союзом *quod*, в котором говорится о тщательности и заботливости, проявляемых императорами при похоронах. Поэтому скорее всего, что, по мнению Аврелия Виктора, Требониан и Волузиан действительно приобрели благосклонность римлян, как это и понимается в русском переводе, хотя некоторые сомнения все же остаются.

³⁵³ Alföldy G. *Der Heilige Cyprian...* S. 487–488; Duquette L. *Op. cit.* P. 156–157.

епископах Корнелии и Люции. По-видимому, Требониан ограничился «точечными ударами» в самом Риме, стремясь успокоить в первую очередь столичное население. Может быть, косвенным доводом в пользу такого предположения является замечание Зосима (I, 27, 1), что тогдашние государи пренебрегали всем, что происходит вне Рима. Правда, автор связывает такое поведение императоров с нападением варваров на Балканский полуостров. Но это пренебрежение могло относиться и к другим делам. Антихристианскую инициативу могли проявлять и местные власти, как это, видимо, произошло в Африке, где местных епископов пытались отправить на арену в когти львов (Сург. Ер. 59, 6, 1)³⁵⁴.

В этих условиях для Требониана очень важны были меры по реальному укреплению власти. Осенью 251 г. он возвел своего сына Волузиана в ранг августа. При этом он разделил с ним все официальные императорские полномочия и титулы, включая пост верховного понтифика (ILS 524–526), в то время как Гостилиан, хотя тоже имел титул августа, верховным понтификом все же не был³⁵⁵. Неясно, было ли это сделано еще при жизни Гостилиана, так что некоторое время во главе государства формально стояли три августа³⁵⁶, или уже после его смерти³⁵⁷. Как бы то ни было, смысл этой акции совершенно ясен: в сложившихся обстоятельствах Требониан хотел гарантировать безболезненный переход власти к своему сыну. Волузиану в это время было несколько более 20 лет³⁵⁸, и он явно был старше Гостилиана, так что после смерти отца именно он становился «старшим августом», даже если Гостилиан официально оставался бы его коллегой. Поэтому вполне можно полагать, что смерть Гостилиана в тот момент не была выгодной ни Требониану Галлу, ни его сыну.

Таким образом, во главе государства снова официально оказываются два августа. Сын, разумеется, во всем подчинялся отцу, так что говорить о каком-либо разделении реальной власти не приходится, но наличие двух формально равноправных правителей всячески подчеркивалось. Излюбленными монетными легендами становятся «согласие августов» (*concordia Augg.*), «благополучие августов» (*felicitas Augg.*), «мир августов» (*paх Augg.*)³⁵⁹. Вновь почитаются не только конкретные императоры, но и весь *domus divinus* (ILS 526). Поскольку

³⁵⁴ Enßlin W. Vibius. Sp. 1990.

³⁵⁵ Wittig. Messius. Sp. 1274.

³⁵⁶ Enßlin W. Vibius. Sp. 1988.

³⁵⁷ Drinkwater J. Op. cit. P. 40.

³⁵⁸ Hamslik R. Vibius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1250.

³⁵⁹ Enßlin W. Vibius. Sp. 1990.

живые родственники императоров неизвестны, надо думать, что в понятие «божественного дома» входили и умершие родственники, включая жену Требониана Афинию Гемину Бебиану³⁶⁰. На монетах после долгого перерыва (после Адриана) снова появляется изображение феникса, символизирующего новую династию и новый век, с нее начинающийся. Сопровождается это изображение легендой AETER-NITAS AUGG³⁶¹.

Чума была не единственной заботой Требониана. Сложное положение сложилось на Балканах, где, судя по редким монетам, власть пытались захватить некие Сильбаник и Спонсиан³⁶². Эта попытка явно оказалась неудачной, но, может быть, этим воспользовались готы. Договор, ранее заключенный Требонианом, хотя и считался римским общественным мнением позорным, на какое-то время обезопасил дунайскую границу и обеспечил некоторую паузу в военных действиях³⁶³. Теперь пауза закончилась. Готы снова перешли Дунай и стали грабить не только Мезию, но и другие приграничные провинции (Zos. I, 26, 1; Iord. Get. 105). Зосим и Иордан по-разному относятся к Требониану: Зосим его постоянно осуждает, а Иордан, наоборот, восхваляет. Но в данном случае они оба оценивают отношение императора к балканским делам одинаково. Зосим говорит, что «скифы» вторглись в римские провинции из-за того, что Галл управлял государством «несоответственно» (ἐκρελῶς), а Иордан пишет о небрежении (neglegentiam) принцепсов. Правда, эту атаку готов, как кажется, удалось отбить.

Внимание императора должно было привлечь и положение на южной границе Египта. Известно, что в 253 г. мероитский царь направил посольство в Рим для заключения мира. Результаты этого посольства неизвестны, но, судя по тому, что военные действия в этом районе отмечались и в 260 г., мир на этой границе так и не наступил³⁶⁴.

В это время резко обострилась ситуация на Востоке. Шапур в своей победной надписи говорит о некоей несправедливости, какую совершил цезарь по отношению к Армении и которая вынудила персидского царя вторгнуться в римские владения (RGDS 10). Он не уточ-

³⁶⁰ Посвятельная надпись в ее честь явно относится ко времени, когда Требониан еще императором не был (ILS 527). Надписи же с упоминанием Афинии со всеми императорскими титулами не встречаются.

³⁶¹ Christol M. L'image du phénix sur les revers monétaires au milieu du IIIe siècle // *Revue numismatique*. 1976. Vol. 6, 18. P. 84–87.

³⁶² Potter D. S. The Roman Empire... P. 250.

³⁶³ Altheim F. Niedergang... S. 88.

³⁶⁴ Desanges J. Op. cit. P. 341–342.

пняст, в чем заключалась эта *ᾄδικία*. Возможно, это связано с тем, что в результате персидских интриг армянский царь Хосрой был убит и персы аннексировали Армению. Наследник Хосроя Трдат бежал к римлянам. В свое время армяне сумели отбить нападение Арташира. Но после мирного договора с Филиппом в 244 г. Армения входила в сферу влияния Персии, и прием армянского царевича римлянами мог быть использован римским правительством для изменения сложившегося положения. Чтобы предупредить такое развитие событий, Шапур предпринял превентивное нападение на Римскую империю³⁶⁵.

Некоторые исследователи связывают с этим вторжением Шапура выступление антиохийца Мариада (Кириада), который выступил еще против Деция, но, потерпев поражение, бежал к персам; персы воспользовались этим и вместе с предателем неожиданно появились под Антиохией, взяли и разрушили город, после чего ушли с большой добычей, а сам предатель провозгласил себя августом, но в конце концов был жестоко казнен³⁶⁶. Об этом эпизоде пишут «Требеллий Поллион» (SHA Ter. trig. 2), Аммиан Марцеллин (XXIII, 5, 3), Зонара (XII, 23). Зосим (I, 27, 2) тоже говорит о захвате Антиохии персами и о большой добыче, с которой они ушли из города, но не упоминает предателя. Важным доводом в пользу датировки мятежа и предательства Мариада правлением Требониана является прекращение в это время работы антиохийского монетного двора. Однако надо заметить, что Зосим все же никак не связывает захват Антиохии персами с мятежом и предательством Мариада. А Аммиан Марцеллин недвусмысленно относит эпизод с Мариадом к правлению Галлиена. Совершенно молчит о роли предателя Шапур, хотя, казалось бы, обращение к нему за помощью римлянина могло бы стать лучшим предложением для войны, чем неназванная несправедливость цезаря по отношению к Армении. Поэтому, думается, надо согласиться с теми учеными, которые относят мятеж Мариада к более позднему времени³⁶⁷.

Шапур со своей армией обрушился на римские войска в Месопотамии. Около Барбалисса в сражении персы разгромили шестидесятитысячную римскую армию (RGDS 11). После этого персы вторглись в Сирию. Шапур перечисляет римские укрепления и города (*καστέλλους καὶ πόλεις*), захваченные им после разгрома римлян у Барбалисса (RGDS 12–19). Этот список включает все легионные лагеря в Сирии,

³⁶⁵ Freye R. The Sassanids // CAH. 2005. Vol. XII. P. 468–469; Lightfoot C. S. Armenia and the eastern marches // Ibid. P. 492–493; Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа. М., 2008. С. 8–84.

³⁶⁶ Paschoud F. Notes. P. 151–152; Potter D. S. The Roman Empire... P. 248.

³⁶⁷ Hanslik R. Mariades // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Sp. 1024; Paschoud F. Notes. P. 151.

что означает практически полное исчезновение римских регулярных войск в этом регионе³⁶⁸. Среди городов, захваченных персами, была и Антиохия. Город был захвачен без всякого сопротивления и основательно разрушен, после чего персы с обильной добычей ушли обратно (Zos. I, 27, 2). По Зосиму, большая добыча удовлетворила персов, и они покинули римскую территорию.

Шапур умалчивает о кампании следующего года. Персы, несомненно, в 253 г. повторили свое вторжение в Сирию, но на этот раз безуспешно. После разгрома в предыдущем году римских войск в Сирии практически уже не было, и страна лежала беззащитной перед персидской армией. Но теперь дело защиты от персов взяли в свои руки сами жители. Сопротивление возглавил верховный жрец местного Баала в Эмесе Сампсигерам, носивший еще и римское имя Юлий Аврелий Сульпиций Север Ураний Антонин³⁶⁹. Под его командованием городская милиция Эмесы сделала то, что не смогла сделать регулярная римская армия, — нанесла персам столь тяжелое поражение, что те были вынуждены отступить на свою территорию (Malala XII, 296–297). Известие об этой победе, может быть, подтверждает надпись, упоминающая героя, прозванного Кроном (IGLS 1799)³⁷⁰. После этого Ураний Антонин был провозглашен императором и стал чеканить свои монеты — как серебряные, так и золотые. Эти монеты имеют обычный римский вид, и сам новоявленный император изображен тоже в чисто римском виде — в военном плаще и с лавровым венком. Ничего специфически сирийского в изображениях на монетах не проявляется³⁷¹. Более того, Ураний Антонин своей серебряной монетой избрал не антониан, а денарий (драхму). В остальной части Римской империи эта монета уже перестала выпускаться, и такой поступок узурпатора был, конечно же, символическим³⁷². Он ясно показывал, что его целью является не отделение от Римской империи, а ее восстановление в том виде, какой она имела в более счастливые, как казалось, времена Северов.

³⁶⁸ Potter D. S. The Roman Empire... P. 249.

³⁶⁹ Наличие среди его имен имени Аврелий может говорить о том, что семья Урания Антонина получила римское гражданство в результате эдикта Каракаллы. Что касается имени Ураний, то оно могло быть связано с тем богом, жрецом которого был будущий узурпатор. Ураном на Ближнем Востоке называли одного из баалов, властвовавших над небом (Lipinski E. Dieux et déesses de l'univers phénicien et punique. Leuven, 1995. P. 85–87).

³⁷⁰ Potter D. S. The Roman Empire... P. 250.

³⁷¹ Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977. С. 284–285; Ziolkowski A. Op. cit. P. 383.

³⁷² Callu J.-P. La politique monétaire... P. 164.

Выступление Урания Антонина надо рассматривать не как сепаратистское сирийское движение, а как еще одну узурпацию, каких в это время было уже довольно много. Границы территории, признавшей Урания Антонина, как и время его правления и его дальнейшая судьба, неизвестны. Его монеты датируются 565 г. селевкидской эры, т. е. временем от октября 253, до октября 254 г.³⁷³ Пока же в результате его действий персы были выбиты с римской территории, но из-под контроля императорской власти ускользнула какая-то часть Империи.

Эти события не могли не привлечь внимания императора. Требониан явно готовился к войне с персами. Монетный двор в Антиохии был перенацелен с выпуска местных тетрадрахм на антонианы и ауреи, которые были предназначены в первую очередь для выплат армии. На монетах Требониана появляются легенды, напоминающие о Марсе и доблести (*virtus*) августа³⁷⁴. Однако эта финансовая и идеологическая подготовка оказалась бессмысленной из-за событий на Балканах.

Нижний Дунай по-прежнему был чрезвычайно уязвимым участком границы. Римская империя в это время уже была не в состоянии воевать на нескольких фронтах сразу, и Требониан, считая защиту Сирии и Месопотамии более важным делом, попытался решить готский вопрос дипломатическими средствами³⁷⁵. Может быть, именно для облегчения выплаты готам оговоренных денег осенью 251 г. был восстановлен закрытый было монетный двор в Виминации³⁷⁶. Но если Требониан надеялся, откупившись от готов, гарантировать неприкосновенность дунайских границ, то ошибся. Уже в 252 г., на следующий год после заключения договора, готы, как мы видели, снова перешли Дунай, но были отбиты. Это не помешало им в 253 г. повторить свое вторжение. Зосим (I, 28, 1) пишет, что «скифы» заняли значительную часть Европы и перешли в Малую Азию, опустошив значительную

³⁷³ *Southern P.* Op. cit. P. 309. Существует мнение, что Ураний Антонин выступил еще при Деции, а может быть, даже при Филиппе, и эти императоры ничего не могли с ним сделать: *Hanslik R.* *Uranus Antoninus* // RE. 1962. SpBd. IX. Sp. 1867–1868; *Шифман И. Ш.* Указ. соч. С. 284. Однако датировка монет не позволяет делать такой вывод. Да и общая обстановка в Империи, как и примеры более поздних узурпаций, говорит скорее в пользу того, что Ураний Антонин был провозглашен императором после победы над персами, а этой победы не могло быть ранее 253 г. Селевкидская эра была очень распространена на Ближнем Востоке, и ее использовали даже арабские астрономы: *Бикерман Э.* *Хронология Древнего мира.* М., 1975. С. 66. Поэтому в использовании этой эры нельзя видеть признаки сепаратизма.

³⁷⁴ *Christol M.* A propos de la politique extérieure de Trébonien Galle // *Revue numismatique.* 1980. Vol. 6, 22. P. 68–73.

³⁷⁵ *Ibid.* P. 68, 73–74.

³⁷⁶ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 202.

часть полуострова вплоть до Каппадокии. Рассказ о столь значительном размахе готского вторжения вызывает некоторые сомнения, и существует мнение, что автор смешал события 253 г. с более поздними, когда готы действительно опустошали не только Балканы, но и Малую Азию. Но есть и ученые, которые принимают версию о масштабном готском вторжении именно в это время³⁷⁷. Иордан (Get. 105) говорит только о разграблении готами Мезии, а разорение не только Европы, но и Азии он относит ко времени Галлиена (Get. 107). По Иордану, именно при Галлиене готы сожгли храм Артемиды Эфесской, в то время как Зосим среди городов, пострадавших от готов при Требониане, называет и Эфес. Окончательно решить вопрос трудно. В настоящее время можно только констатировать, что готы, как пишет и Зосим, и Иордан, действовали, почти не встречая сопротивления римской армии. Только наместник Мезии М. Эмилиус Эмилиан сумел все-таки дать отпор варварам. Разбив их, он со своей армией даже перешел на вражескую территорию и разрушил их поселения. Однако на пользу императору это не пошло, ибо сразу после победы солдаты, недовольные соглашательской политикой Требониана по отношению к готам³⁷⁸, провозгласили императором Эмилиана (Eutrop. IX, 5; Aur. Vict. 31, 1; Epit. 31, 1; Zos. I, 28, 1–2; Iord. Get. 105).

Положение Требониана и его сына оказалось очень трудным. Чума, свирепствовавшая в Империи, в том числе в самом Риме, заставляла императоров принимать меры, которые хоть как-то смягчили бы последствия этой страшной эпидемии. Похороны обездоленных граждан за счет принцепсов, о которых говорилось выше, были, может быть, только частью мероприятий Требониана и Волузиана. Во всяком случае то небрежение, с каким Требониан относился к событиям на Балканах (Iord. Get. 105), скорее всего объясняется занятостью не только восточными, но и римскими делами. В сложившейся ситуации это, вероятно, было неизбежно. Однако сосредоточенность на столице вызывала недовольство армии, особенно, как было сказано выше, дунайской, которой приходилось бороться с готами без активной поддержки правительства. Поэтому-то солдаты и провозгласили императором своего командующего Эмилиана³⁷⁹. Эмилиан тотчас двинулся в поход, надеясь захватить Италию и Рим, пока Требониан еще не подготовился к обороне. Но Требониан собрал те силы, которые

³⁷⁷ Demougeot E. Op. cit. P. 416–417; Paschoud F. Notes. P. 152.

³⁷⁸ Christol M. A propos... P. 74.

³⁷⁹ Определенную роль в этом событии сыграл подкуп солдат Эмилианом: Aur. Vict. 31, 1.

были у него, и выступил против узурпатора. Одновременно он приказал Валериану, командовавшему войсками в Кельтике и Германии, т. е. скорее всего на Рейне и в альпийском регионе³⁸⁰, выступить ему в поддержку (Zos. I, 28, 2–3). Сенат объявил Эмилиана врагом (Aug. Vict. 31, 3).

Сбор войск, вероятно, потребовал некоторого времени, и армия Эмилиана оказалась в Италии раньше, чем Требониан смог ей воспрепятствовать. Две армии встретились уже в Умбрии. Однако до сражения дело не дошло. Около Интерамны воины Требониана убили и его, и его сына и признали императором Эмилиана (Aug. Vict. 31, 2; Epit. 31, 1; Eutrop. IX, 5; Zos. I, 28, 3). По словам Аврелия Виктора, солдаты это сделали в расчете получить больше наград от Эмилиана³⁸¹, а Зосим говорит, что солдаты Требониана увидели превосходство сил противника и предпочли перейти на его сторону. Это произошло летом (вероятно, в августе) 253 г.³⁸² После этого сенат, который еще недавно объявил Эмилиана врагом, признал его законным императором (Aug. Vict. 31, 3), и за ним последовали провинции. Египетские папирусы уже начали датироваться по его правлению³⁸³. С его именем стали ставиться миллиарии (ILS 528). В Риме и Виминации начали выпускать монеты с именем нового императора³⁸⁴. Распространение монет и надписей показывает, что Эмилиана признали как восточные, так и западные провинции³⁸⁵.

ЭМИЛИАН

Евтропий (IX, 6) пишет, что Эмилиан был незнатного происхождения, а автор «Эпитомы» (31, 3) прибавляет, что он был мавром. Родился он, возможно, на острове Менинге, если справедливо предположение, что этот автор, говоря о рождении на этом острове

³⁸⁰ Видимо, Валериан в это время командовал объединенными армиями нескольких провинций: *Fitz J. Vereinigung...* S. 114. Если это так, то ясно, что суперкомандования создавались не только на Востоке и на Балканах, но и на Западе. Обстановка на Рейне и в альпийском регионе в это время была, очень вероятно, такой же опасной, как и в районах Дуная и Евфрата во времена Филиппа.

³⁸¹ Слухи о подкупе солдат Эмилианом, видимо, дошли и до воинов Требониана, причем, как это обычно бывает, эти слухи могли быть весьма преувеличенными.

³⁸² *Sotgiu G. Treboniano...* P. 798; *Paschoud F. Notes.* P. 152.

³⁸³ *Rathbone D. W. Dates...* P. 116–117; *Armstrong D. Tribunician dates of the Joint and Separate Reigns of Valerianus and Gallienus // ZPE.* 1987. Bd. 67. P. 217.

³⁸⁴ *Callu J.-P. La politique monétaire...* P. 204.

³⁸⁵ *Sotgiu G. Treboniano...* P. 802.

Требониана и его сына, спутал их с Эмилианом³⁸⁶. Иордан (Get. 105), говоря об Эмилиане, называет его *quidam* — какой-то, некий. Это также говорит о незнании нового императора. Его биография до действий в качестве наместника Мезии (одной из двух или одновременно обеих, мы не знаем) неизвестна. Тот же автор «Эпитомы» (31, 3) говорит, что он был «воинственным» (*rugax*). Может быть, вся его карьера прошла в армии, и не было бы ничего удивительного, если бы в основных чертах она была подобна карьере Максимиана. Да и для провинциала незнатного происхождения армия в то время являлась, пожалуй, единственным путем продвижения в верхи общества. Возможно, в фигуре Эмилиана мы видим второго императора, вышедшего из рядовых солдат. На каком-то витке своего жизненного пути Эмилиан явно вошел в сенат, ибо иначе едва ли он мог занять пост легата.

Может быть, еще до убийства Требониана и Волузиана Эмилиан направил сенату довольно странное послание. Он заявлял, что оставляет власть сенату, а сам в качестве его воина освободит Фракию от варваров и будет сражаться с персами (Zon. XII, 22; FHG IV. Anon. fr. 2). Причины такого намерения неизвестны. Возможно, Эмилиан собирался сосредоточиться исключительно на защите тех территорий, которые сразу же признали его императором³⁸⁷. Может быть, он таким образом пытался получить поддержку сената. Но не исключен и другой вариант. К сожалению, мы не знаем латинского текста этого послания. Греческие же авторы употребляют слово βασιλεία, как обычно в их время обозначалась императорская власть. Это заставляет вспомнить неудавшуюся попытку Деция сделать из Валериана «гражданского императора». Не попытался ли Эмилиан вернуться к реформам и в соответствии с замыслом Деция разделить в конечном итоге военную и гражданскую власть? Об этом может свидетельствовать изменение монетных легенд. Почти копируя монеты Требониана с изображением феникса, Эмилиан утверждает вечность не августов (или августа), а Рима: AETERNITAS ROMAE³⁸⁸. Как реагировал на послание Эмилиана сенат, неизвестно. Аврелий Виктор в целом относится к новому императору благосклонно и говорит (31, 3), что он пользовался властью умеренно (*modesto*). Это может быть отзвуком благоприятного сенатского отношения к Эмилиану.

³⁸⁶ Enßlin W. Vibius. Sp. 1985.

³⁸⁷ Southern P. Op. cit. P. 77.

³⁸⁸ Christol M. L'image... P. 87, 94–95.

Однако утвердиться у власти Эмилиану не удалось. Валериан, которому Требониан приказал с его войсками идти к нему на помощь против Эмилиана, не прекратил свой поход и после получения известия о гибели Требониана и его сына. Более того, войска, собранные под его командованием в Реции, провозгласили его императором (Aug. Vict. 32, 1; Eutrop. IX, 7). После этого армия Валериана двинулась в Италию. Эмилиан был убит собственными солдатами между Сполетием и Римом (Erit. 31, 2; Zos. I, 29, 1; Sync. P. 715; Zon. XII, 22) 23 октября того же 253 г.³⁸⁹, и Валериан был, в свою очередь, признан сенатом. В сложившейся ситуации сам Валериан вполне мог чувствовать и представлять себя не только законным императором (в противоположность узурпатору Эмилиану), но и мстителем за Требониана³⁹⁰. Во всяком случае погибший вместе с отцом сын Требониана Волузиан, тоже бывший августом, был обожествлен³⁹¹.

За 18 лет, прошедших после свержения и убийства Александра Севера, на римском троне сменилось 13 императоров, носивших титулы августов. Дольше всех сохранял власть Гордиан III (почти шесть лет), который сам реально не правил, и пять лет власть оставалась в руках Филиппа. Последний же из этих императоров проправил всего три месяца. Такая чехарда на троне явилась самым ярким показателем глубокого политического кризиса. И уже не столько военные перевороты, сколько открытые гражданские войны решали судьбу власти и властвующих. Армия снова становится решающей силой. Но если в предыдущих гражданских войнах, как, например, в войне 193–197 гг., она являлась лишь орудием в руках полководца, то теперь она часто выступает самостоятельно. И Филипп, и Эмилиан возбудили воинов выступить против законных на тот момент императоров. Деция, как в начале этого периода Максимиана, провозгласили императором сами воины (хотя, конечно, не исключено, что он сам создал условия для этого). Если верить Аврелию Виктору, то и Валериан был облечен порфирой воинами его армии. С другой стороны, и Максимиан, и Требониан с сыном, и Эмилиан были убиты собственными солдатами. Уже ни о какой дисциплине, которой славилась римская армия, не могло быть и речи.

³⁸⁹ *Sotgiu G. Treboniano...* P. 798.

³⁹⁰ Ср.: *Wittig. Messius. Sp. 1993.*

³⁹¹ *Wittig. Messius. Sp. 1997.*

Глава IV

ПРАВЛЕНИЕ ВАЛЕРИАНА И ГАЛЛИЕНА

СОВМЕСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ВАЛЕРИАНА И ГАЛЛИЕНА

Сенат не только, как это было обычно, признал Валериана, но и объявил цезарем его сына Галлиена (Aug. Vict. 32, 1–3; Eutrop. IX, 7; Oros. VII, 22, 1). То, что Галлиен сначала был лишь цезарем, сейчас совершенно доказано, что подтверждает историчность сообщений Аврелия Виктора и Евтропия¹. И это заставляет внимательнее посмотреть на него. Историк говорит, что Валериану власть передают воины (*milites... Licinio Valeriano imperium deferunt*), а Галлиена сенат делает цезарем (*Gallienum senatus Caesarem creat*). Глагол *creo* всегда подразумевает чье-либо активное действие. Так, в «Эпитоме» упоминается, что Магненций сделал (*creavit*) цезарем своего родственника Децентия. Таким образом, судя по сообщению Аврелия Виктора, первоначальным источником власти Валериана была армия, а его сына — сенат. Это на первый взгляд противоречит сообщениям «Эпитомы» (32, 3) и Зосима (I, 30, 1). В первой говорится, что Валериан Галлиена сделал (*fecit*) августом, а второй сообщает, что Валериан избрал (*αἰρεῖται*) своего сына Галлиена соправителем (*τῆς ἀρχῆς κοινὸν*). В действительности же речь, по-видимому, идет о нескольких разных эпизодах. Можно думать, что Валериан был провозглашен императором еще до гибели Эмилиана, хотя тогда сенат едва ли признал его. Недаром срок своих трибунских полномочий Валериан

¹ Christol M. Les règnes de Valérien et Gallien (254–268) // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 808; Göhl R. Die Münzprägung der Kaiser Valerianus I / Gallienus... Wien, 2000. S. 56. Правда, одна надпись в честь цезаря Галлиена завершается упоминанием титула августа. Однако, как и в случае с надписью в честь Гостиана, где в конце упоминается Σεβαστός, речь идет лишь о почетном, а не правовом именовании (ср.: Enßlin W. Vibius. Sp. 1987).

и Галлиен отсчитывали со времени смерти Требониана². Но после того как армия Эмилиана перешла на сторону нового претендента, а сам император погиб, руки у сената были развязаны. Зосим (I, 29, 2) подчеркивает, что Валериан пришел к власти со всеобщего согласия (κοινῇ γνώμῃ). А это означает, что Валериана признали не только воины обеих армий, но и сенат. И сделал он это явно с удовольствием.

В отличие от ряда предыдущих императоров, сделавших свою карьеру исключительно в армии, Валериан и Галлиен вышли из сенаторской знати. Род Лициниев, к которому они принадлежали, был довольно древним, а сам Валериан породнился с еще более влиятельным в то время родом Эгнациев³. Возможно, Валериан, подчеркивая свой пиетет перед сенатом, сам хотел, чтобы этот орган, а не армия выдвинул Галлиена⁴. Но выражение Аврелия Виктора позволяет говорить скорее об инициативе самого сената. Обстановка могла в какой-то степени напоминать 238 г.⁵ Конечно, о полном совпадении речи не было. Но в ситуации, когда армия провозгласила императором знатного сенатора, который к тому же столь недавно активно выступал на стороне сенатских императоров, сенат мог считать себя достаточно сильным, чтобы самостоятельно выдвинуть кандидатуру соправителя. С другой стороны, прошедшие пятнадцать лет изменили многое. Ни о какой кандидатуре из собственной среды речи быть не могло, и сенат выдвигает фигуру сына нового императора, делая его к тому же не августом, а только цезарем. Возможно, что значительную роль в этом выдвижении сыграл Л. Эгнаций Виктор Лоллиан. Это был заслуженный сенатор, прошедший чуть ли не всю лестницу сенаторских должностей, в том числе консула-суффекта. Он был дядей первой жены Валериана Эгнции Маринианы и, следовательно, двоюродным дедом Галлиена⁶. Недаром уже в следующем 254 г. он был назначен пресфектом Рима, что делало его одним из самых высокопоставленных лиц государства⁷. Это выдвижение могло быть связано не столько с родством с новыми императорами, сколько с его ролью в событиях предыдущего года и быть наградой за нее.

Однако положение в Империи было очень сложным, и события скоро показали, что одному августу справиться с ними было очень

² *Armstrong D.* Tribunician dates of the Joint and Separate Reigns of Valerianus and Gallienus // *ZPE*. 1987. Bd. 67. P. 219; *Göhl R.* Op. cit. S. 56.

³ *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 81.

⁴ *Alföldy A.* Studien... S. 347.

⁵ *Christol M.* Op. cit. P. 829.

⁶ *Dietz K.* Senatus... S. 149–154 и Stammtafel 3.

⁷ Cp.: *Johne K.-P.* Op. cit. S. 133.

трудно. И тогда Валериан пошел на провозглашение своего сына уже не цезарем, а равноправным с ним августом. Если верить Зосиму, он пошел на это, убедившись в очень плохом состоянии дел⁸. Судя по сообщениям «Эпитомы» и Зосима, в этом сенат уже практически роли не играл. Реальная ситуация оказалась важнее даже не юридической видимости (она, вероятнее всего, была соблюдена), а фактической сути. Это произошло вскоре после прибытия Валериана в Рим осенью того же 253 г.⁹ Промежуток времени, в течение которого Галлиен был цезарем, оказался весьма коротким. За это время в Риме даже не успели выпустить монеты с его именем как цезаря. Но зато этот факт успели отметить некоторые круги Нумидии и города Малой Азии¹⁰. Галлиен стал равноправным с отцом правителем Империи, сосредоточившись в основном на управлении западной частью государства.

Это решение было чрезвычайно важным; оно стало еще одним шагом в трансформации самого института императорства. В Риме было уже много случаев, когда официально на троне находилось двое равноправных императоров. Как отмечалось выше, обычно это было лишь формальностью, ибо реально власть находилась в руках одного из них. Только очень недолгое время после смерти Септимия Севера два брата — Каракалла и Гета — действительно были равноправны. В 238 г. во главе Империи также стояли два полностью равноправных императора, которые даже разделили, и это было впервые, верховный понтификат. Но и их правление продолжалось очень недолго. И Филипп, и Деций, и Требониан делали августами своих сыновей, но их цель заключалась исключительно в обеспечении династической преемственности на троне. Ни о каком реальном разделе власти не было и речи. Теперь же положение было совершенно иным. Разумеется, стремление обеспечить после своей смерти передачу трона сыну тоже присутствовало в этом решении Валериана. Недаром позже были сделаны цезарями сыновья Галлиена¹¹. Но главным все же было другое. Недаром Зосим, как было сказано выше, пишет, что император

⁸ Зосим начинает фразу с развернутого *genetivus absolutus*, подчеркивающего одновременность понимания Валерианом угрожающих со всех сторон опасностей и избрания им в качестве соправителя Галлиена.

⁹ *Paschou F. Notes...* P. 153. Вероятно, это произошло незадолго до 23 октября: *Göbl R. Op. cit.* S. 56.

¹⁰ *Peachin M. Gallienus Caesar (?)* // *ZPE*. 1988. Bd. 74. P. 221–223. Исследователь считает, что Галлиен сразу же был августом, а не цезарем, а в сообщениях латинских авторов содержится ошибка, заимствованная ими из общего источника (*Op. cit.* P. 219–224).

¹¹ Впрочем, и в назначении их цезарями, как об этом пойдет речь позже, имелось в виду также обеспечение управляемости военного командования в определенном секторе Империи и ее границы.

пошел на это из-за плохого состояния дел. Галлиен стал не просто наследником, но и реальным правителем части Империи. Фактически произошел территориальный раздел Римской империи между двумя правителями. Уже Филипп создавал в наиболее угрожаемых регионах своеобразные «вице-королевства». Деций и Требониан Галл отказались от этой практики, т. к. она таила большую опасность для самого императора, ибо такой «вице-король» вполне мог использовать свою власть в обширном регионе для захвата трона. В сущности, Деций сделал именно это, выступив против Филиппа. Назначение родного сына избавляло Валериана от этой опасности. Строгого разделения территории государства (в отличие от того, что произойдет в IV в.) не произошло. Но территориальное разделение императорских обязанностей, несомненно, имело место. Это стало фактическим признанием факта, что один правитель обеспечить эффективное управление всем государством уже не может. Валериан понял требование времени и пошел на такой нетривиальный шаг.

Положение Римской империи в это время было действительно очень тяжелым. Хотя персы были, как кажется, отбиты, опасность с их стороны оставалась весьма грозной. К тому же успешная защита от персов явилась делом не регулярной римской армии, а местной милиции, а император все равно потерял власть над какой-то частью Империи, которая оказалась в руках очередного узурпатора. Борьба с варварами на Нижнем и Среднем Дунае шла с переменным успехом, и решительного перелома в свою пользу римляне так и не сумели добиться. Как кажется, обострилось положение также на Верхнем Дунае и на Рейне. Аврелий Виктор (32, 1) пишет, что Валериана провозгласили императором войска, собранные в Реции из-за предстоящей там войны. Это, конечно, могла быть только война с германцами. И в условиях, в каких находилась Римская империя, едва ли можно было говорить о наступательной операции. После того как армия во главе с Валерианом покинула Норик и Рецию, чтобы выступить против Эмилиана, германцы вторглись в эти провинции. Практически все римские укрепления, они весной 254 г. разрушили фактически все римские укрепления, и прорвались на правый берег Дуная. Значительная часть населения и особенно высшие слои провинциальных городов в панике бежали. В Норик был направлен Г. Макриний Дециан, недавно успешно сражавшийся против берберов¹². Несколько позже варвары, удовлетворившись награбленной

¹² *Alföldy G. Noricum. P. 161–162, 169–170.* Еще сравнительно недавно наместничество Макриана в Нумидии относили ко второй половине 50-х гг.; и в таком случае Макриан был легатом Норика до направления в Нумидию. Однако более позднее

добычей, ушли, но свои плацдармы, расположенные к северу от Дуная, римляне так себе и не вернули¹³. Вскоре после прихода к власти Валериан восстановил распущенный то ли Пупиеном и Бальбином, то ли Гордианом III Третий Августов легион, и уже в октябре 253 г., т. е. меньше чем через месяц после прихода Валериана к власти, этот легион снова располагался на своих прежних местах в Нумидии (ILS 531)¹⁴. Это ясно говорит об угрозе сахарской границе¹⁵. Зосим (I, 30, 1) был совершенно прав, говоря, что опасности угрожали Римской империи со всех сторон (πανταχόθεν).

Не лучше было положение и внутри имперских границ. Продолжала свирепствовать чума, подрывавшая не только силы Империи, но и моральный дух римлян. По словам Киприана (Ad Don. 6), по дорогам бродили разбойники, а на морях бесчинствовали пираты. Это было написано еще при Филиппе, но и после этого положение лучше не стало. Автор сообщает, что Империю поражают бедствия, страдания, убийства, опустошения, злодеяния¹⁶. Всюду бродят, грабят, захватывают, никто не стесняется схватить добычу и не медлит это сделать; везде царят жадность и дерзость; процветают убийцы и подделыватели бумаг (Ad Demetr. 11). И при всем риторическом преувеличении христианского автора эти слова отражают удручающую картину всеобщей небезопасности.

Хронология дальнейших событий не совсем ясна. Поэтому история совместного правления Валериана и Галлиена восстанавливается в большой степени лишь гипотетически¹⁷.

исследования показало, что Макриан действовал в Нумидии до 255 г.: *Christol M. La prosopographie de la province de Numidie de 253 à 260 et; a chronologie des révoltes africaines sous le règne de Valérien et Gallien // Antiquités africaines. 1976. Vol. 10. P. 71–75. Направление в Норик такого опытного и уже известного своими победами легата свидетельствует о сложности обстановки, сложившейся в альпийских провинциях.*

¹³ *Reuter M. Das Ende des rätischen Limes im Jahr 253 v. Chr. // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 2007. Jahrg. 72. S. 143–145.*

¹⁴ *Le Bohec Y. Op. cit. P. 463.*

¹⁵ Предлагались различные объяснения этого поступка Валериана, в том числе (поскольку бывшие воины этого легиона находились в Рции в составе других частей) благодарность за поддержку в достижении трона: *Le Bohec Y. Op. cit. P. 452. Но логичнее все-таки связать это решение Валериана со стремлением лучше обеспечить защиту южной границы Римской империи: Christol M. Les règnes... P. 813. В свое время Валериан решительно выступал на стороне Гордианов, разгромленных III легионом, но он оказался выше личных соображений и воспоминаний о событиях пятнадцатилетней давности.*

¹⁶ *Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 491.*

¹⁷ *Pekárý T. Bemerkungen zur Chronologie des Jahrzehnts 150–160 n. Chr. // Historia. 1962. Bd. 11. I. S. 123.*

Валериан считал наиболее опасным положение на Востоке. Поэтому решение «восточного вопроса» он взял в свои руки. Остальную часть Империи он оставил на попечение Галлиена. Через какое-то время Галлиен, в свою очередь, был вынужден покинуть столицу. Сначала он направился на Дунай, основав свою ставку в Виминации¹⁸. В этом городе уже, видимо, со времени Филиппа и Деция действовал монетный двор, снабжавший необходимыми деньгами дунайскую армию¹⁹, но только с приходом к власти Валериана и Галлиена чеканка в этом городе стала регулярной²⁰. Отмечается, однако, что сначала на монетах, выпускаемых в Виминации, упоминался только один Валериан, а несколько позже к отцу присоединяется сын²¹. Это, как кажется, может говорить о том, что Галлиен не сразу прибыл на Дунай, а некоторое время оставался в Риме. Возможно, это было необходимо для укрепления положения новых императоров. Трудно сказать, какие конкретно события заставили Галлиена оставить Рим ради Иллирика. Видимо, уже в это время угроза варварского нашествия становилась довольноно ясной, хотя само нашествие, кажется, произошло только позже. Может быть, Галлиен произвел несколько превентивных атак на варварские земли, а может быть, пока ограничился укреплением существующих границ²². Впрочем, какие-то успехи в борьбе с варварами в нижнедунайском секторе границы у Галлиена явно были. Об этом свидетельствует его титул *Dacicus maximus* (CIL II, 22)²³. О том, что этот титул не был пустой похвалой, говорят находки в Дакии монет, выпущенных в Виминации специально для этой провинции²⁴. На эти победы, возможно, намекает Евтропий (IX, 8, 1), говоря о победах Галлиена в Иллирике.

Галлиен принимает вместе с отцом и титул *Germanicus maximus* (например, ILS 539). На монетах этот титул засвидетельствован уже в 255–256 гг.²⁵ В 257 г. (а может быть, уже и в предыдущем) на монетах прославляются *Victoria Germanica* и *Victoria Parthica*²⁶. Первая победа, несомненно, имеет отношение к Галлиену. Не совсем понятно,

¹⁸ Christol M. Les règnes... P. 814.

¹⁹ Alföldy A. Studien... S. 230, 266.

²⁰ Göbl R. Op. cit. S. 96.

²¹ Ibid. S. 96–97.

²² Christol M. Les règnes... P. 814.

²³ Wilkes W. Provinces and frontiers // САН. 2005. Vol. XII. P. 224.

²⁴ Alföldy A. Studien... S. 327.

²⁵ Göbl R. Op. cit. S. 80, 97–98.

²⁶ Alföldy A. Studien... S. 143–145; Christol M. Les règnes... P. 814; Göbl R. Op. cit. S. 81, 129–130.

о каких победах идет речь. И готы, и другие германцы, нападавшие на Римскую империю в районе Нижнего и Среднего Дуная или берегов Черного и Эгейского морей, считались римлянами не германцами, а скифами вместе с другими народами этого региона. Поэтому речь могла идти либо о каких-то военных действиях на Верхнем Дунае или в альпийском регионе, либо об успехах генералов Галлиена, действовавших на Рейне. Может быть, косвенным доводом в пользу последнего предположения служит то, что в то время как Дакийским был только Галлиен, Германскими были и он, и Валериан. Это может говорить о том, что в первом случае какую-то победу одержал лично Галлиен, а во втором — гордый титул приняли оба императора как равноправные главнокомандующие римской армией.

Однако, если генералы Галлиена и добились каких-то успехов в борьбе с германцами, эти успехи были далеко не решающими. В 256 г. Галлиен был вынужден покинуть дунайский регион и лично отправиться на Рейн, поместив свою ставку в Колонии Агриппине²⁷. На следующий год в этот город перебрался из Виминация и монетный двор²⁸. Здесь Галлиену пришлось вести упорную борьбу с аламаннами и франками (Eutrop. IX, 8, 1; Aug. Vict. 33, 1)²⁹. Победа над ними дала ему почетный титул *Germanicus*, засвидетельствованный монетами именно в 256 г.³⁰ В скором времени Галлиен и Валериан встретились в Колонии Агриппине, чтобы вместе вернуться в Рим. Но затем Галлиен был вынужден снова вступить в борьбу на Рейне.

Валериан же, приняв 1 января 254 г. вместе с сыном консульство³¹, вскоре отправился на Восток, по-видимому, во главе значительной армии. Его первой задачей явно было восстановление императорской власти в восточной части Империи. Как говорилось выше, монеты Урапия Антонина датируются 565 г. селевкидской эры, т. е. они не выпускались после 1 октября 254 г.³² Можно, пожалуй, говорить, что в 254 г. узурпатор, неясно, при каких обстоятельствах, был устранен. В Антиохии возобновилась чеканка императорской монеты, и это

²⁷ Potter D. S. Op. cit. P. 254; Southern P. Op. cit. P. 78.

²⁸ Alföldy A. Studien... S. 98–99; Göbl R. Op. cit. S. 99.

²⁹ В это время франки появляются на исторической сцене как враги римлян: Demougeot E. Op. cit. P. 474–475.

³⁰ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 205.

³¹ Для него это было уже второе консульство, а для Галлиена — первое.

³² Начало года по селевкидской эре несколько разнилось в зависимости от места. В любом случае он начинался ранней осенью, а в Антиохии именно 1 октября (по юлианскому календарю): Бикерман Э. Указ. соч. С. 66.

произошло уже в начале года³³. Это ясно говорит о том, что власть римского императора в этом регионе восстановлена. В связи с этим Валериан принимает гордый титул «восстановителя Востока» (*restitutor Orientis*)³⁴. Может быть, это восстановление было в тот момент единственной целью Валериана: сил у императора было слишком мало, а воспоминания о поражениях еще были довольно свежими, чтобы он планировал немедленное возобновление войны с Персией. Тем не менее Валериан еще довольно долго оставался на Востоке. Его присутствие в Антиохии твердо засвидетельствовано 18 января 255 г., и там он явно принял свое новое консульство³⁵. Столь долгое пребывание на Востоке, по-видимому, объясняется, с одной стороны, необходимостью урегулировать ситуацию после мятежа Урания Антонина, а с другой — подготовкой все же новой войны с персами. Валериан был опытным политиком и военным и понимал, что угроза со стороны персидского царя остается слишком серьезной, что возобновление военных действий является лишь вопросом времени, что новая война потребует значительного напряжения сил, которые необходимо еще собрать. Единственное, что он сумел сделать во время этого своего пребывания в регионе, это восстановить Дура-Европос, разрушенный ранее персами³⁶. Этим он восстанавливал плацдарм для будущей кампании. Видимо, эти успехи и дали повод к прославлению «парфянской победы» Валериана.

Все же оставаться слишком долго на Востоке Валериан не мог. Обстановка требовала его присутствия и в других районах, и в самой столице. В 255 г. он покидает Восток, и в том же году известно о его пребывании на Дунае около Сирмия³⁷. Может быть, во время этого пребывания на Дунае Валериан и Галлиен назначили цезарем старшего сына Галлиена Валериана Младшего. Александрийские монеты датируют начало деятельности этого цезаря годом, который начинается 29 августа 255 г., а самой ранней датой, известной по папирусным документам, является сентябрь-октябрь 256 г., хотя более вероятно все же предыдущий год³⁸. Впервые римский император назначил цезарем своего внука. Этим он явно хотел гарантировать сохранение династии. Но преследовал Валериан и другую цель. Поскольку предшествующие события показали, что победоносные генералы могут

³³ Göhl R. Op. cit. S. 127.

³⁴ Southern P. Op. cit. P. 309.

³⁵ Pekáry T. Bemerkungen... S. 124; Potter D. S. Op. cit. P. 254.

³⁶ Potter D. S. The Roman Empire... P. 254.

³⁷ Ibid.

³⁸ Wickert. Licinius. Sp. 242; Göhl R. Op. cit. S. 58.

представить серьезную угрозу для самих императоров, он стремился, насколько это было возможно, поставить войска под командование членов своей семьи. Вполне вероятно, что назначение внука цезарем отвечало и этому стремлению опытного политика, каким был Валериан³⁹. Валериан Младший, став цезарем, получил не только обычный титул *princeps iuventutis*, но и *imperator* (ILS 555; CIL III, 4646). Императорами цезари становились редко, хотя такие случаи бывали и раньше. Полагают, что дарование этого титула Валериану Младшему только увеличивало его престиж, не расширяя его реальных полномочий⁴⁰. Но может быть, предусматривалась и более значительная, чем обычно, роль юного принца. В это время, как говорилось выше, на Дунае еще находился Галлиен. Но вскоре он направился на Рейн. И возможно, что Валериан Младший какое-то время оставался в дунайском регионе, и тогда его роль императора резко возросла. Создавая такую своеобразную коллегия императоров из трех поколений своей семьи, Валериан явно стремился, с одной стороны, усилить оборону имперских границ, а с другой — предотвратить всякую попытку узурпации со стороны «вице-короля», к семье принцепса не принадлежавшего⁴¹. Однако такая «триархия» существовала недолго. Галлиен вызвал своего сына к себе, и в Колонии Агриппине стали выпускаться монеты с именем не только Галлиена, но и Валериана Младшего⁴². Там в первой половине 258 г. Валериан Младший умер, и его в качестве цезаря (но уже без титула императора) тотчас заменил второй сын Галлиена Салонин⁴³. Назначение Салонина, как и ранее его брата, должно было, разумеется, обеспечить династическую преемственность. Несколько позже Галлиен, вынужденный сосредоточиться на защите от варваров Северной Италии, оставил Салонина на Рейне, возвращаясь тем самым к идее отца. Это ясно говорит, что при назначении Салонина цезарем тоже предусматривалась возможность взятия им верховного командования в определенном регионе.

В связи с этим встает вопрос о младшем сыне Валериана, тоже Валериане. «Требеллий Поллион» говорит, что они с Галлиеном были рождены от разных матерей (SHA Val. 8, 1). Это сообщение биографа порой подвергается сомнению⁴⁴. Сомневаться же в самом суще-

³⁹ Fitz J. Op. cit. P. 118; Сепгеев И. П. Указ. соч. С. 80.

⁴⁰ Christoll M. Les règnes... P. 816.

⁴¹ Ziolkowski A. Op. cit. P. 406–407.

⁴² Göbl R. Op. cit. S. 99–100.

⁴³ Wickert. Licinius. Sp. 238; Christol M. Les règnes... P. 816–817.

⁴⁴ Wickert. Licinius. Sp. 486; Любжин А. И. Примечания // Властелины Рима. М., 1992. С. 363.

ствовании этого, уже третьего по счету, Валериана не приходится. О брате Галлиена (не называя его по имени) пишут Евтропий (IX, 11, 1) и Зонара (XII, 26), и известно, что в 266 г. он был ординарным консулом. В Малой Азии была найдена надпись с упоминанием Лициния Валериана, который назван «братом августов» (ἀδελφὸν τῶν Σεβαστῶν)⁴⁵. Уже отмечено, что этот Валериан не имеет никакого титула, а автор надписи ошибся в его родстве с правящими императорами, ибо для одного августа он был братом, но для другого сыном⁴⁶. Известно также, что сам он не был ни цезарем, ни августом и что не дошло ни одной монеты с его именем⁴⁷. Были ли причиной этому какие-то внутренние интриги в императорской семье (что, разумеется, не исключено), или создаваемая отцом неспособность сына к правлению, сказать трудно. Автор биографии всячески хвалит этого Валериана, говоря о его наружности, скромности, образованности и нравственности, явно противопоставляя его ненавистному Галлиену. Но он полностью молчит о его качествах правителя, полководца, администратора. Единственная должность, какую Галлиен, став уже единоличным правителем, доверил своему сводному брату, была должность консула, что было знаком почета, но не более того. Но и в этом случае его коллегой император сделал Луцилла, которого «Требеллий Поллион» называет близким (propinquus) человеком (SHA Gal. 12, 1), т. е. даже в этом случае ставя сводного брата под надзор «своего человека». С другой стороны, приведенная азиатская надпись показывает, что в представлениях современников этот Валериан не отделялся от правящей семьи. Позже он погиб то ли вместе с самим Галлиеном под стенами Медиолана (Eutrop. IX, 11, 1), то ли во время кровавых беспорядков в Риме после прихода туда известия об убийстве Галлиена вместе с другими родственниками и ближайшими соратниками убитого императора (Zon XII, 26). Только уже позже в просенатской историографии возник образ Валериана в противовес фигуре Галлиена.

Тем временем снова обострилась обстановка на Дунае. Несколько племен объединились для грабежа приграничных римских территорий. По словам Зосима (I, 31, 1), это были кроме уже известных готов

⁴⁵ Roueché Ch. Rome, Asia and Afrodiasias in the Third Century // JRS. 1981. Vol 71 P. 105.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Wickert. Licinius. Sp. 486. Правда, биограф Валериана говорит, что отец, находясь вдали от Рима, провозгласил его августом (SHA Val. 8, 1). Но не только отсутствие монет с титулом цезаря, но и приведенная надпись ясно говорят, что этот Валериан ни в каком качестве трон не занимал.

и карпов, еще бораны и уругунды. Эти два последних народа упоминает только Зосим; поэтому что-либо сказать о них довольно трудно. Считается, что уругунды — это бургунды⁴⁸. Правда, когда бургунды (или бургундионы) впервые были засвидетельствованы как противники Рима в 279 г., они жили в районе Рейна (Zos. I, 68, 1). В связи с этим возможны два варианта: или за прошедшие четверть века бургунды мигрировали на запад и из района Дуная переселились в район Рейна, или речь идет о какой-то части бургундов, которая жила восточнее другой части, поскольку Зосим недвусмысленно говорит, что все названные им племена жили вокруг Дуная (*περὶ τὸν Ἰούτρον*). Надо, однако, заметить, что больше об этих восточных бургундах мы ничего не слышим. Это можно объяснить тем, что они соединились со своими соплеменниками на Рейне⁴⁹ или же растворились среди других германских племен, обитавших в восточной части германского мира. Наконец, вполне возможно, что уругунды на деле не имели никакого отношения к бургундам и речь идет только о случайном совпадении названий. А так как уругунды больше не упоминаются, то об их дальнейшей судьбе ничего не известно.

Другое племя, которое впервые появляется на исторической сцене, — бораны. Они появляются внезапно и позже тоже исчезают из поля зрения античных и византийских авторов. Их этническая принадлежность спорна; их считают то германским, то иранским (скифо-сарматским), то даже протославянским народом⁵⁰. Высказано было также мнение, что это греческое слово (впервые тогда появившееся) могло обозначать просто «людей с севера»⁵¹. Однако Зосим называет их наряду с вполне реальными народами, так что скорее всего и боранов надо считать подлинной этнической группой. Объединение всех этих племен показывает, что для варваров этническая принадлежность не играла никакой роли. Говоря о боранах, мы тоже сталкиваемся с трудностью, пытаясь определить местонахождение этого

⁴⁸ Paschoud F. Notes. P. 150.

⁴⁹ Позже у бургундов отмечается наличие нескольких королей одновременно, из которых «младшие» подчинялись «старшему». Не исключено, что такое положение могло возникнуть в результате объединения нескольких групп этого племени. Правда, насколько нам известно, все эти короли были членами одной семьи, как Гундохар и его братья в «Песне о Нибелунгах». Но такое положение могло возникнуть с течением времени, отражая политические изменения у бургундов, когда лидеры присоединившихся групп могли исчезнуть, а традиция иметь нескольких королей сохранилась. Впрочем, это, конечно, только очень слабая гипотеза, не имеющая оснований в наличном материале.

⁵⁰ Буйданова В. П. Указ. соч. С. 93. Славянская или даже протославянская принадлежность боранов представляется наименее вероятной.

⁵¹ Kulikowski M. Op. cit. P. 18–19.

племени. С одной стороны, Зосим, как было сказано выше, говорит, что все племена, которые он упоминает, следовательно, и бораны, жили вокруг Дуная. Но в том же параграфе он уже пишет, что бораны получили от боспоритов корабли, с которыми они предприняли морской поход. Означает ли это, что в данном случае речь идет о какой-то другой группе боранов, которая в отличие от дунайской группы обитала у границ Боспорского царства, или же для Зосима «вокруг Дуная» означало неопределенное пространство за Дунаем? Решить это вопрос окончательно пока невозможно.

Возникновение этой коалиции и первые набеги варваров на римские земли, видимо, и подвигли Валериана прибыть на Дунай. Однако в этом году варвары, как кажется, не предприняли большого похода (может быть, причиной этого было присутствие императора) и Валериан покинул этот район. На Балканах он оставил своего внука, только что сделанного цезарем. Тот должен был возглавить оборону балканского региона от варварских нашествий. Возможно, что после отъезда Валериана и началось мощное вторжение различных варварских народов, опустошавших северо-восточные регионы Римской империи и прилегающие районы.

Насколько прочна была варварская коалиция, сказать трудно. Зосим (I, 31, 1) сначала говорит об опустошениях в Иллирии и даже Италии, а дальше (I, 31, 1–3) пишет, что бораны переправились в Азию с помощью боспоритов, которые не только открыли им свободный проход через Боспор⁵², но и предоставили свои корабли⁵³. Создается впечатление, что в то время как одни варвары опустошали европейские провинции, другие направились в Азию. Да и в Европе одна часть варваров опустошала Мезию и Фракию, а другая направилась к западу, в Паннонию (Eutrop. IX, 8, 2)⁵⁴. Все же, по-видимому, речь шла не об оформленной коалиции, но скорее об одновременном нападении различных племен, хотя, разумеется, возможность предварительного сговора тоже вполне вероятна.

В связи с азиатским походом Зосим говорит только о боранах, но Григорий Чудотворец, современник и очевидец этих событий, упоминает и боранов, и готов, так что в этом походе, несомненно, участвовали и готы, и это могли быть только остготы, жившие

⁵² Речь идет, несомненно, о Боспоре Киммерийском (современный Керченский пролив): Шеллов Д. Б. Указ. соч. С. 141; Paschoud F. Notes. P. 154.

⁵³ Зосим не говорит, дали ли боспориты боранам пустые корабли или же вместе с экипажем. Во всяком случае не исключено, что эти корабли и управлялись греческими моряками.

⁵⁴ Колосовская Ю. К. Паннония в I–III ввхх. М., 1973. С. 236.

сравнительно недалеко от Боспора⁵⁵. Возможно, что вестготы, карпы и таинственные уругунды прорвались через Дунай, а бораны и остготы использовали боспорские корабли, чтобы грабить восточные и юго-восточные берега Черного моря. Боспорское царство переживало в это время серьезный экономический и политический кризис. Зосим пишет, что, пока власть на Боспоре находилась в руках царей, передававших ее от отца к сыну, боспориты поддерживали прекрасные отношения с римлянами и не давали скифам возможности перейти в Азию. Но когда царский род был уничтожен и власть захватили какие-то «негодные люди» (*ἀνάξιοι τινες*), эти люди испугались за себя самих и дали скифам корабли для переправы в Азию. Боспор уже давно находился под сильнейшим давлением варварских племен. Вскоре после 237 г. под их ударами пал Танаис⁵⁶. Видимо, тогда же или несколько позже разрушена Горгиппия⁵⁷. Готы проникли в Крым и могли представлять серьезную угрозу боспоритам с суши⁵⁸. В свое время Деций, как об этом говорилось выше, направил на Боспор корабли и войска, чтобы защитить этот важный фланг римской обороны. Но теперь для этого у римлян сил, очевидно, не было. Все это, вероятно, вызвало политическое напряжение на Боспоре. Слова Зосима о ликвидации царской династии на Боспоре были явным преувеличением, т. к. и в это время продолжали чеканиться монеты с именем царя Рискупорида V. Но в это же время, в 253–255 гг., начал выпускать свои монеты еще один царь — Фарсандз. И это явно был один из тех «негодных людей», о которых писал Зосим. Можно полагать, что произошел какой-то переворот, детали которого нам неизвестны и в результате которого Рискупорид мог официально оставаться на троне, но другим, и более реальным (может быть, и единственным реальным), правителем стал некий Фарсандз. Это был узурпатор, принадлежавший, как это видно по его варварскому имени, к негреческому населению Боспорского царства. Власть его, судя по монетам, продолжалась всего два года, и в 255 г. (551 г. боспорской эры) власть Рискупорида был полностью восстановлена⁵⁹. Но именно в правление

⁵⁵ Буданова В. П. Указ. соч. С. 92–93.

⁵⁶ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 443.

⁵⁷ Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1978. С. 31–32.

⁵⁸ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 443; Масленников А. А. Крымское Приазовье в античную эпоху / Античный мир и варвары на юге России и Украины. М., Киев; Запорожье, 2007. С. 214. Археологические данные, однако, показывают, что здесь все же в большой мере сохранилось прежнее население (Масленников А. А. Там же).

⁵⁹ Там же. С. 451–452; Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 209. В какие-то годы власть захватил некий Хедосбий, но его правление было еще более кратким, ибо

этого узурпатора боспориты и предоставили свои корабли боранам и остготам для выхода в Понт Эвксинский. Бораны и остготы обрушились на Пителин. Однако гарнизон города, возглавляемый энергичным Сукцессианом, отбил все атаки варваров, и те были вынуждены уйти обратно. Валериан оценил энергию и военные способности Сукцессиана и назначил его префектом претория, поручив ему восстановление Антиохии (Zos. I, 32, 1–2). Впрочем, это едва ли было единственной причиной вызова Сукцессиана в Антиохию. В это время Валериан упорно готовился к новой войне с персами, базой для которой была Антиохия. В этих условиях способности Сукцессиана явно были императору необходимы.

Однако для припонтийских районов отзыв Сукцессиана оказался роковым. Уже на следующий год бораны и остготы снова появились перед Пителином. На этот раз они сумели захватить и разграбить город, после чего двинулись дальше. Следующими их жертвами стали Фасис и Трапезунд (Zos. I, 32, 2–33, 2). Другие войска варваров в это время (или немногим позже) разорили Дакию, Мезию, Фракию, проникли в Малую Азию, а часть их, как говорилось выше, двигаясь другим путем, ворвалась в Паннонию, угрожая даже непосредственно самой Италии. Из суммарных сообщений Зосима (I, 33–35) сделать вывод о хронологической последовательности событий практически невозможно. Как говорилось выше, эпиграфические и нумизматические данные позволяют говорить, что Галлиен одержал в этом регионе какие-то победы. Эти победы, однако, не помешали новым нашествиям. На море бесчинствовали пираты, время от времени высаживаясь на сушу, разрушая, грабя, захватывая пленников⁶⁰. Тяжелое положение сложилось в Вифинии, где был разрушен ряд городов, включая такие важные центры, как Никея и Никомедия (Zos. I, 35, 2). Не дождавшись помощи от императоров, вифинские города начали перестраивать, а там, где не было, заново строить свои стены⁶¹. Проникли варвары и еще глубже, добравшись до юго-западной части Малой Азии.

Это не означает, что ни Валериан, ни Галлиен никакого внимания на этот театр военных действий не обращали. С целью улучшения

он даже не успел выпустить ни одной монеты (Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 452; Шеллов Д. Б. История // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 20). Существует мнение, что эти узурпаторы могли не только быть связанными с варварскими племенами, но и сами являться вождями этих племен: Шеллов Д. Б. История. С. 20.

⁶⁰ Шеллов Д. Б. Северное Причерноморье... С. 141.

⁶¹ Bekker-Nielsen T. Urban Life and Social Politics in Roman Bithynia. Aarhus, 2008. P. 157–159.

обороны была произведена реорганизация провинции Азии. Азия была сенатской проконсульской и, следовательно, невооруженной провинцией. Во всяком случае здесь не стояло какого-либо отдельного легиона. Поэтому местные власти не могли оказать нападавшим достойного сопротивления. Не вмешиваясь в традиционное управление провинцией Азией, императоры уменьшили ее территорию: из нее были выделены в качестве самостоятельных провинций Фригия и Кария, а Ликия-Памфилия была сделана императорской⁶². В Ликию были направлены войска, составленные из вексилляций нескольких легионов, под командованием Валерия Статилия. Надпись прославляет его за восстановление мира на море и на земле (κατὰ θάλασσαν καὶ γῆν)⁶³. Эти слова могут означать, что и сухопутное вторжение в Ликию-Памфилию, и пиратские набеги на ее побережье римским войскам удалось отбить. Но другие районы, включая Вифинию, оставались ареной варварских вторжений и разорений.

Как мы увидим несколько позже, Валериан в 258 г. попытался было вмешаться в малоазийские дела, но новое нападение персов заставило его вернуться в Антиохию. У Галлиена руки тоже были связаны упорной войной с германцами. Но в скором времени угроза нависла и над самой Италией. Зосим (I, 37, 1) сообщает, что во время войны Галлиена с германцами за Альпами огромная германская армия (Зосим говорит о скифах и других народах) вторглась непосредственно в Италию и дошла до самого Рима. По-видимому, об этом же вторжении говорит и Евтропий (IX, 8, 2), называя конкретно аламанов. Аламаны названы и в победной надписи Сипплиция Гениалиса. В этих условиях сенат вооружил оставшихся в столице воинов и раздал оружие смельчакам из народа (ἀπὸ τοῦ δήμου), в результате чего собралась огромная армия, превосходившая численностью варваров. Это испугало нападавших, и они отошли от Рима, разорив, однако, остальную Италию. Речь идет о массовом вторжении различных народов, среди которых ведущую роль играли ютунги, или семоны. Галлиену пришлось срочно направиться в Италию, оставив в Колонии Агриппине Салонина. Своей ставкой он избрал Медиолан, куда перенес и монетный двор, целью которого было снабжать деньгами армию⁶⁴. Недалеко от этого города он разгромил врагов, отступающих от Рима (Zon. XII, 24). Новую победу над ними одержал наместник Реции М. Симплиций Гениалис в апреле 260 г. (А. е. 1993,

⁶² Rouché Ch. Op. cit. P. 116–117.

⁶³ Ibid. P. 116.

⁶⁴ Christol M. Les règnes... P. 818; Göbl R. Op. cit. S. 100.

1231)⁶⁵. Хотя это вторжение и было отбито, Италия оставалась под угрозой. И пренебречь ею Галлиен, разумеется, не мог. Один из панегириков более позднего времени даже утверждал, что Реция была покинута римлянами при Галлиене. Это преувеличение, ибо Галлиен и позже пытался контролировать Рецию и разместить там свои войска⁶⁶, но появление таких сообщений свидетельствует о том, что римляне явно чувствовали ослабление ретийской границы. Может быть, в этом утверждении панегириста отражается реальный уход римлян из задунайской части Реции⁶⁷.

Под властью Галлиена, видимо, находились и африканские провинции (кроме Египта, который всегда принадлежал к восточной части Империи). Там тоже сложилась весьма непростая ситуация. Уже говорилось, что восстановление III Августова легиона и возвращение его на место прежней дислокации были вызваны угрозой со стороны берберов. Созданный еще раньше африканский лимес защищал римские владения от берберских вторжений⁶⁸. Но в скором времени нападения племен из пустыни и восстания подвластного населения стали столь грозными, что местные власти уже не могли обеспечить безопасность африканских провинций. Но ни Галлиен, ни Валериан не могли лично вмешаться в эти события. Наместник Нумидии Г. Макриний Дециан сумел одержать ряд побед, но этого оказалось мало. На какое-то время все военные силы этого региона были объединены под командованием М. Корнелия Октавиана, занимавшего должность презида Цезарейской Мавретании, который получил ранг дукса Африки, Нумидии и Мавретании. Императорские легаты этих провинций оставались на своих местах, но военная власть сосредоточилась в руках дукса, принадлежавшего не к сенаторскому, а к всадническому сословию⁶⁹. Октавиан действовал решительно и успешно. Его успехи были столь значительны, что даже в 60-е гг., когда положение и внутри Империи, и на ее границах резко осложнилось, африканские провинции к западу от Египта оставались спокойными⁷⁰.

⁶⁵ Bakker L. *Raetien und Postumus // Germania*. 1993. Bd. 71. S. 369–386; Kotula T. *Aurélien et Zénobie*. Wrocław, 1997. P. 185–188; Göhl R. *Op. cit.* S. 64–66; Куликова Ю. В. Победный алтарь из Аугсбурга и территориальный состав Галльской империи в правление Постума // *Древний Восток и античный мир*. М., 2002. Вып. V. С. 140–141.

⁶⁶ Alföldy A. *Studien...* S. 331–332. Надо учесть враждебное отношение панегириста к Галлиену.

⁶⁷ Reuter M. *Op. cit.* S. 144.

⁶⁸ Kotula T. *Das römische Nordafrika im 3. Jh. // Das Altertum*. 1991. Bd. 37, 4. S. 222.

⁶⁹ Pflaum H.-G. *Les carrières...* P. 905–923; Christol M. *La prosopographie de la province de Numidie...* P. 76–77.

⁷⁰ Christol M. *La prosopographie...* P. 77.

Пока все это происходило в той части Империи, которая оставалась под властью Галлиена, Валериан сконцентрировался на подготовке войны с Персией. Это было его главной целью. Хотя для римлян принципиальной разницы между германцами и персами не было (все они были для них лишь варвары)⁷¹, император прекрасно понимал, что на деле война с персами будет гораздо труднее, чем с готами и другими варварскими народами. Персия была мощным государством, и персидские войска уже наносили римлянам тяжелые поражения. Поэтому к этой войне надо было хорошенько подготовиться. Доверить эту кампанию какому-либо своему полководцу Валериан не мог. Подготовка шла по нескольким направлениям. Необходимо было не только собрать значительную армию, но и укрепить тыл. Видимо, ради этого укрепления Валериан от своего имени и от имени сына издает эдикты, направленные против христиан. Как и Деций, Валериан накануне большой войны с персами был кровно заинтересован в помощи традиционных римских богов. Не только угрожающее положение на границах, но и быстрая смена императоров была знаком недоброжелательства богов к Римскому государству: ведь всего по два года на троне продержались принцепсы, приближенным которых был Валериан. Деций фактически прекратил преследование христиан еще до своей гибели, а Требониан почти и не начинал его, несмотря на явные ожидания христиан. Валериан был готов исправить эту ошибку и в преддверии новых испытаний получить помощь богов. Но это, как кажется, была не единственная причина возобновления гонений. Христианство в это время широко распространяется по Римской империи. Христианские общины связываются друг с другом, и в рамках Империи возникает структура, практически обладающая общеимперским характером и не совпадающая с государством⁷². После гонения Деция вырос авторитет римской христианской общины и ее главы⁷³, который уже начал рассматриваться или во всяком случае претендовать на роль главы всей имперской Церкви⁷⁴. Это

⁷¹ Freye R. N. The Sassanians. P. 479.

⁷² Millar F. The Roman Empire... P. 247.

⁷³ Levi M. A. Op. cit. P. 483.

⁷⁴ Против претензий римского епископа на первенство в христианском мире решительно выступил Киприан: *Федосик В. А.* Указ. соч. С. 179. И он был не единственным епископом, выступавшим против претензий главы Римской церкви. Так, с Киприаном решительно солидаризировался каппадокийский епископ Фимиллиан (Сург. Ер. 75). Но уже сама полемика между Киприаном и римским епископом Стефаном относительно крещения еретиков или возможности продолжения епископского служения испанскими епископами Василидом и Марциалом свидетельствует об огромной роли римского первосвященника. Из упомянутого письма Фимиллиана видно, что внутри Церкви уже выступают

означало появление в самой столице фигуры, которую могли рассматривать как духовного соперника императора. Политическая лояльность всей этой структуры и ее отдельных элементов была несомненной до того предела, за которым вставали вопросы веры. Христиан было относительно много в самых разных слоях общества, в том числе, что не могло особенно не тревожить императора, в сенате, высших слоях имперской бюрократии и в армии. И было совершенно непонятно, как эти люди поведут себя в момент решающих испытаний. А для успеха кампании было необходимо иметь монолитный тыл, за который не надо опасаться. Наконец, формирующаяся Церковь была уже относительно богата, а среди ее членов, несомненно, имелись и довольно богатые люди (хотя бы те же сенаторы). Валериан, как, впрочем, и Деций, явно намеревался также пополнить казну конфискациями имущества знатных и богатых христиан⁷⁵. Недаром христиане приписывали инициативу этого преследования Фульвию Макриану, который занимался императорскими финансами (Euseb. HE VII, 10, 4–7)⁷⁶. Это, в частности, подтверждается египетскими документами. В одном из папирусов ясно содержится требование разыскивать христиан и забирать в казну их имущество⁷⁷. В самом Риме это преследование началось с казней и конфискаций (Сург. Ер. 80, 1, 4).

Во второй половине 257 г. был издан первый эдикт, предписывающий всем, кто не почитает римских богов, заново признать римскую религию. Кроме того, этот эдикт запрещал христианские собрания и посещение христианских кладбищ (Acta proc. 1, 1; Euseb. HE VII, 11, 4–10). Нарушители эдикта должны были заключаться в тюрьму или изгоняться, а в случае попытки возвращения безжалостно казнить. Запрещение молитвенных собраний и собственных кладбищ⁷⁸ ставило под вопрос само существование христианского культа. В начале 258 г. Валериан издал новый эдикт, относившийся в основном к христианам из высших слоев: сенаторы должны были исключаться из сената, «превосходные мужи» (*virī egregiī*) и остальные всадники,

различия между ее тремя частями — западной, восточной и средиземноморской, т. е. африканской, — в некоторых вопросах организации, и вероучения. Однако эти тонкости, разумеется, находились вне внимания императора.

⁷⁵ *Светлицкая И. С.* От общины... С. 210; *Она же.* Первые христиане... С. 285; *Федосик В. А.* Указ. соч. С. 182; *Le Glay M.* Grandeza... P. 357–358.

⁷⁶ *Pflaum H.-G.* Les carriers... P. 930–932; *Hanslik R.* Furius // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 2. Sp. 615; *Alföldy A.* Studien... S. 302.

⁷⁷ *Whitehorne J. E. G. P.* Oxy. XLIII 3119: A Document of Valerian's Persecution? // *ZPE*. 1977. Bd. 24. P. 187–196.

⁷⁸ Запрещение доступа к собственным кладбищам означало невозможность захоронений по христианскому обряду.

как и сенаторы, лишались своего достоинства и имущества, а в случае упорства казнились, имущество женщин из этих сословий конфисковывалось, чины придворной, особенно финансовой бюрократии (*caesariani*)⁷⁹ обращались в рабство и ссылались в рудники; христианский же клир поголовно подлежал смертной казни (Сург. Ер. 80, 1, 1–2). В каком из этих двух эдиктов содержалось положение о конфискации имущества христиан не из «высших слоев», неизвестно. Но то, что такое положение имело место и активно применялось в ходе гонения, несомненно. Упомянутый выше папирусный документ требует розыска христиан и обращения их имущества в государственную собственность. Заниматься этим должен был либо сам префект Египта, либо назначенный им чиновник довольно высокого ранга. Сенаторам, как известно, доступ в Египет был вообще запрещен, а остальные представители имперских «верхов» и так были известны, чтобы их разыскивать. Речь, таким образом, шла, видимо, о христианах вообще. И едва ли положение в других частях государства было иным.

Таким образом, валериановское гонение намного превосходило по своему масштабу дециевское⁸⁰. Если Деций требовал только принесения жертв традиционным богам, что, по его мнению, явно было совместимо с любыми другими культами, то Валериан поставил своей целью ликвидировать если не христианство как таковое, то развивающуюся христианскую Церковь. Строгие нормы эдикта имели отношение прежде всего к клиру и членам государственного аппарата. Независимо от того, создавал ли император невозможность уничтожения всех христиан, которых уже было довольно много в Империи⁸¹, ликвидация «верхушки» Церкви должна была нанести ей жесточайший и, может быть, с точки зрения Валериана, смертельный удар. Этим, по его мнению и мнению его сторонников, достигались все цели, поставленные перед новым гонением.

Надо обратить внимание на одну из норм второго эдикта, где говорилось о наказаниях сенаторов-христиан. Исключение из сената, а тем более казнь того или иного сенатора с самого возникновения императорского режима весьма остро воспринимались всем сенаторским сословием. Именное покушение на достоинство, имущество, жизнь сенатора в первую очередь рассматривалось как признак депотизма. В свое время Нерва дал клятву не казнить сенаторов, и его

⁷⁹ *Caesariani* — в это время деятели финансовой администрации: *Souris G., Haensch R. Abuse of Power by Members of the Roman Administration and the Imperial Reaction // Selbstdarstellung und Kommunikation. München, 2009. P. 359.*

⁸⁰ *Potter D. S. The Roman Empire... P. 255.*

⁸¹ *Свенцицкая И. С. От общины... С. 210–211.*

пресмники до Коммода старались эту клятву соблюдать⁸². Септимий Север в начале своего правления преследовал своих реальных или потенциальных противников, не считаясь с привилегиями сенаторов, но затем он все же старался не ссориться с сенатом. Александр Север вообще взял курс на сотрудничество с этим органом и его членами. Признавая Валериана императором, сенат явно рассчитывал на хорошие с ним взаимоотношения. В эти хорошие отношения не могло не входить и сохранение сенаторских привилегий, в том числе и в уголовной и вообще юридической сфере. Теперь же Валериан ставил сенаторов в тот же ряд, что и других римских граждан. Конечно, это относилось только к христианам, которых, вероятно, в сенате было не так уж много, но нарушение сенаторской неприкосновенности было принципиальным и открывало путь к репрессиям в отношении сенаторов и под другими предлогами⁸³. Это явилось еще одним шагом к потере сенаторами их особого положения в государстве.

В 258 г. Валериан снова находился в Антиохии. Для войны с персами он собрал значительную армию численностью в 70 тысяч воинов. Шапур в своей победной надписи перечисляет области Империи, которые поставили войска, и из этого перечня вытекает, что новая армия была собрана Валерианом со всего государства (RGDS 20–24). Однако начать сразу же войну против персов император не смог. Ему пришлось отвлечься на кампанию против «скифов», опустошавших Малую Азию. Как пишет Зосим (I, 36, 1), Валериан не решился никому доверить эту кампанию и сам выступил против варваров. Направив отряд во главе с неким Феликсом в Византий, чтобы занять этот важный стратегический пункт сильным гарнизоном, император с основной армией двинулся в Каппадокию. Этой отсрочкой воспользовался Шапур. Он со своей армией вторгся в римскую Месопотамию, захватил и разрушил Дура-Европос⁸⁴ и осадил Карры и Эдесу. Это вторжение и непрекращающаяся эпидемия, ослаблявшая римскую армию, заставили Валериана, не вступая еще даже в сражение со «скифами», вернуться на Восток (I, 36, 1).

Шапур в своей надписи сразу после упоминания осады Карр и Эдесы и перечисления армии Валериана говорит, что произошла победоносная для него битва (RGDS 24). По словам же Аврелия Виктора (32, 5), война Валериана с персидским царем была длительной (*anserps diuturnumque*) и шла с переменным успехом. Он не сообщает никаких

⁸² Millar F. The Roman Empire... P. 14.

⁸³ Cp.: Ziolkowski A. Op. cit. P. 419–420.

⁸⁴ MacDonald D. Dating of the Fall of Dura-Europos // Historia. 1986. Bd. 25, 1. S. 63–66.

подробностей о ходе войны. Молчат об этих подробностях и другие авторы. Все они только говорят о поражении и пленении Валериана (Eutrop. IX, 7; Epit. 32, 5; Zos. I, 36, 2; Oros. VII, 22, 4; Zon. XII, 23)⁸⁵. Видимо, этот факт так поразил и современников, и потомков, что он затмил предшествующие события. Поэтому подробности персидской кампании Валериана неизвестны. Зонара (XII, 23) пишет, что Валериан, находясь в Антиохии, некоторое время медлил, прежде чем выступить в поход. В это время в Антиохии чеканятся монеты с легендами, прославляющими Аполлона как хранителя (*conservatori*), защитника (*propugnatori*) и спасителя (*salutari*). Эта чеканка, видимо, связана со все еще продолжавшейся эпидемией, которая поразила и армию и которая, вероятнее всего, и заставляла Валериана столь долго оставаться в Антиохии⁸⁶. И только, по словам Зонары, успешная оборона Эдесы подвигла императора на выступление.

Решающее сражение произошло в Северной Месопотамии, между Каррами и Эдесой, вероятнее всего, летом 260 г.⁸⁷ Римляне были полностью разбиты, и сам император попал в плен. Существуют различные версии обстоятельств пленения Валериана. Аврелий Виктор (32, 5) пишет о гнусном коварстве (*dolo... foede*), в результате которого император погиб. Зонара (XII, 23) приводит два варианта событий: по одному, Валериан был окружен врагами и погиб, по другому, он, боясь после поражения солдатского мятежа, сам бежал к персам и сдался. Автор «Эпитомы» (32, 5) и Евтропий (IX, 7), не вдаваясь в детали, просто говорят о пленении Валериана. По Зосиму (I, 36, 2), Шапур заманил Валериана якобы для переговоров, а затем персы неожиданно напали на ничего не подозревавшего императора и захватили его. Наконец, Шапур в своей победной надписи хвастается, что он захватил в плен не только Валериана, но и префекта претория⁸⁸, сенаторов и офицеров (RGDS 24–25)⁸⁹. Синкелл (p. 715) пишет, что

⁸⁵ О пленении Валериана говорит и «Треbelлий Поллион» в его биографии (SHA Val. 1–3). Но, к сожалению, это лишь конец биографии, и поэтому мы не знаем, что автор написал о предыдущих событиях. О пленении императора он кратко упоминает в биографии Галисена (I, 1) и в жизнеописании Макриана (Trig. tyr. 12, 1). Но в этих случаях биограф интересовался только сам факт пленения в связи с жизнеописаниями других персонажей.

⁸⁶ Wickert. Licinius. Sp. 492.

⁸⁷ König J. Die gallische Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. München, 1981. S. 20–27; Göbl R. Op. cit. C. 59. Armstrong D. Op. cit. P. 220. Ранее предлагалась дата — 259 г. (Pekary. Bemerkungen... S. 128), но она явно опровергается и папирусами, и монетами.

⁸⁸ Этим префектом претория мог быть Сукцессиан.

⁸⁹ Под сенаторами (*συνκλιτικοίς*, в парфянском тексте *s'ntwr*), вероятно, подразумевались легаты легионов и латиклавные трибуны, принадлежавшие к сенаторскому сосло-

виной гибели римского войска стало предательство (πρόδοσις). Такое разнообразие версий явно объясняется тем, что ничего конкретного об этом событии, кроме самого факта тяжелейшего поражения и пленения императора, ни современники, ни потомки не знали⁹⁰. Римское общественное мнение, шокированное самим позорным фактом пленения императора, пыталось как-то объяснить его. Отсюда и возникновение версий о гибели Валериана в бою или о коварстве варвара, которое напоминало о подобном поступке парфянского полководца в отношении Красса более трехсот лет назад.

После такого поражения римская армия фактически перестала существовать. Огромные массы римских пленных были отправлены в глубь Персии (RGDS 25–26), а сам Валериан, если верить и христианским писателям (Lact. De mor. pers. V, 3–6; Oros. VII, 4), и языческому автору «Эпитомы» (32, 6), стал рабом персидского царя и превратился в подножку, на которую Шапур опирался всякий раз, когда вскакивал на коня. А персидское войско вторглось в Сирию, Киликию и Каппадокию, разоряя, грабя и уничтожая все вокруг, как гордо сообщал сам Шапур (RGDS 26). Автор биографии Галлиена, ненавидевший своего персонажа, писал, что тот даже радовался (gaudere), узнав о пленении отца⁹¹. Это, разумеется, клевета, но ясно, что, став единственным августом, Галлиен в тот момент не имел реальных возможностей отреагировать на поражение армии и позор Валериана, ибо именно в это время резко обострилось положение на территории его непосредственного управления.

АПОГЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Катастрофа, происшедшая в Месопотамии, стала толчком к резкому обострению политического кризиса. Именно в 260–261 гг. он достиг своего апогея, когда аккумулировались все опасности — и внешние, и внутренние. Галлиен, став после пленения отца единственным

вино, а под офицерами (ἡγεμόνας, в парфянском тексте hūkmwn) — августиклавные трибуны. Возможно, конечно, что в число ἡγεμόνας включались и центурионы, но это кажется все же маловероятным.

⁹⁰ Paschoud F. Notes. P. 157.

⁹¹ Лактанций (V, 5) злобно пишет, что Валериан не нашел в своем сыне мстителя. Возможно, что до этого автора тоже дошел слух о радости Галлиена по случаю пленения отца, но т. к. Галлиен, как будет сказано позже, прекратил начатое отцом преследование христиан, христианский писатель не стал этот слух воспроизводить, ограничившись словами об отсутствии мстителя.

августом, оказался в отчаянном положении. Поражение римлян вдохновило их врагов. Евтропий (IX, 8, 2) рисует страшную картину: аламаны вторглись в Италию⁹², Дакия потеряна, Греция, Македония, Азия и Понт разорены готами, германцы добрались до Испании, а парфяне (т. е. персы) заняли Месопотамию и начали подчинять Сирию. Практически то же самое говорит и Аврелий Виктор (33, 3). К нападениям внешних врагов прибавилось возобновление гражданской войны, толчком к которой стало известие о поражении и, главное, позорном пленении римского императора⁹³. В этой тяжелейшей ситуации сразу же появилось несколько претендентов на трон.

Аврелий Виктор (33, 8) пишет, что первым из всех (*primus omnium*) выступил Постум. М. Кассианий Латиний Постум был, по словам Евтропия (IX, 9, 1), самого незнатного происхождения (*obscurissime natu*). Его предыдущая карьера практически неизвестна⁹⁴, но можно думать, что он, как и многие другие деятели послеверовского времени, выдвинулся благодаря своим способностям⁹⁵. «Требеллий Поллион» пишет о нем и о свергнувшем его Лолиане, что они прославились доблестью (*virtute*), а не знатностью (*nobilitatis pondere*) (SHA Trig. туг. 5, 8). Известно лишь, что в 259–260 гг. он командовал войсками в Галлии, защищая рейнскую границу (Aur. Vict. 33, 8; SHA Trig. туг. 3, 9; Zos. I, 38, 2; Zon. XII, 24). Уезжая из Колонии Агриппины в Медиолан, Галлиен оставил на Рейне в качестве своего представителя Салонина. Точно не известен возраст цезаря, но ясно, что он был небольшим. Биограф называет его *puer* (SHA Trig. туг. 3, 3). Салонин выступал скорее символом императорского присутствия в этом регионе, чем реальным правителем. Недаром Галлиен оставил при нем в качестве защитника, хранителя (*φύλαξ*) свое доверенное лицо — Сильвана (Zos. I, 38, 2)⁹⁶. Каково было официальное положение Сильвана, неизвестно. Биограф «тридцати тиранов» пишет, что Галлиен поручил опеку над сыном именно Постуму (SHA Trig. туг. 3, 1). В науке пытаются примирить обе версии, выдвигая предположение, что Галлиен сделал Сильвана советником сына в гражданских делах, а Постума — в военных⁹⁷. По другому мнению, задачей Сильвана была защита Нижнего Рейна, в то время как Постум отвечал за

⁹² Впрочем, здесь, по-видимому, речь идет все-таки о событиях предыдущего года.

⁹³ Christolle M. Les règnes... P. 818.

⁹⁴ Stein. Cassianus // RE. 1899. Hbd. 6. Sp. 1657.

⁹⁵ Иногда его сравнивают с Максиминем Фракийцем, считая, что он, как и Максимин, выдвинулся из числа рядовых солдат: Сергеев И. П. Указ. соч. С. 122.

⁹⁶ Зонара (XII, 24) называет его Албаном.

⁹⁷ König I. Op. cit. S. 46–47; Сергеев И. П. Указ. соч. С. 119.

весь рейнский фронт⁹⁸. Насколько все это соответствует действительности, сказать трудно. Из последующих же событий ясно, что оба эти деятели соперничали друг с другом⁹⁹. Не исключено, что, с одной стороны, отъезд Галлиена, а с другой, соперничество Постума и Сильвана, явно ослаблявшее римские силы, использовали франки, которые прорвались через рейнскую границу, практически не встречая сопротивления, прошли через Галлию и Испанию до Тарракона, на захваченных там кораблях переправились затем в Африку, после чего благополучно и явно с добычей вернулись в Европу (Aug. Vict. 33, 3; Eutrop. IX, 8, 2; Oros. VII, 22, 7–8). Археологические данные из Галлии, Испании и самой Германии подтверждают сильнейшее разорение этих стран, в том числе был разрушен Тарракон¹⁰⁰. Однако на обратном пути то ли все франкское войско, то ли один из его отрядов был встречен армией Постума и разбит и римляне сумели отбить захваченную франками добычу (Zon. XII, 24). Победа над франками совпала, вероятно, с известием о пленении Валериана. Это известие создало сложную ситуацию. Один август оказался в плену у варваров-персов. Другой с трудом отбивался от варваров-аламанов. На Рейне оставался цезарь, но он был еще юношей, а может быть, даже ребенком; во всяком случае он не мог реально организовать оборону Галлии. Между тем, хотя франки частично были только что побеждены, эта победа была далеко не решающей, и их недавний рейд вплоть до Африки показывал, что они обладали значительной силой. В этих условиях, не имея никаких надежд на помощь центрального правительства, войска, стоявшие в Галлии, провозгласили императором Постума. Поводом к этому, если верить Зонаре, послужил спор за отнятую у франков добычу. Постум решил распределить ее среди своих воинов, а прибывший на место действий Сильван потребовал отдать ее Салонину, поскольку тот официально являлся верховным главнокомандующим в этом регионе. Возмущенные солдаты и облекли пурпуром Постума. В ответ Сильван попытался провозгласить августом Салонину¹⁰¹. Постум двинулся на Колонию Агриппину, требуя выдачи Салонина и Сильвана. Не выдержав осады, гарнизон этого города выдал Постуму и того и другого. Они были убиты, вероятно, осенью

⁹⁸ Hatt J. J. Op. cit. P. 222.

⁹⁹ Кутикова Ю. В. Создание Галльской империи // ВИ. 2004. № 1. С. 136.

¹⁰⁰ Blázquez J. M. La economía de la Hispania Romana // Historia de España. Madrid, 1982. P. 497–505; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 103.

¹⁰¹ König I. Op. cit. S. 49. Иногда полагают, что Салонина сделал августом еще Галлиен при своем отъезде с Рейна: Kotula T. L'usurpateur Postume et son "Empire Gaulois" // Eos. 1987. Vol. 75, 2. P. 353.

260 г.¹⁰² (Zos. I, 38, 2; SHA Trig. tyr. 3, 2–4; Aur. Vict. 33, 7; Eutrop. IX, 9, 1; Oros. VII, 22, 10; Zon. XII, 24). После этого власть Постума признали не только Галлия, но и Испания и Британия. До сих пор спорно, решил ли Постум ограничиться властью только над западной частью Римской империи, или его конечной целью было подчинить всю Империю¹⁰³. Ясно лишь одно: Галлиен не только не смог подавить выступление Постума, но даже и предпринять для этого решительные шаги. Причиной такого поведения Галлиена явилось положение, сложившееся на Балканах и дунайском фронте.

Если Аврелий Виктор называет первым узурпатором Постума, то Орозий (VII, 22, 10) эту «честь» приписывает Ингену¹⁰⁴. К моменту своего выступления Ингенуй занимал должность наместника Паннонии (Aur. Vict. 33, 2; SHA Trig. tyr. 9, 1–2). «Требеллий Поллион» датирует это выступление консульством Туска и Басса, т. е. 258 г. Биограф, ненавидящий Галлиена, утверждает, что причиной узурпации Ингенуя было позорное поведение императора, проводящего время в трактирах в окружении сводников, мимов и блудниц, в то время как сам Ингенуй был человеком храбрым и любимым воинами, что делало его якобы подозрительным в глазах Галлиена. А Аврелий Виктор пишет, что Ингенуя охватила жажда власти (*imperandi cupio*), как только он узнал о поражении Валериана (*comperta Valeriani clade*). Даже если принять версию «Требеллия Поллиона» относительно причин мятежа Ингенуя, ясно, что в 258 г. власть двух августов была еще столь прочна, что ни о каком выступлении не могло быть речи. Командование армией прочно находилось в руках Валериана и Галлиена. Поэтому датировка и версия Аврелия Виктора может быть единственно реальной.

Ингенуя поддерживали не только паннонские легионы, но и другие войска, находившиеся в этом регионе, в том числе те, что стояли в Мезии (SHA Trig. tyr. 9, 1). Возможно, на поведение солдат оказал влияние перевод монетного двора из Вимиция в Рейн¹⁰⁵. Это ухудшило денежное снабжение местной армии, что вполне могло вызвать солдатское недовольство. Такая концентрация довольно сильных войск вокруг Ингенуя делала его мятеж более опасным для Галлиена, чем узурпация Постума. Галлиен не мог не помнить, что именно

¹⁰² О дате: *König I.* Op. cit. S. 51; *Kotula T.* L'usurpateur... P. 353.

¹⁰³ Об этом пойдет речь в главе о Галльской империи.

¹⁰⁴ Это имя передано разными авторами в различных вариантах: Ингенуй, Генуй, Инсб. Сейчас принято его называть Ингенуем: *Stein. Ingenuus // RE.* 1916. Hbd. 18. Sp. 1552; *Hanslik R.* Ingenuus // *Kleine Pauly.* 1979. Bd. 2. Sp. 1410.

¹⁰⁵ *Demougeot E.* Op. cit. P. 444.

активная поддержка паннонских легионов стала решающим фактором в победе Септимия Севера в 193 г. Конечно, убийство сына не могло не задеть чувств августа, но прагматичные соображения взяли верх. С другой стороны, опасность варварского вторжения в Италию была еще столь велика, что лично выступить против узурпатора Галлиен не мог. Он направил против Ингенуя одного из своих лучших генералов — Авреола (Zon. XII, 24), возглавившего довольно значительное войско, состоявшее из вексилляций 17 легионов, причем некоторые воинские части были вызваны даже из Британии¹⁰⁶. Тот сумел довольно быстро справиться с мятежом, разгромив войска мятежника около Мурсы. Сам Ингенуй то ли был убит, то ли покончил с собой (SHA Trig. tyr. 9, 4; Eutrop. IX, 8, 1; Oros. VII, 22, 10; Zon. XII, 24). Если верить «Треbelлия Поллиону», то Галлиен обрушил на сторонников Ингенуя жесточайшие репрессии, причем пали они не только на воинов, но в еще большей степени на гражданское население (SHA Trig. tyr. 9, 3–9). Это сообщение может говорить о поддержке узурпатора значительными слоями местного населения¹⁰⁷.

Однако почти сразу после подавления мятежа Ингенуя попытку захвата власти приблизительно в том же регионе предпринял Регалиан. Полагают, что он был наместником обеих Панноний (или только Верхней Паннонии) и обеих Мезий, а также, может быть, Дакии¹⁰⁸. По словам «Треbelлия Поллиона», он командовал войсками в Иллирике (in Illyrico ducatum gerens); несколько позже биограф называет его Illyrici dux (SHA Trig. tyr. 10, 1; 9) и сообщает, что назначен на этот пост он был еще Валерианом (SHA Trig. tyr. 10, 14). Сосредоточение в руках Регалиана такого «суперкомандования»¹⁰⁹ говорит и о его вхождении в высший слой тогдашнего генералитета¹¹⁰, и о трудном положении, в каком оказались придунайские провинции. Возможно, что именно в качестве главнокомандующего он одержал победу над сарматами (SHA Trig. tyr. 10, 2). Какова была его позиция во время выступления Ингенуя, неизвестно. Аврелий Виктор (33, 2) пишет, что Регалиан собрал войска Ингенуя, уцелевшие после поражения при

¹⁰⁶ Колосовская Ю. К. Указ. соч. С. 238–239.

¹⁰⁷ Сергеев И. П. Указ. соч. С. 117, 136. Е. М. Штаерман (Кризис... С. 478) отрицает достоверность сообщения «Треbelлия Поллиона» о репрессиях Галлиена.

¹⁰⁸ Колосовская Ю. К. Указ. соч. С. 240; Winkler G. Regalianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 1364.

¹⁰⁹ Fitz J. Vereinigung... S. 116.

¹¹⁰ «Треbelлий Поллион» (SHA Trig. tyr. 10, 8) называет его чрезвычайно испытанным в военном деле (in <re> militari semper probatus).

Мурсе, и этим удвоил войну (*bellum duplicaret*). Это как будто бы предполагает, что Регалиан участвовал в мятеже Ингенуя и после поражения и гибели узурпатора взял на себя командование уцелевшей частью мятежного войска. Вариант «Треbelлия Поллиона» немногим отличается: по его версии, мезийцы (т. е. явно солдаты мезийской армии), которые ранее сражались вместе с Ингенуем, теперь провозгласили императором Регалиана (*SHA Trig. tyr. 10, 1*). Существует предположение, что часть уцелевшей армии Ингенуя отошла в Паннонию, где ее принял под свое командование местный наместник Регалиан, к этому времени уже прославившийся своей победой над сарматами¹¹¹. Как бы то ни было, Регалиан был провозглашен императором и принял все официальные титулы. Он даже стал выпускать монеты от своего имени и от имени своей жены Дриантиллы. Не имея, видимо, в своем распоряжении соответствующего металлического запаса, он надчеканивал монеты предыдущих императоров от Септима Севера до Максимиана Фракийца¹¹². На этих монетах часто встречается сокращение «*Augg.*». Существует предположение, что Регалиан под вторым августом подразумевал Постума и этим пропагандировал союз с ним¹¹³. Однако более вероятно, что речь шла о самом Регалиане и его жене, так что под «*Augg.*» понимался *domus augusta*¹¹⁴. Аврелий Виктор (33, 2) пишет, что вскоре после разгрома Ингенуя Галлиен разгромил (*devicit*) и Регалиана. Можно предположить, что война с Регалианом явилась на деле продолжением подавления выступления Ингенуя и армия Галлиена под командованием Авреола обратилась теперь против нового мятежника и уничтожила и его. Однако в биографии Авреола говорится, что тот выступил не против Регалиана, а против Макриана (*SHA Trig. tyr. 11, 2*). О Регалиане же рассказывается, что он был убит роксоланами с согласия воинов и провинциалов, испугавшихся новых жестокостей Галлиена (*SHA Trig. tyr. 10, 2*). По-видимому, Авреол был действительно вынужден после подавления мятежа Ингенуя двинуться против Макриана, а галлиеновская дипломатия натравила на Регалиана роксоланов. Роксоланы были одним из сарматских племен. Во времена Страбона (VII, 3, 17) они жили между Борисфеном (Днепром) и Танаисом (Дон), но уже в 50-х гг. I в. н. э. появились на Нижнем Дунае и с тех пор не раз беспокоили своими набегами римские пограничные про-

¹¹¹ Göbl R. Op. cit. S. 61.

¹¹² Alföldy A. Studien... S. 103; Göbl R. Op. cit. S. 61, 139.

¹¹³ Сепеев И. П. Указ. соч. С. 117.

¹¹⁴ Göbl R. Op. cit. S. 139.

винции¹¹⁵. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, варвары вторглись в Паннонию, нанеся удар по Регалиану и его армии¹¹⁶. Оказавшись «между двух огней», сторонники Регалиана предпочли купить примирение с Галлисом путем убийства узурпатора.

Чрезвычайно серьезное положение сложилось на Востоке. Как говорилось выше, после разгрома Валериана и пленения самого императора римская армия в этом регионе практически перестала существовать и персы безнаказанно грабили Сирию и Малую Азию. Остатки римских войск сумел собрать Фульвий Макриан¹¹⁷, тот самый Макриан, который занимался имперскими финансами и которого христиане считали главным виновником начавшегося гонения. Во время последней кампании Валериана он отвечал и за продовольственное, и за финансовое снабжение армии и после гибели или пленения всего валериановского генералитета остался единственным высшим должностным лицом, что и оправдывает его определение «Требеллием Поллионом» как полководца (*dux*) (SHA Trig. tyr 12, 1)¹¹⁸. Петр Патриций сообщает, что, оказавшись в плену, Валериан послал некоего Кледония к Макриану, чтобы тот добился от Ша тура его освобождения, но Макриан ничего делать не захотел¹¹⁹. Евсевий (HE VII, 23, 1) со слов современника событий Дионисия прямо обвиняет Макриана в предательстве Валериана¹²⁰. Макриан, укрепившись в Самосате на Верхнем Евфрате, где, возможно, находилась походная казна восточной армии, использовал имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Он признал Галлиена императором и стал выпускать деньги от его имени, но не от имени попавшего в плен Валериана¹²¹. Зосим (I, 39, 1) пишет, что пальмирский правитель Оденат выступил против персов, соединившись с теми римскими легионами, которые оставались

¹¹⁵ Мошкова М. Г. Краткий очерк истории савроматско-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 155–156. Возможно, что именно роксоланы были теми сарматами, с которыми недавно столь успешно сражался Регалиан.

¹¹⁶ Demougeot E. Op. cit. P. 445–446.

¹¹⁷ Синкелл (р. 716) приписывает соби́рание остатков римских войск Каллисту, которого он называет полководцем (*στρατηγός*) римлян. Речь явно идет о сфратнике Макриана Баллисте (Каллисте). Судя по последующим событиям, Каллист-Баллиста все же играл второстепенную роль по сравнению с Макрианом.

¹¹⁸ Pflaum H.-G. Les carrières... P. 932–933.

¹¹⁹ Фрагмент приведен: Ibid. P. 928.

¹²⁰ Это обвинение в значительной степени (если не полностью) объясняется ненавистью христианина к Макриану, которого, как говорилось выше, христиане считали главным виновником гонения при Валериане.

¹²¹ Collu J.-P. La politique monétaire... P. 212; Christoll M. Les règnes... P. 818.

в регионе. Это могли быть только войска, собранные Макрианом. Видимо, объединившись с Оденатом, Макриан сумел нанести поражение персам, возвращающимся, как полагают, после грабежей в Малой Азии¹²². По словам Синкелла (р. 716), было убито три тысячи персов. Эта победа, разумеется, придала фигуре Макриана определенный авторитет: он совершил то, чего не сумел совершить император. Может быть, Макриан надеялся, что Галлиен, занятый западными и балканскими делами, сделает его как успешного командира фактическим правителем восточной части Империи. О том, что такие надежды были не беспочвенны, свидетельствуют последующие события, когда Галлиен предоставил Оденату фактическую власть на Востоке при условии формального признания верховенства римского императора. А может быть, наоборот, признавая Галлиена, Макриан надеялся на его помощь в дальнейшей борьбе с персами. Однако и в том, и в другом случае надежды Макриана рухнули. Вскоре после получения известия о пленении отца Галлиен резко изменил отношение к христианам и прекратил гонение. Евсевий (HE VII, 13) приводит в переводе на греческий язык рескрипт Галлиена, направленный египетским епископам, в котором тот восстанавливает свободу христианского культа¹²³. Это не могло не вызвать негативной реакции Макриана: во-первых, он лично был тесно связан с преследованием христиан (недаром те его так ненавидели), а во-вторых, этот рескрипт, направленный в обход него непосредственно даже не местным чиновникам, а христианским епископам, показывал, что император считал себя и только себя реальным правителем и этой части Империи. Может быть, в ответ на это Макриан демонстративно обратился к древним египетским богам (Euseb. HE VII, 10, 5) и объявил себя главой магов, т. е. скорее всего египетских жрецов¹²⁴. Если же Макриан рассчитывал на помощь Галлиена в дальнейшей войне с персами, то возможностей для этого у Галлиена не было.

¹²² Potter D. S. The Roman Empire... P. 259; Southern P. Op. cit. P. 100.

¹²³ Евсевий обозначает рескрипт греческим словом ἀντὶγράφη, что полностью соответствует латинскому *rescriptum*. Следовательно, инициатива исходила именно от епископов. Но Галлиен явно воспользовался их обращением, чтобы отменить репрессивные меры Валериана. Эта отмена была распространена на всю Империю, точнее на ту часть, которая находилась под властью Галлиена. Евсевий упоминает, что другие распоряжения император направил и прочим епископам.

¹²⁴ Le Glay M. La religion romaine. Paris, 1997. P. 71. Может быть, впервые в борьбе узуриатора и законного императора было столь активно использовано религиозное оружие.

Как бы то ни было, Макриан решился Галлиеном пренебречь (*contemnendum*). Его поддержал Баллиста (или Каллист), занимавший должность префекта конницы. Впрочем, ни Макриан, ни Баллиста не решились сами провозгласить себя императорами. Может быть, они питали подозрения друг к другу, а может быть, если верить «Требеллию Поллиону», возраст помешал им сделать это. Кроме того, оба они были всадниками. Хотя в римской истории уже были случаи занятия трона всадниками, ни сам Макриан, ни его сподвижник на такой шаг не решились. Во всяком случае императорами были объявлены сыновья Макриана Макриан Младший и Квиет (SHA Trig. tyr. 12, 1–11; Zon. XII, 24). Судя по папирусным данным, это произошло между 2 и 16 сентября 260 г.¹²⁵ Макриан и, может быть, Баллиста явно рассчитывали править за спинами этих юношей. Власть сыновей Макриана признали Египет и все азиатские провинции Империи. Возможно, что персы, решившись воспользоваться сложившейся ситуацией, признали узурпаторов законными императорами. В дошедшем до нас отрывке одного персидского письма Квиет, оставленный отцом на Востоке, назван императором с обычным титулом «благочестивый»¹²⁶. Столицей возникшего государства стала, видимо, Эмеса. Во всяком случае, именно там выпускали монеты с именами Макриана и Квиета¹²⁷.

В правящем на Востоке тандеме (или квартете) решающую роль, как кажется, играл Макриан Старший. Именно он направил Пизона на Балканы против проконсула Ахайи Валента. Это показывает, что теперь Макриан не собирался ограничиваться только Востоком, а стал претендовать на власть во всей Империи. Поход Пизона оказался неудачным. Он был вытеснен в Фессалию, а Валент сам провозгласил себя императором (SHA Gal. 2, 2–3; Trig. tyr. 19, 1–3; 21, 1; Epit. 32, 4; Amm. Marc. XXI, 16, 10). Автор «Эпитомы» утверждает, что Валент захватил власть в Македонии, чему соответствует его прозвище, приведенное Аммианом, — Фессалоник (*Thessalonicus*). Возможно, что после победы над Пизоном Валент захватил Македонию, где и объявил себя императором¹²⁸. То же самое сделал, несмотря на поражение, Пизон, получив прозвище Фессалийского (SHA Trig. tyr. 21,

¹²⁵ Rathbone D. W. Dates... P. 119; Göbl R. Op. cit. S. 62.

¹²⁶ Altheim F., Stiel R. Asien und Rom. Tübingen, 1952. S. 9–18.

¹²⁷ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 220. По мнению Ж.-П. Калю, Эмеса была единственным городом, в котором чеканились эти монеты.

¹²⁸ Strüßler D. Valens // RE. 1948. Hbd. 14A. Sp. 2138.

1)¹²⁹. Но и тот, и другой узурпатор продержались недолго и были убиты собственными войсками (SHA Trig. tyr. 19, 3; 21, 1). После этого Макриан решил взять руководство операцией в собственные руки. На Востоке под опекой Баллисты был оставлен Квиет, а сам он вместе со старшим сыном во главе армии то ли из 30, то ли из 45 тысяч воинов двинулся в Европу. Против него выступил Авреол, только недавно разгромивший Ингенуя. В сражении в Иллирике или на границе с Фракией армия Макриана была разбита, и сам он, и его сын погибли. Узнав о таком повороте дела, против Баллисты и Квиета выступил Оденат, прервавший свой победоносный поход против персов. Баллиста предал Квиета, который был убит Оденатом (SHA Gal. 2, 5–3, 4; Trig tyr. 12, 12–14; 13, 1–3; 14, 1; 15, 4)¹³⁰. В ноябре 261 г. власть римского императора на Востоке официально была восстановлена¹³¹. Но фактически Галлиен, не имея сил установить свой реальный контроль над всей восточной частью Империи, предоставил власть Оденату, который к тому времени и успешно сражался с персами, и доказал свою преданность самому Галлиену.

Однако относительное спокойствие вернулось на Восток только после подавления очередного мятежа. На этот раз его инициатором стал префект Египта Г. Муссий Эмилиан. Незадолго до этого он активно поддержал Макриана и в качестве префекта успешно сражался с блеммями и меронитами, приобретая этими победами значительный авторитет (SHA Trig. tyr. 22, 6)¹³². Теперь, не добившись прощения

¹²⁹ Существует сомнение, был ли действительно Пизон одним из узурпаторов. Оно основано, во-первых, на том, что автор «Эпитомы» (32, 3–4), перечисляя узурпаторов того времени, не упоминает Пизона, а во-вторых, на попытке обожествления Пизона, какое сделал в сенате консуляр Аррелий Фуск в надежде на поддержку его предложения и императорами, и на почестях, которыми сенат, не обожествляя, все-таки наградил Пизона (SHA Trig. tyr. 21, 3–6): Klass. Piso // RE. 1950. Hbd. 40. Sp. 1804. Однако эти доводы едва ли безупречны. Основываться на том, что писатель не назвал Пизона, трудно, ибо нельзя доказать, что он перечислил обязательно всех претендентов на трон. Что же касается рассказа о предложении Фуска и решении сената, то он может быть и недостоверным, поскольку автор и в других пассажах всячески стремится прославить соперников Галлиена. К тому же если даже рассказ полностью достоверен, то он датирует это событие временем, когда правила совместно Галлиен, Валериан и Салонин, т. е. еще до пленения Валериана и выступления Макриана и Баллисты, так что к узурпации самого Пизона он отношения не имеет.

¹³⁰ Сведения о дальнейшей судьбе Баллисты противоречивы. По одним, он был убит вместе с Квиетом (SHA Trig. tyr. 14, 1), по другим, после предательства и убийства Квиета он сам провозгласил себя императором (SHA Trig. tyr. 18, 1), наконец, по третьим, получив прощение, он умер частным человеком в своем сирийском имении (SHA Trig. tyr. 18, 2).

¹³¹ Alföldy A. Studien... S. 351; Göbl R. Op. cit. S. 63.

¹³² Desanges J. Op. cit. P. 342–343.

за поддержку Макриана, он сам провозгласил себя императором. Узурпация Эмилиана была особенно опасна тем, что Египет являлся важнейшим источником хлеба для Рима и Италии, и его правитель мог заставить капитулировать центральную власть под угрозой голода. Эмилиан так и сделал: он захватил склады и угрожал голодом многим городам. Галлиен направил против него армию под командованием Аврелия Теодота. Эмилиан был разбит и захвачен в плен. В Риме он был задушен в тюрьме (SHA Gal. 4, 1–2; 5, 6; 9, 1; Trig. туг. 22, 4–8; Epit. 32, 4)¹³³. Зосим (I, 38, 1) упоминает еще одного узурпатора, выступившего на Востоке, — мавра Мемора. Он, видимо, был офицером мавретанских войск, и его выступление может быть связано с мятежом Эмилиана¹³⁴.

Состоянием фактической гражданской войны, в каком оказалась Римская империя после пленения Валериана, в полной мере воспользовались варвары. На юге блеммии вторглись в Египет и захватили Фиваиду. Они были вытеснены Эмилианом уже после его провозглашения императором (SHA Trig. туг. 22, 6). По-прежнему нависала угроза над самой Италией. Однако самым тяжелым было положение, сложившееся в балканско-черноморском регионе. Мятежи Ингенуя и Регалиана и связанные с их подавлением тяжелые потери оголили в этом регионе границу. По словам Зосима (I, 37, 3), Иллирия подверглась атакам «скифов», и им практически никто не противостоял¹³⁵. Археология подтверждает разрушения, сделанные варварами во время этого нашествия¹³⁶. Само по себе это вторжение было просто грабительским, и варвары, скорее всего готы, спокойно ушли со своей добычей. Но это вторжение стало предвестием другого, более грозного.

«Требеллий Поллион» сообщает о выступлении рабов на Сицилии (SHA Gal. 4, 9). Он характеризует это выступление как «нечто вроде рабской войны» (*quasi quondam servile bellum*). Это утверждение биографа явно относит читателя к мощным рабским восстаниям конца республики, которые тоже определяли как рабские войны¹³⁷. Автор связывает сицилийские события с общими потрясениями всей

¹³³ Pflaum H.-G. Les carrières... P. 925–927; Alföldy A. Studien... S. 187.

¹³⁴ Alföldy A. Studien... S. 188; Paschoud F. Notes. P. 158.

¹³⁵ Зосим явно различает это нападение «скифов» и их вторжение в Грецию и другие области, которое произошло позже и о котором он говорит в другой главе.

¹³⁶ Посу К. Zur Baugeschichte des Legionslager von Aquincum zwischen 260 und 320 // Akten des 14. Internationaler Limeskongresses. Wien, 1990. S. 629.

¹³⁷ Именно оба восстания рабов на Сицилии Флор (II, 7 [III, 19]) определяет как *bellum servile*.

римской вселенной, возникшими «словно вследствие заговора всего мира»¹³⁸ (*quasi coniuratione totius mundi*). Это перекликается с приведенными выше словами Евтропия и Аврелия Виктора, которые относятся к событиям после пленения Валериана. Это позволяет, хотя и с большой осторожностью, отнести выступление сицилийских рабов к тому же времени, к 260–262 гг. И само определение событий на острове как подобия рабской войны, и утверждение биографа, что бродившие там разбойники, т. е. явно повстанцы, были с трудом (*vix*) разгромлены, ясно говорят о значительном масштабе восстания, хотя его подробности, к сожалению, неизвестны.

И все же можно сказать, что в 262 г. острая фаза политического кризиса была преодолена. Галлиен во многом благодаря своей энергии и трезвой оценке политических и военных приоритетов сумел выйти из этой трудной ситуации, но не без потерь. Его реальная власть распространялась теперь только на часть государства. Не имея сил вмешаться в восточные дела, Галлиен фактически признал правителем, по крайней мере части восточных провинций, пальмирского правителя Одената. На Западе же сложилась патовая ситуация. Постум не имел сил захватить Рим и ограничился властью над заальпийскими провинциями, а у Галлиена не было никаких возможностей вернуть эти провинции под свою власть. Это не значит, что он смирился с таким положением. Как только ситуация на Балканах и на Востоке более или менее стабилизировалась, Галлиен начал готовиться к войне с Постумом. Он даже уже стал чеканить монеты с легендами *OB LIBERTATEM RECEPTAM, OD REDDIT(am) LIBERTATEM, FELICITAS AUGUSTI*, в которых под *libertas* подразумевал освобождение Галлии от власти узурпатора¹³⁹. Галлиен даже начал, вероятно, в 264 или 265 г. эту войну, но был ранен и отступил (*SHA Gal.* 4, 4). Таким образом, Римская империя практически распалась на три части. И это в значительной степени стало результатом кризиса 260–262 гг.

После тяжелых испытаний наступила некоторая передышка. Галлиен частично учел уроки варварского вторжения и реорганизовал оборону дунайской границы. Были покинуты некоторые мелкие укрепления, которые все равно не смогли бы сдержать врагов. Зато были перестроены и еще лучше укреплены более крупные опорные пункты, такие, как, например, Аквинк и лагеря когорт к югу и северу от него, которые и должны были стать основными узлами обороны¹⁴⁰.

¹³⁸ Перевод С. Н. Кондратьева: Властелины Рима. М., 1992. С. 228.

¹³⁹ Alföldy A. Studien... S. 72; Göbl R. Op. cit. S. 68, 89, 115.

¹⁴⁰ Рочу К. Op. cit. S. 629–630.

Осенью 262 г. Галлиен возвратился в Рим и торжественно отпраздновал *decennalia*, десятилетие своей власти (SHA Gal. 8–9). Сам ход празднования полностью соответствовал римским традициям, и своим пышным триумфом император подчеркивал значение своих побед. Характерно, что триумфальным шествием отмечались победы (реальные или мнимые) только над внешними врагами, и не было никаких намеков на разгром узурпаторов. Галлиен, как бы восстанавливая традиции времени республики, демонстрировал свое нежелание праздновать победы над согражданами: только победы во внешних войнах могут прославляться подобными праздниками. Это празднование дало Галлиену повод подчеркнуть его связь с армией. Об этом ясно свидетельствуют монеты, прославляющие в первую очередь *fides* и подчеркивающие роль Галлиена как хранителя или спасителя армии (*conservator exercitus*)¹⁴¹.

Армия всегда была главной опорой императоров, но в III в., когда внешние и внутренние опасности постоянно угрожали императорской власти, роль армии выросла еще больше. И это прекрасно понимали Валериан и Галлиен. Они сами пришли к власти с помощью армии и, как и предшествующие принцепсы, в первую очередь стремились добиться расположения воинов. Отсюда и финансовая политика, направленная прежде всего на снабжение армии¹⁴². Одним из средств, помогающих лучше снабжать войска необходимыми деньгами, явилась децентрализация монетного дела¹⁴³. Это началось еще раньше, но в правление Валериана и Галлиена были сделаны новые и решительные шаги в этом направлении. Новые монетные дворы находились в районах расположения войск и особенно резиденций императора. Так, после переезда Галлиена из Виминация в Колонию Агриппину туда был переведен и монетный двор. В 259 г. такой двор был создан в Медиолане, и он стал крупнейшей монетной мастерской Империи после Рима. На Востоке, явно готовясь к войне с персами, Валериан в 254–255 гг. стал чеканить монеты в Самосате. Когда Галлиен стал единственным императором и разгромил узурпаторов, новые монетные дворы были созданы в Сисции и Кизике¹⁴⁴. Это привело к увеличению монетной массы, но стоимость денег стремительно уменьшалась. В условиях, когда денег требовалось

¹⁴¹ Göbl R. Op. cit. S. 66–67, 88, 110.

¹⁴² Southern P. Op. cit. P. 96.

¹⁴³ На Востоке Антиохия и Александрия издавна сохраняли монетные дворы, выпускавшие свои монеты, имевшие не только чисто местное, как многие бронзовые городские монеты, но и общенимперское хождение.

¹⁴⁴ Göbl R. Op. cit. S. 96–127, 132–135.

все больше, ибо в сложившейся ситуации они являлись практически главным средством добиться поддержки армии, а источников дохода становилось все меньше, единственным выходом было уменьшение содержания в монете драгоценного металла. Если в начале правления Валериана в антонинане содержалось около 20% серебра, то к моменту пленения императора содержание серебра в этой монете уменьшилось до 10%, а в конце правления Галлиена — до 2%¹⁴⁵.

РЕФОРМЫ ГАЛЛИЕНА

Тяжелое положение, в каком находилась Римская империя, заставило Галлиена провести очень важные реформы. У него едва ли был какой-либо заранее продуманный план реформ, и каждая из них была вызвана острой необходимостью¹⁴⁶. Реформы Галлиен начал проводить, видимо, еще тогда, когда он по желанию отца был признан августом, а затем оставлен им правителем Запада. Уже в 258 г. в Колонии Агриппине начали чеканиться монеты с легендой *GALLIENUS CVM EXER(cito) SVO* без всякого упоминания Валериана¹⁴⁷, что может говорить о фактическом его разрыве с отцом, в результате которого Галлиен, опирающийся на собственную армию, получил свободу рук для проведения своих реформ¹⁴⁸. Поражение Валериана и неспособность эффективно противостоять варварским вторжениям, по-видимому, ускорили проведение военной реформы. События на Востоке ясно показали устарелость традиционной римской военной системы. Эту устарелость уже пытались преодолеть и раньше, но тогда это были лишь отдельные изменения. Так, например, тяжелые кавалеристы (катафракты или катафрактари) появляются в римской армии со времени Адриана и довольно широко используются при Александре Севере¹⁴⁹. При Адриане же появляются и *pumeri*, т. е. иррегулярные подразделения, набираемые обычно из какой-либо одной этнической группы и дополняющие уже ставшие традиционными вспомогательные единицы римской

¹⁴⁵ Ziolkowski A. Op. cit. P. 416.

¹⁴⁶ Southern P. Op. cit. P. 82.

¹⁴⁷ Göbl R. Op. cit. S. 99.

¹⁴⁸ Alföldy A. Studien... S. 361.

¹⁴⁹ Eadie J. W. The Development of Roman Mailed Cavalry // JRS. 1967. Vol. 57. P. 168; Neumann A. Kataphraktoi // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Sp. 159; Faust W. Die Grabstelen des 2. und 3. Jahrhunderts am Rheingebiet. Köln; Bonn, 1998. S. 7–9; Ле Бож Я. Указ. соч. С. 38.

армии¹⁵⁰. Заслугой Галлиена является расширение и дополнение этих нововведений и объединение их в некую систему¹⁵¹. В каждом легионе теперь создаются отряды тяжелой и легкой кавалерии. Вся конница ставится под единое командование. Таким командующим всей конницей накануне своего мятежа был Авреол (Zos. I, 40, 1; Zon. XII, 25)¹⁵². Для сохранения контроля Галлиена над оставшейся под его властью частью Империи особенно важна была Северная Италия, являвшаяся, с одной стороны, одной из житниц государства вообще, а с другой — тем «шарниром», который связывал между собой различные части Римской империи. Поэтому вполне естественно, что ставку нового конного корпуса Галлиен расположил в Медиолане, откуда в случае необходимости его можно было сравнительно легко перебросить и на Дунай, и на Рейн¹⁵³. Возможно, уже при Галлиене появляются и *stabilesiani*, отдельные кавалерийские части, действующие в рамках отдельных провинций¹⁵⁴. Реорганизуются сами легионы. Для защиты имперских границ преобразуется пограничная служба. Первую линию пограничной защиты составили

¹⁵⁰ Millar F. The Roman Empire... P. 112, 123.

¹⁵¹ Eadie J. W. Op. cit. P. 168; Christol M. La carrière de Traianus Mucianus et l'origine des *protectores* // Chiron. 1977. Bd. 7. P. 393; Berchem D. van. Armée de frontière de manœuvre: alternative stratégique ou politique? // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln; Bonn, 1977. Bd. II. P. 541–542; Demandt A. Op. cit. S. 258; Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry. Burns and Noble, 2000. P. 30; Southern P. Op. cit. P. 82–89; Глушанин Е. П. Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 100; Сергеев И. П. Указ. соч. С. 59–61; Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 175; Банников А. В. Эволюция римской военной системы в эпоху Поздней Империи. Автореф. ... канд. дис. СПб., 2003. С. 16; Куликова Ю. В. Концепция власти в эпоху солдатских императоров // Studia historica VII. М., 2007. С. 147.

¹⁵² Иногда создание Галлиеном отдельного кавалерийского корпуса считается историографическим мифом: Ziolkowski A. Op. cit. P. 408. Единственным по существу доводом в пользу этого суждения является тот факт, что такого корпуса не существовало в эпоху Диоклетиана. Однако исследование развития римской армии показало, что военные реформы Диоклетиана вообще были противоположны реформе Галлиена (Berchem D. van. Armée... P. 542–543). Не исключено, впрочем, что отдельный кавалерийский корпус был по каким-то причинам распущен еще до Диоклетиана кем-то из преемников Галлиена. Наименование Зосимом Авреола командующим всей (πᾶσης) кавалерией ясно говорит об отдельном командовании и, следовательно, о существовании войска под этим командованием. Наконец, тот же Авреол после своего мятежа, чеканя в Медиолане монеты, помещает на них легенду *rax equitum* и *virtus equitum*, подчеркивая свою связь именно с конницей (Alföldy A. Studien... S. 6–10).

¹⁵³ Levi M. A. Op. cit. P. 508–509; Southern P. Op. cit. P. 88–89; Сергеев И. П. Указ. соч. С. 62.

¹⁵⁴ Speidel M. L. *Stablesiani* // Chiron. 1974. Bd. 4. P. 145–146.

части так называемых *puneri*. Этот термин использовался издавна, обозначая различные отряды, составленные в основном из неграждан¹⁵⁵. Теперь же он приобрел специфическое значение: им стали называть вспомогательные воинские части, не включенные в легионы. Их воины происходили из менее романизированной части населения Империи. После эдикта Каракаллы эти люди тоже имели римское гражданство, и в этом отношении они были приравнены к легионерам. Но воины этих частей сохранили свои обычаи и свое вооружение и были поставлены под командование собственных начальников. Число таких этнических воинских единиц теперь увеличилось. Возможно, Галлиен создал новые такие части, в том числе подразделение далматских всадников, игравшее, как показали последующие события, значительную роль не только в чисто военных, но и в политических вопросах¹⁵⁶. Штабы этих частей располагались в Августе Треверов и Колонии Агриппине на Рейне (по крайней мере, до отпадения Галлии), в Сирмии на Дунае и в Антиохии. Вслед за ними располагались отдельные векилляции различных легионов. Векилляции вообще стали использоваться чаще, чем целые легионы, ибо это обеспечивало более быструю и по возможности адекватную реакцию на то или иное обострение обстановки. Фактически создавалась мобильная армия, которую можно было сравнительно быстро перебрасывать с места на место по мере необходимости¹⁵⁷. Общая ставка командования находилась в Медиолане. Каждой воинской единицей командовал *praepositus*, этот же титул носил и общий командующий. Во главе отдельных группировок или войск, находившихся в провинции, стоял *dux*, наместнику провинции не подчинявшийся. И все они, как правило, были всадниками. Таким образом, создавалась стройная военная система, независимая от гражданских властей. Большое внимание Галлиен обратил и на собственную охрану. В прошлом, в том числе и сравнительно недавно, преторианцы не раз решали судьбу государства и его главы. Поэтому Галлиен, не распуская преторианские когорты, создал особый корпус «защитников» (*protectores*), составленный из избран-

¹⁵⁵ *Saddington D. B.* The Development of the Roman Auxiliary Forces from Augustus to Trajan // ANRW. 1975. Bd. II, 3. P. 197–198; *Spaidel M. P.* The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army // Ibid. P. 202–203. *Neumann A.* Numerus // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 3. Sp. 195; *Dixon K. R., Southern P.* Op. cit. P. 31; *Saddington D. B.* The Development of the Roman Auxiliary Forces from Augustus to Trajan // ANRW. 1975. Bd. II, 3. P. 197–198; *Spaidel M. P.* The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army // Ibid. P. 202–203.

¹⁵⁶ *Spaidel M. P.* The Rise... P. 220–225.

¹⁵⁷ *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 101.

ных офицеров мобильной армии¹⁵⁸. В этих «защитниках» император, вероятно, видел зародыш новой аристократии, которая заменит сенаторскую¹⁵⁹. В условиях все нарастающего кризиса новая военная система не дала ожидаемого эффекта, но уже в другой ситуации была использована и усовершенствована при проведении военных реформ Диоклетиана и Константина.

С этой военной реформой, несомненно, связана и политическая реформа Галлиена¹⁶⁰. Аврелий Виктор (Caes. 33, 34) пишет, что Галлиен первым запретил сенаторам нести военную службу и приближаться к войску. А в другом месте (37, 6) он прямо упоминает эдикт Галлиена (*Gallieni edicto*). По поводу этих сообщений существуют две различные точки зрения. В том, что во второй половине III в. сенаторы действительно были отодвинуты от армии и что это в большой степени связано с военной реформой, согласны все. Но одни полагают, что никакого специального эдикта издано не было, и вытеснение сенаторов из военной верхушки проходило более или менее постепенно, являясь результатом создания новой военной системы¹⁶¹, а другие считают, что речь идет о специальном императорском акте, изданном в 262 г.¹⁶² Если следовать тексту Аврелия Виктора буквально, то надо признать правоту вторых. Действительно, историк недвусмысленно говорит о запрещении императора (*vetuit*) и даже совершенно ясно упоминает эдикт. Немного раньше (33, 33–34) Виктор пишет о причине этого запрещения и о реакции на него сенаторов.

¹⁵⁸ *Christol M.* La carrière... P. 394–408; *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 148; *Ле Бож Я.* Указ. соч. С. 299–301; *Campbell B.* The army // САН. 2005. Vol. XII. P. 115–119. По мнению П. Саутхерна (Op. cit. P. 90), *protectores* не были телохранителями, а сам этот титул являлся лишь знаком отличия наиболее преданных военных. Окончательно этот вопрос, по-видимому, пока решить невозможно из-за относительной скудости источникового материала.

¹⁵⁹ *Southern P.* Op. cit. P. 90–91.

¹⁶⁰ *Altheim F.* Niedergang... S. 162; *Pflaum H. G.* Zur Reform des Kaisers Gallienus // *Historia*. 1976. Bd. 25, 1. S. 109–110; *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 102–103; *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. СПб., 2006. С. 187–188.

¹⁶¹ *Syme R.* Emperors... P. 241; *Alföldy G.* Stória... P. 237; *Сергеев И. П.* Указ. соч. С. 63–64.

¹⁶² *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 120–121; *Chastagnol A.* L'évolution de l'ordre sénatorial aux III et IV siècles de notre ère // *Revue Historique*. 1970. T. 496. P. 307; *Lo Cascio E.* Op. cit. P. 160; *Le Glay M.* Op. cit. P. 303–304; *Carrié J.-M., Rousselle A.* L'Empire romain en mutation. Paris, 1999. P. 134; *Southern P.* Op. cit. P. 92; *Банников А. В.* Указ. соч. С. 16–17. Б. Малкус, в целом скептически относящийся к достоверности сообщений Аврелия Виктора, все же полагает, что тот мог сам видеть этот эдикт, и, следовательно, существование этого документа вполне возможно; *Malcus B.* Notes sur la révolution administrative romaine au IIIe siècle // *Opuscula Romana*. Vol. VII. P. 214–216.

Причиной, по мнению автора, является страх Галлиена, как бы из-за его нерадивости (*socordiae suae*) власть не была передана лучшим представителям знати (*ad optimos nobilium*). Сенаторы же восприняли этот акт императора как оскорбление, нанесенное их сословию (*proprii ordinis contumelia*).

Историографическая реакция не заставила себя ждать¹⁶³. Тот же Аврелий Виктор, рассказывая об энергичных действиях Галлиена, ко всей деятельности этого императора относится в целом отрицательно. Он приводит многочисленные факты позорного, на его взгляд, поведения Галлиена. В частности, по его мнению, именно посещение императором харчевен и винных лавок во время чумы в Риме, а особенно тот факт, что он находился под властью своей жены Салонины и в то же время позорно имел любовницей дочь германского царя Аттала Пипу, и вызвали наиболее ожесточенные внутренние смуты (6). В разгар этих смут и вторжений варваров Галлиен, по словам Аврелия Виктора, бесчестно (*improbe*) внушал гражданам, что всюду царит мир, и даже устраивал игры и триумфальные праздники. При этом историк прибавляет, что так бывает обычно, когда государством управляют по произволу (*ex voluntate*) (15). И вообще действия этого принцепса он называет гнусностями, преступлениями (*flagitia*) (29). Даже убийство Галлиена автор счел совершенным на общее благо (*bono publico*).

Аврелию Виктору вторит и биограф Галлиена. Так, рассказав о достижениях того в искусстве, «Треbelлий Поллион» сразу же оговаривается, что от императора требуются иные качества, чем от оратора и поэта (*SHA Gal. 11, 6–9*). В некоторой степени итогом всего повествования (хотя этот пассаж помещен приблизительно в середине рассказа) служат слова биографа, что у Галлиена Римское государство было чуть ли не в пренебрежении (*contempta prope re publica*) (11, 5). И Евтропий (IX, 8, 1) говорит, что Галлиен правил сначала счастливо, затем приемлемо, а в конце пагубно (*primus feliciter, mox commode, ad ultimum perniciose*). Эти негативные оценки в огромной степени контрастируют с описаниями деятельности Галлиена, даваемыми этими же авторами.

¹⁶³ *Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 90.* Конечно, некоторые черты характера и поведения самого Галлиена давали пищу негативным слухам и повод для отрицательной характеристики императора. Но все же главным было другое: резкое недовольство реформой Галлиена. И едва ли надо всерьез принимать все обвинения, предъявляемые Галлиену просенатской историографией (см., например: Куликова Ю. В. Концепция власти в эпоху солдатских императоров // *Studia historica* — VII. М., 2007. С. 143).

Характерны события, происшедшие в Риме после смерти Галлиена. Аврелий Виктор (33, 31–32) и Зонара (XII, 26) рассказывают, что после прихода в столицу известия об убийстве Галлиена сенат обрушился на всех сподвижников и родственников убитого принцепса, включая его брата и сына, и лишь его преемник Клавдий от имени солдат предписал прекратить бесчинства, в которых в равной степени участвовали и знать, и народ (*nobilitas plebesque*). По словам «Треbelлия Поллиона», солдаты после убийства Галлиена тоже подняли мятеж, но уже ради мести за убитого императора, ибо он был, по их мнению, полезным (*utilem*), нужным (*necessarium*), смелым (*fortem*), а потому и способным вызвать зависть (*efficacem ad invidiam*). И недаром, как только что было сказано, действуя от имени солдат, новый император сумел добиться прекращения волнений. Более того, Клавдий даже заставил сенат обожествить Галлиена (Aug. Vict. Caes. 33, 27–29). И лишь после того как один из заговорщиков — Марциан — раздал солдатам деньги, их настроение радикально изменилось, и воины потребовали, чтобы Галлиена объявили тираном (SHA Gal. 15, 2). Такое отношение к Галлиену не могло не быть связано с его отношениями с сенатом¹⁶⁴.

Аврелий Виктор (29) называет Галлиена «худшим (*pessimus*) принцепсом» и говорит, что с ним всегда будут сравнивать плохих правителей. Здесь нельзя не вспомнить официальное признание Траяна «лучшим принцепсом» и пожелание вновь вступившим на трон быть «лучше Траяна». Галлиен, таким образом, предстает как прямая противоположность столь любимому сенаторами Траяну¹⁶⁵. Более того, столь отрицательная оценка этого императора контрастирует с прославлением его отца Валериана, биография которого приписывается тому же «Треbelлию Поллиону». Даже позорное поражение Валериана (какого, кстати, Галлиен не испытывал) приписывается лишь неизбежному року (*fatali... necessitate*) (SHA Val. 7). И это при том, что для авторов (или автора) сочинения победы на поле боя были неотъемлемым критерием «хорошего принцепса»¹⁶⁶. Галлиена противопоставляли и его преемнику Клавдию, о котором его биограф (2, 3) говорит, что в нем соединились доблесть (*virtus*) Траяна, благочестие Антонина, умеренность Августа и добрые качества (*bona*) великих государей. Разумеется, такая оценка Клавдия была в огромной

¹⁶⁴ Drinkwater J. Op. cit. P. 48.

¹⁶⁵ Особенно пикантно эта характеристика звучит, если учесть, что сам-то Галлиен, как раз явно сравнивая себя с тем же Траяном, называл себя *optimus princeps*: Göbl R. Op. cit. S. 88.

¹⁶⁶ Rösger A. Die Darstellung des Perserfeldzugs des Severus Alexander in Historia Augusta // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1975/1976. Bonn, 1978. S. 167.

степени вызвана претензией Констанция Хлора и, следовательно, его потомков на происхождение от этого императора (SHA Claud. 13, 2). Сам автор биографии (1, 1) недвусмысленно говорит, что именно Констанций был инициатором создания жизнеописания Клавдия. Даже если это утверждение подвергать сомнению, а генеалогию Констанция считать вымышленной, «социальный заказ» здесь несомненен¹⁶⁷. Но в данном случае важен другой аспект. Появление таких негативных оценок и противопоставление Галлиена как некоторым предшественникам, так и преемникам становятся вполне понятными, если учесть, что в историографии, особенно латинской, господствовала ясно выраженная просенатская тенденция. И они, несомненно, отражают резкое недовольство сената деятельностью Галлиена¹⁶⁸.

Думается, что, если бы Галлиен только продолжал политику своих предшественников, отношение сенаторов к нему и его деятельности не было бы столь отрицательным. Это суждение, разумеется, не является доказательством, но представляется все же косвенным доводом в пользу версии о принятии Галлиеном радикального акта, резко изменившего положение сената. Эпиграфические свидетельства подтверждают, что после 262 г. сенаторские легаты начинают довольно быстро заменяться чиновниками и командирами всаднического ранга¹⁶⁹. Конечно, мгновенной замены произойти не могло, но процесс, начатый уже раньше, теперь резко ускорился.

¹⁶⁷ Syme R. The Ancestry of Constantine // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1971. Bonn, 1974. P. 237–242, 245.

¹⁶⁸ Syme R. The Ancestry... P. 243. Bengtson H. Römische Geschichte. München, 1985. S. 340; Alföldy A. Studien... S. 417–418; Автор (или авторы) «Истории августов» занимает совершенно ясную просенатскую позицию: Alföldy G. Die römische Sozialordnung in der Historia Augusta // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1975/1976. Bonn, 1978. S. 49. Это отражается, в частности, в оценке деятельности Галлиена. А. Алфёльди обращает внимание на то, что в кодексе Юстиниана очень мало эдиктов Галлиена, что, по его мнению, является еще одним доказательством враждебного отношения сенаторских кругов к этому императору. Такое враждебное отношение к Галлиену в противоположность положительной оценке Валериана часто объясняют антихристианской тенденцией «Истории августов», поскольку Валериан преследовал христиан, а его сын прекратил эти преследования: например, Béranger J. L'hérédité... P. 1, 13. Но думается, что это едва ли так. По крайней мере, это не могло быть единственной причиной. У сената явно были и другие резоны ненавидеть Галлиена. Уже давно было отмечено, что греческие авторы относятся к Галлиену гораздо более доброжелательно (Alföldy A. Studien... S. 419). Это могло быть связано и с приверженностью Галлиена к греческой культуре (недаром он сам был посвящен в элевсинские таинства), и с тем, что ненависть римских сенаторов в греко-язычной части Империи ощущалась гораздо меньше.

¹⁶⁹ Pflaum H. G. Zur Reform... P. 108–114; Kotula T. Aurélien... P. 44; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 133–134; Lo Cascio E. Op. cit. P. 160.

Римские сенаторы всегда были абсолютно уверены в своем праве (и обязанности) занимать высшее положение как в гражданской жизни, так и в армии. Идеальный сенатор, по их мнению, тот, кто одинаково силен и *domi*, и *militiae*, как, например, один из учителей Марка Аврелия Юний Рустик (*SHA Marc 3, 3*)¹⁷⁰. И даже если на деле многие сенаторы к тому времени стремились уклониться от военной службы¹⁷¹, свое право занимать высшие военные должности в принципе они очень ценили. Возможности возглавлять легионы и провинции являлись важнейшими привилегиями сенаторов, и теперь они были лишены именно этих привилегий¹⁷². Отсюда и восприятие реформы Галлиена как оскорбления всего сенаторского сословия. Сенат тем острее должен был воспринять эдикт Галлиена, что совсем недавно именно он, как говорилось выше, спас Рим от германского вторжения. Пока императора не было, он взял на себя организацию обороны и достиг в этом решающего успеха.

Что касается времени издания этого эдикта (если он действительно был, что нам кажется наиболее вероятным), то действительно наиболее вероятен 262 г.¹⁷³ При том, что Галлиен действовал на Западе совершенно самостоятельно и подчеркивал свою связь со своей армией, едва ли он мог без согласия отца сделать такой радикальный шаг, который в таком случае вообще бы имел значение только для той части Империи, которая была под его властью. А отношение просенатской историографии к Валериану показывает, что никаких антисенатских мер тот не предпринимал¹⁷⁴. В то же время ситуация сразу же после катастрофы на Востоке была столь сложной, что времени для внутренних реформ почти не было. Правда, уже тогда Галлиен совершил важный и нетривиальный поступок: своим коллегой в качестве ординарного консула 261 г. он сделал всадника Л. Петрония Тавра Волусиана, и это был первый случай в римской истории, когда консулом становился всадник. До этого Петроний Тавр делал военную карьеру. После службы в различных легионах он командовал пожарной, городской и несколькими преторианскими когортами, а затем и всей преторианской гвардией. Вошел он

¹⁷⁰ Alföldy G. *Storia...* P. 236.

¹⁷¹ Ibid. P. 237.

¹⁷² O'Brien Moore. *Senatus* // RE. 1935. SpBd. 6. Sp. 778.

¹⁷³ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. *Op. cit.* P. 120; Le Glay M. *Grandeza...* P. 303. Иногда в качестве даты издания этого эдикта предлагается 261 г. (*Kotula T. Aurélien...* P. 44), но эта дата представляется слишком ранней, ибо 261 был слишком напряженным годом, чтобы Галлиен мог заняться какими-либо реформами.

¹⁷⁴ Если, конечно, не считать его отношения к сенаторам-христианам.

и в число протекторов¹⁷⁵. Это делало его лицом, хорошо знакомым императорам, особенно Галлиену. И, возможно, именно этим объясняется, что в сложной обстановке Галлиен избрал его своим коллегой. Можно предположить, что удачный опыт с Петронием Тавром подтолкнул Галлиена к решительному шагу. Впрочем, не исключено, что, наоборот, императора вдохновил сделать этот шаг именно Петроний Тавр¹⁷⁶.

Вскоре положение, как уже говорилось, несколько изменилось. Некоторые мятежи, вспыхнувшие сразу после разгрома и пленения Валериана, были подавлены, с другими, как, например, с отделением Галлии, Галлиен фактически смирился, тем более что защита постоянно подвергавшейся набегам рейнской границы теперь пала на плечи Постума. Пальмирский царь Оденат был признан «правителем Востока» и сам вел войны с персами. Германское нападение на Италию было отбито. Иллирия, кажется, тоже отдыхала после разорительного варварского вторжения. Все это обеспечило сравнительно мирный период в жизни той части Римской империи, которая оставалась во власти Галлиена¹⁷⁷. После катастрофы отца и подавления мятежей Макриана и Эмилиана, а может быть, еще до их подавления Галлиен прекратил гонение на христиан (Euseb. VII, 13)¹⁷⁸, что было необходимо для установления внутреннего мира. По-видимому, ту же цель — стабилизацию внутреннего положения — преследовала реорганизация ремесленных и культовых коллегий¹⁷⁹. В таких условиях и можно было, учтя уроки прошедших лет, провести столь важную сенатскую реформу. Именно в 262 г. чеканятся сестерции с легендами SPQR/OPTIMO PRINCIPI¹⁸⁰. Это тоже могло быть одним из средств успо-

¹⁷⁵ Groag E. Petronius // RE. 1937. Sp. 1225–1227; Pflaum H.-G. Les carrières procuratoriennes équestres sous la Haut-Empire romain. Paris, 1960. T. II. P. 961–965; Christol M. La carrière... P. 394; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 140. Мнение Гроага о том, что Петроний Тавр мог быть родственником Валериана и Галлиена, что и определило его блестящую карьеру, основано только на его происхождении из Этрурии, откуда могли происходить и Лицинии. Более обоснованным кажется предположение, что все члены семьи Петрония могли быть клиентами будущих императоров, но и это не подтверждается никакими данными источников.

¹⁷⁶ Pflaum H.-G. Les carrières... P. 965.

¹⁷⁷ Christol M. Les règnes... P. 822; Drinkwater J. Op. cit. P. 46.

¹⁷⁸ Alföldy A. Studien... S. 301–308, 392–393. На территории, подвластной непосредственно ему, Галлиен фактически прекратил гонение еще до пленения отца или по крайней мере до получения известия об этом, ибо уже в июле 260 г. в Риме был избран новый епископ: Alföldy A. Studien... S. 305.

¹⁷⁹ Шмаерман Е. М. Указ. соч. С. 425.

¹⁸⁰ Göhl R. Op. cit. S. 88. Надо, однако, заметить, что в малоазийском Кизике монеты с SPQR чеканились более длительное время: Ibid. S. 124–125.

косния общества, встревоженного реформой. Такое ясное обращение к великому прошлому, в том числе к столь любимому сенаторами Траяну, можно рассматривать как политическую и психологическую компенсацию решительного шага императора. Выпуском этих монет Галлиен как бы доказывал свое уважение традиций и стремился показать, что запрещение сенаторам служить в армии ни в коем случае не является умалением сенаторского достоинства. Доказать это ему, правда, не удалось.

Мотивы решения Галлиена понятны. Аврелий Виктор, как уже упоминалось, пишет, что Галлиен боялся, что власть будет передана лучшим представителям сенаторского сословия. В этом суждении историка есть свои резоны. Соединение традиционного авторитета сенаторов с командованием армией облегчало узурпатору возможность захватить власть. Так, в сущности, произошло с отцом Галлиена Валерианом, в «свите» которого к власти пришел и он сам (Aug. Vict. Caes. 32, 2–3, 5). В то же время некоторые узурпаторы времен Галлиена происходили далеко не из сенаторской знати. Например, Постум, ставший первым галльским императором, как подчеркивает Евтропий (IX, 9, 1), был незнатного происхождения. Неизвестно происхождение Авреола, но, судя по тому, что в момент своего выступления он был *dux equitum*, он едва ли был сенатором. Так что Галлису надо было опасаться не столько сенаторов, сколько представителей новой военной знати, поднявшейся наверх сначала в результате реформ Септимия Севера, а затем и в результате его собственной реформы. Поэтому, хотя опасения Галлиена по поводу возможной узурпации со стороны какого-либо сенатора и могли иметь место, главным было все же другое.

Новое время, новые и усилившиеся старые опасности, рост внешней и внутренней нестабильности требовали нахождения у власти профессионалов. Старое полисное представление, что в принципе каждый, а тем более знатный гражданин может исполнять любую должность, какую ему доверит общество (а в период империи — император), вошло в противоречие с нуждами эпохи. Особенно сильно это ощущалось в армии¹⁸¹. Уже во II в. императоры иногда создавали чрезвычайные командования, доверяя их не дилетантам (или полудилетантам) — сенаторам, а профессиональным военным¹⁸². Однако в условиях резкого ухудшения военного и внешнеполитического положений этого было мало. Со времени Септимия Севера шло

¹⁸¹ Alföldy G. *Heeresgeschichte...* Beiträge. S. 9–15.

¹⁸² Глушанин Е. П. Военная знать Византии. Барнаул, 1991. С. 33.

постепенное оттеснение от командования выходцев из сенаторского сословия и замсна их всадниками. Но само всадничество в это время начало меняться. Септимий Север открыл путь в это сословие отличившимся солдатам. И пример Максимиана Фракийца показывает, что такой человек мог дойти до самой высокой ступени в карьере, включая даже императорский трон. Такая возможность не могла не беспокоить Галлиена (может быть, даже в гораздо большей степени, чем возвышение сенаторов)¹⁸³, но необходимость лучшей организации вооруженных сил оказалась выше таких опасений.

До реформы Галлиена обычно во главе легиона стоял легат, каковым всегда являлся сенатор. Его ближайшим помощником был *tribunus laticlavus*, молодой человек, начинавший сенаторскую карьеру, в то время как *tribuni angusticlavii*, принадлежавшие к всадникам, как правило, командовали отдельными подразделениями, а также вспомогательными частями¹⁸⁴. Первый шаг к изменению этого положения сделал Септимий Север, когда, как об этом уже упоминалось, во главе созданных им новых легионов — I, II и III Парфянских — поставил не сенаторских легатов, а префектов всаднического ранга¹⁸⁵. Все чаще, особенно с середины III в. во главе той или иной воинской части или их соединения ставится дукс (*dux*) всаднического ранга¹⁸⁶. Галлиен полностью ликвидировал старую систему командования и создал новую. Во главе всех легионов встали префекты (*praefecti legionis agentes vice legati*) или *praepositi*. *Praepositi* стояли и во главе вспомогательных частей. И все они были, как уже говорилось, всадниками¹⁸⁷, что очень важно, профессиональными военными.

Таким образом, целью Галлиена, несомненно, было улучшение командования, более широкое привлечение к нему способных командиров не из сенаторов, создание (или, может быть, лучше — оформление) слоя высших военных профессионалов¹⁸⁸. Значение этого шага было чрезвычайно велико.

¹⁸³ То, что заговор, жертвой которого пал Галлиен, был организован представителями новой военной элиты, подтверждает обоснованность этих опасений.

¹⁸⁴ *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 143.

¹⁸⁵ *Ibid.* P. 146; *Ле Бокз Я.* Указ. соч. С. 293.

¹⁸⁶ *Christol M.* Un duc dans une inscription de Termessos // *Chiron*. 1978. Bd. 8. P. 533–535.

¹⁸⁷ *Bengtson H.* Op. cit. S. 340; *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 148.

¹⁸⁸ Высказывается мнение, что Галлиен пошел на этот шаг под давлением армейских офицеров, которые были враждебны сенаторам и без их оттеснения от командования не имели возможности сделать карьеру: *Demandt H.* Der spätrömische Militäradel // *Chiron*. 1980. Bd. 10. S. 610. Однако у нас нет определенных данных, позволяющих говорить о резком противопоставлении двух блоков — армейского офицерства и сенаторской знати.

С одной стороны, реформа Галлиена положила начало разделению гражданской и военной службы¹⁸⁹. С другой — она завершила долгий путь вытеснения сенаторского сословия с руководящих позиций в государстве¹⁹⁰. Запрет сенаторам на несение военной службы вел и к лишению их возможности быть наместниками любой провинции, где стояла хотя бы какая-то воинская часть. Это не означает, что пост провинциального наместника был вовсе недоступен для сенатора. В те провинции, которые находились сравнительно далеко от театров военных действий (в том числе и гражданских войн), вполне могли посылаться сенаторы, хотя и в этом случае они порой чередовались с всадниками¹⁹¹. Но даже если они возглавляли «вооруженную» провинцию, командование местными войсками принадлежало всадническим дуксам. За два года до реформы в последний раз упоминается сенаторский наместник (легат Нумидии Макриний Дециан), ведший военные действия¹⁹². В 262 г. во главе Нумидии еще стоял легат пропреторского ранга, командуя и стоявшим там легионом, но военные действия он уже не вел¹⁹³, а через пять лет, а может быть, и раньше этой провинцией уже управлял всаднический презид¹⁹⁴. Тот же Дециан был последним известным сенатором, управлявшим Нориком, а затем во главе этой важной в стратегическом отношении провинции стояли всадники¹⁹⁵. Разумеется, все произошло

Нет никаких свидетельств о давлении первых на императора в этом направлении. В принципе возможность блестящей карьеры у несенатских офицеров имела и ранее, но крайней мере после реформ Септимия Севера. Положение, как кажется, было скорее обратным: выходцы из армейской среды получили возможность достичь самых высоких ступеней карьеры, включая иногда даже императорский трон, в результате реформы Галлиена.

¹⁸⁹ Demandt A. Op. cit. S. 245. В свое время, проводя военную реформу, Август стремился как раз не допустить разделения военной и гражданской службы, дабы не возникло замкнутой касты восначальников: Мухлаук А. В. Указ. соч. стр. 179. Но новая эпоха потребовала уничтожения этого принципа, что в конечном счете привело к радикальному изменению положения военного командования и его роли в политической жизни Империи.

¹⁹⁰ Altheim F. Niedergang... S. 363; Bengtson H. Op. cit. S. 226.

¹⁹¹ Lo Cascio E. Op. cit. P. 160.

¹⁹² Campbell B. Op. cit. P. 118. То, что наместник Тарраконской Испании М. Аврелий Валентиниан имел ранг легата про преторе в правление Кара, не доказывает, что он осуществлял и военное командование: Ibid.

¹⁹³ К тому же этот легат — Г. Юлий Саллюстий Фортуннан — принадлежал к ближайшему окружению Галлиена, был его «спутником» (comes) и пользовался доверием императора: Le Glay M. L'administration central de la province de Numidie de Septime Sévère à Gallien // Antiquités africaines. 1991. T. 27. P. 90. Уже одно это обстоятельство может объяснить исключение, сделанное Галлиеном в данном случае.

¹⁹⁴ Pflaum H. G. Zur Reform... P. 113; Le Glay M. L'administration... P. 91–92.

¹⁹⁵ Alföldy G. Noricum. P. 170.

не мгновенно¹⁹⁶. Но в целом в результате издания эдикта Галлиена процесс резко ускорился. Если раньше всадники официально назначались лишь как временно замещающие легатов (*praefectus agens vice legati*), хотя они и обладали всей властью соответствующего легата, то теперь всаднические президы не только фактически, но и формально обладают всеми полномочиями провинциального наместника¹⁹⁷. Отныне за сенаторами остается лишь сравнительно небольшой круг чисто гражданских должностей — почетных, но в условиях все большей милитаризации Империи не играющих значительной роли в управлении государством¹⁹⁸. Все это меняет взаимоотношения между сенатом и императорской властью. Сенат как воплощение римской государственности все еще сохраняет свой авторитет, но этот авторитет опирается преимущественно лишь на традицию и больше не имеет никакого влияния в армии. Это делает сенат еще более беззастытлив перед властью императора, чем раньше.

Сенаторов во все большей степени заменяют «новые люди». И характерно их происхождение. Из известных двадцати всаднических президов за 262–293 гг. семнадцать имели императорские гентилиции, в основном Аврелии, а также Элии и Флавии, реже Юлии. Это значит, что их предки получили римское гражданство уже от императоров (и, следовательно, они не были исконными римскими всадниками), причем Аврелии скорее всего были потомками тех, кто стал гражданином лишь в соответствии с эдиктом Каракаллы в 212 г.¹⁹⁹ И еще чрезвычайно важный момент. Все чаще на самую вершину военной системы, которая открывала дорогу и на вершину системы политической, поднимались выходцы из самых «низов» общества, начинавшие свой путь обычно рядовыми воинами²⁰⁰, и притом являвшиеся уроженцами менее романизированной части Балканского полуострова. Такой путь проделали и ближайшие преемники Галлиена — Клавдий, Аврелиан, Проб²⁰¹. До этого подобной карьерой отличался только Максимин, пример которого казался исключением²⁰². Но после реформ

¹⁹⁶ Исключения, подобные назначению Фуртуниана, могли быть и в других случаях.

¹⁹⁷ *Southern P.* Op. cit. P. 93.

¹⁹⁸ *Alföldy G.* *Storia...* P. 237.

¹⁹⁹ *Pflaum H. G.* *Zur Reform...* P. 115–117; *Forn G.* *Estrazione etnica e sociale deo soldati delle legioni nei primi tre secoli dell'imperio* // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 347. Юлии тоже могли получить гражданство либо от Максимиана, либо от Филиппа Араба (*Ibid.* P. 117).

²⁰⁰ *Alföldy G.* *Heeresgeschichte...* Beiträge. S. 36–37.

²⁰¹ Из этого же региона происходил Деций, но он принадлежал к аристократии и был сенатором: *Syme R.* *Emperors...* P. 193–199.

²⁰² Тот же путь, кажется, прошел Постум в Галлии.

Галлиена такая практика становится обыкновением. Следовательно, эти реформы открыли путь к появлению нового правящего класса, даже физически не связанного с прежним.

Может быть, с Галлиеном связано и преобразование управления Италией. Уже при Каракалле сенатор Г. Октавий Сабин был уполномочен исправить положение в этом регионе (*ad corrigendum statum Italiae*)²⁰³. Галлиен продвинулся еще дальше. При нем появляется должность *corrector totius Italiae*²⁰⁴. Италия, таким образом, была поставлена под единое управление. Это, по мысли императора, вероятно, должно было упорядочить и, следовательно, улучшить управляемость центральной страной государства. На деле это стало шагом к уравниванию Италии с остальными территориями Империи.

КОНЕЦ ГАЛЛИЕНА

Относительно мирный период правления Галлиена закончился в 267–268 гг. Энергии императора оказалось мало, чтобы добиться настоящего перелома в ходе событий. А необходимые реформы еще только положили начало переменам. Завершение мирного времени было связано прежде всего с новым вторжением готов, к которым присоединились и некоторые другие племена, в том числе герулы, объединившие вокруг себя и некоторые другие варварские племена²⁰⁵. Варвары во главе с Респой, Ведуком и Тарваром не ограничились грабежом и разорением балканских провинций. Они перешли Геллеспонт и разрушили ряд городов малоазийского побережья, в том числе Халкедон, а также знаменитый храм Артемиды Эфесской. Готы обрушились также на Грецию. Еще раньше греки, не получая действительной помощи от правительства, сами приняли меры по организации обороны. Афиняне восстановили стены, разрушенные в свое время Суллой. Пелопоннесцы перекрыли стеной Истм. Были укреплены Фермопилы. Но это мало помогло. После упорной борьбы варвары захватили Афины. Вслед за этим были сожжены Коринф, Аргос, Спарта. Это нанесло тяжелейший удар наиболее до того процветавшим греческим городам. Так, Афины целиком сосредоточились на постройке новых стен, в то время как ремесло, в том числе художественное, пришло в упадок, и прекратили даже составлять список

²⁰³ Levi A. Op. cit. P. 464.

²⁰⁴ Ibid.; Millar F. The Roman Empire... P. 139; Le Glay M. Grandeza... P. 304.

²⁰⁵ Demougeot E. Op. cit. P. 420–421; Буданова В. П. Указ. соч. С. 97–99.

эфебов²⁰⁶. Сначала Галлиен решил поручить ведение войны с готами своим командирам. Римляне сумели одержать несколько побед, но добиться полного успеха им не удалось. Это заставило императора лично отправиться на театр военных действий в Иллирию. Он также одержал победу, заставив врагов бежать (SHA Gal. 13, 6–9; Zos. I, 39, 1; Iord. Get. 107–109; Sync. P. 716–717)²⁰⁷. Однако в это время он узнал, что против него выступил его старый и, казалось, самый преданный полководец Авреол. Это заставило Галлиена спешно вернуться в Италию, поручив дальнейшую борьбу с готами Марциану (Zos. I, 40, 1). Одновременно Галлиен предпринял и дипломатические шаги. Он сумел расколоть варварскую коалицию. Разбив герулов и заставив сдаться их вождя Навлобата, он не только милостиво с ним обошелся, но и, как пишет Синкелл (p. 717), наградил его почестью консулара (‘υλατικῆς... τιμῆς)²⁰⁸. Таким образом, герулы были выведены из игры, и это должно было помочь римлянам справиться с остальными варварами.

Авреол возглавил армию, которая должна была предотвратить вторжение в Италию войск Постума (Zos. I, 40, 1). Видимо, галльский император решил, что вновь обострившееся положение на Балканах

²⁰⁶ Millar F. P. Herennius Dexippus... P. 25.

²⁰⁷ С этими событиями связан вопрос об оставлении Галлиеном Дакии. Аврелий Виктор (33, 3) и Орозий (VII, 22, 7) однозначно приписывают потерю Дакии Галлисну. Об оставлении этой области и Галлиеном, и позже Аврелианом говорят Евтропий (IX, 8, 2; 15, 1), Руф Фест (8) и Иордан (Rom. 217). И те исследователи, которые принимают эти сообщения, полагают, что Дакия была покинута римлянами в два присма, причем первое оставление должно было иметь место в 267–268 гг., ибо до этого времени монеты и надписи бесспорно свидетельствуют о принадлежности провинции Империи (Cizek E. Les textes relatifs à l'évacuation de la Dacie et leurs sources // Latonus. 1986. Т. 45. P. 148–156). Однако обращает на себя внимание то, что при всей своей ненависти к Галлисну его биограф о таком, казалось бы, позорящем императора факте ничего не говорит. С другой стороны, справедливо отмечается, что в таком случае Дакия должна была быть заново отвоевана римлянами, дабы Аврелиан мог ее снова эвакуировать, и что это скорее всего было делом Клавдия II после его победы над готами (Ibid. P. 656). Клавдий был одним из излюбленных героев просенатской историографии, в том числе авторов *Scriptores Historiae Augustae*, и трудно понять, почему такое славное деяние этими писателями опущено. Поэтому, на наш взгляд, стоит согласиться с тем, что приписывание оставления Дакии Галлисну связано с общим недобрежелательством более поздних историков к этому императору (Alföldy A. Studien... S. 326), хотя не исключено, что в южной части провинции позиции варваров усилились (Demougeot E. Op. cit. P. 438). Заметим, что и Зосим, и Иордан в «Гетике» говорят только о победах Галлиена в дунайско-балканском регионе. Впрочем, вопрос оставления Дакии, как и источниковедческая проблема всей этой истории, еще далеки от решения.

²⁰⁸ Возможно, Галлиен официально сделал его консулом-суффектом: Demandt H. Der spätromische Militäradel. S. 610, Bem. 10.

и в Малой Азии, привлекшее столь пристальное внимание Галлиена, благоприятно для попытки расширить сферу его власти и, может быть, даже захватить Рим. Трудно было сомневаться в том, что в таком случае сенат без всяких возражений признает именно его законным августом, сместив ненавистного Галлиена, и это, конечно же, даст Постуму большой шанс установить свою власть во всей Римской империи. Но это же прекрасно понимал и Галлиен. И допустить этого он не мог. Поэтому, занятый сам упорной борьбой с готами, он и направил для защиты Италии Авреола, уже продемонстрировавшего и свои воинские качества, и свою преданность. Однако на этот раз расчет Галлиена оказался ошибочным. Все письменные источники сообщают, что Авреол объявил себя императором. «Треbelлий Поллион» говорит, что Авреол захватил императорскую власть (*principatum invaserat*) (SHA Gal. 14, 6). Употребление глагола *invado* говорит о насильственном характере переворота. Зосим (I, 40, 1) пишет, что Авреол решил сам захватить высшую власть ('ὅλων ἀρχήν). То же самое утверждает и Аврелий Виктор (33, 17). Далее (33, 18) Виктор говорит, что Авреол двинулся со своими войсками на Рим, но на пути был разбит Галлиеном и загнан им в Медиолан. Об успехах Галлиена говорит и Зосим (I, 40, 2). В то же время нумизматические находки показывают, что Авреол чеканил в Медиолане монеты от имени Постума²⁰⁹. Правда, есть редкие монеты с легендой IMP AUREOLVS AVG, но вопрос об их подлинности еще остается открытым²¹⁰. Вполне возможно, что Авреол действительно, опираясь на свои войска, собранные в Северной Италии и Реции, провозгласил себя императором. Он двинулся на Рим, но Галлиен сумел перехватить его и разбить. Отойдя в Медиолан и понимая невозможность захвата власти, Авреол в этих условиях предпочел признать императором Постума и действовать уже от его имени. В Медиолане он и был осажден армией Галлиена.

Во время осады Медиолана в конце августа или в начале сентября 268 г. Галлиен пал жертвой заговора, возникшего среди его ближайших соратников²¹¹. Из сообщений Зосима (I, 40, 2–3) и «Треbelлия Поллиона» (Gal. 14. 1; 4–9) вытекает, что главным инициатором заговора и автором всего плана убийства Галлиена был префект претория Аврелий Гераклиан (или Геркулиан): он сговорился то ли

²⁰⁹ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 222; *Alföldy A.* Studien... S. 10–11, 370; *Göhl R.* Op. cit. S. 118.

²¹⁰ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 228; *Alföldy A.* Studien... S. 10.

²¹¹ О дате: *Christol M.* Les règnes... P. 825; *Armstrong D.* Op. cit. P. 222; *Göhl R.* Op. cit. S. 69.

с Марцианом (по «Треbelлию Поллиону»), то ли с Клавдием (по Зосиму), а затем вовлек в заговор и командира далматских воинов²¹² Цекропия, который и нанес смертельный удар Галлиену. Марциан в свое время был трибуном протекторов, а затем уже в качестве дукса чрезвычайно успешно воевал с готами (SHA Gal. 6, 1; 13, 10; Claud. 6, 1; 18, 1)²¹³. Именно ему поручил Галлиен войну с готами, когда был вынужден отправиться в Италию из-за мятежа Авреола (Zos. I, 40, 1). Зосим называет его человеком, весьма умелым в военных делах (ἀνδρὶ τὰ πολέμια σφόδρα ἐξήσκημένῳ). Видимо, он пользовался значительным авторитетом из-за своих побед, а добытые трофеи давали ему возможность в случае недовольства солдат легко их успокоить, что он впоследствии и сделал (SHA Gal. 15, 2). Активное участие в заговоре принял Аврелиан (Zon. XII, 25). Как и другие заговорщики, он принадлежал к новой знати, выдвинувшейся благодаря своим военным заслугам при Галлиене.

Если верить автору биографии Галлиена, то Гераклиан и Марциан решили, что один из них и будет императором (*alter eorum imperium caperet*). А дальше неожиданно на этот пост избирается (*electus est*) Клавдий (14, 2). Правда, между этими двумя сообщениями в тексте имеется лакуна, и мы не можем сказать, о чем там рассказывалось. Вероятно, там могла идти речь об отказе и Гераклиана, и Марциана от потенциального трона и о причинах выдвижения Клавдия. Впрочем, несколько далее (14, 5) говорится, что заговорщики не могли взять власть, пока жив Галлиен, и при этом глагол ставится во множественном числе — *non possent*. А это значит, что претендент на *imperium* был не один. У Орозия (VII, 23, 1) имеется интересное указание, отсутствующее во всех остальных известных нам источниках, что Клавдий взял власть по желанию сената (*voluntate senatus sumpsit imperium*). Зонара (XII, 25) пишет, что убить императора задумали вельможи (μεγιστάνας). Может быть, этими вельможами и были какие-то сенаторы. Но это противоречит другим сообщениям. Евтропий (IX, 11, 1) говорит, что Клавдий был выбран воинами и провозглашен сенатом августом. Это явно означает, что сенат, как это неоднократно было и ранее, лишь освятил своим решением выбор войска. Зосим (I, 41, 1) утверждает, что Клавдий захватил высшую власть до того, как она была дана ему всеобщим голосованием (πρότερον τῆς κοινῆς ψήφου). Конечно, под «всеобщим голосованием» надо понимать ре-

²¹² Кавалерийская часть *equites Dalmatae* была сформирована Галлиеном: *Spaidel M. P. The Rise...* P. 225. Это еще раз доказывает, что заговор возник в самом ближайшем окружении императора.

²¹³ *Plautum H. G. Zur Reform...* S. 111; *PLRE I.* P. 553–554.

шение сената. По существу сведения Евтропия и Зосима полностью совпадают. Тем не менее указания Орозия и, может быть, Зонары чрезвычайно важны. Они свидетельствуют о том, что сенат (или, по крайней мере, какая-то его часть) был осведомлен о заговоре и сенаторы по каким-то причинам предпочли в качестве кандидата на роль императора именно Клавдия, а не Гераклиана либо Марциана. В таком случае можно полагать, что эти люди, нуждаясь в поддержке сенаторов, были вынуждены уступить первенство Клавдию, хотя и могли некоторое время сохранять свои претензии.

Что касается Клавдия, то сведения о его участии в заговоре противоречивы. Греческие источники (Zos. I, 40, 2; Zon. XII, 25) подтверждают такое участие. Хотя, по Зосиму, инициатором заговора и его практическим руководителем был префект претория Гераклиан, сам заговор стал реальностью, когда Гераклиан сговорился с Клавдием. Зонара также говорит, что заговор стал результатом сговора Гераклиана и Клавдия. Латинские авторы стремятся обелить Клавдия, что связано с версией о происхождении от него Констанция²¹⁴. Аврелий Виктор (Caes. 33, 20–21; 28) и автор «Эпитомы» (33, 3; 34, 2) вообще приписывают план убийства Галлиена осажденному Авреолу, который сбросил со стены составленный в действительности им самим список лиц, которых якобы хотел уничтожить Галлиен, и этим толкнул названных в этом списке на убийство императора. Также оба автора утверждают, что Клавдия в это время вообще не было под стенами Медиолана и что его, стоявшего во главе отряда у Тицина, умирающий Галлиен сам назначил преемником, послав императорские инсигнии. Биограф Клавдия не отрицает его участия в убийстве Галлиена, но говорит, что автором этого плана (*auctor consilii*) он не был (SHA Claud. 1, 3). В науке иногда пытаются примирить обе версии, полагая, что Галлиен перед смертью действительно назвал Клавдия своим преемником, не зная о его участии в заговоре²¹⁵.

Хотя в «Эпитоме» называется даже имя некоего Галлония Василия, через которого Галлиен переслал Клавдию царские одеяния (*indumenta regia*), вся история с назначением Клавдия и посылкой ему императорских инсигний представляется весьма подозрительной. Авторы (или автор) даже не пытаются объяснить причины выбора именно Клавдия. По словам Аврелия Виктора, Клавдий в это время имел ранг трибуна, и его задачей было охранять Тицин от возможного

²¹⁴ Paschoud F. Notes. P. 162; Potter D. S. Op. cit. P. 264.

²¹⁵ Ковалев С. И. Указ. соч. С. 647.

вторжения Постума. Конечно, это было очень важное поручение. В предвидении этого вторжения Галлиен поручил Авреолу защищать Медиолан, а Клавдию — Тицин. Это означает, что Клавдий занимал положение, равное или близкое положению Авреола, который в тот момент командовал всей кавалерией (Zos. I, 40, 1), а после измены последнего выдвинулся на первое место. Это обстоятельство, по-видимому, и дало основание Зосиму (точнее, его источнику) говорить, что казалось, будто он обладает всей властью после императора. Однако это явно могло относиться только к чисто военным делам. Да и выражение *ἐδόκει* вносит значительный оттенок сомнительности. В целом положение Клавдия было все же не столь высоким, чтобы умирающий император именно его выбрал в наследники. С другой стороны, у Галлиена оставались родственники в Риме, в том числе брат Валериан²¹⁶. Другой родственник — Мариниан — был ординарным консулом этого года²¹⁷. Пост префекта Рима занимал старый испытанный соратник Петроний Тавр²¹⁸. Конечно, они были в Риме. Но и Клавдий не находился на месте смерти императора. Одним словом, Галлиен не имел необходимости назначать своим пресмником Клавдия. Поэтому можно думать (хотя утверждать и невозможно), что рассказ о назначении Клавдия и посылке ему знаков императорского достоинства был лишь пропагандистской выдумкой с целью обосновать захват власти Клавдием²¹⁹.

Заговор был делом высших военных профессионалов, которые выдвинулись, с одной стороны, благодаря своим несомненным военным способностям, а с другой — в результате целенаправленной политики императоров, которая завершилась реформой Галлиена. К этому же кругу принадлежал и Авреол. Перед нами совершенно новое явление в политической жизни Империи: военная знать, не связанная с сенатом, сама стремится к высшей власти в государстве. В данном конкретном случае это были генералы, выходцы из Иллирии, обычно начинавшие свой путь рядовыми солдатами и выдвинувшиеся благодаря своим способностям. Они образовали относительно сплоченную группу, рвущуюся теперь к политической

²¹⁶ По словам Евтропия (IX, 11, 1) и «Требеллия Поллиона» (SHA Gal. 14, 9), Валериан находился вместе с братом под стенами Медиолана и был убит вместе с ним. Но Зонара (XII, 26) утверждает, что Валериан был убит в Риме во время беспорядков, происшедших после известия об убийстве Галлиена.

²¹⁷ Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 233 PLRE I. P. 559.

²¹⁸ *Graeg E. Petronius*. Sp. 1226.

²¹⁹ Ср.: *Syme R. Emperors...* P. 205, п. 8; Любжин А. В. Примечания // Властелины Рима. М., 1992. С. 364.

власти²²⁰. С этого времени, не считая кратковременного эпизода правления Тацита, еще более короткого правления его брата Флориана и, может быть (но едва ли), Кара, больше не было случая, чтобы представители сенаторского сословия занимали трон Римской империи.

В период правления Галлиена политический кризис достиг своего апогея. Его самая острая фаза приходится на 260–262 гг., когда многочисленные узурпации и варварские вторжения поставили Империю на самый край пропасти. В то же время именно тогда были сделаны шаги, которые подготовили выход из этого кризиса и в большой мере предвосхитили последующие мероприятия Диоклетиана и Константина. Уже Валериан, формируя коллегию императоров и разделяя между ее членами фактическое управление отдельными частями государства, создал прообраз будущей тетрархии и мер Константина и его преемников по децентрализации управления Империей. Но еще большую роль сыграли реформы Галлиена. Галлиен, сам плоть от плоти сенаторского сословия, сумел подняться над его предрассудками и в новых условиях осознать необходимость новых путей и военного, и государственного развития. Именно в результате его реформ начинает появляться то состояние Римского государства, которое вошло в историю под названием Поздней Империи. Это не значит, что дальнейшая история Римской империи пошла по накатанному пути. Преемники Галлиена искали свои приемы для выхода из тяжелой, порой катастрофической ситуации. В одних случаях они отменяли его мероприятия (как было, кажется, с созданием отдельного кавалерийского корпуса), в других развивали и дополняли его идеи, в третьих — находили свои оригинальные методы. Правление Галлиена и его реформы завершили один период «военной анархии», период крушения старых форм политической и социальной жизни, и создали возможность перехода к другому периоду, периоду вызревания новых форм.

²²⁰ Глушанин Е. П. Военная знать... С. 39.

Глава V

«СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ»

КЛАВДИЙ II ГОТСКИЙ

В конце августа или начале сентября 268 г. Галлисн пал жертвой заговора, возникшего среди его ближайших соратников. Его преемником стал Клавдий. М. Аврелий Валерий Клавдий родился 10 мая либо 214, либо 219 г.¹ Он происходил из северной части Балканского полуострова (SHA Claud. 11, 9; 14, 2) и начал собой ряд «иллирийских» императоров, с которыми связано начало возрождения Римской империи. Место рождения будущего императора неизвестно: то ли Далмация, то ли Дардания. И там, и там более романизованы были города, в то время как сельская местность в большой мере жила еще по старым традициям². Его отец Аврелий ясно говорит, что он принадлежал к тем уроженцам менее романизованных частей Империи, которые получили гражданство по эдикту Каракаллы³. Точное социальное происхождение Клавдия тоже неизвестно. Позже распространилась легенда, гласящая, что его предком был то ли родоначальник троянцев Ил, то ли первопредок дарданцев Дардан (SHA Claud. 11, 9). Автор его биографии, преклоняющийся перед своим героем, тем не менее ничего, кроме этих слухов, говоря о происхождении Клавдия, не упоминает. Уже одно только это ясно свидетельствует о низком происхождении будущего императора⁴. Как и когда-то для Максимиана, военная служба была для Клавдия чуть ли не единственной возможностью сделать карьеру. Сведения о его военной карьере

¹ PLRE I. P. 209; *Hamslik R. Aurelius* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. I. Sp. 770.

² *Petrovič V. P. Pre-Roman and Roman Dardania* // *Balkanica*. Vol. XXXVII. 2006. P. 16–17.

³ *Damerau P. Kaiser Claudius II. Gothicus*. Leipzig, 1934. S. 32.

⁴ Ср.: *Syme R. Emperors and Biography*. Oxford, 1971. P. 209.

исходят исключительно из писем различных императоров — Деция, Валериана, Галлиена, — которые приводит «Требеллий Поллион» (SHA Claud. 14–17). Из этих писем видно, что он был трибуном легиона, а при Валериане и *dux totius Illyrici*. Но поскольку все такие письма обычно считаются фальшивыми, ничего точного сказать о карьере Клавдия мы не можем. Впрочем, в такой карьере нет ничего необычного⁵. В правление Деция ему шел четвертый десяток, и он вполне мог уже лет 10–15 служить в армии и, если успел проявить необходимые качества, занимать должность трибуна (или одного из трибунов) легиона (SHA Claud. 16, 1). Стоит обратить внимание на перечисление Валерианом воинских частей, поставленных под общее командование Клавдия: фракийские, мезийские, далматские, паннонские, дакские (SHA Claud. 15, 2). Это не легионы, а этнические части, которые в случае необходимости объединяются под командованием дукса⁶. А такая необходимость была. По словам Зосима (I, 31, 1), различные варварские племена в это время не оставляли в покое ни Италию, ни Иллирию. Так что в назначении Клавдия на этот пост нет ничего удивительного. Командуя различными воинскими частями и подразделениями, Клавдий, несомненно, достиг всаднического ранга.

На римском троне снова оказался всадник⁷. И этот всадник не только происходил из «низов» балканского населения, как Максимин, но и был римским гражданином всего лишь во втором поколении. Это стало знаменованием начала прихода к власти новых людей, даже физически не связанных с прежним правящим классом. Путь к политическим, военным и социальным вершинам им, как уже говорилось, открыла реформа Галлиена. С занятием трона Клавдием начинается по существу новая фаза политического развития Римской империи с ее новым правящим слоем. Сенаторская знать более уже не могла претендовать и не претендовала на трон. Правда, после убийства Аврелиана, как об этом будет сказано позже, сенат снова избрал императора из своей среды, но сделать это он смог только с согласия армии. Да и занимал сенатор римский трон очень недолго.

Начиная с Деция и кончая Авреолом, все претенденты на трон, удачливые или неудачливые, были командирами полевых армий, действовавшими самостоятельно и выдвигавшими свои претензии при поддержке воинов, которыми они командовали. Убийство Галлиена

⁵ Несмотря на сомнительность некоторых деталей, в целом карьера Клавдия, как она изображена в его биографии, вполне могла быть подлинной: Burns T. D. Some Persons in the *Historia Augusta* // Phoenix. 1972. Vol. 26, 2. P. 154.

⁶ Campbell B. The army // CAH. 2005. Vol. XII. P. 119.

⁷ Ziolkowski A. Storia di Roma. Roma, 2000. P. 408.

и возведение на трон Клавдия стали результатом заговора, если так можно выразиться, в генеральном штабе самого императора, среди его ближайших соратников, пользующихся его покровительством и доверием. Заговорщиков связывала общность происхождения и карьеры, сходный возраст и, может быть, семейные связи⁸. Было ли возникновение заговора вызвано личным честолюбием его участников (по крайней мере, части их) или уверенностью в неспособности Галлиена справиться с многочисленными проблемами, неизвестно⁹. Не исключено, что обострение отношений Галлиена с сенатом, грозящее дальнейшим ухудшением положения в той части Империи, которая еще оставалась под властью непосредственно Рима, тоже могло толкнуть галлиеновских генералов на устранение императора. Недаром, как об этом будет сказано ниже, Клавдий постарается установить с сенатом хорошие отношения.

Заговорщики, выдвинувшие Клавдия, а затем и сам новый император столкнулись с серьезными проблемами. Судить о подлинном масштабе заговора трудно. Но ясно, что созрел он в рядах генералитета. Основная же часть армии оставалась преданной Галлиену¹⁰. Даже автор биографии Галлиена, не скрывающий своего резко отрицательного отношения к нему, признает, что воины считали императора полезным (*utilem*), нужным (*necessarium*), храбрым (*fortem*) и способным вызвать зависть (*efficacem ad invidiam faciendam*). Последнее, вероятнее всего, намекает на генералов, убивших Галлиена из-за зависти. Результатом стал мятеж, причем автор отмечает его широкий размах (*seditione ingens*) (SHA Gal. 15, 1). Можно думать, что возмутилась чуть ли не вся армия, стоявшая под стенами Медиолана. Заговорщикам пришлось прибегнуть к обычному, как отмечает автор, средству — выдаче воинам денег. Характерно, что обещание раздать по двадцать ауреев дал не Клавдий, а Марциан (SHA Gal. 15, 2). «Требеллий Поллион» пишет, что у Марциана действительно было много сокровищ (*thesaurorum copia*). Только когда воины были успокоены (*militibus sedatis*), Клавдий принял власть (SHA Gal. 15, 3). Может быть, именно тогда ради еще большего успокоения солдат и был пущен слух о назначении Клавдия преемником самим Галлиеном. А затем Клавдий и сам сделал все, чтобы укрепить свою связь с ар-

⁸ Syme R. Op. cit. P. 211; Ziolkowski A. Op. cit. P. 411–412.

⁹ Позже никто из заговорщиков, кроме самого Клавдия и будущего императора Аврелиана, не упоминается. Может быть, как это часто бывает, они были вытеснены с авансцены римской политической и военной жизни, а может быть, просто у авторов не было случая их упомянуть.

¹⁰ Drinkwater J. Op. cit... P. 48.

мией. После взятия Медиолана он начал на тамошнем монетном дворе чеканить свою монету. Типологически она продолжала чеканку Авреола, который выпускал монеты от имени Постума. Но Авреол, к тому времени командующий кавалерией, отмечал на монетах *equitum* и *virtus equitum*, а Клавдий заменил это легендой *rex exerc(itus)*¹¹. И это подчеркивало, что новому императору важна связь не только с кавалерией, но и со всем войском.

Решив эту проблему, Клавдий столкнулся с другой: надо было урегулировать ситуацию в Риме. Там, как уже упоминалось, при известии о гибели Галлиена начались кровавые беспорядки, жертвами которых стали многие родственники и сторонники погибшего императора. Аврелий Виктор (33, 31–33) и Зонара (XII, 26) отмечают, что инициатором этих беспорядков был сенат, оскорбленный запретом Галлиена нести военную службу, а толпа (*vulgus*) приняла в них активное участие. Поводов для недовольства народа было более чем достаточно. Почти непрерывные внешние и гражданские войны требовали огромных расходов, а сокращение территории, находившейся под непосредственной властью Галлиена, еще более обостряло эту проблему. Единственным выходом из этого была фактическая порча монеты, и деньги резко обесценивались. При Клавдии и в начале правления Аврелиана в серебряном антониане уже стало не больше 1–2% серебра¹². Положение ухудшалось злоупотреблениями работников и руководителей монетного двора. Недаром, когда несколько позже Аврелиан попытался урегулировать положение, они восстали (SHA Aug. 38, 2–3; Aug. Vict. 35, 6). А это неминуемо вело к резкому увеличению стоимости жизни. Галлиен пытался бороться с этим, занимаясь раздачей продуктов (*congiariis*) (SHA Gal. 16, 5), но этого явно было недостаточно. Цены росли¹³. А сам Галлиен, если верить его биографу, во время своих сравнительно нечастых пребываний в Риме появлялся в драгоценном, поистине царском одеянии, резко контрастируя в этом отношении с прежними принцепсами, носившими довольно простую одежду¹⁴, и вообще поражал роскошью (SHA Gal. 15, 2–4). Подобные внешние знаки высшей власти в середине

¹¹ Alföldy A. Studien... S. 6–10.

¹² Crawford M. Op. cit. P. 569; Le Glay M. Op. cit. P. 311; Lo Cascio E. Op. cit. P. 162.

¹³ Aymard A., Auboyer J. Rome et son Empire. Paris, 1995. P. 469; Le Glay M. Op. cit. P. 313.

¹⁴ В «Эпигоне» (34, 2) говорится, что, умирая, Галлиен послал Клавдию царское одеяние (*indumenta regia*). Автор, по-видимому, и подразумевает те роскошные одежды, которые описаны «Требеллием Поллионом». Аврелий Виктор (Caes. 33, 28) в соответствующем месте упоминает *insignia imperii*.

III в. еще вызывали недовольство и даже возмущение, особенно на фоне растущей нищеты основной массы римлян. Так что сенаторам было легко возбудить толпу на месть ближайшему окружению убитого императора.

Без прекращения этой кровавой вакханалии стабилизировать положение было невозможно. И Клавдий сумел это сделать. Укрепившись у власти и взяв Медиолан, он от имени армии (*postulato exercitus*) потребовал пощады выжившим (*Aug. Vict.* 33, 32). Указание на требование армии содержало недвусмысленную угрозу, что, конечно же, сразу подействовало. И хотя автор говорит о якобы (*tamquam*) требовании, в Риме не сомневались в реальности угрозы. Клавдий пошел дальше. По его настоянию сенаторы объявили ненавидимого ими Галлиена божественным. Аврелий Виктор прибавляет, что это решение было насильно (*extortum*) вырвано у сенаторов новым императором (33, 26; 29). Но надо отметить, что никаких других, кроме этого сообщения Аврелия Виктора, следов обождествления Галлиена нет. Так, в сборнике императорских биографий ближайшие преемники Галлиена Клавдий и Аврелиан названы божественными, а Галлиен — нет. Более того, известны случаи вычеркивания имени Галлиена из надписей¹⁵. Это, несомненно, надо связать с сообщением «Требеллия Поллиона» о том, что после получения денег от Марциана уже сами солдаты потребовали объявления Галлиена тираном (*Gal.* 15, 3). Это говорит о дипломатических способностях Клавдия в обращении как с воинами, так и с сенаторами¹⁶. Пока армия (по крайней мере, ее большинство) оставалась на стороне погибшего Галлиена, Клавдий делал все, чтобы показать свою приверженность памяти своего предшественника, не останавливаясь перед угрозой применения силы, в том числе и в отношении сената. Но как только положение в войске стабилизировалось, он пошел на примирение с сенаторами. Но и в этом случае он выступил не от своего имени, а от имени армии. А в следующем году Клавдий начал чеканить монеты с легендарной *genius senatus*¹⁷. Обязанный в какой-то степени сенату своим выдвижением (если, конечно, высказанная ранее гипотеза верна), Клавдий стал проводить линию на союз с этим органом. Он, если верить Зонаре (XII, 26), даже предоставил сенату принять решение об объявлении войны как готам, так и Постуму; правда, последнее слово все же осталось за императором. Недаром биография Клавдия

¹⁵ Любжин А. В. Указ. соч. С. 364.

¹⁶ Drinkwater J. Op. cit. P. 48.

¹⁷ Alföldy A. Studien... S. 371.

представляет собой восторженный панегирик этому императору. Конечно, в большой степени это объясняется претензией императора Констанция Хлора и его потомков на происхождение от Клавдия, но также огромную роль в этом прославлении играла и общая просенаторская тенденция всего сборника¹⁸. В то же время надо подчеркнуть, что, демонстративно идя на примирение и сотрудничество с сенатом, Клавдий не отменил реформы Галлиена¹⁹. Сенаторам по-прежнему был закрыт доступ к военной службе, а, следовательно, и к реальному управлению «вооруженными» провинциями. Важно и то, что не было устроено никакой «чистки» от сторонников Галлиена. Более того, некоторые из них продолжали делать карьеру и при новом императоре. Неизвестна судьба Петрония Тавра, бывшего в момент гибели Галлиена префектом Рима. Возможно, он был убит во время кровавых событий в столице²⁰. Но имя его не было вычеркнуто, сохранилась его почетная статуя, а его сын Л. Публий Петроний Волусиан (если это действительно его сын) сделал карьеру, став в конце концов консулом²¹.

В скором времени после взятия Клавдием власти ему сдался Авреол, которого Галлиен неудачно осаждал в Медиолане. Сам Авреол был убит, а его войска перешли под командование Клавдия (Epit. 34, 2; Zos. I, 41, 1; SHA Trig. tyr. 11, 4; Claud. 5, 1–3; Aug. 16, 1–2). Этими событиями воспользовались аламаны, которые вторглись в Италию, но Клавдий разгромил их в битве около озера Бенак, уничтожив, если верить античному автору, половину вражеских сил (Epit. 34, 2). После этого он принял почетный титул «Германского Величайшего» (ILS 569–570). В честь этой победы были выпущены монеты с легендами VICTORIA AUGUSTA и VICTORIA GERMANICA и фигурами Юпитера Виктора и Юпитера Статора²². Прекращение мятежа в Северной Италии и разгром германцев подняли престиж нового императора и укрепили его власть. И лишь добившись этого, Клавдий вступил в Рим, чтобы там 1 января 269 г. принять свое первое и единственное консульство²³. Его коллегой стал Патерн. Во времена

¹⁸ John K.-P. Op. cit. S. 67, 94–95.

¹⁹ Роль мобильной кавалерии, созданной Галлисом, при Клавдии еще более возросла: Altheim F. Niedergang... S. 148.

²⁰ Groag E. Petronius. Sp. 1227; Pflaum H.-G. Les carrières... P. 905.

²¹ Groag E. Petronius. Sp. 1227, 1230.

²² Henze. Aurelius // RE. 1896. Hbd. 4. Sp. 2459; Damerou P. Op. cit. S. 53.

²³ Drinkwater J. Op. cit. P. 48. В некоторых надписях, особенно испанских и африканских называется второе консульство Клавдия (например, ILS 568). Но в других надписях и, что очень важно, в официальных монетных легендах ни о какой итерации

Галлиена известны по крайней мере два Патерна, занимавших посты консулов в 267 и 268 г.²⁴ До консульства один из них был префектом Города²⁵. Был ли этот Патерн их родственником, неизвестно. Но вполне возможно, что он, как и те Патерны, входил в ближайшее окружение Галлиена. В 270 г. ординарными консулами были Флавий Антиохиян и Вирий Орфит. В предыдущем году Антиохиян был префектом Рима, а еще раньше до этого, т. е. явно при Галлиене, консулом-суффектом²⁶. Все это были довольно влиятельные люди, делавшие свою карьеру во времена предшествующего правления²⁷. Своим выбором Клавдий демонстрировал продолжение курса Галлиена. С другой стороны, возможно, что именно после своих первых побед и последовавшего за ними укрепления власти Клавдий отменил (или не стал возражать против отмены сенатом) прежнее решение об обожествлении Галлиена. Такое лавирование показывает уже упомянутые ранее дипломатические способности Клавдия²⁸. Он одновременно привлекал влиятельных сторонников Галлиена если не к реальному управлению, то к самым высоким почетным постам и не мешал сенату демонстрировать свою враждебность к покойному императору.

В целом Клавдий продолжил политику Галлиена. Его монеты мало отличаются от монет предшественника²⁹. И в военной сфере Клавдий продолжил линию Галлиена³⁰. Не случайно Зосим (I, 45, 2), рассказывая о войне Клавдия с готами, называет пехоту и конницу отдельно (πεζῶν καὶ ἵπλέων), говоря, что в одном сражении они даже не слышали друг друга. И это неудивительно, ибо Клавдий столкнулся с теми же проблемами, что и Галлиен. С одной стороны, римлянам продолжали угрожать варварские нападения, а с другой — сама Империя была фактически расколота на три части. Галлия, Британия и Испания признавали не римского, а «галльского» императора, а значительная часть восточных провинций находилась под властью палми-мирского царя.

консульства не говорится (ILS. P. 133). К тому же хорошо известны ординарные консулы 270 г. — Флавий Антиохиян и Вирий Орфит (Бикерман Э. Указ. соч. С. 233), а быть консулом-суффектом императору не пристало: Henze. Aurelius. Sp. 2461. Поэтому надо все же считать, что Клавдий лишь один раз был консулом, и именно в 269 г.

²⁴ Бикерман Э. Указ. соч. С. 253; Potter D. S. The Roman Empire... P. 265.

²⁵ Alföldy A. Studien... S. 258.

²⁶ PLRE I. P. 70.

²⁷ Potter D. S. The Roman Empire... P. 265.

²⁸ Ср.: Drinkwater J. Op. cit. P. 48.

²⁹ Damerau P. Op. cit. S. 92–93; Шмаерман Е. М. Кризис... С. 482–483.

³⁰ Campbell B. The army. P. 119.

После катастрофических неудач в войнах с Персией Пальмирское царство представляло собой своеобразный буфер, отделяющий основные территории Империи от державы Сасанидов и служащий ее защитой от возможных персидских атак. Галлиен признал такое положение Пальмиры и даровал Оденату титул «наместника всего Востока» (*corrector totius Orientis*) и даже, может быть, признал его своим соправителем (SHA Gall. 12, 1)³¹. Сам Оденат подчеркивал свою лояльность Галлиену, но в 267 г. он был убит своим братом Меонием, за спиной которого, возможно, стояла жена Одената Зенобия, недовольная объявлением ее пасынка Герода (Хайрана) соправителем и наследником отца. Меоний, пытавшийся сам захватить власть, тоже скоро был убит, и царем Пальмиры был объявлен сын Зенобии Вахбаллат, а сама царица стала фактической правительницей Пальмирского царства (SHA Trig. туг. 15, 5; 16–17, 30, 3)³². Как и покойный муж, Зенобия старалась не рвать официально с Римом и признавать верховную власть римского императора³³. Это, однако, не мешало ей постоянно стремиться к расширению пальмирских владений. В 269 г. прекратилась чеканка римских монет в Антиохии. Тогда же армия Зенобии подчинила значительную часть Малой Азии (Zos. I, 50, 1). Под властью пальмирского царя и его матери оказалась Аравия³⁴. Сирия и Аравия стали плацдармом для планируемого захвата Египта.

О вторжении пальмирцев в Египет рассказывают Зосим (I, 44, 1–45, 1) и авторы биографий Клавдия и Проба (SHA Claud. 11, 2; Prob. 9, 5). Эти три рассказа имеют как ряд общих черт, так и весьма важные различия. По Зосиму, Зенобия, узнав, что египтянин Тимаген готов признать ее власть, направила в Египет войско под командованием Забда (*Zabdas*). Пальмирцы одержали победу и захватили Египет. Однако Проб, сражавшийся на море против пиратов, высадился в Египте и, собрав новую армию, с которой соединил и свои войска, выбил армию Забда и блокировал ее. Но Тимаген, используя свои знания местной природы, напал на Проба с тыла и разбил римлян. Сам Проб покончил с собой, а Египет попал в руки пальмирцев. Биограф Клавдия говорит, что пальмирцы под командованием Сабы (явно того же Забда) и Тимагена потерпели поражение от египтян, которыми командовал Пробат. Вследствие козней (*insidiae*) Тимагена

³¹ Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977. С. 290. Впрочем, последнее утверждение едва ли верно.

³² Подробнее об этом — в главе о Пальмирском царстве.

³³ *Altheim F. Niedergang...* S. 95; Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 292.

³⁴ *Hanslik R. Zenobia* // RE. 1972. Hbd. 19A. Sp. 3.

Пробат погиб, но все египтяне отдались под власть римского императора и присягнули ему. Наконец, автор биографии Проба пишет, что будущий правитель сражался против пальмирцев и сначала чуть не попал к ним в плен, но затем, собрав силы, снова подчинил Египет и весь Восток римскому императору³⁵. Вопреки мнению «Флавия Вописка» Проб, сражавшийся с пальмирцами, был не будущим императором, а префектом Египта Тенагиноном Пробом, которого автор спутал с императором³⁶. Возможно, что Зосим также допустил значительную путаницу. Монеты, чеканенные в Александрии, показывают, что Египет признавал власть не только Клавдия, но и его преемника Квинтилла³⁷, и, следовательно, ни о каком подчинении этой страны Зенобии и ее сыну при Клавдии не было речи. Известно о подчинении Египта Пальмирскому царству при Аврелиане. Поэтому возможно, что в рассказе Зосима соединены сведения о двух египетских кампаниях пальмирцев. Во время первой из них Тенагинон Проб, которого «Треbelлий Поллион» называет Пробатом, разгромил пальмирскую армию, и, хотя сам он, по-видимому, погиб, Египет остался под властью Клавдия.

Из этих неясных и частично путанных сведений можно сделать вывод, что в Египте в это время существовала довольно влиятельная пропальмирская «партия», возглавляемая неким Тимагеном, и что при вступлении армии Забда Тимаген собрал свое войско и присоединил его к пальмирскому, поскольку биограф Клавдия обоих равно называет полководцами (*ducibus*). О Тимагене известно мало. Зосим просто называет его египтянином (*ἀγὴρ Αἰγύπτιος*). Но то, что он возглавлял собственную армию, официально встав вровень с пальмирским генералом, говорит о его высоком положении. Возможно, что это был Аврелий Тимаген, занимавший пост архиерея³⁸. Архиерей был действительно важной персоной и ведал не только городскими культами, но и культом императора³⁹. Если же Тимаген был архиереем Александрии и Египта, как иногда предполагают⁴⁰, то он вооб-

³⁵ Речь идет об Аврелиане. Автором биографии Клавдия назван Треbelлий Поллион, а Проба — Флавий Вописк. Между рассказами того и другого столь значительная разница, что обе биографии не могли быть написаны одним человеком, как до сих пор считают многие ученые (ср.: *Гаспаров М. Л.* Послесловие // *Властители Рима*. М., 1992. С. 327–328).

³⁶ PLRE I. P. 740–741; *Paschoud F.* Notes. P. 164.

³⁷ *Paschoud F.* Notes. P. 164.

³⁸ *Burns T. D.* Some Persons... P. 174.

³⁹ *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 203.

⁴⁰ *Burns T. D.* Some Persons... P. 174, n. 125.

ще возглавлял всю культовую систему страны⁴¹. Это, конечно, не могло не привлечь к нему какое-то число египтян. Поддержка по крайней мере части египетского населения облегчила задачу Забда и его царицы. Забд был главнокомандующим пальмирской армии (*μεγας στρατλάτης*)⁴², и то, что ему лично было поручено завоевание Египта, говорит о значении, какое придавала Зенобия этому завоеванию. Находки в Египте папирусов с упоминанием Вахбаллата⁴³ говорят об установлении пальмирской власти в Египте. Но и Клавдий не мог пренебречь сложившейся ситуацией. Не имея возможности лично возглавить отвоевание Египта, будучи занятым тяжелой войной с готами (см. ниже), он направил в Египет Тенагиона Проба, который незадолго до этого был президом Нумидии и успешно справился с мятежом Арадиона, а в это время командовал морскими силами, сражающимися против пиратов⁴⁴. Проб не только был назначен префектом Египта, но и получил титул *dux Aegyptiorum*⁴⁵. Это была временная должность, вводимая при возникновении чрезвычайных обстоятельств⁴⁶. Несомненно, парфянское вторжение явилось таким чрезвычайным обстоятельством. Зосим говорит, что Проб, высадившийся в Египте, собрал армию из тех египтян, которые не признали власть пальмирцев, а затем упоминает, что под его командованием сражались египтяне и ливийцы. Если под ливийцами можно подразумевать воинов, пришедших с Пробом из Нумидии, то вопрос о египтянах остается открытым — были ли это римские войска, находившиеся в Египте, или это было ополчение, собранное новым префектом и дуксом, неизвестно. Как бы то ни было, какая-то часть

⁴¹ Фихман И. Ф. Указ. соч. С. 191, 207.

⁴² Stein. Septimius // RE. 1923. Hbd. 4A. Sp. 1575–1576. Этот титул засвидетельствован надписью, датированной августом 271 г., т. е. временем вскоре после событий в Египте. Думается, что едва ли полководец, потерпевший поражение, за это время был возвышен до столь высокого поста. Скорее всего, он его уже занимал и до этого и не был смещен после отступления из Египта.

⁴³ Martindale J. R. Prosopography of the Late Roman Empire: *addenda et corrigenda* to Volume I // Historia. 1980. Bd. 29, 4. P. 478.

⁴⁴ PLRE I. P. 740–741; Hanslik R. Probus // RE. 1957. Hbd. 45. Sp. 56. Впрочем, возможно, что Проб уже незадолго до этого стал префектом Египта и в этом качестве получил поручение воевать на море с готскими пиратами (*Damerau P. Op. cit. S. 57*). Естественно, что в таком случае прервать морскую экспедицию он мог только по приказу императора.

⁴⁵ Синкелл (p. 721) называет Проба стратегом.

⁴⁶ Фихман И. Ф. Указ. соч. С. 190. Если Проб уже был префектом Египта, то получение должности дукса должно было укрепить его положение и подчеркнуть чрезвычайный характер военных действий.

египтян действительно осталась верной римскому императору и его полководцу. Основные силы пальмирцев во главе с Забдом были выбиты из Египта⁴⁷, но армия Тимагена осталась. По словам Зосима, под его командованием находилось 2 тысячи человек, которые были осаждены на горе Вавилон недалеко от Мемфиса. Он сумел нанести Пробу удар с тыла. Войска Проба были разбиты, а сам он покончил с собой. О дальнейшей судьбе Тимагена ничего не известно⁴⁸. Клавдий явно назначил нового префекта Египта. Сначала им был Юлий Марцеллин, который до этого служил под командованием Проба Тенангиона, а затем Статилий Аммиан⁴⁹. Ему, вероятно, удалось одержать победу над Тимагеном⁵⁰. Клавдий сумел восстановить свою власть в Египте. Может быть, с этим связан и непонятный, на первый взгляд, титул Клавдия: *Parthicus maximus* (ILS 571)⁵¹, поскольку никаких военных действий на Востоке Клавдий не вел⁵². Он вместе с титулом «Готского Величайшего» появляется в надписи, датированной третьей трибунской властью, т. е. после 9 декабря 269 г. Можно предположить, что после вытеснения пальмирцев из Египта Клавдий и принял этот титул, обычно связанный с победами над восточными соседями. Косвенным подтверждением этого предположения может служить монетная легенда *VICTORIA PARTHICA*, появившаяся после взятия преемником Клавдия Аврелианом Пальмиры в 272 г.⁵³ Правда, эмиссия эта, видимо, была очень небольшой, но важно то, что победа над Пальмирой воспринималась, хотя бы ограниченно, именно как победа над Парфией. К этому времени воспоминания о некогда грозной сопернице Римской империи постепенно уходили из памяти, но во времена Клавдия они могли быть несколько более живыми, чем при Аврелиане.

Клавдий добился определенных успехов и на Западе. Вторым и третьим годами его правления датируются надписи в его честь, найденные

⁴⁷ Значительная часть сирийских войск, входивших в армию Забда, погибла в Египте: *Seyrig H. Antiquités syriennes*, 58 // *Syria*. 1953. Т. 31. P. 215–216.

⁴⁸ Ср.: *Stein A. Timagenes* // *RE*. 1936. Hbd. 11A. Sp. 1063.

⁴⁹ *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 267; *PLRE I*. P. 53 (ср. 54), 549. Высказанное ранее предположение теперь можно считать доказанным: *Martindale J. R. Op. cit.* P. 475. Статилий Аммиан ранее командовал частями в Аравии и, следовательно, знал восточный театр военных действий.

⁵⁰ *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 267.

⁵¹ Титул *Part(hicus)* появляется и на монете Клавдия (*Damerou P. Op. cit.* S. 61), так что о случайном появлении этого титула не может быть речи.

⁵² *Henze. Aurelius*. Sp. 2461.

⁵³ *Göhl R. Die Münzprägung des Kaisers Aurelianus*. Wien, 1993. S. 52. Да и сам Аврелиан после победы над Пальмирой принял титул Парфянского.

в Испании⁵⁴. Поэтому можно уверенно говорить, что в 269 г. власть римского императора была восстановлена в этой стране. Надписи с именем Клавдия того же времени найдены также в Галлии. Но если в Испании они встречаются в разных местах, в том числе в западных и внутренних районах Пиренейского полуострова, то в Галлии они ограничены районом между Роданом и Альпами⁵⁵. В связи с этим можно говорить о восстановлении власти римского императора в Испании и восточной части Нарбоннской Галлии. В мае-июне 269 г. в Галлии был убит своими же войсками Постум (SHA Trig. туг. 3, 2)⁵⁶, после чего в Галльской империи начались смуты. Почти одновременно появилось несколько претендентов на трон, которые менялись с калейдоскопической быстротой. На какое-то время на троне оказался бывший кузнец Марий (SHA Trig. туг. 8, 1). Хотя письменные источники дают ему время правления всего в несколько дней, монеты позволяют говорить приблизительно о двух месяцах его власти⁵⁷. Временную победу одержал соратник и в некоторой степени соправитель Постума Викторин (SHA Trig. туг. 6, 1). Клавдий явно воспользовался этой нестабильностью, чтобы отнять у галльских императоров Испанию и часть Галлии. В одной из надписей на юго-востоке Галлии говорится о вексилляциях и всадниках, находящихся под командованием префекта вигиллов Юлия Пладиана (ILS 569). Видимо, Клавдий направил в Галлию подразделения своей армии, которые и вернули под власть Рима эту часть страны⁵⁸. Несколько позже он, может быть, сумел даже несколько расширить сферу своей власти в Галлии. Упорное сопротивление Викторину оказал город Августодун. Викторин осадил его, а горожане призвали на помощь Клавдия⁵⁹. Но помочь Августодуну Клавдий не смог и Викторин разрушил его, а его преемник Тетрик продолжил начатые им репрессии против горожан (Paneg. Lat. V (VIII), 2, 5; 4, 2–4; IX (IV), 4, 1)⁶⁰. В Аргенторате найдены черепицы с клеймами VIII Клавдиева легиона⁶¹. Не исключено, что и этот город признал власть Клавдия⁶². Власть Клавдия, судя по надписи,

⁵⁴ Balil A. Hispania en los años 260 a 300 d.C. // Emerita. 1959. T. 27. P. 275.

⁵⁵ Lafaurie J. L'empire Gaullois // ANRW. 1975. Bd. II. 2. P. 867–868.

⁵⁶ König I. Die gallische Usurpatoren... S. 116; Paschoud F. Notes. P. 161.

⁵⁷ Lafaurie J. Op. cit. P. 859.

⁵⁸ Dameriau P. Kaiser Claudius II. Gothicus, Leipzig, 1934. S. 77–78.

⁵⁹ Bats M., Benoist S. Lefebvre S. L'empire romain... P. 169.

⁶⁰ Dameriau P. Op. cit. S. 78–80; Lafaurie J. Op. cit. P. 860; König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 148–156; Сепзеев И. П. Указ. соч. С. 125.

⁶¹ Lafaurie J. Op. cit. P. 867.

⁶² Более поздние исследования, однако, поставили под сомнение подлинность этих черепиц: König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 155, Bem. 34.

признал также один из легионов, расквартированных в Британии⁶³. Но большего на Западе Клавдий добиться не смог. Более того, в Британии вскоре была полностью восстановлена власть Викторина⁶⁴. Так что большая часть Галлии, рейнская граница и Британия, судя по надписям, остались под властью Викторина и Тетрика⁶⁵. Можно предполагать, что дальнейшим успехам Клавдия помешало резкое обострение обстановки на Дунае и Балканах. И сам Клавдий, если верить Зонаре (XII, 26), считал более грозной опасность со стороны варваров, перешедших через Меотидское озеро, т. е. готов, чем со стороны галльского императора.

В 269 г. мощная и невиданная ранее коалиция варварских племен, среди которых большое место занимали готы (точнее, четыре отдельных готских племени или отряда⁶⁶), двигаясь по суше и по морю, вторглись в балканские провинции⁶⁷ и попытались разграбить малоазийское побережье (Zos. I, 42–43; 45–46; SHA Claud. 6–9; 11–12; Synes. P. 720). Укрепленные города варвары взять не смогли. Они были отбиты и от Византия, и от Кизика, и от Фессалоник, и от других городов. Зато они почти беспрепятственно грабили сельскую местность. Опасность была тем более велика, что варвары грозили в любой момент перерезать стратегически важнейшую ось, идущую от Аквилеи через Сирмию к Византию, дававшую возможность маневрировать войсками, перебрасывая их с одного конца Империи на другой⁶⁸. Клавдию пришлось со всеми своими силами двинуться против нападавших. Морские операции были поручены Тенагину Пробу. Правда, через какое-то время Проб был вынужден явно по приказу императора направиться в Египет, захваченный пальмирцами, но извлечь из этого выгоду германцы не смогли. После бесплодного крейсерования в водах Крита и Родоса они отступили. В ожесточенном сражении у Наисса в Мезии римляне одержали блестящую победу. Часть готов отошла к горам Гем, где в следующем году была вторично разгромлена. О победах Клавдия упоминают, правда, без подробностей также Аврелий Виктор (Caes. 34, 5), Евтропий (IX, 11, 2) и Синкелл (p. 720). Некоторые ученые полагают, что только небольшим группам варваров удалось снова уйти

⁶³ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 205, N 63.

⁶⁴ Ibid. S. 146.

⁶⁵ Lafaurie J. Op. cit. P. 872–873; König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 209–218, N 75–115.

⁶⁶ Буданова В. П. Указ. соч. С. 99.

⁶⁷ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 83.

⁶⁸ Carrié J.-M., Rousselle A. L'empire romain en mutation. Paris, 1999. P. 101.

за Дунай⁶⁹. Однако, возможно, это и не так, и довольно значительная их масса сумела все же прорваться на родину; иначе трудно было бы объяснить продолжение существования этих племен, в частности готов, в Северном Причерноморье. Во всяком случае поражение было для германцев столь чувствительным, что Дунай превратился в некий священный рубеж, отделявший страну готов от Империи⁷⁰. Клавдий, уже до этого имевший почетный титул Германского (*Germanicus maximus*), получил теперь и титул Готского (*Gothicus maximus*), став первым римским императором, носившим этот титул⁷¹. Под именем Готского он и вошел в историю. Титул Германского у него появился еще в 269 г., когда он второй раз обладал трибунской властью (*ILS 569*), а Готским он именуется после 10 декабря 269 г., когда получил трибунскую власть в третий раз (*ILS 571*).

Весть о победе Клавдия была с восторгом встречена в Риме. По словам Евтропия (*IX, 11, 2*) и автора «Эпитомы» (*34, 4*), сенат поставил императору золотую статую на Капитолии и золотой щит с его изображением в курии. Аврелий Виктор (*Caes. 34, 7*) пишет, что эта победа была тяжелой и трудной (*aegra asperiorque*). Эта трудность связывалась не только с многочисленностью армии противника⁷², но и с новым характером самого движения германских племен. «Требеллий Поллион» говорит о женщинах и о скоте варваров, ставших добычей римлян (*SHA Claud. 8, 6; 9, 4–6*). Это ясно говорит о том, что варвары, в том числе готы, выступили не только ради грабежа, но и, двигаясь вместе с семьями и скотом (видимо, и домашним скарбом), искали место для поселения на римской территории. И с этим выводом согласны современные исследователи⁷³. В некотором смысле это была репетиция Великого переселения народов. В целом она провалилась, но все же в некоторой степени можно говорить и о частичном успехе готов. Значительная часть захваченных в плен была, естественно, превращена в рабов, но другая — зачислена

⁶⁹ Вольфрам Х. Готы. С. 85; Щукин М. Б. Готский путь. С. 150; Kulikowski M. Rome's Gothic Wars. P. 20.

⁷⁰ Захаров Г. Е. Переход через Дунай как пересечение границы между готским и римским культурными мирами // Восточная Европа в древности и средневековье. XX. М., 2008. С. 73.

⁷¹ Вольфрам Х. Готы. С. 86.

⁷² Биограф Клавдия говорит о 320 тысячах вооруженных врагов (*SHA Claud. 6, 4; 8, 2*), и это же число упоминает и Зосим (*I. 42, 1*). Эта цифра явно преувеличена, но она дает представление об огромных силах противника.

⁷³ Буданова В. П. Указ. соч. С. 99; Щукин М. Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 149–151.

в римскую армию, а третьим была предоставлена земля для поселения, чего, собственно, германцы и добивались. «Требеллий Поллион» с торжеством сообщает, что римские провинции были наводнены варварскими рабами и скифскими поселенцами, гот на границе с Империей был превращен в колона (*factus... colonus c Gotho*) (SHA Claud. 9, 4). Это можно было бы принять за фальшивку, в какой всегда подозреваются авторы (или автор) сборника императорских биографий, если бы практически о том же самом не говорил Зосим (I, 46, 2): спасшиеся от гибели варвары или были включены в римские войска, или, получив землю, занялись земледелием. Характерно противопоставление тех и других варваров. Следовательно, во втором случае речь шла не о военных поселенцах, а о мирных крестьянах, в которых превращали часть пленных германцев.

Клавдий не был первым, кто поселил варваров на территории Империи. Еще Август поселил 50 тысяч гетов на Дунае и 40 тысяч германцев на Рейне и в Галлии (Strabo VII, 3, 10; Eutrop. VII, 9). Такая практика, хотя и сравнительно редко, применялась и более поздними императорами. К сожалению, условия поселения варваров Клавдием неизвестны. Употребление термина *colonus* позволяет предположить (но только предположить), что германцы были поселены как арендаторы. Видимо, таково было условие их сдачи римлянам (*deditio*). В таком случае речь не могла идти о частных землях, если, конечно, часть римлян не была принуждена императором насильно отдать в аренду некоторые свои земли, но об этом нет никаких сведений. Вероятно, значительное обезлюдение пограничных территорий, частично, по-видимому, связанное с начавшейся в это время эпидемией (Zos. I, 46, 1), заставило римское правительство принять меры, и какие-то государственные (или императорские) земли могли быть переданы в аренду пленникам. Их положение могло быть похоже на положение летов, хотя сам этот термин появился несколько позже⁷⁴. Представители же варварской знати, попавшие в плен или перешедшие на сторону римлян, могли занять относительно высокое положение. Известно, что при Клавдии находился герул Андопобалл (FHG IV. Petr. Patr. fr. 171).

Клавдий одерживал победы. Но они стоили дорого. Военные расходы росли, а возможности казны уменьшались. Клавдий не решил пойти на резкое увеличение налогов и фактический грабеж городов

⁷⁴ Ермолова И. Е. *Laeti* в поздней Римской империи // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 228–237.

и храмов, как это три десятилетия назад сделал Максимин. Поэтому он пошел по пути увеличения выпуска якобы серебряных монет, масса которых в 270 г. удвоилась⁷⁵. При одновременно растущей нехватке металла это, естественно, вело, как об этом говорилось выше, к резкому уменьшению содержания в них серебра и соответственно реальной стоимости. Такое значительное ослабление финансовой базы делало режим Клавдия довольно хрупким.

Занятый преимущественно решением военных проблем, Клавдий, видимо, предоставил сенату более широкие возможности управлять с внутренними делами. У нас нет конкретных данных, которые свидетельствовали бы об этом. Но в просенатской историографии Клавдий вызывает почти такой же, а может быть, и больший восторг, как и Александр Север. А это может косвенно подтвердить такое предположение⁷⁶. Авторитет же Клавдия в армии был значительным. Все это, несмотря на хрупкость режима, обеспечило Империи относительно внутреннее спокойствие. Правда, есть сведения об узурпации некоего Цензорина (SHA Trig. титр. 31, 12; 33, 1–5), которого войска в Северной Италии провозгласили императором. Не только отдельные детали его биографии, но и саму его фигуру считают вымыслом⁷⁷. Однако ничего особенно подозрительного в истории возвышения и быстрого убийства Цензорина нет. По словам «Треbelлия Поллиона», Цензорин был уже весьма старым человеком, всю жизнь связанным с армией. Провозглашение его императором было неожиданным даже для него самого. Если вся эта история действительно имела место, причина его возвышения могла заключаться в недовольстве оставшихся в Италии частей Клавдием. Отправляясь в поход против готов, Клавдий назначил командовать армией в Северной Италии, предназначенной сдерживать возможное в то время нападение других германцев на Италию, которые уже случались, своего брата Квинтилла. И это могло вызвать недовольство солдат. Не имевшие собственного кандидата на пурпур войны могли обратиться к уже известному отставному военному командиру. Но его попытка укрепить дисциплину в своих войсках закончилась для него трагически. Те же солдаты, которые провозгласили старика императором, вскоре его и убили. Какова была реакция на это событие императора или сената, не сообщается. Узурпация Цензорина, если принять ее историчность,

⁷⁵ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 131.

⁷⁶ Выше говорилось, что Клавдий как будто советовался с сенатом даже о своих военных мероприятиях.

⁷⁷ Burns T. D. Some Persons... P. 153.

была очень кратковременной и не оказала никакого влияния на ход событий в правление Клавдия. Во всяком случае в момент смерти своего брата армией в Северной Италии командовал Квинтилл (SHA Aug. 37, 5).

В правление Клавдия, первого из ряда так называемых иллирийских императоров⁷⁸, намечается перелом в ходе кризиса. Сам Клавдий почти ровно через два года после своего возвышения, в конце августа 270 г., умер⁷⁹ от свирепствовавшей тогда чумы (SHA Claud. 12, 1; Eutrop. IX, 11, 2; Zos. I, 46, 2; Oros. VII, 23, 1; Zon. XII, 26). Он стал, таким образом, первым после Септимия Севера императором, который умер ненасильственной смертью. Позже возникла легенда, что он, наподобие древних Дециев Муссов, получив соответствующее предсказание, добровольно обрек себя на смерть в сражении, чтобы обеспечить победу римлянам (Aug. Vict. 34, 2–5; Epit. 34, 3). Эта легенда находится полностью в русле прославления Клавдия, столь характерного для IV века, и ее едва ли надо принимать всерьез. Даже автор его биографии, относящийся к своему герою с полным восторгом, не решился воспроизвести легенду (или даже вовсе ее не знал). Но характерно само ее возникновение: любимого императора сравнивают с героями римской древности и видят в нем воплощение старых республиканских традиций, когда понятие SPQR, появляющееся и на монетах Клавдия⁸⁰, не было пустым звуком. И, может быть, не случайно именно Клавдия стали считать предком Констанция Хлора, в котором панегирист видел надежду на возрождение Рима.

ПРИХОД К ВЛАСТИ АВРЕЛИАНА

Возвышение Клавдия и все его правление сенаторы могли рассматривать как победную реакцию на реформы Галлисена. Тем большим должно было быть их разочарование при известии о неожиданной смерти императора. Клавдий был обожествлен и посмертно удостоен высочайших почестей (Eutrop. IX, 11, 2). Новым кандидатом на трон стал брат Клавдия Квинтилл. По словам Евтропия (IX, 12), Квинтилл был избран с согласия воинов и провозглашен

⁷⁸ Первым иллирийцем на римском троне был Деций, но его, как говорилось в соответствующей главе, нельзя считать «иллирийским императором», ибо его карьера полностью отличалась от карьеры Клавдия и его преемников.

⁷⁹ Laffaurie J. Op. cit. P. 1000; Kotula T. Aurélien... P. 53; Potter D. S. The Roman Empire... P. 268; Drinkwater J. Op. cit. P. 50.

⁸⁰ Alföldy A. Studien... S. 178–180, 380.

августом сенатом. Зосим (I, 47, 1) просто отмечает, что тот был провозглашен императором (βασιλεὺς ἀναρρηθέντος), не уточняя способ провозглашения. Автор «Эпитомы» также (34, 4) упоминает лишь о том, что Клавдию наследовал его брат Квинтилл⁸¹. Другие источники дают несколько иную картину. Так, «Требеллий Поллион» пишет, что Квинтилл принял власть, врученную ему всеобщим голосованием (*delatum sibi omnium iudicio suscepit imperium*). Как и в случае с Клавдием, под всеобщим голосованием надо понимать решение сената. Зонара (XII, 26), ссылаясь на неназванных авторов, говорит, что Квинтилла (он его называет Квинтиллианом) удостоил императорской власти (ἀξιώσαι τῆς βασιλείας) сенат из любви к Клавдию. Едва ли, конечно, сенат мог настоять на этой кандидатуре без всякого учета мнения армии. Сам Квинтилл в это время командовал войсками в Италии (SHA Aug. 37, 5) и находился в Аквилее⁸². Вероятнее всего, мнение именно этой армии было учтено сенатом⁸³. Но в любом случае роль сената в приходе к власти Квинтилла была большой и, может быть, решающей. Не исключено, что армия в Италии вообще только поддержала кандидатуру, выдвинутую сенатом⁸⁴. Сенат снова выступил как реальная правящая корпорация⁸⁵. Характерно, однако, что никакой попытки выдвинуть кандидатуру на трон из своей среды сенат не сделал. Сенаторы явно понимали, что навязать свою кандидатуру армии они не смогут. Для большего подтверждения права Квинтилла на трон возникла версия, что уже Клавдий хотел сделать брата своим соправителем (SHA Claud. 10, 6). И сам Квинтилл старался подчеркнуть связь своего правления с правлением брата. Дексипп называет Квинтилла, как и его брата, Клавдием (SHA Claud. 12, 6). Это же имя встречается и на некоторых монетах Квинтилла⁸⁶. Из этого делается вывод, что новый император

⁸¹ Аврелий Виктор вообще не включает Квинтилла в число цезарей.

⁸² Damerau P. Kaiser Claudius II. Gothicus. Leipzig, 1934. S. 88. Здесь он, вероятно, исполнил поручение брата, занимаясь подготовкой обороны Италии от возможного нового германского нашествия: Kotula T. Aurélien... P. 54.

⁸³ Если узурпация Цензорина в Северной Италии была историческим фактом, то такое поведение североиталийской армии можно было бы рассматривать как свособразное извинение перед памятью умершего императора за свое недавнее поведение.

⁸⁴ Сергеев И. П. Указ. соч. С. 81.

⁸⁵ Иногда полагают, что сенат стал в это время сам выпускать монеты с изображением не правящего императора (в данном случае Квинтилла), а гения римского народа: Turcan R. Le délit des monétaires rebelles contre Aurélien // Latomus. 1969. T. 28. 4. P. 957–958. Если это так, то это значит, что сенат стремился продемонстрировать свое возрождение в качестве реально правящего органа, опирающегося на всковую традицию.

⁸⁶ Damerau P. Op. cit. S. 89.

принял имя покойного брата⁸⁷. И он сразу же начал чеканить монеты с изображением умершего императора и легендой *divus Claudius*⁸⁸.

Однако триумф сената и сенатского императора был недолгим. Мы не знаем подробностей биографии Квинтилла. Биограф его брата упоминает только его «доблести» (*virtutes*). Под ними можно, конечно, понимать военные достижения. Но, учитывая общую риторику всего жизнеописания и этого пассажа в частности, едва ли надо вкладывать в слова биографа какую-либо реальность. Евтропий говорит об особой умеренности и любезности Квинтилла, что не вяжется с военной службой. Хотя Клавдий, как уже говорилось, и назначил брата командовать армией в Северной Италии, дабы во время своего похода против готов сдержать возможное вторжение германцев, это еще не означает наличия у него военного опыта. В биографии Аврелиана (*SHA Aug.* 37, 6) говорится, что, когда он провозгласил себя императором, Квинтилл был брошен всем войском (*a toto exercitu*). Можно полагать, что новый император не был связан с армией и не пользовался у солдат каким-либо авторитетом. По-видимому, и римский плебс относился к новому императору без особого восторга. Есть сведения, что, вступая на трон, Квинтилл пообещал жителям Рима обычный в таких случаях подарок (*congariatium*), но выполнить свое обещание не смог (*Chron. A.* 354, p. 148). Римляне не могли не воспринять это как обман. Правда, сначала власть Квинтилла признала большая часть Империи (точнее, той территории, которая признавала власть римского императора). Но Аврелиан, командовавший войсками на Дунае, отказался признавать Квинтилла и объявил императором себя. Дунайская армия активно поддержала своего командующего, и в честь этого на монетном дворе в Сисции были выпущены ауреи с легендами, прославлявшими *fides* и *concordia* воинов⁸⁹.

Зонара (XII, 27) сразу же противопоставляет Квинтилла и Аврелиана друг другу: в то время как сенат удостоил власти Квинтилла, армия выбрала Аврелиана. Думается, что эти два события едва ли были одновременны, ибо монеты говорят о приблизительно двухмесячном правлении Квинтилла на значительной территории, в том числе и той, что могла находиться в сфере влияния Аврелиана⁹⁰.

⁸⁷ *Alföldy A.* Studien... S. 374.

⁸⁸ *Ibid.*; *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 230.

⁸⁹ *Kluczek A.* Virtus Augusti dans la monnayage et la propagande de l'empereur Aurélien // *Nacc mih i in annis vestris templa.* Rzeszów, 2007. P. 326. По мнению А. Клушк, эти монеты были рассчитаны и на войска Квинтилла.

⁹⁰ *Kotula T.* Aurélien... P. 55–57.

Однако некоторая нестабильность стала ощущаться, по-видимому, с самого начала правления Квинтилла. Исследователи отмечают интересный момент. Египетские папирусы того времени в отличие от александрийских монет датируются не годом императора, как это было обычно, а консулами текущего года (причем имена их не называли), и это означает, что по крайней мере в Египте не знали, кто же реально правит, и на всякий случай не упоминали ни одного из претендентов⁹¹. В любом случае силы были неравны, и Квинтилл, не вступая в бой, покончил с собой (Zos. I, 47, 1). Рассказывая об этом, Зосим говорит, что Квинтилл уступил власть по совету τῶν ἐπιτηδείων, т. е. то ли личных друзей, то ли сторонников⁹². Видимо, сенат вскоре понял, что его креатура удержать власть не сможет, и предпочел пойти на соглашение с Аврелианом. Существует и другая версия гибели Квинтилла. Биограф Клавдия говорит, что Квинтилл из-за своей строгости к воинам был убит таким же образом (eo genere), как Гальба и Пертинакс, т. е. преторианцами.

Хотя версия о самоубийстве признается более вероятной⁹³, наличие второй версии весьма симптоматично. Автор сравнивает Квинтилла с теми императорами, которые неудачно пытались восстановить дисциплину в армии, в том числе и в преторианских когортах, следуя старинным римским традициям, столь ценным сенатской аристократией (независимо от того, каким было подлинное происхождение сенаторов того времени)⁹⁴. Евтропий (IX, 12)

⁹¹ Schwartz J. Chronologie du IIIe s. p. C. // ZPE. 1977. Bd. 24. P. 174; Rathbone D. W. Dates... P. 121, 123; Göbl R. Die Münzprägung des Kaisers Aurelianus. Wien, 1993. S. 24; Kotula T. Aurélien... P. 56.

⁹² Рассказывая об этих событиях, Зосим ссылается на некоторых историков (κατὰ τινὰς λογοποιῶν). К сожалению, он не называет этих историков. Считается, что источником Зосима в I книге (и до 25 главы V книги) была «Всемирная история» Евнапия (Paschoud F. Introduction. P. LXIX; Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // Римские историки IV века. М., 1997. С. 316). Однако то, что Зосим говорит об историках во множественном числе, свидетельствует о большем разнообразии прочитанных им авторов. Надо заметить, что краткое сообщение Зосима о Квинтилле и его самоубийстве отличается от рассказов других историков. Так, например, биограф Клавдия пишет, что Квинтилл погиб на семнадцатый день своего правления (SHA Claud. 12, 5), и с ним согласен Евтропий (IX, 12), в то время как, по Зосиму, он правил несколько месяцев. Тот же биограф отмечает отличие своих сведений, что Квинтилл был убит, от данных Дексиппа, писавшего просто о смерти императора (12, 6). Зосим же прямо говорит о самоубийстве. Все это свидетельствует о том, что «некоторыми историками», на которых ссылается Зосим, не могут быть ни источник «Треbellия Поллиона» либо Евтропия, ни сочинение Дексиппа, ни один Евнапий.

⁹³ Paschoud F. Notes. P. 166.

⁹⁴ Ср.: Syme R. Emperors... P. 132.

также прославляет Квинтилла, говоря, что он являлся мужем исключительной умеренности и обходительности, и в этом был равен или даже превосходил своего брата (*unicae moderationis vir et civitatis, aequandus fratri vel praeponendus*). Можно спорить, насколько автор выражал просенатские настроения⁹⁵. Но едва ли надо сомневаться, что в этой восторженной характеристике Квинтилла все же слышен отзвук просенатской историографии с ее подчеркиванием традиционных ценностей⁹⁶. Квинтилл предстает как идеальный император даже еще в большей степени, чем Клавдий. По-видимому, сенат возлагал на его правление немалые надежды. Но эти надежды рухнули очень скоро. Все правление Квинтилла продолжалось, по разным источникам, от 17 или даже 12 дней до нескольких месяцев, а судя по данным нумизматики, он сохранял власть приблизительно два месяца или немногим больше⁹⁷. Таким образом, новая попытка сената сделать императором своего ставленника провалилась.

Для обоснования своих претензий на власть Аврелиан использовал тот же метод, что и Клавдий: он заявил, что тот именно его, а не брата назначил своим преемником (*Zon. XII, 26*)⁹⁸. Нет никаких оснований принимать этот пропагандистский маневр на веру. Но у самого Аврелиана некоторые основания для своего выступления были. Как и Клавдий, он принадлежал к новой знати, выдвинувшейся благодаря своим военным заслугам при Галлиене⁹⁹. Почти ровесник и земляк Клавдия¹⁰⁰, он сделал похожую карьеру в армии. Будучи не только провинциальным, но и весьма скромного происхождения¹⁰¹,

⁹⁵ Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Указ. соч. С. 309.

⁹⁶ Те же качества подчеркиваются «Элисом Лампридием» в биографии Александра Севера (4, 3), являющегося, как уже говорилось, идеальным императором для просенатской историографии (*John K.-P. Op. cit. S. 98*).

⁹⁷ *Damerai P. Op. cit. S. 30–31; Paschoud F. Notes. P. 166; Göhl R. Münzprägung... Aurelianus. S. 24.*

⁹⁸ *Alföldy A. Studien... S. 374.* Возможно, что Аврелиан находился при Клавдии в момент смерти императора (*Drinkwater J. Op. cit. P. 50*). Это, конечно, придавало больший вес его заявлению о назначении его преемником. Надо, однако, заметить, что некоторые исследователи все же считают, что Клавдий действительно назвал Аврелиана своим преемником (*Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 244, N. 45*) или что Аврелиан сразу же после смерти Клавдия был войском провозглашен императором (*Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 120*).

⁹⁹ *Pflaum H. G. Zur Reform... S. 117; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 81; Drinkwater J. Op. cit. P. 51.*

¹⁰⁰ *Syme R. Emperors... P. 211.*

¹⁰¹ Автор «Эпитомы» утверждает, что Аврелиан был сыном колона знатного сенатора Аврелия (35, 1). Очень возможно, что с этим связан и когномен императора —

он достиг высших постов в войске и при Клавдии возглавил всю кавалерию (SHA Aug. 18, 1). Несколько ранее он вместе с Клавдием и другими генералами участвовал в заговоре против Галлиена (Zon. XII, 25)¹⁰², и Аврелий Виктор (Caes. 33, 21) именно ему приписывает план убийства императора. Так что Аврелиан вполне мог рассматривать себя как естественного преемника Клавдия. По-видимому, так его рассматривало и окружение покойного императора. По словам «Флавия Вописка» (SHA Aug. 16, 1), именно блестящее положение Аврелиана при Клавдии и привело к тому, что после смерти императора и убийства Авреоло и Квинтилла он остался единственным обладателем власти (*solus teneret imperium*). Никто не мог и не желал соперничать с Аврелианом. Недаром он сразу же стал чеканить монеты с тем же изображением Клавдия и с той же легендой, что и Квинтилл, — *divus Claudius*¹⁰³. И своим *dies imperii* он считал не тот день, когда он был признан императором или даже им провозглашен, а день смерти Клавдия, полностью пропуская кратковременное правление Квинтилла¹⁰⁴.

Автор биографии Аврелиана (SHA Aug. 37, 1) называет его государем, скорее необходимым, чем хорошим (*principi necessario magis quam bono*). Также (44, 1–2) он пишет, что Аврелиана нельзя считать ни хорошим, ни плохим государем (*neque inter bonos neque inter malos principes*), и приводит слова, якобы сказанные Диоклетианом, что Аврелиану лучше было бы быть полководцем, чем государем (*magis ducem esse debuisse quam principem*). Такая оценка явно отражает непростые отношения между Аврелианом и сенатом и близкими к сенату кругами. А эти отношения в огромной степени определялись курсом Аврелиана на укрепление императорской власти. Его правление стало значительным шагом на пути к созданию государства нового типа¹⁰⁵. Аврелиан был уже не принцепсом в старом смысле слова, не первым гражданином и сенатором, а монархом.

Аврелиан (*Graug E. Domitius* // RE. 1903. Hbd. 9. Sp. 1352). Очень привлекательно предположение, что будущий император, будучи, как и многие его земляки, по рождению Аврелием, был усыновлен сенатором Л. Домицием и получил новое имя — Л. Домиций Аврелиан: *Kotula T. Aurélien...* P. 26–27.

¹⁰² Зонара рассказывает даже, что Аврелиан, узнав о намерении заговорщиков отложить убийство Галлиена до взятия Медиолана, побудил их совершить его как можно раньше.

¹⁰³ *Alföldy A. Studien...* S. 374.

¹⁰⁴ *Rathbone D. W. Dates...* P. 122; *Kotula T. Aurélien...* P. 57.

¹⁰⁵ *Bengtson H. Op. cit.* S. 342–343.

«ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ»

Аврелиан принадлежал к тому же кругу, что и Клавдий, и стремился продолжить его политику. Внимание Галлиена было приковано исключительно к защите то от внешних врагов, постоянно вторгавшихся на территорию Империи, то от узурпаторов. Клавдий перешел к более активным действиям, стремясь восстановить единство государства. И, если верить Зонаре (XII, 26), он своей первой задачей поставил не столько борьбу с варварами, сколько войну с «тираном», т. е. галльским императором. Частично ему это удалось. И все же опасность со стороны варваров была столь грозной, что Клавдию пришлось обратиться против них. За победу над готами он, как уже говорилось, и получил почетное прозвище Готский, с которым вошел в историю. Аврелиану также пришлось воевать с варварами. Возможно, Аврелиан не сразу выступил против Квинтилла потому, что по поручению Клавдия завершал его кампанию, направленную против готов, и, видимо, об этой кампании говорит Аммиан Марцелин (XXXI, 5, 17), пишущий, что готов после смерти Клавдия изгнал из пределов Империи именно Аврелиан¹⁰⁶. К сожалению, источники наших знаний или фрагментарны, или не дают четкой хронологии событий¹⁰⁷. Поэтому картина войн Аврелиана с различными германскими племенами восстанавливается с трудом и является довольно общей. Аврелиан, как кажется, еще не успел прибыть в Рим в качестве императора, как ютунги попытались вторгнуться в Италию, но были отбиты. После победы над ними Аврелиан прибыл в Рим, но почти сразу был вынужден снова отправиться на Балканы, куда вторглись вандалы, к которым, возможно, присоединились языги¹⁰⁸. Сражение между римлянами и вандалами было нерешительным, так что, по словам Зосима (I, 48, 2), обе стороны приписывали себе победу. Однако с наступлением следующего дня варвары направили к Аврелиану послов с предложением заключить соглашение. И договор был заключен. По его условиям, 2 тысячи вандальских всадников включались в римскую армию, а вандалам разрешалось вести торговлю за Дунаем (F Gr Hist. Dex. F. 7; Zos. I, 48, 2; SHA Aug. 18, 1). Вандалы явно поняли, что, хотя они и приписывали себе победу, до поражения римской армии было далеко, и предпочли получить конкретные

¹⁰⁶ Kotuka T. Aurélien... P. 59–62.

¹⁰⁷ Alföldy G. Barbareneinfälle und religiöse Krisen in Italien // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1964/1965. Bonn. 1966. S. 5; Paschoud F. Notes. P. 166.

¹⁰⁸ Tausend K. Bemerkungen zum Wandalenfall des Jahres 271 // Historia. 1999. Bd. 48. I. S. 120.

уступки от римлян. Право ведения торговли на римской территории имело большое значение для самого их выживания. Можно вспомнить, как много позже резкое ограничение торговли готов с римлянами привело первых чуть ли не на грань голода (Amm. XXVII, 5, 7). Те же готы завидовали своему соплеменнику Теодориху Страбону, когда он со своими войсками был принят на службу к императору (Iord. Get. 270). Эти примеры ясно говорят о том, что и торговля с римлянами, и возможность поступления на службу в римскую армию высоко ценились германцами. С другой стороны, включение вандальских всадников в римскую кавалерию усиливало ее в преддверии ближайшей новой войны с другими варварами. Да и медлить с заключением договора Аврелиан не мог, так как ему было жизненно необходимо обезопасить дунайскую границу ввиду приближающейся новой войны в Италии¹⁰⁹.

Это была война с союзом германских племен, который возглавляли в действительности ютунги или свевы¹¹⁰. Воспользовавшись отсутствием главных сил под командованием самого императора, варвары прорвались в Италию. Аврелиан должен был срочно вернуться, но под Плаценцией потерпел поражение. С большим трудом ему все же удалось остановить германцев у Метавра, а затем нанести им жестокое поражение уже в Северной Италии и на Дунае (SHA Aur. 18, 3–4; 21, 1–4; Aur. Vict. Caes. 35, 2; Epit. 35, 2; Zos. I, 49, 1)¹¹¹. В честь этой победы Аврелиан принял титул *Germanicus maximus* и выпустил монеты с легендами *VICTORIA AUG(usti)* и *VICTORIA GERMANICA*¹¹². Будучи прагматичным политиком и хорошим знатоком военного дела, он понял, что удерживать римские владения за Дунаем и Рейном чрезвычайно трудно, и в 271 г. ушел из Дакии¹¹³, сделав Дунай естественной границей Империи на всем протяжении этой реки. Правда, при этом римляне сумели сохранить за собой некоторые плацдармы на левом берегу Дуная, да и какая-то (может

¹⁰⁹ Ibid. S. 122–127.

¹¹⁰ Alföldy G. *Barbareneinfälle...* S. 5–6; Alföldy A. *Studien...* S. 427–429; Göbl R. *Münzprägung. Aurelianus*. S. 25. Некоторые исследователи полагают, что речь идет о нескольких вторжениях различных племен: Ременников А. М. *Борьба племен Северного Подунавья и Поднепровья с Римом и ее роль в падении Римской империи*. Казань, 1984. С. 7–8.

¹¹¹ Ременников А. М. Указ. соч. С. 7–28; Kotula T. *Aurélien...* P. 64–76.

¹¹² Kotula T. *Aurélien...* P. 75–76.

¹¹³ Demougeot E. *Op. cit.* P. 454–460; Cizek E. *Op. cit.* P. 155–156; Kotula T. *Aurélien...* P. 83–85; Le Glay M. *Grandeza...* P. 296. Еще, по-видимому, раньше были оставлены римлянами Десятинные поля. С этого времени естественными рубежами Империи стали Рейн и Дунай, что, несомненно, облегчило защиту имперских границ.

быть, даже весьма значительная) часть романизованного населения осталась на прежних местах¹¹⁴. И все же основная часть Дакии была римлянами оставлена. Аврелиан стал, таким образом, первым императором после Адриана, который очистил часть территории Империи¹¹⁵. Не связанный предрассудками традиционной знати, он предпочел покинуть часть «римской вселенной», дабы легче защитить целое. К тому же он не мог не понимать, что территория Дакии, несомненно, станет тем местом, заселить которое будут стремиться и готы, и гепиды, и вандалы, и можно было надеяться, что взаимное соперничество варваров надолго отвлечет их от нападений на Империю, а при этом с вандалами уже будет существовать договор¹¹⁶. Был ли план оставления Дакии составлен Аврелианом уже сразу после прихода к власти¹¹⁷, или он возник после нерешительного сражения с вандалами, сказать трудно. Но ясно, что этот шаг помог Римской империи надолго сохранить дунайскую границу в неприкосновенности¹¹⁸.

Сначала планы Аврелиана осуществились не полностью. Некоторые варвары, заселившие Дакию, в том числе готы, по-видимому, расценили уход римлян с левого берега Дуная как проявление их слабости. Восстановив частично свои силы после катастрофического разгрома Клавдием, готы подготовили новое вторжение на римскую территорию. К ним, видимо, присоединились и некоторые другие племена. Они воспользовались отвлечением сил и внимания Аврелиана на пальмирский поход и перешли Дунай. Первоначально варвары явно сумели достичь некоторых успехов, но затем, в 272 г., вернувшийся в Европу Аврелиан нанес им новое жестокое поражение и выбил их с территории Империи. Он, кажется, даже перешел Дунай, разгромив там варварские войска и убив готского короля Каннаба, или Каннабауда, но за Дунаем явно не задержался (SHA Aug. 22, 2; 32, 1–2; Eutrop. IX, 13, 1)¹¹⁹.

¹¹⁴ Millar F. The Roman Empire... P. 233; Demougeot E. Op. cit. P. 457; Fitz J. Dacia // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 1357; Cizek E. Op. cit. 157–158.

¹¹⁵ Potter D. S. The Roman Empire... P. 270.

¹¹⁶ Tausend K. Op. cit. S. 126–127.

¹¹⁷ Ср.: Ibid.

¹¹⁸ То, что оставление Дакии явилось продуманным стратегическим решением, подтверждает тот факт, что и на южной границе Империи Аврелиан сделал подобные шаги. В десятилетие после его прихода к власти была оставлена значительная часть африканского лимеса для того, чтобы легче было защитить оставшуюся территорию: Kotula T. Das römische Nordafrika... S. 222.

¹¹⁹ Ремеников А. М. Указ. соч. С. 31–36; Kulikowski M. Rome's Gothic Wars. Cambridge, 2007. P. 20–21.

В этих войнах Аврелиан сумел обезопасить северную границу Империи от варваров. Он доказал свои и военные, и в значительной степени дипломатические таланты. И все же главным для него было восстановление единства Римской империи, разорванной на три части.

Первый удар Аврелиан нанес по Пальмире. Как говорилось несколько раньше, в Египте какое-то время не знали точно, какой император реально правит. Думается, что такая неясность существовала не только у египтян, но и у других жителей восточной части Империи. Этим решила воспользоваться Зенобия. Пальмирская армия снова вторглась в долину Нила. На этот раз пальмирцам удалось утвердиться в Египте. И уже в ноябре-декабре 270 г. Египет признал власть пальмирского царя¹²⁰. Зенобия пока еще не решалась открыто рвать с Империей. Поскольку по крайней мере в Египте еще царила неясность по поводу власти в Империи и можно было и Аврелиана, и Квинтилла представить узурпаторами, Зенобия демонстрировала себя и своего сына как сторонников покойного Клавдия¹²¹. Когда же стало ясно, что Аврелиан прочно укрепился у власти, в Александрии и Антиохии стали чеканить монеты с портретами одновременно и Вахбаллата, и Аврелиана. Сам Вахбаллат сначала именуется полководцем римлян (στρατηγὸς Ῥωμαίων), но уже скоро выступает в Египте как βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ¹²². Не исключено, что в первое время Аврелиан и сам не решался рвать с Пальмирой и пытался договориться с Зенобией¹²³. Однако трудности, с какими встретился Аврелиан в Италии, и особенно его поражение под Плаценцией побудили Зенобию сделать следующий шаг. Она провозглашает сына августом, а себя именует августой¹²⁴. Вахбаллат присваивает всю обычную титулатуру римских императоров (А. е. 1904, 60). На монетах, чеканенных в Александрии и Антиохии, исчезает фигура Аврелиана¹²⁵. Кроме того, в той же Александрии вместо римских монет восстанавливают старую птолемевскую монету¹²⁶. Это было уже знаком открытого разрыва с Империей и вызовом

¹²⁰ Rathbone D. W. Dates... P. 123.

¹²¹ Schwartz J. Chronologie... P. 173–176. Поэтому некоторые папирусы и датируются третьим годом Клавдия, какового не существовало.

¹²² Enßlin W. Vaballathus // RE. 1948. Hbd. 14A. Sp. 2014–2016; Callu J.-P. La politique monétaire... P. 235; Martindale J. P. Op. cit. P. 475.

¹²³ Schwartz J. Chronologie... P. 174.

¹²⁴ Bengtson H. Römische Geschichte. S. 338–339.

¹²⁵ Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 25.

¹²⁶ Hanslik R. Zenobia // RE. 1972. Hbd. 19A. Sp. 4.

Аврелиану¹²⁷. Зенобия заявила, что она происходит из рода Клеопатр и Птолемеев (SHA Trig. tyr. 27, 1; 30, 2)¹²⁸. Такая претензия на происхождение от эллинистических царей Египта была не только попыткой привлечь на свою сторону население Египта (как собственно египтян, так и египетских греков), но также ясным и недвусмысленным противопоставлением себя Риму и его императору. Недаром в число предков включаются Клеопатры. Первая из Клеопатр, чье имя приходит на ум (и оно явно приходило также и в то время), была последняя царица Египта и противница будущего Августа. Зенобия недвусмысленно рвала все связи, какие могли бы быть между Пальмирским государством и Римом. И Аврелиан, естественно, потерпеть этого не мог. Зенобия ошиблась в оценке сложившейся ситуации. Поражение Аврелиана от варваров было далеко не решающее. Очень скоро он одержал победу и, урегулировав положение в Италии и на Дунае, во второй половине 271 г. двинулся против Пальмиры.

Аврелиан явно тщательно продумал план похода. Была проведена значительная пропагандистская кампания. В частности, были выпущены монеты, намекающие на грядущую победу над Пальмирой¹²⁹, что должно было настроить общественное мнение и особенно армию¹³⁰ на победоносный результат кампании. Но, конечно, главным был стратегический план войны. Наряду с главными силами, которые возглавил сам Аврелиан, отдельную армию он направил в Египет. Ее возглавил будущий император М. Аврелий Проб. Биограф Проба, как уже отмечалось, явно путает его с Тенагином Пробом, сражавшимся в Египте при Клавдии (SHA Prob. 9, 1–2). Но дальнейший рассказ позволяет ясно отличить этих двух людей. Автор пишет, что в то время как Тенагинон Проб (Пробат), как уже говорилось, попал в плен к Тимагену и покончил с собой, будущий император успешно воевал с пальмирцами и подчинил власти Аврелиана и Египет, и большую часть Востока (SHA Prob. 9, 5). Последнее утверждение является несомненным преувеличением, но деятельность Проба в Египте не вызывает сомнения. Точное время восстановления власти Аврелиана в этой стране определить трудно.

¹²⁷ Синкелл (р. 721) говорит, что Зенобия, собрав большое войско, выступила против Аврелиана.

¹²⁸ Это сообщение подтверждается тем, что ритор Калиник посвятил Зенобии как новой Клеопатре свою «Историю Александрии»: Potter D. S. The Roman Empire... P. 643, п. 28.

¹²⁹ Kliczek A. Op. cit. P. 326.

¹³⁰ Это были золотые монеты, предназначенные в первую очередь для даров офицерам (Ibid.).

Монеты как будто доказывают, что это произошло до августа 271 г.¹³¹ В то же время папирусы последний раз датируются правлением Вахбаллата в апреле 272 г.¹³² Но в любом случае пальмирцы были из Египта выбиты. В каком качестве действовал Проб, неизвестно. Может быть, он получил ранг *dux Aegyptiorum*, как и Тенагинон Проб.

Другим успехом Аврелиана было то, что вифинцы, узнав о его провозглашении, освободились от власти пальмирцев (*Zos. I, 50, 1*): *τὴν Παλμυρηνῶν ἀπεσεῖσαντο προστασίαν*. Использование глагола *ἀποσεῖω* в меди позволяет предположить, что пальмирцы в какой-то момент установили свой контроль над Вифинией (может быть, тогда же, когда и над Египтом), но вифинцы сами, не дожидаясь римских войск, сумели освободиться от этого контроля¹³³. Это дало возможность армии Аврелиана в начале 272 г.¹³⁴ без всяких помех переправиться в Азию. В результате предательства римляне овладели очень важным городом Тианой. Основные военные действия разворачивались уже в Сирии. Пальмирцами командовал тот же Забда, который недавно попытался овладеть Египтом. Римляне одержали ряд побед и осадили Пальмиру. Сама Зенобия пыталась бежать, но была поймана. Пальмира была взята (*SHA Aur. 22–30; Zos. I, 51–56; Eutrop. IX, 13, 2*). Римские войска провели тщательную «зачистку» подчиненной территории, ликвидируя всякие следы сепаратной власти и снова беря под свой контроль, в частности, столь важный торговый путь к Красному морю¹³⁵. Власть римского императора на Востоке была полностью восстановлена. С этого времени сирийские миллиарии упоминают только уже одного Аврелиана¹³⁶. Император оставил в городе гарнизон во главе с неким Сандарионом (*SHA Aur. 31, 2*)¹³⁷.

¹³¹ *Paschoud F. Notes. P. 169.*

¹³² *Rathbone D. W. Dates... P. 124.*

¹³³ Слово *προστασία* говорит о том, что речь шла скорее о контроле, чем о твердой власти. Учитывая стратегическую важность Вифинии, Зенобия, может быть, предпочла более мягкий вариант подчинения.

¹³⁴ *Kotula T. Aurélien... P. 126.*

¹³⁵ *Christoll M., Lenoir M. Qasr el-Azraq et la reconquête de l'Orient par Aurélien // Syria. 2001. T. 78. P. 176.*

¹³⁶ *Kotula T. Aurélien... P. 137.*

¹³⁷ Вывод о количестве оставленных в Пальмире воинов зависит от толкования следующей фразы в биографии Аврелиана: *Sandarionem enim, quem in praesidio ille Aurelianus posuerat cum sescentis sagittariis, occiderunt*. Если оставить такую расстановку запятых, то получится, что Аврелиан оставил в Пальмире 600 лучников под командованием Сандариона, которые и были убиты восставшими пальмирцами. Если же запятую поставить после глагола *posuerat*, как это сделано Э. Холем в издании *Scriptores Historiae Augustae*

Пальмира была, видимо, лишена автономии и поставлена под контроль префекта Месопотамии Марцеллина¹³⁸.

Зосим (I, 60, 1) говорит, что этому Марцеллину, кроме того, было поручено управление Востоком (τὴν τῆς ἑώρας... διοίκησιν). Считается, что этот пост соответствует латинскому *rector Orientis*¹³⁹. Эта должность была в свое время установлена императором Филиппом Арабом, который назначил правителем Востока своего брата Приска. Позже такое положение занимал пальмирский царь Оденат, и возможно, что оно перешло по наследству к Вахбаллату, а фактически к Зенобии. Наличие человека, возглавляющего все силы восточной части Империи, явно было необходимо перед лицом постоянной угрозы со стороны Персии. Теперь, когда Пальмирская держава перестала существовать, Аврелиан, по-видимому, назначил на этот пост доверенного генерала. Не исключено, что этот Марцеллин — это Аврелий Марцеллин, который в 265 г. был дуксом в Северной Италии и занимался укреплениями Вероны¹⁴⁰. Если это так, то речь идет о довольно опытным командире, а его имя Аврелий позволяет предположить иллирийское происхождение. Марцеллин, следовательно, мог принадлежать к той же группе иллирийских офицеров, что и Клавдий и Аврелиан. В таком случае понятно доверие, которое ему оказал император и которое он оправдал, за что позже получил сенаторское звание и консульство вместе с самим императором в 275 г.¹⁴¹

Торжествующий Аврелиан принял гордый титул «восстановителя вселенной» (*restitutor orbis*), который с середины 272 г. появляется на его монетах, а также «восстановителя Востока» (*restitutor Orientis*) и «умиротворителя Востока» (*pacator Orientis*)¹⁴². Однако скоро ему пришлось снова отправиться на Восток. В Пальмире существовала проримская «партия», возглавляемая, по-видимому, верховным жрецом храма Бела¹⁴³. Но большинство пальмирцев не смирились с поражением и лишением их фактической самостоятельности. Они восстали, уничтожив римский гарнизон (или часть его) во главе с его командиром. Восстание возглавил Апсей. Видимо, это

1964 г., то утверждать, что убитые лучники составляли весь гарнизон Пальмиры, нельзя. Они могли быть только частью этого гарнизона. Ср.: Burnes T. D. *Some Persons...* P. 171, n. 115.

¹³⁸ Watzinger C. *Palmyra* // RE. 1949. Hbd. 36. Sp. 267.

¹³⁹ PLRE I. P. 544; Paschoud F. *Notes*. P. 176.

¹⁴⁰ PLRE I. P. 544, 549; Hanslik R. *Marcellinus* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 3. Sp. 989.

¹⁴¹ PLRE I. P. 545.

¹⁴² Kottula T. *Aurélien...* P. 139; Göbl R. *Die Münzprägung... Aurelianus*. S. 27.

¹⁴³ Gawlikowski M. *Inscriptions de Palmyre* // *Syria*. 1971. T. 48. P. 413–421.

был тот самый Септимий Апсей, который в одной из надписей назван простатом города (IGR III 1049)¹⁴⁴. Вполне возможно, что после взятия Пальмиры Аврелиан поручил гражданское управление городом местному аристократу. Подняв восстание, Апсей предложил Марцеллину сделаться императором. Когда тот отказался, Апсей вручил власть над Пальмирой родственнику Зенобии, которого «Флавий Вописк» называет Ахиллом¹⁴⁵, а Зосим — Антиохом. Антиохом звали отца Зенобии, и поэтому вполне возможно, что он действительно был родственником бывшей царицы¹⁴⁶. Пальмирцы, возможно, рассчитывали на персидскую помощь, но Аврелиан, которому Марцеллин сообщил о происходящих событиях, быстро вернулся на Восток. Восстание было подавлено (Zos. I, 60–61, 1; SHA Aug. 31, 1–4). На этот раз Пальмира была разрушена¹⁴⁷. Это не означает исчезновения города. Более того, часть разрушенных сооружений была относительно скоро восстановлена. И город продолжал существовать по крайней мере до IX в.; в частности, сохранился храм Бела. Позже некоторые пальмирские храмы были преобразованы в христианские церкви¹⁴⁸. Но значительным экономическим центром Пальмира уже не была. Характерно, что исчезают пальмирские надписи, и надпись из храма Бела, датированная 473 г., пока что является самой поздней. Разгром Пальмиры привел к тому, что торговое значение Сирии как шарнира между Средиземноморьем и Ираном практически (или почти) исчезло. Хозяевами этого района стали кочевые арабские племена¹⁴⁹.

Однако до спокойствия на Востоке было еще далеко. После окончательного падения Пальмиры или, может быть, еще незадолго до этого события начались кровавые раздоры в Александрии, за которыми

¹⁴⁴ Kotula T. Aurélien... P. 142; *Paschoud*. Notes. P. 176.

¹⁴⁵ Существует предположение, что автор спутал главу восстания в Пальмире с более поздним узурпатором Ахиллом, который оспаривал власть у Диоклетиана: Kotula T. Aurélien... P. 142.

¹⁴⁶ Правда, Зосим пишет, что Аврелиан не наказал Антиоха из-за его ничтожности (εὐτέλεια), т. е. явно низкого происхождения. Это сообщение могло быть отзвуком аврелиановской пропаганды, ибо Аврелиану было выгоднее представить выступление пальмирцев как мятеж городских «низов», а не как попытку восстановить Пальмирское царство.

¹⁴⁷ Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977. С. 293.

¹⁴⁸ Will E. Le sac de Palmyre // *Mélanges... offertes à André Piganiol*. Paris, 1966. Vol. 3. P. 1411–1416; Gawlikowski M. Inscriptions... P. 420–421; Idem. News from Palmyra // *Aram*. 1995. Vol. 7. P. 7.

¹⁴⁹ Parker T. New Light on the Roman Frontier in Arabia // *Akten des 14. Internationaler Limeskongresses*. Wien, 1990. P. 223.

последовало открытое восстание египтян против Аврелиана¹⁵⁰. Восстание возглавил Фирм, который провозгласил себя императором и, по словам «Флавия Вописка», даже чеканил свои монеты (SHA Quadr. tyr. 2, 1). Многие красочные детали его облика и образа жизни (SHA Quadr. tyr. 3, 2–4, 4) могли быть вымышленными¹⁵¹, но в самом восстании нет оснований сомневаться. О нем кратко говорят Зосим (I, 61, 1) и Аммиан Марцеллин (XXII, 16, 15). Биограф называет Фирма уроженцем Селевкии¹⁵² и другом и союзником (*amicus et socius*) Зенобии (SHA quadr. tyr. 3, 1). Последнее утверждение позволяет говорить, что Фирм, как до этого Тимаген, принадлежал к пропальмирской «партии», имевшей довольно сильное влияние в Египте. Может быть, после ухода со сцены Тимагена именно Фирм возглавил эту «партию». По словам биографа, он принял власть ради защиты сохранившихся сторонников Зенобии (SHA Quadr. tyr. 5, 1). «Флавий Вописк» пишет об активной торговле Фирма с Индией и его связях с блеммями, жившими к югу от Египта, и сарацинами, т. е. арабами, и добавляет, что на этой торговле и этих связях было основано его необыкновенное богатство (SHA Quadr. tyr. 3, 2–4). Среди символов этого богатства были два слоновых клыка. Это позволяет говорить, что торговля слоновой костью была если не единственной, то очень важной составляющей торговой деятельности Фирма. Важнейшими центрами торговли слоновой костью были Антиохия, Александрия и Пальмира¹⁵³. Общность торговых интересов объединяла египетских купцов и судовладельцев с пальмирцами¹⁵⁴. Эту общность, конечно, не надо преувеличивать. Наряду с ней существовала и конкуренция, что обуславливало наличие не только пропальмирской, но и проримской группировки, тем более что Александрия и весь Египет были заинтересованы и в тесных связях с Империей. Существование двух таких сил уже проявилось в событиях 269–270 гг. Имело оно место явно и в 272–273 гг.

¹⁵⁰ Было высказано мнение, что никакого восстания в действительности не было, а рассказ о нем лишь дублирует повествование о реальном восстании эпохи тетрархии: Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 140. Однако нет никаких оснований сомневаться в историчности восстания Фирма. Оно не только подтверждается различными источниками, но и вполне вписывается в логику событий времени Аврелиана.

¹⁵¹ Stein. Firmus // RE. 1909. Hbd. 12. Sp. 2382; Barnes T. D. Some Persons... P. 157. Хотя надо сказать, что эти детали столь красочны, что для их выдумки нужно было иметь уж очень яркое воображение.

¹⁵² В Восточном Средиземноморье имелось несколько Селевкий. Поэтому неясно, в каком конкретно городе родился Фирм. Вероятнее всего, речь идет о морском порте Антиохии.

¹⁵³ Chrzanowski L. Le vie dell' avorio // Eburnea diptycha. Bari, 2007. P. 206–207.

¹⁵⁴ Seyrig H. Antiquités syriennes. 58. P. 217.

Зосим говорит о восставших александрийцах (Ἀλεξανδρεῶς στασιάζοντες), а Аммиан Марцеллин пишет о кровавых столкновениях между гражданами Александрии, вызвавших вмешательство Аврелиана и разрушение им элитного александрийского квартала Брухейон. Из рассказа же «Флавия Вописка» вырисовывается несколько иная картина: Фирм, побуждаемый яростью египтян, *Alexandriam pervasit*; там он был уничтожен Аврелианом. Глагол *pervado* может означать и «дойти до чего-либо», и «проникнуть куда-либо». И в эллинистическое, и в римское время Александрия отличалась от собственно Египта: она была не в Египте, а у Египта (*ad Aegyptum*)¹⁵⁵. Поэтому при любой трактовке *pervasit* из этого рассказа вытекает, что восстание началось не в Александрии, а в самом Египте, и Фирм, провозглашенный императором, двинулся к Александрии. Союзниками Фирма, по-видимому, выступили блеммии, нападавшие на южную границу Египта, и арабские пираты, действовавшие в Красном море¹⁵⁶. В триумфальном шествии Аврелиана наряду с мятежными египтянами шли пленные блеммии и арабы (*SHA Aug. 33, 4–5*). В биографии Аврелиана говорится, что Фирм присвоил себе (*sibi... vindicavit*) Египет, как если бы он был независимым (*ut esset civitas libera*) (*SHA Aug. 32, 2*). Это позволяет говорить, что Фирм, вероятно, объявил о независимости Египта. Восстание, возможно, действительно началось не в Александрии, а в собственно Египте, и Фирм выступил как защитник еще сохранившихся сторонников Зенобии. Как говорилось выше, Зенобия в свое время заявила претензии на происхождение из рода Птолемеев. Видимо, и Фирм в какой-то степени претендовал на наследство этой династии. Он использовал борьбу различных группировок в Александрии. Последующее отделение Аврелианом Брухейона от Александрии свидетельствует о присоединении по крайней мере части александрийцев к Фирму. Брухейон, как свидетельствует Аммиан, был резиденцией александрийской элиты, особенно интеллектуальной, и акция императора говорит о поддержке этой элитой Фирма. В эдикте Аврелиана, изданном после подавления восстания, говорится, чтобы римляне ни о чем не беспокоились, ибо поставки, прекращенные разбойником (т. е. Фирмом), будут возобновлены (*SHA Quadr. tyr. 5, 4–5*). Возможно, этот текст не полностью соответствует подлинному эдикту императора, но страх

¹⁵⁵ Helck W. *Alexandria* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 244. Римский префект Египта официально именовался *praefectus Alexandriae et Aegypti*: Reinmuth O. W. *Praefectus Aegypti* // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2353.

¹⁵⁶ Об арабских пиратах, соперничавших в Красном море с эфиопскими: Chrzanowski L. *Op. cit.* P. 244.

римлян перед прекращением поставок из Египта он передает хорошо. И можно думать, что этот страх имел основания. Фирм, вероятнее всего, овладел Александрией и, прекратив поставки хлеба из Египта, поставил Рим на грань голода. Аврелиан со всем своим победоносным войском обрушился на Фирма и восстановил свою власть в Египте. Разрушить всю Александрию, как он это сделал с Пальмирой, Аврелиан не мог, поскольку город имел очень важное значение прежде всего для поставок египетских продуктов в Рим, Италию и армию, и он ограничился разрушением стен и отделением от Александрии Брухейона.

Ликвидация Пальмирского царства явилась огромным успехом Аврелиана, но она же создавала и очень важную проблему. Это царство, как уже говорилось, защищало основную территорию Империи от персидских нападений. Теперь сам римский император должен был заботиться о безопасности восточных границ и провинций. Аврелиан уже начал заниматься этим вопросом, создав, как упоминалось выше, отдельное командование на Востоке и сделав Марцеллина *rector Orientis*. После окончательной победы над Пальмирой он предпринял новые шаги. Фактически заново была создана восточная армия в составе двух легионов и нескольких подразделений конницы¹⁵⁷. В честь этого в Кизике в 274 г. были выпущены монеты с легендой *RESTITUTOR EXERCITI* (восстановитель армии). И тот факт, что этот титул Аврелиан имел только на Востоке, говорит о связи выпуска таких монет с созданием новой армии на восточных рубежах Империи¹⁵⁸.

После впечатляющих побед на Востоке Аврелиан обратился к Западу. Он использовал политическую ситуацию, сложившуюся в Галльской империи. Император Викторин был убит, и практически сразу такая же судьба постигла и его сына (SHA Trig. tyr. 6, 3; 7, 1; Aug. Vict. Caes. 33, 14; Eutrop. IX, 9, 3). Власть на какое-то время оказалась в руках матери Викторина Виктории или Витрувии, имевшей титул «матери лагерей» (*mater castrorum*). Этот титул имели и другие императрицы начиная с супруги Септимия Севера Юлии Домны¹⁵⁹. Впрочем, если верить «Требеллию Поллиону», этот титул Виктория получила уже после гибели сына и внука (SHA Trig. tyr. 5, 3; 31, 2)¹⁶⁰. Автор биографий «тридцати тиранов» включает в эту серию и раздел

¹⁵⁷ *Althem F. Niedergang...* S. 349.

¹⁵⁸ *Серева И. П.* Указ. соч. С. 83; *Göbl R. Die Münzprägung...* Aurelianus. S 29.

¹⁵⁹ *Hanslik R. Iulius // Kleine Pauly.* 1979. Bd. 2. Sp. 1541.

¹⁶⁰ Однако, судя по надписи, сделанной еще при жизни Викторина и посвященной «божественному дому» (*König I. Op. cit.* S. 213, N 94), Виктория получила этот титул скорее всего при жизни сына.

о Виктории, говоря, что она даже чеканила монеты от своего имени. Видимо, она действительно в течение какого-то времени фактически возглавляла государство. Однако поскольку было ясно, что официальную власть женщины ни армия, ни общество не примут, она сама избрала кандидатуру будущего императора. Им стал Г. Эзувий Тетрик, знатный сенатор, занимавший в тот момент пост презида Аквитании (SHA Trig. tyr. 24, 1; 31, 2; Aur. Vict. Caes. 33, 14; Eutrop. IX, 10, 1). Через некоторое время его одноименный сын был признан цезарем (SHA Trig. tyr. 24, 1; 25, 1; Aur. Vict. Caes. 33, 14)¹⁶¹. В первый момент это принесло свои плоды и положение несколько стабилизировалось (FHG IV. Ioann. Ant. Fr. 152, 1), но не надолго. Хотя Виктория потратила на провозглашение солдатами Тетрика большие деньги (*grandi pecunia*), добиться полного признания нового императора армией она не смогла. Она и сама довольно скоро то ли была убита, то ли умерла от старости (SHA Trig. tyr. 31, 4). Тетрику приписывалось много удачных дел (*multa... feliciterque gessisset*) (SHA Trig. tyr. 24, 2), а на монетах появляется легенда VICTORIA AUGUSTA¹⁶². Вероятно, он воевал на Рейне с германцами и одержал какие-то победы. Это, однако, не увеличило его авторитет в армии. Биограф говорит о бесстыдстве и наглости (*impudentiam et procacitatem*) его воинов (SHA Trig. tyr. 24, 2). Евтропий (IX, 13, 1) и Орозий (VII, 22, 12) прямо пишут о солдатских бунтах. Против Тетрика выступил презид Бельгии Фаустин (Aur. Vict. 35, 4)¹⁶³. Полемий Сильвий (I, 49) называет Фаустина тираном. Это может означать, что мятежный презид объявил себя императором. Но поскольку ни надписей, ни монет Фаустина пока не найдено, говорить с уверенностью о ранге, который он себе присвоил, нельзя. Можно лишь констатировать, что на пространстве между Рейном и Секваной до сих пор нет ни одной надписи Тетрика¹⁶⁴. Определено ли это случайностями находок или тем, что власти Тетрика на этой обширной территории действительно не существовало, сказать с уверенностью нельзя. Но последнее все же кажется более вероятным. По-видимому, из-под власти Тетрика ускользнула

¹⁶¹ Это сообщение подтверждено эпиграфикой и нумизматикой. Правда, Тетрик Младший был провозглашен цезарем не сразу, как августом стал его отец, как об этом говорит «Треbelлий Поллион», а через год с лишним: Lafaurie J. Op. cit. P. 943.

¹⁶² Lafaurie J. Op. cit. P. 952.

¹⁶³ Аврелий Виктор не говорит, какой провинцией управлял Фаустин. Но Полемий Сильвий (I, 49) уточняет, что «тираном» он стал в Августе Трверов, а это ясно указывает именно на Бельгию (*Seek. Faustinus // RE. 1909. Hbd. 12. Sp. 2088; Kotula T. Aurélien... P. 148*).

¹⁶⁴ Lafaurie J. Op. cit. P. 873. Первая надпись Тетрика в этом районе найдена в Лютеции.

и Британия. Как кажется, стоявшие на этом острове войска отказались признать Тетрика Младшего в качестве цезаря¹⁶⁵.

В этих условиях, видя себя окруженным врагами, в том числе в рядах собственной армии, явно боясь за свою жизнь (все его предшественники были убиты), Тетрик предпочел отказаться от власти и сдаться Аврелиану. К этому времени власть Аврелиана, по-видимому, признала Британия¹⁶⁶, так что территория, подвластная Тетрику, сократилась до части Галлии. Евтропий (IX, 13, 1), Орозий (VII, 23, 5) и «Требеллий Поллион» (SHA Trig. туг. 24, 3) передают, что Тетрик послал Аврелиану письмо с цитатой из Вергилия «Избавь меня от бед, непобедимый»¹⁶⁷. Просто сдаться Аврелиану Тетрик, однако, не мог. В таком случае солдаты, и так им недовольные, могли взбунтоваться и убить его. Поэтому он разыграл своеобразную комедию. С одной стороны, встав во главе армии, он внешне показывал себя готовым к сопротивлению, а с другой — не только допустил переход армии Аврелиана через Родан, но и дал ей возможность продвинуться далеко в глубь Галлии. Игру Тетрика, по-видимому, поддержали и некоторые его приближенные. Наместник Верхней Германии, вероятнее всего, назначенный на этот пост Тетриком, позже сделал блестящую карьеру при Аврелиане и его преемниках, достигнув поста пресфекта претория и префекта Города¹⁶⁸. Это ясно говорит о его немалых услугах, оказанных римскому императору. Как и сам Тетрик, этот персонаж (его имя, к сожалению, неизвестно), вероятнее всего, в нужный момент перешел на сторону Аврелиана.

Решающая встреча произошла в начале 274 г. на Каталаунских полях. В разгар сражения Тетрик и его сын сдались Аврелиану, а лишённая командующего армия, естественно, была полностью разбита; оставшиеся воины признали своим императором Аврелиана (Aug. Vict. Caes. 35, 4–5; SHA Aug. 32, 3). Вслед за тем Аврелиан нанес поражение Фаустину (Pol. Silv. I, 49). Сепаратная Галльская империя была ликвидирована¹⁶⁹. Правда, в начале 275 г. Аврелиану пришлось снова направиться с войсками в Галлию, где, по-видимому, возникли какие-то беспорядки (SHA Aug. 35, 4), но все же единство Империи было восстановлено.

¹⁶⁵ König I. Eine Beobachtung zum Zerfall des gallischen Sonderreiches und der Titel Britannicus Maximus' Kaiser Aurelianus // Latomus. 1974. Т. 33, 1. S. 55.

¹⁶⁶ Idem. S. 55–56.

¹⁶⁷ Энеида VI, 365. Аврелий Виктор (Caes. 34, 4) также пишет о письме Тетрика к Аврелиану, в котором он просит защиты.

¹⁶⁸ Pflaum H.-G. Les Carrières... P. 941–947.

¹⁶⁹ Lafaurie J. Op. cit. P. 861; Kotula T. Aurélien... P. 149–150.

В 274 г. Аврелиан отпраздновал в Риме пышный триумф по поводу побед над Пальмирой и Галлией, и в триумфальном шествии были проведены в качестве пленников Зенобия и оба Тетрика (Eutrop. IX, 13, 2; SHA Trig. туг. 24, 4; 25, 2; 30, 3–4; 24; Aur. 33–34). Характерно, однако, что все три знатных пленника сохранили не только жизнь, но и относительно высокое положение. Зенобия получила земельные владения около Тибура и умерла в старости (SHA Trig. туг. 30, 27)¹⁷⁰. Тетрик Старший был назначен корректором Лукании (Aur. Vict. 35, 5; Epit. 35, 7; Eutrop. 13, 2)¹⁷¹, а Тетрик Младший стал римским сенатором и принял все ступени сенаторской карьеры (SHA Trig. туг. 25, 2; Aur. 39, 1)¹⁷². Поощакой и, более того, предоставлением довольно высокого положения этим людям Аврелиан, видимо, стремился не только продемонстрировать прочность своей власти, но и укрепить внутреннее положение, как это сделал в свое время Август, введя в высший круг знати детей Антония и Клеопатры. Сам пышный триумф должен был знаменовать восстановление единства государства¹⁷³, подвести черту под активными военными действиями и подчеркнуть, что отныне начинается эра мира. Недаром монетные легенды восхваляют вечный мир, принесенный августом (PAX AETERNA, PAX AUGUSTI), а самого августа представляют как «умиротворителя вселенной» (PACATOR ORBIS)¹⁷⁴.

Аврелиан явно считал своей основной задачей восстановление единства Римской империи. Уже Клавдий, по-видимому, имел эту

¹⁷⁰ Возможно, она снова вышла замуж, на этот раз за римского сенатора: Zon. XII, 27. По Евтропию (IX, 13, 2), ее потомство жило в Италии еще в это время. Это подтверждается надписью с упоминанием потомка Зенобии (ILS 1202). Версия Зосима (I, 59, 1) о смерти Зенобии от болезни на пути в Рим явно ошибочна.

¹⁷¹ Биограф Тетрика говорит, что тот был назначен управлять всей Италией (SHA Trig. туг. 24, 5), но это явное преувеличение. В биографии же Аврелиана правильно говорится об управлении Тетриком только Луканией (SHA Aur. 39, 1).

¹⁷² Такое отношение к сдавшимся галльским императорам не означает, однако, что Аврелиан признал акты, совершенные и ими, и их предшественниками во время существования Галльской империи. Так, известно, что Постум даровал статус колонии Немегу, но затем, как свидетельствуют и надписи, и сообщение Аммиана Марцеллина (XV, 11, 8), этот город снова стал муниципием, и это, конечно же, свидетельствует о том, что после воссоединения Галлии и германских провинций с остальной Империей решение Постума было отменено: *Romanelli P. La Renania dalla conquista e dalla organizzazione militare alla sviluppo civile // Renania Romana. Roma, 1976. P. 43–44.*

¹⁷³ Недаром в триумфальном шествии вели и Тетрика, и Зенобию.

¹⁷⁴ Kotula T. Aurélien... P. 183. Наступление эры прочного мира в свое время подчеркивали Август после побед и в гражданских, и в больших же внешних войн и Веспасиан после подавления восстаний в Иудее и Галлии. Претензии Аврелиана на сравнение с этими императорами несомненны.

задачу в виду. Ему приписывается письмо, в котором он возмущается тем, что часть государства находится во власти Тетрика и Зенобии (SHA Claud. 7, 5). Он даже, как говорилось выше, сумел воссоединить с Империей Испанию и восточную часть Нарбоннской Галлии. Однако германская опасность оказалась слишком грозной, чтобы не направить против нее все силы.

Аврелиан позиционировал себя как законного преемника Клавдия, в том числе и в сфере объединения Империи. Сразу начать выполнять задуманное ему, как и Клавдию, помешали, но после побед над германцами он приступил к решению своей задачи. Все это не вызывает сомнения, но встает только один вопрос: почему первый удар Аврелиан направил не против Галлии, а против Пальмиры? Иногда предполагают, что это было вызвано тем соображением, что Галльская империя отделилась еще до Аврелиана и Клавдия и, таким образом, она не входила в наследие, полученное Аврелианом, в то время как Пальмирская держава официально стала независимой уже при Аврелиане, и это уменьшало размеры унаследованного им государства, что, конечно же, наносило удар по его престижу¹⁷⁵. Однако он, не колеблясь, очистил Дакию, считая это необходимым для лучшей организации обороны Империи в целом, не смущаясь тем, что это уменьшало унаследованную им территорию. Правда, он организовал на правом берегу Дуная одноименную провинцию (Sync. P. 721–722) и даже отчеканил монеты с легендой DACIA FELIX¹⁷⁶. Это должно было не только смягчить горечь от уступки варварам части территории Римской империи, но и утвердить в общественном мнении мысль о благодетельности для государства этой меры и, таким образом, не только не уронить, но даже и укрепить авторитет Аврелиана. И все же представляется, что главными для выбора направления первого удара были другие соображения.

Уже говорилось, что, провозглашая полную независимость Пальмирского царства, Зенобия бросила вызов Аврелиану, и он этот вызов принял. Ко времени начала военных действий в руках пальмирского царя и его матери находилась большая часть азиатских провинций и, что было, пожалуй, еще важнее, Египет. Пока пальмирские цари официально признавали верховную власть римских императоров, можно было полагать, что богатые ресурсы Востока по-прежнему будут питать Империю, Рим, армию. Плюсы от существования Пальмирской державы (защита от персов) в таких условиях могли пере-

¹⁷⁵ Сергеев И. П. Указ. соч. С. 135.

¹⁷⁶ Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 25.

вешивать минусы (фактическая независимость этой державы). Несмотря на это, Клавдий направил Тенагинона Проба отвоевать Египет, даже не дав ему возможности закончить морские операции против готов. Аврелиан также послал Аврелия Проба с этой же целью еще до начала основной кампании. Египет был слишком важен для Империи, чтобы терпеть занятие его другим государством¹⁷⁷, даже если это государство формально признавало власть Рима. Тем более это было невозможно после официального разрыва. Грозящее в такой ситуации прекращение поставок с Востока ставило Империю в чрезвычайно трудное положение. Недаром после подавления восстания Фирма Аврелиан, как говорилось выше, издал эдикт, в котором прежде всего успокоил римлян насчет возобновления поставок из Египта¹⁷⁸. А после утверждения в Египте Аврелиан установил вечную подать этой страны в пользу города Рима в виде различных товаров, в том числе стекла, папируса¹⁷⁹, льна (или льняного полотна), пакли (SHA Aug. 45, 1). В этом списке нет египетского хлеба. Может быть, он входил в число *anabolics species*, упомянутых далее. Но более вероятно, что это опущение связано с тем, что поставки хлеба стали обязанностью Египта задолго до Аврелиана¹⁸⁰.

Немалую роль при выборе Аврелианом направления для первого удара сыграло и то, что Восток был гораздо богаче Запада¹⁸¹ и именно восточная кампания могла принести особенно большую добычу. Наконец, как кажется, важен был еще один момент. Война с галльским императором могла восприниматься в обществе как вид войны гражданской, чего Аврелиан, по крайней мере на первых порах, видимо, стремился избежать. Война же с Пальмирой, объявившей себя независимой, становилась «внешней». Ликвидация Пальмирского царства и возвращение под власть Рима захваченных Оденатом и Зенобией провинций укрепило экономическое положение государства и дало Аврелиану возможность перейти к дальнейшим действиям по исполнению своего плана. Обращение Тетрика к нему за помощью

¹⁷⁷ Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 167.

¹⁷⁸ См. высказанные выше замечания по поводу этого эдикта.

¹⁷⁹ В тексте говорится о *chartae*. Под этим словом скорее всего подразумевается именно папирус, поставщиком которого издавна был Египет.

¹⁸⁰ Уже при Августе из Египта в Рим доставлялось ежегодно 20 миллионов мер хлеба (*Epit.* I, 6).

¹⁸¹ Характерно, что в то время как монеты, чеканившиеся в Италии, являлись слегка посеребрёнными медными кружочками, антиохийские монеты отличались гораздо более высокой долей серебра: до 10%, а то и выше (*Dearing P. A Double Radiate of Florian // The Numismatic Chronicle.* 2007. Vol. 167. P. 167–168).

предоставило ему прекрасный повод для похода в Галлию. Кроме всего прочего, это обращение галльского императора снимало с Аврелиана обвинение в разжигании гражданской войны. Аврелиан выступал не только как «восстановитель вселенной», но и как спаситель «римского мира». В этом плане характерно, что Аврелиан, помещая на своих монетах образы внешних врагов, показывает среди них и правителей Пальмиры¹⁸², но никогда здесь не было фигуры галла или галльского императора. И среди монетных легенд есть VICTORIA GOTHICA и VICTORIA PARTICA, но нет VICTORIA GALLICA¹⁸³. Вместо этого в надписи появляется титул *restitutor Galliarum* (CIL XII, 2673). Аврелиан выступает не как победитель Галлии, а как ее восстановитель. Галльский император, как и «тиран» Фаустин, явно не рассматривались как внешние враги.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АВРЕЛИАНА. УСИЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Военные победы должны были быть подкреплены упрочнением внутреннего положения. При Клавдии стоимость антониана достигла низшей точки своего падения. Другие же деньги вообще перестали выпускаться. Бронзовые асы исчезли около 253 г., а сестерций с 255 г. стал чеканиться только для раздачи римскому плебсу. Не стало старинного римского денария. Восточные города еще некоторое время выпускали свои мелкие монеты, но и они исчезли в 60-е гг.¹⁸⁴ Зато антонианов стали чеканить как можно больше. В 270 г. объем выпуска этой монеты удвоился¹⁸⁵. Доля же серебра в монете становилась исчезающе мала: не более 5%¹⁸⁶. Без решения финансового вопроса думать о стабилизации положения в государстве было невозможно. Попытка пресечь злоупотребления монетчиков и их главы Фелицисима привела к их бунту¹⁸⁷, жестоко подавленному Аврелианом.

¹⁸² Kluszek A. Wizerunek "obcego-wroga" w ikonografii monetarnej. Przykład mennictwa cesarza rzymskiego Aureliana // *Antiquitas* — XXIX. Wrocław, 2007. P. 305–326.

¹⁸³ Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 136. Среди легенд на монетах, чеканенных в 273–274 гг., часто встречается VICTORIA AUGUSTA (Idem. S. 135–136), и тут можно видеть намек на победы в Галлии. Но эксплицитно эти победы никак не выражены.

¹⁸⁴ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 237; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 128–129.

¹⁸⁵ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 131.

¹⁸⁶ Millar F. The Roman Empire... P. 242.

¹⁸⁷ Kotula T. Aurélien... P. 78–81; Drinkwater J. Op. cit. P. 51.

Затем император провел ряд мероприятий, составивших монетную реформу¹⁸⁸. Зосим (I, 61, 3) сообщает, что в 274 г. после триумфа в честь побед над Пальмирой и Галлией Аврелиан в числе других благодеяний, оказанных римскому плебсу, распределил среди народа новые монеты (ἀργύριον νέον), на которые нужно было обменивать ходившие до этого «плохие» деньги, чтобы этим освободить денежное обращение от какого-либо запутывания. Говоря о «плохих» деньгах, Зосим употребляет слово κίβδελον, что означает не просто плохие, но фальшивые, поддельные монеты. Это подчеркивает стремление императора полностью исключить из обращения ходившие до этого монеты. Новые деньги были отмечены цифрами XXI или KA в грекоязычной части государства¹⁸⁹. В науке было высказано мнение, что едва ли такое мероприятие можно было провести сразу во всей Империи, и скорее всего оно касалось только столицы¹⁹⁰. Вероятно, первоначально такой обмен мог быть действительно проведен только в самом Риме¹⁹¹, но, как показывают находки, новые деньги стали выпускаться не только в Риме, но и в других местах и они довольно быстро разошлись по всей Империи. Акт 274 г. явился, однако, лишь одним, хотя и очень важным шагом в серии мероприятий Аврелиана в финансовой сфере.

В Римской империи не было единого монетного двора. Аврелиан и не стремился ликвидировать такие дворы, находившиеся в некоторых провинциальных городах. После уничтожения Пальмирской державы и Галльской империи к прежним прибавились монетные дворы в Антиохии, Лугдуне, Августе Треверов. Более того, при подготовке своего восточного похода Аврелиан создал своеобразную походную мастерскую, которая затем обосновалась в Византии¹⁹². Все это естественно. При масштабе проблем, вставших не только перед Империей в целом, но и перед каждой отдельной ее частью, в ситуации, когда необходимо было не только адаптировать местную экономику к быстро меняющейся конкретной обстановке, но и оплачивать армию, находящуюся в данном регионе, оперативно снабжать регионы монетой из единого центра было

¹⁸⁸ Crawford M. Op. cit. P. 575–577; Callu J.–P. La politique monétaire... P. 323–332; Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 79–84. Возможно, что план реформы возник у Аврелиана уже сразу после прихода к власти в 270 г., но войны задержали его исполнение: Turcan R. Le délit... P. 959.

¹⁸⁹ Idem. S. 79; Kienast D. Münzreform Aurelians // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 547.

¹⁹⁰ Kienast D. Münzreform... S. 565; Paschoud F. Notes. P. 178.

¹⁹¹ Педаром Зосим включает обмен денег в число благодеяний Аврелиана в Риме.

¹⁹² Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 60–61.

нельзя было¹⁹³. Однако Аврелиан стремился поставить все существовавшие монетные дворы и деятельность монетчиков и их руководителей под свой контроль¹⁹⁴. Мастерские обязаны были специальными сокращениями обозначать свое местонахождение. Все они должны были чеканить монеты по единому стандарту и с одинаковыми изображениями и легендами на обеих сторонах. Это было важно не только для унификации денежного обращения, но и в идеологических целях, поскольку монеты были и важным средством пропаганды. После подавления выступления римских монетчиков мастерская в Риме была вовсе ликвидирована, и главный монетный двор стал располагаться в Медиолане. Лишь в 272 г. в Риме снова стали чеканиться монеты. Вывод главного монетного двора из Рима поставил под вопрос даже формальную роль сената в выпуске денег. На монетах Аврелиана исчезают буквы SC. Отныне вся финансовая система государства не только фактически, но и юридически становится монополией императора¹⁹⁵.

Также была существенно реорганизована сама монетная система. Эта реорганизация началась уже в начале правления Аврелиана, но воссоединение с Империей Пальмиры и Галлии дало императорской казне значительный приток богатств, который позволил приступить к ней более решительно. Основной монетой остался антониан, но его вес увеличился до 3,8 г, а доля серебра повысилась с 1–2% при Клавдии до 4–5%¹⁹⁶. Это дало возможность восстановить денарий в качестве фракции антониана. Он составлял половину антониана. Аврелиан восстановил и выпуск бронзовой монеты. В качестве таковой выступали сестерций и двойной сестерций, хотя последний выпускался в относительно небольшом количестве¹⁹⁷. Наконец, Аврелиан стал активно выпускать золотую монету — ауреи¹⁹⁸. Первоначально эта монета была предназначена исключительно для раздачи солдатам, но позже была внедрена и в экономическую ткань. Чека-

¹⁹³ Ср.: Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 132.

¹⁹⁴ Kienast D. Münzreform... S. 555; Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 83–84.

¹⁹⁵ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 140; Cepzeev H. П. Указ. соч. С. 82.

¹⁹⁶ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 324; Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 237; Ziolkowski A. Op. cit. P. 416. Этот антониан настолько отличался от прежнего, что нумизматы его иногда называют псеоантионом или аврелианом: Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 246, N. 72. Последнее название встречается в биографии Проба (SHA Prob. 4, 5), но в таком контексте (якобы письмо Валериана), что принять его подлинность невозможно. Впрочем, не исключено, что автор биографии все же помнил, что монета с таким названием существовала и была серебряной (argenteos Aurelianos mille).

¹⁹⁷ Callu J.-P. Approches numismatiques... P. 608.

¹⁹⁸ Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 84–97.

нились два вида аурея — легкий, весом до 4,53 г, и тяжелый, приблизительно в 6,5 г, а иногда и больше. Проба и того и другого была весьма высока — 95%, т. е. это было почти чистое золото¹⁹⁹.

Все эти действия должны были восстановить доверие населения к деньгам и посредством этого к самой императорской власти. И частично Аврелиан этого добился²⁰⁰. Через некоторое время, как кажется, более или менее стабилизировались цены, и это стало прямым следствием деятельности Аврелиана²⁰¹. Само успешное проведение денежной реформы (или, лучше, реформ)²⁰² стало знаком некоторого восстановления Империи после тяжелых испытаний прошедших лет. Монетная система, введенная Аврелианом, сохранялась в Империи в течение двадцати лет, пока за такую же реформу не взялся Диоклетиан²⁰³.

Аврелиан продолжил в еще больших масштабах, чем раньше, политику раздач (SHA Aug. 47, 1; 48, 1–3; 5; Aug. Vict. 35, 7). Важным было принципиальное изменение в самой практике этих раздач. Используя, видимо, египетский образец, он реформировал эту систему²⁰⁴. Обычно распространялся только хлеб. Распространение других продуктов являлось редким исключением. Аврелиан же не только расширил хлебные раздачи, но и распространил эту практику на мясо, масло и вино. Он подчеркивал, что она была добавлена из египетской добычи. Тем самым император подчеркивал неразрывную связь улучшения реального положения «низов» городского населения с его военными победами. А вино распределялось в портиках храма Солнца, созданного Аврелианом, о котором пойдет речь несколько ниже. Аврелиан, таким образом, четко устанавливал связь между поднятием жизненного уровня основной массы населения Рима и собственными деяниями. Он даже попытался было раздать бесплатно часть необрабатываемых земель в Италии для организации там новых имений, доходы с которых шли бы на обеспечение всех этих раздач²⁰⁵. Кроме того, Аврелиан сжег списки должников (SHA Aug. 39, 3; Aug.

¹⁹⁹ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 237.

²⁰⁰ Kienast D. Op. cit. S. 565. Уже при Ташите содержание серебра в римской монете поднялось до 9 и более процентов: Dearing P. Op. cit. P. 167.

²⁰¹ Potter D. S. Roman Empire... P. 392.

²⁰² Ср.: Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 79.

²⁰³ Crawford M. Op. cit. P. 577.

²⁰⁴ Kotula T. Aurélien... P. 166.

²⁰⁵ Возможно, с этим связано его решение об ограничении тремя годами иммунитета от ежегодных расходов на празднества, каковой имели земли, чьи владельцы отсутствовали: CJ 11, 59, 1.

Vict. Caes. 35, 7), жестоко преследовал ростовщиков (Aug. Vict. Caes. 35, 7). По его инициативе была пачата постройка в Риме новой стены (SHA Aug. 21, 9; Aug. Vict. Caes. 35, 7; Epit. 35, 6; Eutrop. XII, 15, 1; Zos. I, 49, 2). Эта постройка, как уже говорилось, была задумана еще Децием, но только Аврелиан действительно приступил к ней. Это предприятие должно было обезопасить город от возможного нападения и, что тоже было немаловажно, укрепить чувство безопасности у самих римлян и их веру в могущество императора, а также продемонстрировать способность Аврелиана к обширному строительству²⁰⁶. Строительство было действительно грандиозно. Мощная стена длиной почти в 19 км, толщиной в 3,5 м и высотой в 6 м окружала обширное пространство в 1230 га, в которое теперь были включены и районы за Тибром. Высокие стены поднимались через каждые 100 шагов, а от 18 ворот шли дороги в разные концы Италии и всей Империи²⁰⁷. Правда, Аврелиан только начал это строительство, а завершено оно было уже при Пробе (Zos. I, 49, 2), но уже и сам замысел, и начало грандиозной стройки резко повышали престиж Аврелиана. Предыдущая стена была построена приблизительно восемь веков назад царем Сервием Туллием. Аврелиан недвусмысленно сравнивал себя с одним из наиболее почитаемых предков римского народа. А сам император выступал чуть ли не как новый основатель Города. Характерно различие между монетными легендами ауреев, предназначенных в первую очередь для даров армии, и антонианов, ходящих в основном в гражданской среде (хотя, конечно, и среди солдат тоже). Если золотые монеты прославляют *virtus Augusti*, т. е. доблесть, связанную в основном с победами воинской славы, то на биллоновых антонианах гораздо чаще встречаются *pietas* (благочестие), *victoria* (победа), *paх* (мир) и *concordia* (согласие)²⁰⁸. А это значит, что перед мирным населением Аврелиан подчеркивает не только свои военные победы, но и принесенные этими победами мир и согласие, не говоря, естественно, о благочестии, обеспечившим ему все его достижения. Проведение этих мероприятий тоже стало возможным благодаря некоторому возрождению экономики и притоку в казну новых средств.

Центральной задачей внутренней политики Аврелиана было укрепление императорской власти во всех ее аспектах. Он был выходцем из сельских слоев населения северной части Балканского полуострова²⁰⁹.

²⁰⁶ Potter D. S. Op. cit. P. 270.

²⁰⁷ Le Glay M. Grandeza... P. 308.

²⁰⁸ Kluczek A. Op. cit. P. 328.

²⁰⁹ Автор биографии Аврелиана называет место жительства его родителей виком (SHA Aug. 4, 2).

Сельские территории этой части были гораздо менее романизованы, чем города²¹⁰, так что Аврелиан мог воспринять римский дух и римские традиции лишь в армии. Это не значит, что он не ощущал себя римлянином. Но это ощущение преломилось через призму солдатского восприятия. Отсюда и жестокость, и даже кровожадность Аврелиана, подчеркиваемая различными авторами (SHA Aug. 21, 5; 36, 2; 44, 2; Epit. 35, 9; Eutrop. XII, 14). Думается, что и особого пиетета к римским традициям он не питал и во главу угла ставил исключительно политические интересы государства (которые для него, естественно, сливались с его собственными). Именно эти интересы подвигли его на подчеркивание своей власти даже внешне. Автор «Эпитомы» (35, 5) отмечает, что Аврелиан первым среди римлян надел одежду, украшенную золотом и драгоценными камнями, и возложил на свою голову диадему. Уже Галлиен, как говорилось выше, выделялся пышной одеждой и обувью. Но это воспринималось как увлечение роскошью и решительно осуждалось. Сам Аврелиан, если верить его биографу, роскошью не увлекался и даже запретил жене иметь экзотический шелковый плащ, прибавив при этом, чтобы нитки не равнялись золоту (SHA Aug. 45, 4–5). По отношению к внешнему виду и убранству римлян он проводил довольно гибкую политику, разрешая и даже поощряя одно и запрещая другое (SHA Aug. 46, 1–6), имея в виду, несомненно, политические цели. Своих друзей он обогащал умеренно (*modice*), чтобы не вызывать зависти (SHA Aug. 45, 3). Так что ясно, что такой пышный вид был нужен Аврелиану не ради удовлетворения стремления «нового римлянина» к показной роскоши, а именно для подчеркивания решительного превосходства императора над всем остальным населением Империи. Такое одевание Аврелиан заимствовал с Востока, и то, что он, как отмечалось выше, не был особенно привержен римским традициям, несомненно, облегчало ему этот шаг.

Другим важным средством укрепления императорской власти явилась религиозная политика Аврелиана. Первоначально, судя по монетам, эта политика ничем не отличалась от политики его предшественников, подчеркивавших связь с самыми разными римскими божествами, хотя преимущественно в их военных аспектах²¹¹. Так, излюбленными божествами, появившимися на монетах Аврелиана, были Марс и Геркулес, оба связанные с военными победами²¹².

²¹⁰ Petrović V. P. Pre-Roman and Roman Dardania // *Balkanica*. 2006. Vol. XXXVII. P. 17.

²¹¹ Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 290–291; Fowden G. Public religion // *CAH*. 2005. Vol. XII. P. 557.

²¹² Kluczek A. Op. cit. P. 326–329.

Положение начало меняться в 272 г. после захвата Пальмиры. Хотя на Западе еще продолжала существовать Галльская империя, Аврелиан уже принимает гордый титул восстановителя вселенной (*restitutor orbis*)²¹³. Другой важный титул императора — *perpetuus* (вечный). Он встречается и на монетах²¹⁴, и в надписях (например, ILS 578, 580). Этот титул спорадически принимал Каракалла, но затем он почти не употреблялся²¹⁵. Принимая его, Аврелиан подчеркивал вечность не Рима, как это было ранее, а самой императорской власти, тесно связанной с личностью самого императора. С возвращением из первого пальмирского похода связано и начало введения в Рим культа Непобедимого Солнца, которое скоро становится главным богом Римской империи. Возникла легенда, что во время жестокого боя с пальмирцами римскую армию спасло некое неизвестное ранее божество, а затем Аврелиан в храме города Эмесы увидел именно его и понял, что оно и является его покровителем, после чего он построил в Риме соответствующий храм (SHA Aug. 25, 2–6). Если очистить этот рассказ от сверхъестественных аспектов, то влияние эмесского культа на дальнейшую религиозную политику Аврелиана едва ли следует отрицать²¹⁶. Это был культ солнечного бога Эл-Гебала, который уже пытался ввести в Рим Элагабал, что и стоило ему жизни. И Аврелиан учел уроки своего далекого предшественника. Эмесское божество стало для него лишь отправной точкой дальнейшего религиозного развития. Рассказывали, что его мать уже была жрицей Солнца в его родном вике (SHA Aug. 4, 2). Видимо, эти воспоминания тоже как-то повлияли на императора. Но самое главное — в Риме издавна существовал культ Соля, собственного бога Солнца, и его введение приписывалось Титу Тацию (Dion. Hal. II, 50, 3)²¹⁷. Широкое распространение почитания Аполлона отодвинуло Соля на задний план. Но в условиях кризиса наблюдается возвращение к некоторым забытым старым божествам, в том числе к Солю. Уже Каракалла считает себя связанным с солнечным богом, и в одной из его надписей появляется *Sol Invictus Imperator*²¹⁸. Это еще не означало, что культ Солнца выдвигается на первый план.

²¹³ Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 27.

²¹⁴ Idem. S. 119.

²¹⁵ Altheim F. Niedergang... S. 334; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 107.

²¹⁶ Turcan R. Les cultes orientaux dans le monde romain. Paris, 1992. P. 173–174; Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 366; Fowden G. Op. cit. P. 557.

²¹⁷ Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1902. S. 260–261; Altheim F. Niedergang... S. 343.

²¹⁸ Altheim F. Niedergang... S. 206.

При Галлиене и противостоящих ему узурпаторах Солнце снова начинает занимать важное место в их религиозной пропаганде²¹⁹. И все это сочетается с широким распространением синкретических культов. Обоим условиям отвечал солнечный культ, введенный Аврелианом.

Очень важен еще один момент. Если Элагабал заставлял римлян поклоняться своему, не очень-то понятному римлянам, богу в его восточном облике в виде черного камня, то Непобедимое Солнце Аврелиана представало в привычном римском виде как полуобнаженный юноша с головой, излучающей свет, либо шагающий, либо едущий на квадриге с поднятой благословляющей правой рукой и земным шаром в левой²²⁰. Более того, сооружая храм этого бога, Аврелиан создал новую жреческую коллегию, членом которой он назвал понтификами бога Солнца (*pontifices Dei Solis*)²²¹. Это наименование было не случайным. С одной стороны, император как бы говорил, что его бог является по меньшей мере равноправным с самим Юпитером. А с другой, жрецы должны были носить привычное старинное римское название, что подчеркивало римский, а не какой-то сирийский характер Непобедимого Солнца. Понтификами солнечного бога становились не восточные жрецы, а почтенные римские сенаторы²²². День рождения этого бога был установлен в тот же день, что и на Востоке — 25 декабря²²³, но сам праздник — *Natalis Solis Invicti* — отвечал римским представлениям. И игры, учрежденные в честь нового бога и проводящиеся в этот праздник, носили чисто римский характер, включая соревнования колесниц. Таким новый бог был абсолютно приемлемым для римского сознания второй половины III в.²²⁴ Храм этого бога был построен на Марсовом поле перед алтарем мира Августа²²⁵. И это едва ли случайно. Если постройкой новой стены Аврелиан приравнял себя к римскому царю, то созданием этого храма — к основателю Империи. Как тот восстановил государство после гражданских войн, так он, Аврелиан, восстановил *orbis Romanus*. Правда, в этот же храм Аврелиан поместил и Бела (*Zos. I, 61, 2*), который был главным богом

²¹⁹ *Altheim F. Niedergang...* S. 335–336.

²²⁰ *Haup., Göhl R. Die Münzprägung...* Aurelianus. Taf. 16, 81.

²²¹ *Groag E. Domitius. Sp. 1399; Millar F. The Roman Empire...* P. 244; *Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit.* P. 98; *Kotula T. Aurélien...* P. 163.

²²² *Altheim F. Niedergang...* S. 343.

²²³ *Turcan P. Les cultes...* P. 183.

²²⁴ *Sotgini G. Aureliano // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 1048.*

²²⁵ *Le Glay M. Grandeza...* P. 307.

Пальмиры²²⁶. Но и это отвечало старинным римским представлениям: победенные божества «переносились» в Рим и «присваивались» римлянами, как это было, например, с Юноной из Вей в начале IV в. до н. э. (Liv. V, 23, 4–7). «Перемещенные» таким образом в Рим божества включались в римский пантеон и закрепляли подчинение того или иного народа, города, страны²²⁷. С этой точки зрения помещение статуи Бела в храме Непобедимого Солнца должно было закрепить военную и политическую победу над Пальмирой в религиозном плане. Кроме того, возможно, что, с другой стороны, это помещение статуи Бела в римский храм могло быть жестом благодарности Аврелиана по отношению к божеству и храму, которые его поддерживали во время войны с Пальмирой. «Флавий Вописк» пишет, что Аврелиан решил поставить в этом храме еще и статую Юпитера, которого он хотел назвать Советником или Советующим (Consulem vel Consulentem), причем эта статуя должна была восседать на кресле из слоновой кости и быть украшенной драгоценными камнями и золотом (SHA Quadr. tyr. 3, 4). Исследователи полагают, что этот Юпитер мог быть в реальности или тем же пальмирским Белом, или скорее греческим Зевсом Эвбулеем (тоже Советующим)²²⁸. Но то описание, какое дал биограф этой статуе, явно говорит о римском характере бога. И курульное кресло из слоновой кости, давно известное в Риме, на котором восседали сначала цари, а затем консулы, и одежда, которую автор называет видом претексты, и тот факт, что само прозвание Юпитера появилось после обращения к каким-то аппеннинским жребиям (Appenninis sortibus), — все носит несомненные римские черты. Характерна оговорка автора, что император хотел назвать (appellari voluerat) этого Юпитера Советником или Советующим. Это говорит о том, что речь идет о новой ипостаси старинного римского бога. Перед нами принципиально старое явление: Аврелиан стремился создать фактически новый культ, связанный со своей личностью, но формально имеющий старинные римские корни и поэтому полностью присмлемый римским сознанием.

Однако речь шла не просто о введении нового культа. Непобедимое Солнце поднималось над всеми другими богами. Если на более ранних монетах шар, символ всемирного господства, протягивал императору

²²⁶ Dalley S. Bel at Palmyra and elsewhere in the Parthian Period // *Aram*. 1995. Vol. 7. P. 137–151; Paschoud F. Notes. P. 177.

²²⁷ Turcan R. Les cultes... P. 18–20; Scheidel J. Op. cit. P. 110–119.

²²⁸ Will E. De l'Euphrate au Rhin. Beyrouth, 1995. P. 63–71, 78.

Геркулес, то затем эту роль стал играть Sol Invictus²²⁹. Соль вытесняет даже богиню Рому. Отныне покровителем «главы мира» становится не старинная богиня, а великий Соль²³⁰. Культ этого бога утвердился как официальный, государственный²³¹. А его представителем на земле являлся сам император. Аврелиану приписывается такое высказывание в речи, обращенной к мятежным солдатам: «Они напрасно думают, что в их руках судьбы императоров, ибо в действительности не воины, а бог одарил его порфирой, и только бог определит время его правления» (FHG IV. Anon. fr. 10, 6, P. 197). Как уже было отмечено в науке, это первое в римской истории заявление, что император своей судьбой обязан только богу (в данном случае речь идет о Непобедимом Солнце)²³² и, следовательно, он не ответствен ни перед кем: ни перед народом, ни перед сенатом, ни перед армией. Аврелиан апеллировал уже не к вечности Рима, как это делали его предшественники, а к божественной воле²³³. Аврелиан уже представлял не просто как смертный человек, любимец богов, протееже самого сильного и великого из них, но как земной партнер небесного владыки. И в качестве такового Аврелиан сам выступал как бог. В надписях он появляется как *deus Aurelianus*, а на монетах — *dominus et deus natus*²³⁴. Последнее означает, что от бессмертных богов Аврелиан отличается только тем, что он родился на земле. Император и верховный бог в равной степени выступают как *restitutores orbis*. Торжественный внешний вид Аврелиана, о котором упоминалось выше, также ясно показывал, что он является воплощением и представителем бога на земле²³⁵. С точки зрения истории религии, это все является закономерным шагом в религиозном развитии Рима. С политической точки зрения введение государственного культа стало решительным шагом на пути усиления римского монархизма²³⁶.

²²⁹ Kluczek A. Op. cit. P. 330. Интересна в этом плане монета с изображением Соля, дающего этот шар Геркулесу (Ibid.). Старый покровитель воинских подвигов оказывается в подчинении у нового покровителя императора.

²³⁰ Heitz Ch. Op. cit. S. 183.

²³¹ Millar F. The Roman Empire... P. 244.

²³² Groag E. Domitius. Sp. 1405.

²³³ Bats M., Benoist S., Lefèvre S. Op. cit. P. 99.

²³⁴ Le Glay M. La religion romaine. Paris, 1997. P. 68–69. Правда, пока такое наименование Аврелиана встречается не в самом Риме, а только в провинциях, и это могло отражать провинциальное восприятие Аврелиана после его блестящих побед: Kotula T. Aurélien... P. 159–161. Однако эти надписи и легенды полностью вписываются в общую тенденцию внутренней политики этого императора.

²³⁵ Le Glay M. La religion romaine... P. 68.

²³⁶ Idem. Grandeza... P. 306.

В I в. в Риме уже пытались объявить себя господами и богами Калигула и Домициан. Но для них это кончилось плачевно. Во II в. слово *dominus* по отношению к принцепсу начинает употребляться все чаще. Так именует Плиний Трояна в своих письмах к нему (вся X книга), но в данном случае это лишь вежливое обращение более младшего по положению к вышестоящему²³⁷. Тот же Плиний в «Пансгирике» (2; 45; 55) противопоставляет *principatus* и *dominio* и прославляет Траяна именно за восстановление первого и ликвидацию второго. Антонин Пий уже сам себя называет господином мира, но характерно, что это сказано по-гречески (τοῦ κόσμου κύριος) и обращено к греку Эвдемону (Dig. XIV, 2, 9). Но и в этом случае император оговаривается, что господином моря он все же не является. Официальным обращение *dominus* (*noster dominus*) становится при Септимии Севере²³⁸. При нем возникает и понятие *domus divina*, обозначающее всех и живых, и уже мертвых членов императорской семьи²³⁹. Александр Север запретил называть себя *dominus* (SHA Alex. 4, 1). Но и позже это обращение встречается в надписях. Так, господином (*dominus*, δεσπότης) иногда именуют Галлиена (CIL III 3228; A. é 1965. 114). «Нашими господами» (*domini nostri*) называют и других императоров.

И все же меры Аврелиана были не повторением пройденного, а качественно иными. Он становится не просто «господином», но и богом, и при этом именно богом, а не божественным²⁴⁰. Диадема, украшенная изображением звезды, ясно говорила о небесном происхождении императорской власти²⁴¹. В значительной степени Аврелиан возвращается к практике Калигулы и Домициана, но теперь это уже не воспринимается как проявление безумия или по крайней мере тирании. Однако и в этом нет простого повторения. «Рожденный бог» Аврелиан предстает как равноправный земной партнер небесного Непобедимого Солнца.

Утвердить все эти автократические тенденции Аврелиан смог, однако, лишь слив определенное сопротивление. Уже говорилось о бунте работников монетного двора, который принял столь широкий размах, что его называли *bellum monetariorum* (SHA Aug. 38, 2; Aug. Vict. Caes. 35, 6). Этот бунт был вызван своекорыстными интересами

²³⁷ Ср.: Сергеев М. Е. Примечания // Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 368.

²³⁸ Pollack. *Dominus* // RE. 1903. Hbd. 9. Sp. 1308.

²³⁹ Le Glay M. La religion... P. 68; Idem. *Grandeza*... P. 253.

²⁴⁰ Римляне различали *deus* и *divus*, так что даже обожествленные императоры собственно богами не являлись: Штраман Е. М. Социальные основы... С. 276.

²⁴¹ Altheim F. *Niedergang*... S. 334.

начальника двора Фелициссима, который боялся наказания за проводимую им фальсификацию монет. Римский монетный двор соперничал с медиоланским, и последний, как отмечают нумизматы, выпускал более доброкачественную монету, да и чрезмерно большое количество ранних аврелианских монет с легендой *DIVO CLAUDIO*, выпускаемых в Риме, ясно говорило о низком их качестве, а стремление Аврелиана навести порядок толкнуло римских монетчиков на выступление²⁴². Но если бы дело ограничилось только выступлением монетчиков, то едва ли оно приняло бы столь широкий размах. «Флавий Вописк» приводит письмо самого Аврелиана, который пишет, что подавление этого выступления стоило жизни семи тысячам его воинов (*SHA Aur.* 38, 4). Правда, это письмо, как и все другие письма, приводимые в этом сборнике, считаются фальшивками. О семи тысячах упоминает и Аврелий Виктор (35, 6), но этим числом он оценивает не погибших воинов Аврелиана, а самих восставших. Все авторы подчеркивают необыкновенную жестокость, проявленную Аврелианом при подавлении этого бунта (*Epit.* 35, 4; *Eutrop.* IX, 14). Можно полагать, что такая жестокость была в большой мере вызвана размахом события²⁴³. К монетчикам явно примкнули и другие люди. Повстанцам, по-видимому, придали смелость неудачи императора в борьбе с вторгнувшимися в Италию германцами. Но они ошиблись. Аврелиан проявил необыкновенную энергию как в борьбе с варварами, так и в подавлении мятежа в Риме.

Было ли это выступление монетчиков единственным на тот момент в Риме? «Флавий Вописк» сообщает о мятежах, которые были жестоко подавлены Аврелианом во время войны с маркоманами и после ее окончания (*SHA Aur.* 18, 4; 21, 5). Автор говорит о мятежах во множественном числе и отмечает их серьезность (*seditiones motae, seditionum asperitas*). Полагают, что имел место ряд мятежей, кульминацией которых и стало выступление монетчиков²⁴⁴. Но надо иметь в виду, что в биографии Аврелиана сведения о мятежах после войны с маркоманами и о кровавом бунте монетчиков располагаются в разных местах. В одном случае (21, 5) автор осуждает императора за то, что тот произвел кровавое усмирение там, где можно было воздействовать мягче (*cruentius ea, quae molius fuerant curanda*). В другом

²⁴² *Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 71.*

²⁴³ Не исключено, что монетчики даже провозгласили Фелициссима императором. Во фрагменте Птолема Сильвия Фелициссим называется тираном, который сравнивается с Вахбаллатом и Зенобийем (*Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 71*). Ср.: *Kotula T. Aurelianus... P. 79.*

²⁴⁴ *Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 71.*

(38, 2) говорится, что восстание Фелициссима было подавлено сурово и очень жестоко (*asertime severissimeque*), но эта жестокость не только не порицается, но и оправдывается тем, что при подавлении погибло семь тысяч воинов самого Аврелиана. Быть может, такая разница отношения к, казалось бы, совершенно сходным событиям может объясняться фразой, следующей за сообщением о чрезмерно жестоком подавлении мятежей (SHA Aur. 21, 6): «Ведь были убиты и некоторые знатные сенаторы» (*interfecti sunt enim nonnulli etiam nobiles senatores*); и далее говорится, что обвинения против этих сенаторов были легковесны, так что более мягкий государь мог бы на них не обратить внимания. Ничего подобного не говорится о выступлении монетчиков. Конечно, вполне возможно, что за спиной Фелициссима, которого Аврелиан называет последним из рабов (*ultimo servorum*), стояла какая-то часть сенаторов²⁴⁵. Но все авторы, которые говорят об этом событии, отмечают, что повстанцами двигал страх наказания за порчу монеты, и никто даже не намекает на какое-либо участие в этом деле сенаторов. Правда, Евтропий (IX, 14) как будто связывает казни сенаторов с выступлением монетчиков. Рассказав о последнем, он далее сообщает, что Аврелиан многих знатных мужей (*plurimos nobiles*) осудил на казнь. Но это скорее лишь еще одна иллюстрация свирепости этого императора, и она не обязательно хронологически и содержательно связана с бунтом Фелициссима. Поэтому более вероятно, что мятежи, при подавлении которых были убиты некоторые сенаторы, и *bellum monetariorum* — разные события.

Зосим (I, 49, 2) пишет, что несколько сенаторов (*τινῶν ἀπὸ τῆς γερουσίας*) были обвинены в заговоре против императора и наказаны смертью. Казнь заговорщиков (реальных или мнимых, Зосим не уточняет) была связана с волнениями в Риме, которые произошли во время или после войны Аврелиана с аламаннами и их соседями, которые вторглись в Италию. И биограф Аврелиана говорит о мятежах и последующих казнях, в том числе некоторых сенаторов, во время и после войны с маркоманнами. Речь явно идет об одном и том же. В правление Аврелиана предпринимались попытки узурпации — например неким Септимием в Далмации, который, однако, был убит своими же сторонниками явно еще до прихода сил императора (Epit. 35, 3). Но автор не уточняет время этой узурпации, говоря лишь, что она имела место в его (Аврелиана) время (*huius tempore*). Казалось бы, более точны сведения Зосима (I, 49, 2). Рассказав о казнях сена-

²⁴⁵ *Turcan R.* Le délit... P. 958.

торов и начале постройки римской стены, он пишет далее, что в это время (κατὰ τοῦτων χρόνων) задумали свои мятежи Септимий, Урбан и Домициан. О двух первых ничего, кроме сказанного в этих сообщениях автора «Эпитомы» и Зосима, неизвестно. Что же касается Домициана, то, возможно, это был тот полководец (dux), который под командованием Авреола сражался в Далмации против Макриана и разгромил его (SHA Gal. 2, 6–7; Trig. tyr. 12, 14; 13, 3). В Галлии были выпущены монеты от имени императора Г. Домициана²⁴⁶. Их связывают с Домицианом, упомянутым Зосимом, и поэтому полагают, что тот провозгласил себя императором в Галлии²⁴⁷. Но в 271 г. Галлия (по крайней мере, большая ее часть) еще находилась под властью не Аврелиана, а Тетрика. Так что или Домициан выступил против Тетрика, что противоречит сообщению Зосима, или его мятеж относился к более позднему времени. В последнем случае надо признать, что выражение κατὰ τοῦτων χρόνων относится не конкретно ко времени заговора сенаторов, а вообще к правлению Аврелиана.

Таким образом, говорить о попытках узурпаций непосредственно во время или вскоре после кампании Аврелиана против германцев в Италии нельзя, хотя и отрицать, что Септимий или Урбан выступили именно тогда, тоже невозможно. Связь же мятежей и заговоров в сенате с этой кампанией несомненна. Уход основных войск из Италии сделал эту страну беззащитной и возродил в памяти ужас германского вторжения при Галлиене (SHA Aug. 18, 4), когда Рим был спасен лишь благодаря энергии сената. Но теперь у сената уже не было таких возможностей. Тем не менее обстоятельства казались благоприятными для взятия реванша за вынужденное самоубийство Квинтилла²⁴⁸. Но реальной силой в этой ситуации могла быть только римская толпа. По-видимому, она и была возбуждена частью сената. Мы не знаем ни хода, ни результата этих волнений. Определение *ingentes* говорит о размахе волнений. Все это могло быть результатом заговора (ἐπιβουλῇ) сенаторов, о котором говорит Зосим.

Аврелиан, жестоко подавив мятеж монетчиков, использовал все эти события для расправы с сенатской оппозицией. Размах репрессий неизвестен. Евтропий пишет о многих знатных людях (*plurimos nobiles*), а «Флавий Вонписк» и Зосим — о некоторых (*nonnulli, τινῶν*) сенаторах. При этом биограф Аврелиана говорит о легковесности обвинений, предъявляемых этим сенаторам на основании доноса лишь

²⁴⁶ PLRI I. P. 262.

²⁴⁷ *Hanslik R. Domitianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 125.*

²⁴⁸ Ср.: *Graeg E. Domitius. Sp. 1406.*

одного свидетеля. Интересно заметить, что в заслугу Аврелиана тот же биограф (SHA Aug. 39, 3) и Аврелий Виктор (Ces. 35, 7) ставят отказ от доносчиков и даже их наказание. Но это, видимо, не распространялось на случаи, когда затрагивались политические интересы императора. Разгром оппозиции, происшедший в первой половине 271 г.²⁴⁹, расчистил Аврелиану путь к продвижению автократии.

Аврелиан не только жестко подавлял всякую оппозицию, но и стремился уничтожить ее духовную составляющую. Если в сенате никакой идеологической оппозиции, подобной стоической оппозиции при Нероне и Веспасиане, уже давно не было, то на Востоке дело обстояло иначе. Ближайшим советником Зенобии являлся видный философ неоплатоновской школы Кассий Лонгин. Ранее он возглавлял Академию в Афинах, но затем предпочел уехать в Пальмиру по приглашению Зенобии, дабы руководить изучением ею греческой литературы (SHA Aug. 30, 3). Когда точно и по какой причине Лонгин оставил Афины и переехал в Пальмиру, сказать трудно. Во всяком случае это едва ли было связано с якобы гонением на неоплатоников после убийства Галлиена, который этим философам всячески покровительствовал. Ведь и после гибели Галлиена неоплатоники спокойно действовали в Риме. Может быть, такое решение Лонгин принял из-за постоянной угрозы варварских нашествий на Грецию, надеясь в мощной и культурной Пальмире найти спокойный приют. И произошло это, вероятно, в последние годы царствования Одената²⁵⁰. Лонгин явно сблизился с царицей и стал, возможно, ее секретарем *ab epistolis Graecis*²⁵¹. Но его деятельность явно выходила за рамки и учительской, и секретарской сферы. Видимо, именно Лонгин, сам будучи по крайней мере с материнской стороны сирийцем²⁵², явился идеологом полного отделения Пальмирского царства от Римской империи²⁵³. После первого взятия Пальмиры Аврелиан пощадил не только саму Зенобию, но и значительную часть пальмирских вельмож (*principes civitatis*), которые были вместе с царицей проведены в триум-

²⁴⁹ Kotula T. Aurélien... P. 77–78; Göbl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 25. Биограф Аврелиана еще раз упоминает о казнях сенаторов на основе вымышленных обвинений (SHA Aug. 39, 8). Неизвестно, относится ли это сообщение к первой половине 271 г., или имели место и другие казни.

²⁵⁰ Anlitzky. Longinos // RE. 1927. Hbd. 26. Sp. 1402; Dörrie H. Longinos // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Sp. 731.

²⁵¹ PLRE I. P. 515.

²⁵² Anlitzky. Op. cit. Sp. 1401.

²⁵³ Ему приписывается совет Зенобии написать гордое письмо Аврелиану с полным отказом от подчинения ему (SHA Aug. 27, 2–5; 30, 3).

фальном шествии (SHA Aug. 33, 5). В самой Пальмире явно оставался даже родственник Зенобии Ахилл-Антиох, который, как говорилось выше, на короткое время стал новым пальмирским царем. Но Лонгин, несмотря на его славу великого философа, был казнен (SHA Aug. 30, 3). Аврелиан его счел более опасным, чем политических и военных соратников Зенобии²⁵⁴.

Этот факт бросает некоторый свет и на причину отделения от Александрии Брухейона. Аммиан Марцеллин (XXII, 16, 15–16) пишет, что этот квартал был местом жительства многих выдающихся мужей, и среди них называет Аммония Саккаса, который был учителем и Плотина, и Лонгина, которого всегда связывали с учителем глубокие духовные узы²⁵⁵. Сам Аммоний Саккас к этому времени уже умер, но можно полагать, что посеянные им семена противостояния с римскими властями сохранялись в Брухейоне. Отделяя это «гнездо» духовного сопротивления от Александрии, Аврелиан, видимо, считал, что это станет препятствием распространению антиримских настроений в этом городе.

Третий случай вмешательства Аврелиана в духовную сферу, опять же связанный с Пальмирой, — дело Павла Самосатского. Павел был епископом Антиохии, но в то же время высказывал взгляды, совершенно не совпадавшие с мнением большинства христиан. В частности, он отрицал божественную природу Христа. На трех местных соборах в Антиохии учение Павла признавалось ересью и осуждалось, а последний собор в конце 268 или начале 269 г. сместил его с епископской кафедры²⁵⁶. Однако Павла поддержала Зенобия, которая даже назначила его дукенарием, т. е. прокуратором с жалованием в 200 тысяч сестерциев, и он исполнял эту должность наряду с епископской, оставить которую не захотел. После захвата Антиохии Аврелианом местные христиане, враждебные Павлу, обратились к нему за помощью. Споры о сущности и природе Христа Аврелиану были, разумеется, абсолютно безразличны, но приверженность Павла к Зенобии решила дело. Не менее важным было и то, что Павел не только своим учением, но и образом жизни противопоставил себя большинству христианских общин, в том числе римской, и этим способствовал росту сирийского сепаратизма. Хотел ли этого сам

²⁵⁴ Эта казнь была вызвана не ненавистью грубого иллирийца к непонятной ему философии или ко всему иеримскому, как иногда полагают (например, *Altheim F. Niedergang... S. 331*), а грезвым политическим расчетом.

²⁵⁵ *Anlizki. Op. cit. Sp. 1401–1402.*

²⁵⁶ О дате: *Millar F. Paul of Samosata, Zenobia and Aureian // JRS. 1971. Vol. 61. P. 11.*

Павел или нет, но он фактически давал идеологическую платформу противостояния Риму по крайней мере для части сирийских христиан. Официально император уклонился от рассмотрения вопроса и направил дело римскому папе и итальяским епископам, но он прекрасно знал, каково будет их решение. А главное, Аврелиан подчеркивал этим жестом первенство Рима и Италии в Империи даже в области не очень-то ему, видимо, понятной и недавно преследуемой религии, и это полностью вписывалось в централизаторскую тенденцию его правления²⁵⁷. В результате Павел был смещен не только со светского, но и с церковного поста (Eus. HE VII, 30, 1–19)²⁵⁸.

То, что Аврелиана заботили в данном случае не религиозные проблемы, доказывается тем, что позже он сам собирался выступить против христиан. Во всяком случае слухи о готовящемся новом гонении ходили среди христиан (Lact. De mor. pers. VI, 1–2; Eus. HE VII, 30, 20–21; Synс. P. 721–722). Возможно, что эти слухи были небеспочвенны. Рост влияния христианской Церкви, к тому же открыто враждебной всякому языческому культу, включая и государственный культ Непобедимого Солнца, не мог не тревожить Аврелиана. Однако до нового гонения дело все-таки не дошло. Евсевий говорит о руке Божьей, остановившей императора. Синкелл рассказывает анекдот, что якобы перед Аврелианом ударила молния, и он, поняв это как высший знак, отказался от своего намерения.

Все эти меры не только укрепляли императорскую власть, но и поднимали ее на невиданную ранее высоту. Она становилась поистине самодержавной, а фигура самого императора поднималась на надчеловеческую высоту даже внешне.

Это, однако, не означает, что Аврелиан совершенно не считался с сенатом. В грозные дни германского вторжения в Италию и после понесенного им поражения он призвал сенат обратиться к Сивиллиным книгам, чтобы там найти ответ о грядущих судьбах Рима и помочь принцепсу в государственных нуждах (*necessitate publica*), и обещал при этом помочь всем необходимым (SHA Aur. 18, 5–20, 8). В этом обращении интересно упоминание о государственной казне, находящейся во власти сената (*vestrae auctoritate arca publica*). Даже если само письмо императора не подлинное, оно хорошо отражает общую атмосферу того времени. Даже после своей победы, подавления мятежей в Риме и репрессий против части сената Аврелиан не отказал-

²⁵⁷ Kotula T. Aurélien... P. 173–174.

²⁵⁸ Millar F. Paul... P. 14–16; Hiltbrunner O. Paulus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 566; Potter D. S. The Roman Empire... P. 271.

ся от сотрудничества с этим органом. Именно после этих событий он решил окружить Рим новой стеной, но решение об этом принял только после совета с сенатом (*consilio senatus*) (SHA Aur. 21, 9). Значимым стало избрание Аврелианом коллеги по ординарному консульству на 271 г. Им стал видный сенатор Т. Помпоний Басс, занимавший к тому времени пост префекта Рима. Басс уже был консулом в 259 г., он занимал ряд важных постов при Галлиене и Клавдии, в том числе был корректором всей Италии и принцепсом сената²⁵⁹. Автор «Эпитомы» (34, 3) именно ему приписывает желание пожертвовать собой ради победы над готами, что было отклонено Клавдием, заявившим, что эту жертву должен принести сам император. Как говорилось выше, сама эта легенда не имеет исторической основы, но характерно, что в ней не только упоминается имя Басса, но и сохраняется память о его роли в политической жизни страны. Возможно, его отцом или скорее дедом был Помпоний Басс, занимавший пост ординарного консула в 211 г. и казненный Элагабалом²⁶⁰. Выбор этой фигуры явно демонстрировал желание императора установить хорошие отношения с сенатом.

Определенный перелом в отношениях с сенатом произошел после победы над Пальмирой в 272 г. Сам поход против Пальмиры был вызван как намерением завершить начатое Клавдием восстановление единства Империи, так и интересами внутренней политики. Суды над сенаторами, обвиненными в заговоре, были использованы Аврелианом и для пополнения казны (Amm. Marc. XXX, 8, 8). Но этого явно было недостаточно, и восточная кампания, как говорилось выше, должна была принести значительную добычу. Не менее важным было и стремление одержать громкую военную победу²⁶¹, что резко повысило бы авторитет императора, без чего укрепить власть было невозможно. После этой победы Аврелиан вводит культ Непобедимого Солнца, земным партнером которого выступает он сам, и оба они предстают как «восстановители вселенной». В Риме начинается сооружение храма нового бога, и этот храм украшается в основном предметами из добычи, полученной во время восточной кампании. Эта добыча сделала возможными те обильные раздачи, о которых говорилось выше и которые должны были окончательно примирить Аврелиана с римским плебсом. В Риме во всем объеме восстанавливается чеканка монеты, большая часть которой после подавления бунта монетчиков

²⁵⁹ PLRE I. P. 155–157.

²⁶⁰ *Hanslik R. Pomponius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 1036.*

²⁶¹ *Drinkwater J. Op. cit. P. 51.*

была переведена в Медиолан²⁶². На монетах окончательно исчезает ссылка на сенат²⁶³. Может быть, тогда, чувствуя крепость своей власти, Аврелиан провел амнистию по государственным преступлениям (SHA Aug. 39, 4). Но полного разрыва с сенатом еще не произошло. Понтификами Непобедимого Солнца становятся именно сенаторы²⁶⁴, что подчеркивает не только значимость нового культа, но и стремление Аврелиана консолидировать вокруг своей персоны и своего бога высшее сословие Империи. С другой стороны, после этой победы уже нет свидетельств какого-либо совета императора с сенатом. Более того, когда сенат после победы Аврелиана над карпами в конце 272 г.²⁶⁵ постановил присвоить ему титул Карпского (Carpicus), он с издевкой от этого титула отказался (SHA Aug. 30, 4)²⁶⁶. Его отношение к сенату как к абсолютно несамостоятельному органу хорошо почувствовал народ, назвавший Аврелиана «дядькой» (paedagogum) сенаторов (SHA Aug. 37, 3). Такое отношение выразилось и в назначении ординарных консулов. Консулом 273 г. наряду со старым сенатором Тацитом (будущим императором) стал Юлий Плацидиан, который при Клавдии командовал войсками, установившими его власть над частью Галлии, а в конце правления Клавдия или в начале правления Аврелиана был назначен префектом претория²⁶⁷. Взяв снова на себя консульство в 275 г., Аврелиан сделал своим коллегой Марцеллина, который, как говорилось выше, после подчинения Пальмиры возглавил армию и управление на Востоке и доказал свою лояльность императору, когда мятежные пальмирцы предложили ему императорский пурпур. Ни Плацидиан, ни Марцеллин, насколько это известно, не принадлежали к сенаторам. Аврелиан, таким образом, выдвигал на первые почетные и традиционно сенаторские места выходцев из военной среды, пользующихся его личным доверием.

Пышный триумф, отпразднованный Аврелианом в 274 г. в честь победы над Пальмирой и Галлией (SHA Aug. 33–34), еще более укрепил его власть. Может быть, вскоре после него Аврелиан задумал новый восточный поход, на этот раз против персов. Зенобия, если верить «Флавию Вופиску», в письме Аврелиану говорила, что персы готовы

²⁶² Göhl R. Die Münzprägung... Aurelianus. S. 27.

²⁶³ Callu J.-P. Op. cit. P. 600.

²⁶⁴ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 656–657.

²⁶⁵ Hanslik R. Aurelianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 762.

²⁶⁶ Впрочем, он все-таки принял титул Carpicus maximus (Groag E. Domitius. Sp. 1356). Возможно, это произошло несколько позже, и это могло еще более подчеркнуть презрение Аврелиана к сенаторам и их раболепию.

²⁶⁷ PLRE I. P. 704.

ей прислать помощь (SHA Aug. 37, 4). Возможно, персидский царь действительно был готов вмешаться в события, и лишь быстрая победа Аврелиана не дала ему этой возможности. Вероятно, что и в последующем восстании в Пальмире можно видеть персидскую руку. В любом случае было ясно, что после ликвидации буфера, каковым была Пальмирская держава, новое столкновение между Римом и Персией становилось неизбежным. Вероятно, Аврелиан решил взять инициативу на себя. В 275 г. он направился в поход против Персии, но на пути в конце сентября или в начале октября того же года²⁶⁸ был убит.

Убийство Аврелиана было результатом заговора в его собственном окружении (SHA Aug. 36, 4–6; Aur. Vict. 35, 8; Epit. 35, 8; Lact. De mor. pers. VI, 2; Zos. I, 62, 1–3; Sync. P. 721–722; Zon. XII, 27). Обстоятельства этого заговора принципиально отличаются от обстоятельств заговора против Галлиена. Тогда заговор возник в среде высших военачальников, с которыми, возможно, были связаны и сенаторы. Теперь инициатором заговора выступил некий не то Мнестей, не то Эрот. Возможно, что это были два имени одного человека, или же это результат небрежного прочтения латинским автором греческого *μνηστής* (осведомитель), что совпадает с его должностью²⁶⁹. «Флавий Вописк» называет этого Мнестея секретарем по тайным делам (*notario secretorum*) и вольноотпущенником. По Аврелию Виктору, он был слугой (*minister*), а по автору «Эпитомы» и Евтропию, рабом (*servus*). Как бы то ни было, он принадлежал к ближайшему окружению императора, а его активность была вызвана чисто личными мотивами: он испугался наказания то ли за какие-то свои действия, то ли за оплошности. Все авторы, которые относительно подробно рассказывают об убийстве Аврелиана, передают схожие детали заговора. Мнестей-Эрот составил фальшивое письмо от имени императора, в котором упоминаются люди, якобы приговоренные Аврелианом к смерти. Показав это письмо названным там людям, он убедил их убить императора. Зная близость Мнестея-Эрота к Аврелиану и жестокий характер самого императора, эти люди ничего не заподозрили, и в результате Аврелиан был убит. Разные авторы называют разных исполнителей заговора. Для Аврелия Виктора это были трибуны (*tribuni*), для автора «Эпитомы» — просто военные мужи (*militares viri*), Зосим называет их телохранителями (*τῶν δορυφόρων*), а Зонара — *δυναστῶν*, т. е. в данном случае скорее всего командирами. Непосредственным убийцей был некий Мукапор (SHA Aug. 25, 5; Aur. Vict. Caes. 36, 2).

²⁶⁸ Kotula T. Aurélien... P. 176.

²⁶⁹ Groag E. Domitius. Sp. 1402; Paschoud F. Notes. P. 179.

Его имя фракийское²⁷⁰. По Аврелию Виктору, он был *dux*. Мукапор мог принадлежать к командирам тех воинских соединений, которые были созданы в результате военной реформы Галлиена и сохраняли свой этнический характер. И Галлиен, и Клавдий, и Аврелиан на эти части возлагали особые надежды. «Флавий Вописк» приводит письмо, посланное Аврелианом этому же Мукапору, в котором тот жалуется на трудности войны с Зенобией (SHA Aug. 26, 2–5). Даже если это письмо фальшивое, то, что в качестве адресата назван именно Мукапор, говорит о близости этого человека к Аврелиану. Таким образом, перед нами, вероятнее всего, действительно командиры среднего ранга²⁷¹, хорошо знающие императора и достаточно близкие к нему, чтобы иметь возможность осуществить свой замысел. В любом случае ни о сенаторах, ни о высших военачальниках речь не идет.

Правление Аврелиана стало очень важным этапом в истории Римской империи. В самых разных областях он заложил основы нового строя, который полностью оформляется уже после выхода Рима из состояния «военной анархии». Но это было только началом выхода.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ И ИЗБРАНИЕ ТАЦИТА

За пять с половиной лет своего правления Аврелиан создал мощную систему сильной личной власти, в которой практически не было места никому, кроме самого императора. Поэтому его неожиданное убийство стало причиной политического вакуума. И армия, и ее высший командный состав растерялись. Что касается заговорщиков, то их единственным стремлением было спасение собственной жизни, и поэтому у них не было никакой кандидатуры на трон. В такой ситуации единственным институтом, еще сохранившим хотя бы тень авторитета, явился сенат. И из армии, как пишет Аврелий Виктор (Caes. 35, 9), были направлены послы в Рим, чтобы сенаторы избрали императора по своему усмотрению (*uti suo pte arbitratu patres imperatorem deligerent*). Инициаторов этого демарша автор называет *milites*. Биограф Аврелиана, рассказывая о том же самом, говорит об *exercitus* (SHA Aug. 40, 1–2). Создается впечатление, что к сенату обратились рядовые воины через головы своих командиров. Речь идет, конечно же, о военной сходке (*contio*), выражающей волю армии²⁷².

²⁷⁰ Syme R. *Emperors...* P. 243; PLRE I. P. 609.

²⁷¹ Drinkwater J. *Op. cit.* P. 53.

²⁷² Махлаюк А. В. *Солдаты Римской империи*. СПб., 2006. С. 208–227.

А дальше началась «игра в пинг-понг»: сенат возвращал право избрать императора войскам, а те снова передавали это право сенату, и это повторялось трижды. Сенат оказался столь же неготовым к избранию императора из своей среды, как и армия. Биография Аврелиана заканчивается характерными словами: «Римский народ любил его, а сенат еще и боялся» (*populus eum Romanus amavit, senatus et timuit*) (SHA Aug. 50, 5). Это не могло не сказаться на поведении сената. Сначала он не решился принять предложение войска из страха перед ним (SHA Aug. 40, 3). Наступило междуцарствие, когда, по словам «Флавия Вописка», весь мир управлялся сенатом, войсками и римским народом (*sub iudicio senatus et militum populi que Romani*) (SHA Tac. 2, 2). Автор восторгается этим временем, когда царило согласие в армии, народ оставался спокойным и не возникло никакой попытки узурпации. Из текста непонятно, каким образом осуществлялась эта гармоничная власть²⁷³. Да и реально ли такое сосуществование трех инстанций — сената, армии и народа?

Обратим внимание на то, что Зонара (XII, 28) также упоминает эти три инстанции. Рассказывая о восхождении на трон Тацита, он сначала говорит о голосовании войска (*τὸ στρατιωκόν*), а затем уже о решении сената и народа (*γνώμη τῆς συγκλήτου τε καὶ δῆμου*). Таким образом, у Зонары, как и в биографии Тацита, народ выступает как одна из властных инстанций наряду с сенатом, также выносящим свое решение. Как известно, комиции уже ушли в прошлое. Но никакого закона об их ликвидации не было. Последний раз они как законодательный орган выступают в правление Нервы, но в качестве избирательного органа (хотя и чисто формального) упоминаются и в III в.²⁷⁴ Поэтому нельзя исключить, что в смутное время политической неразберихи комиции снова собирались. В то же время использование термина *γνώμη* не позволяет утверждать, что речь идет о формальном законе, принятом комициями, хотя и это не исключено, поскольку одно из значений этого слова, особенно в эллинистическое и римское время — решение, постановление²⁷⁵. Может быть все же, что выбор историком этого слова говорит скорее о менее формальных народных сходках, чем об официальных собраниях, и скорее о мнении народа, чем о принятых официальных законах (или законе). Но в любом случае роль народа в избрании императором Тацита весьма вероятна.

²⁷³ По мнению И. П. Сергеева, в это время возродилась республиканская форма правления: Сергеев И. П. Указ. соч. С. 87.

²⁷⁴ Бартошек М. Указ. соч. С. 78.

²⁷⁵ Schultheß, Γνώμη // RE. 1912. Hbd. 14. Sp. 1496–1499; Berneker E. Gnomē // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 822.

А это косвенно может свидетельствовать и о его роли в политической жизни Рима в период междуцарствия. Разумеется, едва ли можно и нужно говорить о самостоятельной воле народа; скорее об использовании ее теми или иными политическими силами.

Судя по монетам, в период междуцарствия значительная роль в государстве принадлежала вдове Аврелиана Ульпии Северине. Возможно, она была дочерью Ульпия Кринита²⁷⁶, которому более поздняя традиция приписывала усыновление самого Аврелиана (SHA Aug. 14, 4–15, 1)²⁷⁷. Северину выдвинул на первый план наряду с собой еще Аврелиан. В 274 г. она получила титул августы, «матери лагерей и сената»²⁷⁸, как это, впрочем, и бывало для императриц начиная с жены Септимия Севера Юлии Домны. Ее имя появляется на монетах наряду с именем Аврелиана. И во всем этом нет ничего необычного. Необычное начинается после убийства Аврелиана. Ее имя не исчезает с монет. Легенда SEVERINA AVG(usta) сохраняется в течение всего междуцарствия (в то время как Аврелиан уже не упоминается). Она сопровождается другой легендой — CONCORDIA MILITUM. Поэтому очень правдоподобен вывод, полученный в результате сравнительно недавних исследований, о том, что Северина, будучи женой, а затем вдовой популярного в армии императора, обладала огромным авторитетом в войсках²⁷⁹. И этим авторитетом

²⁷⁶ Groag E. Domitius. Sp. 1353, 1355; Eck W. Ulpius // RE. 1974. SpTBd. 14. Sp. 939, 944; Winkler G. Ulpius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1045.

²⁷⁷ «Флавий Вописк» называет Ульпия Кринита потомком Траяна и утверждает, что Валериан за его заслуги хотел сделать его цезарем (SHA Aug. 10, 2). Надо заметить, что Евтропий (VIII, 2, 1) называет Траяна Ульпием Кринитом. Какое-либо родство с Траяном, «лучшим принцем», высоко ценилось (ср.: Syme R. Emperors... P. 100–101), и подробный рассказ биографа об усыновлении Аврелиана Ульпием Кринитом должен был связать выходца из балканских «низов» со знатью (Eck W. Ulpius. Sp. 939). Ни надписи, ни монетные легенды не называют среди имен Аврелиана Ульпия. Так что единственным основанием для рассказа об усыновлении могла быть женитьба Аврелиана на дочери Ульпия Кринита. Не исключено, что тесть играл какую-то роль в выдвижении зятя. Что касается самого Ульпия Кринита, то рассказ о его карьере, приведенный «Флавиусом Вописком», явно выдуман или самим биографом, или каким-то его источником. В частности, Кринит никак не мог быть трижды консулом (Eck W. Ulpius. Sp. 939), хотя его принадлежность к тогдашней знати могла быть реальной.

²⁷⁸ Groag E. Domitius. Sp. 1400; Eck W. Ulpius. Sp. 943; Sotgini G. Aureliano // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 1049.

²⁷⁹ У Аврелиана, как подчеркивает биограф, была только дочь (SHA Aug. 42, 1). Ее возраст неизвестен, и никаких сведений о ее связях с армией нет. В этих условиях Северина оказалась единственным членом семьи популярного императора, известным войскам. В отсутствие сына Аврелиана именно она воплощала в глазах солдат славу ее покойного мужа.

она в огромной степени способствовала сохранению единства армии, политической стабильности и отсутствию каких-либо узурпаций в сложный период междоусобицы²⁸⁰. Одна из монет, выпущенных непосредственно в самом Риме, изображает Северину с диадемой на голове, а на реверсе имеет легенду VENUS FELIX²⁸¹. В римской мифологии Венера выступает как прародительница Города, и отождествление с ней императрицы подчеркивает ее значимость для Империи. На другой монете Северина отождествляется с Юноной Региной²⁸², воплощая таким образом римскую государственность. Если учесть авторитет Северины в войсках и то, что монеты отныне выпускались от ее имени, можно предположить, что Северина играла какую-то роль и в управлении государством, может быть, даже официально возглавляя его. Если это так, то перед нами уникальный случай в римской истории²⁸³, который мог быть следствием автократии ее мужа²⁸⁴.

По данным латинских источников, междоусобица продолжалась от пяти до семи месяцев (SHA Aug. 40, 4; 1, 1; 2, 1; Aug. Vict. Caes. 36, 1; Epit. 35, 10). Однако эти цифры не выдерживают испытания хронологическими расчетами. Они показывают, что продолжаться междоусобица могла не больше полутора месяцев²⁸⁵. По данным биографии Тацита, он был избран императором 26 сентября того же 275 г. (SHA Tac. 3, 2). М. Клавдий Тацит был уже довольно стар (SHA Tac. 4–6). Зонара (XII, 28) говорит, что ему было 75 лет. В 273 г. он был ординарным консулом²⁸⁶, а во время междоусобицы — принцепсом

²⁸⁰ Göhl R. Die Münzprägung des Kaisers Aurelianus. Wien, 1993. S. 29–30.

²⁸¹ Eck W. Ulpian. Sp. 944; Sotgiu G. Aureliano. P. 1049.

²⁸² Eck W. Ulpian. Sp. 944.

²⁸³ Правда, в Галлии некоторое время власть тоже принадлежала женщине, Витрувии или Виктории, которая тоже чеканила деньги от своего имени (SHA Trig. т. 21, 2–4), но это происходило в отколовшейся части Империи, и ее, как и других правителей Галлии, включали в число тиранов, т. е. узурпаторов.

²⁸⁴ И. П. Сергеев решительно выступает против предположения об активной роли Северины, ссылаясь на то, что женщина не могла занимать какую-либо официальную должность: Сергеев И. П. Указ. соч. С. 87. Но он, на наш взгляд, не учитывает ни существования политического вакуума, возникшего после убийства Аврелиана, ни авторитета покойного императора в армии, который вполне мог распространяться и на его вдову, ни жесткой автократии, установленной Аврелианом. Наконец, непонятно, почему, если Северина не играла никакой роли, ее имя в течение некоторого времени не исчезло с монет.

²⁸⁵ Grogg E. Domitian. Sp. 1358; Syme R. Emperors... P. 237–238; Drinkwater J. Maximinus... P. 53. Существует мнение, что междоусобица вообще не было (Paschoud F. Notes. P. 180). Однако оно явно опровергается данными монет с упоминанием одной Северины после смерти Аврелиана (Göhl R. Münzprägung... S. 30).

²⁸⁶ Бикерман Ж. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 233.

сената (SHA Aug. 41, 5; Tac. 4, 1, 3). Он был довольно богат: биограф оценивает его имущество в 280 миллионов сестерциев (SHA Tac. 10, 1). Являлся ли Тацит старым соратником Аврелиана, да и делал ли он вообще военную карьеру, сказать трудно²⁸⁷. «Флавий Вописк» пишет, что, когда возник слух, что его сделают императором, Тацит уехал в свое поместье в Кампании, где и пробыл до того заседания сената, на котором его избрали (SHA Tac. 7, 6–7)²⁸⁸. О его пребывании в Кампании говорит и Зонара (XII, 28). Наличие слуха и явно тактический маневр с отъездом могут свидетельствовать об идущей подспудно борьбе различных группировок как в сенате, так и в армии. Так что избрание Тацита, несомненно, стало результатом какого-то компромисса, достигнутого за время междуцарствия. Само избрание старца может говорить о таком компромиссе: правление старика давало время для поиска более подходящей кандидатуры. Недаром Тацит и его брат Флориан, ставший позже тоже императором, рассматривались как междуцаря (interreges) между Аврелианом и Пробом (SHA Tac. 14, 5). Вероятно, значительную роль в избрании Тацита сыграла Северина²⁸⁹.

Рассказ «Флавия Вописка» об избрании Тацита (SHA Tac. 3, 2–7, 1) создает несколько странное впечатление. Сначала консул Великий Корнифиций Гордан говорит о вторжении германцев, о трудном положении в Африке, Иллирии и Египте, о требовании армии избрать наконец государя. Все это как будто предполагает избрание человека, способного к руководству армией и во всяком случае авторитетного для воинов. Но вместо этого единогласно выдвигается кандидатура Тацита, который, по его собственным словам, из-за своего возраста с трудом выполняет обязанности сенатора, привык к спальне и тени и совсем не способен воевать. Более того, он признается, что совсем не уверен, что войско одобрит его избрание. На это сенаторы ответили, что они избирают дух, а не тело, и делают его императором, а не воином (*imperatorem te, non militem facimus*). Еще совсем недавно сенат отказывался избрать императора, боясь, что воины не согласятся с выбором (SHA Aug. 40, 3), а теперь даже не обращают внимания на такой же довод. Если считать этот рассказ достоверным,

²⁸⁷ Существует мнение, что Тацит был выходцем из дунайской армии и в это время находился уже в отставке (*Syme R. Emperors... P. 247; Drinkwater J. Maximinus... P. 53*). Но все доводы сводятся к тому, что никто из авторов не указывает на его гражданское положение. Этого, однако, недостаточно для утверждения о военной карьере.

²⁸⁸ Автор говорит о двухмесячном пребывании Тацита в своем поместье, но это невозможно по хронологическим резонам.

²⁸⁹ *Göhl R. Münzprägung... S. 246, N. 71.*

то можно сделать только один вывод: речь идет о разыгранном спектакле, в сценарии которого, может быть, активную роль играл сам кандидат. Он был человеком образованным (*litteratus*) и даже претендовал на родство с великим историком (SHA Tac. 10, 3). Поэтому он не мог не знать о комедиях, разыгранных в свое время Августом и Тиберием. Как и в тех случаях, притворный отказ должен был укрепить его авторитет. Это было и на руку сенату, увеличивая его роль как избирателя принцепса.

Из этого рассказа, как и из сообщения Аврелия Виктора (Caes. 36, 1), создается впечатление абсолютной независимости сената в его выборе. Однако Зонара (XII, 28) дает иную картину. Он рассказывает, что сначала войско (*τὸ στρατικόν*) провозгласило Тацита императором, а затем уже он, будучи еще частным человеком, прибыл из Кампании в Рим, где стал императором после решения сената и народа. Из этого видно, что возвышение Тацита имело два этапа. Сенат и народ вынесли свое решение только после того, как свою волю высказала армия. Почему армия высказалась именно за Тацита, не совсем ясно. Может быть, Северина, заранее договорившись с сенаторами, сыграла в этом главную роль.

Хотя роль армии в выборе Тацита, как мы видим, была значительной, сам выбор нового императора сенаторами из своей среды в тех условиях был очень важен. Биограф Тацита говорит о радости сената в связи с тем, что он вернул себе право избрания принцепса (*eligendi principis cura*) (SHA Tac. 12, 1). Ему вторит Аврелий Виктор (Caes. 36, 1), прибавляя, однако, весьма важный нюанс. По его словам, эта радость была вызвана еще и тем, что право избрания императора было вырвано из «ярости военщины» (*militari ferocia*). И еще один момент: радость была почти всеобщей (*cunctis fere laetoribus*). Это *fere* несколько снижает впечатление от всеобщего ликования. Видимо, в Риме дело обстояло не так просто. «Флавий Вописк» передает версию, что якобы Тацит, когда ему была предложена власть, сказал, что императором лучше быть Пробу (SHA Prob. 7, 1). Конечно, это был лишь слух (автор пишет *feratur*), но он мог опираться на уже существовавшее мнение. И не исключено, что в Риме уже была какая-то группировка, которая делала ставку на Проба. Недаром, когда после смерти Тацита и провозглашения императором нелюбимого сенаторами Флориана в Рим пришло известие о выдвижении Проба, по словам «Флавия Вописка», сенат высказался за него (*illum senatus optaret*), да и римский народ требовал (*peteret*) его признания (SHA Tac. 14, 3). Отношение про-сенатской историографии к Пробу, как об этом будет сказано ниже, ясно говорит о наличии в сенате пропробовской группировки.

ПРАВЛЕНИЕ ТАЦИТА

Некоторые историки считают Тацита типично «сенатским» императором²⁹⁰. Но столь категорическое суждение нуждается в некоторой корректировке. То, что сенат возлагал на нового императора надежду на возвращение чуть ли не к временам августовского паритета, несомненно²⁹¹. И Тацит старался создать впечатление такого возвращения. На его монетах появляется легенда *restitutor rei publicae*²⁹². Он не отказывается и от аврелиановского *restitutor orbis*²⁹³, но при этом прежде всего претендует на восстановление традиционной государственности. Первую легенду нельзя не сопоставить с официальным лозунгом Августа о начале восстановления государства (*res publica restituta*), освобожденного им от господства факции. В свое время это заявление первого принцепса вызвало чрезвычайно благожелательный отклик большинства граждан, видевших в этом прекращение периода хаоса и беспорядка²⁹⁴. Тацит явно рассчитывал на подобную реакцию. И трата им своих денег на государственные нужды, и различные моральные предписания (SHA Tac. 10) также очень напоминают поступки Августа. На монетах исчезает выражение *deus et dominus*²⁹⁵. В одной из надписей Тацит именуется *verae libertatis auctor* (ILS 591)²⁹⁶. *Libertas* была излюбленной темой практически всех императоров, а также узурпаторов. Каждый претендовал либо на восстановление свободы, либо на ее сохранение. Не стоял в стороне от этого и Аврелиан²⁹⁷. Но для Аврелиана, как и для его предшественников, свобода была связана с личностью самого императора — *Libertas Augusta*. Тацит же претендует на возрождение подлинной свободы, связанной скорее со свободной активностью сената, чем с деятельностью принцепса. Даже его претензия на родство с великим Тацитом и забота о сохранении и распространении

²⁹⁰ Например, *Stein A. Claudius* // RE. 1899. Hbd. 6. Sp. 2876; *Mattingly H. The Imperial Recovery* // CАН. 1939. Vol. XII. P. 311; *Штаерман Е. М. Кризис...* С. 489.

²⁹¹ Как уже было отмечено в науке, речь Флавия Никомаха, выступившего в сенате вслед за отказывавшимся от власти Тацитом (SHA Tac. 6), является по существу манифестом сената и предлагаемой новому принцепсу правительственной программой: *Béranger J. L'hérédité dynastique dans l'Historia Augusta* // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium* 1971. Bonn, 1974. P. 13.

²⁹² *Stein A. Claudius*. Sp. 2877; *Штаерман Е. М. Кризис...* С. 490.

²⁹³ *Stein A. Claudius*. Sp. 2877; *Callu J.-P. La politique monétaire...* P. 333.

²⁹⁴ *Benario H. W. Augustus Princeps* // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 80.

²⁹⁵ *Polverini L. Da Aureliano a Diocleziano* // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 1023, n. 36.

²⁹⁶ *Alföldy A. Studien...* S. 66.

²⁹⁷ *Göbl R. Münzprägung...* S. 125.

его сочинений (SHA Тас. 10, 3) тоже говорят о демонстративной принадлежности к антидеспотической традиции.

С другой стороны, Тацит подчеркивал континуитет императорской власти. Его первым делом после прихода к власти было наказание убийц Аврелиана, причем, как подчеркивает «Флавий Вописк» (SHA Тас. 13, 1), «как хороших, так и дурных» (*bonos malosve*). Следовательно, для Тацита важны были не качества или мотивы убийц, а сам факт умерщвления правящего императора. Другим актом Тацита было обожествление Аврелиана (Eutrop. IX, 15, 2). В условиях отсутствия официального династического принципа наследования власти обожествление предшественника было важным средством легитимации его преемника²⁹⁸. Однако во время военной анархии, когда практически каждый император приходил к власти после насильственного устранения своего предшественника, такой подход уже не годился и обожествления не происходило. Только после убийства Галлиена Клавдий, явно исполняя волю армии, на какое-то время настоял на его обожествлении (Aug. Vict. Caes. 33, 26; 29), но позже это решение было, вероятнее всего, отменено. Никаких следов обожествления Галлиена нет. Более того, известны случаи, как об этом уже говорилось, вычеркивания имени Галлиена из надписей²⁹⁹. Так что первым *divus* после долгого перерыва стал сам Клавдий, бывший в хороших отношениях с сенатом и сделавшийся первым после долгого перерыва императором, умершим не от меча или яда, а от болезни. Теперь таким же становился и Аврелиан. Между тем сенат едва ли питал особое расположение к Аврелиану. Конечно, во время его правления он неоднократно воздавал ему всяческие почести. Но это не говорит об искреннем отношении сената к императору. Уже не раз бывало, что чем большее раболепие сенаторы выказывали по отношению к правящему императору, тем с большим удовольствием они растаптывали его память. Достаточно вспомнить о Домициане. Аврелиана, и об этом тоже уже упоминалось, называли наставником, надзирателем (*paedagogus*) сенаторов (SHA Aug. 37, 3), и это едва ли улучшало их отношение к нему, даже если они тщательно это скрывали. Возможно, что и наказание убийц, и обожествление убитого входило в договоренность с армией, но в любом случае этим подчеркивали значение самой императорской власти. В этом же направлении шло и переименование сентября, месяца, в котором он родился и пришел

²⁹⁸ Gesche H. Die Divinisierung der römischen Kaiser in ihrer Funktion als Herrschaftslegitimation // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 377–390.

²⁹⁹ Любжин А. В. Примечания // Властелины Рима. М., 1992. С. 364.

к власти, в «тацит» (SHA Tac. 13, 6). Характерен использованный биографом глагол *iussit*. Такое возвеличивание в домициановском духе было результатом насильственного действия самого императора.

Какими бы ни были личные убеждения Тацита³⁰⁰, время диктовало свои условия. И Тацит уже вскоре после прихода к власти столкнулся с сенатом. Он просил консульства для своего единоутробного брата Флориана³⁰¹ (явно чтобы стать консулом-суффектом, поскольку ординарным консулом в 276 г. становился он сам вместе с Эмилианом³⁰²), но получил решительный отказ сената, ссылавшегося на закрытие списка будущих консулов (SHA Tac. 9, 6). Как говорилось выше, избрание Тацита явилось результатом какого-то компромисса, в том числе и внутри сената. Одним из условий компромисса в сенаторской среде могла быть клятва нового императора при приближении смерти назначить преемником не кого-либо из своих детей, а «наилучшего мужа» (*optimum aliquem*) (SHA Tac. 14, 1). Флориан, как показали последующие события, таковым для сенаторов (по крайней мере, для большинства) не был. И в попытке его назначения консулом сенаторы могли увидеть (и это, пожалуй, было справедливо) стремление Тацита закрепить трон за своей семьей. Биограф Тацита говорит, что такая независимая позиция сената обрадовала самого императора. Но последующие события показали, что это совсем не так. Рассказывая о войне Тацита с готами Зосим, (I, 43, 1) называет участвовавшего в этой же войне Флориана τῆς αὐλῆς ὑπάρχων. Следовательно, получив отказ осмелевшего сената в назначении Флориана консулом, Тацит назначил его префектом претория. Назначение на эту должность не требовало никакого согласования с сенатом³⁰³. Начиная с 235 г. префект претория являлся первым после императора лицом в Империи³⁰⁴. Так что Тацит, потерпев неудачу с назначением Флориана консулом, взял реванш, фактически сделав брата своим заместителем. Этот жест мог рассматриваться как вызов сенату и как демонстрация недопущения сената в сферу полномочий

³⁰⁰ Полагают, что Тацит был приверженцем вековой сенаторской традиции: *Drinkwater J. Maximinus*. P. 54.

³⁰¹ Вопрос об отношении Флориана к Тациту сложен. Но все же можно принять версию о том, что они были родственниками (*Sauer E. M. Annii Florianus: ein Drei-Monat-Kaiser und die ihm zu Ehren aufgestellten Steinmonumente* (276 n. Chr.) // *Historia*. 1998. Bd. 47, 2. S. 175–176), скорее всего единоутробными братьями, как и пишет «Флавий Веспasian» (SHA Tac. 17, 4).

³⁰² Букерман Э. Хронология. С. 233.

³⁰³ *Enßlin W. Praefectus praetorio*. Sp. 2394.

³⁰⁴ *Ibid.* Sp. 2417.

императора. Во время готской кампании Флориан командовал отдельной армией (Zos. I, 63, 1; Zon. XII, 28). Другого своего родственника, Максимиана, Тацит назначил наместником Сирии (Zos. I, 63, 2; Zon. XII, 28). Над Сирией постоянно нависала угроза персидского вторжения, так что наместничество в этой стране имело очень важное значение³⁰⁵. Но дело было, видимо, не только в этом. Тацит был вынужден назначить командующим всеми войсками на Востоке (*totius Orientis dux*) Проба (SHA Prob. 7, 4)³⁰⁶. Но, назначая Проба, который, возможно, был одним из кандидатов на власть во время междоусобицы, дуксом всего Востока, император, может быть, пытался уравновесить его фигурой своего родственника³⁰⁷. Таким образом, Тацит, назначая своих родственников на важнейшие посты, следовал обычной практике своих предшественников³⁰⁸.

Ключевым при обсуждении взаимоотношений Тацита и сената является вопрос об отношении императора к эдикту Галлиена о запрещении сенаторам военной службы. Решение же его зависит от интерпретации пассажа Аврелия Виктора (Caes. 37, 6). Говоря о возрастании силы военщины (*militaris potentia*) и о лишении сената права избрания принцепсов и военной власти, историк далее пишет: «*Quippe amissa Gallieni edicto refici militia potuit modeste legionibus Taciti regnante...*» Эту фразу можно перевести: «Ведь когда в правление Тацита был оставлен эдикт Галлиена, можно было восстановить войско со скромными легионами»³⁰⁹. И в таком виде она, несомненно, говорит об отмене Тацитом столь ненавистного сенаторам эдикта Галлиена³¹⁰. Но фраза продолжается: «*neque Florianus temere invassisset, aut iudicio manipularium cuiquam, bono licet, imperium daretur amplissimo ac tanto ordine in castris degente*» — «и Флориан беспечно не захватил бы, и по решению манипул не давалась бы власть любому, даже хорошему, когда бы знатнейшее и великое сословие (т. е. сенаторы) находилось в лагере». Следовательно,

³⁰⁵ К этому мы вернемся несколько ниже.

³⁰⁶ Подробнее — ниже.

³⁰⁷ Может быть, Тацит использовал знания о предыдущей истории, почерпнутые им в частности у своего знаменитого тезки, и вспомнил о казусе Германика и Пизона.

³⁰⁸ Sauer E. M. *Annius Florianus...* S. 176–178.

³⁰⁹ В русском переводе Аврелия Виктора (перевод А. И. Донченко и В. С. Соколова) эта фраза звучит так: «В самом деле, с отменой эдикта Галлиена можно было возродить военную дисциплину, на что сдержанно согласились и легионы в правление Тацита».

³¹⁰ Polverini L. *Da Aureliano...* P. 1022. Ф. Альтхайм (*Niedergang...* S. 367–368) полагает, что эдикт Галлиена был формально отменен, но реально сенаторы по-прежнему к военным должностям не допускались.

в момент захвата власти Флорианом, т. е. сразу же после Тацита, да и позже, во время различных военных мятежей, сенаторов в лагерях не было. Более того, далее (37, 7) писатель обвиняет сенаторов в том, что они, наслаждаясь покоем и дрожа за свое богатство, поставили его и наслаждение выше устойчивости государства и расчистили путь солдатам и почти варварам. Эта фраза начинается выражением *verum* — «действительно». И это связывает общее обвинение сенаторов в полной пассивности с действиями Флориана и воинов его времени. Поэтому совершенно прав Р. Сайм, считая, что глагол *potuit* постулирует нереальность условия, описанного в начале фразы³¹¹. Эту точку зрения разделяют и современные исследователи, утверждая, что Тацит не изменил политику Галлиена и не вернул сенаторам право командования войсками³¹². А это означает, что говорить о Таците как только об исполнительном органе сената³¹³, конечно же, нельзя.

Сенат мог рассматривать избрание Тацита как свою победу, но сам Тацит в своей деятельности «сенатским» императором ни в коем случае не был³¹⁴. Единственное, чего добился сенат, так это гораздо большее, чем при Аврелиане, уважение к себе и возвращение некоторых чисто формальных полномочий³¹⁵. Сами сенаторы могли считать, что власть вернулась к их сословию (*SHA Tac. 12, 1*), и отказ сената назначить Флориана консулом (чего, конечно, не могло бы быть не только при Аврелиане, но и при Галлиене) говорит об этом. Но последующие события показали иллюзорность всех таких надежд и расчетов. В свое время Цезарь говорил, что существуют две вещи, которые защищают и умножают власть, — войско и деньги, и друг без друга они немислимы (*Cas. Dio. XLII, 49*)³¹⁶. Но после реформы Галлиена у сената не было войска. Правда, в ведении сената некоторое время оставалась государственная казна (*arca publica*) (*SHA Aug. 20, 8*). Однако жесткий финансовый кризис обесценивал это обстоятельство. А затем Аврелиан, как уже говорилось, лишил сенат и финансовых функций. У сената оставался только многовековой авторитет. А этого было слишком мало для осуществления им важной (не говоря о решающей) политической роли.

³¹¹ *Syme R. Emperors...* P. 241, n. 1.

³¹² *Drinkwater J. Maximinus...* P. 54.

³¹³ *Stein A. Claudius. Sp.* 2876.

³¹⁴ *Сергеев И. П. Римская империя...* С. 87–89.

³¹⁵ Ср.: *Polverini L. Da Aureliano...* P. 1023; *Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 654.*

³¹⁶ *Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 315.*

Хотя Тацит, если верить его биографу, заявлял, что он привык больше к спальне и тени, ему пришлось уже очень скоро отправиться на войну. Очередное вторжение в римские пределы осуществили «варвары», жившие в районе Меотидского озера. Они пересекли его (и явно Понт Эвксинский) и вторглись в Малую Азию (Zos. I, 63, 1)³¹⁷. Зосим называет их скифами. Речь идет о довольно большой коалиции причерноморских и приазовских племен, в числе которых были готы, а также сарматы или аланы³¹⁸. Опасность была столь грозной, что Тацит не только сам двинулся во главе армии, но и создал вторую армию, во главе которой поставил Флориана³¹⁹. Римляне одержали ряд побед. Тацит принял гордый титул «Готского Величайшего» (CIL XII, 5563) и выпустил монеты с легендами, прославлявшими эти победы³²⁰. Оставив для окончания кампании армию Флориана³²¹, он со своим войском начал возвращаться в Европу, когда вспыхнул очередной мятеж.

Назначение Тацитом Максимиана правителем Сирии сыграло для императора роковую роль. По словам Зосима (I, 63, 2) и Зонары (XII, 28), Максимин в своей провинции творил произвол, что вызвало ненависть к нему. Ее результатом стал заговор и убийство Максимиана. Зосим уточняет, что предметом грубейшего отношения Максимиана были *τέλη*, т. е. власти. На конкретных лиц историк не указывает, но то, что среди заговорщиков были и недавние участники убийства Аврелиана, позволяет говорить об офицерах. Затем, боясь наказания со стороны Тацита, они выступили против него. Тацит был настигнут мятежниками в Европе и убит. Евтропий (IX, 16) и Аврелий Виктор (Caes. 36, 2) не упоминают об убийстве, а просто пишут, что он умер, а в «Эпитоме» (36) уточняется, что он умер от лихорадки (*febri*). «Флавий Вописк» приводит обе версии: «Одни говорят, что он погиб из-за коварств военных (*insidiis militaribus*), другие — от болезни (*morbo*)». А далее он утверждает, что Тацит был подавлен *factionibus* и был не в силах им сопротивляться (SHA Tac, 13, 5). Понятие *factio* многогранно; среди прочего оно может переводиться как «партия», «группировка», но также и «мятеж». Но в любом случае оно имеет негативный характер. Достаточно вспомнить начало «Деяний» Августа, где описывается, как первый принцепс гордится

³¹⁷ Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984. С. 37.

³¹⁸ Буданова В. П. Указ. соч. С. 101–102.

³¹⁹ Назначение Флориана может говорить о недоверии Тацита к другим полководцам.

³²⁰ Буданова В. П. Готы... С. 101–102.

³²¹ Sauer E. M. *Annius Florianus*... S. 182–183.

освобождением государства от господства *factionis* (R. g. 1). Так или иначе, речь идет о каких-то коварных действиях, жертвой которых пал Тацит. Следовательно, причиной смерти Тацита была не болезнь³²². И в науке установилось мнение, что версия об убийстве Тацита солдатами единственно верная³²³.

Вся история избрания и правления Тацита выглядит случайным эпизодом эпохи «военной анархии». Она на первый взгляд нарушает логику политического развития Рима в III в. Однако более внимательное рассмотрение всех событий показывает, что на деле вектор эволюции римского государственного строя остался тем же самым. Хотя роль сената несколько повысилась, в основном Тацит продолжал прежнюю политику. Даже при условии полной (добровольной или нет, неважно) лояльности армии вернуть себе прежнее место в государственной системе сенат не смог. Принципат как политическая система себя практически полностью изжил.

После смерти Тацита сенат, может быть, был готов вновь взять на себя избрание императора. Идея, что новым правителем должен быть не наследник в семье императора, а наилучший, т. е. наиболее пригодный к управлению государством человек, давно ходила в правящих кругах Рима. По собственной воле или нет, но Тацит дал сенату клятву назначить своим преемником такого наилучшего. Как бы в действительности поступил Тацит, неизвестно. Но после его смерти императором стал Флориан. Аврелий Виктор (Caes. 36, 2) пишет, что он захватил власть без решения сената или армии (*nullo senatus seu militum consulto imperium invaserat*). «Флавий Вописк» также утверждает, что Флориан захватил власть не по решению сената (*non senatus auctoritate*), а по собственному побуждению (*suo motu*), хотя и знал о клятве брата (SHA Tac. 14, 1). И автор прибавляет: «как будто власть была наследственной» (*quasi hereditarium esset imperium*). Видимо, сам Флориан именно свое родство с Тацитом выдвигал в качестве основания для захвата власти. Точка зрения авторов сборника ясна: в соответствии со своей проренатской позицией они выступают против передачи императорской власти по наследству³²⁴.

³²² Можно, как кажется, привести косвенное доказательство этого. Тот же автор, как уже говорилось, пишет, что Тацит дал в сенате клятву при приближении смерти назначить своим наследником не своих сыновей, а лучшего мужа (SHA Tac. 14, 1). Но Тацит никого не назначил и, следовательно, не думал о смерти, что мало вяжется с версией о болезни.

³²³ Stein A. Domitius. Sp. 2875; Hanslik R. Tacitus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 494.

³²⁴ John K.-P. Op. cit. S. 102–103. Характерно, что приход к власти брата Клавдия Квинтилла именно из-за его родства с покойным императором не вызвал никаких отрицательных эмоций в сенате. Или выдвижение родства как основания для наследования

То, что это не только подчеркивается в данном случае, но и противопоставляется клятве Тацита, говорит о том, что для сената возвышение Флориана было неприятным сюрпризом. Совсем недавно сенаторы решительно заблокировали его назначение консулом, а теперь должны были иметь дело с ним как с императором. В этих обстоятельствах ни о каком выборе наилучшего императора не могло быть и речи. Впрочем, как кажется, в сенате были и союзники Флориана, которые присоединились к нему именно как к брату умершего Тацита (SHA Prob. 13, 3). Следовательно, в отличие от большинства сенаторов они признавали наследственный принцип передачи власти, но явно оказались в меньшинстве. Несколько другое впечатление остается от сообщений греческих авторов. Зосим (I, 64, 1) говорит, что Флориана избрали (ἐλομένον) те, кто находился в Риме, а Зонара (XII, 29) пишет, что Флориан был провозглашен сенаторами в Риме. По Зосиму (I, 63, 1), известно, что Тацит, возвращаясь после своей победы над готами в Европу, оставил Флориана с армией довершать военные действия. Видимо, опираясь на свою армию, Флориан и объявил себя императором. А то, что Аврелий Виктор подчеркивает неучастие в этом солдат, может говорить об их пассивной в тот момент позиции³²⁵. Сенат же был вынужден признать нежеланного Флориана императором³²⁶. Тем большей была радость сенаторов, когда у Флориана появился чрезвычайно опасный соперник. Это был Проб, который разбил армию Флориана и сам стал следующим императором.

ПРОБ

Биограф Проба пишет, что после того как рок похитил Тацита и власть захватил Флориан (*Tacito absumpto fataliter ac Floriano imperium arripiente*), восточные войска сделали (*fecerunt*) Проба императором (SHA Prob. 10, 1). Глагол *facio* говорит об активной роли армии. Использование автором *ablativus absolutus* может говорить о практически одновременном захвате власти Флорианом и провозглашении

власти было для сенаторов лишь предлогом для неприятия Флориана, или кажущееся торжество сената во время междуцарствия и при избрании Тацита чрезмерно повысило самооценку сенаторов, и они уже воспринимали реальность не совсем адекватно.

³²⁵ Правда, в биографии Проба говорится, что Флориана сделали императором европейские войска (SHA Prob. 14, 4).

³²⁶ При Флориане снова появляется мелкая бронзовая монета с буквами SC (*Callu J.-P. La politique monétaire... P. 140*). Это ясно говорит о том, что Флориан пытался наладить отношения с сенатом, вернув ему право выпуска мелкой монеты. Но эта попытка явно не удалась и большинство сенаторов остались враждебными ему.

императором Проба. Из текстов Зосима (I, 64, 1) и Зонары (XII, 29) тоже можно сделать вывод об одновременности провозглашения обоих императоров. Об одновременности правления Флориана и Проба писал и Иоанн Антиохийский (FHG IV. Ioan. fr. 158, 1). Думается, однако, что какой-то временной промежуток между этими двумя событиями все же существовал, хотя он явно был очень небольшим. В прошлом 275 г. солдаты согласились на избрание нового императора сенатом. Но со смертью Тацита исчез и смысл этой договоренности. На единоутробного брата покойного императора она явно не распространялась. «Флавий Вописк» прямо говорит, что целью провозглашения Проба было опередить италийскую армию и не дать сенату снова избрать императора (*ne iterum senatus principem daret*) (SHA Prob. 10, 3). О Флориане знали, по крайней мере в восточной армии, мало, и Проб, уже прославившийся своими воинскими деяниями, казался более подходящей кандидатурой. Римская империя снова разделилась на две части. Власть Проба была признана в Египте, Сирии и Палестине, в то время как остальная часть Империи все еще признавала Флориана (Zos. I, 64, 1; Zon. XII, 29). Монеты и надписи подтверждают эти сообщения³²⁷.

Как говорилось выше, Флориан командовал отдельной армией, и эту армию, не завершив войну с готами, он использовал для войны с Пробом³²⁸. Но до решительного сражения дело не дошло. После нескольких незначительных стычек Флориана убили собственные воины (Aug. Vict. Caes. 37, 2; SHA Tac. 14, 2; Prob. 10, 8; Zos. I, 63, 3–4; Zon. XII, 29)³²⁹. Еще до этого события известие о провозглашении Проба императором вызвало энтузиазм в Риме. По словам «Флавия Вописка», сенат, узнав об избрании Проба воинами, высказался за него (*illum senatus optaret*), да и римский народ требовал (*peteret*) его признания (SHA Tac. 14, 3). Казалось, что ситуация была почти такой же, как и после смерти Клавдия: правителем стал брат покойного императора, его не признали войска, и в конечном итоге снова, если перефразировать Цицерона, тога сникла перед оружием. Но если в просенатской историографии отношение к Квинтилиу весьма положительное, а к Аврелиану противоречивое, то отношение к Флориану в целом отрицательное, а к Пробу, как уже говорилось, исключи-

³²⁷ Rhoden P., von. Annus // RE. 1894. Hbd. 2. Sp. 2266; Callu J.-P. La politique monétaire... P. 333–334; Sauer E. Op. cit. S. 191–195; Paschoud F. Notes. P. 180.

³²⁸ Sauer E. Op. cit. S. 182–183.

³²⁹ В сообщениях о смерти Флориана имеются некоторые расхождения в деталях, но они не влияют на общее изложение. Только в «Эпитоме» (36) говорится о самоубийстве Флориана, но это сообщение считается ошибочным: Paschoud F. Notes. P. 181.

тельно восторженное. Конечно, в первую очередь такое отношение вызвано тем, что Проб сверг нелюбимого сенаторами Флориана. Но едва ли это было единственной причиной.

Происхождение Проба было довольно низкое, и всю свою карьеру он сделал в армии, идя по стопам своего отца³³⁰, достигнув при Таците положения командующего всеми войсками на Востоке (*totius Orientis dux*) (SHA Prob. 7, 4). Но исключительно военная карьера не мешала его политической гибкости. Во время междуцарствия он, может быть, даже считался возможным преемником Аврелиана. Вспомним, что, по Аврелию Виктору, почти (*fere*) все радовались избранию Тацита. Среди тех немногих, кто не ликовал по этому поводу, могли быть сторонники Проба. Да и Тацит, назначая Проба дуксом всего Востока, как говорилось выше, видимо, пытался уравновесить его фигурой своего родственника, Максимиана. И Зосим (I, 63, 2), и Зонара (XII, 28), как можно видеть из приведенного выше фрагмента биографии Проба, пишут о плохом управлении Максимиана, результатом чего и стали заговор и убийство наместника. Зосим, как об это уже говорилось, уточняет, что предметом грубейшего отношения Максимиана были *τέλη*, т. е. власти. Как уже было сказано, историк не называет имен, но среди заговорщиков были участники убийства Аврелиана, а значит были офицеры. Если это предположение верно, то можно полагать, что Проб, после избрания Тацита удовлетворившись (по крайней мере, внешне) положением дукса всего Востока, со смертью императора предъявил все же свои права на трон и добился его. Правда, он несколько позже жестоко расправился с уцелевшими убийцами Аврелиана, которые, по сути, и привели его к власти, а заодно и с убийцами Тацита (SHA Prob. 13, 2–3; Zos. I, 65, 1–2; Zon. XII, 29). Но, во-первых, так властители поступали весьма часто. Во-вторых, это могло рассматриваться как жест доброй воли по отношению к сенату. И наконец, наказание убийц предыдущего императора подчеркивало (как в случае с Тацитом) непрерывность и значимость императорской власти. Зосим пишет, что Проб осуществил свой план тайно, боясь, что его исполнение вызовет некоторые волнения (*τίνα ταραχήν*). По-видимому, убийцы имели каких-то сторонников. Может быть, речь шла о тех сенаторах, которые и после гибели Тацита остались враждебными любым императорам, не выдвинутым самим сенатом, в том числе Флориану и Пробу. Но среди оппозиции Пробу могли быть и сторонники Флориана. И все же большинство сената выступило на стороне Проба. А отказ преследовать союзников

³³⁰ PLRE I. P. 240. 736.

Флориана можно рассматривать как шаг нового императора к достижению согласия со всем сенатом. Надо заметить, что Флориан, как показывают сделанные в его честь надписи, не был подвергнут *damnatio memoriae*³³¹.

Отношение Проба к сенату видно из двух посланий, которые, по словам его биографа, он направил сенаторам. Первое было написано и отправлено после его провозглашения императором войсками, а второе — уже после получения им сенатусконсульта о его утверждении (SHA Prob. 11, 2–5; 13, 1). Эти послания, как и все другие подобные документы, приводимые в сборнике биографий, считаются фальшивками³³². Не берясь за обсуждение этого сложного вопроса, посмотрим на тенденции, выраженные в этих посланиях. Признано, что для создателей этого сборника самым главным признаком, определяющим «хорошего» или «плохого» императора, являлось его отношение к сенату³³³. Проб был для автора, писавшего о нем, без всякого сомнения, «хорошим» императором. Более того, даже Тацит, император, избранный сенаторами из своей среды, не вызывает у него такого восторга, как Проб. Как уже говорилось выше, такой же подход характерен и для других историков. В просенатской историографии Проб предстает по существу такой же идеальной фигурой, как Александр Север. А это предполагает, что, как и Александр, Проб тоже сделал ряд шагов навстречу сенату, даже если эти шаги были чисто демонстративными. Если с этой точки зрения посмотреть на упомянутые послания, то мы увидим, что новый император действительно постарался создать полное впечатление своего желания править вместе с сенатом, как это сделал и Александр.

В первом послании Проб полностью подтверждает право сената избирать императоров, как они сделали в прошлом году с избранием Тацита, и оправдывает свое выдвижение узурпацией Флориана, который, считая власть наследственной, не захотел ждать избрания нового императора сенатом. И только потому, что тот захватил власть (*imperium artipuit*), воины провозгласили его, Проба, августом. И теперь он просит сенат учесть его заслуги и обещает исполнять все, что тот ни прикажет (*facturus quicquid iusserit*). При этом сенаторов он называет *vestra clementia*. *Clementia* (милосердие) было свойственно Цезарю, и со времени Августа считалось императорской добродетелью, а в Поздней империи входило в титулатуру импера-

³³¹ Sauer E. Op. cit. S. 189.

³³² Syme R. Emperors... P. 240; John K.-P. Op. cit. S. 94.

³³³ John K.-P. Op. cit. S. 91.

торов³³⁴. Некоторые считают это доказательством позднего происхождения всего произведения и фальшивости самого послания. Но на это можно посмотреть и иначе. Использование этого выражения подчеркивало намерение Проба показать, что, несмотря на его провозглашение войсками, он будет полностью соответствовать сенатским чаяниям. Судя по тону первого послания, оно было составлено еще до смерти Флориана. Положение Проба в тот момент было довольно сложным. Его силы явно уступали силам Флориана, к которому еще и шли подкрепления³³⁵. И в этом случае стремление получить в союзники сенат оправдывало такое обращение.

Если верить «Флавию Вописку», этот ход Проба полностью себя оправдал. Сенат с энтузиазмом признал Проба и присвоил ему все императорские полномочия и звания (SHA Prob. 11, 6–12, 8). Разумеется, в эту идиллическую картину надо внести некоторые коррективы. Автор не уточняет, прошло ли какое-то время между получением сенатом послания и заседанием, на котором произошло признание нового императора. Он просто переходит от цитирования послания к рассказу о заседании. Думается, что сенат едва ли мог признать императором Проба до известия о смерти Флориана. Во-первых, нет никаких намеков на то, что тот был лишен трона, а во-вторых, армия Флориана все же стояла ближе к Риму, чем войско Проба, и никакие самые ластивые послания этого факта изменить не могли. Но после убийства Флориана положение изменилось. «Флавий Вописк» датирует это заседание 3 февраля (за два дня до февральских нонн). Гибель Тацита и провозглашение императорами сначала Флориана, а вскоре и Проба произошли, вероятнее всего, во второй половине июня или в июле 276 г.³³⁶ Точная продолжительность правления Флориана спорна, но она в любом случае не превышала двух-трех месяцев. Так что Проб остался единоличным правителем не позже октября. Если данные биографа верны, то у сената было на раздумье не меньше трех месяцев. Это, конечно, увеличивает сомнения в историчности всего изложения событий. Но и нет оснований полностью отрицать его. Надо еще учесть, что требовалось время на доставку сведений из Малой Азии в Рим. Явно только после этого сенат был готов обсуждать вопрос об утверждении Проба. В результате междоусобицы и последующего выбора сенатом императора авторитет сената явно вырос, и Проб

³³⁴ Wickert L. *Princeps* // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2234–2248; *Eisenhut W. Clementia* // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 1223.

³³⁵ *Sauer E. Op. cit.* S. 182–183.

³³⁶ Во всяком случае, до 29 августа: *Sauer E. Op. cit.* S. 180.

нуждался в нем для подтверждения своего выбора войском и мог не предпринимать решительных действий, могущих настроить сенаторов против него. Можно предположить, что в сенате, как и в 238 г., шли какие-то переговоры и обсуждения сложившейся ситуации.

Получив наконец сенатусконсульт с признанием его принцепсом и предоставлением ему всех необходимых полномочий, Проб направил сенату второе послание. В нем он предоставлял сенаторам право самим рассматривать апелляции на решения высших судей, назначать проконсулов, давать легатов бывшим консулам³³⁷, заместникам провинций давать преторское право и освящать сенатусконсультами законы, которые издаст Проб. По существу, здесь нет ничего такого, что резко расширяло бы полномочия сената, хотя, конечно, кое-что следует здесь уточнить.

Предоставив сенату право принимать апелляции на решения высших судей, Проб подтверждает положение сената как высшей судебной инстанции. Ранее сенат рассматривал дела по политическим преступлениям, в том числе по обвинениям в оскорблении величества, а также апелляции в частноправовых спорах³³⁸. Проб, вероятно, подтвердил сенатское право на прием апелляций, подчеркивая, что теперь сенат сам (*ipsi*) будет их принимать.

Три других пункта второго послания Проба относятся к управлению провинциями. Сенатскими провинциями, как известно, со времени Августа управляли проконсулы, официально посылаемые туда сенатом. На деле сенат лишь формально утверждал кандидатуру, называемую императором. Заявляя, что сенаторы будут назначать (*crearent*) проконсулов, Проб, по-видимому, хотел создать впечатление своего невмешательства в этот вопрос. Так же можно понимать и заявление нового императора о предоставлении сенаторам возможности давать бывшим консулам, т. е. тем же проконсулам, легатов. Что касается императорских провинций, то их заместники здесь именуются президами (*praesides*), как это становится обычным в III в.³³⁹ Президы отличались от легатов, ранее (частично и в это время) посылаемых императором в ту или иную провинцию. Их различие упоминается в сообщении биографа Александра Севера, когда он

³³⁷ Приставка *ex* прибавлена при издании еще в XVII в., в рукописном тексте говорится только *consulibus*, но непонятно, какие легаты могли бы быть у действующих консулов, в то время как консуляры, особенно если они занимают посты проконсулов, иметь легатов вполне могли.

³³⁸ Бартошек М. Указ. соч. С. 285; Volkman H. *Senatus* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 108.

³³⁹ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. *Op. cit.* P. 166.

говорит, что этот император многие легатские провинции (*provinciae legatorias*) сделал президскими (*praesidales*) (SHA Alex. 24, 1). Видимо, в отличие от легатов, имевших проконсульский или пропреторский ранг, а потому и обладавших всей полнотой власти в провинции, президы имели более ограниченный круг полномочий. Надо иметь в виду, что президы, особенно после реформы Галлиена, имели не сенаторский, а всаднический ранг. Они не были преториями, а потому и не имели преторского права. Теперь Проб предоставлял сенаторам расширить эти полномочия, давая президам *ius praetorium*. Это делало президов такими же полноправными наместниками, как и легаты проконсульского или пропреторского ранга.

И последний пункт послания относится к взаимоотношениям законодательных актов императора и сената. Говоря о сенатусконсультах, Проб, по словам автора, употребляет выражение *consecrant*. Глагол *consecro* относится к сфере священности. В императорское время *consecratio* означало обожествление покойного императора, и официально это было прерогативой сената³⁴⁰. Теперь сенат должен был возводить в ранг священных и законы живого правителя. И ни о каком утверждении законов императора речи нет. Это, естественно, на деле сводит роль сената к автоматическому освящению любого императорского распоряжения.

Важно отметить, чего нет в послании Проба. В нем нет даже намека на возвращение сенаторам их позиций в армии и «вооруженных» провинциях. Еще всего лишь четырнадцать лет назад реформу Галлиена сенаторы восприняли как оскорбление, а теперь даже не вспоминали о своем прежнем положении в этой сфере. Не содержится в послании Проба и обещания вернуть сенату в каком-либо виде право чеканки монеты. SC более не появляется на римских монетах. Вместо этого Проб, следуя Аврелиану, именуется на монетах *deus et dominus*³⁴¹. В отличие от Тацита он, опять же по примеру Аврелиана, прославляет Непобедимое Солнце, с которым явно себя идентифицирует³⁴². Таким образом, фактически никаких действительных уступок сенату Проб не сделал. Можно говорить лишь об уточнении и небольшом расширении сенатских прерогатив. По существу, дело ограничилось почти одной только декорацией. Но в сложившейся ситуации и декорация была важна. Своими демонстративными шагами Проб подчеркивал свое глубочайшее уважение к сенату.

³⁴⁰ Eisenhut W. *Consecratio* // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 1278.

³⁴¹ Polverini L. Op. cit. P. 1023; Alföldy A. Studien... S. 57.

³⁴² Drinkwater J. Op. cit. P. 56.

Так же Проб поступал и позже. О своих победах в Галлии, о которых пойдет речь несколько позже, он не просто, как это было обычно, сообщил сенату, но и направил ему золотые венки от побежденных, которые до этого являлись собственностью самого императора, подчеркивая этим, что честь победы принадлежит не столько ему, сколько Римскому государству, символом которого является сенат (SHA Prob. 15). В этом своем обращении он снова использует выражение *vestra clementia* (SHA Prob. 15. 4). Это подтверждает неслучайность его употребления. До сих пор термин *clementia* в связи с сенатом в *Historia Augusta* появлялся только раз. После подавления выступления Авидия Кассия и его гибели Марк Аврелий обращается к сенаторам с призывом проявить милосердие к оставшимся живым сторонникам погибшего мятежника, включая и некоторых сенаторов. Он говорит о благочестии и милосердии сенаторов (*meam pietatem clementiamque..., immo vestram*) (SHA AC 12, 3). Но это не обращение, как у Проба, а напоминание об этических качествах самого императора и сената. Надо отметить, что такое выражение не встречается ни в одной биографии даже тех императоров, которые рассматривались как «хорошие», в том числе Александра Севера и Клавдия. *Clementia*, хотя и была «приватизирована» императорами, была одной из старинных римских добродетелей, сестрой справедливости (*iustitia*)³⁴³. И Проб дважды, если верить его биографу, подчеркивает свое уважение к сенату как носителю старинных добродетелей. Вообще, все послание, как уже отмечено в науке, напоминает по своему тону панегирик, но в отличие от обычных панегириков его адресатом был не император, а сенат, а автором, наоборот, сам император³⁴⁴. Это резко отличает послание Проба от всех посланий, приводимых в сборнике. Даже если это послание не подлинное, оно хорошо отражает направление политики Проба: он всячески стремится показать, что является лишь высшим магистратом, действующим по поручению сената³⁴⁵. В некоторой степени это соответствовало юридической видимости, как она была разработана юристами II в., которые рассматривали императорскую власть как вид старого империя, данного римским народом³⁴⁶. Так, несколько позже Ульпиан писал, что власть принцепса исходит из закона, в силу которого народ дал ему империй и *potestas* (Dig. I, 4, 1). На деле практика императорского правления давно разошлась с юридической теорией, тем более во времена воен-

³⁴³ Wickert L. *Princeps*. Sp. 2235–2236.

³⁴⁴ *Johne K.-P.* Op. cit. S. 99.

³⁴⁵ Ср.: *Ibid.*

³⁴⁶ *Grelle F.* La forma dell'imperio // *Storia di Roma*. Torino, 1999. P. 373.

ной анархии. Но Проб решил продемонстрировать возвращение к «доброму старому времени» и соответственно признание сената высшим институтом государства. Характерна в этом отношении мотивировка отказа от преследования сторонников Флориана: они якобы последовали не за тираном, а за братом своего государя (SHA Prob. 13, 3). Этим он подчеркивал свое уважение к императору, избранному сенатом, не подвергая ни малейшему сомнению его законность³⁴⁷. Такая позиция Проба не могла не вызвать благодарной реакции сената, что отразилось в отношении к нему историографии.

Проб последовательно выстраивал свои отношения с сенатом, стремясь создать впечатление прихода к власти «хорошего» императора. Составной частью этих отношений стала и кадровая политика Проба. Так, став в 278 г. второй раз консулом, он избрал своим коллегой Вирия Лупа. За плечами Лупа была большая административная карьера. Он уже был при Галлиене консулом-суффектом и наместником Аравии и Келесирии, *iudex sacrorum cognitionum* на Востоке и Египте. В качестве такового он представлял персону императора при решении различных судебных дел во всей восточной части Империи³⁴⁸. Это была, вероятно, чрезвычайная судебная миссия, связанная, может быть, с разбором различных юридических казусов, возникших после крушения Пальмирского царства. После консульства Луп занял должность префекта Рима, причем занимал ее целых три года, с 278 по 280 г., в то время как обычно срок занятия этого поста составлял год. Но, может быть, не менее важным для Проба было то, что Луп принадлежал к сенаторской знати и был, по-видимому, патрицием. Его дед выдвинулся при Септимии Севере, выступая в должности наместника Британии против Клодия Альбина. Его отец и дядя прошли весь путь сенаторских магистратур от квесторства до ординарного консульства³⁴⁹. Проб ясно показывал, что он готов ввести в свое ближайшее окружение представителей сенаторской знати.

Большое значение придавал Проб идеологическому обоснованию своей власти. Следуя Аврелиану, он восстановил почитание Непобедимого Солнца, хотя, по-видимому, и отказался от попытки создать на основе этого культа общегосударственную религию и снова стал именовать себя *deus et dominus*³⁵⁰. Подчеркивая «вечность» своей власти, Аврелиан именовал себя *perpetuus*; Проб же предпочитал

³⁴⁷ Sauer E. Op. cit. S. 189.

³⁴⁸ О *cognitio sacra*: Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 73.

³⁴⁹ Hanslik R. Virius // RE. 1961. Hbd. 17A. Sp. 228, 235–238; Potter D. S. The Roman Empire... P. 275, 647.

³⁵⁰ Alföldy A. Studien... S. 57; Drinkwater J. Op. cit. P. 56.

ту же идею выразить эпитетом *aeternus*³⁵¹. Всем этим Проб, с одной стороны, показывал, что он продолжает политику Аврелиана, а с другой — подчеркивал свою «особость», в том числе и по отношению к этому чрезвычайно популярному в военных кругах, но, может быть, не очень любимому сенаторами императору. Однако Проб пошел еще дальше. На его монетах легенда *ORIGO AUG* сопровождается изображением близнецов Ромула и Рема и кормящей их волчицы³⁵². Проб, таким образом, возводил свою власть и, может быть, даже само свое происхождение к основателям Рима. Это тоже подчеркивало его самостоятельность по отношению к предшественникам.

Другой важной стороной его идеологической политики было стремление позиционировать себя как поборника мира. О мире говорили практически все римские императоры начиная с Августа, который построил Алтарь Мира на Марсовом поле и гордился тем, что за время его правления храм Януса закрывался три раза, в то время как за всю предшествующую историю только дважды. Но теперь это стало особенно важным. Хотя сам Проб чуть ли не всю свою сознательную жизнь провел в армии и был абсолютно военным человеком, он не мог не сознавать, что за долгие годы многочисленных внешних и гражданских войн Империя устала и лозунг мира оказывался весьма актуальным. Частыми легендами его монет становятся *PAX*, *HILARITAS*, *SPES*³⁵³, и ясно, что радость и надежда являются следствиями установленного императором мира. Но Проб не ограничился обычной идеей *pax Augusta*, какая пропагандировалась его предшественниками. Историки с некоторыми вариантами приводят его слова о том, что он надеется, что скоро войны вообще будут не нужны (*SHA Prob.* 20, 3–5; *Eutrop.* IX, 17, 3; *Aur. Vict.* 37, 4). Даже если эта фраза в том виде, в каком она приведена авторами, выдуманна, она отражает идею Проба и впечатление, какое эта идея произвела³⁵⁴. «Флавий Вописк» восторженно пишет, что неминуемо пришло бы счастье и наступил золотой век, если бы Проб сумел провести в жизнь свое желание мира (*SHA Prob.* 23, 1–3). Из этих восторженных и в то же время печальных (поскольку идея не осуществилась) слов римского автора видно, что заявление Проба произвело должное впечатление. Конечно, сам император и, может быть, его окружение и пропагандисты утверждали, что это возможно только после по-

³⁵¹ *Carrié J.-M., Rousselle A.* Op. cit. P. 107.

³⁵² *Alföldy A.* Studien... S. 236.

³⁵³ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 307.

³⁵⁴ Ср.: *Ростовцев М. И.* Указ. соч. С. 177.

бедоносного окончания всех войн и подавления всех внутренних беспорядков. Трудно сказать, насколько такая позиция Проба была искренней или, наоборот, демагогичной. Во всяком случае он пытался доказать, что при первой возможности намерен ее реализовать. В отсутствие войны он заставил солдат осушать земли Паннонии и Мезии и сажать там виноградники (SHA Prob. 21, 2; Eutrop. IX, 17, 2; Aur. Vict. 37, 4; Epit. 37, 3)³⁵⁵.

Эта «пацифистская» идея была, возможно, частью общей программы внутренней политики Проба. Жестокий экономический и сопровождавший его демографический кризисы³⁵⁶ требовали значительного внимания. Собственно, и его предшественники не оставляли экономику вне всякого внимания. Но обращалось оно в основном на финансы и налоги. Мы знаем не только о галопирующей инфляции, но и о денежной реформе Аврелиана, налоговой реформе Филиппа и соответствующей контрреформе Деция. Заслуга Проба была в том, что он обратился к реальному сектору экономики. Какие-то схожие планы, по крайней мере по отношению к Италии, строил еще Аврелиан. Он намеревался раздать бесплатно всем желающим пустующие плодородные земли в Этрурии, чтобы там развести виноградники, но эти планы не были реализованы, в том числе и из-за противодействия высшей бюрократии (SHA Aur. 2–3). Проб не только выдвинул подобные планы, но и принял меры по восстановлению сельского хозяйства и в первую очередь виноградарства. В свое время Домициан, стремясь уберечь италийское виноделие и виноградарство от провинциальной конкуренции, приказал вырубить половину виноградников в провинциях (Suet. Dom. 7, 2). Теперь положение радикально изменилось. Земледелие, в том числе и виноградарство, находились в глубоком упадке. Лучшим доказательством этого являются только что упомянутые планы Аврелиана. Проб не только разрешил виноградарство в провинциях, но и всячески поощрял его (SHA Prob. 18, 8; Aur. Vict. 37, 3; Epit. 37, 3). Литературные источники говорят только о европейских провинциях — Галлии, Паннонии, Мезии и даже Британии. Но археологические данные показывают, что этот декрет позволил возродиться и виноградарству в Африке³⁵⁷.

³⁵⁵ Если верить биографу, Проб, еще до своего провозглашения императором руками воинов проводил обширные работы в Египте, способствующие подъему местной экономики и соответственно увеличению поставляемой этой страной хлебной подати (SHA Prob. 9, 3–4).

³⁵⁶ О демографическом кризисе в Римской империи: *Le Glay M. Grandeza...* P. 330–344.

³⁵⁷ *Peyras J. Le Fundus aufidianus: étude d'un grand domain romain de la région de Mac-tar // Antiquités africaines. 1975. T. 9. P. 216.*

Конечно, немедленный эффект от этой меры Проба ожидать было трудно. Но шаг к возрождению земледелия он все-таки сделал. Несомненно, в этом же направлении шло распоряжение Проба о насильственном привлечении населения Египта к восстановлению плотин³⁵⁸. Конечно, в данном случае император думал в первую очередь о снабжении Рима и армии египетским хлебом, но это распоряжение помогало и египетским земледельцам. Возрождение сельского хозяйства должно было сопровождаться и развитием торговли, которая никогда, конечно, не прекращала своего существования, но явно пришла в упадок. О внимании Проба и к этой стороне имперского хозяйства свидетельствует его рескрипт, направленный на существование круглогодичного рынка в нумидийской Цирте³⁵⁹. С задачей экономического возрождения Римской империи связано решение Пробом проблемы трудовых ресурсов. Но парадокс заключался в том, что это решение было возможным только в результате его победоносных военных кампаний.

Хотя Проб, как говорилось выше, позиционировал себя как «императора мира», большую часть своего правления он провел в войнах. Особенно серьезной оказалась ситуация в Галлии. Воссоединение с Империей не принесло этой стране мира и покоя. Еще сразу же после убийства Постума там начались различные волнения, которые, впрочем, как мы видели, способствовали признанию власти Аврелиана. После же убийства и этого императора там бесчинствовали германцы. «Флавий Вописк» даже говорит, что Галлия была захвачена (*possessae*) германцами. А далее он утверждает, что Проб, воюя с варварами, отбил у них 60 знатнейших общин (*SHA Prob. 13, 5–6*). Если это и преувеличение, то оно все же отражает масштаб германских вторжений в Галлию. В значительной степени эти слова подтверждаются археологическими данными. Почти на всей территории Галлии найдены следы огромных насильственных разрушений. В результате этого вторжения была разрушена и полностью оставлена населением часть Лютеции, расположенная на левом берегу Секваны, и население сосредоточилось на острове, для укрепления которого были использованы остатки разрушенного поселения³⁶⁰. Разрушениям подверглась даже Бурдигала на атлантическом побережье. Найдено также больше двухсот кладов монет, что свидетельствует о попытках населения (по крайней мере, его более богатой части) спасти

³⁵⁸ *Millar F. The Roman Empire...* P. 194.

³⁵⁹ *Ibid.* P. 181.

³⁶⁰ *Brogan O. Roman Gaul. Cambridge (Mass.), 1953.; Millar F. The Roman Empire...* P. 166.

свои богатства от варварских нападений³⁶¹. Следы разрушений отмечены и в Испании, где тоже уничтожались виллы и некоторые сравнительно небольшие города³⁶². Вполне возможно, что до Испании варвары не добрались, а разрушения связаны с народными волнениями³⁶³, но и в таком случае этому способствовало общее ослабление имперской власти на западе государства. Известно, что несколько позже, в 283–284 гг., императору Карину пришлось иметь дело в Галлии с мощным восстанием багаудов³⁶⁴. Вполне возможно, что это восстание началось еще раньше, и не только варварским вторжениям, но и действиям багаудов обязаны по крайней мере некоторые разрушения в Галлии³⁶⁵. Без нормализации ситуации в Галлии и на Рейне никаких шагов по оздоровлению Империи сделать было нельзя. Проб понял это сразу. Судя по его биографии, он, обменявшись посланиями с сенатом и взяв под свое командование легионы убитого Флориана, тотчас направился в Галлию (SHA Prob. 13, 4–5).

Зосим (I. 67, 1) говорит о двух победоносных войнах Проба против германцев. Сначала его противниками были явно аламаны³⁶⁶, а затем, по словам Зосима (I, 67, 3), — лонгионы. Зосим даже называет имя их вождя — Семнон. Лонгионы — это те же лугии, которых упоминал еще Тацит (Germ. 43–44), считавший лугиев самым значительным восточно-германским народом. Однако тацитовские лугии — не единое племя, а объединение нескольких племен. Поэтому было высказано мнение, что либо лугии — другое название вандалов, либо, вероятнее, вандалы были частью лугского объединения³⁶⁷. Правда, Тацит среди лугских племен вандалов не называет; по его мнению, наиболее значительные civitates лугиев — гарии, гелъвеконы, манимы, гелизии и наганарвалы. С другой стороны, Тацит вандалов-вандилиев все же

³⁶¹ Le Glay M. Grandeza... P. 299–300.

³⁶² Tovar A. y Blázquez J. M. Historia de Hispania Romana. Madrid, 1975. P. 141; Mangas J. La sociedad de la Hispania Romana // Historia de España. Madrid, 1982. T. II, 2. P. 61.

³⁶³ Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000. С. 268.

³⁶⁴ Demougeot E. Op. cit. P. 529–530; Le Glay M. Bagaudes // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 805.

³⁶⁵ «Флавий Вопписк» различает волнения в Галлии (turbatae) и овладение страной варварами (possessae). Он пишет, что волнения начались после убийства Постума, но не пишет, закончились ли они ко времени правления Проба. Сообщения о волнениях и действиях варваров соединены в одной фразе. Можно сказать, что вторая часть фразы не противоречит первой, а дополняет ее. В таком случае очень вероятно, что волнения в Галлии продолжались и во время действий там варваров. Это вполне могло быть восстание багаудов, хотя, конечно, могли иметь место и другие волнения.

³⁶⁶ Alföldy A. Studien... S. 333.

³⁶⁷ Miltner F. Vandalen // RE. 1955. Hbd. 15A. Sp. 300; Diesner H.-J. The Great Migrations. Leipzig, 1978. P. 123.

знает: он называет их среди таких германских племен, как свевы, марсы, гамбрии, которые, по его словам, носят древние и подлинные имена (Germ. 2). При этом историк ссылается на древние германские песнопения, так что можно думать, что сами вандалы возводили свое происхождение непосредственно к детям бога-прародителя Манна. Птолемей (IV, 11, 10) тоже упоминает лугиев, а одновременно с ними силингов, которые в позднейших источниках выступают как вандалское племя. Можно предположить, что вандалы и лугии были частью какого-то племенного восточно-германского объединения, которое для далекого римского наблюдателя могло выступать под именем и лугиев, и вандалов. Возможно, что вандалы были частью лугского объединения. Сейчас ученые полагают, что лугии-лонгионы вообще были не племенем (*'ēθvos*, как пишет Зенон), а культовым союзом, в который входили различные племена, включая вандалов³⁶⁸. Однако возможно, что этот союз в каких-то случаях мог выступать и как военное объединение. В связи с этим вспоминается союз 12 этрусских городов-государств, который носил несомненный культовый характер, но в соответствии с общим решением, хотя не жестко обязательным, мог предпринимать общие военные действия под единым руководством одного из царей этого двенадцатиградья³⁶⁹. Если вандалы входили в число зосимовских лонгионов, то они явно не примирились с поражением, ибо затем Зосим (I, 68, 1) упоминает вандалов и бургундов среди врагов, с которыми Проб сражался во время второй своей кампании. Действуя и непосредственно сам, и поручая командование отдельными армиями своим полководцам, Проб сумел добиться значительных успехов, не только выбив варваров из Галлии, но и перейдя Рейн и одержав победу также на территории свободной Германии. Если верить биографу, то Проб даже основал на правом берегу Рейна укрепления (*castra*), которые должны были защищать римскую границу от новых варварских вторжений (SHA Prob. 13, 8). Победы римлян, по словам Зосима (I, 67, 3; 68, 3), были оформлены соответствующими соглашениями (*ρηταῖς, ὁμολογίαις, σπονδαῖς*). Именно в соответствии с этими соглашениями Проб предоставил зарейнским германцам поля, дома, зернохранилища, продовольствие (*ἀποπάμ*), часть их поселив в районе Рейна, а часть даже переселив в далекую Британию (SHA Prob. 14, 1; Zos. I, 68, 3).

Однако, несмотря на триумфальные реляции самого Проба и панегирические сообщения древних авторов, эффективность побед Проба

³⁶⁸ Cüppers H. Lugii // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Sp. 769; Paschoud F. Notes. P. 182.

³⁶⁹ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 198–112.

и его генералов не надо преувеличивать. На Нижнем Рейне успехи полководцев Проба были далеко не такими большими³⁷⁰. Даже биограф Проба признает, что и после его побед военные действия на Рейне не прекращались, и замечает, что окончательное решение «германского вопроса» было возможно только в случае полного покорения Германии (SHA Prob. 14, 2–5). Доказательством этого является восстание франков, поселенных после победы над ними на Нижнем Рейне. На своих кораблях они беспрепятственно прошли в Средиземное море, разграбили побережье Греции, разорили Сиракузы на Сицилии и пытались захватить Карфаген. Встретив там сопротивление, они спокойно вернулись на свои прежние места (Zos. I, 71, 2). Восстали и некоторые другие племена, поселенные Пробом на римской земле (SHA Prob. 18, 2). «Флавий Вописк» пишет, что Проб разгромил повстанцев, так что только немногие сумели вернуться (SHA Prob. 18, 3), но слова Зосима, что франки смогли возвратиться к себе, не понеся никаких потерь, заставляют сомневаться в утверждении восторженного биографа.

Обострение положения в восточной части Империи заставило Проба направиться на Балканы. Тут ему пришлось вести упорную борьбу с бастарнами и другими народами, вторгнувшимися на римскую территорию. Здесь его армия одержала очередные победы, и гордый Проб именует себя *restitutor Illiriae*³⁷¹. По случаю своих побед Проб принимает титулы *Germanicus* и *Gothicus* (ILS 597), как это делали и его многочисленные предшественники. На какое-то время варварская угроза была ликвидирована, хотя говорить о полной стабилизации положения ни на рейнской, ни на дунайской границе невозможно³⁷². Готы же, как кажется, все же были выведены из игры. Характерно, что после Проба и вплоть до Константина ни один император не принимает титул *Gothicus maximus*³⁷³. Это может говорить о том, что войн с готами, а, следовательно, и побед над ними на какое-то время уже не было.

Нападения и бесчинства варваров были не единственной угрозой для Империи. В самом Риме произошли беспорядки, вызванные выступлением гладиаторов. Зосим (I, 71, 3) рассказывает, что около 80 гладиаторов вырвались на свободу и занялись грабежом. Это не очень-то значительное событие послужило, однако, толчком к более широкому выступлению, ибо вместе с гладиаторами стали действовать

³⁷⁰ Demougeot E. Op. cit. P. 527.

³⁷¹ Hanslik R. Aurelius // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 769.

³⁷² Potter D. S. The Roman Empire... P. 278.

³⁷³ Demougeot E. Op. cit. P. 429.

и еще «многие» (πολλῶν... συναμυθέντων αὐτοῖς). Неизвестно, выдвигали ли бунтовщики какие-либо требования или ограничились обычными грабежами и мародерством. Но ясно, что масштаб этого выступления был столь значительным, что сами римские власти справиться с ним не могли, и пришлось вмешаться императору, который направил туда войска, подавившие это движение.

В Малой Азии некий исавриец Лидий («Флавий Вописк» называет его Пальфуэрием) стал разорять Ликий и Памфилию. Зосим и «Флавий Вописк» называют его и его сторонников разбойниками (λῆστοί, latro). Речь, видимо, идет о выступлении так до конца и не покоренных исаврийских горцев³⁷⁴. Недаром римский автор называет их варварами, которые находились в Исаврии (barbari, qui apud Isauros sunt). «Требеллий Поллион» говорит, что варварами исаврийцев считают с тех пор, как они подняли мятеж при Галлиене и провозгласили императором пирата Требеллиана. Этот мятеж был подавлен одним из полководцев (dux) Галлиена, Камсислеем, но, укравшись в своих почти неприступных горах, исаврийцы остались недосыгаемыми для римских войск (SHA Trig. tyr. 26). Выступление Лидия-Пальфуэрия можно считать продолжением мятежа Требеллиана. По словам биографа, Проб после освобождения от мятежников народов и городов (populis atque urbibus) восстановил в Исаврии римские законы (Romanis legibus restitutes). Это ясно говорит о довольно широком масштабе движения, в ходе которого были уничтожены римские порядки. Отряд Лидия захватил хорошо укрепленный город Кремну, и только после долгой осады и с помощью предательства римлянам удалось убить самого Лидия и отвоевать Кремну (Zos. I, 69–70; SHA Prob. 16, 4–5).

В Египте развернулась настоящая гражданская война, в ходе которой город Птолемаида выступил против другого города — Коптоса. Соперничество городов не было новостью в древности вообще и в римское время в частности. Так, Тир и Сидон соперничали за первенство в Финикии. В условиях гражданской войны и вообще ослабления центральной власти такое соперничество могло перерасти в открытые военные действия. Например, во время войны между Септимием Севером и Песцением Нигером Лаодикея выступила против Антиохии, активно поддерживавшей Нигера (Herod. III, 3, 3)³⁷⁵.

³⁷⁴ Shaw B. D. Il bandito // L'uomo romano. P. 352.

³⁷⁵ И. Ш. Шифман в связи с этими событиями отмечает, что локальные интересы, в том числе старинное соперничество между городами, являлись очень важным фактором, определяющим позицию каждого из них: Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 280–281.

Поэтому и в столкновении между Птолемаидой и Коптосом в принципе нет ничего необычного. Однако в эту борьбу вмешались блеммий, которые выступили на стороне Птолемаиды, но, воспользовавшись обстоятельствами, установили свой контроль над обоими городами³⁷⁶. В конце концов римская власть была восстановлена и здесь (Zos. I, 71, 1; SHA Prob. 17, 2–3).

Наконец, при Пробе снова возникла угроза узурпаций. Безусловный авторитет Аврелиана и его железная хватка привели к тому, что его генералы и провинциальные наместники даже не пытались захватить власть. Даже после его убийства никому из них не пришло в голову предъявить на нее какие-либо претензии, и они спокойно доверили выбор нового императора сенату. Проб же явно не пользовался таким авторитетом, да к тому же он и сам уже выступал против правящего императора. Зосим (I, 66) помещает рассказы об узурпации Сатурнина сразу после повествования о приходе Проба к власти и наказании им убийц Аврелиана. Однако теперь ясно, что это произошло в более позднее время, вероятно, не ранее 280 г.³⁷⁷ Приблизительно эту или немного более позднюю дату (шестой год правления Проба) дает Синкелл (р. 723).

Юлий Сатурнин, как кажется, был первым, кто поднял мятеж против Проба. Зосим (I, 66, 1) и Зонара (XII, 29) считают его мавром, а биограф — галлом (SHA Quadr. tyr. 7, 1). Сейчас больше склоняются к версии греческих авторов³⁷⁸, хотя существует и компромиссная версия, что Сатурнин был галлом и командовал мавретанской специальной воинской частью³⁷⁹. Видимо, он тоже относился к той группе профессиональных военных, которые заняли высшие посты в результате профессионализации армейского командования и реформ Галлиена. Впрочем, в отличие от самого Проба или Аврелиана он, может быть, происходил не из «низов». Во всяком случае, по словам биографа, Сатурнин получил хорошее образование, обучаясь в Африке и в Риме (SHA Quadr. tyr. 10, 4). «Флавий Вописк» называет Сатурнина среди самых крупных (summus) полководцев Аврелиана, который направил его на Восток (SHA Quadr. tyr. 7, 2). Входил Сатурнин и в ближайшее окружение Проба: Зосим называет его другом, близким соратником (ἐπίτιθεῖος) императора. Он пишет, что именно по этой причине Проб и поручил Сатурнину управление Сирией. В этом качестве он занимался, в частности, восстановлением

³⁷⁶ Desanges J. Op. cit. P. 345–346.

³⁷⁷ Paschoud F. Notes. P. 181–182, 184; Potter D. S. The Roman Empire... P. 277.

³⁷⁸ Paschoud F. Notes. P. 182.

³⁷⁹ Alföldy A. Studien... S. 383. Ученый не уточняет происхождение Сатурнина.

разрушенной землетрясением Антиохии (Euseb. Chron. I, 723). В Антиохии он и был провозглашен императором. Его власть признал весь Восток, включая Египет (SHA Prob. 18, 4; Quadr. tyr. 9, 2). Перед нами классический военный мятеж, какие уже не раз бывали в эту неспокойную эпоху. И, по-видимому, едва ли есть смысл искать какие-либо социальные или политические его причины. Проб, если верить биографу, пытался мирно договориться с Сатурнином, но наталкивался на недоверие солдат (SHA Quadr. tyr. 11, 2). И все же этот мятеж закончился так, как заканчивались и некоторые другие военные мятежи: при приближении армии Проба солдаты сами убили Сатурнина (SHA Quadr. tyr. 11, 3; Zos. 66, 1; Sync. P. 723).

Приблизительно в это же время или немногим позже в Галлии и на Рейне вспыхнули мятежи Прокула и Боноса. Прокул происходил из местной знати Приморских Альп и обладал довольно значительным имуществом. Во всяком случае, став императором, он вооружил 2 тысячи своих рабов (SHA Quadr. tyr. 12, 1–2). Скорее всего, речь идет о его личной гвардии. Однако считать Прокула представителем провинциальной знати едва ли возможно. О его карьере ничего не известно, но из сообщений «Флавия Вописка» мы знаем, что он командовал многими легионами и проявил храбрость (SHA Quadr. tyr. 12, 5). Именно эта храбрость и стала, по-видимому, причиной, по которой восставшие жители Лугдуна провозгласили его императором (SHA Quadr. tyr. 13, 1). Биограф называет причиной этого восстания то, что лугдунцы были *graviter contusi* Аврелианом и очень страшились (*vehementissime pertimescebant*) Проба. Использование причастия глагола *contundo* (бить, избивать, изнурять, смирять и т. п.) показывает, что город испытал какие-то репрессии со стороны Аврелиана. А страх горожан перед Пробом мог быть связан с их участием в волнениях в Галлии, которые проходили, как об этом говорилось выше, в начале его правления, может быть, даже каким-либо образом с начавшимся движением багаудов³⁸⁰. Власть Прокула, по-видимому, признала значительная часть Галлии. Продолжительность его узурпации неизвестна, но она явно была относительно длительной, если он не без славы и блеска (*non sine gloriae splendore*) успел отбить нападение аламанов. Однако в борьбе с армией Проба он потерпел поражение и бежал к франкам, которые его выдали императору, после чего он был убит (SHA Quadr. tyr. 13, 3–4).

Аврелий Виктор (37, 3), говоря о подавлении мятежа и убийстве Сатурнина и Боноса, использует наречие *simul*. Это может, хотя и не

³⁸⁰ Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Т. II. С. 638.

обязательно, означать, что мятежи этих узурпаторов происходили приблизительно одновременно. Не получив никакого образования, Бонос начал военную карьеру с нижних ступеней, добравшись до должности командира ретийского лимеса (*dux limitis Raetici*) (SHA Quadr. tyr. 14, 1–2). «Флавий Вописк» связывает мятеж Боноса с нападением германцев на римские суда на Рейне (SHA Quadr. tyr. 15, 1), а Евтропий (IX. 17, 1) и тот же «Флавий Вописк» в другом пассаже (SHA Prob. 18, 5) называют местом его выступления (а может быть, его центром) Колонию Агриппину. Из этого можно сделать вывод, что Бонос к началу своего мятежа командовал рейнским флотом³⁸¹. Биограф пишет, что Бонос удерживал власть (*imperiū*) дольше, чем того заслуживал (SHA Quadr. tyr. 15, 1). Не совсем понятна сентенция автора, но в любом случае она ясно указывает на относительно долгий период узурпации Боноса.

В биографии Проба ясно говорится, что галльские узурпаторы присвоили провинции Галлии «в брюках» (*bracatae*), Британии и Испании (SHA Prob. 18, 5). Автор и здесь, и немного ниже говорит о Прокуле и Боносе вместе, что подчеркивается глаголом *vindicarent* во множественном числе. Означает ли это, что они действовали совместно? Едва ли. Скорее всего, биограф просто объединяет сведения об этих двух выступлениях. Может быть, оба узурпатора претендовали на власть во всех этих провинциях. Однако реализовали ли они оба эти притязания, неизвестно. Установить относительную хронологию выступлений Прокула и Боноса трудно. Можно только, исходя из того, что автор «Квадриги тиранов» поместил биографию Боноса после жизнеописания Прокула, осторожно предположить, что мятеж Боноса имел место после восстания Прокула³⁸². Бонос происходил из испанской семьи (*domo Hispaniensi fuit*), но родился в Британии, а мать его была из Галлии (SHA Quadr. tyr. 14, 1). Перечисление этих родственных связей Боноса совпадает с наименованием провинций, отправших от Проба. В Испании после гибели Проба его имя было выскоблено из многих надписей (например, ILS 597)³⁸³. Это может свидетельствовать о подлинном отношении испанцев к этому императору³⁸⁴. И в таком случае это отношение явно связано с выступлением Боноса и его

³⁸¹ Hanslik R. Bonosus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 928.

³⁸² Не исключена, однако, и обратная последовательность: Demougeot E. Op. cit. 528.

³⁸³ Balil A. Hispania en los años 260 a 300 // Emcrita, 1959. T. 27. P. 283–284.

³⁸⁴ Существует мнение, что это вычеркивание имени Проба обязано *damnatio memoriae* этого императора: Kulikowski M. Late Roman Spain and Its Cities. Baltimore; L., 2004. P. 32. Однако данных об официальном осуждении памяти Проба нет. Поэтому представляется, что скорее всего это объясняется самодеятельностью испанцев.

подавлением. Поэтому, как кажется, можно предположить, что Испания входила в состав империи Боноса. Связи в Испании, Британии и Галлии могли облегчить Боносу присоединение к нему этих территорий. Поэтому вполне возможно, что сообщение биографа Проба о присвоении неким узурпатором Галлии, Британии и Испании относится именно к Боносу. К тому же указание на относительную длительность власти Боноса косвенно говорит о большей, чем у Прокула (длительность его правления биограф не отмечает), территории, подчиненной Боносу, что требовало и большего времени для восстановления контроля законного императора³⁸⁵.

Независимо от того, оба ли узурпатора подчинили себе Галлию, Испанию и Британию, или это сделал один из них, скорее всего — Бонос, перед нами по существу восстановление Галльской империи, какой она была во времена Постума. Перед римским императором реально маячила угроза нового распада государства. Поэтому Проб принял решительные меры для подавления этих узурпаций. Бонос, как и Прокул, в конечном итоге был разбит и покончил с собой (SHA Quadr. tyr. 15, 2).

Зосим (I, 66, 2) пишет еще об одном восстании, которое на этот раз произошло в Британии. Для его подавления Проб направил на остров одного из своих ближайших советников, Викторина, назначив его наместником. Зосим говорит, что Викторин с большим умением уничтожил тирана. Использование им слова *tyrannos* ясно говорит о попытке узурпации. И это явно было самостоятельное выступление, а не эпизод мятежа Прокула или Боноса, хотя имя «тирана» неизвестно. В другом месте (I, 68, 3) Зосим упоминает о том, что переселенные Пробом в Британию варвары участвовали в подавлении там восстания. Речь, конечно же, идет о том же самом восстании³⁸⁶.

Выступления Сатурнина, Прокула, Боноса и анонимного британского «тирана» говорят о том, что полностью стабилизировать положение в государстве Проб так и не смог. Он не назначал ни соправителя, ни доверенного полководца, который бы от его имени управлял частью Империи. Однако эти мятежи, происходившие, вероятнее всего, в 280–281 гг., показывали, что одному императору управлять всем огромным государством по крайней мере чрезвычайно трудно.

³⁸⁵ Это не опровергает того, что и Прокул мог претендовать на все эти территории.

³⁸⁶ Paschoud F. Notes. P. 184. Поэтому представляется некорректным мнение, что в III в. Британия была единственной провинцией, не выдвинувшей ни одного претендента на императорский трон: Эрлихман В. В. Трансформация институтов власти в позднеримской Британии (IV–V вв.) // *Studia historica* — IV. М., 2004. С. 128.

Рассматривая военные действия этого времени, надо отметить, что во «внешних» войнах император предпочитал действовать сам, хотя и мог поручать ведение тех или иных кампаний своим генералам. Иначе обстоит дело со «внутренними» войнами. Здесь Проб поручал командование своим полководцам. Сатурнина убили собственные солдаты. Анонимного «тирана» в Британии уничтожил Викторин не без помощи германцев. В подавлении мятежей Прокула и Боноса огромную роль также сыграли германцы. Видимо, Проб, решительно подавляя различные мятежи и не уступая ни капли своей власти, в то же время старался минимизировать в глазах общественного мнения свое участие в гражданских войнах. Потомков и родственников мятежников он щадил. Проб явно создавал себе имидж решительного, но в то же время милостивого императора, каким и должен быть «хороший» принцепс, подобный, например, Марку Аврелию, который столь же милостиво отнесся к детям, жене и зятю Авидия Кассия.

Что же касается «внешних» войн, то здесь Проб представлял себя спасителем государства от варварских нашествий. Одним из лозунгов его правления становится «безопасность». Важное место на монетах Проба занимает фигура *Securitas*. При этом он на первый план выдвигал свою роль как полководца римского народа и сената. Недаром, как говорилось выше, он не просто сообщал сенату о своих победах, но и подчеркивал, что честь побед принадлежит народу и государству, воплощением которых является именно сенат. В какой-то степени он показывал, что якобы воплощает в жизнь выраженную в свое время в послании Эмилиана сенату идею о том, что император — лишь полководец сената. В 281 г. Проб наконец прибыл в Рим, где справил свой великолепный триумф, сопровождаемый грандиозными зрелищами. И в этом случае он подчеркивал, что празднует победу над варварами — германцами, блеммями, сарматами (SHA Prob. 19). О победах над узурпаторами нет даже намска. Проб как бы возвращается к республиканской традиции, прерванной только Цезарем, отмечать триумфами победы над внешними, а не над внутренними врагами. Правда, среди пленных были и исаврийцы, которые уже давно считались подданными римского народа. Но в данном случае биограф подчеркивает, что речь идет об исаврийских разбойниках (*latronibus Isauris*), а отношение к разбойникам и пиратам было всегда особое, и победы над ними всегда отмечались.

Очень важен еще один момент. Проб не ограничился обеспечением по крайней мере, как ему казалось, безопасности римских границ. Он использовал победы над варварами для решения внутривнутриполитических задач. Галльским земледельцам (*cultoribus*) были переданы

захваченные у германцев стада рабочего скота, и хлеб, отнятый у побежденных, заполнил, как гордо сообщал сам Проб, римские зернохранилища (SHA Prob. 15, 6). Если эти слова и преувеличение, а само императорское послание могло быть изобретением биографа, в самом факте использования полученной в ходе германских кампаний добычи для экономического возрождения опустошенной в предшествующее время Галлии едва ли надо сомневаться³⁸⁷. Но, как уже говорилось, война стала необходимой и для решения проблемы трудовых ресурсов. Часть побежденных германцев Проб включил в римскую армию (SHA Prob. 14, 7). Их было не так уж много, всего 16 тысяч³⁸⁸, да и распределены они были по отдельным воинским частям и подразделениям для того, чтобы, по-видимому, не создавать опасность их мятежа. Гораздо большую часть Проб использовал для другого. Уже говорилось, что франки были поселены на Нижнем Рейне. Пленных, захваченных во время второй кампании, Проб переселил в Британию (Zos. I, 68, 3). Во Фракии были поселены бастарны (SHA Prob. 18, 1). В различных местах Империи стали жить гепиды, вандалы и другие племена (SHA Prob. 18, 2). Не всегда результаты этих заселений оказывались удовлетворительными. Так, мятежи поднимали франки, гепиды, вандалы, гревтунги, т. е. часть готов³⁸⁹. В других случаях такие меры Проба были весьма эффективны. «Флавий Вописк» подчеркивает, что поселенные во Фракии бастарны сохраняли верность Риму. Варвары, поселенные в Британии, активно участвовали в подавлении мятежа в этой стране.

Проб не был первым, кто таким образом использовал пленных варваров. Это уже делал Август, делал, как мы видели, и Клавдий Готский (SHA Claud. 9, 4; Zos. I, 46, 2). Однако, как кажется, масштаб поселений, проведенных Пробом, варваров на римской земле во много превосходил то, что было сделано Клавдием. Если верить биографу, то только во Фракии Проб поселил 100 тысяч бастарнов (SHA Prob. 18, 1). О количестве других поселенных варваров сведений нет. Но оно должно было быть значительным. Зосим (I, 68, 3), говоря о переселении пленных варваров в Британию, пишет, что речь идет обо всех тех, кто выжил после его экспедиции. Если гепиды, вандалы и другие племена, тоже поселенные на римской территории, смогли не только поднять мятеж, но и, как пишет «Флавий Вописк», разойтись

³⁸⁷ Drinkwater J. Op. cit. P. 56.

³⁸⁸ По словам его биографа, Проб говорил, что помощь варваров римским войскам должна быть ощутимой, но невидимой (*senticndum esse non videndum*).

³⁸⁹ Буданова В. П. Указ. соч. С. 174–175.

почти по всему римскому миру (*per totum paene orbem*), нанося при этом чувствительные удары римской славе, то это значит, что число их было довольно значительным. Гражданские войны и варварские вторжения, естественно, сопровождаемые разорениями и убийствами, эпидемии, которые не хотели покидать Римскую империю, экономические трудности, неминуемо влияющие на уровень жизни и на демографический баланс, привели к уменьшению населения. Конечно, это уменьшение ощущалось в разных регионах по-разному, но в целом демографический кризис был налицо³⁹⁰. И поселение варваров должно было хотя бы частично компенсировать убыль населения.

Об условиях поселения варваров на римской земле авторы не говорят. Биограф пишет, что на тех же условиях, что и бастарнов, Проб поселил «многих из других племен» (*ex aliis gentibus*), и речь шла при этом о гепидах, вандалах и гревтунгах (*SHA Prob. 18, 2*). Выражение *ex... gentibus* может говорить о том, что селились все же не целые племена, а какая-то их часть. Несколько другое впечатление производит сообщение Зосима о поселении варваров в Британии. Из него можно сделать вывод, что переселено было на этот остров все племя. Зосим называет имя вождя — Игилл, который тоже был захвачен в плен. Можно думать, что он и возглавил переселенцев. Эти переселенцы приняли активное участие в подавлении восстания в Британии (*Zos. I, 68, 3*). Следовательно, они были вооружены. И упомянутые выше мятежи некоторых переселенцев также говорят об их вооружении. Возможно, эти варвары были поселены на правах летов, которые и на территории Империи сохраняли свою родоплеменную организацию и вооружение и должны были по приказу римлян участвовать в их войнах³⁹¹. В то же время, как об этом уже говорилось, условия капитуляции германцев были, по Зосиму, оформлены какими-то соглашениями (*ῥηταῖς ὁμολογίαις, πλυνδᾶς*). Не является ли это зародышем системы федератов, отношения с которыми определялись соответствующими договорами и которые в отличие от летов в правовой сфере приравнивались к римлянам?

Заметим еще один момент. Германцы Игилла были поселены в Британии. Бастарнам были предоставлены земли во Фракии. И в том, и в другом случае земли варварских поселенцев располагались не на самих границах, а в некотором удалении от них, иногда, как в случае с Британией, довольно значительном. Это не было единым и всегда

³⁹⁰ *Le Glay M. Grandeza...* P. 330–344, особенно итог: p. 344.

³⁹¹ *Lippold A. Laeti // Kleine Pauly; 1979. Bd. 3. Sp. 449–450; Бартошек М. Указ. соч. С. 177; Ермолова И. Е. Указ. соч. С. 232–235.*

соблюдаемым правилом. Но все же Проб, вероятно, старался, если это было возможно, отдалить варварских переселенцев от имперской границы, чтобы не дать им возможности соединиться со своими зарейнскими и задунайскими собратьями и совместно выступить против Империи. Так, например, много позже поступил Юлиан, поселивший аламанского короля Вадомария вместе с его соплеменниками в Испании (Amm. Marc. XXI, 4, 6)³⁹².

Со времени Александра Севера одним из самых важных внешнеполитических вопросов был персидский. Проб также не остался в стороне от попытки решить этот вопрос. Первый случай вмешательства Проба в отношения с персами относится, если верить «Флавию Вописку», еще ко времени, когда не закончились беспорядки на Востоке: якобы царь Нарсей прислал Пробу дары, в ответ на что получил письмо с угрозами от императора (SHA Prob. 17, 5–6). В действительности царем Персии был в это время Варахран II. Но он занял трон вопреки традиции, согласно которой престол должен был принадлежать Нарсею (Нарсе), который в то время являлся вассальным царем Армении³⁹³. В иранских источниках нет данных о том, что в тот момент Нарсей претендовал на царскую власть в Персии, но сообщение биографа позволяет предположить, что, посылая Пробу дары, он мог в реальности зондировать возможность вмешательства в свою пользу римского императора. Тогда Проб пренебрег возможностью вмешаться во внутренние дела Персии, так как он сам еще находился в довольно трудном положении. Однако после побед в Галлии и на Балканах и после подавления различных мятежей он счел возможным начать готовиться к войне с Персией (SHA Prob. 20, 1). На Балканах была сосредоточена значительная армия, которую он в период подготовки новой кампании стал привлекать к различным работам.

Отношения Проба с армией оказались довольно сложными. Казалось бы, профессиональный военный, всю жизнь проведенный в войсках, одержавший много блестящих побед и до своего провозглашения, и во время своего правления, он должен был снискать огромную популярность среди солдат. Но на деле его правление завершилось солдатским бунтом. И «Флавий Вописк» (SHA Prob. 20–21), и Аврелий Виктор (Caes. 37, 4), и Евтропий (IX, 17, 3) говорят, что причиной бунта было недовольство солдат работами по осушению болот около Сирмия, к которым их привлекал император, и его заявление, что

³⁹² То, что в это время в Испании появились германцы, доказано археологией: Radatz K. Zu den spätantiken Kriegergräbern von Tanine // Madrider Mitteilungen. 1963. Bd. 4. S. 133–140; Blázquez J. M. Nuevos estudios sobre la Romanización. Madrid, 1989. P. 617–634.

³⁹³ Луконин В. Г. Иран в III веке. М., 1979. С. 6–7, 59–60.

вскоре Риму войны вообще будут не нужны. После этого солдаты и убили его в железной башне, куда он пытался спрятаться. В «Эпитомах» (37, 4) ничего не говорится о причинах мятежа, но повторяется упоминание о железной башне. Зосим (I, 71, 3), Иоанн Антиохийский (FHG IV. Ioan. fr. 160) и Зонара (XII, 29) повествуют об этих событиях иначе. По их словам, против Проба выступил Кар, которого облачило в пурпур войско, находившееся в Европе³⁹⁴, и к которому перешли также солдаты Проба, после чего тот был убит то ли воинами вообще, то ли своими же телохранителями (οἰκείων δορυφόρων). Ту же позицию занимает и анонимный продолжатель Диона Кассия, который упоминает не только о мятеже Кара, но и о совещании, какое собрал Проб для обсуждения своих дальнейших действий. Как рассказывает этот аноним, некий трибун Марциниан посоветовал императору смело выступить и сразиться с узурпатором (FHG IV. Anon. fr. 11). В сохранившемся фрагменте не говорится о дальнейших событиях, но если соединить это сообщение с рассказами Зосима и Зонары, то можно говорить, что Проб даже не успел принять или отвергнуть этот совет, как был убит солдатами.

Правление Проба продолжалось шесть лет. За это время он сделал многое для вывода Империи из тяжелого положения, в каком она находилась почти полвека. В этом отношении он явился продолжателем Клавдия Готского и Аврелиана. В отличие от последнего он сумел не только на словах, но и на деле установить хорошие отношения с сенатом, что, несомненно, привело к чрезвычайно положительной оценке его самого и его деятельности в историографии. Однако это, с другой стороны, привело к некоторому ослаблению той «вертикали власти», какую выстроил Аврелиан. И это выразилось и в различных мятежах и узурпациях, и в негативном отношении к Пробу солдат. Различные работы, к которым император привлекал воинов, являлись не только использованием их как рабочей силы для возрождения сельского хозяйства (в данном случае виноградарства), но и средством поднятия или по крайней мере поддержания дисциплины. Солдаты, с одной стороны, в большой мере отвыкшие от чрезмерно строгой дисциплины, а тем более от использования их в качестве рабочей силы вместо военных действий, а с другой — не видевшие в Пробе такого же авторитетного императора, как Аврелиан, подняли бунт и убили его. Тем не менее правление Проба стало еще одним шагом к восстановлению стабилизации Римской империи.

³⁹⁴ Иоанн Антиохийский уточняет, что это сделали войска, стоявшие в Реции и Норике.

Глава VI

ПАЛЬМИРСКОЕ ЦАРСТВО

В следующих двух главах мы вернемся несколько назад.

ПАЛЬМИРА ДО СОЗДАНИЯ ЦАРСТВА

В правление Галлиена Римская империя фактически распалась на три части. В отличие от Галльской империи, образовавшейся на западе государства, Пальмира официально долго признавала верховную власть римского императора, хотя реально была независимым государством. Пальмира (Тадмор) была одним из древнейших городов Сирии. Она упоминается уже в клинописных текстах II тысячелетия до н. э. И уже тогда она была важным центром караванной торговли между Месопотамией и побережьем Средиземного моря¹. Эту роль Пальмира сохраняла и под властью Рима². Она и тогда была типичным городом-оазисом³, столь важным для осуществления торговли в этом пустынном и полупустынном регионе. Пальмирские купцы торговали с парфянами и римлянами, доставляя в римские владения купленные у персов индийские и аравийские товары (App. Bel. civ. V, 9). На этой торговле основывается богатство города, который уже в 70-е гг. I в. Плиний (V, 88) называл знаменитым и богатым. Эта роль Пальмиры еще более возросла после крушения

¹ Röllig W. Palmyra // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 437; Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1979. S. 55, 224; Шифман И. Ш. Пальмирский пошлинный тариф. М., 1980. С. 15–18; Mare W. H. Abila and Palmyra: Ancient Trade and Trade Routes from Southern Syria and Mesopotamia // Aram. 1995. Vol. 7. P. 192–201. Находки керамики даже связывают Пальмиру с Эблой (Matthiae P. Ebla. Un imperio ritrovato. Torino, 1995. P. 325), что говорит о ее существовании еще в конце III тысячелетия до н. э.

² Altheim F. Niedergang... S. 47, 94; Mare W. H. Op. cit. P. 201–203.

³ Will E. De l'Euphrate... P. 551.

Хатры. Пальмира становится фактически главным пунктом торговых связей на границе с Персией, ее торговые связи доходили до побережья Персидского залива⁴. Богатый город, важнейший центр транзитной торговли, он привлекал самое разнообразное население. Здесь жили греки, арамеи, арабы и другие представители Востока⁵. Ядро населения, по-видимому, составляли коренные пальмирцы, ставившие после своего имени определение *tdmry'* (пальмирец), которые и занимали наиболее престижное место в пальмирском обществе⁶. Официальным языком Пальмиры был имперский арамейский⁷, но пальмирцы прекрасно знали и греческий язык, о чем свидетельствуют многочисленные надписи⁸. В середине III в. население Пальмиры достигало 150, а может быть, и 200 тысяч человек, что включало ее в число самых значительных городов Империи⁹. Проблема статуса Пальмиры в рамках Римской империи еще не окончательно решена. Скорее всего, она была аннексирована римлянами и включена в состав провинции Сирии¹⁰. Однако ее очень важное экономическое и стратегическое положение между Римской империей и Ираном заставило римлян оставить ей «тень независимости»¹¹. Ульпиан среди городов Сирии и Палестины, которым Септимий Север и Каракалла «за верность государству и Римской империи» дали италийское право (*Dig. 50.15, pr.*), называет и Пальмиру (*Dig. 50.15.1.5*). С этим, несомненно, связано то, что именами пальмирцев с этого времени становятся Аврелий и Септимий, а также, как и в других

⁴ Lifshitz B. Études sur l'histoire de la province romaine de Syrie // ANRW. 1977. Bd. II, 8. P. 24.

⁵ Maraqtan M. The Arabic Words in Palmyrene Inscriptions // *Aram*. 1995. Vol. 7. P. 90–92.

⁶ Piersimoni P. Compiling a Palmyrene Prosopography // *Aram*. 1995. Vol. 7. P. 257.

⁷ Degen R. Schrift und Sprache Palmyras // Palmyra. Linz, 1987. S. 28.

⁸ Можно говорить о двойственности пальмирской культуры (Millar F. *The Roman Empire...* P. 219), хотя, несомненно, восточный, сирийский, элемент в ней все же преобладал.

⁹ Matthews J. F. The Tax Law of Palmyra // *JRS*. 1984. Vol. 74. P. 171; Kotula T. *Aurélien...* P. 93.

¹⁰ Считается, что Адриан даровал Пальмире статус «свободного города»: Seyrig H. *Le Statut de Palmyre* // Syria. 1941. T. 22. P. 171. С этого времени город получил добавочное имя Адриана (*Hadriana*): Röhlig W. *Palmyra* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 4. Sp. 437; Шифман И. Ш. Пальмирский пошленный тариф. С. 20. Однако это добавочное имя и является единственным доказательством нового статуса Пальмиры, и некоторые ученые сомневаются в его реальности: Zahrt R. *Zum Fiskalgesetz von Palmyra und zur Geschichte der Stadt in hadrianischer Zeit* // *ZPE*. 1986. Bd. 62. S. 290–292; Drijver H. J. W. *Daten zur Geschichte Palmyras* // *Palmyra*. S. 121.

¹¹ Шифман И. Ш. Сирийское общество... М., 1977. С. 229–238; Will E. *Pline l'Ancien et Palmyre* // Syria. 1985. T. 62. P. 263–268.

городах Сирии, Юлий¹². Ульпианом специально указывается, что в отличие от других городов этого региона, получивших *ius Italicum*, Пальмира расположена вблизи варварских племен и наций. Видимо, это расположение сыграло какую-то (точнее мы не знаем) роль в предоставлении городу италийского права.

Политическое устройство города было оформлено по принципу эллинистического полиса. Когда это произошло, неизвестно¹³. Может быть, некоторый ориентир дает датировочная формула Пальмирского пошлинного тарифа, в которой 137 г. (консульство Адриана (второе) и П. Целия Бальбина) соответствует 448 г. местной эры. Следовательно, начало городской эры Пальмиры падает на 310–309 гг. до н. э.¹⁴, на время ожесточенной борьбы диадохов. Не исключено, что полисный статус город получил от одного из соперников¹⁵. Римляне сохранили этот статус за Пальмирой. Недаром Ульпиан говорит не просто о Пальмире, а о *Palmyrena civitas*, в то время как другие города Сирии и Палестины, получившие италийские права, он называет колониями¹⁶. В качестве властных инстанций города называются совет, возглавляемый проедром, народ и два архонта. Встречается упоминание и других должностных лиц, например грамматея (CIS II, 3959)¹⁷. Ряд надписей из Пальмиры начинается обычной для полисов

¹² Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 238; Kotula T. Aurélien... Р. 91, 96. Если Аврелии — это, как и в других случаях, скорее всего те, кто получил гражданство в силу эдикта Каракаллы, то получение или присвоение имени Септимий связано с Септмием Севером, а Юлий, может быть, — с Юлией Домной.

¹³ Will E. Pline l'Ancien... Р. 267.

¹⁴ Приблизительно ту же дату дает и датировка в одной из надписей из храма Бела: Tubach J. Das Akītu-Fest in Palmyra // *Aram*. 1995. Vol. 7. S. 122.

¹⁵ Судя по ходу событий, это скорее всего был Антигон, но полисный статус сохранил за городом и Селевк. Однако не исключено, что речь идет о селевкидской эре, столь распространенной на Ближнем Востоке (Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 66), и в таком случае все наши рассуждения не имеют никакого значения.

¹⁶ Если следовать Ульпиану, то мнение, что Пальмира была колонией (Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 237–238; Drijver H. G. W. Daten... S. 121–122; Kotula T. Aurélien... Р. 91), надо отвергнуть, хотя в некоторых надписях Пальмира действительно упоминается как колония. Так, в надписи в честь Ворада город называется даже не просто колонией, а метроколонией (μετροκόλωνεια) (Inv. III, 7). Как полагает издатель надписи, этот термин свидетельствует об особом положении, какое занимала Пальмира среди других колоний.

¹⁷ Шифман И. Ш. Пальмирский пошлинный тариф. С. 115; Matthews J. F. The Tax Law... Р. 170. Характерно, что в арамейском тексте слова «совет», «народ», «архонты» не переведены, а только транскрибированы арамейскими буквами. Такое же явление отмечено и во многих других надписях, где упоминаются эти юридические инстанции: bwl' wdms. Это ясно говорит о том, что речь идет не о местных институтах, унаследован-

формулой «совет и народ»¹⁸. Реальная власть, однако, принадлежала совету. Должностные лица Пальмиры явно принадлежали к богатой верхушке граждан; недаром они порой появляются в надписях еще и в качестве благодетелей, снабжающих деньгами и продуктами город и горожан. Даже относительно незначительный чиновник — грам-матей Малес, сын Ярхан, раздавал гражданам масло во время посещения города Адрианом (CIS II, 3959). Это ясно говорит об олигархическом характере пальмирского полиса.

В III в. политический строй Пальмиры изменился. В качестве высшего должностного лица появляется экзарх (в греческих надписях) или «глава Пальмиры» (𐤓𐤌𐤍𐤕𐤕 — в арамейских)¹⁹. Хотя законодательных актов, подобных пошлинному тарифу, пока не обнаружено, формула «совет и народ» (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος, bwl' wdms) продолжает применяться (Inv. III, 7; 13–15). В одной надписи упоминается булеут (βουλευ[τής]) Вород²⁰. По-видимому, прежние органы городской власти сохранились, но были поставлены под контроль экзарха. Надписи с упоминанием экзарха (главы) ставят ряд проблем. Прежде всего неясен сам титул. В Поздней империи так назывался командир кавалерийской воинской части, но в более раннее время — командир какого-либо отряда, находившегося вне регулярной римской армии. В любом случае признается военный характер должности экзарха²¹. Однако в данной ситуации это совсем не обязательно. В принципе ἑξάρχος означает «глава», «руководитель», и в этом смысле этот термин используется также в гражданской и религиозной сферах. Так, экзархом жрецов может называться верховный понтифик²². Как «глава» экзарх полностью соответствует пальмирскому 𐤓𐤌, которое тоже означает «глава»²³. В ряде надписей упоминаются стратеги Пальмиры (Inv. III, 5; 6; SEG VII, 139). Стратег облакался властью, по-видимому, полицейской, для

ных от восточного прошлого, а о принесенных греко-македонскими завоевателями и восходивших к эллинистической эпохе.

¹⁸ Seyrig H. Inscriptions grecques de l'agora de Palmyre // Syria. 1941. Т. 22. Р. 226–249. А также: Inv. I, 2; II, 2–3 и другие. Эта формула встречается и в греческих, и в арамейских надписях, хотя в последних она чаще находится не в начале надписи, а в середине.

¹⁹ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 287; Он же. Пальмирский пошлинный тариф. С. 22; Gawlikowski M. Les princes de Palmyre // Syria. 1985. Т. 62. Р. 255, 257; Kotula T. Aurélien... Р. 98.

²⁰ Gawlikowski M. Les princes... Р. 254, п 6. Не исключено, однако, что βουλευτής было лишь обозначением члена высшего сословия Пальмиры, а не обязательно члена городского совета.

²¹ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 287; Gawlikowski M. Les princes... Р. 258.

²² Mason H. J. Op. cit. Р. 43.

²³ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 287.

установления мира, т. е. внутреннего порядка, нарушенного какими-то внутренними волнениями²⁴. Позже главнокомандующий пальмирской армией называется *μεγας στρατλάτης*²⁵. Следовательно, для руководителей «силовых структур» Пальмиры в греческих надписях употребляются вполне соответствующие греческие термины — «стратег» и «стратилат». Поэтому, как кажется, нет необходимости обязательно связывать экзарха с армией или какой-то ее частью.

Другая проблема — время появления экзарха во главе Пальмиры. Впервые этот титул в датированной надписи появляется в октябре 251 г.²⁶ Речь шла о Септимии Хайране, сыне Одената, который к тому же был светлейшим сенатором²⁷. Несколько позже, в апреле 252 г., экзархом пальмирцев и соответственно главой Пальмиры был Септимий Оденат, сын Хайрана²⁸. Долгое время принималось, что Оденат был сыном экзарха Хайрана, который в свою очередь был сыном Одената. Таким образом, выстраивалась целая династия, идущая по крайней мере от сенатора Одената Старшего до его внука Одената Младшего (и сына Одената Младшего Вахбаллата)²⁹. Этот вывод подтверждался западно-семитским обычаем, согласно которому внук часто (хотя и не всегда) назывался по имени умершего к тому времени деда или какого-либо другого ближайшего родственника. Однако открытая позже надпись эту стройную и весьма обоснованную теорию опрокинула. В то время как экзарх Хайран был сыном Одената, дедом экзарха Одената был Вахбаллат. Конечно, вполне возможно, что Хайран, сын Одената Старшего, и Хайран, отец Одената Младшего, принадлежали к одному роду, но и в таком случае — к раз-

²⁴ Там же. С. 286. Существует предположение, что стратег мог осуществлять власть над определенной территорией, в частности над очень важным торговым путем от Пальмиры к Евфрату: *Matthews J. F. The Tax Law...* P. 169–170. Но и в этом случае силовая составляющая являлась чрезвычайно важной стороной функции стратега, ибо главной задачей управляющего торговым путем была его защита от нападений кочевников (ср.: *Matthews J. F. The Tax Law...* P. 164).

²⁵ *Stein. Septimius* // *RE*. 1923. Hbd. 4A. Sp. 1575–1576.

²⁶ *Gawlikowski M. Les princes...* P. 254, n 4.

²⁷ Отметим, что в то время как «экзарх» в арамейской надписи переводится как *ḡṣ*, греческое *συνκλητικός* (сенатор) просто передано арамейскими буквами — *snqltyq'*. Это ясно говорит о том, что в собственно пальмирском политическом лексиконе соответствующего термина для обозначения сенатора не существовало. Использование же местного *ḡṣ* (глава) для обозначения экзарха еще раз говорит о политическом, а не военном значении этого поста.

²⁸ *Gawlikowski M. Les princes...* P. 257, n 13.

²⁹ *Seyrig H. Les Fils du Roi Odainat* // *Les Annales archéologiques de Syrie*. 1963. T. 13. P. 167; *Шифман И. Ш.* Сирийское общество... С. 286–289; *Он же.* Пальмирский пошленный тариф. С. 21–24.

ным его ветвям. Обе эти ветви получили сенаторское достоинство, как это видно из тех же самых надписей. Учитывая гентилиций, можно предположить, что в сенаторское сословие члены этих семей были включены Септимием Севером³⁰. Обе семьи, несомненно, принадлежали к местной знати. Зосим (I, 39, 1) говорит о предках Одената Младшего как о причине дарования ему власти в Пальмире. В этой же фразе историк подчеркивает, что назначение его главой Пальмиры было произведено императорами, т. е. Валерианом и Галлиеном, которые сочли Одената достойным. Едва ли иначе обстоит дело с его предшественником. Из этого видно, что назначение на пост экзарха Пальмиры производил непосредственно сам император. Это делало главу Тадмора независимым и от местных римских властей, и от тех органов власти в Пальмире, которые еще оставались в городе.

Итак, можно говорить, что в какое-то время, но не позже 251 г. в Пальмире произошли события, в результате которых власть сосредоточилась в руках экзарха пальмирцев, или главы Тадмора. В период между октябрём 251 и апрелем 252 г. власть перешла от Хайрана, сына Одената, к Оденату, сыну Хайрана и внуку Вахбаллата. Как и почему это произошло, также неизвестно. Хайран явно умер, ибо больше ничего о нем не слышно, но умер ли он естественной смертью или стал жертвой переворота, мы не знаем. Надо отметить, что в более поздних надписях, относящихся к 257–258 гг., Оденат не называется экзархом, но только светлейшим консуляром³¹. Это посвященные надписи, составленные ремесленными объединениями в честь Одената, который являлся их патроном. Из пяти надписей четыре — только на греческом языке, а одна — двуязычная. В этой последней кроме светлейшего консуляра адресат называется еще и господином или нашим господином (δεσπότης, ἡμεν). С чем связано исчезновение титула экзарха, точно сказать трудно. Полагают, что Валериан назначил Одената наместником Финикийской Сирии и дал ему титул «господин», а тот в обмен на это отказался от узурпированного им звания экзарха³². Однако нет никаких доказательств наместничества Одената³³. В свое время (в главе о сенаторской реакции) приводились сведения о консуляре М. Гн. Лицинии Руфине, который, вероятнее всего, никогда не был консулом; он, правда, был наместником Норика, но пост консула до этого не занимал. Поэтому

³⁰ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 286. М. Гавликовский полагает, что это произошло только при Филиппе Арабе: Gawlikowski M. Les princes... P. 261.

³¹ Gawlikowski M. Les princes... P. 254–255, n 5–9.

³² Gawlikowski M. Les princes... P. 261.

³³ Ср.: Kotula T. Aurélien... P. 99.

было бы совсем не удивительно, если бы Оденат стал консуляром, не будучи ни консулом, ни легатом провинции. Присвоение этого высокого ранга человеку, уже принадлежавшему к сенаторскому сословию, могло быть наградой, хотя о причине этой награды тоже ничего не известно³⁴. Надо обратить внимание на то, что эти надписи ремесленники сделали своему патрону, и для них эта ипостась Одената была, может быть, важнее его положения в Пальмире вообще. А тот факт, что одна из корпораций называет его не патроном, а господином, может говорить о более тесной связи серебряных дел мастеров с Оденатом³⁵.

Как бы то ни было, власть в Пальмире явно перешла от аристократического совета к единоличному «главе». Известно, что Филипп Араб после заключения мира с персами уделил внимание урегулированию положения в восточных провинциях. И можно предположить, что в рамках этого урегулирования он произвел изменения в политическом устройстве Пальмиры, вручив высшую власть одному доверенному лицу³⁶. Возможно, эта новая должность не была наследственной и после смерти (или устранения каким-либо другим образом) Хайрана, сына Одената, ее занял Оденат, сын Вахбаллата. С другой стороны, не исключено, что Хайран умер, не оставив мужского наследника, в связи с чем экзархат и перешел в руки другого сенатора, может быть, даже родственника. В любом случае назначающей инстанцией, как говорилось выше, был сам император. По отношению к центральной власти и Хайран, и Оденат явно проявляли полную лояльность. Да иначе и быть не могло. Уже говорилось, что Требониан Галл, в правление которого появилась надпись в честь Хайрана, готовился к войне с персами, в связи с чем, конечно, уделял определенное внимание положению на восточной границе. Еще большим было внимание к этому району Валериана, который не один год сам находился в Сирии. И в этих условиях никакой акт нелояльности не был возможен. Ситуация радикально изменилась после разгрома и пленения Валериана.

³⁴ Оденат мог получить *ornamenta consularia* (*Southern P.* Op. cit. P. 100–101) за активное участие в предыдущих кампаниях Валериана, в том числе при устранении узурпатора Урания Антонина. Это могло быть связано с «восстановлением Востока», какое Валериан отмечает на монетах.

³⁵ И. Ш. Шифман считал, что и в данном случае, и в двух более поздних надписях мы имеем точную аналогию с древневосточными «царскими рабами», каковыми в таком случае были клиенты: *Шифман И. Ш.* Сирийское общество... С. 297–288. Эта точка зрения нам кажется наиболее приемлемой, хотя, конечно, некоторые сомнения остаются.

³⁶ Ср.: *Gawlikowski M.* Les princes... P. 281.

Азиатские владения Рима фактически были отданы «на поток и разорение» персам. Это не могло не задеть Пальмиру. Недаром Ульпиан отмечал расположение Пальмиры вблизи варварских племен и наций. Такое расположение города заставляло пальмирскую «верхушку» довольно часто обращаться к дипломатии³⁷, так что дипломатическое умение было в крови у местной знати. В пальмирской элите, вероятно, существовали не только лояльные Риму, но и проперсидские группировки. И это требовало от Одената определенной политической ловкости. Анонимный греческий историк рассказывает, что Руфин убил Одената за то, что тот попытался произвести переворот (FHG IV. Anon. fr. 7). Что это за *νεωτέρα πράγματα*, автор не сообщает. Не исключено, что основаниями могли быть какие-либо сношения Одената с персами. Позже, когда армия императора Аврелиана осадила Пальмиру, на помощь Зенобии пытались прийти персидские отряды, да и сама она попыталась бежать к персам (SHA Aug. 28, 2–3). Конечно, это было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, и персидский царь просто воспользовался ситуацией, чтобы вмешаться в дела Империи. Зенобия могла беседовать с манихейскими миссионерами, прибывшими из Персии. Все это показывает, что какие-то сношения с персидским царем у правителей Пальмиры были. Однако в тот момент, когда римской армии на Востоке уже почти не существовало, Оденат считал более выгодным для себя выступить на стороне не победителя, а побежденного. Игра Одената была рискованной. При подчинении персидскому царю он, видимо, сохранил бы свою власть, но в условиях гораздо более жесткого контроля со стороны верховного владыки. К тому же при включении в состав Персии, независимо от формы и степени этого включения, Пальмира могла потерять обширный средиземноморский рынок, и эта потеря никак не компенсировалась приобретениями на Востоке, ибо тамошние торговые пути в это время начали перемещаться так, что обходили Пальмиру стороной³⁸. Если же Оденат сумел бы помочь римлянам, то выступил бы как спаситель римской власти на Востоке, что в условиях тогдашней слабости имперского центра делало его фактически почти независимым. Сначала Оденат, как кажется, все же пытался вступить в какие-то сношения с Шапуром (FHG IV. Petr. Patr. Fr. 10)³⁹, но, по-видимому, убедился в невыгодности для себя этих переговоров. И он рискнул.

³⁷ Matthews J. F. The Tax Law... P. 164.

³⁸ Kotula T. Aurélien... P. 95.

³⁹ Drijver H. G. W. Zenobia und Auseinanderdetzung zwischen Palmyra und Rom // Palmyra. S. 128; Kotula T. Aurélien. P. 99.

Как уже говорилось в соответствующей главе, Оденат со своими войсками соединился с остатками римской армии, которыми командовал Макриан. Объединившись, они сумели нанести поражение персам, отступающим с добычей после грабежей (Syncr. P. 716). Но в дальнейшем пути Макриана и Одената разошлись. Макриан, убедившись, с одной стороны, во враждебном отношении Галлиена, а с другой — в том, что тот никак не может ему помочь в войне с персами, поднял мятеж против Галлиена и провозгласил императорами своих двух сыновей. Оденат же продолжил войну с персами. О военной мощи Пальмиры до этого источники не упоминают. Но город-оазис находился в окружении кочевников, а отношения кочевников и оседлого населения всегда были довольно напряженными, и это явно заставляло пальмирцев иметь значительные военные силы⁴⁰. В армии Одената, как пишет Орозий (VII, 22, 12), большую роль играли сельчане (*rusticani*). Это не случайно, ибо именно земледельцы являлись первой жертвой набегов кочевников, а потому и приобретали в стычках с ними воинские навыки. Едва ли речь идет об ополчении. Скорее всего, Оденат призвал в свое войско значительную часть сельского населения Пальмирского оазиса. Учитывая, что Орозий в данном случае говорит о сирийцах вообще, не исключено, что к Оденату примкнули сельские слои других районов Сирии, терпящие всяческие несчастья в результате грабежей персидского войска⁴¹. С ними он и разгромил персов, дойдя даже до Ктесифона (Zos. I, 39, 1–2; Eutrop. IX, 10; SHA Trig. tyr. 15, 3–4; Gal. 10. 1–3). Биограф даже приписывает Оденату захват не только добычи, но и наложниц персидского царя. Однако изменение ситуации в восточных провинциях Империи и особенно в Сирии заставило Одената прекратить поход.

События в восточных провинциях развивались быстро. Пока Оденат со своей армией вел победоносную кампанию против персов, Макриан, как уже говорилось, оставил своего младшего сына Квиета, провозглашенного им императором, на Востоке, а сам с другим сыном двинулся в Европу, но был разгромлен полководцем Галлиена Аврелом и погиб вместе с сыном. До сих пор Оденат фактически придерживался нейтралитета в римской гражданской войне. Разгром и гибель Макриана показали, что у Галлиена еще есть достаточно сил, чтобы удержать свою власть. А с другой стороны, оставшийся на Востоке Квиет был явно слишком слаб, чтобы противостоять войскам Галлиена. И Оденат решил нанести узурпатору последний удар. В сло-

⁴⁰ Will E. *De l'Euphrate...* P. 551.

⁴¹ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 290.

жившейся ситуации это было единственно разумным решением. С одной стороны, Оденат этим доказывал свою верность правящему в Риме императору, что могло дать ему хорошие политические дивиденды. С другой — он предотвращал появление в Сирии победоносной римской армии. С третьей — он возвращался в Сирию в ореоле победителя до того непобедимого персидского царя, что в огромной степени укрепляло его позиции. В результате Квиет и находившийся с ним в качестве опекуна префект Баллиста были осаждены Оденатом. Баллиста, вероятнее всего, предал юного узурпатора. Квиет был захвачен Оденатом и убит. Зосим (I, 39, 2) говорит и о втором походе Одената на Ктесифон, но не приводит никаких деталей, которые могли бы датировать этот поход. Явно об этой кампании говорит Синкелл (р. 716). Он связывает ее прерывание со вторжением готов («скифов») в Азию, которое произошло в 267 г. Так что можно полагать, что вторая персидская кампания Одената имела место в этом году, хотя начаться могла и несколько раньше.

ПАЛЬМИРСКОЕ ЦАРСТВО

Оденат использовал свои победы на сто процентов. Теперь он провозгласил себя и своего старшего сына царями. Это, судя по одной надписи, произошло около Оронта в районе Антиохии⁴². Вероятно, этот акт надо связать с победой над Квиетом, после чего Оденат мог почувствовать себя владыкой римского Востока⁴³. Более того, он принял гордый титул царя царей (βασιλεὺς βασιλέων, *mlk mlk'*)⁴⁴. Этот старинный титул, известный со времени Ахеменидов, носили парфянские цари; его принял и основатель Сасанидской династии Арташир⁴⁵. Сасанидский титул в значительной степени был оправдан, поскольку правители крупных областей (шахров) тоже назывались царями⁴⁶ и наименование верховного правителя царем

⁴² Gawlikowski M. *Les princes...* P. 255, n 10; Potter D. S. *The Roman Empire...* P. 259.

⁴³ «Требеллий Поллион» помещает принятие Оденатом царской власти до начала похода против персов (SHA Trig. туг. 15, 2). Однако это может быть результатом некоторой абберрации, поскольку, как бы ни датировать написание сборника императорских биографий, в любом случае эти биографии были созданы много позже описываемых событий. К тому же автор мог быть не вполне в курсе в отношении последовательности событий на Востоке.

⁴⁴ Gawlikowski M. *Les princes...* P. 255–256, n 10–11.

⁴⁵ Луконин В. Г. *Иран в эпоху первых Сасанидов*. Л., 1961. С. 19, 23.

⁴⁶ Там же. С. 20.

царей подчеркивало его власть над подчиненными царями. В случае пальмирского царя подобное обоснование силы не имело, ибо никаких подчиненных царей под его властью не существовало. В этом плане ничего, кроме противопоставления побежденному персидскому царю и явной претензии на наследство Аршакидов⁴⁷, новый титул Одената не выражал⁴⁸. Но, противопоставляя себя Шапуру, Оденат, видимо, претендовал и на его наследство. Найденная в Антиохии тессера показывает сына Одената носящим корону, подобную короне Аршакидов. Такую же корону явно носил и сам Оденат⁴⁹. И этой короной, и принятием титула, какой носили парфянские цари, Оденат показывал, что он не признает переворота, произведенного Арташиром, и предъявляет свои претензии на наследство царей Парфии. Во всяком случае перед подчиненным населением Оденат представлял себя наследником древних восточных царей, по крайней мере равноправным с царем царей Ирана⁵⁰.

Наряду с решениями внутренних проблем необходимо было решить вопрос об отношении к Риму и его императору. Хотя армия Галлиена разгромила узурпаторов, сил для реального восстановления власти императора на Востоке в ее полном объеме у него не было. Он явно счел (и это, пожалуй, в наибольшей степени отвечало реальной ситуации) положение на Западе и у рубежей Италии более грозным и требующим большего внимания. С другой стороны, позиции Одената были очень твердыми. Он не только нанес окончательный удар узурпатору, но и одержал победу над персами. И в этих условиях Галлиен предпочел пойти на компромисс с Оденатом. По словам «Треbelлия Поллиона», Оденат и его сын Ирод (Герод) после победоносного возвращения из Персии были провозглашены императорами (SHA Trig. туг. 15, 3). Этот же биограф помещает жизнеописание Одената среди биографий «тиранов». Под «тиранами» независимо от их личных качеств (качества некоторых из них оцениваются очень высоко) подразумеваются люди, чья власть не была признана законными органами в Риме. Поэтому можно полагать, что императорский титул, присвоенный Оденату, не был признан ни самим Галлиеном,

⁴⁷ Altheim F. Niedergang... S. 94.

⁴⁸ К другим аспектам значения этого титула мы вернемся немного позже.

⁴⁹ Potter D. S. The Roman Empire... P. 259–260.

⁵⁰ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 288. Если же он действительно считал или показывал, что считает Шапура незаконным царем (Potter D. S. The Roman Empire... P. 260), то дело было даже не в равноправии с персидским владыкой, а в претензии Одената на превосходство над ним. Военная победа должна была стать основанием такой демонстрации.

ни, естественно, сенатом⁵¹. Вместо этого Галлиен официально назначил Одената корректором Востока (*mtqnn' dy mdinh' klh*)⁵² и, может быть, полководцем римлян или Востока (*dux Romanorum*, στρατηγὸς τῆς ῥωμαίας) (Synp. P. 716; Zon. XII, 23)⁵³. Возможно, такой компромисс стал результатом договоренности между Оденатом и Галлиеном, которая была письменно зафиксирована⁵⁴. Это вполне устраивало Одената. В Пальмире он предстал и царем царей, и корректором всего Востока. Некоторые подданные могли его даже именовать августом (Σεβαστός)⁵⁵. Но едва ли он официально принял этот титул, ибо это означало бы полный разрыв с Империей, на что, судя по всей политике Одената, он не пошел⁵⁶. В одной из двуязычных надписей Оденат в греческой части предстает как август (Σεβαστός), а в пальмирской как цезарь (*qsr*) (Inv. III, 11). Подданные Одената, видимо, и сами не знали твердо, какой же римский титул носил их царь. Биограф Галлиена подчеркивает почтительность (*reverentia*) Одената по отношению к тому и даже специально отмечает, что пленных сатрапов он отослал к императору (SHA Gal. 10, 4). Оденат явно показывал римлянам, что войну с персами он вел под ауспигиями императора,

⁵¹ Если Оденат и его сын были действительно провозглашены императорами, то скорее всего речь шла о почетной аккламации. Такие аккламации имели место в самом начале принципата, в первой половине 20-х гг. I в. до н. э. (Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. СПб., 2001. С. 32), давая победоносному полководцу право на триумф. Но известно, что после этих случаев и императорский титул, и триумф получали только правящие принцепсы или их сыновья, а сами полководцы награждались только триумфальными отличиями.

⁵² Gawlikowski M. Les princes... P. 256, n 11. Вопрос о точном значении термина *mtqnn'* спорен. Существует мнение, что он обозначает не «корректор», а «восстановитель» (Millar F. Paul... P. 9–10; Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 289). В какой-то степени это согласуется с сообщением биографа о том, что Оденат упорядочил дела на Востоке (*compositu... statu*) (SHA Trig. титр. 15, 5). Однако надо иметь в виду, что слово «восстановитель» не имеет точного юридического смысла и не предусматривает политическую власть. Корректор же в это время уже являлся управляющим отдельной областью. Поэтому думается, что титул, который Галлиен дал Оденату, звучит именно как «корректор всего Востока». В современной научной литературе в основном принимается, что именно *societio totius Orientis* было подлинным титулом Одената: Knula T. Aurélien... P. 101.

⁵³ Drijver H. G. W. Zenobia... S. 128–129. Однако в надписях и монетных легендах титул *dux Romanorum* засвидетельствован пока только для сына Одената Вахбаллата. Поэтому не исключено, что такой поздний историк, как Зонара, мог ошибочно перенести присвоенный сыном титул на отца.

⁵⁴ Southern P. Op. cit. P. 102, 317, n. 23.

⁵⁵ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 290.

⁵⁶ Нет, в частности, ни одной монеты, где Оденат именовался бы августом: Сергеев И. П. Указ. соч. С. 128.

как это было принято в императорскую эпоху. Это стало основанием для Галлиена принять в 263 г. титул *Persicus maximus*⁵⁷.

После того как Оденат уничтожил последний очаг мятежа Макриана и убил его сына Квиета, никаких регулярных римских войск, которые могли бы ему противостоять, в Передней Азии не было. Предоставление Оденату ранга правителя (корректора) всего Востока официально подчинило ему и те римские войска, которые могли еще оставаться в этом регионе⁵⁸. Это не означает, что власть пальмирского царя все местные города и общины признали безоговорочно. Имеются, хотя и скудные, сведения об оппозиции некоторых городов. Так, пальмирцы силой захватили Бостру и разрушили местный храм Юпитера Хаммона⁵⁹. Соппротивление Бостры пальмирцам вполне понятно. Этот город был важным пунктом на торговом пути, соединяющим Египет с Северной Сирией и далее с Месопотамией⁶⁰. В этом качестве он являлся конкурентом Пальмиры, и подчинение соперникам явно не входило в планы его жителей. В рассказах о более позднем времени мы встречаем сведения о существовании антипальмирской группировки в Антиохии, и эта группировка была столь сильна, что после поражения пальмирской армии от войск императора Аврелиана можно было опасаться ее открытого выступления (Zos. I, 51, 1–2). Этой группировкой, вероятно, руководил некий Помпеян Франк, который в качестве командира (*dux*) возглавил антиохийское ополчение, сражавшееся (явно уже после взятия города Аврелианом) против войск Зенобии рядом с римскими войсками (Hier. Chron., p. 222). С восторгом встретили Аврелиана жители Эмесы (SHA

⁵⁷ Alföldy A. Studien... S. 190. Это еще раз показывает, что императором ни в каком смысле Оденат не был. Получить этот титул за свои победы он мог, если бы действовал исключительно от своего собственного имени. Но приведенные выше факты и титул Галлиена *Persicus maximus* ясно показывают, что официальное высшее командование принадлежало Галлиену.

⁵⁸ Поскольку титул корректора упоминается в надписи, составленной уже после смерти Одената, то высказывается сомнение в реальности дарования ему этого титула Галлиеном и предполагается, что этот титул отражает стремление его преемника обосновать свои претензии на власть над всем Востоком: *Сергеев И. П.* Указ. соч. С. 130. Однако для Вахбаллата, официального наследника Одената, и для фактически правящей Зенобии в таком обосновании своей власти не было необходимости. Они, как будет сказано ниже, приняли другие титулы. Поэтому традиционное мнение о том, что Оденат при жизни имел ранг корректора, представляется совершенно верным.

⁵⁹ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 290. Впрочем, Бостра, как и вся Аравия, была, по-видимому, подчинена пальмирцам уже после смерти Одената.

⁶⁰ Рапович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 150; Colpe C. Bostra // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 935.

Aug. 25, 4–5; Zos. I, 54, 2). Можно думать, что эти города, хотя, может быть, и мирно, но все же не добровольно подчинились Пальмире.

Под властью Одената оказались Сирия, Палестина и римская часть Месопотамии⁶¹. В принципе для римлян это не было новым явлением. Сравнительно недавно восточными провинциями управлял Юлий Приск, носивший очень похожий титул — *rector Orientis*. Правда, Приск был родным братом императора, но главным было то, что тот полностью доверял своему брату. И в данном случае речь шла о доверенном лице императора. С чисто формальной точки зрения между положениями Приска и Одената разницы не было. Совершенно иначе это представлялось восточным подданным нового царя. И следует вернуться к титулу Одената.

Отныне Оденат уже не был ни экзархом пальмирцев, ни главой Тадмора. И греческий, и арамейский титулы представляли экзарха — главу как высшее должностное лицо Пальмиры. И совсем не исключено, что эта должность даже не была наследственной. Царь стоял над всеми другими административными институтами (хотя даже неизвестно, сохранились ли они вообще). Царь — не должностное лицо, хотя бы и высшее, а монарх. Биограф противопоставляет положение Одената до принятия им царского титула и после. До этого он был *princeps Palmyrenorum*, а затем принял имя царя (*adsumpto nomine ... regali*) (SHA Trig. tyr. 15, 1). *Princeps* и *rex* для автора — два совершенно разных понятия. Власть царя, несомненно, была наследственной. Тот же биограф пишет, что сын Одената Герод (Хайран⁶²) был провозглашен императором одновременно с отцом после победоносного возвращения из Персии (SHA Trig. tyr. 15, 5). Как уже

⁶¹ Предполагается также, что власть Одената распространялась еще и на Киликию и Аравию: Alföldy A. Studien... S. 194. Однако Аравия явно была подчинена Пальмире уже позже. Что касается Киликии, то сведений нет. Но у Зосима (I, 57, 3–4) имеется рассказ об одном киликийском оракуле, который занял резко антипальмирскую и про-римскую позицию (Potter D. Prophets... P. 169). Это, может быть, говорит о том, что Киликия не входила в сферу власти пальмирцев. С другой стороны, существует мнение, что власть Одената не распространялась на значительную часть Сирии, включая Антиохию: Millar F. Paul... P. 8–10. Основным доводом в пользу этого мнения является чеканка в Антиохии монет с именами Галлиена и Клавдия. Но это говорит лишь о том, что Оденат не рвал официально с Империей, а потому и не прекращал императорской чеканки в подчиненном городе. Провозглашение Одената и его сына «царями царей» на Оронте вблизи Антиохии говорит, как будет сказано немного ниже, в пользу власти Одената над этим городом. Да и безуспешность всех попыток сместить с поста антиохийского епископа Павла Самосатского, поддерживаемого Оденатом, о чем пойдет речь позже, также говорит в пользу подчинения Антиохии Оденату.

⁶² Alföldy A. Studien... S. 196. Вполне естественно, что старший сын носил имя деду.

говорилось, этот титул, вероятно, Римом официально признан не был. Но одновременная аккламация отца и сына может говорить о том, что и царями они были объявлены одновременно (хотя это и не обязательно). В другом месте прямо говорится, что Герод принял власть вместе с отцом (SHA Trig. тит. 16, 1). Герод, или Геродиан, или Хайран, так же, как и его отец, носил титул царя царей⁶³. Видимо, речь шла о его официальном объявлении соправителем. Фактическая власть, однако, находилась исключительно в руках самого Одената.

Существует еще один очень важный момент в новом титуле Одената. В нем отсутствует какое-либо упоминание о территории или городе, над которыми царь царей властвует. Оденат теперь не связан конкретно с Пальмирой. Этот город — только резиденция царя и его семьи, столица его государства, метрополия. Более того, то, что церемония провозглашения царем царей самого Одената и Хайрана происходила около Антиохии, показывает, что этот традиционный центр Сирии является также и одним из центров власти Одената⁶⁴. Таким образом, это государство является не объединением под властью Пальмиры, а неким территориальным единством, над которым властвует именно Оденат в качестве царя. Быть может, принятие титула царя царей, а не просто царя означало и то, что царь должен был быть связан с конкретной политической единицей, в данном случае с Пальмирой, а царь царей стоял выше такой единицы. Такая территориальная неопределенность подразумевала возможность дальнейшего расширения пределов государства как в восточном направлении за счет Персии, так и в западном за счет римских провинций. Все решалось в зависимости от соотношения сил и конкретной политической ситуации. Пока Оденат считал для себя более выгодным всячески подчеркивать свою полную лояльность Галлиену. Хотя Антиохия уже тогда принадлежала Оденату⁶⁵, все-таки ее монетный двор выпускал монеты с упоминанием только римского императора и без всякого намека на Одената⁶⁶. Надо заметить, что Оденат вообще не выпускал собственных монет.

Может быть, в связи с провозглашением Одената и его сына царями были произведены какие-то изменения и в управлении самой

⁶³ Gawlikowski M. Op. cit. P. 255, n 10. И Герод, и Геродиан, вероятнее всего, — латинские и греческие имена одного и того же человека — Хайрана, сына Одената: Seyrig H. Les Fils... P. 168, 170, 172; Drijver H. G. W. Zenobia... S. 129.

⁶⁴ Potter D. S. The Roman Empire... P. 259.

⁶⁵ В противном случае там не могло бы произойти провозглашение Одената и Хайрана «царями царей».

⁶⁶ Alföldy A. Studien... S. 156–166; Kotula T. Aurélien... P. 108.

Пальмирой. До нас дошли надписи в честь Септимия Ворода, входившего в ближайшее окружение Одената, и среди должностей Ворода упоминаются дикеодот и аргапет (Inv. III, 6; 7). Считается, что оба термина (один греческий, другой иранский) обозначают одну и ту же должность, причем в Парфии аргапет был градоначальником⁶⁷. Если одна из надписей (Inv. III, 7), как предполагают, дает *cursus honorum* Ворода⁶⁸, то дикеодотом, или аргапетом, он стал уже после исполнения таких важных обязанностей, как агораном и стратег. И занял он столь важный пост в 265 г.⁶⁹ Греческий вариант титула показывает, что главной задачей его носителя было отправление правосудия⁷⁰. Надо, однако, иметь в виду, что в римском Египте дикеодот (или юридик) являлся вторым по значимости чиновником после префекта, занимающимся гражданскими делами и административными спорами⁷¹, и присвоение этого титула Вороду говорит о важной роли этого человека в пальмирской иерархии. Использование же более многозначного иранского термина подразумевает более широкие, нежели только юридические, его функции⁷². Можно с большой долей вероятности предполагать, что в 265 г. или, может быть, несколько раньше был создан пост градоначальника Пальмиры, которому были подчинены остальные институты городского самоуправления. Возможно, это стало необходимым после того как Оденат перестал быть экзархом Пальмиры, а стал царем царей. Тогда и возникла нужда в создании должности чиновника, который бы взял на себя функции, ранее исполняемые экзархом, в самой столице⁷³.

⁶⁷ *Scumberger D. Vörod l'agoranome // Syria. 1972. Т. 45. Р. 340, п. 4.*

⁶⁸ Inv. III, p. 11.

⁶⁹ *Scumberger D. Vörod... Р. 340.*

⁷⁰ *Mason H. J. Op. cit. Р. 37.*

⁷¹ *Ранович А. Восточные провинции... С. 171; Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 190.*

⁷² Может быть, выбирая парфянский термин для наименования этого высокопоставленного чиновника, Оденат еще раз демонстрировал непризнание персворота Сасанидов и свои претензии на наследство парфянских царей. При Сасанидах должность аргапета была одной из самых высоких после самого царя (*Altheim F., Stiel R. Asien und Rom. S. 12*), и, патная на этот пост своего приближенного. Оденат мог подчеркивать, что при благоприятном стечении обстоятельств Вород может рассчитывать на фактическое наместничество в захваченных у персов землях.

⁷³ Конечно, иметь стопроцентную уверенность в правильности нашей о рассуждения нельзя. Титул дикеодота, или аргапета, действительно встречается только во времена Одената и в связи с Вородом. Но *argumentum ex silentio* всегда довольно скользкий, а в сфере эпиграфики особенно, ибо никогда нельзя поручиться, что не будут найдены новые надписи, опровергающие, казалось бы, хорошо обоснованную теорию. Пример с генеалогией Одената в этом отношении весьма показателен. И все же два аргумента

А то, что этим чиновником был назначен один из наиболее приближенных к царю людей и уже сделавший значительную управленческую карьеру, вполне естественно.

Подчеркнутая лояльность Одената по отношению к императору не спасла его от подозрений. В период между 28 августа 266 и 28 августа 267 г. он был убит⁷⁴. О его смерти существуют две на первый взгляд совершенно противоположные версии. Согласно одной версии, жена Одената Зенобия, недовольная выдвижением своего пасынка Герода, составила заговор. Этот заговор активно поддержал двоюродный брат Одената Меоний (вероятно, Манай)⁷⁵, который и убил царя и его старшего сына (SHA Trig. туг. 15, 5; 16, 1; 17, 1–2). По другой версии, убийцей (скорее, инициатором убийства) был римлянин Руфин, действовавший с согласия (может быть, молчаливого) Галлиена (FHG IV. Ioann. Ant. Fr. 152, 2; Anon. fr. 7; Zon. XII, 24). В принципе, эти две версии можно согласовать, хотя остается много противоречащих друг другу деталей.

Чрезмерно выросшая власть Одената не могла не вызвать подозрений и даже страхов императора. Под господством Одената находилась значительная часть азиатских провинций Империи⁷⁶. Успех нового похода против персов должен был еще больше усилить власть новоявленного царя царей. Этот поход, однако, как и первый, тоже был прерван. По Синкеллу (р. 716), причиной было нападение «скифов», т. е. готов и их союзников: услышав о нем, Оденат отошел от Ктесифона и двинулся к Понту. Может быть, этим актом он хотел еще раз продемонстрировать свою верность Галлиену и желание поддерживать императора в трудную минуту. Но тот мог расценить такой поворот дел иначе. Появление мощной и победоносной армии практически независимого Одената в Малой Азии и на Балканах угрожало власти Галлиена. К тому же неожиданное прекращение войны с персами позволяло подозревать Одената в каких-то связях или по крайней мере переговорах с Шапуром. Недаром Руфин обвинял пальмирца

позволяют говорить о достоверности приведенного рассуждения. Во-первых, найдено уже довольно много пальмирских надписей и до сих пор никаких упоминаний ни дикедота, ни арганета до правления Одената нет. Во-вторых, введение этой должности полностью вписывается в логику политического процесса, шедшего тогда в Пальмире.

⁷⁴ Lippold A. Odaenatus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 235–236; Paschoud F. Notes. P. 161. Если верно сообщение Зосима (I, 39, 2) о том, что Оденат был убит во время игр в Эмесе, а этими играми была скорее всего церемония в честь нового года, то убийство Одената произошло в апреле 268 г. (Hanslik R. Zenobia // RE. 1972. Hbd. 19A. Sp. 1; Potter D. S. The Roman Empire... P. 641, n. 1).

⁷⁵ Gawlikowski M. Les princes... P. 259; Drijver H. W. Zenobia... S. 129.

⁷⁶ Hanslik R. Zenobia. Sp. 2.

в весте́ра пра́вута. И, как говорилось выше, ими могли быть именно сношения с персидским царем. С другой стороны, росло недовольство внутри семьи самого Одената. Герод (Хайран) был сыном первой жены Одената, имя которой неизвестно (SHA Trig. туг. 16, 1). Вторая же (или какая?) жена Зенобии стремилась проложить путь к власти своему сыну Вахбаллату. Двоюродный брат царя Меоний (Манай) сам стремился к трону: «Треbellий Поллион» пишет, что Меоний был подвигнут на убийство царя «постыдной завистью» (*damnabili invidia*). Стремления всех троих сошлись в заговоре с целью убийства Одената и его старшего сына⁷⁷. Синкелл пишет, что убийство произошло в Геракле Понтийской, а это значит, что Оденат со своей армией уже прибыл в Малую Азию для войны со «скифами». Зосим (I, 39, 2) говорит, что это событие произошло в Эмесе во время игр, которые устроил Оденат. Как бы то ни было, Оденат и Герод были убиты. Власть захватил Меоний, но скоро (*brevi*) он сам был убит воинами (SHA Trig. туг. 17, 3). Можно смело говорить, что и это убийство произошло не без инициативы Зенобии. Теперь царем был объявлен Вахбаллат, а регентшей при нем стала Зенобия (SHA Trig. туг. 30, 3). Эти два переворота не могли пройти без следа и для пальмирской придворной знати. Признаком изменения в составе правящей группы является исчезновение из надписей видного соратника Одената Ворода⁷⁸. На первый план выдвигается, по-видимому, Забда, ставший главнокомандующим пальмирской армией (μεύας στρατῳλάτης)⁷⁹.

Зенобия сделала все, чтобы избежать обвинений в убийстве мужа. Оденату и Хайрану были возданы все полагающиеся почести, в том числе воздвигнуты почетные статуи⁸⁰. Вахбаллат, явно по инициативе матери, обратился к Галлиену с жалобой на Руфина, обвиняя его в убийстве отца (FHG IV. Anon. fr. 7)⁸¹. Этот ход Зенобии был

⁷⁷ Роль Галлиена в заговоре против Одената сейчас признана: *Southern P. Op. cit.* P. 102. Что же касается роли Зенобии, то полагают, что это — чистая выдумка: *Hanslik R. Zenobia. Sp. 1–2*. Однако никаких доказательств того, что это выдумка, не приводится. И приходится согласиться с биографом, что Зенобия приложила руку к убийству мужа и пасынка.

⁷⁸ *Alföldy A. Studien...* S. 198, 355. Последний раз Вород упоминается в надписи, которая могла относиться к правлению Зенобии, но не датирована: *Schlumberger D. Vörod...* P. 340–341. И более вероятно, что она относится еще ко времени Одената.

⁷⁹ *Stein. Septimius // RE. Hbd. 4A. Sp. 1575–1576.*

⁸⁰ *Шуфман И. Ш. Сирийское общество...* С. 291.

⁸¹ Автор называет жалобщика Оденатом Младшим. Однако у Одената не было сыновей, которые послали то же имя. Поскольку автором официальной жалобы, естественно, должен был быть официальный же наследник, то таким мог быть только Вахбаллат: *Gawlikowski M. Les princes...* P. 259; *Alföldy A. Studien...* S. 195.

совершенно безошибочным. Если Галлиен удовлетворил бы жалобу и покарал Руфина, всем стало бы ясно, что Оденат и Хайран пали от рук римлян, что снимало с Зенобии всякие подозрения. Если же император отверг бы жалобу, его самого можно было бы обвинить в причастности к убийству и развернуть соответствующую пропаганду. Галлиен попал в ловушку, выпутаться из которой не мог. Он полностью оправдал Руфина, и это дало Зенобии повод для занятия более жесткой позиции по отношению к центральному правительству.

Если Галлиен рассчитывал, что смена власти в Пальмире приведет к восстановлению реального римского контроля над азиатскими провинциями, то он ошибся. Зенобия, фактически правившая государством от имени Вахбаллата, взяла курс на укрепление и расширение своей власти. В ответ Галлиен начал подготавливать войну с Пальмирой⁸². Официально это должна была быть война с Персией как акт отмщения за поражение и пленение Валериана. Армия, которую подготовил и возглавил префект претория Гераклиан (Геркулиан), двинулась на Восток. Зенобия прекрасно поняла истинную цель этого похода и открыто выступила против римлян. Гераклиан был разбит и отступил (SHA Gal. 13, 4–6). Ход событий не очень ясен. По словам биографа, именно в это время (*inter haec*) «скифы» вторглись в римские владения. А по другому источнику, как говорилось выше, «скифское» вторжение стало для Одената поводом (или причиной) прекращения персидского похода. Возможно, это варварское вторжение, уже начавшееся до пальмирской кампании, послужило благопристойным поводом для прекращения войны с Пальмирой. Но даже и после этих событий Зенобия еще не решилась окончательно рвать с Империей. В Антиохии продолжали выпускаться монеты от имени Галлиена⁸³.

На рубеже лета-осени 268 г. Галлиен был убит. Зенобия использовала, как ей казалось, благоприятный момент для дальнейших шагов по укреплению своей власти и власти своего сына. Монетный двор в Антиохии сначала начал чеканить монеты от имени нового императора (им стал Клавдий), но затем чеканка оборвалась, а когда возобновилась, то «хозяйном» монеты стал уже Вахбаллат⁸⁴. Сам Вахбаллат (или, точнее, его мать) сначала предпочитает римские

⁸² Не исключено, что одним из мотивов начала войны с Пальмирой стало мнение Галлиена, что женщина не сумеет обеспечить защиту восточной границы Империи от персов (Сергеев И. П. Указ. соч. С. 131). Однако все же представляется, что крушение надежд на более полное подчинение Пальмиры и всего Востока после убийства Одената явилось главным мотивом начала этой войны; ср.: Southern P. Op. cit. P. 102.

⁸³ Alföldy A. Studien... S. 199.

⁸⁴ Hanslik R. Zenobia. Sp. 3.

титулы, в том числе «dux» (στρατηγός) римлян. Он также именуется царем и императором, хотя, как говорилось выше, римские власти эти титулы за пальмирским правителем и не признали. Новые шаги были предприняты после смерти Клавдия. Вскоре после нее Вахбаллат именуется уже и августом, а сама Зенобия — августой. Вахбаллат принимает и такие обычные именно для августа титулы, как *pius*, *felix*, *invictus*. В одной из надписей он именуется *Persicus maximus*, *Arabicus maximus*, *Adiabenicus maximus* (А. е. 1904, 60), и здесь прослеживается явное подражание титулатуре императоров. И то, что это была надпись на миллиарии, говорит о ее совершенно официальном характере. Неизвестно, какие победы отмечали Вахбаллат и его мать этими титулами. Возможно, что они должны были напомнить подданным о победах Одената. И если Оденат, как говорилось выше, всем своим поведением показывал, что свои победы он одерживал под ауспигиями императора, то его наследник демонстрировал, что римский император никакого отношения к этим победам не имел. Все это было знаком открытого разрыва с Империей. Возможно, Зенобия вела какие-то беседы с манихейскими миссионерами⁸⁵. Манихеев же в Римской империи воспринимали как агентов персидского царя, так что эти беседы (если они реально имели место) тоже были знаками нелояльности по отношению к римскому императору. Зенобия стала появляться в царской пурпурной одежде с диадемой на голове, а порой надевала императорский военный плащ (*SHA Trig. туг. 30, 2*). Несколько раньше Зенобия от имени сына устанавливает власть над Египтом и значительной частью Малой Азии⁸⁶. В начале правления Аврелиана, в 270–271 гг., Пальмирская держава достигает своего наивысшего расцвета.

Провозглашая себя царем царей, а не царем Пальмиры, Оденат демонстрировал свое намерение создать новую, территориальную, а не городскую и не этническую державу. Ту же политику продолжила

⁸⁵ *Potter D. Prophets...* P. 108.

⁸⁶ Римский автор злопадно сообщает, что Зенобия правила от имени своих сыновей (в действительности одного сына) дольше, чем это совместимо с женским полом (*SHA Trig. туг. 30, 2*). Эти слова можно интерпретировать так, что она сохранила власть и после совершеннолетия Вахбаллата. Но было ли это в действительности? Возраст Вахбаллата в момент восхождения на трон точно не известен. Предполагают, что он родился приблизительно в 260 г. (*Сергеев И. П. Указ. соч. С. 130*). В таком случае ему было тогда всего 7–8 лет, и даже в момент крушения Пальмирской державы в 272 г. его возраст составлял всего 12 лет. На александрийских монетах Вахбаллат имеет черты десятилетнего мальчика (*Seyrig H. Les Fils...* P. 169). Но даже если ему в 272 г. было уже 16 лет (*Ibid. P. 171*), быть совершеннолетним он никак не мог. Так что такое утверждение может быть лишь выпадом биографа против Зенобии.

и Зенобия. Население Передней Азии, подчиненной Оденату и Зенобии, было разнообразным. Несмотря на то что со времени завоевания Передней Азии Александром Македонским прошло уже почти 600 лет, местные традиции в этом регионе были еще очень сильны. Эллинизация охватила преимущественно крупные города, да и то не все, причем в основном высшие слои их населения, в то время как на селе преобладали местные традиции. Хотя официальными языками были греческий и латинский, широко был распространен и арамейский, на котором стала появляться и своя литература⁸⁷. В Южной Сирии и Аравии был распространен набатейский язык, который использовался наряду с греческим. В западной части Сирии, особенно в районе Антиохии, надписи составлены только на греческом языке, причем эти надписи преимущественно надгробные, и, следовательно, они отражают реальную лингвистическую ситуацию в широких кругах местного населения. Однако сельская округа Антиохии продолжала в значительной степени говорить по-арамейски. В самой же Пальмире, хотя греческий язык тоже понимали, гораздо больше был распространен арамейский⁸⁸. Пальмира, ставшая в это время одним из красивейших городов Средиземноморья, демонстрирует в своем искусстве соединение западных (античных) и традиционных восточных элементов⁸⁹.

Перед пальмирскими правителями стояла важная задача привлечь на свою сторону различные этнические, социальные и культурные группы этого населения. И они старались эту задачу решить. Значительную роль при дворе Одената играл Вород, который занимал ряд очень важных должностей, в том числе был одним из двух стратегов Пальмиры⁹⁰. Как и сам царь и как многие знатные пальмирцы, он имел еще и имя Септимий. Поэтому в принципе не исключено, что он был потомком пальмирского аристократа, получившего гражданство от Септимия Севера. Однако собственное имя Ворода — иранское, точнее парфянское⁹¹, и он скорее всего был парфянином, перешедшим на сторону Одената, который его приблизил и дал ему имя Септимия, какое носил и сам⁹². В это же время известен и Аврелий Вород, всад-

⁸⁷ Ранович А. Б. Указ. соч. С. 158–161.

⁸⁸ Millar F. Paul... P. 2–5; Will E. De l'Euphrate... P. 750.

⁸⁹ Чубова А. П., Касперавичюс М. М., Саверкина И. И., Сидорова Н. А. Искусство Восточного Средиземноморья I–IV вв. М., 1985. С. 74–83, 90–108, 153.

⁹⁰ Inv. III, 6–11; Gawlikowski M. Les princes... P. 255, n 10.

⁹¹ Так, имя Ород (явно вариант Ворода) носили три парфянских царя: Бикерман Э. Хронология... С. 197. О парфянском происхождении Ворода: Altheim F. Niedergang... S. 284. По мнению Ф. Алтхайма, Вород происходил из знатного парфянского рода.

⁹² Schlumberger D. Vörod... P. 340–341. Ср.: Potter D. S. The Roman Empire... P. 261.

ник и советник (βουλευτής) пальмирцев (Inv. III, 12), который явно был родственником (возможно, братом) Септимия Ворода⁹³. Среди приближенных Одената были и другие парфяне⁹⁴. Вхождение в ближайшее окружение царя таких людей должно было, по-видимому, привлечь на сторону Одената восточное, но не арамейское население Передней Азии. Это могло быть и жестом по отношению к населению Персидского царства⁹⁵. Позже, уже после завоевания Египта, Зенобия, явно стремясь привлечь к себе еврейское население страны, восстановила отмененное римлянами право убежища, какое дал одной из египетских синагог еще Птолемей III⁹⁶.

Еще важнее было привлечь эллинское и эллинизированное население региона. И здесь значительную роль должен был играть Лонгин. Лонгин был известным философом-неоплатоником, хотя сам глава неоплатоников Плотин относился к нему иронически, сказав как-то, что Лонгин — хороший филолог, но никакой философ (Porph. Vita Plot. 14). Некоторое время он возглавлял неоплатоновскую школу в Афинах, а затем переселился в Сирию (Porph. Vita Plot. 19). На это переселение его подтолкнуло то, что с материнской стороны он сам происходил из Сирии⁹⁷. Время этого переселения установить точно нельзя. Полагают, что это произошло после убийства Галлиена, когда неоплатонизм, бывший при этом императоре чуть ли не официальной идеологией, не только потерял это положение, но и стал преследоваться⁹⁸. Однако известно, что Лонгину принадлежит панегирик в честь Одената⁹⁹. Между тем Оденат погиб еще при жизни Галлиена. Если, конечно, этот панегирик не был только написан и переслан адресату, а не произнесен в его присутствии, то Лонгин должен был перебраться во владения царя царей еще до убийства императора¹⁰⁰. Порфирий (Vita Plot. 20) называет Лонгина «мужем славным и строгим». Эти слова ясно свидетельствуют о славе философа в среде

⁹³ Inv. III, p. 17.

⁹⁴ Altheim F. Niedergang... S. 284.

⁹⁵ По мнению Д. Шлюмберже, Шапур мог считать Ворода главой проперсидской «партии» в Пальмире: Schlumberger D. Vörod... P. 341.

⁹⁶ Safray Sh. Das Zeitalter der Mischna und des Talmuds // Geschichte des jüdischen Volkes. München, 1981. Bd. I. S. 428; Potter D. S. The Roman Empire... P. 268.

⁹⁷ Anlitzky. Longinus // RE. 1927. Hbd. 26. Sp. 1401, 1402–1403; Altheim F. Niedergang... S. 288. Может быть, он искал в Сирии спасение от готского вторжения.

⁹⁸ Altheim F. Niedergang... S. 331; Alföldy A. Studien... S. 201, 260. По мнению Ф. Алтхайма, в Сирии после преследований друзей Галлиена вообще образовался союз философов, к которому принадлежал не только Лонгин, но и другие эллинские интеллектуалы.

⁹⁹ Ibid. S. 202; Potter D. S. P. 261.

¹⁰⁰ Anlitzky. Op. cit. Sp. 1402.

эллинской интеллигенции того времени. Присутствие такого человека могло привлечь эту интеллигенцию на сторону пальмирских правителей¹⁰¹. В отличие от Ворода Лонгин не только не потерял свое значение при дворе Зенобии, но и был ею приближен, став фактически одним из ближайших советников и даже учителей царицы¹⁰². По словам «Флавия Вописка», именно Лонгин был автором надменного письма Зенобии, в котором она бросала вызов Аврелиану (SHA Aug. 30, 3).

В Сирии в это время уже довольно широко распространилось христианство. И оставить без внимания христианский фактор ни Оденат, ни Зенобия не могли. Они активно поддерживали антиохийского епископа Павла Самосатского. На антиохийскую кафедру Павел вззошел в 260 или 261 г., т. е. еще до подчинения Антиохии Оденату¹⁰³. Значение этой кафедры было весьма велико. Под властью антиохийского епископа находились и христианские общины в соседних городах и деревнях (Euseb. HE VII, 30, 10). Поддержка такого видного иерарха была чрезвычайной полезна Оденату. Правда, через некоторое время выяснилось, что богословские взгляды Павла противопоставили его большинству соседних епископов. Павел занимал резко антитринитарные позиции, считая единоличным Богом только Отца и отказывая в этом Сыну и Духу Святому. Христа он сравнивал с ветхозаветными пророками, но полагал, что на него слово Божье сошло в большей мере, чем на более ранних пророков¹⁰⁴. Эти положения вызвали раскол в Восточной церкви. Соседние епископы не раз собирались на соборы с целью осуждения Павла и на одном из них постановили его низложить и поставить на его место Домна, сына предшественника Павла Деметриана (Euseb. HE. VII, 30, 17). Павел, однако, решительно отказался подчиниться и сохранил за собой епископскую власть (Euseb. HE. VII, 30, 19). Конечно, сделать это без поддержки Одената он едва

¹⁰¹ Potter D. S. The Roman Empire... P. 261.

¹⁰² Anlizki. Op. cit. Sp. 1403; Altheim F. Niedergang... S. 331; Alföldy A. Studien... S. 201–202. В биографии Аврелиана говорится, что Лонгин обучал Зенобию греческой литературе (SHA Aug. 30, 3).

¹⁰³ Millar F. Paul... P. 11; Hilthrunner O. Paulus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 566; Alföldy A. Studien... S. 201–202.

¹⁰⁴ Wegenart K. Zenobia // RE. 1972. Hbd. 19A. Sp. 7–8; Свенцицкая И. С. Первые христиане... С. 280. Евсевий, рассказывая о борьбе с Павлом, акцентирует свое изложение не на религиозных проблемах, а на поведении Павла, несовместимом с поведением христианского епископа. В науке это совершенно справедливо связывается со сложным положением самого Евсевия, который склонялся к арианству, некоторые положения которого сходны с постулатами Павла: Millar F. Paul... P. 10–11. О положениях, выдвинутых Арием, как о продолжении идей Павла: Свенцицкая И. С. Первые христиане... С. 280.

ли мог. Такая поддержка царя была вызвана не признанием богословской правоты Павла (Оденат едва ли разбирался в этих вопросах), а влиянием, какое Павел имел в Антиохии, особенно в «низах» населения¹⁰⁵. Зенобия продолжила поддержку Павла, видя в нем не только теолога, но и противника римского епископа¹⁰⁶. Не вдаваясь в богословские споры, она назначила его еще и прокуратором в ранге дученария¹⁰⁷. Это наделяло Павла и светской властью.

Таким образом, и Оденат, и Зенобия стремились различными средствами и через разных людей обеспечить себе поддержку большинства населения своего государства. Однако полностью добиться этого они не смогли. В Египте существовали как пропальмирская, так и проримская группировки. Имеются сведения о наличии таких группировок в Антиохии. Зосим (I, 51, 2–3) говорит, что антиохийские граждане радостно (ἁρμένως) встретили вступившего в Антиохию Аврелиана, но далее упоминает, что многие (πολλοὺς) покинули город, ибо считались сторонниками Зенобии. Противники Павла утверждали, что тот обманывает испытывавших несправедливость, обещая им помощь (Euseb. HE VII 30, 7). Если оставить на совести врагов обвинение в обмане, то можно увидеть, что сторонниками Павла, а, следовательно, и Зенобии были представители «низов» городского населения¹⁰⁸. Конечно, представить Зенобию и Павла руководителями народного движения невозможно. Речь шла об использовании бедственного положения «низов» для нейтрализации городской верхушки, которая, как и в Бостре, в условиях конкуренции с Пальмирой была настроена антипальмирски. Аврелиана во время его сирийской кампании поддержала и Эмеса (Zos. I, 54, 2). Зосим утверждает, что Аврелиан нашел в Эмесе богатства, которые Зенобия не успела вывезти. Едва ли царица собрала бы в этом городе богатства, если бы эмесцы были столь враждебны ей. Видимо, и здесь, как и в Антиохии,

¹⁰⁵ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 293–294.

¹⁰⁶ Wegenart K. Zenobia. Sp. 8.

¹⁰⁷ Это означало, что зарплата Павла составляла 200 тысяч сестерциев в год. Но получал ли он реально такие деньги, неизвестно. Денежная система в это время была весьма расстроена, и сестерции практически уже не ходили. Скорее всего, речь идет о присвоении Павлу соответствующего ранга, второго после ранга триценария. Это было очень высокое положение, и оно говорило о доверии царицы. Принятие епископами прокураторского поста случалось в III в., как об этом с осуждением говорит Киприан (De laps. 6). Нет оснований сомневаться и в занятии этой должности Павлом (ср., однако: Millar F. Paul... Р. 11–13). Епископы, которые обратились с просьбой о помощи к Аврелиану, называя его точный ранг δοκτὸρῦρος, что, на наш взгляд, исключает сомнения в прокураторстве Павла.

¹⁰⁸ Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 294.

существовала пропальмирская группировка. Характерно, что, говоря о радостном приеме Аврелиана в Антиохии и Эмесе, Зосим упоминает именно граждан (πολίτους), а говоря о беглецах из Антиохии, их статус он никак не определяет.

Несмотря на существование в подчиненных городах антипальмирских группировок, власть пальмирского царя в них была столь сильна, что в обычное время ее противники не имели никаких шансов на успех в открытом выступлении. И в этом отношении характерна неудача противников Павла Самосатского при попытке сместить его с епископской кафедры в Антиохии. Но когда пальмирская армия стала терпеть поражения от римлян, выступление враждебной части граждан было вполне возможно. В той же Антиохии Забда, потерпев поражение от Аврелиана, пошел на хитрость, чтобы уверить антиохийцев в своей победе: он провел по улицам города человека, похожего на императора и в похожих же одеждах, а после этого ночью покинул с войсками город, и это было сделано из опасения нападения антиохийцев на его войска (Zos. I, 51, 1–2). Хотя власть пальмирских царей поддерживалась какими-то слоями населения, особенно низшими, главной опорой правителей являлась армия.

ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Зенобию иногда называют «эллинистической монархией»¹⁰⁹. Действительно, государство Одената и Вахбаллата-Зенобии частично напоминало эллинистические монархии. Как и в эллинистических государствах Востока, здесь наблюдается соединение западных и восточных элементов. Это хорошо отражено в титулатуре пальмирских правителей. Титул царя царей, не имеющий территориальной привязки, вызывает в памяти титулы, например, Селевкидов¹¹⁰. В то же время он явно имеет восточное происхождение. Надо, однако, заметить, что такой титул был известен в эллинистическом Египте на последнем этапе его существования. Его получил сын Клеопатры и Цезаря Цезарион, объявленный соправителем матери, а, по словам Плутарха (Ant. 54), Антоний дал его же и другим сыновьям Клеопатры (рожденным от него) Александру и Птолею, хотя и определил им в будущем определенные территории. В то же время и Оденат,

¹⁰⁹ Engel R. Zenobia // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1492.

¹¹⁰ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 5–8.

и Вахбаллат имели и чисто римские титулы. Оденат, правда, ограничился званием «корректора всего Востока» и, может быть, полководца римлян. Вахбаллат же присвоил себе все титулы римского императора. Таким образом, правители нового государства представляли перед своими восточными подданными как преемники восточных властных традиций, а перед более романизованным населением — как главы римского народа в данном регионе. И в этом особенно нового ничего не было. Известно, что Птолемии начиная с Птолемея Филадельфа кроме обычного греческого титула βασιλεύς имели еще и египетский¹¹¹. Трудно сказать, в какой степени Птолемии служили примером для Одената, который, всерьезнее, ориентировался больше на парфянские и персидские образцы, а в римской части титула ограничиваясь рангом высшего имперского чиновника. Зенобия же сознательно строила власть по модели царей эллинистического Египта, особенно Клеопатры¹¹². Биограф пишет, что она заявляла о своем происхождении из рода Клеопатр и Птолемеев и даже на пирах использовала сосуды, якобы принадлежавшие Клеопатре (SHA Trig. туг. 27, 1; 30, 2; 19). И в греческих, и в арамейских надписях Зенобия именуется «сиятельнейшей» или «сиятельнейшей благочестивой царицей», матерью царя Вахбаллата-Афинодора¹¹³.

То, что Вахбаллат имел не только пальмирское, но и греческое имя, не случайно. В именах тоже отражается соединение восточных и западных элементов. Став римскими гражданами, пальмирцы, как говорилось выше, стали носить обычные римские имена: Септимий, Аврелий, Юлий. Но это были не личные их имена, а родовые, отражающие скорее гражданский статус их носителей. Личные же имена чаще всего оставались местными, как, например, Хайран или Оденат. Оденат, объявив себя царем царей и получив ранг корректора всего Востока, остался с тем же именем, какое носил и до этого. И никак иначе его ни нарративные источники, ни надписи не именуют. Что касается Зенобии, то ее сирийским именем было Бат-Заббай¹¹⁴, а известно по рассказам античных авторов было, вероятно, лишь воспроизведением, более удобным для латинского или греческого уха. Однако ее отец носил греческое имя Антиох (CIS II, 3971 = OGIS 649)¹¹⁵. Хотя и редко, но подобные имена в Пальмире встречаются.

¹¹¹ Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 46.

¹¹² Southern P. Op. cit. P. 116.

¹¹³ Шифман И. Ш. Пальмирский пошлинный тариф. С. 26.

¹¹⁴ Hanslik R. Zenobia. Sp. 1; Engel R. Zenobia. Sp. 1491; Kotula T. Aurélien... P. 104.

¹¹⁵ Это делает из Юлия Аврелия Зенобия Забдиласа не отца, как считали ранее, а скорее родственника царицы: Kotula T. Aurélien... P. 104.

Так, известны на протяжении шести поколений две породнившиеся аристократические семьи, и в четвертом поколении мужчина носил двойное имя Герод Хайран, а его сын был Александром¹¹⁶. Вероятно, в Пальмире существовала какая-то группа знати, которая была в большей степени эллинизирована, чем основная часть пальмирской аристократии, и к этой группе принадлежала семья Зенобии. Сыновья Одената уже имели не только арамейские, но и греческие имена. И это явно было знаком внимания к эллинскому и эллинизированному населению государства. Старший сын и официальный соправитель Одената Хайран в греческих надписях именуется Геродианом. А сын Зенобии, по-видимому, уже сразу получил два имени — пальмирское, Вахбаллат, и греческое, Афинодор. «Требеллий Поллион» называет сыновей Одената Гереннианом и Тимолаем (SHA Trig. туг. 27, 1; 28, 1). Их пальмирскими именами могли быть соответственно Хайран и Таймаллат¹¹⁷. Речь явно идет о младших сыновьях Зенобии. Само по себе такое двойное именование следует обычаю, известному на эллинистическо-римском Востоке, когда местное теофорное имя переводится на греческий язык таким образом, что имя эллинского божества заменяет имя соответствующего местного. Афина, видимо, в это время воспринималась как та же местная богиня, которую пальмирцы почитательно называли Баллат (Владычица). И если в арамейских документах царь именуется его пальмирским именем, то в греческих (в том числе в египетских папирусах) — эллинским или эллинским и пальмирским одновременно. Таким образом, сыновья Одената уже мыслились и как восточные владыки для одной части населения державы, и как эллинистическо-римские — для другой.

Даже в повседневной жизни пальмирского двора наблюдается то же явление. Зенобия носила римский императорский военный плащ, но восточную царскую диадему¹¹⁸. Пирь она устраивала по обычаю персидских царей, но являлась на них опять же в одежде римских императоров. И почитали ее по персидскому обычаю, т. е. падали перед ней ниц (SHA Trig. туг. 30, 2; 13–15).

О системе управления Пальмирским государством сведений, к сожалению, очень мало. Царь, разумеется, обладал всей полнотой

¹¹⁶ Inv. V, p. 11.

¹¹⁷ Kotula T. Aurélien... P. 106; Seyrig H. Les Fils... P. 167, 170. То, что один из сыновей Зенобии носил то же имя, что и его убитый сводный брат, означает, что он мог родиться уже после убийства отца и Хайрана Старшего и получить имя погибшего: Seyrig H. Les Fils... P. 172. Это полностью бы соответствовало отмеченному выше стремлению Зенобии снять с себя всякие подозрения в убийстве мужа и пасынка.

¹¹⁸ Диадему носили и Селевкиды: Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 33–34.

власти как в мирное, так и в военное время. Во время войн, как это было в персидских кампаниях Одената, сам царь возглавлял свою армию. Однако наряду с ним имелись и полководцы. В 224–225 гг. стратегами были Юлий Аврелий Сейба Александр и Тициан Афиндор (Inv. III, 5), а еще раньше — Абгар, сын Шалмана¹¹⁹. При Оденате такими были Юлий Аврелий Септимий Вород и Юлий Аврелий (сего дальнейшие имена не сохранились), которые в греческом тексте именовались стратегами¹²⁰. В надписи особо подчеркивается, что они оба стратеги (ἀμφότεροι στρατηγοί). Юлий Аврелий... еще является и прокуратором-центенарием госпожи (τῆς δεσποίνης). Речь явно идет о Зенобии¹²¹. Вород же являлся одним из ближайших соратников Одената. Между 259 и 262 г. Оденат даровал ему свое родовое имя Септимий, что было знаком великой милости. Может быть, тогда же (не исключено, что и раньше, но, возможно, и немного позже, но до апреля 265 г.) Вород стал градоначальником Пальмиры¹²². После убийства Одената Вород, как уже упоминалось, исчез из поля зрения. Не было бы удивительным, если бы он тоже был убит. Его место занял Септимий Забда, получивший звание верховного главнокомандующего (μέγος στρατηλάτης). Наряду с ним видную роль играл Забдай, занимавший пост ἐνθάδε στρατηλάτης. Забдай явно командовал столичным гарнизоном (Inv. III, 19; 20)¹²³. Каково соотношение между этими двумя лицами, точно сказать трудно. Судя по надписи, в которой, кстати, Забдай стоит впереди Забды, командир столичного гарнизона был, вероятно, независим от верховного командующего. Это подтверждается и тем, что они оба имели одинаковый ранг κρατίστος. Трудно сказать также, изменилось ли положение этих высших офицеров по сравнению с положением Ворода и Аврелия. В принципе слова στρατηγός и στρατηλάτης выражают одно и то же понятие. И все-таки изменение словесного выражения, возможно, отражало и какое-то изменение в сути должности. Στρατηγός все же является более широким понятием, обозначая не только военного командира, но и претора, главу колонии, легата, в то время как στρατηλάτης связан только с военной сферой¹²⁴. Может быть,

¹¹⁹ Matthews J. F. The Tax Law... P. 168–169.

¹²⁰ Gawlikowski M. Les princes... P. 255, n 10.

¹²¹ Ibid. P. 255–256.

¹²² Schlumberger D. Vêrodot... P. 340–341. В качестве градоначальника он, как уже упоминалось, носил старинный иранский титул арпанета. Вород со всеми сего должностями и титулами упоминается в нескольких надписях: Inv. III, 6–11.

¹²³ Stein. Septimius // RE. 1923. Hbd. 4A. Sp. 1576.

¹²⁴ Mason H. J. Op. cit. P. 86–87, 155–158.

стратилат в отличие от стратега полностью сосредоточивался на чисто военных вопросах, не имея ни полицейских, ни административных функций. В любом случае речь идет о лицах, занимавших высшие ступени пальмирской служебной иерархии. И на этих ступенях (по крайней мере, насколько известно на данный момент) нет ни одного римлянина¹²⁵. Более низкие ступени, в том числе должности наместников провинций, могли занимать чиновники, назначенные римским правительством¹²⁶, но, поскольку сам пальмирский правитель официально получил свои полномочия от императора, эти чиновники подчинялись ему.

Зенобия явно играла значительную роль еще при жизни мужа, как это было и у эллинистических царей¹²⁷. В частности, она сопровождала Одената в персидском походе (SHA Trig. туг. 15, 1). Однако царского титула Зенобия явно не имела. В уже не раз упоминавшейся надписи речь идет не о царице, а о госпоже, в то время как Хайран (Геродиан) называется царем царей¹²⁸. Но уже тогда второй стратег был одновременно прокуратором (ἐπίτροπος) Зенобии. А это означает, что она обладала своим кругом подчиненных, через которых могла быть причастной к власти. После же убийства Одената еще в правление Галлиена она, по словам биографа, приняла царские обязанности (regale... munus) (SHA Trig. туг. 30, 3). Речь явно идет о том, что с этого времени Зенобия официально становится царицей.

Римский биограф пишет, что образцами для Зенобии были не только Клеопатра, но также Семирамида и Дидона (SHA Trig. туг. 27, 1; 30, 2)¹²⁹. Этот выбор чрезвычайно любопытен и показателен. Разумеется, речь шла не о реальной Шаммурамат, жене ассирийского царя Шамшиадада V и фактической правительнице в период малолетства ее сына Ададнирари III (или о других дамах, которые вместе с Шаммурамат стали общим прообразом этой фигуры),¹³⁰ и не о столь же реальной Элиссе-Дидоне, основательнице и первой (и единствен-

¹²⁵ Potter D. S. The Roman Empire... P. 261.

¹²⁶ Ibid. P. 260–261.

¹²⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 27–28; Левек П. Указ. соч. С. 47.

¹²⁸ Gawlikowski M. Op. cit. P. 255, n 10.

¹²⁹ О том, что увлечение фигурой Дидоны не было выдумкой автора, свидетельствует тот факт, что в Тире, подчиненном Пальмире, выпускали монеты с изображением этой карфагенской царицы: Potter D. S. The Roman Empire... P. 643, n. 28.

¹³⁰ Röhl W. Semiramis // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 95; Садаев Д. Ч. История Древней Ассирии. М., 1979. С. 91–93; Якобсон В. А. История Ассирии в свете ассириологических исследований XIX–XX вв. // Историография истории Древнего Востока. Т. I. М., 2008. С. 503; Дандамаева М. М. Ассирия и Вавилония в античной традиции // Там же. С. 563–567.

ной) царице Карфагена¹³¹, а о популярных персонажах античной литературы. Эти две литературные героини, как и совершенно историческая Клеопатра, выделялись в патриархальном мире древних обществ, являясь примером женщин, не только достигших самостоятельной власти, но и во многих моментах превосшедших мужчин. Интересно заявление, приписываемое Зенобии, о том, что она с удовольствием бы разделила власть над Империей с Викторией, правившей тогда Галлией, если бы не мешали этому географические условия (SHA Trig. tyr. 30, 23)¹³². Легенда о Семирамиде давно была распространена у греков и продолжала пользоваться популярностью в течение всей античности. В греческой литературе Семирамида выступает как строительница Вавилона и великая завоевательница, подчинившая себе огромные территории от Египта до Индии, следовательно, и те, которые ныне подчиняются римскому императору (Diod. II, 4–20)¹³³. Дидону прославили многие писатели, но в особенности Вергилий. И в его поэме именно Дидоне приписывается проклятие первопредка римлян Энея и его спутников и призыв к вечной вражде с римлянами и приходу мстителя (Aen. IV, 622–630). О Клеопатре тогда вспоминали не только и не столько как о любовнице Антония, сколько как о противнице правившего в Риме будущего Августа, которой уже только поэтому приписывали разнообразнейшие пороки¹³⁴. Таким образом, очень важной стороной деятельности всех этих трех женщин было то, что они прямо или косвенно (как Семирамида) являлись противницами Рима. Зенобия явно представляла себя столь же великой завоевательницей, как Семирамида, и столь же значительной противницей правившего римлянина, как Дидона и Клеопатра, но, разумеется, без их трагического конца.

В связи с этим встает вопрос о конечной цели Зенобии. В науке было высказано мнение, что она стремилась не создать независимое царство, а захватить власть над всей Римской империей, дав ей вторую после Северов восточную династию¹³⁵. Доказательство этому видят в том, что она одевалась частично по римскому императорскому

¹³¹ Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963. С. 37–43; Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987. С. 23–26, 100–101.

¹³² Если бы это заявление было достоверным, то Зенобию можно было бы считать чуть ли не первой феминисткой в истории.

¹³³ Lenschau Th. Semiramis // RE. 1950. SpTbD. 7. Sp. 1207–1211.

¹³⁴ См., например, оценку Клеопатры автором произведения «О славных мужах», приписываемого Аврелию Виктору (De vir. ill. 86).

¹³⁵ Aymard A., Auboyer J. Rome et son Empire. Paris, 1995. P. 467; Сепреес И. П. Указ. соч. С. 138.

образцу и учила своих детей латыни. Однако это облачение по примеру римских императоров являлось, как уже говорилось, частью того синкретического образа, какой правители Пальмиры и особенно Зенобия стремились создать. Это же можно сказать и об обучении сыновей латыни. Хотя этот язык в восточной части Империи не был столь распространен, как в западной, он и там был официальным и по крайней мере известным¹³⁶. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой Зенобия намеревалась создать восточное государство в рамках Римской империи, готовя своих сыновей, прежде всего Вахбаллата, к роли правителей под верховной властью и покровительством римского императора¹³⁷. В доказательство приводятся легенды монет и датировочные надписи папирусов, в которых наряду с Вахбаллатом называются также Клавдий, а затем Аврелиан. Все же в таком случае непонятно, почему пальмирская царица так настойчиво подчеркивала равенство своего сына с правящим императором. Было ясно, что принятие всего ряда императорских титулов, включая титул августа, противопоставляет Вахбаллата римскому императору. Последним шагом Зенобии в этом направлении стало полное опускание имени Аврелиана на монетах, так что ни о каком признании верховной власти императора речи уже не было. А военно-политические шаги Зенобии, особенно захват Египта и продвижение к проливам из Эгейского моря в Понт Эвксинский представляли собой прямую угрозу Риму и Италии. Наконец, широко распространен взгляд, согласно которому Зенобия провозгласила независимость Пальмирского государства, и это-то и было подлинной ее целью¹³⁸.

Трудно, конечно, сказать, какие планы могла строить Зенобия, тем более что эти планы могли становиться все грандиознее по мере одерживаемых успехов, но думается, что образцом для нее были все же не римские императоры или императрицы, как Юлия Домна, а эллинистические цари. Недаром, если верить ее биографу, она прекрасно знала историю Александра и историю Востока и даже сама написала (точнее, продиктовала) их изложение (SHA Trig. тит. 30, 22). Да и завоевания Семирамиды и ее супруга Нина поразительно совпадают с землями, покоренными Александром. Вероятно, Зенобия (может быть, уже и Одснат) планировала или скорее мечтала создать державу, которая, с одной стороны, включила бы по крайней мере азиатские провинции Римской империи и Египет (т. е. территории

¹³⁶ Раднович А. Указ. соч. С. 159.

¹³⁷ Kotula T. Aurélien... P. 117–123.

¹³⁸ Hanslik R. Zenobia. Sp. 3; Engel R. Zenobia. Sp. 1492.

эллинистических государств, подчиненные Риму), а с другой — пожалуй, и Иран. Ее сын по-разному представлял бы перед разными группами подчиненного населения: как царь царей перед своими восточными подданными и как император-август — перед западными. Если это так, то непонятно, как в таком случае планировались будущие отношения с Римом. Может быть, и сама Зенобия этого себе ясно не представляла.

Итак, представляется, что Пальмирское царство являло собой попытку возродить в новом виде Эллинистическое государство. Это, конечно, стало возможным только в условиях резкого ослабления центральной власти в Римской империи. На протяжении некоторого времени существование такого государства было даже выгодно Риму. «Требеллий Поллион» приписывает Аврелиану слова, что Зенобия принесла много пользы Римскому государству, защищая Восток, и что Клавдий, занятый борьбой с готами, именно поэтому позволял ей и ее детям сохранять власть (SHA Trig. туг. 30, 8; 11). Когда же Аврелиан счел, что императорская власть снова обрела прежнюю силу, он решительно выступил против пальмирской царицы. Неравное соотношение и сил, и внутренняя непрочность Пальмирского государства привели к закономерному итогу — Пальмирская держава была ликвидирована, и власть Римской империи в этом регионе восстановлена.

Глава VII

ГАЛЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ГАЛЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ. ПРАВЛЕНИЕ ПОСТУМА

Галльская империя — *Imperium Galliarum*, как ее называет Евтропий (IX, 9, 3)¹ — возникла в условиях, подобных тем, в которых создавалось Пальмирское царство: поражение, если можно так выразиться, официальных имперских сил и победа местного командующего, который «конвертировал» военную победу в политическую власть². Однако на этом сходство и кончается. Создание Пальмирской державы явилось, как кажется, попыткой в новых условиях возродить эллинистическое государство, придав ему смешанный восточно-западный характер (хотя, по-видимому, с восточным преимуществом). Галльская империя была полным сколком с империи Римской. Это совершенно понятно. На римском Западе в отличие от Востока не существовало ни клиентских государств, ни каких-либо других политических единиц, находившихся под контролем местных правителей, которые могли бы использовать свое положение для создания независимой или полузависимой державы. Здесь существовали только римские провинции, более или менее однообразно управляемые по общим имперским правилам. Еще сохранившиеся местные традиции были вытеснены и на территориальную периферию, и на периферию провинциального сознания. Некоторые из них в III в. возродились, но все же не стали столь сильны, чтобы играть значительную

¹ Выражение *imperium Galliarum* впервые использовал Тацит (Hist. IV, 75, 1), рассказывая о письме Классика и Цивилиса Церялу, в котором предлагали последнему власть над Галлией. Евтропий, используя то же выражение, по-видимому, сознательно ориентировался на этот пример (ср.: *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 182–183).

² *Le Glay M. Grandeza...* P. 295.

политическую роль. Правители нового государства не должны были выступать в роли двуликого Януса, обращенного одним лицом к туземным, а другим — к римским (или романизованным) подданным. Поэтому естественно, что фактически создаваемое новое государство формировалось по римскому образцу³. Взяв власть, Постум принимает обычные титулы, именую себя императором, цезарем, «благочестивым», «счастливым», «непобедимым августом», становясь также «отцом отечества» и верховным понтификом⁴. И в этом плане его положение ничем не отличается от положения Галлиена⁵.

Римский сенат, находившийся под контролем Галлиена, естественно, не признал Постума законным императором. Поэтому биограф, восторгавшийся личными качествами Постума и считавший его вполне заслуживавшим императорской власти, тем не менее включил его в число тиранов, незаконно властвовавших над какой-нибудь частью Римской империи. Власть Постума признали не только Галлия, но, как свидетельствуют надписи, также Испания и Британия (например, ILS 560, 562)⁶. Сравнительно недавно найденная надпись показывает, что во второй половине 260 г. под властью Постума оказалась и Реция: наместник этой провинции М. Сиплиций Геналис, разгромивший еще под auspiciis Галлиена ютунгов, победный алтарь поставил уже в консульство Постума и Гонорациана⁷. По словам анонимного греческого историка, под властью Постума находились альпийские проходы между Италией и Галлией (FHG IV. Anon. fr. 6). Стремился ли Постум овладеть всей Римской империей или с самого начала намеревался ограничиться ее западными провинциями, спорно, и различные исследователи выдвигают по этому поводу самые

³ А. Алфёльди выразительно пишет, что Постум и его преемники выдвигали не галльскую, а римскую программу: *Alföldy A. Studien...* S. 383.

⁴ *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 198–203, N 34–52.

⁵ *König I. Die gallische Usurpatoren...* S. 57–58.

⁶ *Lafaurie J. Op. cit.* P. 869–873; *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 54–55; *Kotula T. L'usurpateur...* P. 354; *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 210. Отрицается или по крайней мере ставится под сомнение подчинение Постуму Нарбоннской Галлии: *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 55–56; *Southern P. Op. cit.* P. 98. Единственным основанием для такого мнения является отсутствие известных в настоящее время надписей Постума в этой провинции. Однако *argumentum ex silentio* вообще является очень опасным и ненадежным, а в отношении эпиграфики особенно, ибо никто не знает, какие надписи могут быть найдены. Находка надписи с упоминанием Постума в Реции это показывает совершенно ясно. Кроме того, в Бельгии тоже пока почти нет надписей Постума, но в подчинении этой провинции Постуму нет сомнений.

⁷ Куликова Ю. В. Победный алтарь из Аугсбурга и территориальный состав Галльской империи в правление Постума // Древний Восток и античный мир. М., 2002. Вып. V. С. 140–146.

разнообразные предположения⁸. К этому вопросу мы вернемся несколько позже. Пока же надо принять один ясный факт: под властью Постума находилась практически вся западная часть Римской империи. Таким образом, на римском Западе образовалось новое независимое государство.

Намеревался ли Постум захватить Италию и свергнуть Галлиена или нет, в любом случае захват им власти на Западе, и притом в непосредственной близости от Италии, представлял серьезную угрозу для Галлиена. И если Галлиен признал или скорее был вынужден обстоятельствами признать Одената, то претензии Постума на власть он отверг решительно. Отношения между Галлиеном и Постумом с самого начала были враждебными. Смириться не только с потерей западной части Империи⁹, но и с убийством сына Галлиен не мог. Это не значит, что война между двумя императорами началась сразу после узурпации Постума. Как говорилось в соответствующей главе, положение на Дунае и Балканах заставило Галлиена на некоторое время отвлечься от ситуации в Галлии. Однако угроза войны с Галлиеном висела над Постумом постоянно. Перед ним встали три задачи, которые надо было решать одновременно: защититься или подготовиться к защите от войск Галлиена, обеспечить оборону подчиненной территории от варваров и оформить и стабилизировать свою власть на подконтрольной территории.

Какими бы ни были дальнейшие планы Постума, в первое время идти на обострение отношений с Галлиеном он не решался, ибо слишком большое внимание ему приходилось уделять рейнской границе. Галлиен же, со своей стороны, едва ли мог предпринять решительное наступление на галльского узурпатора до окончательного урегулирования положения на Балканах и в восточной части Империи. Поэтому представляется, что мнение о первой войне Галлиена с Постумом уже в 261 г.¹⁰ ошибочно. Но в 264 или 265 г. она вполне могла иметь место¹¹. Судя по распространению соответствующих монет, в 263 г. фактически была закрыта граница между Галльской империей и остальным государством, в ответ на что Постум начал выпускать собственную бронзовую монету¹². Как говорилось ранее,

⁸ Обзор этих взглядов: *Сергеев И. П.* Указ. соч. С. 121–125.

⁹ Значительная часть востока Империи тоже была потеряна, но Оденат все же формально признавал власть Галлиена, чего совершенно не было в случае с Постумом.

¹⁰ *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 169.

¹¹ Ср.: *Stein. Cassianus...* Sp. 1661–1662. По мнению Ю. В. Куликовой, военные действия продолжались примерно до 266 г.: *Куликова Ю. В.* Создание... С. 139.

¹² *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 125–126.

Галлиен приблизительно в это время начал пропагандистскую кампанию, важнейшей частью которой стал выпуск монет с легендами, намекающими на грядущее освобождение Галлии от власти узурпатора. Сохранился довольно странный рассказ о том, что Галлиен якобы даже предложил Постуму завершить их спор единоборством, дабы не проливать римскую кровь, на что галльский император ответил, что он не гладиатор, а император, избранный галлами в награду за спасение провинций (FHG IV. Anon. fr. 6). Трудно сказать, можно ли верить этому рассказу¹³, хотя переписка между Галлиеном и Постумом вполне могла состояться. Война же явно состоялась и была, возможно, довольно продолжительна, и военное счастье склонялось то на одну, то на другую сторону (SHA Gal. 4, 6; Zon. XII, 24), но, как уже говорилось, Галлиен был ранен и отступил. Однако результатом этой войны явилось, по-видимому, возвращение Реции под власть Галлиена¹⁴. Во всяком случае в 268 г. полководец Галлиена Авреол, поднявший против него мятеж, стоял во главе легионов в этой провинции (Aug. Vict. 33, 17). Новая война, к которой явно готовились оба противника, не состоялась из-за убийства Галлиена в 268 г. и мятежа против Постума в том же году.

Задача защиты Галлии от варварских вторжений явно представлялась Постуму, по крайней мере в начале его правления, гораздо более важной, чем борьба с Галлиеном. Он пришел к власти в результате своей победы над какой-то частью варваров. И в дальнейшем от него ожидали активной защиты и недопущения новых нападений германцев. Именно такая защита и была основной причиной поддержки узурпатора не только армией, но и гражданским населением¹⁵. И Постум это прекрасно понимал. Надпись 261 г. уже упоминает его титул *Germanicus maximus* (ILS 561). Когда точно он принял этот титул, неизвестно. Очень возможно, что этим он прославил ту свою победу над франками, которая позволила ему получить власть в Галлии. Однако эта победа была не очень значительна. Находки в зарейнской Германии содержат различные предметы, захваченные германцами в Галлии, причем не только в районе Рейна, но даже

¹³ А. Алфёльди видит в этом предложении Галлиена проявление его благородного рыцарства: *Alföldy A. Studien...* S. 263. О рыцарском поведении Галлиена в данном случае говорит и Ф. Альтхайм: *Altheim F. Niedergang...* S. 158, 322. Е. М. Шгаерман, наоборот, подчеркивает анекдотичный характер всего рассказа: *Штаерман Е. М. Кризис...* С. 455.

¹⁴ *Southern P. Op. cit.* P. 100.

¹⁵ *Kotula T. L'usurpateur...* P. 364; *Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit.* P. 104; *Southern P. Op. cit.* P. 98; *Куликова Ю. В. Концепция власти...* С. 147.

в припиренейской Аквитании¹⁶. По-видимому, в 261 г. аламаны снова прорвались в Галлию¹⁷. Постуму явно пришлось принимать значительные меры для защиты своих владений. Уже Галлиен занимался строительством укреплений в наиболее угрожаемых районах Галлии. Постум продолжил эту работу. Была создана целая оборонительная сеть вдоль Рейна и на северо-востоке Галлии¹⁸. В ответ на предложение Галлиена решить дело единоборством Постум заявил, что он спас (ῥέσσω) провинции, которые возглавлял. Можно сомневаться в существовании именно этих писем Галлиена и Постума, но на монетах Постума начиная со второй половины 261 г. появляется титул *RESTITUTOR GALLIARUM*¹⁹, что также говорит о претензиях узурпатора на спасение Галлии. В биографии Лелиана (Лоллиана) говорится, что Постум за семь лет построил лагерь (*castra*) на варварской земле (*in solo barbarico*) (*SHA Trig. tyr. 5, 4*). По-видимому, Постум совершил какие-то рейды за Рейн и создал какие-то опорные пункты на германской территории²⁰. Предпринял он и определенные дипломатические шаги, не брезгуя и деньгами откупиться от будущих варварских вторжений²¹. Находки монет Постума в «свободной» Германии подтверждают сообщение «Требеллия Поллиона» о том, что Постум привлекал к себе на службу вспомогательные отряды кельтов и франков или вообще германцев (*SHA Gal. 7, 1; Trig. tyr. 6, 2*)²². Вероятно, именно для выплат своим варварским воинам Постум стал снова выпускать исчезнувшие было крупные бронзовые монеты с легендой *FIDES MILITUM*²³. При этом надо иметь в виду, что автор связывает наличие этих отрядов в армии Постума только с его войной с Галлиеном. Вероятно, для борьбы с их соотечественниками Постум германцев все же не привлекал, справедливо опасаясь их перехода на сторону врага. Внимание Постума привлекала не только рейнская граница, но и атлантическое побережье. Археологические данные показывают, что здесь им были построены и новые укрепления, и новые дороги,

¹⁶ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 103.

¹⁷ Hatt J. J. Op. cit. P. 222.

¹⁸ Gansbeke P. van. En mise en état de la défense en Gaule au milieu du IIIe siècle après J.-C. // Latomus. 1955. T. 14. P. 406–410.

¹⁹ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 101.

²⁰ Ср.: Alföldy A. Studien... S. 403; Куликова Ю. В. Концепция власти... С. 149.

²¹ Potter D. S. The Roman Empire... P. 261.

²² Использование слова «кельты» вместо обычного латинского «галлы» может говорить о греческом источнике автора, скорее всего Дексиппа: König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 107, Anm. 27.

²³ Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 56.

облегчающие переброску войск в случае необходимости²⁴. Видимо, морские пираты, а ими были франки и саксы²⁵, тоже представляли в это время значительную опасность, и Постум предпринял необходимые меры для защиты от их атак²⁶. Войны с германцами заняли, по-видимому, 260–264 гг.²⁷ Решающая победа, возможно, была одержана в 263 г., и она была отмечена монетами с легендами VORTUNA REDUX и VICTORIA GERMANICA²⁸. В 264 или следующем году Постум сумел отбить нападение Галлиена, хотя, как говорилось, и потерял, вероятно, часть своих владений. Это все укрепило его власть.

Оформлением своей власти Постум занялся уже сразу после провозглашения его императором и последовавшего очень скоро после этого убийства Салонина. Существует мнение, что первоначально Постум объявил себя только цезарем, тем самым признавая верховную власть Галлиена и претендуя лишь на управление Галлией от его имени, но неуступчивость законного императора заставила его сделать следующий шаг²⁹. Однако для такого утверждения нет никаких оснований. Все надписи, где упоминается титулатура Постума, в том числе и самые ранние, именуют его не только цезарем, но и августом³⁰. Следовательно, Постум с самого начала взял курс на разрыв с Галлиеном. Более того, он отказался признавать не только правящего в Риме императора, но и консулов, включая ординарных эпонимных консулов этого года. Этими консулами были П. Корнелий Секулярий и Г. Юлий Донат³¹, а в упомянутой выше надписи наместника Реции Гениалиса, относящейся к сентябрю 260 г., консулами названы Постум и Гонорациан. Это значит, что Постум не только объявил себя августом, но и назначил себя же ординарным консулом, не дожидаясь 1 января следующего года. И в дальнейшем в сфере его власти появлялись собственные консулы, в том числе ординарные, именами которых обозначается год³². Постум всячески подчеркивал, что его государство — это обычная Римская империя со всеми ее

²⁴ Gansbeke P. van. Op. cit. P. 417–419.

²⁵ Demougeot E. Op. cit. P. 469–471; Ziolkowski A. Op. cit. P. 407.

²⁶ Millar F. The Roman Empire... P. 167.

²⁷ Demougeot E. Op. cit. P. 501–504; König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 101–102. Постум совершил не менее пяти походов против германцев: Stein. Cassianus. Sp. 1661. Борьба с пиратами могла происходить и в более позднее время.

²⁸ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 79.

²⁹ Куликова Ю. В. Победный алтарь... С. 145; Она же. Создание... С. 138.

³⁰ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 198–205, N 3–63.

³¹ Бикерман Э. Хронология... С. 233.

³² König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 68.

институтами³³, но ограниченная (может быть, в силу обстоятельств) несколькими провинциями ее западной части. Об этом ясно свидетельствуют не только титулы Постума, но и легенды его бронзовых монет, такие, как ROMA AETERNA, PACATOR ORBIS, RESTITUTOR ORBIS, HERCULES ROMANUS³⁴.

Если Постум представлял свое государство как нормальную, хотя и ограниченную в размерах Римскую империю, то, естественно, он не мог обойтись без сената. Вопрос о существовании в Галльской империи сената спорный. Единственным реальным основанием для утверждения о его существовании являются монеты с маркой SC³⁵. Имеются и некоторые косвенные доказательства. В биографии Аврелиана говорится о триумфальной процессии императора, в которой вели сенаторов (*senatores triumphari*), чем опечалены были члены римского сената (SHA Aug. 34, 4). Биограф «тридцати тиранов» называет Тетрика сенатором римского народа (*senatorem p. R.*), а затем пишет, что ему и его сыну Аврелиан дал претексту и сенаторское достоинство (SHA Trig. tyr. 24, 4; 25, 4)³⁶. Если верить последнему утверждению, то видно, что римский император сенаторское достоинство за галльскими сенаторами не признавал. А это может говорить о создании галльскими августиами собственного сената. То, что члены этого сената назывались сенаторами римского народа, неудивительно, ибо для Постума идеальным субъектом его государства являлся именно римский народ, а не галлы (а также испанцы и британцы) как таковые, тем более что после эдикта Каракаллы все они стали частью «римского народа».

Наконец, косвенным доводом в пользу существования при галльских узурпаторах своего сената является следующее рассуждение. Как только что говорилось, Постум подчеркивал римский характер своего государства. А представить свое государство без сената, какова бы ни была его реальная роль, римляне того времени не могли. Задолго до Постума Серторий, создавая в Испании свое «правитель-

³³ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 104.

³⁴ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 57, 78–79; Alföldy A. Studien... S. 367.

³⁵ Stein. Cassianus. Sp. 1664; Demougeot E. Op. cit. P. 504; Alföldy A. Studien... S. 368; Сергеев И. П. Указ. соч. С. 125. Ср.: Куликова Ю. В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. Автореф. ... канд. дис. М., 2003. С. 11; Она же. Создание... С. 138.

³⁶ Заместим, что авторство биографий Аврелиана и «тиранов» приписывается разным писателям — «Флавию Вописку» и «Требеллию Поллиону» соответственно. Вопрос об авторстве всего сборника, как известно, очень спорен, но если верить в достоверность имен, поставленных во главе отдельных биографий, то сообщение о сенаторах Галльской империи получает подтверждение разных авторов, что повышает его достоверность.

ство в изгнании», создал и сенат, противопоставляя его незаконному, на его взгляд, сулланскому сенату в Риме³⁷. Римский сенат Постума, естественно, не признал, и в таких условиях ему не оставалось ничего другого, как создать свой сенат в противоположность тому, который находился в Риме. Надо также иметь в виду, что теоретически только сенат мог назначить императора³⁸. Поэтому собственный сенат был нужен Постуму и для узаконения своей власти, по крайней мере в той части Империи, которая эту власть признавала.

Каков был принцип формирования сената Постумом, неизвестно. По словам биографа, Постум был радостно принят всем войском и всеми галлами (SHA Trig. тит. 3, 4). Сочетание *ab omni exercitu et ab omnibus Gallis* ясно показывает, что под галлами подразумевалось невоенное население страны. Среди галльских провинциалов в это время имелись и сенаторы. Поэтому можно предположить, что те из них, кто тогда находился на территории, подвластной Постуму (не только в Галлии, но и в Испании и, может быть, Британии), и признал его императором, были включены в сенат. Едва ли их было столь много, чтобы составить полноценный сенат, численностью хотя бы приближающийся к римскому³⁹. Но, во-первых, сенат Постума совсем не обязательно должен был по численности быть равен сенату Рима, а во-вторых, ничто не мешало Постуму, считавшему себя полноправным принцепсом, ввести в свой сенат своих сторонников, как это делали до него и другие императоры⁴⁰. Поскольку монограмма SC появляется уже во второй половине 260 г., т. е. почти сразу после взятия власти⁴¹, то можно думать, что создание своего сената стало одним из первых внутривосточных мероприятий Постума⁴².

³⁷ Циркин Ю. Б. Движение Сертория // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 148–150. В свое время А. Шульцен видел в государстве Сертория предвестника провинциальных империй III в., следовательно, и Галльской империи: *Schulten A. Sertorius*. Leipzig, 1926. S. 83.

³⁸ O'Brien Moore. *Senatus* // RE. 1935. SpBd. VI. Sp. 779.

³⁹ Сенаторов бесспорного галльского происхождения было в то время немного: *Millar F. The Roman Empire*... P. 149.

⁴⁰ Ю. В. Куликова (Создание... С. 138) считает, что Постум создал свой сенат из представителей местной кельтской элиты.

⁴¹ König J. *Die gallischen Usurpatoren*... S. 73–74.

⁴² И. Кёниг считает, что такое быстрое формирование галльского сената невозможно, а потому и всякое суждение о его существовании ложно (*Ibid.*). Однако тех нескольких месяцев, какие были в распоряжении Постума, вполне достаточно для создания сената или по крайней мере его ядра, которое узурпатор мог рассматривать как вполне работоспособный орган.

Известны имена некоторых сенаторов Постума. Одним из них был наместник (praeses) Верхней Британии Октавий Сабин, названный в надписи v(ir) c(larissimus)⁴³. Неизвестно, имел ли он сенаторский ранг еще до подчинения Постуму или получил его только уже от галльского узурпатора. Мы знаем также четырех ординарных консулов Постума (кроме самого императора и его соратника Викторина) — Цензора, Лепида, Диалиса и Басса⁴⁴. Консулами в это время могли быть только сенаторы⁴⁵. К сожалению, известны только когномены этих консулов, что не позволяет судить об их происхождении. Будущие консулы Викторина, как и будущий император Тетрик, могли быть сенаторами уже при Постуме⁴⁶.

Постум формировал институты своего государства полностью по римскому образцу⁴⁷. Это относилось не только к консульству и сенату. До нас дошла надпись будущего преемника Постума М. Пиавония Викторина, который назван трибуном преторианцев⁴⁸. Известен и другой трибун преторианцев — Либералиний Пробин⁴⁹. Следовательно, Постум создал и свою преторианскую гвардию. Позже Викторин станет консулом вместе с Постумом, когда тот будет им в четвертый раз, т. е. в 267 или 268 г.⁵⁰ Едва ли император удостоил ординарного консульства трибуна одной из преторианских когорт. Мы не знаем деталей карьеры Викторина⁵¹, но все же можно думать, что между трибуналом когорты и ординарным консульством прошел относительно немалый промежуток времени. Поэтому вполне можно говорить, что свою преторианскую гвардию Постум создал (или, по крайней мере, начал создавать) сразу после взятия власти. Ее ядром

⁴³ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 69–70, 205, N 61.

⁴⁴ Ibid. S. 68, 203–204, N 54–57.

⁴⁵ Правда, как говорилось в свое время, в 261 г. ординарным консулом при Галлисе был всадник Петроний Тавр. Однако едва ли Постум решился бы на такой шаг, какой сделал его соперник. Благожелательная оценка Постума (в отличие от оценки Галлиса) биографом косвенно свидетельствует о более традиционном поведении «тирана» по сравнению с законным императором.

⁴⁶ О Тетрике как о сенаторе Постума: Штаерман Е. М. Кризис... С. 466.

⁴⁷ Pflaum H.-G. Les carriers... P. 947.

⁴⁸ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 209, N 75.

⁴⁹ Faust W. Die Grabstelen... S. 120–121. Эта надпись найдена в Колонии Агриппинс, что еще раз доказывает, что именно этот город являлся столицей Постума и там располагалась его преторианская гвардия. Находка надписи Викторина в Августе Треверов может объясняться происхождением или какой-либо другой связью Викторина с этим городом.

⁵⁰ König I. Op. cit. S. 68.

⁵¹ Очень вероятно, что в конце правления Постума он занимал пост префекта претория: König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 142–143. К этому вопросу мы вернемся позже.

могли быть воины, охранявшие его самого еще до провозглашения императором⁵². Упомянутая выше надпись Пробина является эпитафией, которую сделала его дочь своему отцу и мужу. И то, что вся семья преторианского трибуна находилась в Колонии Агриппине, доказывает его местное происхождение⁵³.

В империи Постума возникают и другие должности. Так, создается специальная префектура *vehiculorum per Gallias*, задачей которой было обеспечить свободное движение по дорогам галльских провинций⁵⁴. Такое движение, как и построенные дороги, служило прежде всего военным целям. Недаром префектом был назначен человек, который до этого командовал кавалерийской алой. О том, насколько важной была эта префектура, свидетельствует карьера префекта *vehiculorum*, который затем возглавил монетный двор в Августе Треверов, а еще позже стал наместником Верхней Германии и явно уже после воссоединения Галлии с Империей достиг высоких должностей вплоть до постов префекта претория и префекта Города (CIL VI, 1641)⁵⁵. Таким образом, префектура «повозок» оказывалась ступенькой большой карьеры, что едва ли было бы возможно, если бы эта должность была незначительной.

К сожалению, других подробностей о государственном аппарате, созданном Постумом, мы пока не знаем. Но и этих деталей достаточно, чтобы говорить о появлении на территории, подчиненной узурпатору, нормально действующих обычных органов власти, позволяющих Постуму управлять подчиненными ему провинциями при полном игнорировании центрального правительства в Риме. Отделившись фактически от Империи, Постум в то же время никак не менял провинциальное деление той части государства, которая оказалась под его властью. Известно о существовании в этой части государства провинций Реции, Аквитании, Верхней Британии. Существовали они и ранее. Приведенная выше надпись Симплиция Гениалиса, который был вице-президентом Реции во время успешной войны с германцами под auspiciis Галлиена и оставался им после признания власти Постума, показывает, что узурпатор не менял глав провинций, если они признавали его власть.

Просопографические данные, относящиеся к Галльской империи, слишком скудные, чтобы дать полное представление о тех кругах,

⁵² Куликова Ю. В. Создание... С. 138.

⁵³ Faust W. Die Grabstelen... S. 120.

⁵⁴ Pflaum H.-G. Les carrières... P. 946. Существовали ли такие должности в Испании и Британии, неизвестно.

⁵⁵ Pflaum H.-G. Les carrières... P. 941–947.

которые активно поддерживали Постума, и о том человеческом резервуаре, из которого он набирал чины своей администрации. Но все же те очень немногие свидетельства, какие сохранились, позволяют говорить о «галлизировании» высшего слоя этой администрации⁵⁶. Явно местного происхождения были и восставший против Постума Лелиан, и ближайший соратник Постума, сам ставший затем императором Викторин⁵⁷. Еще более очевидно галльское происхождение последнего императора Галлии Тетрика. Его *nomen* *Esuvius*, несомненно, связано с галльским племенем эзувиев, или эзубиев, упомянутым Цезарем (*Bel. Gal.* II, 34; V, 24). По словам Цезаря, это было одно из приморских племен на северо-западе Галлии, которое обитало где-то между Нижней Секваной и Лигером⁵⁸. Сохранение племенного имени в качестве родового ясно говорит о принадлежности этого императора к доцезаревской галльской знати. Такое предпочтение, оказываемое выходцам из местной среды, было вызвано, как кажется, не сознательным противопоставлением Риму, а объективными обстоятельствами. Поскольку под властью Постума оказалась только часть Римской империи, то естественно, что эта часть и давала ему кадры для его гражданского и военного аппарата. К этому времени римская армия во все большей степени (хотя и не полностью) рекрутировалась из уроженцев сравнительно близких территорий⁵⁹. Рейнская армия не была в этом отношении исключением. И если Постум, как и другие императоры, обращался к армии для получения тех или иных кадров, то именно уроженцы галльских и рейнских провинций и оказывались такими людьми. И легионерами, и офицерами, в том числе высшими, а также наместниками провинций, признавшими Постума, могли быть и выходцы из других частей Империи, но их все же было сравнительно немного, и составить противовес местным уроженцам они не могли.

Своей столицей Постум избрал Колонию Агриппину. Этот город, бывший одним из важнейших торговых и ремесленных центров региона⁶⁰, являлся резиденцией Галлиена во время его пребывания на Рейне; там же жил со своим опекуном оставленный Галлиеном Салонин. Так что Колония Агриппина уже являлась фактической сто-

⁵⁶ *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 261.

⁵⁷ *Hanslik R. Victorinus* // *RE*. 1958. Hbd. 16A. Sp. 2074; *König J. Die gallischen Usurpatoren...* S. 133, 141–142; *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 261.

⁵⁸ *Le Glay M. Esuvii* / *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 2. Sp. 379.

⁵⁹ *Forni G. Op. cit.* P. 381–387.

⁶⁰ *Brogan O. Roman Gaul. Cambridge (Mass.), 1953. P. 118–119; Romanelli P. La Renania...* P. 48–51.

лицей западной части Римской империи. Очень важным было то, что в ней находился и монетный двор, который, естественно, сразу же был использован Постумом для выпуска своих монет. Галлия была одной из наиболее богатых стран в составе Империи⁶¹. В распоряжении Постума оказались также металлические богатства Испании и Британии. И это стало материальной основой постумовской чеканки. Качество монет Постума было более высоким, чем у его соперника Галлиена. Так, например, денарий Постума весил 2,84 г, а Галлиена — 2,17 г. И если в начале правления Постума содержание серебра в его антониане было несколько ниже, чем в антонианах Галлиена, то позже положение изменилось. Проба галлиеновского антониана постоянно снижалась, в то время как в монете Постума она поднималась иногда даже до 20%⁶². Галопирующей инфляции при Галлиене была противопоставлена монетная стабильность при Постуме. Что же касается золотых ауреев, предназначенных для выплат солдатам, то монеты Постума более чем в два раза превышали по своему весу ауреи Галлиена⁶³.

В число биографий «тридцати тиранов» включено и краткое жизнеописание Постума Младшего (SHA Trig. туг. 4). По словам биографа, отец сделал его цезарем, а позже в честь отца он сделался и августом. Однако до сих пор его имя не встречается ни в надписях, ни в монетных легендах. На этом основании само существование Постума Младшего, а тем более его правления вместе с отцом считаются литературной фикцией⁶⁴. Однако известно, что в 268 г. была выпущена серия монет с изображением Кастора и легендой PRINCEPS

⁶¹ Duncan-Jones R. P. The Wealth of Gaul // Chiron. 1981. Bd. 11. P. 217–220.

⁶² Callu J.-P. La politique monétaire... P. 246–247.

⁶³ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 433–434; König. Die gallischen Usurpatoren... S. 84–85; Alföldy A. Studien... S. 421.

⁶⁴ König. Die gallischen Usurpatoren... S. 136, 157. Считается при этом, что причиной этой фикции является желание автора увеличить число узурпаторов, выступавших против ненавистного Галлиена, и довести число «тиранов» до желаемой цифры 30, а сама фигура Постума Младшего, как и сына Викторина, была создана по образцу, несомненно, реального сына Тетрика. Однако эти доводы не убедительны. Противников Галлиена и так было довольно много. О сыновьях Постума и Викторина говорится очень мало, и ни о каких их подвигах нет речи. Единственное, что, по словам биографа, заслуживает упоминания при разговоре о Постуме Младшем, так это только его красноречие. Фигурами для реального противопоставления Галлиену сыновья Постума и Викторина быть не могли. Довод же о желании довести число узурпаторов до желанной цифры, на наш взгляд, вообще не вызывает никакого доверия. Понятие «тридцати тиранов» стало в большой степени топонимом. Да и жизнеописаний «тиранов» в соответствующем разделе сборника — 33, так что, если бы автор хотел свести или хотя бы приблизить их количество к искомому числу, ему скорее было бы нужно, наоборот, исключить младших Постума

IUVENTUTIS⁶⁵. Диоскуры издавна считались покровителями всадничества⁶⁶, причем в Италии и Риме именно Кастор выдвигался на первый план⁶⁷. А так как *princeps iuventutis* рассматривался именно как предводитель всаднической молодежи⁶⁸, то его связь с Диоскурами и особенно с Кастором вполне понятна. Со времени Августа, который назначил на этот пост своих внуков Гая и Люция Цезарей, этот титул обычно носили наследники власти. Поэтому совсем не исключено, что *princeps iuventutis*, объединенный с Кастором на монетах Постума, являлся его сыном и наследником. Это полностью вписывалось в логику правления императоров III в. Каждый из них стремился (хотя и неудачно) закрепить трон за своим сыном и основать тем самым новую династию. И совсем неясно, почему Постум должен был быть в этом отношении исключением. Характерно, однако, что такая монета появляется только в 268 г. По-видимому, именно тогда перед Постумом и встала задача закрепления власти за своим сыном. Кроме того, это могло быть связано с попыткой Постума окончательно решить проблему своей легитимности.

С самого начала Постум позиционировал себя как спасителя провинций, прежде всего галльских, особенно страдавших от германских вторжений. Отсюда и легенды его монет — *RESTITUTOR GAL-LIARUM*, *SALUS PROVINCIARUM*, *SPES PUBLICA* и другие им подобные⁶⁹. Эту роль Постума подчеркивали и римские историки. Евтропий (IX, 9, 1) писал, что Постум благодаря своей великой храбрости и благоразумию вернул галльские провинции, а биограф «тридцати тиранов» называет Постума и его преемников освободителями, или защитниками, римского имени (*adsertores Romani nominis*) (SHA Trig. tyr. 5, 5). Тот же автор говорит об огромной любви (*nimius amor*) к Постуму всех галльских народов именно потому, что он возвратил безопасность (*in pristinam securitatem revocasset*) Империи, а также о том, что Постум был радостно принят не только армией, но и всеми галлами (SHA Trig. tyr. 3, 4; 6). Можно говорить, что не только армия, но и широкие слои гражданского населения, особенно в Галлии, до того страдавшей от германских вторжений, активно поддерживали Постума, что в значительной степени обусловило его политическое

и Викторина. Заметим, что имеются и сторонники историчности Постума Младшего: Stein. Cassianus // RE. Bd. III. Sp. 1667.

⁶⁵ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 95–96.

⁶⁶ Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 12.

⁶⁷ Geisau H., von. Dioskuroi // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 93.

⁶⁸ Бартошек М. Указ. соч. С. 259.

⁶⁹ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 77, 78, 85.

долголетие⁷⁰. Однако основываться только на этом власть Постума не могла. Как только политическое и военное положение стабилизировалось и непосредственная угроза германских вторжений, как и нападений пиратов, была ликвидирована, встал вопрос об окончательной легитимации власти Постума. В сознании римлян того времени это можно было сделать только в Риме. Постум это прекрасно понимал. После побед над германцами начинает меняться его идеологическая политика⁷¹.

Эти изменения довольно ясно отразились в чеканке Постума. Уже в 264 г. среди богов, изображенных на монетах, появляется Серапис, выступающий как один из *comites Augusti*⁷². К этому времени культ Сераписа уже широко распространился в Римской империи, и его, в частности, почитал и Галлиен⁷³. И все же память о египетском происхождении этого бога не исчезла. Включая Сераписа в число своих *comites*, Постум выражал претензии на покровительство и восточных божеств, как это делали и Северы, и Галлиен. Еще отчетливее новые направления в идеологической политике Постума видны в эволюции образа Геркулеса. Сначала этот бог почитался как *Deusoniensis* и *Magusanus*. Это — местные варианты Геркулеса, связанные с зоной Рейна и почитаемые в основном воинами Рейнской армии. Кроме того, Геркулес давно идентифицировался с загадочным и малоизвестным кельтским богом Огмием, и существовало предание, согласно которому Геракл был родоначальником кельтов⁷⁴. Видимо, именно этот германо-кельтский Геркулес и был тем богом, которого Постум помещал на своих монетах. Однако с течением времени образ Геркулеса приобретает все более классический вид, и на монетах, выпущенных в честь десятилетия власти Постума, он окончательно приобретает обычный римский образ⁷⁵. Это привычный *Hercules Romanus*, активно почитаемый во всей Римской империи. Не исключено, что Постум самого себя отождествлял с этим Геркулесом⁷⁶. Меняются и надписи на монетах. В честь пятилетия власти Постум выпустил золотые монеты с легендой *ROMAE AETERNAE*, а еще позже появляются легенды *PACATOR ORBIS* и *RESTITUTOR*

⁷⁰ Kotula T. L'usurpateur... P. 357–366.

⁷¹ Altheim F. Niedergang... S. 352.

⁷² König I. Die gallischen Usupatoren... S. 114–115.

⁷³ Шмаерман Е. М. Социальные основы... С. 288–289.

⁷⁴ Euskirchen M. Ogmios — ein wenig bekannter Gott // Rom und die Provinzen. Mainz, 2001. S. 119–121.

⁷⁵ König I. Die gallischen Usupatoren... S. 118–123.

⁷⁶ Alföldy A. Studien... S. 48.

ORBIS⁷⁷. На первый взгляд странно выглядит легенда ORIENS AUGUSTI. Но совершенно ясно, что она выражает претензии Постума на власть и в восточной части Империи⁷⁸. Если в первые годы своего правления Постум гордился тем, что он восстановил Галлию и обеспечил благосостояние провинций, то теперь он предъявлял претензии на умиротворение всей римской вселенной.

Все это более или менее совпадает с появлением монет с фигурой Кастора и легендой PRINCEPS IUVENTUTIS. Видимо, тогда Постум провел ряд важных мероприятий. С одной стороны, он ясно выразил свои претензии на власть во всей Империи, а с другой — попытался укрепить свой тыл назначением сына цезарем. Но этим он не ограничился. В биографии Галлиена говорится, что Постум привлёк к власти (*imperium participaverit*) Викторина (SHA Gal. 7, 1). И это почти дословно повторяется в биографии самого Викторина (SHA Trig. туг. 6, 1). Означает ли это, что Постум сделал Викторина своим соправителем?⁷⁹ Аврелий Виктор (33, 12) и Евтропий (IX, 9, 2–3) пишут, что Викторин стал императором после убийства Мариа, выступившего уже после убийства Постума. И это больше соответствует политической ситуации. Если Постум сделал цезарем своего сына, то непонятно, каков был смысл в разделе власти с Викторинем. Стоит обратить внимание на выражение *imperium participaverit*. Глагол *participo* означает не только «разделять, иметь долю», но и «привлекать к участию, приобщать». Но «приобщить к власти» не значит обязательно сделать соправителем. Возможно, в действительности Постум сделал Викторина, который был трибуном преторианцев и к этому времени проявил себя как способный командир, своим префектом претория⁸⁰. Как мы уже видели, этот пост делал его носителем фактически вторым человеком в государстве. И такое положение вполне соответствует сообщению биографа. В том же 268 или в предыдущем году Викторин был ординарным консулом вместе с самим Постумом⁸¹. Так что неудивительно, что он мог рассматриваться как соучастник власти императора. Биограф

⁷⁷ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 79, 85; Alföldy A. Studien... S. 367; Alföldy G. Die Krise... S. 355.

⁷⁸ Alföldy A. Studien... S. 367.

⁷⁹ Таково, например, мнение Р. Ханслика: *Hanslik R. Victorinus. Sp. 2075–2076*. По мнению Ю. В. Куликовой. Постум мог видеть в Викторине своего преемника: *Куликова Ю. В. Гибель... С. 159*.

⁸⁰ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 142–143.

⁸¹ *Callu J.-P. La politique monétaire... P. 224; König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 68, 125, 204, N 58; Alföldy A. Studien... S. 368.*

подчеркивает, что Викторин уже сражался против Галлиена (SHA Trig. туг. 6, 1). Это показывает неслучайность выбора именно Викторина.

Таким образом, в 268 г. (а может быть, частично еще и годом раньше) Постум принимает ряд мер и идеологического, и организационного характера для подготовки новой и, с его точки зрения, решающей схватки с Галлиеном. Это было определено рядом обстоятельств. Во-первых, идея спасения провинций от варварских нашествий как обоснование власти Постума исчерпала себя. И провинциалы, и, что еще важнее, воины все еще ощущали себя римлянами (может быть, особенно после эдикта Каракаллы), чтобы надолго смириться с непризнанием их императора Римом и его сенатом. Не исключено, что и сам Постум, как и его окружение, разделяли эту точку зрения⁸². Во-вторых, Галлиен не примирился с потерей западных провинций и ясно показывал свое намерение «освободить» Галлию от власти узурпатора. И это, разумеется, требовало принятия Постумом соответствующих мер. В-третьих, из-за нового вторжения варваров сам Галлиен с основной частью своей армии направился на Балканы. Правда, предвидя возможное нападение Постума, он оставил для защиты Италии воинские части под командованием Авреола и Клавдия, но сам факт ухода основных войск изменял соотношение сил в пользу Постума.

Политическая ситуация в 268 г. менялась очень быстро. Авреол, оставленный Галлиеном для обороны Италии, сам поднял мятеж и попытался захватить власть, что заставило Галлиена с частью армии вернуться в Италию. Потерпев поражение, Авреол был осажден в Медиолане и там заявил о признании власти Постума. Это, казалось бы, давало галльскому императору великолепную возможность вмешаться в ситуацию и добиться решающего успеха. Но он ничего не сделал для этого. Может быть, причиной такого странного поведения явилось новое нападение варваров или на рейнскую границу, или на побережье Галлии. Во всяком случае в этом году снова появляется легенда *RESTITUTOR GALLIAR(um)*⁸³. Судя по не очень точно датированным археологическим данным, именно в 268 г. германцы возобновили свои нападения⁸⁴, и это могло отвлечь Постума от дел в Италии. Возможно, что уже тогда Постум почувствовал изменение к нему отношения в армии и не рискнул вторгнуться в Италию, имея

⁸² Ср.: *Brogan O.* Op. cit. P. 64.

⁸³ *König J.* Die gallischen Usurpatoren... S. 131.

⁸⁴ *Куликова Ю. В.* Создание... С. 141.

в тылу ненадежное войско⁸⁵. Однако более вероятным представляется, что Постум просто не ожидал такого поворота событий и поэтому не был готов к немедленному вмешательству⁸⁶. А дальше положение снова изменилось. Галлиен был убит, и новый император Клавдий заставил сдаться Авреолу и, восстановив порядок как в своей армии, так и в Риме, стабилизировал свою власть. Шанс радикально изменить ситуацию в свою пользу был Постумом безвозвратно упущен. Единственной выгодой для Постума оказалось то, что часть дакийских легионов, ранее поддержавших Авреола и не желающих подчиниться Клавдию, перешла в Галлию и признала галльского императора⁸⁷.

«Требеллий Поллион» пишет, что Постум Младший, уже названный отцом цезарем, стал затем (*deinceps*) августом (*SHA Trig. tyr. 4, 1*). При этом автор пишет, что сделано это было «в честь отца» (*in eius honore*). Это подразумевает, что сын Постума был объявлен августом, т. е. формально равноправным с отцом императором, не самым узурпатором. Сделать это могли или войско, или сенат и, конечно, не без ведома самого Постума, а скорее даже по его инициативе. Утерев благоприятные возможности захватить Италию и Рим, Постум постарался сделать еще один шаг в укреплении своей власти, по крайней мере в своей части Римской империи. Совсем не исключено, что это было связано со вступлением Постума в свое пятое консульство 1 января 269 г.

События вскоре показали, что Постум не напрасно беспокоился о сохранении и укреплении своей власти. В части армии зрело недовольство. Каковы были его причины, неизвестно. Оно, как кажется, могло быть следствием событий предыдущего года. Как уже говорилось, идея спасения провинций (если даже она была торжественно возрождена новой чеканкой) себя исчерпала, а Постум не использовал возможность легализовать свою власть захватом Рима. Провозглашение его сына августом могло частью армии рассматриваться как стремление Постума ограничить свою власть Галлией и прилегающими провинциями, что в глазах многих воинов лишало Постума необходимой легальности. Кроме того, пассивность Постума в этом вопросе лишала воинов возможности приобретения новой добычи в богатой Италии и обрекала их на продолжение пребывания

⁸⁵ Alföldy A. Studien... S. 372.

⁸⁶ В таком случае легенда *RESTITUTOR GALLIAR(um)* должна была оправдать в глазах и армии, и провинциального населения пассивность Постума.

⁸⁷ Alföldy A. Studien... S. 372.

на границе. В результате, может быть, в конце февраля или в начале марта 269 г. часть рейнских легионов восстала⁸⁸. Мятежники провозгласили императором Ульпия Корнелия Лелиана.

Биограф пишет, что Лелиан (он его называет Лоллианом), как и Постум, прославился доблестью, а не знатностью (SHA Trig. tyr. 6, 8)⁸⁹. Это ясно говорит о военной карьере Лелиана. Возможно, в это время он был наместником Верхней Германии⁹⁰. Во всяком случае центр этой провинции Могонциах стал и центром его восстания. Жители этого города, если верить Аврелию Виктору (33, 7), поддерживали (iuvant) Лелиана. Там он создал монетный двор, который начал выпускать монеты от его имени⁹¹. Лелиан принял всю официальную титулатуру римских императоров. Насколько широко распространялась его власть за пределами германских провинций, однако, неизвестно. Среди монет Лелиана имеется монета с изображением Испании с оливковой ветвью и легендой TEMPORUM FELICTAS⁹², что может свидетельствовать о признании его власти Испанией или по крайней мере о его претензии на это⁹³. Неизвестно также, какова была степень его поддержки в самой армии. «Требеллий Поллион» сохранил вариант предания, связывающего смерть Лелиана с выступлением против него его собственных воинов, недовольных его требованием слишком тяжелых трудов (SHA Trig. tyr. 5, 4). Это противоречит более достоверному варианту, сообщенному Аврелием Виктором (33, 7). Но в нем, может быть, охранился след сведений о недовольстве Лелианом части армии. Аврелий Виктор (33, 7) связывает войну

⁸⁸ *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 132.

⁸⁹ Имена Ульпий и Корнелий могли бы говорить о знатности Лелиана, если бы этому не противоречило приведенное сообщение «Требеллия Поллиона». Но даже если считать это сообщение фальшивкой (а в этом подозреваются все биографии этого сборника), то против признания знатности Лелиана, хотя и косвенно, свидетельствует текст Евтропия. Этот историк просто говорит, что Лелиан восстал против Постума (IX, 9, 1), а в рассказе о взятии власти Тетриком подчеркивается, что он был сенатором (IX, 10, 1). Думается, что, если бы Лелиан был, как и Тетрик, представителем знати, Евтропий не преминул бы это отметить.

⁹⁰ *Winkler G. Ulpian // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1044.*

⁹¹ *Alföldy A. Studien...* S. 372. А. Алфöldи считал, что другой монетный двор был создан Лелианом в Августе Трверов. Однако там не найдено монет с именем этого узурпатора, и очень возможно, что этот город вообще не находился под его властью: *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 135–136.

⁹² *Штаерман Е. М. Кризис...* С. 460.

⁹³ Предположение Е. М. Штаерман, что эта монета показывает одобрение Лелианом подчинения Испании Клавдию (Там же), на наш взгляд, совершенно неверно. Не мог человек, претендовавший на власть в Галльской империи, радоваться потере такой важной составной части этого государства, как Испания.

Постума против Лелиана с действиями германцев. По-видимому, именно германские контингенты использовал Постум для подавления мятежа Лелиана⁹⁴. Вероятно, Постум опасался, как бы римские воины не перешли на сторону мятежника. Если это так, то становится ясно, что авторитет Постума, завоеванный им в борьбе с германцами, практически исчез. Это, видимо, объясняет, почему мятеж Лелиана не был сразу подавлен, а продолжался до мая-июня 269 г.⁹⁵ Постуму явно надо было собрать силы для его подавления.

Постум с помощью германцев сумел подавить мятеж Лелиана. Однако он запретил своим солдатам грабить Могонциак. Этот город был одним из важнейших ремесленных и особенно торговых центров региона⁹⁶, и его разграбление нанесло бы огромный экономический ущерб всей Галльской империи, и это, видимо, Постум прекрасно понимал. Но его запрещение воинам грабить город вызвало солдатский бунт и убийство самого Постума (Aur. Vict. 33, 8; Eutrop. IX, 9, 1; FHG IV. Ioann. Ant. Fr. 152, 1). По словам «Треbelлия Поллиона», вместе с ним был убит и его сын (SHA Trig. tyr. 4, 1).

Эти события показали, что относительная политическая стабильность в Галльской империи осталась в прошлом. Если в начале правления Постума вокруг него сплотились различные силы, видевшие в нем спасителя от разрушительных варварских вторжений и восстановителя римской славы, то позже положение изменилось. Варвары были отброшены, и казалось, что варварской опасности больше не существует или по крайней мере она уменьшилась. В этих условиях фактический разрыв с Римом оказался неприемлемым ни политически, ни психологически. Это не означает, что от галльского императора отвернулись как все группы гражданского населения, так и военные круги. Часть из них продолжала активно поддерживать Постума, другие оказались в оппозиции к нему. Галльская империя сама теперь вступила в полосу политического кризиса. Постуму, как и законным императорам, не удалось ни обеспечить сильную и прочную власть, ни передать ее сыну. И в этом случае оказалось ясным, что ни существование конституционных институтов и их деятельность, ни неко-

⁹⁴ Alföldy A. Studien... S. 372.

⁹⁵ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 116. Другие расчеты дают несколько иную хронологию: Лелиан выступил в июне, а погиб в июле 269 г. (Lafaurie J. Op. cit. P. 1000), или же гибель Лелиана датируется апрелем этого года (Куликова Ю. В. «Галльская империя»... С. 18). В любом случае мятеж Лелиана продолжался приблизительно два-три месяца: Куликова Ю. В. Гибель Галльской империи // ВИ. 2006. № 9. С. 157.

⁹⁶ Brogan O. Op. cit. P. 117–118; García Martínez M. R. Germania Romana. Valladolid, 1999. P. 325.

торые успехи в экономической стабилизации, ни даже прошлые достижения в войнах с варварами не могли быть решающими факторами, определяющими политическую ситуацию. Единственным таким фактором являлась армия. Ее отношение к правящему императору (или его представителю, как это было в случае Салонина, который, впрочем, тоже имел императорский титул) определяло успех или неудачу и даже гибель правителя. Стоило Постуму начать поступать иначе, чем это казалось правильным воинам, как он потерял не только власть, но и жизнь. И в этом плане никаких различий между Галльской империей и остальной частью государства не было.

ПРЕЕМНИКИ ПОСТУМА

Убийство Постума было результатом не заранее спланированного заговора с намеченным кандидатом в преемники, а стихийного солдатского бунта. К тому же если победителями Лелиана действительно были германцы, то никаких кандидатов на власть у них самих и не могло быть. В результате образовался политический вакуум. Теоретически его мог бы заполнить сенат, взяв дело в свои руки. Но он, по-видимому, тоже оказался неподготовленным к такому повороту событий. К тому же неизвестно, обладал ли этот сенат достаточным авторитетом, чтобы навязать армии свой выбор. События, связанные с приходом к власти сенатора Тетрика, о чем пойдет речь позже, показывают, что совсем не сенат стал инициатором его выбора. В этих условиях у власти оказался М. Аврелий Марий. Может быть, его выдвинули солдаты убитого Лелиана⁹⁷.

Все авторы, говорящие о Марии, сообщают, что ранее он был кузнецом (*faber ferrarius*). Об этом пишут и «Треbelлий Поллион» (SHA Trig. туг. 8, 1), и Аврелий Виктор (33, 9), и Евтропий (IX, 9, 2), называющий Мариа «ничтожнейшим ремесленником» (*vitissimus orifex*), и Иоанн Антиохийский (FHG IV, fr. 152, 1). Аврелий Виктор при этом отмечает, что Марий был в то время (*tum*) недостаточно искусен (*ne... satis clarus*) в военном деле. С другой стороны, биограф пишет, что этот человек поднялся по всем ступеням военной лестницы до императорской власти (*militaribus usque ad imperium gradibus eVectus*), а несколько далее называет его *dux* (SHA Trig. туг. 8, 3; 6). Видимо, сомневаться в ремесленном прошлом и, следовательно, в довольно низком происхождении Мариа не приходится, и можно

⁹⁷ Hanslik R. Victorinus. Sp. 2076. Ср.: Штаерман Е. М. Кризис... С. 460.

полагать, что свою карьеру он начал легионным ремесленником⁹⁸. Далее Аврелий Виктор (33, 11) приводит, как он говорит, шутливое выражение (*ioculariter dictum*), что этот Марий стремился восстановить (*reficere contenderit*) Римское государство (*rem Romanorum*), которое когда-то укрепил другой Марий, первый носитель этого имени. Эта шутка перекликается, однако, с речью, вложенной биографом в уста самого Мария, заявившего, что он будет стараться, чтобы вся Аламания и вся Германия вместе с прочими народами считали римский народ железным племенем (*SHA Trig. туг. 8, 11*). Первый Марий здесь не упоминается, но смысл остается тем же. В свое время Гай Марий, выходец из низов римского населения, спас, как считали и современники, и потомки, Римское государство, приведенное на край гибели аристократическими полководцами, и достиг высшей власти в Римской республике. И такой же вызов тем, кто «утопает в роскоши и погибает от вина, цветов и бабенок», решительно подчеркивается новым Марием (*SHA Trig. туг. 8, 9; 13*). Разумеется, едва ли речь, приведенную биографом, надо принимать как абсолютно дословное воспроизведение слов нового императора, но общую тональность высказываний Мария она могла передать верно⁹⁹. Если аналогия между двумя Мариями хоть в какой-то степени обоснована, то можно предположить, что галльский Марий в момент своего провозглашения императором не оставался простым ремесленником, а занимал какую-то относительно высокую военную должность¹⁰⁰.

По словам Евтропия (IX, 9, 2), Марий принял пурпур, т. е. императорскую власть (*purpura accipit*). Аврелий Виктор (33, 9) утверждает, что Марий захватил власть (*regnum capit*). К сожалению, и они, и другие авторы молчат о том, каким образом совершился этот приход Мария к власти. Биограф, приводя речь Мария, сообщает, что он произнес ее на первой сходке (*SHA Trig. туг. 8, 7*). Речь идет о солдатской сходке, на какой порой и решались судьбы трона в этот период. И обращался новый император к солдатам: *commilitones* (*SHA Trig. туг. 8, 8*). Вероятнее всего, именно солдаты на своей сходке об-

⁹⁸ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 137.

⁹⁹ Объектом инвективы Мария, если верить «Требеллию Поллиону», являлся Галлиен. Но он к тому времени уже был убит. Возможно, что для Мария и слушающих его солдат Галлиен предстал символом императора-аристократа, и они с удовольствием воспринимали все ходившие слухи, говорящие о его порочности. А может быть, Марий не хотел ссориться с Клавдием и, обвиняя Галлиена, подавал тому сигнал о возможности соглашения между ними.

¹⁰⁰ По мнению Э. Демужо, Марий командовал войсками в Нижней Германии: *Op. cit.* P. 505. Правда, ученый не приводит доказательств этого своего утверждения.

лекли пурпуром бывшего кузнеца. Однако, какие это были солдаты, неизвестно. Если мятеж Лелиана был подавлен германскими наемниками Постума, то эти наемники явно не могли быть инициаторами провозглашения Мария. Избрать нового императора могли только римские воины. В таком случае речь могла бы идти и об остатках армии Лелиана, и о римских войсках Постума, находившихся в этом районе. Марий и не скрывал своих связей с армией. Вся его речь, если считать, что биограф верно передал ее содержание, проникнута чисто военным духом и рассчитана на воинскую психологию. Но еще больше о том же говорит чеканка Мария. Он начал выпускать монеты практически сразу после своего провозглашения. Характерна отмеченная нумизматами деталь: первые монеты Мария были лишь легкой переделкой монет Постума и Лелиана¹⁰¹. В дальнейшем монеты стали более оригинальными. Легенды монет прославляют CONCORDIA MILIT(um) и императорские добродетели, особенно ценимые в армии, — VICTORIA AUG(usta), VIRTUS AUG(usta), AEQUITAS AUG(usta)¹⁰².

Все авторы, писавшие о Марии, подчеркивают кратковременность его правления — всего три или даже два дня. В то же время относительное обилие его монет не позволяет говорить о таком молниеносном исчезновении этого императора. Этих монет найдено пока больше, чем монет Лелиана, и это может свидетельствовать о его более продолжительном правлении¹⁰³. Была сделана попытка согласовать данные нарративной традиции и нумизматики. Для этого было предложено в тексте Аврелия Виктора перенести запятую, что давало другой перевод этого пассажа: не «он был задушен через два дня, после чего избирается Викторин», а «после того как он был задушен, через два дня избирается Викторин»¹⁰⁴. Это могло бы дать вполне удовлетворительное объяснение, если бы не только Аврелий Виктор, но и другие авторы не говорили о двух-трех днях правления Мария. А предполагать, что остальные писатели воспроизвели текст Аврелия Виктора, неправильно поняв его, нет оснований. Если даже оставить в стороне биографию Мария, включенную в сборник императорских биографий, то надо отметить, что Евтропий был современником

¹⁰¹ *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 139; Куликова Ю. В. «Галльская империя»... С. 18.

¹⁰² *Lafaurie J. Op. cit.* P. 927–928.

¹⁰³ *Lafaurie J. Op. cit.* P. 927; *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 140; Куликова Ю. В. Гибель... С. 158.

¹⁰⁴ *Chastagnol A. L'empereur gaulois Marius dans l'Histoire Auguste // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1971. Bonn, 1974. S. 54.*

Аврелия Виктора и тот едва ли был его источником¹⁰⁵. Видимо, надо признать существование традиции, приписывавшей Марию столь кратковременное правление. Причину ее возникновения определить трудно. Возможно, известия о событиях в Галлии приходили в Рим искаженными и уже в таком виде закреплялись в историографии.

Евтропий (IX, 9, 2) просто упоминает об убийстве Марии. Биограф рассказывает об этом более подробно, говоря, что Мария убили некий воин, к которому когда-то будущий император отнесся с пренебрежением (SHA Trig. туг. 8, 6–7). По Аврелию Виктору (33, 12), он был задушен. Все авторы сходятся в признании насильственной смерти Марии. Стала ли эта смерть результатом действительно личной мести или же каких-то разногласий в военных кругах, сказать невозможно. Если принять предложенное исправление текста Аврелия Виктора, то ясно, что между убийством Марии и приходом к власти Викторина прошло два дня. А это означает, что или заговора как такового не было, или у заговорщиков не было кандидатуры на трон¹⁰⁶. Но если это исправление отвергнуть, то исключить возможность заговора нельзя. Преемником Марии стал Викторин.

М. Пиавоний Викторин был одним из ближайших соратников Постума. По словам биографа, он был усердным в военном деле (*militaris industriae vir*) и, как уже говорилось, активно участвовал в борьбе с Галлиеном и даже каким-то образом разделял с Постумом власть (SHA Trig. туг. 6, 1). Евтропий (IX, 9, 3) называет его чрезвычайно деятельным (*strenuissimus*), а Аврелий Виктор говорит, что в военном деле он был равен Постуму (*belli scientis Postumo par*). Наконец, Иоанн Антиохийский (FHG IV. Fr. 152, 1) называет Викторина лучшим в военном деле (*ἄριστος ἐν τοῖς πολέμοις*). Очень вероятно, что в конце правления Постума Викторин занимал пост префекта претория. По-видимому, приход к власти Викторина надо рассматривать как реванш тех кругов, которые группировались вокруг Постума и до конца поддерживали его.

Авторы ничего не говорят о происхождении Викторина. Однако его семья (по крайней мере, со стороны матери) была связана со знатной фамилией Эзувиев (SHA Trig. туг. 24, 1)¹⁰⁷ и, возможно, сама

¹⁰⁵ Конечно, существует точка зрения, что и Аврелий Виктор, и Евтропий, и авторы (или автор) *Historiae Augustae* воспроизводили сведения, содержащиеся в гипотетической «Истории императоров». В таком случае они могли неправильно понять соответствующий пассаж этой «Истории». Однако и при принятии этой возможности неясно, почему все и: прозвучало такое непонимание.

¹⁰⁶ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 141.

¹⁰⁷ König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 142.

принадлежала к богатой местной знати¹⁰⁸. Впервые будущий император упоминается как трибун преторианцев, а затем как консул вместе с Постумом. Последняя должность подразумевает вхождение Викторина в постумовский сенат. С другой стороны, подчеркиваемые всеми авторами высокие военные качества Викторина свидетельствуют о его тесной связи с армией. Такое объединение в его лице различных сил должно было бы способствовать сплочению вокруг него и армии, и местной знати. И в первый момент, казалось, так и было. По словам Аврелия Виктора (33, 12), Викторин был избран (*deligitur*), правда, неизвестно кем. Евтропий (IX, 9, 3) просто отмечает, что после смерти Мария власть получил (ассерит) Викторин. То же самое сообщает и автор «Эпитомы» (34, 3), только вместо *imperium* он использует слово *regnum*, как Аврелий Виктор в сообщении о взятии власти Марнем. Орозий (VII, 22, 11) пишет, что Викторина провозгласили галлы. О принятии Викторином власти над Галлией (*τῶν Γαλλίων τὸ κράτος*) пишет Иоанн Антиохийский (FHG IV, fr. 152, 1). Нигде не упоминается при этом роль армии. Создается впечатление, что армия просто приняла выбор, сделанный «галлами», т. е. вполне возможно, сенатом, выражавшим интересы и взгляды галльской знати.

Однако если такое согласие и существовало, то длилось оно недолго. В это время положение в Галльской империи существенно изменилось. Как говорилось выше, победы Постума сделали защиту западных провинций от германских вторжений уже не столь актуальной¹⁰⁹, а для более удаленных от рейнской границы областей более серьезной выглядела угроза возможной новой войны с Римом¹¹⁰. Сменивший убитого Галлиена Клавдий, как и его предшественник, не собирался мириться с существованием фактически независимого государства в западной части Римской империи. По словам Зонары (XI, 26), Клавдий вскоре после своего прихода к власти заявил, что готов воевать с тираном. Отрезанная от остальной части государства Галльская империя испытывала те же трудности, что и Империя в целом. Более того, отделение от остального государства явно еще

¹⁰⁸ *Hanslik R. Victorinus. Sp. 2075.* По мнению Р. Ханслика, незнатный Постум намеренно выдвинул на первый план знатного Викторина, чтобы установить связь с местной аристократией.

¹⁰⁹ Правда, судя по следам разрушений и монетнымкладам (*Demougeot E. Op. cit. P. 507–516; König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 144; Сергеев И. П. Указ. соч. С. 126*), германцы в это время снова стали вторгаться в Галлию, но эти их рейды были далеко не столь катастрофичны, как ранее.

¹¹⁰ *Сергеев И. П. Указ. соч. 124.*

больше увеличивало экономические трудности. Это, в частности, отразилось в росте инфляции и обесценивании монеты. В 269–270 гг. полностью перестала чеканиться бронзовая монета¹¹¹. За время правления Викторина количество серебра в антониане сократилась с 5 до 0,5–1,5%, сократился и его вес: в начале правления из одного фунта серебра чеканили 110 монет, а к концу — 128¹¹². Так что у гражданского населения больше не было экономических резонов поддерживать галльских узурпаторов¹¹³. Еще важнее была позиция армии. В то время как Клавдий сумел взять армию под свой более жесткий контроль, чем это мог делать Галлиен, галльские императоры все больше такой контроль теряли. Мятеж Лелиана, убийство Постума, возвышение и падение Мария — все это ясно говорило о потере или во всяком случае резком ослаблении такого контроля. Армия оказывалась совершенно самостоятельной силой, с которой верховному главнокомандующему необходимо было считаться. Важны также психологический и идеологический моменты. И для населения западных провинций, и для воинов, независимо от их происхождения, Рим оставался «главой мира», себя они ощущали именно римлянами. Отделение от Рима, создание фактически независимого государства считалось и теми, и другими лишь временным явлением. И Постум, и Викторин пытались в своей пропаганде представить себя потенциальными владыками всего римского мира. Викторин, продолжая политику Постума, чеканил монеты с упоминанием не только рейнских, но и восточных легионов¹¹⁴, явно претендуя на власть на Востоке. Однако эти претензии так и остались голой пропагандой. И то, что галльские императоры так и не сумели овладеть Римом и добиться признания римским сенатом, делало их в глазах подданных все более незаконными.

Викторин понимал, что только поддержка армии может укрепить его положение. Помня о гибели Постума, он и не пытался восстановить армейскую дисциплину, а пошел по обычному пути подкупа солдат и пропаганды своих воинских подвигов. Наряду со старым монетным двором в Колонии Агриппине был создан новый в Августе Треверов. Точнее, в этот город, по-видимому, была перенесена мастерская из Могонциака, где она существовала при Марии, а может быть, и при Лелиане¹¹⁵. Но Могонциака, бывший недавно центром

¹¹¹ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 129.

¹¹² *Lafaurie J.* Op. cit. P. 884; *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 247.

¹¹³ *König I.* Die gasllischen Usurpatoren... S. 145.

¹¹⁴ *Altheim F.* Niedergang... S. 352.

¹¹⁵ *König I.* Die gasllischen Usurpatoren... S. 145.

выступления против Постума, был явно ненадежен. Как и ранее создание нового монетного двора имело целью увеличить выпуск денег, предназначенных в первую очередь для выплат воинам. Это явно позволило увеличить денежную массу, но способствовало увеличению инфляции. Только ауреи, потребителями которых были воины, более или менее сохраняли прежний вес¹¹⁶. На восприятие прежде всего солдат были рассчитаны фигуры и легенды монет. Викторин предстает на них в виде скачущего воина, поражающего врага, а легенда прославляет его непобедимость — *INVECTUS AUG(ustus)*¹¹⁷. Другая надпись на монете — *DEFENSOR ORBIS*¹¹⁸ — должна была напомнить воинам о роли императора как защитника от варваров и о том, что галльский император претензии на власть над всей Римской империей не оставил.

Между тем Клавдий решил использовать сложившуюся ситуацию для отвоевания если не всех западных провинций, то хотя бы их значительной части. Как говорилось в соответствующей главе, он восстановил власть римских императоров в Испании и восточной части Нарбоннской Галлии. В последнюю были посланы римские части под командованием Юлия Пладициана. Однако дошло ли до военных столкновений между этими отрядами и войсками Викторина, ничего не известно. И мы совершенно не знаем, каким образом власть римского императора была восстановлена в Испании. Возможно, что стоявшие там легион и вспомогательные отряды признали Клавдия, а Викторин не имел реальных возможностей добиться их покорности. Власть Клавдия признали и войска (по крайней мере, какая-то их часть), стоявшие в Британии. Но в этом случае Викторину удалось (неизвестно, когда точно и как) восстановить свой контроль над островом.

Положение Викторина резко ухудшилось в связи с восстанием в Лугдунской Галлии. Надеясь на помощь Клавдия, восстали жители Августодуна. Этот город был столицей племени эдучей, племени, которое издавна считалось самым дружественным по отношению к Риму. В I в. Клавдий I добился введения в сенат представителей знати этого племени. К эдучской знати принадлежали такие представители «верхов» этого города, как прадед и дед (с материнской стороны) Авзония (Parient. 4, 2–4). В римское время Августодун достиг

¹¹⁶ *Callu J.-P.* La politique monétaire... P. 436.

¹¹⁷ Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 147–148. Связана ли эта легенда с реальной победой Викторина над германцами, как полагает М. Г. Абрамзон, или является чистой пропагандой, сказать трудно. Во всяком случае монеты с легендой типа *Victoria Germanica* или чем-то подобным пока не найдены.

¹¹⁸ *König I.* Die gallischen Usurpatoren... S. 147, Bem. 20.

значительного процветания и славился, в частности, своей так называемой Менианской школой (Pan. Lat. IX (IV), 2, 1; 3, 2). Расположенный на чрезвычайно важной дороге, связывающей Лугдун с центральными и северными районами Галлии, он имел и большое стратегическое значение¹¹⁹. Аммиан Марцеллин (XV, 11, 11; XVI, 2, 1) говорит об этом городе как не только о старинном (*civitas antiqua*), но и чрезвычайно укрепленном. По словам панегириста (Pan. Lat. V (VIII), 2–3), инициаторами восстания были эдуи, а не граждане Августодуна как таковые. По-видимому, восстание имело довольно широкий масштаб, а не свелось к выступлению только одного, хотя и весьма значительного города. Подчеркивание того, что именно эдуи выступили против Викторина, говорит о том, что речь шла не о солдатском мятеже, а о восстании гражданского населения. Повстанцы заявили о признании Клавдия и ожидали от него помощи. Положение Викторина стало очень серьезным. Восстание эдусов ясно показало, что единого блока сил, поддерживающих галльского императора, более не существовало. Галльская аристократия была столь недовольна нескрываемой опорой Викторина исключительно на армию, что ее наиболее активная часть перешла от глухого недовольства к открытому выступлению¹²⁰. И если бы Клавдий действительно пришел на помощь восставшим, то он бы внедрился в самое сердце Галлии, и этот удар мог быть смертельным для Галльской империи. Однако такая помощь Августодуну не пришла. Чрезвычайно трудное положение, сложившееся на Балканах, заставило Клавдия, как об этом уже говорилось, все внимание сосредоточить на этом театре военных действий. А у оставленного в Галлии Пладициана сил, вероятно, было слишком мало, чтобы он мог активно вмешаться в события. Викторин с большими силами двинулся на подавление восстания и осадил Августодун. Осада продолжалась семь месяцев (Pan. Lat. V (VIII), 4, 2) и завершилась победой Викторина. Город подвергся страшным разрушениям, а его жители — репрессиям. В частности, была уничтожена и его знаменитая школа. Панегиристы противопоставляют героических жителей Августодуна, семь месяцев выдерживавших жестокую осаду, мятежным галлам и батавским разбойникам¹²¹, которые унич-

¹¹⁹ Brogan O. Op. cit. P. 53, 104; Martin R. Augustodunum // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. Princeton, 1976. P. 122; Willeumier P. Augustodunum // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 744; Martin R. Augustodunum // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. Princeton, 1976. P. 122.

¹²⁰ Hatt J. J. Op. cit. 223–224.

¹²¹ В свое время Ю. Липсиус исправил *Batavicac* на *Bagaudicac*, и на этом основании был сделан вывод о начале в это время восстания багаудов и выступлении против горожан

тожили город, верный старинной дружбе с римлянами (Pan. Lat. V (VIII), 4, 2; IX (IV), 4, 1). Для панегириста, противопоставлявшего законного римского императора узурпаторам, противники законной римской власти, естественно, были мятежниками и разбойниками. Под батавами скорее всего подразумевалась какая-то часть армии Викторина¹²². Едва ли вся армия состояла только из батавов¹²³, но выдвижение на первый план этих частей характерно. Батавы, как и другие жители Нижней Германии, были еще недостаточно романизованы. Это, в частности, отразилось в религиозной области: в то время как в Верхней Германии 80% всех посвящений сделано официальным римским богам и в первую очередь Юпитеру, в Нижней Германии, наоборот, 65% всех надписей посвящены туземным божествам и особенно Матерям, а римским — всего 30%¹²⁴. То, что в хвалебной речи подчеркивается роль батавов, должно было наглядно показать слушателям принадлежность разрушителей Августодуна к варварам.

Панегирист утверждает, что эдуи первыми побудили Клавдия приступить к отвоєванию Галлии. Из этого заявления можно было бы сделать вывод, что восстание в Августодуне началось еще до утверждения власти Клавдия в Испании и восточной части Нарбоннской Галлии. Однако такой вывод едва ли верен. Автор, всячески прославляющий эдуев, которые единственные не из страха или раболепия, а исключительно из-за своего дружелюбия вступили в братство с римским народом (Pan. Lat. V (VIII), 3, 1–2), и в данном случае подчеркивал заслугу этого племени. Ход событий показывает, что восстание произошло все же несколько позже и подавлено было, вероятнее всего, незадолго до гибели Викторина. Во всяком случае, Авзоний (Parient. IV, 8–10), говоря о несчастьях этого города и живших там своих предках, ставит рядом имена Викторина и его преемника Тетрика.

Викторин признавал важность этой победы. В честь взятия Августодуна была выпущена монета с характерной легендой *RESTITUTOR*

крестьян (*Штаерман Е. М.* Кризис... С. 466). Однако более поздние исследования показали несостоятельность этой конъектуры (*Корсунский А. Р.* Движение багаудов // ВДН. 1957. № 4. С. 73–74), так что говорить о восстании багаудов в данном случае нельзя, как и видеть в восстании Августодуна проявление классовой борьбы между крупными землевладельцами и горожанами и крестьянами. Надо, однако, заметить, что в сравнительно недавнем издании панегириков воспроизведена старая конъектура Липсиуса, а рукописное чтение приведено только в примечании к соответствующему тексту: XII *Panegyrici Latini*. Oxonii, 1964. P. 232.

¹²² *Damerou P.* Op. cit. S. 78–79.

¹²³ Под мятежными галлами (*rebelles Gallicani*) могли подразумеваться остальные войска Викторина: *Корсунский А. Р.* Указ. соч. С. 74.

¹²⁴ *García Martínez M. R.* Germania Romana. Valladolid, 1999. P. 328.

GALLIARUM¹²⁵. Такие монеты выпускались Постумом, но тогда под «восстановлением» Галлии подразумевалась ее успешная защита от варваров. Теперь же речь шла об уничтожении «внутреннего врага». Взятием Августодуна и подавлением восстания эдзев Викторин, по-видимому, стабилизировал положение в Галлии (кроме, естественно, той части, которая перешла под власть Клавдия) и укрепил в этой стране свою власть. Во всяком случае сам он явно так думал. Возможно, с этим «восстановлением» Галлии связано появление в одной из надписей понятия *domus divina*¹²⁶, которое до сих пор в надписях галльских императоров не встречалось¹²⁷. Мать Викторина Виктория (или Витрувия)¹²⁸ имела титул «матери лагерей» (SHA Trig. туг. 6, 3; 31, 2). Начиная со времени Септимия Севера это титул обычно получала жена правящего императора¹²⁹. Викторин дал его своей матери. По-видимому, жены у него в это время уже не было. Виктория, разумеется, входила в «божественный дом». Членом этого «дома» не мог не быть и сын Викторина, хотя титул цезаря он при жизни отца не получил¹³⁰. Этими мерами Викторин стремился укрепить власть свою и своей семьи, столь поколебленную восстанием эдзев.

Надо заметить, что надпись в честь «божественного дома» сделал некий Анулин Полибий, возглавлявший монетный двор в Августе Треверов. Речь, следовательно, идет об императорском чиновнике, т. е. человеке, непосредственно зависящем от императора. Никаких следов почитания «божественного дома» в городских или сельских общинах Галлии или Британии до сих пор не обнаружено. Можно полагать, что усилия Викторина по укреплению своей власти среди населения подконтрольных ему территорий больших успехов не принесли.

По-видимому, обострились у Викторина и отношения с армией. И Аврелий Виктор (33, 12), и Евтропий (IX, 9, 3) обвиняют Викторина в сластолюбии. «Требеллий Поллион» уточняет, что император

¹²⁵ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 155.

¹²⁶ Ibid. S. 213, N 94.

¹²⁷ Конечно, относительная скудость эпиграфических свидетельств, относящихся к этим императорам, не позволяет утверждать категорически, что понятие *domus divina* ранее не использовалось вовсе, но вероятность этого очень велика.

¹²⁸ Более правильным считается имя «Виктория». Вполне возможно, что оно было лишь латинским переводом кельтского слова, означающего «победу»: *Hanslik R. Victoria* // RE. 1958. Hbd. 16A. Sp. 2071.

¹²⁹ Юлия Домна, первая императрица, ставшая «матерью лагерей», сохранила этот титул и после смерти супруга, что явно связано с той ролью, какую она играла в правлении Каракаллы.

¹³⁰ Может быть, причиной этого был слишком малый возраст сына Викторина. Биограф называет его *puerulus* (SHA Trig. туг. 6, 3).

разрушал браки воинов и командиров (*militum et militarium*), что и привело в конечном итоге к его гибели (SHA Trig. tyr. 6, 3). По словам Аврелия Виктора, он сначала скрывал эту свою страсть, но после двух лет (*post biennii*) правления изнасиловал многих. В какой степени действительно проявлялся у Викторина этот порок, сказать трудно. Позже в этом и других пороках будут активно обвинять противника Диоклетиана Карина. Подобные обвинения могли быть ходовой монетой в идеологической борьбе. Можно говорить, что обвинения Викторина в разврате и насилии (неважно, основаны они были на реальности или нет) стали активно распространяться в армейской среде через два года после начала его правления, т. е. в 271 г. Заговор возник среди актуариев — интендантов, занимавшихся снабжением армии провиантом. Его инициатором был некий Аттициан, жену которого, по словам Аврелия Виктора, обесчестил Викторин. Интриги актуариев, имевших большое влияние на солдат, привели к мятежу в Колонии Агриппине. В ходе этого мятежа Викторин был убит (Aur. Vict. 33, 12–13; Eutrop. IX, 9, 3; SHA Trig. tyr. 6, 3; Oros. VII, 22, 10; FHG IV. Ioann. Ant. fr. 152, 1).

Власть фактически оказалась в руках Викторин¹³¹. Она провозгласила цезарем своего внука, но тот сразу же был убит мятежными солдатами (SHA Trig. tyr. 6, 3; 7, 1)¹³². По-видимому, никаких других близких родственников погибшего Викторина не осталось, и Викторин сделала ставку на своего родственника, наместника Аквитании Тетрика. Аврелий Виктор (33, 14) утверждает, что она сделала (*facit*) Тетрика императором. По словам «Треbellия Поллиона», Викторин убедила (*hortata*) аквитанского наместника взять власть (SHA Trig. tyr. 24, 1; 31, 2). Евтропий (IX, 10, 1) и Иоанн Антиохийский (FHG IV, fr. 152, 1) говорят, что он был избран императором солдатами (*a militibus*, «ὁπλὸν στρατιωτῶν»). Аврелий Виктор упоминает также, что для этого Викторин получила согласие легионов за большие деньги. Евтропий и Иоанн Антиохийский уточняют, что Тетрик был провозглашен императором во время своего отсутствия и пурпур принял около Бурдигалы.

Ход событий выглядел, по-видимому, следующим образом. После убийства Викторина и его сына единственным членом «божественного

¹³¹ *Hanslik R. Victoria. Sp. 2072.*

¹³² Существование сына Викторина обычно отрицается: *Hanslik R. Victorinus. Sp. 2078; König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 167.* Основным доводом является то, что после гибели Викторина не его сын, а Тетрик стал наследником. Однако биограф ясно говорит, что Викторин Младший был убит сразу же вслед за отцом, так что он и не мог стать его наследником.

дома» осталась Виктория. Это была довольно энергичная женщина, которая, по словам биографа, «всегда осмеливалась на мужские дела» (*virile semper facinus auderet*). Биограф подчеркивает, что она себя назвала «матерью лагерей» (SHA Trig. туг. 31, 2)¹³³. Видимо, Виктория использовала это свое положение, чтобы добиться повиновения мятежных воинов. В этой же биографии говорится, что Виктория выпускала золотые, серебряные и медные монеты от своего имени (SHA Trig. туг. 31, 3). И хотя эти монеты пока не найдены, нет особых резонов сомневаться в их существовании¹³⁴. Поскольку ни у солдат, ни у непосредственных заговорщиков собственных кандидатов на трон не было, а в условиях разгула солдатского бунта, когда были последовательно убиты сначала император, а затем его сын, объявленный цезарем, желающих стать императором не нашлось, Виктория твердо взяла дела в свои руки. С одной стороны, она повела переговоры с Тетриком, а с другой — раздавая большие деньги, убедила воинов принять выдвинутую ею кандидатуру. Сколь долго продолжалось ее правление, сказать трудно. В конце концов Тетрик согласился взять власть, но предпочел сделать это в столице своей провинции Бурдигале, а не явиться лично в лагерь.

Г. Пий Эзувий Тетрик, как говорилось выше, принадлежал к старинному галльскому роду, чья знатность, вероятнее всего, восходила еще к доцезаревским временам. Биограф, ссылаясь на «многих», говорит, что он был родственником Виктории. Видимо, это обстоятельство сыграло роль в избрании Викторией именно его. Однако это не было единственным резонансом ее выбора. Полагают, что, сделав ставку на Тетрика, Виктория стремилась в условиях беспорядков, возникших во время и после убийства Викторина, сплотить две группировки, обеспечивавшие само существование Галльской империи, — армию, которую она подкупила большими деньгами, и местную сенатскую знать, рассчитывая при этом, что воины легче согласятся на кандидатуру наместника далекой Аквитании, который им лично был неизвестен¹³⁵. Но возможно, что ею двигали и другие мотивы. Выбрав Тетрика, не имевшего связей с армией, «мать лагерей» могла надеяться сохранить фактическую власть в государстве. И этот расчет,

¹³³ Полагают, что примерами для Виктории в этом служили Юлия Домна и Юлия Мама: *Demougeot E. Op. cit.* P. 517.

¹³⁴ Сравнительно недавно еще не были известны монеты вдовы Аврелиана Ульпии Северины, которая фактически некоторое время правила после убийства мужа, но теперь можно считать доказанным не только существование этих монет, но и фактическое правление Ульпии Северины.

¹³⁵ *König I. Die gallischen Usurpatoren...* S. 159–160.

как кажется, оправдался. Недаром биография Виктории, как и Зенобии, фактически правившей Пальмирой, помещена среди жизнеописаний «тридцати тиранов». Той же Зенобии приписываются слова о том, что она считает Викторию подобной себе и с удовольствием разделила бы с ней власть над всей Римской империей (SHA Trig. tyr. 30, 23)¹³⁶. Если даже эти слова выдуманы, они отражают впечатление от Виктории и уверенность общества в том, кто на деле правит Галльской империей. Аврелий Виктор (33, 14) и «Требеллий Поллион» (SHA Trig. tyr. 24, 1; 25, 1) пишут, что цезарем при Тетрике был сделан его одноименный сын. Нумизматика и эпиграфика показывают, что это произошло приблизительно через год после избрания Тетрика, но не позже 10 декабря 272 г.¹³⁷ Можно предполагать, что в этот первый год официального правления Тетрика реальная власть принадлежала Виктории, или по крайней мере они эту власть делили. Реальным проявлением огромной роли Виктории могло быть обоже-ствление убитого Викторина, который стал единственным галльским императором, удостоенным такой чести¹³⁸.

Иоанн Антиохийский (FHG IV. Fr. 152, 1) пишет, что после обла-чения Тетрика в порфиру отступили большие волнения (μεγίσταις ἀνέλεσσε ταραχαῖς). По-видимому, тактика Виктории принесла свои плоды. Но это относилось лишь к солдатским мятежам, которые на некоторое время прекратились, тогда как полного примирения с гражданским населением не произошло. Авзоний (Parient. 4, 8–10) пишет, что его прадед и дед были вынуждены бежать из страны эду-ев, когда Викторин был победителем, а затем власть перешла к Тетрикам (in Tetricos reccidit imperium). Это событие связывают с вос-стапием и последующим падением Августодуна¹³⁹. А то, что назван не только Викторин, но и Тетрик с сыном, свидетельствует о продол-жении репрессий, начатых Викториним. Поэт говорит о своем деде, что он не только сам был богат и происходил из старинной знати, но и был связан со многими знатными домами провинции (Parient. 4, 3–8). Можно смело говорить, что репрессиям подверглись не только прадед и дед Авзония, но и некоторые (или даже многие) представи-тели знатных родов этого региона. А это, со своей стороны, ясно свидетельствует о том, что полного примирения с галльской аристо-кратией Тетрик не добился.

¹³⁶ По словам Е. М. Штаерман (Кризис... С. 462), в этом высказывании, приписываемом Зенобии, содержится зерно истины.

¹³⁷ Lafaurie J. Op. cit. P. 943; König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 166–167.

¹³⁸ Hunslik R. Victorinus. Sp. 2078–2079.

¹³⁹ König J. Die gallischen Usurpatoren... S. 149, 156.

«Требеллий Поллион» пишет, что Виктория жила не очень долго (non diutius vixit). Биограф передает две версии ее смерти. По одной версии, она была убита, по другой — умерла естественной смертью (SHA Trig. tyr. 31, 4). Произошло это в правление Тетрика (Tetrico imperante). Был ли Тетрик прямым либо косвенным виновником смерти Виктории, неизвестно, хотя исключить такую возможность нельзя. В биографиях отца и сына Тетриков говорится, что Тетрика Младшего цезарем сделала Виктория (SHA Trig. tyr. 24, 1; 25, 1). Если правы те «многие» (plerique), кто говорит об убийстве Виктории (и при этом молчат о роли воинов), то можно думать, что Тетрик каким-то образом заставил Викторию провозгласить цезарем его сына, а затем устранил ее саму. Не исключено, конечно, что Виктория, как пышно пишет биограф, умерла в силу фатальной необходимости. Но даже если это так, симптоматично, что слухи об убийстве широко распространились. Характерно, что именно в 272 г., т. е. тогда, когда Тетрик Младший стал цезарем и скорее всего умерла Виктория¹⁴⁰, Тетрик Старший перенес свою столицу, а с ней и главный монетный двор из Колонии Агриппины в Августу Треверов. Надо, видимо, согласиться с мнением, что это было вызвано двумя причинами. Во-первых, Тетрик стремился обосноваться подальше от рейнской границы, через которую всегда грозили вторгнуться германцы, тем более что в том же 272 г. Тетрику действительно пришлось воевать с германцами¹⁴¹. А во-вторых, перенеся резиденцию из «вооруженной» Нижней Германии в «безоружную» Бельгику, он резко снижал свою зависимость от армии¹⁴². Совпадение всех этих фактов не могло быть случайным.

Мать Викторина, по-видимому, была довольно популярна в армии, и именно после ее смерти начались новые военные мятежи. Как говорилось выше, британская армия, вероятно, не признала Тетрика Младшего цезарем и предпочла подчиниться Аврелиану. Многочисленные мятежи солдат (seditiones multas militum) начались и в Галлии (Eutrop. IX, 10, 1; Aug. Vict. 35, 4). Попытка Тетрика перенесением своей столицы в Августу Треверов сделать себя более независимым от армии и тем самым укрепить свою власть в целом не удалась. Более того, против него именно в его столице выступил Фаустин (Aug. Vict. 35, 4; Polem. Silv. I, 49). По словам Аврелия Виктора, именно козни (dolus) Фаустина наряду с солдатскими мятежами вынудили

¹⁴⁰ Смерть Виктории датируется концом 272 или началом 273 г.: Куликова Ю. В. Гибель... С. 160.

¹⁴¹ Hatt J. J. Op. cit. 226.

¹⁴² König I. Die gallischen Usurpatoren... S. 174–175.

Тетрика просить помощи у Аврелиана¹⁴³. Не в силах справиться с врагами и помня о судьбе своих предшественников, Тетрик предпочел капитулировать, хотя внешне и выражал намерение сопротивляться. В разгар сражения Тетрик вместе с сыном сдался, а его армия была разбита. Галльская империя была ликвидирована.

ГАЛЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Галльская империя возникла в условиях, сложившихся после пленения Валериана. Этим провозглашение императором ее основателя Постума не отличалось от других узурпаций. Ясно видимым отличием, однако, был больший успех этой узурпации. Постум и его преемники удерживали власть 14 лет. Такая долговременность существования Галльской империи была обусловлена сочетанием различных факторов.

История Галльской империи, как и другие узурпации, началась восстанием мятежом. И роль армии в этом государстве была чрезвычайно велика. Более того, армия становилась не только самостоятельной, но и в большой мере бесконтрольной силой. Это особенно хорошо характеризует возвышение и гибель Постума. Обстоятельства этих двух эпизодов истории очень схожи. В первом случае войны, недовольные тем, что их пытались лишить законной, как они считали, добычи, захваченной у франков, подняли мятеж и провозгласили императором Постума, а вслед за этим убили Салонина и Сильвана. Во втором случае уже Постум пытался помешать воинам грабить захваченный ими Могонциах, что привело к убийству императора. Помня об этом убийстве, Викторин даже не пытался мешать своим солдатам разрушать и грабить Августодун¹⁴⁴. Тем не менее Викторин был убит в результате заговора, возникшего в армии. Правда, заговорщиками были не полевые солдаты или офицеры, а интенданты,

¹⁴³ Мнение о том, что к капитуляции перед Аврелианом Тетрика как представителя местной земельной аристократии принудил страх перед багаудами (*Штаерман Е. М.* Указ. соч. С. 467; *Куликова Ю. В.* Гибель... С. 160), ни на каких реальных фактах не основано. О багаудах в это время никаких сведений нет: *Корсунский А. Р.* Указ. соч. С. 74. Да и древние авторы приводят совершенно другие обоснования поступка Тетрика.

¹⁴⁴ То, что Могонциах был захвачен, вероятнее всего, германскими наемниками Постума, а в разгроме Августодуна значительную роль играли батавы, не мешает сути дела. Даже если и в том, и в другом случае действовали не собственно римские воины, а варвары, пассивность римских солдат показывает их полную незаинтересованность в судьбе ни императоров, ни городов.

но вслед за убийством вспыхнул солдатский бунт, в ходе которого, вероятнее всего, был убит Викторин Младший, а реальная власть оказалась в руках матери и бабушки убитых, Виктории. И солдатские мятежи наряду с мятежом Фаустина заставили Тетрика предпочесть жизнь трону. В принципе такое поведение армии вполне естественно. Выступив раз против верховного главнокомандующего, каким являлся римский император, они морально были готовы выступить и против нового командующего, на этот раз «локального» императора.

Активная поддержка армии, однако, была лишь одной стороной узурпации Постума. В условиях, когда провинции подвергались опустошительным варварским нашествиям, особенно грозным из которых стало вторжение франков, разоривших не только Галлию, но и Испанию, а центральная власть ничего с этим сделать не могла, местное население, в том числе местная аристократия, предпочло сделать ставку на более успешного и более близкого местного командира. Не только армия, но и гражданское население сплотились вокруг Постума. И такая широкая поддержка во многом обеспечила успех узурпации.

На руку галльским узурпаторам сыграла политическая конъюнктура. Галлиен, увидев себя окруженным врагами со всех сторон, счел (и явно правильно), что для него большую опасность представляют события в восточной части Империи, особенно на Балканах и в Египте, и это отвлекло его от дел за Альпами. Когда же выступления в восточной части были подавлены, а пальмирский правитель хотя и формально, но признал верховную власть римского императора. Галлиен обратился и к галльской проблеме. Однако он был ранен и вынужден отступить. Позже же новое обострение на Балканах, а затем мятеж Авреола полностью поглотили его внимание. Клавдий после своих первых успехов на Западе тоже был вынужден обратить свое основное внимание на Балканы и поэтому даже не смог использовать столь выгодную для него ситуацию, связанную с восстанием эдзев. И только тогда, когда Аврелиан справился с очередными варварскими вторжениями и ликвидировал Пальмирское царство, римский император вмешался в галльские дела и ликвидировал существовавшее там сепаратное государство.

Хотя 14 лет Галлия и Британия¹⁴⁵ существовали отдельно от остальной Римской империи, там проходили те же процессы, что и в осталь-

¹⁴⁵ Напомним, что после смерти Постума Клавдий сумел восстановить власть римского императора в Испании и восточной части Нарбоннской Галлии, так что в этих регионах отделение от Империи продолжалось не 14, а приблизительно 9 лет.

ном государстве. Это касалось и экономической, и политической сфер. Самым ярким их проявлением в экономике явилась инфляция, не менее сильная, чем в других частях Империи¹⁴⁶. В политическом плане это, в частности, отразилось на сроках правления галльских императоров. Постум правил почти девять лет, а за последующие пять лет на троне сменилось три императора (не говоря о Лелиане, чье кратковременное правление пришлось на время Постума). С течением времени произошел разрыв того относительно широкого единства, которое возникло вокруг Постума и которое, по-видимому, обусловило относительную долговременность его власти¹⁴⁷. Самым ярким показателем этого разрыва стало восстание Августодуна. Интересы гражданского общества и армии, в определенный момент совпавшие, теперь разошлись. Виктория, сделав ставку на Тетрика, пыталась восстановить «единый фронт», но эта попытка оказалась кратковременной. Характерны в этом отношении обстоятельства капитуляции Тетрика. Он не решился на открытую сдачу, а был вынужден разыграть сопротивление, и армия действительно вступила с войсками Аврелиана в сражение. Это значит, что в то время как гражданские круги и особенно местная аристократия, чьи интересы воплощал Тетрик, пошли на подчинение римскому императору, армия в основном заняла по отношению к римским властям враждебную позицию.

Такая позиция армии, однако, не означает, что и войско, и в первое время гражданское население, поддержавшее Постума, стремились к созданию отдельного самостоятельного государства, полностью разорвавшего связи с Римской империей¹⁴⁸. Характерно, что ни один из древних или византийских авторов не говорит о создании в Галлии и окрестных провинциях самостоятельного государства¹⁴⁹. Речь идет исключительно об узурпаторах («тиранах»). Характерна

¹⁴⁶ Lafaurie J. Op. cit. P. 884.

¹⁴⁷ Kotula T. L'usurpateur... P. 365–366.

¹⁴⁸ Такая точка зрения довольно широко распространена в науке. Например, *Шмаерман Е. М.* Кризис... С. 468; *Hatt J. J.* Op. cit. P. 227–228; *Millar F.* The Roman Empire... P. 240; *Калмыков В. С.* Политический сепаратизм в Галлии в I–V вв. Автореф. ... канд. дис. М., 1999. С. 16–19; *Le Glay M.* Grandeza... P. 295; *Куликова Ю. В.* Создание... С. 135. Надо, однако, подчеркнуть, что по сравнению с выводами более ранних исследований точка зрения В. С. Калмыкова более нюансирована: он выделяет после смерти Постума два лагеря, один из которых выступал за самостоятельное государство, а другой – за присоединение к Империи. Но принципы выделения этих лагерей едва ли можно принять, ибо они противоречат реальному отношению различных группировок к этой проблеме.

¹⁴⁹ Подборка свидетельств приведена: *König I.* Die gallischen Usurpatoren... S. 182–186.

фраза Аммиана Марцеллина (XXI, 16, 10), который называет Постума в одном ряду с другими узурпаторами — Авреолом, Ингенуем, Валентом. Отношение историков к галльским узурпаторам далеко не враждебное. Панегиристы, выступая перед римским императором (Константином) или наместником провинции, естественно, клеймят «мятежников» и «разбойников», осмелившихся выступить против законной власти. Отношение же историков совершенно другое. Они прославляют добрые дела и военные доблести этих «тиранов», которые спасли римские провинции от варваров. И сами императоры всегда подчеркивали римский характер своей власти. Это проявлялось и в их титулатуре, и в чеканке. Другое дело, что реально Постум не использовал подходящую ситуацию для захвата (или попытки захвата) Рима и легитимации своей власти, а его преемники таких возможностей уже не имели.

Надо иметь в виду, что если на Востоке еще могли существовать воспоминания о прежней независимости, которые могла использовать Зенобия, то на Западе таких воспоминаний не было. «Низы» населения, может быть, помнили о доримских временах, которые могли казаться им «золотым веком», и несколько позже, назвав себя кельтским словом «багауды», поднялись на восстание. Но это не имело ничего общего с проблемой галльского сепаратизма. Галлия, как и другие западные провинции, к этому времени подверглась довольно глубокой романизации¹⁵⁰. Ее свободные жители были римскими гражданами и обладали психологией римских граждан. Характерно, что из пяти галльских императоров только бывший кузнец Марий имел родовое имя Аврелий, да и оно могло быть не связанным с эдиктом Каракаллы, и этим они резко отличаются от большинства преемников Галлиена. А для римлян никакого другого приемлемого государства, кроме Римской империи, не существовало. Отделение от основной части Империи рассматривалось как временное, обусловленное необходимостью защиты от варваров в условиях, когда центральная власть этого сделать не могла¹⁵¹. С изменением конкретной политической и военной ситуации изменилась и позиция населения Галльской империи.

Иные обстоятельства обуславливали позицию армии. В это время корпоративные интересы были характерны не только для имперско-

¹⁵⁰ О культурной романизации Галлии: Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. II. С. 258–302. Даже германские провинции показывают довольно высокую степень романизации: García Martínez M. R. Op. cit. P. 321–324.

¹⁵¹ Carrié J. M., Rousselle A. Op. cit. P. 104.

го войска в целом, но и для отдельных армий. «Иллирийские» императоры Клавдий и особенно Аврелиан опирались в первую очередь на дунайскую армию, и уже одно это, вероятно, вызывало враждебность рейнских легионов. Клавдий и Аврелиан сумели восстановить воинскую дисциплину и взять армию под довольно жесткий контроль. Это явно вступало в противоречие с интересами уже привыкших к относительной вольнице воинов рейнской армии. Можно, видимо, говорить, что солдаты и офицеры войска галльских императоров были заинтересованы в восстановлении единства Римской империи, но на своих условиях, когда их командующий станет римским императором. В некоторой степени они были готовы повторить ситуацию 69 г., когда мятеж рейнских легионов привел к власти Вителлия (разумеется, с более удачным исходом).

Таким образом, и армия, и гражданское население (по крайней мере, его «верхи») не ставили своей задачей создание независимого Галльского государства. Еще меньше такую задачу могли бы ставить Испания и Британия. Резко возросшая германская опасность и явная неспособность центральной власти эту опасность ликвидировать привели к фактическому отпадению западных провинций от Империи и созданию там отдельного государства. Движение, приведшее к такому результату, не было ни национально-освободительным, ни сепаратистским, ни антиримским (хотя, конечно, было антигаллиеновским)¹⁵². Оно привело лишь к воссозданию Римского же государства, но на ограниченной территории. Создание в этом государстве сената и консульства означает не отделение от Римской империи, а образование институтов, без которых римляне в то время еще существовать не могли. Когда безопасность провинций была более или менее обеспечена, а центральная власть укрепилась, смысла в сохранении отдельного государства не стало. Как говорилось выше, более удаленные от рейнской границы и более доступные для действий римской армии регионы раньше пошли на воссоединение с остальной Империей. Большая часть Галлии более долгое время оставалась вне общих имперских границ, но и в ней тяга к восстановлению государственного единства становилась все отчетливее. Однако две силы, которые ранее объединились ради спасения от варваров, теперь по-разному представляли воссоединение. Гражданское население (особенно города и сенаторская знать) было готово подчиниться римскому императору, законно признанному сенатом и остальным государством.

¹⁵² П. Романелли утверждает, что Постум был императором Рима и для Рима, а не против Рима: *Romanelli P. La Renania...* P. 55–56.

Армия же желала навязать Империи своего кандидата. Поэтому-то и Тетрик, представлявший интересы в особенности сенаторской аристократии, не мог просто подчиниться Аврелиану, а должен был показать солдатам свою якобы готовность к борьбе.

Галльская империя и Пальмирское царство были двумя государственными образованиями, долгое время существовавшими наряду с территориями, управляемыми римскими императорами. Долговременность существования того и другого в большой мере определялась поддержкой не только армии, но и значительных кругов гражданского населения. Но суть этих государств была разная. Галльские императоры были фактически такими же узурпаторами, как и другие генералы, захватывавшие власть над какой-нибудь частью Римской империи. Только сочетание определенных объективных и субъективных факторов позволило им 14 лет сохранять свое государство вне контроля центральной власти. Пальмирское же царство стало попыткой возродить, хотя и в новом виде, эллинистическое государство.

Глава VIII

ЛИКВИДАЦИЯ ПРИНЦИПАТА. КОНЕЦ «ВОЕННОЙ АНАРХИИ»

ЛИКВИДАЦИЯ ПРИНЦИПАТА

Аврелий Виктор (Caes. 38, 1) и «Флавий Вописк» (SHA Car. 5, 4) называют Кара префектом претория. Как и Флориан, он, оставаясь на этом посту, одновременно командовал армией. В отличие от Проба (а также Клавдия и Аврелиана) Кар в своей жизни занимал как военные, так и гражданские должности (SHA Car. 5, 4)¹. Вероятнее всего, он происходил из Нарбоннской Галлии (Eutrop. IX, 18, 1; Aug. Vict. Caes. 39, 13; Epit. 38, 1; Sync. P. 724), хотя существовали и другие версии, в том числе и о его римском происхождении (SHA Car. 4, 1–5)². Если верить его биографу, то он сам в обращении к сенату призывал сенаторов радоваться, что императором стал «один из вашего сословия и вашего же рода» (*unus ex vestre ordine, vestri ctiam generis*) (SHA Car. 5, 1–2). Если это так, то снова императором становится сенатор, как это было с Тацитом. И то, что он занимал пост префекта претория, не опровергает этого, ибо к этому времени уже появились префекты, происходившие из сенаторского сословия³. В то же время полное имя нового императора — М. Аврелий Кар — показывает, что он, как и его непосредственные предшественники, относился к тем людям, чьи ближайшие предки получили римское гражданство только благодаря эдикту Каракаллы. Так что если он и был сенатором, то вошел в это сословие сравнительно недавно.

¹ PLRE I. P. 183.

² Вопрос о точном месте рождения Кара спорен. Его локализация в галльском Нарбонне все же представляется наиболее вероятной: Alföldy G. Die Krise... S. 390.

³ Enßlin W. Praefectus praetorio. Sp. 2394.

Аврелий Виктор (38, 1) говорит, что Кар, в качестве префекта претория имеющий силу (*praefectura pollens praetorii*), облечен в одеяния августа и сделал своих сыновей Карина и Нумериана цезарями. И никакого намека на роль сената в этом нет. Такое опущение роли сената было бы неважно, т. к. и в других случаях об утверждении сената часто не говорится, если бы не очень важный пассаж Аврелия Виктора (37, 5), сообщающий, что с этого времени мощь армии укреплена и у сената были отняты высшая власть и право избрания государей (*abhiñc militaris potential convaluit ac senatui imperium creandique ius principis ereptum*). Далее историк отмечает, что это лишение сената продолжается вплоть до его времени (*ad nostrum memoriam*). Конечно, и до этого *creandi ius principis* было чисто формальным. Но оно оставалось юридической основой существования сената как высшей власти государства наряду с императором⁴. Теперь оно исчезло не только на практике, но и официально.

В этом пассаже Аврелий Виктор использует и слово *imperium*. Его употребление в данном контексте кажется не совсем понятным. Можно было бы думать, что речь идет о военной власти сенаторов над легионами⁵. Но для обозначения военной власти это слово в сочинении Аврелия Виктора не употребляется ни разу⁶. Всюду, где автор говорит об *imperium*, речь идет исключительно о высшей власти. Уже почти в начале своего труда, говоря о Тиберии, Аврелий Виктор (2, 1) сообщает, что он захватил всю власть (*imperium complexus*), хотя и не принял соответствующего имени (т. е. не назвал себя императором). И в дальнейшем всегда речь идет о власти императора. Известно, что *imperium* наряду с *potestas* и *auctoritas* был основой императорской власти. Но во времена Аврелия Виктора различие между *imperium* и *potestas* уже не существовало. Это, например, хорошо видно в рассказе о Вителлии. В одном месте (8, 1) говорится о его *potestas*, а в другом (8, 5) об *imperium*. Но всегда *imperium* связан только с императором, независимо от того, законный ли он император или узурпатор. По отношению же к сенату *imperium* используется только в этом случае. Грамматически все выражение *senatui imperium creandique ius principis ereptum* составляет единство, присоединяемое к предыдущему сообщению об укреплении роли армии союзом *ac*. Это позволяет говорить, что обе части этого выражения относятся к одному явлению — лишению сената его полномочий. *Imperium*, как представляется, в данном случае

⁴ O'Brien Moore. Op. cit. Sp. 779.

⁵ Именно так это звучит в русском переводе.

⁶ К тому же надо иметь в виду, что власть над легионами у сенаторов отнял еще Галлиен, и об этом пишет тот же Аврелий Виктор.

усиливает *ius*. И можно говорить, что в результате отнятия права избрания императоров сенат лишился и высшей власти.

Все это, казалось бы, противоречит рассказу «Флавия Вописка». Он в целом относится к Кару благоприятно и даже не верит тому, что он хоть как-то был связан со смертью Проба (SHA Car. 6, 1). Автор приводит отрывок из послания Кара к сенату, которое он направил, как только стал императором (SHA Car. 5, 1–3). Однако само по себе направление послания еще не означает обращения к сенату за официальным избранием, т. е. формальным утверждением. В данном случае используется глагол *creo*: *primum imperator esset creatus*. Автор не уточняет, кем *Car esset creatus*. В том отрывке, который приведен в биографии Кара, говорится только о его происхождении из сенаторского сословия и рода. Еще более положительна оценка Нумериана, который, по словам автора, обладал прекрасными качествами и был поистине достоин власти (*vere dignus imperii*) (SHA Car. 11, 1). Зато отношение к Карину сугубо отрицательное (SHA Car. 16–17). Все это, конечно, связано с продиоклетиановской традицией, которой следует автор⁷. Как известно, Диоклетиан при Каре возглавил императорских протекторов, а затем выступил мстителем за смерть Нумериана. Еще позже свою власть он утвердил в бескомпромиссной войне с Кариниом. Так что положительная оценка Кара и особенно Нумериана и отрицательное отношение к Карину в этом контексте совершенно понятны, и они никак не связаны со взаимоотношениями Кара и сената.

В тексте Аврелия Виктора лишение сената права утверждать императора связывается со смертью Проба: с сообщением о его убийстве текст пассажа связывается наречием *abhinc*, что предполагает непосредственное следствие. Отсюда почти полное согласие историков в том, что с приходом к власти Кара сенат был отстранен даже от формального утверждения императоров⁸. Сам Аврелий Виктор, говоря о причинах столь печального для сената акта, колеблется, было ли это вызвано желанием самого сената из-за бездеятельности либо страха (*ipso cupiente per desidiarum an metu*) или ненавистью к разногласиям (*seu dissensionum odio*). Несколько ниже (7) автор сурово

⁷ Polverini L. Op. cit. P. 1031.

⁸ Polverini L. Op. cit. P. 1028; Römische Geschichte. Berlin, 1979. S. 307; Grelle F. Op. cit. P. 573; Le Glay M. Grandezza... P. 407; Ковалев С. И. Указ. соч. С. 656; Poma G. Le istituzioni politiche del mondo romano. Bologna, 2002. P. 135. Только однажды было высказано мнение, что это произошло не при Каре, а при Пробе (Polverini L. Op. cit. P. 1028, п. 59). Но это мнение совершенно не основывается на данных источников о приходе к власти Проба и справедливо отвергается другими учеными.

осуждает сенаторов за то, что они свое наслаждение и свой покой поставили выше интересов государства. И это, несомненно, связано с первой приводимой им причиной. Что же касается несправедливости к разногласиям, то, может быть, здесь имеются в виду споры внутри сената, споры, которые сделали этот орган, по крайней мере с точки зрения императора, недееспособным, а потому и ненужным. Видимо, Кар не считал необходимым обратиться к сенату за утверждением⁹, а лишь сообщил ему о своем провозглашении армией. Не только в предыдущее время, но и в бурный период после убийства Александра Севера утверждение нового правителя сенатом было совершенно необходимым юридическим актом, каким бы формальным он ни был, чтобы считать императора законным¹⁰. Кар же отказался от такого утверждения. Однако, несмотря на это, был признанным совершенно законным государем. И это можно рассматривать как переворот в конституционной истории Римской империи¹¹. С этого времени в случае возникновения какой-либо неопределенности при переходе власти единственной решающей инстанцией становится совет высших армейских офицеров¹².

При всей условности хронологических рубежей, по-видимому, именно этот момент можно считать концом принципата как политической системы, созданной Августом, и, следовательно, началом домината.

Много лет назад сенат являлся полновластным органом, распоряжавшимся почти всеми делами государства. Первое выступление армии против собственного города в 88 г. до н. э. означало начало агонии Римской республики. Через 58 лет ей на смену пришла Империя. Из полновластного органа сенат превратился в партнера императора. Начинается эпоха принципата. С течением времени, по мере того как монархические элементы принципата усиливались, роль сената уменьшалась. Но он все еще был довольно сильной корпорацией, которая могла использовать благоприятные моменты для свое-

⁹ *Polverini L.* Op. cit. P. 1028; *Ковалев С. И.* Указ. ссч. С. 656. Возможно, что Кар сначала пытался добиться своего утверждения сенатом, но не преуспел в этом (*Drinkwater J.* Op. cit. P. 57) и вскоре окончательно отказался от этой попытки. Если это так, то такую попытку он предпринял явно еще до убийства Проба, поскольку после этого события, как показывает вся предыдущая история, сенат, разумеется, не осмелился бы противопоставить себя победившему претенденту на трон. Достаточно вспомнить позицию сената после убийства Александра Севера и провозглашения армией Максимиана.

¹⁰ *Kotula T.* Aurélien... P. 51.

¹¹ *Polverini L.* Op. cit. P. 1028–1029; *Grelle F.* Op. cit. P. 573.

¹² *Altheim F.* Niedergang... S. 295–296.

го нового возвышения. Так произошло в 238 г., когда сенат фактически взял в свои руки управление государством. Но уже эти события показали, что реальной опоры ни в армии, ни в народе сенат не имел. И попытка в той или иной форме восстановить свое властное положение провалилась. После реформы Галлиена ни о каком возврате сената к реальной власти уже не могло быть речи, хотя некоторые сенаторы и пытались еще что-то сделать, организовав, например, заговор против Аврелиана¹³. Даже когда сенат сам, по собственной инициативе, предоставленной ему войсками, избрал из своей среды императора, дело ограничилось почти чисто косметическими актами, не изменившими сути режима. Личные качества того или иного императора могли внести некоторые нюансы в отношения императорской власти и сената, но это были оттенки, не менявшие содержания. Акт Кара стал закономерным итогом всего этого процесса. За сравнительно небольшой период в 44 года, когда еще могли жить современники Александра Севера, Пупиена и Бальбина, сенат потерял все свое влияние. Как корпорация, как традиционный орган, воплощавший непрерывность римской истории, сенат сохранился, как сохранилось и само сенаторское сословие. Когда Константин перенес столицу в Константинополь, там был создан второй сенат. В Риме же сенат существовал еще и при остготских королях. Но никаким органом власти в масштабах всего государства он уже не был.

КАР И ЕГО СЫНОВЬЯ

Биограф Кара также сообщает о назначении Каром своих сыновей цезарями (SHA Car. 7, 1). Автор использует *ablatus absolutus liberis Caesaribus nunciatus*. Это может говорить о том, что Кар совершил этот акт сразу же после взятия власти и начала подготовки войны с персами. Употребление глагола *incipio* показывает, что сделал это сам император, а не войско и тем более не сенат. По словам автора «Эпитомы» (38, 2), Кар сразу же (*confestim*) назначил (*fecit*) сыновей цезарями. И Зонара (XII, 30) пишет, что Кар, укрепившись у власти, украсил царскими диадемами своих сыновей. Однако эпиграфические и нумизматические источники позволяют внести в эти сообщения некоторые изменения. И надписи, и монеты в качестве правителя отмечают только Кара, и лишь несколько позже появляется Карин

¹³ Если сенат или какие-то его члены действительно стояли за спиной заговорщиков, что, впрочем, весьма проблематично.

и еще позже — Нумериан¹⁴. Можно уверенно говорить, что цезарями Кар сделал своих сыновей не сразу и не одновременно обоих: сначала цезарем стал старший Карин, а позже, видимо, уже после отправления на Восток, и Нумериан. Правление Кара было недолгим, меньше года¹⁵, так что промежуток между этими тремя событиями — провозглашением Кара августом и каждого из двух его сыновей цезарями — не мог быть большим. Это явно и создало у более поздних авторов иллюзию их одновременности.

Кар вернулся к территориальному разделу власти. Уже провозглашая своих сыновей цезарями, он, вероятно, имел в виду и этот момент. Биограф пишет, что Кар сразу же после принятия власти возобновил подготовку к войне с персами и при этом намеревался взять с собой младшего сына Нумериана, поручив старшему сыну Карину управление Галлией (SHA Car. 7, 1; 8, 1). В другом месте говорится, что Кар назначил старшего сына правителем не только Галлии, но и Италии, Иллирика и Африки, наделив его властью цезаря, но с правом делать все, что делают августы (SHA Car. 26, 2). Эти два сообщения не противоречат друг другу, а, по-видимому, отражают два этапа наделения Карина властью. Еще готовясь к войне с Персией, Кар мог направить Карина в Галлию, а когда война уже стала фактом, — расширить сферу полномочий своего старшего сына. Как будет сказано немного ниже, прежде чем начать поход против персов, Кару пришлось воевать с сарматами на Балканах, и едва ли тогда Иллирик мог управляться не самим августом. Вероятнее всего, что после победы над сарматами Кар включил Иллирик в сферу власти Карина. Именно тогда, как кажется, Карин и стал на деле правителем всей западной части Империи. Фактически ему были даны совершенно неограниченные полномочия, хотя и без формального титула августа. Может быть, несколько позже такие же полномочия Кар дал и Нумериану. Об особых полномочиях, выходящих за рамки обычных для цезарей, говорит, вероятно, *praeponen Imperator*, какой имели оба сына Кара¹⁶. События последних лет и даже десятилетий

¹⁴ Christol M. Dieux et princes sous Carus, Carin et Numerian // *Revue numismatique*. 1997. V. 6. N 152. P. 63–64. В другом месте тот же биограф пишет, что Карин, будучи старше Нумериана, был раньше (*prior*) сделан цезарем (SHA Car. 10, 1). Это единственное упоминание в литературных источниках о разновременности назначения Каром цезарями своих сыновей. И это упоминание полностью совпадает с нумизматическими и эпиграфическими данными.

¹⁵ *Dies imperii* Кара был 16 сентября 282 г., а умер он 20 июля 283 г. (Schwartz J. *Chronologie de IIIe s. p. C.* // ZPE. 1977. Bd. 24. P. 171). Так что продолжительность правления Кара составляла немногим больше десяти месяцев.

¹⁶ Christol M. Dieux... P. 64.

показали, что одному человеку в сложившихся условиях управлять чрезвычайно трудно. В то же время доверять управление большими частями Империи и соответственно командование значительными воинскими контингентами было весьма опасно. К счастью, у Кара имелись сыновья, из которых Карину было уже около 30 лет¹⁷. Практически это стало повторением эксперимента Валериана, который, сосредоточившись на восточных делах, поручил управление западной частью государства Галлиену.

Положение на Западе было в это время очень сложным. То, что Кар, будучи префектом претория, так же, как ранее Флориан, командовал и армией, говорит о чрезвычайных полномочиях, которые он получил от императора¹⁸. Положение еще более ухудшилось после убийства Проба. По словам Аврелия Виктора (38, 2), варвары, узнав о гибели этого императора, использовали это обстоятельство и стали вторгаться в пределы Империи. Возможно, они ожидали возобновления гражданской войны, которая, несомненно, облегчила бы им их вторжения. Историк не называет конкретно варварские народы, вторгшиеся на римскую территорию, но то, что он этими вторжениями объясняет направление Карина в Галлию, говорит о том, что речь идет о германских племенах, переходивших Рейн. Вероятнее всего, это аламаны и (или) франки, которые в то время были сильнейшими племенами в этой части Германии. Кроме вторгнувшихся варваров Карину пришлось иметь дело и с багаудами, как об этом упоминают панегирики (2, 4; 3, 5)¹⁹. 80-е гг. III в. вообще считаются временем наибольшего размаха восстания багаудов²⁰. Карин действовал довольно успешно и в результате присвоил себе титул Германского Величайшего. В надписях встречается и другой его титул — *Britannicus Maximus* (ILS 609)²¹. Это говорит о каких-то действиях Карина и в Британии.

Своей главной целью Кар считал войну с Персией. Эту войну уже подготавливал Проб. Его убийство прервало подготовку, но Кар ее продолжил. Аврелий Виктор (38, 2) пишет, что причиной новой войны были почти ежегодные набеги персов на римскую Месопотамию. Сколько бы ни заключалось соглашений, эта территория почти

¹⁷ *Hanslik R. Aurelius // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 766.*

¹⁸ *Ziolkowski A. Op. cit. P. 410.*

¹⁹ *Demougeot E. Op. cit. P. 529; Le Glay M. Bagaudes // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 805.*

²⁰ *Ковалев С. И. Указ. соч. С. 656–657. По другому мнению, восстание багаудов в это время только началось: Millar F. The Roman Empire... P. 243.*

²¹ Официально эти титулы получил не только сам Карин, но и его отец и брат.

беспредостанно оказывалась ареной военных столкновений между римлянами и персами. Однако поход против персов пришлось отложить из-за нового вторжения сарматов. Те вторглись в Паннонию, и Кар, естественно, не мог оставлять в своем тылу опасную варварскую силу, которая к тому же могла бы в любой момент отрезать его и его армию от Италии и Рима. Действия императора в ответ на это вторжение были энергичными и быстрыми. С помощью армии, собранной еще Пробом, Кар нанес сарматам жестокое поражение (SHA Car. 8, 1; Eutrop. 18, 1; Sync. P. 724). Несколько позже биограф сообщает, что война Кара с сарматами продолжалась всего несколько дней (*paucissimus diebus*) и что за это время Кар уничтожил 16 тысяч и захватил в плен 20 тысяч врагов (SHA Car. 9, 4). Это, может быть, и преувеличение, как это часто бывает в рассказах о победах императоров, особенно если они основываются на победных реляциях самих правителей, но в самой войне и ее результатах сомневаться не приходится²². Кар сумел обеспечить безопасность Паннонии (*Pannonias securitate donaverit*), а, следовательно, и своего тыла во время войны с персами.

Евтропий (IX, 19, 1) пишет, что во время войны с сарматами Кар получил известие о смуте (*tumultus*) в Персии, после чего и двинулся в поход на Восток. О том, что во время войны Кара с персами те были заняты внутренними мятежами (*domestica seditione*), говорит и «Флавий Виписк» (SHA Car, 8, 1). Положение в Персии в то время действительно было весьма тревожным. В стране шла борьба за престол, и власть Варахрана II оспаривалась различными претендентами. В этих условиях царь был вынужден сосредоточиться на борьбе с соперниками, в том числе и поднимавшими открытые мятежи, что ослабляло или даже делало невозможным активное сопротивление римлянам²³. Сравнительно недавно Нарсе обращался к Пробу, что практически позволяло тому использовать это обращение для войны с персидским царем, но Проб решительно отказался от такой возможности. Кар же решил использовать внутреннюю нестабильность в Персии. Действительно ли он получил известие о мятеже в Персии во время войны с сарматами, как пишет Евтропий, или такие мятежи уже имели место, сказать точно трудно.

Как уже говорилось, вероятнее всего, именно после победы над сарматами и отправления в персидский поход Кар предоставил своему старшему сыну власть над всей западной частью Империи, включая Иллирик. Основной задачей Карина было обеспечение безопасности

²² Alföldy G. Die Krise... S. 391–396.

²³ Луконин В. Г. Иран в III веке. С. 59–61.

этой части государства, которая, по существу, являлась тылом новой военной кампании. Карин явно справился со своей задачей. Уже после гибели отца Карин успешно воевал на Дунае с квадами, как свидетельствует надпись из Аквинка (CIL III, 3469)²⁴. Младшего сына Нумериана Кар взял с собой. Может быть, тогда Нумериан и получил титул цезаря. Каковы были его полномочия в этом походе, неизвестно. Ясно лишь, что отец старался уравнивать официальные позиции обоих сыновей, может быть, чтобы не дать разгореться их соперничеству. Как и Карин, Нумериан стал не только цезарем, но и императором. Военные действия развивались для римлян весьма успешно. Армия Кара почти не встречала сопротивления и даже захватила персидскую столицу Ктесифон (SHA Car. 8, 1; Eitrop. IX, 18, 1; Aur. Vict. 38, 3; Oros. VII, 24, 4; Sync. P. 724)²⁵. Вероятно, после этого успеха Кар принял титулы Parthicus maximus и Persicus maximus (ILS 600)²⁶.

Кар не ограничился этим успехом и двинулся дальше. «Флавий Веспис» называет две причины продолжения похода: жажда славы (он называет Кара avidus gloriae) и особенно преступное подстрекательство префекта претория. Последний стремился таким образом погубить Кара и его сыновей, побуждая императора продвинуться еще дальше (SHA Car. 8, 2). Перед умственным взором Кара, видимо, стоял образ Александра Македонского. Пример этого великого завоевателя издавна привлекал внимание римских политических деятелей, полководцев и императоров. Цезарь плакал перед его статуей, жалуясь, что в возрасте Александра еще не совершил ничего достойного. Красс и Траян пытались повторить поход македонского царя. Другая фигура, вдохновлявшая Кара, — Геркулес. Культ Геркулеса был более всего распространен в военной среде, и Кар помещает фигуру этого бога на своих монетах²⁷. Геркулес совершил много различных походов, в том числе и в восточном направлении, и появление его образа на монетах Кара ясно намекает на стремление этого императора следовать его примеру.

Что касается второй причины, выдвинутой биографом, то не совсем понятно, каким образом дальнейшее продвижение римских сил

²⁴ Alföldy G. Die Krise... S. 391–392.

²⁵ Существует мнение, что сообщение о захвате римлянами Ктесифона — преувеличение (Potter D. S. Op. cit. P. 279). Однако нет особых оснований сомневаться в сообщении латинских и византийских авторов об этом успехе. Внутреннее состояние Персии в тот момент, как об этом говорилось выше, было таковым, что персидская столица вполне могла попасть в руки римлян.

²⁶ Southern P. Op. cit. P. 133.

²⁷ Christol M. Dieux... P. 68–69.

должно было привести к гибели императора и обоих цезарей (автор говорит *filii*, что подразумевает не только Нумериана, находящегося в походе рядом с отцом, но и оставшегося на западе Карина). Можно только думать, что префект рассчитывал, что после потери столицы персы усилят сопротивление. А может быть, заранее спланировав убийство императора, он хотел использовать ходившее в Риме суеверие, что существует некая роковая сила (*vim fati quondam esse*), препятствующая продвижению принцепса дальше Ктесифона (SHA Car. 9, 1). Если такой план действительно существовал, то он вполне удался. Вскоре после захвата Ктесифона Кар внезапно умер. Существовало две версии смерти императора. По одной, он умер от болезни, а по другой, более распространенной, был убит ударом молнии (SHA Car. 8, 2–7; Eutrop. IX, 18, 1; Aur. Vict. 38, 3; Epit. 38, 3; Oros. VII, 24, 4; Sync. P. 724).

«Флавий Вописк» приводит письмо императорского секретаря, в котором тот объединяет обе версии смерти Кара: по нему, тот был действительно болен и умер от болезни, но случилось это во время страшной бури, что и послужило причиной слуха о его гибели от удара молнии (SHA Car. 8, 5–7)²⁸. В любом случае смерть Кара оказалась для армии и всей Империи неожиданной. Поэтому совсем не исключено, что в действительности Кар был убит. И сообщение о коварном плане префекта претория вполне могло отражать реальную роль этого человека в убийстве императора. Одним из префектов претория был в это время Апр, тесть Нумериана, которому позже приписывали убийство своего зятя²⁹. Апр в это время вполне мог мечтать о роли Тимеситея, который фактически правил Империей за спиной своего юного зятя. Разумеется, Кар был препятствием для этого³⁰.

²⁸ Неспонятно мнение, что Кар был убит в бою (*Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 110*). Данных о гибели Кара в бою нет.

²⁹ *Potter D. S. The Roman Empire... P. 279; Southern P. Op. cit. P. 133.*

³⁰ Существует и противоположное мнение: Кар пал жертвой заговора, организованного не Апром, а его соперником Диоклом, будущим императором Диоклетианом: *Bird H. W. Diocletian and the Death of Carus, Numerianus and Carinus // Latomus. 1976. T. 35. 1. P. 125–127*. В какой-то степени это предположение может быть обоснованным, учитывая, что Диокл был иллирийцем, выслужившимся из простых солдат, и мог принадлежать к той группе новой иллирийской знати, которая была отодвинута от власти Каром. Ср.: *Глушанни Е. П. Военная знать... С. 39–40*. И все же виновность Апра представляется более вероятной, поскольку он был более заинтересован в приходе к власти своего зятя. Являясь и тестем нового императора, и префектом претория, Апр в гораздо большей степени мог рассчитывать на фактическую власть, чем командир императорских телохранителей, каким был в то время Диокл.

Вероятнее всего, после известия о внезапной смерти отца Карин объявил себя августом. Нумериан некоторое время оставался цезарем³¹. Это создавало новую ситуацию. Карин явно претендовал на первую роль в управлении государством. Это в известной мере подчеркивалось и его чеканкой. Если Нумериан продолжал изображать на монетах Геркулеса, явно претендуя на преемственность власти после смерти отца, то Карин избрал Соля, как это делали Аврелиан и Проб. Соль воплощал всемирное господство, и это явно намекало на подчиненную роль Нумериана³². Такое положение явно не устраивало ни Нумериана, ни Апра. В этом, вероятнее всего, и надо видеть причину прекращения Нумерианом персидского похода и его возвращения во главе армии в пределы Римской империи³³. Видимо, одновременно с этим Нумериан, в свою очередь, провозгласил себя августом. Карину пришлось сделать «хорошую мину при плохой игре», и в Риме были выпущены монеты, торжественно отмечавшие совместный августат обоих сыновей Кара³⁴.

СМЕРТЬ НУМЕРИАНА И ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИОКЛЕТИАНА

Во время возвращения Нумериан умер. О его смерти и ее последствиях довольно подробно рассказывают древние авторы. По их словам, Нумериан «заболел глазами» и поэтому передвигался в закрытых

³¹ *Christol M. Dieux...* P. 64. Возможно, что в отличие от старшего брата Нумериан и титул цезаря получил уже в Месопотамии после первых успехов персидской кампании: *Southern P. Op. cit.* P. 132.

³² *Christol M. Dieux...* P. 70.

³³ По словам Аврелия Виктора (38, 6), Нумериан решил, что со смертью отца окончилась и война. Однако он всячески подчеркивал преемственность своей власти, и трудно понять, почему он мог решить, что персидская кампания была лишь личным делом Кара. Предыдущие победы римской армии и непрекращающаяся внутренняя смута в Персии, казалось бы, являлись прекрасными основаниями для продолжения победоносной войны. Правда, Зонара (XII, 30) пишет о каком-то сражении армии Нумериана с персами, в котором римляне бежали. Однако он связывает это сражение с гибелью Нумериана, что сам же позже фактически и опровергает. Поскольку версия о гибели Нумериана в Персии решительно противоречит всем другим сведениям, то и сообщение о неудачном сражении тоже можно не считать достоверным. Конечно же, Нумериан имел совсем другие резоны для прекращения успешного похода. И ничего более вероятного, чем стремление или самому захватить верховную власть, или по крайней мере обеспечить свое практически независимое положение в восточной части Империи, предположить нельзя.

³⁴ *Callu J.-P. La politique monétaire...* P. 336.

носилках (лектике) и был убит Апром. Тот долгое время скрывал смерть юноши, пока трупный запах не заставил солдат недалеко от Никомедии открыть посылки и увидеть мертвое тело императора. После этого Апра заставили прийти на лагерную площадь, где Диоклетиан разоблачил и убил его, после чего сам был провозглашен императором (Eutrop. IX, 18, 2; 19, 1–20, 1; Aug. Vict. 38, 6–8; Epit. 38, 4–5; SHA Car. 12, 1–13, 3; Oros. VII, 24, 4; Zon. XII, 31)³⁵. Несмотря на единодушие авторов, весь этот рассказ вызывает некоторые подозрения. То, что Нумериан действительно страдал какой-то болезнью глаз (по-видимому, трахомой), не дающей ему находиться на солнечном свете, авторы не скрывают. То, что подозрения могли пасть на Апра, тоже вполне логично: ведь он был самым близким к молодому императору человеком. Но дальнейшие события развивались несколько странно. По существу, единственным доказательством вины Апра было заявление Диоклетиана и его клятва, что сам он к гибели Нумериана отношения не имеет. Поведение Диоклетиана вполне понятно. Он в это время командовал domestici (domesticos tunc regentem), т. е. личными телохранителями императора, и, следовательно, отвечал за его безопасность (SHA Car. 13 1; Zon. XII, 31)³⁶. Убийство императора (если это действительно было убийство) ставило под сомнение либо его компетентность, либо непричастность к смерти. Все происходило очень быстро. Создается впечатление, что Диоклетиан просто опередил растерявшегося Апра и, воспользовавшись этой растерянностью, тотчас убил его, не дожидаясь никакого расследования. Кроме слов будущего императора, никаких доказательств вины префекта претория практически не было.

Не совсем понятен и мотив убийства Нумериана. Биограф Кара и его сыновей пишет, что Апр стремился сам захватить императорскую власть, и автор «Эпитомы» тоже говорит, что смерть юноши хотели скрыть до тех пор, пока Апр не захватит власть. Разумеется, такое стремление к власти со стороны Апра вполне возможно. Но тот же биограф дает выразительную характеристику Нумериана, подчеркивая не только его выдающиеся моральные качества, которые делали юношу вполне достойным императорской власти, но и его образование и литературные и риторические способности (SHA Car. 11). Немногом ранее он же пишет, что Нумериан был столь же достойнейшим, сколь

³⁵ Правда, существовала какая-то версия гибели Нумериана во время сражения римской армии с персами, но Зонара (XII, 30), сообщаящий об этом как об одном из вариантов смерти юного императора, сам явно не верит в это.

³⁶ *Enßlin W. Valerius* // RE. 1948. Hbd. 14A. Sp. 2422. Зонара (XII, 31) упоминает о разговорах воинов по поводу виновности Диоклетиана.

и красноречивым (SHA Car. 7, 1). Конечно, любимому императору всегда приписываются превосходнейшие достоинства. Но в данном случае характерно, что речь идет не о воинских доблестях и не о качествах правителя, а о красноречии и образованности. Можно вспомнить, что биограф Галлиена, признавая подобные достоинства своего персонажа, писал, что они к исполнению императорских обязанностей отношения не имеют. Если верить «Флавию Вописку», то и сам Кар якобы считал своего младшего сына из-за его возраста недостаточно твердым для управления какой-либо частью Империи, в данном случае Галлией (SHA Car. 7, 2). В глазах и самого Кара, и его окружения Нумериан явно представлял скорее «литератором», чем настоящим правителем. В этих условиях Апр вполне мог рассчитывать на фактическую власть. Возможно, что неожиданная смерть Нумериана нарушила планы префекта и одновременно тестя, и тот пытался скрыть эту смерть, чтобы выиграть время и принять какие-то меры³⁷.

Не исключено, что в окружении Нумериана (а может быть, еще и Кара) шла борьба двух групп во главе соответственно с Апром и Диоклетианом (точнее Диоклом, как он звался до провозглашения императором)³⁸. Нам известен презид Нижней Паннонии Л. Флавий Апр, и возможно, что это был будущий префект претория³⁹. Что касается Диоклетиана, то, исходя, как и ряд его предшественников начиная с Клавдия из низших слоев населения Балканского полуострова, он сделал карьеру в армии, командуя легионами и будучи одно время наместником Мезии. Кар, как кажется, даже сделал его консулом-суффектом⁴⁰. Назначение Диоклетиана командиром domestikов вполне могло иметь целью противопоставление его префекту претория, роль которого еще усиливалась тем, что он приходился тестем Нумериану. В таких условиях понятна быстрая реакция Диоклетиана на известие о смерти юного императора и мгновенное обвинение в этом Апра, которому даже не дали возможности оправдаться.

Расчет Диоклетиана оказался полностью верным. В условиях общего возбуждения Апр был мгновенно убит, а сам Диоклетиан 20 ноября 284 г.⁴¹ провозглашен императором. Именно тогда, чтобы

³⁷ Cp.: *Southern P.* Op. cit. P. 133.

³⁸ *Bird H. W.* Op. cit. P. 128–129. По мнению английского историка, поведение Днокла во время смуты, вызванной открытием смерти Нумериана, показывав, что он явно опирался на какую-то группу офицеров.

³⁹ *Stein. Flavius* // RE. 1909. Hbd. 12. Sp. 2531.

⁴⁰ *Enßlin W.* *Valerius*. Sp. 2422–2423.

⁴¹ *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* Op. cit. P. 64; *Paschoud F.* Notes. P. 189; *Le Glay M.* *Grandeza...* P. 301.

придать своему имени более римский вид, он и стал именоваться Диоклетианом вместе Диокла⁴². 1 января 285 г. Диоклетиан принял в Никомедии свое первое ординарное консульство⁴³. Своим коллегой он избрал Л. Цейония Басса. Басс принадлежал к старой сенаторской знати и был, видимо, известным юристом, возглавляя при Пробе императорский суд в отсутствие императора. Одно время он занимал пост проконсула Африки, а до этого, по-видимому, консула-суффекта. Видимо, входил он и в штаб Кара и Нумериана, сопровождая этих императоров в персидском походе и при возвращении из него. Избрание Басса было ясным жестом Диоклетиана по отношению к сенату⁴⁴.

Карин, разумеется, не признал Диоклетиана. Трудно сказать, как он реагировал на прекращение персидского похода и возвращение армии. «Флавий Вописк» пишет, что, узнав о смерти отца, а затем и брата, Карин еще больше предался порокам и преступлениям (SHA Car. 18, 1; Zon. XII, 30). Конечно, это сообщение полностью соответствует общей оценке этого императора биографом и более поздними историками. Для биографа Карин, являвшийся противником Диоклетиана, выступает средоточием самых разных пороков⁴⁵. Поэтому принимать это сообщение на веру нельзя. Однако в любом случае на провозглашение Диоклетиана он ответил подготовкой своей армии к решительной борьбе, как он считал, с узурпатором. Уход сил Карина с рейнского фронта вдохновил аламанов и франков, которые снова вторглись в Галлию⁴⁶. Однако выступление Диоклетиана для Карина явно было более опасным, и он этим вторжением пренебрег.

Сохранились монеты и одна римская надпись с упоминанием внука Кара Нигриниана, который уже называется *divus* (ILS 611). То, что в надписи Кар не имеет никаких императорских титулов, а отец Нигриниана не назван, заставляет исследователей думать, что надпись была сделана уже после поражения Карина⁴⁷. С другой стороны, признание Нигриниана божественным ясно свидетельствует

⁴² Интересно, однако, что в Египте даже в марте 285 г. императора звали не Диоклетианом, а еще Диоклом: *Bowman A. K. Diocletian and the first tetrarchy // CAH. Vol. XII. 2005. P. 68.*

⁴³ *Enßlin W. Valerius. Sp. 2424; Bowman A. K. Op. cit. P. 69.*

⁴⁴ *PLRE I. P. 156; Potter D. S. The Roman Empire... P. 280; Bowman A. K. Op. cit. P. 69.*

⁴⁵ Более поздние авторы явно зависели от отрицательной оценки Карина, господствующей во времена Диоклетиана.

⁴⁶ *Demougeot E. Op. cit. P. 531.*

⁴⁷ *PLRE I. P. 631.* Высказана мысль, что Нигриниан был не сыном, а племянником Карина: *Bowman A. K. Op. cit. P. 69, n. 5.*

о его, хотя явно и недолгом, нахождении на троне. Можно в качестве гипотезы, ничем, впрочем, пока не подтвержденной, предположить, что Карин, выступив в поход против Диоклетиана, оставил в Риме своего сына, дав ему императорские полномочия.

Еще до войны с Диоклетианом Карину пришлось столкнуться с Сабиним Юлианом. Зосим (I, 73, 1) называет Сабина Юлиана префектом претория, а Аврелий Виктор (39, 10) — корректором Венеции. Надо иметь в виду, что в то время в Империи обычно было одновременно два префекта претория, и нам известно, что одним из них был Аристобул (Aug. Vict. 39, 14), а другим — Матрониан (SHA Car. 16, 5). Однако оба они занимали эту должность не с самого начала правления Карина. По словам биографа, Карин назначил Матрониана после убийства его предшественника, каким вполне мог быть Сабин Юлиан. Аристобул как префект тоже появляется уже в конце правления Карина. Поэтому нельзя исключить, что кто-либо из них был назначен префектом претория после мятежа Сабина Юлиана. Если Сабин Юлиан был действительно префектом претория, то он являлся коллегой Апра. Окончательно решить этот вопрос едва ли возможно, хотя исследователи склоняются к признанию мятежника корректором Венеции или в крайнем случае Италии, точнее Северной Италии⁴⁸. Мятежник провозгласил себя императором, приняв обычное имя Император Цезарь Марк Аврелий Юлиан Сабин Август⁴⁹.

То, что Северная Италия признала власть Сабина Юлиана, несомненно: автор «Эпитомы» (38, 6) говорит, что битва, в которой узурпатор был убит, произошла на Веронских полях (in Campus Veronensibus). Но власть Сабина Юлиана признала и Паннония. Особенно важно, что под его властью оказалась Сисция, где уже давно существовал монетный двор. Здесь узурпатор стал выпускать свои монеты⁵⁰. Наряду с такими более или менее обычными легендами, как VICTORIA AUGUSTI или FELICITAS Aevi, его монеты имеют также надпись LIBERTAS PUBLICA⁵¹. Как уже говорилось, libertas была

⁴⁸ Paschoud F. Notes. P. 190. В. Энслин не включает Сабина Юлиана в список известных префектов претория: Enßlin W. Praefectus praetorio. Sp. 2425. Но некоторые исследователи считают, что Сабин Юлиан мог быть и префектом претория: Potter D. S. The Roman Empire... P. 280. Другие ученые предпочитают не решать окончательно этот вопрос: Bowman A. K. Op. cit. P. 69, n. 5.

⁴⁹ Hanslik R. Aurelius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 768. Его имя показывает, что он, как и другие императоры и узурпаторы того времени, был выходцем уже из новых слов.

⁵⁰ Callu J.-P. La politique monétaire... P. 438; Southern P. Op. cit. P. 135.

⁵¹ Mattingly H. The Imperial Recovery // CAH. Vol. XII. 1939. P. 323.

одним из обычных лозунгов императоров, но связывалась именно с августом, и только Тацит говорил о себе как о *verae libertatis auctor*, подчеркивая восстановление им подлинной свободы. Теперь Сабин Юлиан выдвигает лозунг «общественной свободы», противопоставляя ее власти Карина⁵². По-видимому, он попытался использовать все еще окончательно не исчезнувшие идеи «конституционного» правления, как это в свое время пытался сделать Эмилиан. Возможно, он имел в виду и деятельность Проба, умевшего поддерживать хорошие отношения с сенатом. Если это так, то и в этом он противопоставлял себя Кару и его сыновьям, пришедшим к власти в результате мятежа против Проба.

О времени мятежа Сабина Юлиана и его продолжительности точно сказать трудно. Аврелий Виктор (39, 10) пишет, что тот захотел захватить власть, узнав о смерти Кара (*Cari morte cognita*). Автор «Эпитомы» (38, 6) дает несколько иную датировку: рассказав об обнаружении трупa Нумериана, он пишет, что затем (*hinc*) власть захватил Сабин Юлиан. Зосим (I, 73, 1) также связывает выступление Сабина Юлиана со смертью Нумериана. Сейчас более правильной признается датировка «Эпитомы» и Зосима⁵³. Карин в это время находился в Галлии, откуда он и направился в Северную Италию. Около Вероны в начале 285 г. его армия разгромила войска Сабина Юлиана. Сам узурпатор попал в плен и был обезглавлен (*Aug. Vict.* 39, 10–11; *Epit.* 38, 6; *Zos.* I, 73, 2–3).

После разгрома Сабина Юлиана Карин выступил против Диоклетиана. Тот, в свою очередь, двинулся ему навстречу. Большим успехом Диоклетиана был переход на его сторону наместника Далмации Флавия Констанция (*Anon. Vales.* I, 1)⁵⁴. Это укрепило позиции Диоклетиана. Весной 285 г. начались первые стычки между двумя армиями. Успех в них склонялся скорее на сторону Карина. Затем дело дошло до большого сражения около устья реки Марг в Мезии. Битва была очень ожесточенной, и успех снова склонялся на сторону Карина. Армия Диоклетиана начала отступать. Но Карина солдаты не любили, они им даже возмущались. Это возмущение умело подогревал ближайший соратник Карина префект претория Тит Клавдий Марк Аврелий Аристул⁵⁵. Карин назначил его вторым консулом на 285 г. Но вместо благодарности он строил козни против своего

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Hanslik R. Aurelius. Sp.* 768; *Paschoud F. Notes.* P. 190.

⁵⁴ *PLRE* I. P. 228; *Potter D. S. The Roman Empire...* P. 280.

⁵⁵ Не исключено, что в армии Карина действовали агенты Диоклетиана: *Bird H. W. Op. cit.* P. 131.

покровителя. И, когда армия Диоклетиана отступила, возбуждаемые Ариостбулом солдаты подняли мятеж и убили Карина, после чего признали императором Диоклетиана (Eutrop. IX, 20, 2; Aug. Vict. 39, 12; Epit. 38, 8; SHA Car. 18, 2; Zos. I, 73, 3). Диоклетиан по достоинству оценил поступок Ариостбула. Он сохранил за ним пост префекта претория и консула (Aug. Vict. 39, 15; Amm. Marc. XXIII, 1, 1)⁵⁶. Когда в Рим пришло известие о гибели Карина, столица признала Диоклетиана законным императором. И вполне возможно, что для того чтобы примирить с собой остававшихся еще в Риме сторонников Карина, Диоклетиан приказал обожествить Нигриниана, к тому времени уже умершего⁵⁷.

Приход к власти Диоклетиана означал конец «военной анархии» и начало нового периода римской истории — Поздней империи.

⁵⁶ И позже Ариостбул продолжал делать хорошую карьеру, став проконсулом Африки и префектом Рима: *Hanslik R. Claudius* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. I. Sp. 1211.

⁵⁷ PLRE I. P. 631.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События 235–285 гг. в политической сфере явились закономерным итогом развития Римского государства и в то же время началом новой эпохи его истории. Для римской *civitas* в период республики, как и для греческого полиса, характерно наличие трех политических институтов: народного собрания (комициев), совета (сената), должностных лиц (магистратов). В период империи три института сохранились, но теперь они были представлены иными, кроме сената, инстанциями: армией, сенатом, императором с его бюрократическим аппаратом. Взаимоотношения этих трех элементов власти не оставались постоянными. Они все время изменялись на протяжении двух с половиной столетий. Вся эпоха, начавшаяся победой будущего Августа над Антонием в 30 г. до н. э. и завершившаяся убийством Александра Севера в 235 г., была временем постоянного укрепления императорской власти. В том двуединстве, каким являлся принципат, его монархическая составляющая становилась все более преобладающей. Этот процесс шел не совсем гладко. Уже в первом столетии существования принципата делались попытки его резко ускорить; не оставались эти попытки и позже. Это вызывало реакцию и вынуждало следующего правителя делать те или иные шаги назад. Но в целом можно говорить о сравнительно постепенном, но неуклонном усилении власти принцепса. Опираясь на армию и бюрократический государственный аппарат, он во все большей степени становился полновластным государем. Во время гражданской войны 193–197 гг. и кризиса Ранней империи это усиление стало наглядным и выразилось, в частности, в принятии римским общественным мнением императора как «господина» (*dominus*) и в появлении понятия «божественного дома» (*domus divina*). Это ясно говорит не только о резком усилении императорской власти, но и о радикальных изменениях в самой системе ценностей римского общества. Общественное мнение принимает монархическую власть практически безусловно.

Однако самой императорской власти было свойственно коренное противоречие. С одной стороны, власть императора практически была почти безграничной. Как только что было сказано, она постоянно укреплялась. Создание совершенно независимого от общества имперского государственного аппарата, основанного на чисто бюрократическом принципе и, следовательно, в конечном итоге полностью подчиняющегося императору, делало и эту власть независимой от общества. Другой опорой императора являлась армия как в лице легионов и вспомогательных войск, расположенных преимущественно на границах Империи, так и в лице столичного гарнизона, включая преторианцев. При Септимии Севере к ним прибавился II Парфянский легион, расквартированный вблизи Рима. С другой стороны, однако, император оставался не «монархом милостью богов», а главой римского народа. Его власть была основана на соединении различных полномочий, чье объединение в одних руках и давало принцепсу возможность ее осуществлять. Одним из столпов власти по-прежнему был авторитет. Но сам он, как говорилось во Введении, после гражданской войны 68–69 гг. покоился на обладании властью, т. е. человек становился императором не потому, что обладал авторитетом (собственным или унаследованным от славных предков), а приобретал авторитет потому, что становился императором. Будучи главой римского народа, принцепс теоретически все свои обширные полномочия получал от сената, являющегося воплощением Римского государства. Пост принцепса не был наследственным. Император мог сделать того или иного человека, даже собственного сына, лишь наследником своего имущества. И теоретически сенат имел все права такого наследника в его императорских функциях не утверждать. Реально этого ни разу не случилось в римской истории, но в теории было вполне возможно. И эта неопределенность и противоречие между теорией и практикой делали императорскую власть относительно хрупкой.

В то же время никаких сомнений в необходимости существования этой власти не было. Всеобщая убежденность в такой необходимости возникла уже в правление Августа и даже до него, став психологической основой замены республики империей. И если Тиберий еще разыгрывал комедию с отказом от верховной власти, дабы создать впечатление подчинения воле сената, то уже его преемник Калигула в такой комедии не нуждался. Возникал только один вопрос: кто должен быть принцепсом? Хотя императорская власть, как только что было сказано, не была наследственной, ее реальная передача по наследству вошла в практику уже при Августе. Начиная со времени

гражданской войны 68–69 гг. сосуществовали два принципа вручения высшей власти – династический и по заслугам. Римский плебс, уже давно проникшийся монархическими настроениями, был решительно на стороне династийности, тем более что обыденному сознанию было свойственно представление о наследственности счастья. Армия в целом также предпочитала этот принцип. Сенат и стоящие за ним круги общества предпочитали принцип заслуги. Императоры династии Антонинов сумели соединить оба принципа: власть передавалась наиболее заслуженному, с точки зрения правящего императора, чело- веку, но оформлялось это путем усыновления, т. е. включения будущего государя в правящую семью. Такое соединение двух, казалось бы, противоположных принципов явилось одной из причин стабильности и процветания в эту эпоху. Этому, конечно, способствовало то обстоятельство, что ни у одного Антонина, кроме предпоследнего Марка Аврелия, не было родных сыновей. Марк Аврелий имел родного сына Коммода, которому и передал власть. Правление последнего стало временем резкого обострения отношений между правителем, не имеющим никаких заслуг, кроме рождения в августейшем доме, и сенатом.

Второй стороной принципата как государственного строя была власть сената. По мере усиления императорской власти реальная роль сената уменьшалась. Однако полностью она не исчезла. Если в раннем принципате значительную роль в сохранении сената играла необходимость использования его аппарата в управлении государством и отдельными провинциями, то затем эти соображения уже не могли играть никакой роли. Созданный, окончательно структурированный при Адриане и все более расширяющийся императорский аппарат вполне мог полностью заменить сенатский как на общегосударственном, так и на провинциальном уровне. Не было необходимостью и привлечение отдельных сенаторов и именно только их к тем или иным высшим должностям в армии или гражданской сфере. Но это не означает полного вытеснения сената из государственного управления. Для римского сознания было свойственно представление не только о вечности, но и о непрерывности развития своего государства. Зримым воплощением римской государственности и ее непрерывности и был сенат. Теоретически он по-прежнему являлся высшим органом власти, по крайней мере наряду с принцепсом, а в некотором отношении даже стоял выше принцепса, ибо он наделял властью каждого нового правителя и имел полное юридическое право его этой власти лишить. Реально это, конечно, могло произойти только в исключительных обстоятельствах, как это случилось в 68 г. с Нероном, в 193 г.

с Дидием Юлианом и в 238 г. с Максимином Фракийцем. Как и раньше, сенаторы являлись первым сословием государства и на этом основании обладали различными привилегиями, в том числе и правами на занятие тех или иных высших должностей. Принадлежность к этому сословию была наследственной. Однако, с другой стороны, император имел полное право включить в состав сената и, следовательно, причислить к высшему сословию любого другого заслуженного человека и в то же время под тем или иным предлогом (а во время, например, гражданской войны и вовсе без предлога) исключить любого человека из сената. Принцепс в принципе и по всеобщему убеждению сам тоже должен был быть сенатором. Однако в условиях кризиса на трон вступил всадник Макрин. Он продержался там недолго, но сам этот случай вполне мог стать и на деле стал прецедентом. Сенаторы были горды своим положением, презирали нижестоящих и в то же время раболепствовали перед императором. Сенат как корпорация мог считать себя силой, равной императору, но каждый сенатор в отдельности полностью зависел от него.

Как и до Августа, Римское государство оставалось *res publica populi Romani* — общим делом римского народа¹. Народ, таким образом, оставался субъектом государственности. Однако понятие «римский народ» радикально изменилось. С ходом романизации римское гражданство во все большей степени распространялось среди провинциалов. Закономерным итогом этого процесса стал эдикт Каракаллы — *constitutio Antoniana de civitate*. Согласно этому эдикту, почти все свободные жители Империи (кроме сравнительно небольшой группы *deditii*, характер которых спорен) становятся римскими гражданами. Эдикт Каракаллы не отменил местное гражданство, но наряду с ним создал общеимперское. А если иметь в виду, что римляне воспринимали весь мир как вселенную, реально или потенциально подчиненную Риму, то в теории создавалось мировое гражданство². Независимо от мотивов издания Каракаллой этого эдикта он создавал новое качество римского народа. Хотя ко времени Каракаллы римское гражданство было уже чрезвычайно широко распространено, теоретически оно оставалось эксклюзивным.

¹ При всей демагогичности этого утверждения в устах императоров (Уколова В. И. Указ. соч. С. 24) оно отвечало и правовой форме государства, и, что очень важно, умонастроению самих римлян. Можно отметить, что даже в VIII в. лангобардский монах Павел Диакон называл Империю республикой.

² *Carrié J.-M., Rousselle A.* Op. cit. P. 57–59; *Southern P.* Op. cit. P. 51–52; *Mathisen R. W.* *Peregrini, Barbari and Cives Romani. Concepts of Citizenship and the Legal Identity of Barbarians in the Later Roman Empire* // *American Historical Review*. October. 2006. P. 1013.

Теперь эта эксклюзивность исчезла. Понятия «римский народ» и «подданные императора» практически совпали. Границы проживания римского народа совпали с границами Римской империи. В отсутствие демократических институтов и избирательных процедур это исключало римский народ в его новом качестве из участия в политической жизни государства. В какой-то степени такое участие мог осуществлять только городской плебс самого Рима. Понимая это, императоры старались задабривать римлян, проводя еще со времени Августа политику «хлеба и зрелищ». Коммод изъяс из этой политической формулы хлеб и оставил только зрелища, и это дорого ему стоило. Но и в случае активного выступления римской толпы она либо оказывалась лишь орудием в руках той или иной политической группировки, либо это выступление становилось стихийным разгулом страстей. Рассматривать римский плебс как реальный фактор политической истории в это время невозможно.

Место римского народа как политического института фактически заняла армия. Уже в республиканское время армия как вооруженное сообщество римских граждан играла определенную роль в политической жизни. Эта роль, естественно, усиливалась в период гражданских войн. В определенных условиях армия даже могла существенно повлиять на те или иные решения своих полководцев, как это было, например, в конце 40-х гг. I в. до н. э., когда солдаты и офицеры влияли на отношения между Октавианом и Антонием³. Роль войска как субъекта политической истории сохранилась и после создания Августом профессиональной армии. Выражением ее политической воли являлась солдатская сходка, являющаяся воинским аналогом комиций⁴. Полевая армия состояла из легионов римских граждан и вспомогательных частей, набираемых среди неграждан. Естественно, что политическую роль играли легионы, а также когорты столичного гарнизона и особенно преторианцы. После эдикта Каракаллы различие между легионами и *auxilia* исчезло, хотя и после этого остались воинские части, набираемые по этническому принципу. Однако сама армия за это время изменилась.

Создание профессиональной армии совершенно естественно привело к возникновению и армейской корпоративной морали. Солдаты, являвшиеся римскими гражданами, всегда рассматривали себя как часть гражданского коллектива⁵, но как часть лучшую и противо-

³ Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С. 63–68.

⁴ Махлюк А. В. Указ. соч. С. 208–227.

⁵ Там же. С. 246.

поставленную невоенному населению⁶. Это хорошо видно из речи, которую Геродиан (VII, 8, 4–8) вкладывает в уста Максимиана. Он противопоставляет мужество воинов, которых страшились германцы, пугались савроматы и перед которыми трепетали персы, обезумевшим карфагенянам, которые вместо воинских упражнений занимаются только хорами, насмешками и стихами, и жалким римлянам, которые могут только кричать и которые разбегаются в страхе при виде двух-трех вооруженных солдат. «Штатские» люди платили солдатам той же монетой. Геродиан (II, 9, 11) пишет о воинах паннонских легионов, что они кровожадны, тяжелодумны и не способны понять хитрость и коварство в речах своих полководцев. И это отражало взгляд граждан на воинов вообще⁷. Чем дальше шло время, тем больше расходились пути армии и гражданского общества. Солдаты, разумеется, были преданы Риму и Империи, но их отношение к отечеству преломлялось через преданность своему полководцу и в конечном итоге императору как верховному главнокомандующему. Однако в случае конфликта между императором и собственным генералом солдаты, как правило, выступали на стороне последнего⁸.

Другим важным изменением был рост оседлости армии. Римляне сумели создать одну из самых совершенных военных машин древности. Военная мощь Рима была выкована в ходе завоеваний сначала Италии, а затем и всего Средиземноморья и значительной части Европы. Однако после перехода Империи преимущественно к оборонительной политике интенсивность военных действий резко уменьшилась, так что армия оказалась довольно мало задействована в реальных войнах⁹. Отдельные кампании (включая гражданскую войну 68–69 гг.) не изменяли общей картины. В этих условиях отдельные воинские части подолгу находились на своих местах, и солдаты все больше контактировали с окружающим населением¹⁰. Со времени Марка Аврелия положение изменилось, и войны стали и более частыми, и более тяжелыми. Необходимость переброски войск на нужные

⁶ Поэтому нам представляется совершенно неверным распространенное, особенно в отечественной историографии, мнение, что армия представляла интересы муниципальных кругов.

⁷ Carrié J.-M. *Il soldato // L'uomo romano*. Bari, 2003. P. 131.

⁸ Как и во время гражданских войн в конце республики, верность собственному командующему оказывалась для солдат важнее верности государству и его главе (*Capogrossi Colognesi L.* Op. cit. P. 420).

⁹ Ziolkowski A. Op. cit. P. 355–356.

¹⁰ Роль контактов действующей армии и ветеранов с местным населением не надо преувеличивать, как это случилось в историографии, но и нельзя полностью отрицать. Впрочем, эти контакты могли быть и весьма недружественными.

театры военных действий не могла нравиться солдатам, привыкшим к конкретным условиям жизни. Недаром еще Тацит (Hist. I, 53, 14) писал, что нахождение среди гражданских людей (*paganos*) портит воинов. Однако в условиях сильной императорской власти это недовольство реально проявиться не могло. Реформы Септимия Севера еще более обострили противоречие между оседлостью армии и необходимостью ее мобильности. Получив право иметь семью и соответственный участок земли для ее прокорма, воины во все большей степени оказывались связанными с конкретной страной, чем с Империей в целом. Недаром страх воинов перед последствиями нападений германцев заставил Александра Севера прекратить войну с Персией и начать готовиться к германской кампании. Это не означает, что солдаты стали выразителями интересов местного населения. В этом отношении характерна петиция малазийских колонов Филиппу Арабу с жалобами на произвол не только местных властей, но и окрестных солдат, которые разоряли сельчан (CIL III, 14191). Солдаты сохраняли свои корпоративные интересы, но эти интересы были в большой мере связаны с конкретными территориями Империи и с конкретной армией или даже конкретной воинской частью. Это в известной степени разрушало единство имперской армии и в условиях обострения политической обстановки могло противопоставить и на деле часто противопоставляло различные части армии друг другу.

Император, сенат и армия и стали главными актерами той драмы, которая разыгрывалась в 235–285 гг. Это не означает, что императоров этого времени надо жестко делить на солдатских и сенатских, как было еще сравнительно недавно принято в историографии. Собственно солдатскими императорами можно, видимо, считать только Максимина и, может быть, некоторых узурпаторов, а сенатскими как таковыми — Пупиена и Бальбина. Остальных правителей этого времени четко разделить по этому принципу невозможно. Правда, Тацита снова, как почти 40 лет назад, избрал сенат, но это избрание произошло в уникальной исторической ситуации и по инициативе самой армии. Да и ничего просенатского, кроме некоторых чисто демонстративных жестов, Тацит не сделал. Но отрицать роль этих двух институтов — сената и армии тоже невозможно. Однако надо иметь в виду, что удельный вес значимости сената либо армии в разные периоды этого времени был различен.

Как уже отмечалось, историческая эволюция принципата вела ко все большему усилению его монархической составляющей в ущерб республиканско-полисной. Именно такое развитие определяло вектор политической истории Рима. Однако современникам это было совер-

шенно неясно. Сенат еще обладал значительным потенциалом. Он являлся относительно сплоченной корпорацией, сохраняющей определенный авторитет в римском обществе. Кроме того что сенат являлся символом римской государственности, он имел в своих руках и некоторые рычаги реальной власти. Конечно, старые республиканские магистратуры, зависимые от сената, на деле превратились в почетные должности без (или почти без) реальных властных полномочий. Однако именно сенаторы назначались префектами Рима, чье значение в столице было весьма большим, да и на другие важные должности в столице. Еще важнее было то, что из числа сенаторов назначалось большинство провинциальных наместников, в том числе и в «вооруженных» провинциях. Сенаторами были легаты легионов и их первые помощники — латиклавные трибуны¹¹. И это давало сенату и отдельным сенаторам возможность иметь в своем распоряжении вооруженные силы. Разумеется, сам сенат и его отдельные члены преувеличивали значимость этих аспектов положения сената. Так, события 238 г. показали, с одной стороны, что различия интересов внутри сената в определенный момент оказываются более важными, чем корпоративная солидарность, а с другой — что авторитет официального высшего органа государства и носителя самой идеи государственности не столь высок и в армии, и в римской толпе, как казалось самим сенаторам. Тем не менее даже полное поражение сенаторской реакции в 238 г. не привело к окончательному отказу от поиска таких путей выхода из создавшегося положения, которые привели бы к восстановлению положения сената как реально правящего органа. И такие поиски были характерны для первого периода этой эпохи.

С точки зрения политической истории эпоху крушения Ранней империи надо разделить на два больших периода, между которыми располагается правление Галлиена. Переворот 235 г. был новым явлением в римской истории. Впервые инициаторами мятежа выступили сами солдаты, даже если на это их толкнули интриги самого Максимиана или кого-либо из его окружения. Армия, таким образом, впервые после гражданских войн конца республики выступила как самостоятельная активная сила, а не только как орудие честолюбивого полководца¹². В этом отношении мятеж Максимиана можно сравнить с выступлением армии Суллы против Рима в 88 г. до н. э. То выступление открыло период падения республики, это — крушения

¹¹ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 113–119.

¹² Мы оставляем в стороне вопрос о том, было ли выступление рейнской армии в начале 69 г. стихийным или подготовленным Вигеллием и его сторонниками.

Ранней империи. Однако в самый момент переворота он явно не казался чем-то совершенно необычным¹³. Большое значение этого события стало ясно позже, по крайней мере уже в IV в., как это видно из слов Аврелия Виктора (24, 7–11), которые приводились в начале главы о правлении Максимиана. И все-таки в этот период еще в большой мере продолжались линии развития, какими шло Римское государство в правление Северов¹⁴. Сам Максимин мог представляться обществу неким «вторым изданием» Каракаллы и Макрина одновременно. С первым его роднила ясно выраженная ориентация на армию и некоторая недооценка сената, со вторым — непринадлежность к сенаторскому сословию. И сенат, в первый момент, как всегда, подчинившись Максиминому и признав его императором, ненавидел принципса и воспользовался первой же представившейся возможностью для его свержения.

Весь период до совместного правления Валериана и Галлиена включительно отличался поисками некоторого компромисса между постоянным укреплением императорской власти и претензиями сената, по крайней мере на сохранение своего положения. По-видимому, на поиски такого компромисса были направлены такие действия императоров, как попытка Деция назначить Валериана «гражданским императором» или послание Эмилиана, предлагавшего (неважно, искренне или лицемерно) сенату взять реальную власть, а его считать лишь полководцем, спасающим государство от варваров. С другой стороны, сенат пытался использовать любую возможность для политического реванша. Об этом свидетельствует не только сенаторская реакция 238 г., но и фактический отказ сената поддерживать Филиппа в его борьбе с узурпатором Пакацианом. Может быть, сенат даже не был столь изолирован от остального общества, как это кажется на первый взгляд. Конечно, и армия, и римская толпа были настроены полностью монархически, как показали события 238 г., но кроме них все-таки существовали какие-то круги (особенно, как кажется, в интеллектуальной элите), которые поддерживали сенат. И послание Эмилиана, и речь, вложенная Геродианом в уста Пупиена, показыва-

¹³ Ziolkowski A. Op. cit. P. 401.

¹⁴ С плснения Валериана и установления единой державы Галлиена П. Саутхерн начинает рассмотрение нового периода римской истории, в то время как 235–260 гг. являются для него частью еще предыдущего периода, начавшегося с приходом к власти Коммода в 180 г.: Southern P. Op. cit. P. 14–80. Д. С. Поттер рассматривает как единый период «падения северовской империи» время от прихода к власти Александра Севера, с одной стороны, и установления власти Сасанидов — с другой, до гибели Галлиса: Potter D. S. The Roman Empire... P. 217–262.

ют, что в римском обществе действительно существовало определенное просенатское настроение и, может быть, даже некая программа выхода из создавшегося тяжелого положения путем усиления власти не императора, а сената. В какой-то степени она была, вероятно, даже теоретически оформлена, ибо Пупиен излагает эти идеи довольно четко и ясно. Конечная политическая неудача в проведении этих идей в жизнь была компенсирована ярко выраженной просенатской тенденцией последующей римской историографии.

Политическая утопичность этой программы и этого настроения стала ясна в правление Валериана и Галлиена. Эти императоры относились к самым «сливкам» сенаторской знати. Более того, Валериан принимал активное участие в событиях 238 г., и именно он был кандидатом Деция на роль «гражданского императора». Сенат играл определенную роль в назначении Галлиена. Все это должно было привести к усилению сената. Однако именно в это правление авторитарные тенденции резко усилились. Это, например, ясно отразилось в одном из антихристианских эдиктов Валериана. В нем в число объектов преследования включались и сенаторы. Таким образом, какая-то часть сенаторского сословия оказывалась объектом внесудебной расправы, что всегда воспринималось сенатом как признак императорского произвола и деспотизма. Еще большее значение имела реформа Галлиена, отстранившего сенаторов от военной службы. Этот акт императора лишил их не только командования легионами, но и наместничества в «вооруженных» провинциях. И хотя эта реформа была проведена в жизнь не мгновенно, в очень близкой перспективе сенат лишился какого-либо влияния в вооруженных силах государства. А в условиях, когда и финансовая политика практически полностью находилась в руках императора, сенат потерял всякую материальную опору своей власти, а с нею фактически и саму власть. Императоры могли по тем или иным своим соображениям делать какие-либо благожелательные жесты по отношению к сенату, как это делали Клавдий и Проб, но это ничего не меняло в реальной ситуации. Сенат на деле перестал быть органом государственной власти. Он сохранился как корпорация и как символ римской государственности, но без всяких реальных властных функций. И после этого ни о каких попытках компромисса между императорской властью и сенатом речи уже не было. Попытка сената навязать свою кандидатуру на трон в лице Квинтилла потерпела полное поражение. Даже когда сенат по настоянию армии избрал императора из своей среды, это избрание, как отмечалось выше, не изменило существующего положения. Таким образом, правление Валериана и Галлиена

и особенно единоличное правление последнего обозначают важную веху в политической истории периода «военной анархии» и, может быть, римской истории вообще. Начавшийся после этого правления второй период «военной анархии» был отмечен постоянным укреплением императорской автократии.

Во втором периоде «военной анархии» важной вехой стало правление Аврелиана. Он железной рукой объединил Римскую империю, фактически распавшуюся на три части при Галлиене, и с полным правом стал гордо именовать себя «восстановителем вселенной», подразумевая под вселенной «римский мир». Военная активность Аврелиана привела не только к воссоединению, но и, как тогда казалось, умиротворению государства. Не меньшую твердость проявил Аврелиан и внутри Империи. Он решительно подавил не только бунты, как, например, бунт работников римского монетного двора, но и всякую оппозицию. Разгром духовной оппозиции на Востоке и беспощадные казни сенаторов в Риме ликвидировали малейшую возможность неприятия власти императора. Аврелиан впервые в римской истории вводит официальный государственный культ — культ Непобедимого Солнца. И себя он представляет не только как отражение бога на земле, но и как «рожденного бога», т. е. бога, который отличается от небесных божеств только своим земным рождением. Сам император является «господином и богом» (именно богом, а не божественным, каким становились императоры, хотя и не все, после смерти). И характерно, что это теперь полностью принимается римским обществом. В пропаганде Аврелиана вечность Рима заменяется вечностью императорской власти, и эта власть зависит не от римского народа или сената, или даже от армии, а от богов, которые дали сму, Аврелиану, власть, которую только они и могут отнять. Величие императорской власти подчеркивается и внешне. Своей пышной одеждой Аврелиан поднимается над всеми остальными людьми. Монетное дело не только фактически, но и юридически становится исключительной монополией императора. Сенат, таким образом, теряет еще одну важную государственную функцию, которую до сих пор формально он разделял с императором. При Аврелиане Римская империя фактически становится самодержавной. Правление Аврелиана можно считать таким же важным этапом в развитии императорской власти в Риме, как и правление Галлиена. Но при этом необходимо подчеркнуть, что без реформы Галлиена шаги Аврелиана едва ли были бы возможны, по крайней мере в таком виде и в таком темпе.

Черту под взаимоотношениями императора и сената подвел Кар. Он (в лучшем случае) лишь поставил сенат в известность о своем

провозглашении, но не стал добиваться признания сенатом. Кар стал первым законным римским императором, не наделенным полномочиями сенатом. Это означало, что сенат лишился своей последней государственной функции. И хотя сам этот орган сохранился, из «конституционной» истории Рима он был вычеркнут окончательно. Принципат как политический строй, созданный Августом, перестал существовать. В свое время Светоний (Cal. 22, 1) обвинял Калигулу в том, что он почти превратил принципат в некий вид царства. Калигуле такие действия стоили жизни. Но приблизительно два с половиной века спустя и почти через полтора столетия после написания Светонием биографии этого императора цель Калигулы была достигнута: в Риме вместо принципата возникла *regni forma*.

Таким образом, важнейшим результатом событий 235–285 гг. в политической сфере стало резкое усиление императорской власти, приведшее фактически к ликвидации принципата. Однако это усиление императорской власти как политического института сопровождалось хрупкостью власти конкретных императоров. За пятьдесят лет на троне сменилось более двадцати законных августов, не говоря об узурпаторах, даже галльских, которые в совокупности удерживали власть в течение четырнадцати лет, а также пальмирских правителей, фактически, а в конце и официально независимых от Римской империи. Из этого числа только Клавдий и, может быть, Нумериан умерли естественной смертью, в то время как остальные были либо убиты в бою, либо пали жертвой заговора в своем же окружении, либо погибли в результате солдатского бунта, либо покончили с собой. Валериан же стал единственным римским императором, захваченным в плен внешними врагами (в данном случае персами) и там и умершим. Но это не зависело от личных качеств того или иного императора. Трон оказывался страстно желанным, но в то же время смертельно опасным местом. И ни одному из императоров этого времени не удалось, несмотря на усилия, предпринимаемые большинством из них, основать свою династию.

Такая хрупкость власти конкретного человека была не случайна. Одной из причин этого была неопределенность конституционного положения императора. Не будучи монархом в полном смысле этого слова, он оказывался мишенью различных честолюбцев, считавших себя не менее достойными трона, чем правивший принцепс. Это обстоятельство особенно проявилось после реформы Галлиена. Поднявшаяся наверх новая знать, вышедшая из военных кругов, сама стремилась к политической власти. А когда ее представители этой власти добивались, то другие ее члены могли и не питать особого

пиетета к тому из «своих», кто в силу тех или иных обстоятельств оказался на троне. Реформа Галлиена, таким образом, укрепив императорскую власть в целом, не достигла того же в отношении каждого конкретного императора.

Еще важнее была, пожалуй, другая причина. С прогрессирующим вытеснением сената из государственной жизни Римское государство, если перефразировать слова, якобы когда-то сказанные Кимоном (Plut. Cim. 16), «охромело». Сенат, однако, являлся лишь вершиной айсберга. Каркасом Римской империи, определяющим ее античный характер, была густая сеть городов полисного типа. И именно эти города приходили в упадок. Речь шла, может быть, не столько о чисто урбанистическом, сколько о социально-политическом и экономическом аспектах. Показателем этого упадка являются учащающиеся назначения кураторов. Даже если процент городов, получивших кураторов, был не очень высок, само наличие и, что очень важно, все большее расширение сферы деятельности этого института, вмешивающегося в городское самоуправление¹⁵, свидетельствуют о невозможности городского коллектива и его органов выполнять все свои обязанности перед государством и быть поддержкой центральной власти. Императорская власть, с одной стороны, чрезвычайно усилилась, а с другой — лишилась и социальной, и в значительной степени финансовой поддержки городов. При отсутствии институтов, способных заменить сенат и города в качестве социальной и экономической базы и государственно-политических институтов, единственной силой, на которую могли рассчитывать императоры, являлись армия и бюрократический государственный аппарат. Но аппарат как таковой материальной силой не являлся. Это определяло полную зависимость императора от армии в целом и от отдельных ее частей.

Роль армии в III в. резко возросла и из-за постоянного ухудшения внешнеполитической ситуации. Об этом уже говорилось, но сейчас снова надо подчеркнуть значение этого фактора. Во-первых, в огромной степени увеличилась германская опасность. Во второй половине II в. период стабильности германских племен завершился и началась новая полоса передвижений германцев. В ходе этих передвижений многие прежние племена и союзы племен распадались и формировались новые. Так, на Рейне появились аламаны и франки¹⁶. Завершение

¹⁵ Burton G. P. The Roman Imperial State, Provincial Governors and the Public Finances of Provincial Cities, 27 B. C. — A. D. 235 // *Historia*. 2004. Bd. 53. 3. P. 336–340.

¹⁶ Kossak G. The Germans // Millar F. The Roman Empire... S. 319–320; *Jänichen H. Alemannen* // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. 1973. Bd. I, 2. S. 138–139.

периода стабильности привело и к возобновлению германского натиска на Рейне и Дунае. В конце II или в начале III в. готы под руководством Филимера, двигаясь вдоль рек, переселились в Северное Причерноморье и приблизительно в середине III в., а может быть, и несколько раньше оказались у римских границ¹⁷. Переселение, зачастую сопровождавшееся столкновениями с различными племенами, а затем многочисленные контакты с Римом, как военные, так и мирные, привели к значительным изменениям в готском обществе. Военная добыча, в том числе относительно большое количество пленных, обращаемых в рабов, знакомство с более высокими по качеству и внешнему виду римскими изделиями, торговля с римским миром — все это усиливало имущественную и социальную дифференциацию готского общества. Уже в самом начале готского пребывания в Северном Причерноморье в их среде отмечены не только короли (*reges*), но и «меньшие люди» (*mediocres*), а также «благороднейшие и благороднейшие мужи» (*nobilissimi prudentioresque viri*), из числа которых выходили жрецы (*lord. Get. 71–72*)¹⁸. Последнее, вероятно, может говорить о выделении знати, как светской, так и жреческой. Тацит (*Germ. 7*) пишет, что германцы выбирают королей из знати (*ex nobilitate*). У готов, по-видимому, королевская власть уже отделилась от знати. Эти процессы, с одной стороны, усилили готов, а с другой — увеличили их агрессивность. Готы стали наиболее опасными, но не единственными врагами Рима на Нижнем Дунае. Зачастую они выступали в союзе с другими племенами и целыми племенными конфедерациями.

Во-вторых, как тоже уже говорилось выше, произошли значительные изменения у восточных границ Империи. Место одряхлевшего Парфянского царства заняла молодая и полная сил и амбиций Персидская (или Новоперсидская) держава Сасанидов. Сасаниды не скрывали своих претензий на восстановление былой мощи Ахеменидов и соответственно на отвоевание территорий, которые когда-то

¹⁷ Bierbauer V. Die Goten vom 1.–7. Jahrhundert n. Chr.: Siedelgebiete und Wanderbewegungen aufgrund archäologischer Quellen // *Peregrinatio Gothica III*. Oslo, 1992. P. 22.

¹⁸ Деление на эти две группы Иордан приписывает Дициней. Между тем Дициней — персонаж дако-гетской истории, и это хорошо вписывается в общее для того времени соединение истории готов и гетов (*Carbó García J. R. Godos y getas en la historiografía de la Tardoantigüedad y Medievo* // *SIHA*. 2004. V. 22. P. 196. Однако приписывание возникновения какого-либо явления тому или иному мифическому или, как в данном случае, чужому персонажу не отменяет существования самого явления. Так что то, что Дициней в реальности не имел отношения к готам, не мешает признанию существования самого деления этого народа на две различные социальные группы.

подчинялись монархам этой династии. Римские императоры еще долго по традиции воспринимали персов как своих старых врагов — парфян и победы над ними называли Парфянскими, но на деле они очень скоро поняли всю опасность, какую представляет новое государство.

В течение долгого времени — от смерти Августа до начала правления Марка Аврелия — римская армия, как уже упоминалось, воевала мало. Но затем войн стало даже слишком много. Еще важнее было, однако, не само количество войн, а зачастую их одновременность. После завоевательных войн республики римляне редко вели крупные военные кампании одновременно на нескольких фронтах. После перехода к оборонительной стратегии в конце правления Августа (после катастрофы в Тевтобургском лесу) такого, пожалуй, и не было. В III в. такое же случалось неоднократно. Однако армия, особенно после реформы Севера, была не приспособлена к быстрому и одновременному реагированию на различных театрах военных действий. Численность римской армии была не очень большой. Ее боевые силы насчитывали приблизительно 300 тысяч воинов¹⁹. Однако римская армия обладала великолепной организацией, а прекрасная дорожная инфраструктура позволяла в случае необходимости перебрасывать армии, отдельные легионы либо их вексиляции (и группы, составленные из вексиляций разных легионов) в нужное место, создавая там необходимый перевес сил. Важно было лишь то, чтобы римляне оказались сильнее врага именно в данном месте и в данное время. Но одновременные нападения врагов лишали их этого преимущества, а сами враги стали иными — более сильными и более организованными. Это резко ослабляло обороноспособность Римской империи, и один уже этот факт наносил определенный ущерб императору как носителю империя, верховному главнокомандующему²⁰. Можно говорить, что внешнеполитическая роль армии резко возросла, но полностью справиться с этой ролью армия была не в состоянии.

Зато ее роль во внутренней жизни стала решающей. Как говорилось выше, интересы солдат все более связывались с конкретной воинской частью и конкретным войском. Отсутствие легитимной династийности давало возможность отдельным генералам использовать это обстоятельство в своих честолюбивых целях. Время придворных заговоров, дворцовых переворотов и активных действий преторианской гвардии

¹⁹ Petrikovitz H., von. Beiträge zur römischen Geschichte und Archäologie. Köln, 1991. Bd. II. S. 73.

²⁰ Ср.: Carrié J. M., Rousselle A. Op. cit. P. 109.

уходило в прошлое. Политическое противостояние все больше проявлялось в открытых гражданских войнах. Последним случаем, когда судьбу трона решили преторианцы, было свержение Пуппиена и Бальбина и провозглашение Гордиана III. Правда, именно преторианцы убили Филиппа Младшего, признав императором Деция. Но это произошло уже тогда, когда армия Филиппа Старшего была разгромлена, а сам он убит. В этих условиях убийство преторианцами юного Филиппа явилось не государственным переворотом, какие случались ранее, а констатацией свершившегося факта. Роль префекта претория, который был уже не столько командиром преторианской гвардии, сколько фактическим заместителем принцепса, еще сохранялась. Опираясь на эту должность, реальную власть приобрел Тимеситей, и она же послужила трамплином для захвата трона Филиппом. Но затем и этот пост потерял политическое значение. Ни один из последующих префектов претория власть не захватил. Лишь Викторин в Галлии, как кажется, какое-то время разделял фактическую власть с императором Постумом. Исключением можно было бы считать Кара, но он выступал не столько как командир преторианцев (хотя значение этой его должности и подчеркивает Аврелий Виктор), сколько как командующий войсками на западе Империи, и императором его провозгласили солдаты полевых войск, а не преторианцы.

Такой рост значения армии повлиял и на самих воинов. Они почувствовали себя не столько солдатами Империи, сколько вершителями ее судеб. Это привело к упадку воинской дисциплины, на что жалуются все авторы, писавшие о событиях III в. В свое время Аппиан (б. с. V, 13), описывая гражданские войны конца республики, писал: «По необходимости постоянно обуславливалась прочность положения зависимостью одной из них от другой: вождям нужно было, чтобы власть их поддерживалась войском, войску — чтобы существовала власть для закрепления того, что они себе забрали»²¹. С очень небольшими поправками эта характеристика взаимозависимости армии и ее командующих (как самого императора, так и отдельных генералов, включая узурпаторов) приложима и к политической ситуации 235–285 гг. В результате солдаты стали действовать исключительно в своих интересах, поддерживая императора либо собственного командира лишь в той степени, в какой считали это для себя полезным и, главное, выгодным.

Стала совершенно ясна взаимосвязь между гражданскими и внешними войнами. Вовлечение армии во внутренние дела Империи

²¹ Перевод Т. Н. Книпович.

не только отвлекало ее от решения оборонительных задач, но и зачастую полностью (или почти) оголяло границы, что в огромной степени облегчало как германские, так и персидские вторжения. Порой и сами претенденты на трон или на власть в какой-либо части Империи способствовали таким вторжениям. Победы же над внешними врагами зачастую «конвертировались» удачливыми генералами в политическую власть. Иногда сами солдаты провозглашали своего победоносного командира императором, а иногда это делали сами генералы, а их войско в надежде на такой же успех в гражданской войне и вытекающие из этого успеха материальные выгоды активно своего полководца поддерживало. Порой воины стремились получить какие-то выгоды уже сразу после мятежа. А с другой стороны, императоры пытались не допустить возникновения опасной ситуации. Важнейшим, что в таком положении и императоры, и претенденты могли предложить армии, были деньги. Официальное жалование солдатам и офицерам не увеличивалось со времени Каракаллы, но императоры часто прибегали к донативам — денежным подаркам армии, причем выплачивать и получать донативы обе стороны стремились в как можно более полноценных монетах — золотых ауреях. Да и сама обстановка постоянной войны требовала столь же постоянного увеличения государственных расходов. Все это резко увеличивало нужду в валюте.

Другой важнейшей статьей расхода являлось содержание государственного аппарата. В условиях упадка (именно упадка, а не исчезновения) городского самоуправления роль бюрократии возросла. Тяжелое положение, в каком находилась Империя, не остановило рост аппарата, поскольку он вызывался не прихотью императоров, а объективной необходимостью²². Это, в частности, отразилось в увеличении числа прокураторов. При Филиппе их было уже 182, причем 12 из них были триценариями²³. Конечно, и такого количества чиновников на всю Римскую империю было мало. Но и при такой, казалось бы, с точки зрения современного человека, сравнительно небольшой численности чиновников государственный аппарат требовал больших расходов.

Источником доходов государства могла быть военная добыча. Однако внешнеполитическая ситуация, в какой оказалась Империя, делала надежды на этот источник мизерными, хотя полностью сбрасывать его со счетов нельзя. Регулярным же источником доходов

²² Chastagnol A. L'évolution... P. 308. Как отмечает А. Шастаньоль, именно деятельность бюрократии спасла Империю в эти годы.

²³ Bais M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 127; Le Glay M. Grandceza... P. 309. Для сравнения отметим, что при Марке Аврелии и Коммодe триценарий был один (Ibid.).

являлись различные прямые и косвенные налоги. Но военное и политическое положение государства резко уменьшало возможности налогоплательщиков оплачивать возросшие нужды государства. Почти постоянные гражданские войны и почти столь же непрерывные вражеские вторжения (причем по времени они очень часто совпадали друг с другом) разрушали экономическую систему Римской империи, что вело к обеднению и городов, и отдельных налогоплательщиков²⁴. А императоры, нуждаясь в деньгах, требовали их во все большем количестве. Получался заколдованный круг: власть, нуждаясь в деньгах, все больше требовала их от налогоплательщиков; те, оказавшись в чрезвычайно трудных условиях, выполнять эти требования в полном объеме были не в состоянии; получая в этой ситуации меньше денег, чем необходимо, власть усиливала налоговый пресс и придумывала другие способы получения доходов; и все развивалось по спирали. К этому надо прибавить рост экзимирированной земельной собственности, что еще больше уменьшало возможности городов платить требуемые налоги²⁵.

Императоры пытались найти выход из этой безвыходной ситуации. Максимин, видевший во всей Римской империи лишь армейский тыл, прибег к жестоким репрессиям. Эти репрессии, однако, в большой степени разрушили его связь с обществом, что и привело его к гибели. Это показало, что только грубое давление нужных результатов не дает. Еще Северы искали выход в чисто финансовой сфере. Каракалла ввел новую монету — антониан, сначала серебряный, равный двум денариям, а затем и золотой²⁶. Элагабал отказался от этой монеты, но Пупиен и Бальбин снова ввели ее (теперь антониан стал только серебряным). Однако само по себе введение новой монеты не решало проблем. Денег было нужно много, а драгоценного металла становилось все меньше. Качество и антониана, и денария, и сестерция становилось все хуже. Вес уменьшался, серебро все больше заменялось медью, так что монеты становились серебряными только по названию. Процесс этот не был мгновенным, но он был безостановочным. Резкий перелом происходит в середине III в.²⁷ И если в 250 г. серебра в монете было около 40%, то в 270 г. — меньше 4%, в промежутках достигая даже немногим более 2%²⁸. Такая безудержная инфляция,

²⁴ Hopkins K. *Taxes and Trade in the Roman Empire (200 B.C. — A.D. 400)* // JRS. 1980. Vol. 70. P. 120–121.

²⁵ Ibid. P. 122.

²⁶ Callu J.-P. *La politique monétaire...* P. 476.

²⁷ Ziolkowski A. *Op. cit.* P. 416.

²⁸ Hopkins K. *Op. cit.* P. 123; Carrié J. M., Rousselle A. *Op. cit.* P. 127.

естественно, вела к резкому росту цен и к снижению жизненного уровня. За период с 194 до 295 г. цены, по некоторым подсчетам, выросли в 48 раз²⁹. А это, в свою очередь, прямо влияло на демографическую ситуацию в государстве. К этому прибавлялись людские потери в ходе внешних и внутренних войн и опустошительных эпидемий, этих вечных спутников тяжелой экономической и политической ситуации. Результатом стало уменьшение населения (а, следовательно, налогоплательщиков) и даже в ряде мест депопуляция³⁰. Киприан (Ad Dem. 3) писал, что на полях не хватает крестьян, на море — моряков, в лагерях — солдат. Конечно, это субъективный взгляд христианина, видевшего во всем этом признак приближающегося конца света. Но при всем содержащемся в этих словах Киприана преувеличении они отражают общее положение, причем положение в Африке, наиболее, пожалуй, благополучной части Империи³¹. Демографический кризис еще больше ухудшил и экономическое, и политическое положение государства.

Один из выходов императоры видели в децентрализации монетного дела. Монетные дворы приближались к районам основных трат и становились менее зависимыми от центра, хотя, разумеется, и действовали в русле общего курса государства. Это, однако, вело к регионализации финансовой системы, частичной потере централизованного управления такой важной сферой, как финансы. Аврелиан пытался провести монетную реформу и установить более жесткий контроль над имперской казной, но, несмотря на некоторые временные успехи, в целом эта реформа провалилась. Условия для радикального реформирования финансовой системы Римской империи еще не возникли. Это станет делом будущего.

Постепенно деньги начали вообще выходить из употребления. В 250 г. денарий перестал чеканиться, а к 274 г. он и вовсе вышел из употребления, а сестерций после 255 г. выпускался только для раздачи населению самого Рима³². Разумеется, полностью денежное обращение не исчезло, но его роль в имперской экономике резко уменьшилась. Это заставляло императоров все чаще обращаться к замене денежных выплат натуральными. Реформирование Аврелианом системы анноны в самом Риме отражало эту общую тенденцию. Однако если чиновники и были вынуждены соглашаться на натура-

²⁹ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 568.

³⁰ Le Glay M. Grandeza... P. 330–332.

³¹ Об относительно благополучии африканских провинций: Kotula T. Das römische Nordafrika... S. 222–226.

³² Carrié J. M., Rousselle A. Op. cit. P. 127–128.

лизацию своего жалования, то солдаты едва ли безропотно смирились бы с этим. И это обстоятельство тоже влияло на отношение армии к императору. В результате ослаблялись те два единственных средства успешного властвования, о которых говорил еще Цезарь, — армия и деньги. И это тоже объясняет явный парадокс времени «военной анархии» — усиление императорской власти и ослабление власти конкретного императора.

Пришедшие к власти после убийства Галлиена «иллирийские императоры»³³ сумели несколько переломить ситуацию. К тому времени общество уже устало от непрерывных смут, и этот общественный настрой в некоторой степени помог «иллирийским императорам» укрепить свою власть. Характерно, что Клавдий стал первым императором после Септимия Севера, умершим от болезни, а не от меча. Императорам удалось не только восстановить единство государства, но и усилить свои позиции в армии, укрепить воинскую дисциплину. Но перелом только наметился, и до полного выхода из создавшегося положения было еще далеко.

Как говорилось выше, за пятьдесят лет «военной анархии» сменилось более двух десятков только законных августов, не говоря о цезарях и узурпаторах. Среди этих императоров выделяются две фигуры — Галлиена и Аврелиана. С их деятельностью связаны решающие шаги на пути уничтожения принципата и замены его новым государственным строем. Галлиен фактически лишил сенаторов политической власти, а Аврелиан поднял императорскую власть на надчеловеческую высоту. Поступок Кара явился лишь следствием этих действий. За полвека, прошедшие после убийства Александра Севера, власть императора настолько возвысилась над всеми другими институтами государства, что можно говорить о приобретении ею самодержавного характера.

Итак: первым и самым, пожалуй, важным итогом «военной анархии» явилось фактическое приобретение императорской властью самодержавного характера.

³³ Наименование «иллирийские императоры» — чисто условное. Действительно, наиболее крупные правители этого периода — Клавдий, Аврелиан и Проб — происходили из Иллирика. Однако наряду с ними на троне находились выходцы и из других частей Империи. Так, уроженцем Нарбоннской Галлии был Кар (попытки считать его тоже иллирийцем наталкиваются на противодействие источников), а, следовательно, и его сыновья. Неизвестно происхождение Тацита и Флориана. На наш взгляд, подчеркивание чисто этнического аспекта при рассмотрении деятельности этих императоров противоречит исторической реальности. Эта деятельность протекала целиком в русле, характерном для императоров времени «военной анархии». Скорее, социальное происхождение Клавдия и его преемников повлияло на некоторые аспекты их активности.

Вторым важным явлением периода «военной анархии» стала усилившаяся тенденция к регионализации и децентрализации Римской империи. Огромное влияние на усиление этой тенденции оказал упомянутый выход денег из обращения. В результате разрывалась единая экономическая ткань Империи. Это не привело к распаду государства, поскольку у римлян было еще очень сильно чувство сопричастности к общему делу римского народа — *res publica populi Romani Quiritum*. Но требовались определенные институциональные решения, которые могли бы совместить растущую регионализацию и сохранение единства Римской империи. К поиску таких решений толкали и военно-политические обстоятельства. В условиях порой одновременных нападений врагов и возникновения или по крайней мере угрозы возникновения очередного мятежа император был не в состоянии справиться со всеми стоявшими перед центральной властью задачами. Жизненно необходимой становилась некоторая децентрализация управления государством. Уже и ранее императоры в случае необходимости могли давать верховную власть над частью государства своему доверенному лицу. Но, с другой стороны, было чрезвычайно опасным сосредоточение власти над сравнительно обширной территорией и, главное, значительной массой войск в руках одного человека.

Выход императоры пытались найти в предоставлении такой власти своим родственникам. Филипп создал два своеобразных «вице-королевства», сделав их главами своих ближайших родственников — родного брата Приска и, по-видимому, брата жены Севериана. Опыт оказался не очень удачным. Севериан оказался неспособным справиться со своими задачами, а деятельность Приска привела к мятежу. Валериан, сделав своим соправителем Галлиена, отдал ему полную власть над всей западной частью Империи, оставив себе ее восточную часть. Отдельными территориями и стоявшими там войсками управляли другие члены правящего дома. Некоторое время, по-видимому, власть над довольно обширной территорией, объединяющей несколько провинций, при Галлиене осуществлял Регалиан, затем поднявший мятеж против него. Кар, отправляясь в персидский поход, оставил в Риме и вообще на Западе Карина. Однако членов правящей фамилии далеко не всегда хватало для выполнения всех задач³⁴. А облечение подобной властью других деятелей было чревато опасностью использования ими полученных полномочий для захвата власти. Так произошло уже при том же Филиппе. Сменившие Севериана Пакациан,

³⁴ Demandt A. Spätantike... S. 39.

а затем Деций выступили против императора. Мятёж Пакациана был подавлен, но Деций одержал победу и сам стал императором.

Шаги по децентрализации верховной власти, сделанные в III в., не были результатом продуманной программы политических реформ. Они вызывались определенной ситуацией и уже поэтому были несистематическими и в некоторой степени случайными. Укрепив свое положение, императоры этого времени стремились обойтись без такого умаления своих полномочий. Преемники Галлиена — от Клавдия до Проба — таких мер стремились не предпринимать, хотя и Аврелиану пришлось назначить специального «правителя Востока», чтобы обеспечить безопасность восточных провинций. Однако последующие события показали, что обойтись без раздела власти было уже невозможно. Ликвидация республиканско-полисных институтов на высшем уровне и их ослабление на более низком резко уменьшали значение горизонтальных связей в Империи. Это неминуемо вело к укреплению вертикальных связей, без которых государство полностью бы распалось. Однако в условиях усилившейся регионализации Империи жесткая «вертикаль власти» одна обеспечить управляемость огромного государства была не в состоянии. Поэтому последующая децентрализация высшего государственного управления и фактическое разделение Римской империи на отдельные крупные территориальные образования (при признании принципиального единства государства) были неизбежны. В этих условиях только фигура самого императора еще оставалась интегрирующей силой³⁵.

Надо отметить, что наряду с децентрализацией «сверху» имела место и децентрализация «снизу». В условиях, когда центральное правительство оказывалось неспособным обеспечить защиту от варваров и более или менее нормальное функционирование общества в конкретном регионе, население этого региона поддерживало узурпатора. Так на территории Римской империи возникали то эфемерные, то более долговременные свои региональные «империи». Самый яркий пример — «Галльская империя», само возникновение которой было делом своеобразного «единого фронта» рейнской армии и гражданского населения. Неминуемый распад этого «фронта» в конечном итоге и привел к ликвидации всей «империи».

Третья черта этого времени — начало утраты Римом функций столицы Империи. Императоры и раньше могли более или менее длительное время проводить вне Города. В период «военной анархии» такие отлучки из столицы становились практически регулярными.

³⁵ Уколова В. И. Указ. соч. С. 24–25.

Максимиин за все время своего трехлетнего правления вообще ни разу не был в Риме. До Рима так и не добрался Эмилиан. Большую часть своего правления вне Рима провели Валериан и Галлисн, а позже Проб. Разумеется, это было вызвано внешнеполитическими и военными соображениями. Императоры должны были лично находиться как можно ближе к наиболее уязвимым участкам или даже непосредственно на театре военных действий, возглавляя действующую армию. Там, где находился император, принимались и необходимые решения. Рим еще оставался официально *caput mundi*, главой мира, но фактически эта роль уже переходила к реальным резиденциям императоров³⁶. Этот процесс завершится официальным переносом столицы в Константинополь.

Четвертым важнейшим явлением этого времени явились радикальные изменения в правящей элите Римского государства, в его «политическом классе». И в этом плане выделенные ранее два периода «военной анархии» резко отличаются друг от друга. Это хорошо видно на примере самих императоров. Большинство императоров до Галлиена включительно были сенаторами³⁷. Даже если некоторые из них, как Эмилиан, происходили из «низов», то на пути к трону они проходили через сенаторство. Исключение представлял собой Максимиин; трудно решить вопрос о Филиппе. Конечно, сенатором не мог быть юный Гордиан III, но он принадлежал к знатному сенаторскому роду. И многие узурпаторы тоже происходили из сенаторской знати. Интересна в этом отношении речь, которую якобы произнес Баллиста (Каллист), отказавшийся от трона не только из-за своего возраста, но и из-за своих занятий (*professio*), поскольку он был лишь префектом Валериана (SHA Trig. туг. 12, 1; 4)³⁸. После Галлиена трон занимал лишь один сенатор — Тацит. да и тот оказался там с согласия армии³⁹. Более того, большинство императоров второго периода пришли к власти в конце долгого пути, начавшегося простой солдатской службой. В случае с Максимином это было исключением; начиная с Клавдия это стало правилом. Диоклетиан же как будто вообще был

³⁶ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 214–216.

³⁷ Романизация Римской империи привела к тому, что все чаще императорами становились уроженцы не самого Рима и даже не Италии, а провинций. Однако все они происходили из высших слоев провинциального общества и принадлежали к сенаторскому сословию.

³⁸ Автор ссылается на Месония Астианага, который, по его словам, сам присутствовал при этом.

³⁹ Правда. Кар, если верить биографу, тоже был сенатором, но вопрос этот чрезвычайно спорен. Как говорилось в соответствующей главе, даже если он действительно принадлежал к сенаторскому сословию, то вошел в него очень недавно.

вольнотруженником (Eutrop. IX, 19, 2; Epit. 39, 1)⁴⁰. Как это часто бывает, крушение старых порядков и общая смута открыли путь на самый верх общественной и государственной жизни людям умным, энергичным, храбрым и в то же время не очень-то шпестильным, а при необходимости и жестоким.

Положение на троне явилось отражением общей ситуации в правящей элите государства. Ранее включение в сенат являлось почти необходимым условием достижения высоких ступеней карьеры. Таков, например, был путь М. Валерия Максимиана, который происходил из всадников, но был включен в сенат в числе преториев Марком Аврелием, после чего успешно командовал легионами в различных провинциях⁴¹. Исключения были очень редки. Начиная с середины III в. (и лишь в некоторых и редких случаях и раньше) военные командиры достигали высшего командования, минуя вхождение в сенаторское сословие⁴². То же самое можно сказать и о высших слоях имперской бюрократии. Путь к высшим эшелонам управления государством больше не шел через сенат⁴³. В условиях почти бесконечных гражданских войн и довольно быстрой смены императоров большое значение приобретают связи с конкретным правителем, приближенные которого и включаются в правящую элиту независимо от их сословной принадлежности⁴⁴. Просопографические исследования показывают, что новая правящая группа Поздней империи, особенно ее генералитет, восходит ко времени не ранее правления Диоклетиана⁴⁵. Это означает, что во время «военной анархии» старая политическая и военная элита, представленная в основном членами сенаторского сословия, сошла со сцены.

Говорить о полной утрате сенаторами своего положения, однако, невозможно. Сенаторский корпус изменился сравнительно немного. Судя по известным нам сенаторам этого времени, более половины из них принадлежали к этому сословию по рождению⁴⁶. Сенаторы

⁴⁰ Евтропий приводит две версии происхождения Диоклетиана, согласно которым тот был либо сыном писца, либо вольнотруженником сенатора Анулина. Такое колебание в определении происхождения столь значительного и почитаемого правителя, как Диоклетиан, может объясняться и тем, что его родители были настолько незначительны по своему социальному положению, что никто просто ничего не знал о них (ср.: Demandt H. Der spätrömische Militäradel. S. 615).

⁴¹ Hanslik R. Valerius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1113; Alföldy G. Storia... P. 237.

⁴² Chastagnol A. L'évolution... P. 307–308.

⁴³ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 121.

⁴⁴ Demandt H. Der spätrömische Militäradel. S. 635–636.

⁴⁵ Ibid. S. 615–616.

⁴⁶ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 656.

в целом не только сохранили, но и увеличили свои богатства. Сохранился и их довольно высокий моральный престиж⁴⁷. Но политическое значение этого сословия, как и самого сената, стало ничтожным. Магистратуры, занимаемые сенаторами (кроме консульства), становились лишь городскими должностями самого Рима⁴⁸. Сенаторы еще назначались корректорами Италии⁴⁹, часто занимали они и посты проконсулов Африки, Азии и Ахайи⁵⁰, но эти провинции большого значения в политической жизни Империи уже не имели. Для Поздней империи характерен разрыв между классом, господствующим экономически (а он представлен в основном сенаторскими фамилиями), и классом, господствующим политически. Последний представлен генералитетом и гражданской бюрократией. Это и стало результатом «военной анархии».

III в. считается в историографии великим веком всаднического сословия⁵¹. Действительно, место сенаторов в реальной политической элите все больше занимают всадники. Это в значительной степени связано с тем, что имперский бюрократический аппарат, в котором служили преимущественно именно всадники, вытесняет в реальном управлении государством полисно-республиканский, высшие ступени в котором занимали сенаторы. Запрещение сенаторам нести военную службу открывало путь к вершине военной карьеры всадническим офицерам. И все же дело было не столько в возвышении всадников как сословия, сколько в приходе к основным рычагам гражданского и военного управления профессионалов⁵². Старый полисный принцип, дающий возможность каждому гражданину (по крайней мере, теоретически) занимать любую должность, окончательно ушел в прошлое. Место образованных и порой даже талантливых дилетантов заняли умелые профессионалы — опытные и искусные офицеры и чиновники. Они в основном были, конечно, всадниками, но их место в государстве определялось не принадлежностью к всадническому сословию, а личными качествами, в число которых входила, конечно, и преданность конкретному императору. И насколько можно судить по некоторым примерам, многие люди, занявшие в конечном итоге высокие посты

⁴⁷ Chastagnol A. L'évolution... P. 308. Хотя, может быть, этот престиж был более высоким в глазах самих сенаторов, чем в римском обществе.

⁴⁸ Poma G. Op. cit. P. 187–189; Potter D. S. Roman Empire... P. 386.

⁴⁹ Southern P. Op. cit. P. 255.

⁵⁰ Petit P. Le Bas-Empire. Paris, 1974. P. 37.

⁵¹ Alföldy G. Storia... P. 238.

⁵² Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 662.

в государстве, как и императоры, выходили из «низов» провинциального населения.

Таким образом, новая правящая элита формируется по новым правилам. Бюрократическая и военная иерархия основывается на личных связях между начальством (даже самым высоким, т. е. императором) и подчиненными. Не происхождение, а доступ непосредственно к императору дает возможность занять самые высокие посты в Империи⁵³. А это открывает путь к включению в имперскую иерархию самых разных лиц, даже, как это все чаще происходило позже, и «варваров».

Пятым важным явлением стало изменение идеологических и психологических отношений между властью и обществом. Впрочем, надо отметить, что это изменение начало происходить раньше. Как часто бывает, в сфере идеологии изменения происходят быстрее, чем в материальной реальности. Уже Септимия Севера называли *dominus*, и при нем вводится понятие «божественного дома». Эта тенденция хотя иногда и отступает, в целом укрепляется во время «военной анархии». Словосочетание *dominus noster* (в надписях обычно сокращенно *d. n.*) становится обязательным при упоминании императора и фактически превращается в часть императорского титула. Другими составными частями этого титула являются *felix* и *invictus*. Создается впечатление, что и сами императоры и общество стремятся убедить друг друга в неколебимости счастья и непобедимости Империи, несмотря на все трудности, переживаемые Римом. Малейший повод дает императорам возможность присвоить себе победные прозвища. И чем меньше одерживалось реальных побед или чем незначительнее они были, тем пышнее и многочисленнее становились победные титулы. Яркий пример — Филипп Араб. Заклучив после поражения римской армии не очень-то выгодный мир с персами и вынужденный выплатить персидскому царю огромную сумму денег, он представил это как величайшую победу и стал *Parthicus maximus* и *Persicus maximus*⁵⁴. Валерий пытался представить себя как *pacator orbis*, *restitutor orbis*, *restitutor generis humani*⁵⁵. Все это отражает растущую сакрализацию императорской власти⁵⁶.

⁵³ Potter D. S. Roman Empire... P. 386.

⁵⁴ См. сделанные в соответствующей главе некоторые оговорки.

⁵⁵ Ирония истории в том, что именно этот «умиротворитель» и «восстановитель» вселенной и человеческого рода потерпел катастрофическое поражение, какого до того не знала Римская империя, и сам, попав в плен, стал рабом персидского царя.

⁵⁶ Enßlin W. The End of the Principate // САН. 1939. Vol. XII. P. 357–360.

Существуют и другие явные признаки такой сакрализации. Императоры стремятся все более связать себя с богами. Все чаще на монетах появляются фигуры тех или иных божеств, которые выступают в роли «спутников» и «хранителей» принцев. Спорадически это явление наблюдалось и раньше, но со времени Галлиена и противопоставленного ему Постума оно становится постоянным⁵⁷. Эта тенденция достигает кульминации при Аврелиане. Аврелиан уже не довольствуется ролью любимца и избранника богов, а сам становится не только господином, но и богом. Его преемники как будто отказываются от столь высокого положения, но Кар снова является *deo et domino invicto*⁵⁸. Такое возвышение фигуры императора воплощается и в его внешнем виде. Первый шаг в этом направлении сделал Галлиен, который носил пышную одежду и обувь и увенчивал себя в некоторых случаях диадемой. Это, однако, было воспринято лишь как увлечение роскошью и вызвало осуждение общества. А когда то же самое, только еще более подчеркнуто сделал Аврелиан, вступивший на трон всего лишь через два года после убийства Галлиена, это встретило совершенно другой прием, и никаких возражений не последовало. Прежние императоры оставались относительно доступными для римских граждан. Теперь же прямой доступ к ним ограничивается высшим чиновничеством и командованием, а каждое явление народу оформляется как своеобразное торжество⁵⁹.

Римляне издавна были уверены в вечности Города и его праве править вселенной. В императорскую эпоху эта вечность в значительной степени была воплощена в вечности императора (разумеется, не конкретной смертной личности, а главы римского народа)⁶⁰. Отсюда и постоянные эпитеты, столь распространенные в III в.: *aeternus*, *perpetuus* и подобные им. Совместная вечность Рима и императорской власти лучшее выражение нашла в праздновании тысячелетия Рима, устроенном Филиппом Арабом. Начиная с Гордиана III почти каждый император обещал наступление нового времени, когда будет покончено со всеми бедами и всяким злом предыдущего правления и наступит золотой век. Вечность Рима, Империи и императора и счастье человечества, тесно связанные друг с другом, становятся одними из важных составляющих идеологии времени «военной анархии»⁶¹.

⁵⁷ Ibid. P. 357; Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 289–290.

⁵⁸ Enßlin W. The End... P. 359.

⁵⁹ Southern P. Op. cit. P. 247–248.

⁶⁰ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 106; Уколова В. И. Указ. соч. С. 22.

⁶¹ Ср.: Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 288.

В восточной части Империи эти составляющие связываются с культом Эона, все более становящегося воплощением не только вечности, но и вечного счастья и изобилия⁶². Этот культ проникает и в западную часть государства, в том числе в сам Рим.

В ходе усилившейся сакрализации императорской власти и сама фигура императора поднимается на надчеловеческий уровень. Аврелиан утверждает свою полную независимость от человеческого, в том числе солдатского, суждения и свою ответственность исключительно перед миром богов, особенно перед Непобедимым Солнцем. Со времени Проба законы живого (а не обожествленного) императора приобретают священный характер. Оставалось сделать лишь один небольшой шаг к отказу от всякого утверждения своей власти человеческими институтами. Этот шаг и сделал Кар, отказавшись от утверждения своей власти сенатом.

Аврелиан не только поднял императорскую власть, а с ней и свою собственную личность на свехчеловеческую высоту. Он фактически ввел государственную религию. Религия в Риме всегда была тесно связана с государством и политикой. Но теперь произошел некоторый скачок в религиозном развитии. Культ Непобедимого Солнца утверждался не только как самый почитаемый, но и как обязательный для всего государства, частично за счет других божеств. В религиозном плане это был шаг к вытеснению традиционного политеизма генотеизмом⁶³, а от него открывался путь к монотеизму. С политической точки зрения это означало начало установления «священной империи», теократической монархии, в которой, однако, решающую роль играл не духовный глава, а император, сам на деле ставший духовным главой государства.

Вторая сторона всего этого процесса — отношение к нему общества и армии. Взяв в свои руки практически неограниченную власть и поставив себя над человеческим миром, император принял и огромную ответственность. Моральными обоснованиями императорской власти с самого начала были стабильность общества, благополучие граждан, величие Рима, военные победы. Эти свои достижения подчеркивал в своем завещании Август, недаром скромно умолчавший о потере зарейнской Германии. В условиях потрясений III в. вера многих людей в спасительную роль императора еще более усилилась. Думается, что такие люди с той или иной долей искренности принимали

⁶² Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 294; Fauth W. Aion // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 189–192; Carrière J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 106–107.

⁶³ Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Op. cit. P. 98.

императорскую пропаганду, особенно обещания нового, золотого века. Однако далеко не все обладатели трона оправдывали эти ожидания. В таком случае и солдаты, и значительная часть гражданского населения поддерживали не главу государства, а победоносного генерала, как, например, Эмилиан или Постум, или в некоторых случаях другое лицо, например эмесского жреца Урания Антонина, возвышение которого тоже связано с военной победой⁶⁴.

Наряду с этим наблюдается другое явление, на первый взгляд противоположное. Варварские вторжения, становящиеся все более частыми и разрушительными; непрекращающийся финансовый кризис и связанное с ним падение жизненного уровня широких масс населения; произвол местных властей, находившихся вблизи солдат, землевладельцев и крупных арендаторов, и, главное, явная неспособность императоров действительно со всем этим справиться — все это вело к отчуждению значительного количества людей от власти вообще. При нарастающей сакрализации императорской власти это приводило и к разочарованию в официальной религии. Не вдаваясь в изложение религиозного развития Римской империи в это время, надо подчеркнуть, что из всех существовавших тогда культов и религиозных течений только христианство занимало четкую отрицательную позицию по отношению к общей тогдашней ситуации. Не являясь ни в коем случае политической оппозицией и, более того, всячески подчеркивая именно политическую лояльность, оно идеологически отрицало существующий порядок. Недаром Киприан предвещает явление антихриста и с ним приближение последних времен. Это принципиально противопоставляет христианские идеи прежде всего идее вечности Рима и Империи, а, следовательно, и императора как символа этой идеи. Катастрофа Валериана и его позорный плен только подчеркивали хрупкость «римского мифа». И именно со второй половины III в. христианство начинает завоевывать все более широкие массы населения Империи⁶⁵.

Подводя итог, надо сказать, что в период «военной анархии» происходит крушение политических институтов Ранней империи и, самое главное, принципата как политического строя, основанного на интегральном единстве монархических и полисно-республиканских элементов. Но как в период гражданских войн конца республиканской эпохи вызревали семена империи, так и в это время частично набирают силу уже имевшиеся или появляются новые элементы будущего

⁶⁴ Carrié J.-M., Rousselle A. Op. cit. P. 105–106; Scheid J. Op. cit. P. 151–152.

⁶⁵ Ziolkowski A. Op. cit. P. 420; Potter D. S. The Roman Empire... P. 314.

государства — Поздней империи. «Военная анархия» предстает не только как эпоха тотального разрушения, но и как переходная стадия от одного состояния Римского государства к другому, более соответствующему политической, социальной, экономической и религиозно-идеологической реальности⁶⁶. Однако этот переход был не плавным, эволюционным, а взрывным, скачкообразным, т. е. революционным. В свое время Р. Сайм назвал крушение Римской Республики революцией⁶⁷. По аналогии «военную анархию» можно назвать второй римской революцией. Многие императоры внесли свой вклад в становление нового государства, но важнейшими шагами на этом пути явились реформы Галлиена и Аврелиана, завершившиеся актом Кара. В это время фактически утверждается самодержавная монархия, к власти приходит новая политическая элита, начинает утрачивать свое значение столицы сам Рим, делаются первые шаги на пути децентрализации имперского управления, императорская власть поднимается на надчеловеческую высоту, утверждая свою зависимость не от земных институтов, а исключительно от божественных сил. Все это будет характерно для Поздней империи. С принятием христианства как государственной религии будут оформлены и новые идеологические отношения между властью и обществом.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в данной работе рассматривались только политические проблемы эпохи, а другие аспекты затрагивались лишь в связи с политическими. За бортом исследования остались вопросы экономического, социального, идеологического и в целом культурного развития. Разумеется, эти вопросы чрезвычайно важны для понимания сути происходивших процессов, но они должны быть предметом другой работы.

⁶⁶ Christ K. Op. cit. S. 233.

⁶⁷ Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
Acta proc. — Acta proconsulorum Africae.
Ad Don. — Sancti Cypriani Ad Donatum
A.é. — L'Année épigraphique
Amm. Marc. — Ammiani Marcellini rerum gestarum libri
Anon — Anonymus
Anon. Vales — Anonymus Valesianus
ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt
App. Bel. civ. — Appiani Bellorum civilium libri
Arr. Anab. — Flavii Arriani Anabasis Alexandri
Aur. Vict. Caes. — Aurelii Victoris Liber de Caesaribus
CAH — Cambridge Ancient History
Cas. Dio — Cassii Dionis Cocceiani Historia Romana
Chron. — Chronica
Cic. Att. — Marci Tullii Ciceronis Epistulae ad Atticum.
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum
C. J — Codex Justinianus
Cypr. Ad Demetr. — Sancti Cypriani ad Demetrianum
Cypr. Ad Don. — Sancti Cypriani ad Donatum
Cypr. De laps. — Sancti Cypriani de lapsis
Cypr. Ep. — Sancti Cypriani Epistulae
Dex. — Publius Herennius Dexippos
Dig. — Iustiniani Digesta
Dion. Hal. — Dionysii Halicarnesis Archaeologia Romana
Epit. — [Aurelii Victoris] Epitoma de Caesaribus
Euagr. HE. — Euagrii Historia Ecclesiastica
Euseb. Chron. — Eusebii Caesarensis Chronicorum canonum
Eutrop. — Eutropii Breviarum historiae Romanae ab urbe condita

- F Gr Hist — Die Fragmenten der Griechischen Historiker
 FHG - Fragmenta Historicorum Graecorum
 Herod. — Herodiani ab excessu Divi Marci libri octo
 Hier. Chron. — Hieronymi Chronica
 ILS — Inscriptiones Latinae Selectae, ed. H. Dessau
 Inv. — Inventaire des Inscriptions de Palmyre
 Iohann. Ant. — Iohanes Antiochenus
 Iord. Get. — Iordanes. Getica
 JRS — Journal of Roman Studies
 Kleine Pauly — Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike
 Lact. De mor. pers — Lucii Caecilii Firmiani Lactantii De mortibus persecutorum
 Liv. — Titi Livii Ab Urbe condita
 Oros. — Pauli Orosii Historiae adversus paganos
 Pan. Lat. — Panegyrici Latini
 Parient. — Decimi Magni Ausonii Parientalii
 PLRE — Prosopography of the Late Roman Empire
 Plut. Alex. — Plutarchi Vita Alexandri
 Plut. Ant. — Plutarchi Vita Antonii
 Plut. Cat. Maior. — Plutarchi Vita Catoni Maioris
 Plut. Cim. — Plutarchi Vita Cimoni
 Polem. Silv. — Polemii Silvii Laterculus
 Porph. Vita Plot. — Porphyri Vita Plotini
 RE — Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 R. g. — Res Gestae divi Augusti
 RGDS — Res Gestae divi Saporis
 SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
 SHA — Scriptores Historiae Augustae
 SHA AC — Scriptores Historiae Augustae. Avidius Cassius
 SHA Alex. — Scriptores Historiae Augustae. Alexander Severus
 SHA Aur. — Scriptores Historiae Augustae. Divus Aurelianus
 SHA Car. — Scriptores Historiae Augustae. Carus et Carinus et Numerianus
 SHA Claud. — Scriptores Historiae Augustae. Divus Claudius
 SHA Gal. — Scriptores Historiae Augustae. Gallieni duo
 SHA Gord. — Scriptores Historiae Augustae. Gordiani tres
 SHA Marc. — Scriptores Historiae Augustae. Vita Marci Antonini Philosophi
 SHA Max. — Scriptores Historiae Augustae. Maximini duo
 SHA Max., Balb. — Scriptores Historiae Augustae. Maximus et Balbinus
 SHA Pert. — Scriptores Historiae Augustae. Helvius Pertinax

SHA Prob. — Scriptores Historiae Augustae. Probus
SHA Quadr. Tyr. — Scriptores Historiae Augustae. Quadrigae tyrannorum
SHA Sev. — Scriptores Historiae Augustae. Severus
SHA Tac. — Scriptores Historiae Augustae. Tacitus
SHA Trig. Tyr — Scriptores Historiae Augustae. Tyranni triginta
SHA Val. — Scriptores Historiae Augustae. Valeriani duo
SHHA — Studia Historica. Historia Antigua
Strabo — Strabonis Geographica
Suet. Claud. — C. Suetoni Tranquilli Vita divi Claudii
Suet. Dom. — C. Suetoni Tranquilli Vita Domitiani
Sym. Ep. — Q. Aurelii Symmachi Epistola
Sync. — Syncellus Georgius
Tac. Ann. — Cornelii Taciti Annales
Tac. Germ. — Cornelii Taciti De origine et situ Germanorum
Tac. Hist. — Cornelii Taciti Historiae
Zon. — Ioannis Zonarae Annales
Zos. — Zosimi comitis et exadvocati Historia nova
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен *

А

Абгар X 118

Абгар, сын Шалмана 361

Август (Г. Юлий Цезарь Октавиан)

10, 13, 16, 19, 26–27, 44–45, 64,

68, 72–73, 82–83, 128, 132, 135–

136, 159, 169, 223, 229, 252, 264,

273, 275, 283, 301–302, 307, 312,

314, 318, 330, 345, 363, 378, 408,

422–423, 425–426, 433, 436, 449

Авзоний 391, 393, 397

Авидий Кассий 12, 316, 329

Аврелиан 130, 159–160, 165, 230,

232, 234, 239, 241–242, 246, 248,

254, 256–296, 298–300, 302–303,

306, 310–311, 315, 317–320, 326,

333, 341, 346, 353, 356–358, 364–

365, 372, 398–399, 400–401, 403–

405, 409, 415, 432, 440–441, 443,

448–449, 451

Аврелий Валентиниан М. 229

Аврелий Виктор 26–27, 31–32, 42,

47, 62, 75, 78–79, 87, 119, 134,

145–146, 164, 168–169, 172, 174,

181–185, 187, 203–204, 206, 208–

210, 216, 221–223, 227, 232–233,

235, 241–242, 250–251, 255, 259,

271–272, 287, 290, 295–296, 301,

305, 308–309, 311, 326, 363, 380,

383, 385–389, 394–395, 397–398,

405–407, 411, 415, 419–420, 430,

437

Аврелий Вород 354, 361

Аврелий Гераклиан (Геркулиан) 233

Аврелий Марцеллин 266

Аврелий Теодот 215

Аврелий Фуск 214

Авреол 209–210, 214, 219, 227, 232–

236, 239, 241, 243, 259, 289, 369,

381–382, 400, 402

Агриппа 132

Ададнирари III 362

Адриан 15, 27, 30, 44, 69, 124, 135,

159, 176, 218, 262, 335–337, 424

Азиний Лепид Претекстат Г. 110

Аквилий Феликс М. 37

Аларих 116

Александр, епископ Александр, сын

Клеопатры 157, 360

Александр, сын Герода Хайрана 358

Александр Македонский 14, 146,

354, 364, 413

Александр Север 12, 22, 24, 29, 31–

33, 40, 42–46, 48, 50, 52–56, 58–62,

72, 74–75, 78, 84, 90, 98, 103, 105–

106, 109, 113–114, 116–117, 122,

128–129, 133–134, 139, 146, 159–

* Имена современных исследователей, а также мифологические имена в Указателе не включены.

160, 183, 203, 218, 253, 258, 286,
312, 314, 316, 332, 408–409, 422,
428, 430, 441

Альбин (Д. Клодий Альбин) 14–15,
33, 317

Амвросий 67

Аммиан Марцеллин 25, 64, 119, 121–
122, 177, 213, 260, 268–269, 273,
291, 392, 402

Аммоний Саккас 291

Анастасий 8

Анний Арриан Л. 110

Антигон 336

Антиох 267, 291, 359

Антоний М. 10, 15, 72

Антонин Пий 73, 286

Антонины 12, 16, 74, 87, 89, 91, 98,
105–106, 159–160, 424

Ануллин 445

Анулин Полибий 394

Аппий Сабин Г. 75, 99

Апр (Флавий Апр Л.?) 417

Апсей (Септимий Апсей) 266–267

Арадион 247

Аристокл (Т. Клавдий Марк Авре-
лий Аристокл) 419–421

Артабан 42

Арташир 42–43, 114, 177, 343–344

Аршакиды 126, 344

Аттал 222

Аттициан 395

Афилия Гемина Бебиана 176

Ахемениды 343

Ахилл (Антиох) 267, 291

Ацилии Глабрионы 99

Б

Баллиста (Каллист) 211, 213–214,
343

Бальб (Корнелий Бальб Теофан) 88

Бальбин 24, 28, 52, 77–82, 85–91, 93,
96–98, 100–101, 105–106, 114, 130,
188, 336, 409, 428, 439

Басилид 157, 200

Басс 208, 293, 374, 418

Бона 157

Бонос 326–329

В

Вадомарий 332

Валент (Юлий Валент Лициниан)
26–27, 164–165

Валент, проконсул Ахайи 213

Валентиниан III 11

Валериан (П. Лициний Валериан) 29,
67, 165–167, 171, 174, 181–195,
197–205, 207–209, 211–212, 216–
218, 224–227, 236–237, 239, 298,
339–340, 352, 399, 411, 430–431,
444, 447, 450

Валериан младший 191–192

Валериан, сын Валериана старшего
(Лициний Валериан) 192–193

Валерий Мессал 81

Валерий Валент 111–113, 120, 123

Варахман II 332, 412

Вахбаллат (Афинодор), пальмирский
царь 245, 247, 263, 265–266, 338,
340, 345–346, 351–353, 358–360,
364

Вахбаллат, дед Одената 338–339

Ведук 231

Векций (Веттий) Сабин 78, 86–87,
93

Валерий Статилий 198

Велий Корнифиций Гордиан 300

Веттий Грат Аттик Сабиниан Г.
110

Веттий Сабин П. 78

Вергилий 73, 272, 363

Веспасиан 81, 85–86, 159, 273, 290

Вибии 169

Викторин (М. Пиавоний Викторин),
галльский император 249–250,
270, 374, 376–378, 380, 387–388,
394

- Викторин, полководец Проба 328–329
 Викторин младший 377, 395, 400
 Виктория, христианка 155
 Виктория (Витрувия), галльская императрица 270–271, 299, 363
 Вириат 39
 Вирий Луп 317
 Вирий Орфит 244
 Волузиан 169, 171, 174–175, 180, 182
 Вород 336–337, 349, 351, 354–356, 361

Г
 Габаба (Абаба) 38
 Гай Цезарь 41, 73, 88, 306, 312, 329, 358, 376, 413, 441
 Ганнибал 153
 Галлиен (П. Лициний Эгнаций Галлиен) 29, 78, 177, 180, 184–260, 281, 283, 286, 289–290, 293, 295–296, 303, 305–306, 315, 317, 324–325, 334, 339, 342, 344–348, 350–353, 355, 362, 367–377, 379–382, 386, 388–400, 402–403, 409, 411, 417, 429–434, 441–445, 448, 451
 Галликан (Л. Домиций Галликан Папиниан) 75, 92–93, 102, 110
 Галлоний Василий 235
 Гальба 89, 257
 Гаумата 121
 Герений Этруск 162, 167, 170
 Герения Купрессения Этрусцилла 157, 162, 167
 Геренниан (Хайран) 362
 Германик 132, 305
 Герод (Геродиан, Ирод, Хайран) 245, 344, 347–348, 350–351,
 Герод Хайран, отец Александра 360
 Геродиан 24, 28, 32–33, 38–41, 45–47, 49–51, 53–61, 65–66, 70, 72, 74–80, 83, 85–90, 95, 117, 158, 360, 362, 427, 430
 Гета 18, 20, 40, 85–86, 186
 Гонорациан 367, 371
 Гордиан I (М. Антоний Гордиан Семпрониан) 72–75, 77, 83, 98
 Гордиан II (М. Антоний Гордиан) 72–73, 76, 83, 86, 90, 98
 Гордиан III 24, 29, 53, 74, 79–80, 91–92, 95, 97–123, 130, 133, 135, 141–142, 148, 159–160, 164, 172, 183, 188, 437, 444, 448
 Гордианы 64, 72–81, 83–84, 86, 90, 93, 116, 160, 188
 Гостилиан 123, 126, 162, 167, 169, 174–175, 184
 Гундохар 194
 Гута 39

Д
 Дарий 14, 121
 Дексипп 24–25, 28, 30, 33, 78–79, 168, 255, 257, 370
 Деции Муссы 254
 Деций (Г. Мессий Квинт Траян Деций Валериан) 65, 67, 101–102, 122, 139, 146, 148–174, 177, 179, 182–183, 186–186, 189, 196, 199–202, 230, 239, 254, 280, 319, 430–431, 437, 443
 Диалис 374
 Дидий Юлиан 14, 425
 Дидона 362–363
 Диоклетиан (Диокл) 7, 28, 136, 160, 219, 221, 237, 259, 267, 279, 395, 407, 414–421, 444–445
 Дион Кассий 55, 68, 333
 Дионисий 24, 137, 144, 157, 173–174, 211
 Дициней 435
 Домициан, император 16–17, 19, 45, 67, 130, 286, 289, 303
 Домиций, префект претория 110–111
 Домиций Л. 75, 259

Домиций Валериан М. 102

Домиций Гонорат Л. 75

Домиций Филипп Гн. 115

Домн, сын Деметриана 356

Дриантिला 210

Друз 132

Е

Евнапий 25, 257

Евсевий 24, 67, 119, 121, 137–138, 153, 174, 211–212, 292, 356

Евтропий 26–27, 47, 119, 122, 152, 160, 162, 170–171, 173, 181, 184, 189, 193, 198, 204, 206, 216, 222, 227, 232, 234–236, 250–251, 254, 256–257, 271–273, 288–289, 295, 298, 307, 327, 332, 366, 378, 380, 383, 385–389, 394–395, 412, 443

З

Забд (Забда) 245–248, 265, 351, 358, 361

Забдай 361

Зенобия (Бат–Заббай) 245–247, 263–269, 273–274, 287, 290–291, 294, 296, 341, 346, 350–365, 397, 402

Зонара 30, 38, 55, 64, 79, 119, 123, 125, 150, 165–166, 168, 177, 193, 204, 206–207, 223, 234–235, 241–242, 250, 255–256, 259–260, 295, 297, 299–301, 307, 309–310, 325, 333, 345, 389, 409, 415–416

Зосим 29–30, 32–33, 39, 56, 64–65, 79–80, 107–109, 113, 118–119, 123, 131, 136, 145, 148–149, 165, 168–171, 174–181, 184–186, 188, 193–198, 203–204, 211, 215, 219, 232–236, 239, 244–249, 251–252, 255, 257, 260, 266–268, 273, 277, 288–289, 295, 304, 307, 309–311, 321–325, 328, 330–331, 333, 339, 343, 347, 350–351, 357–358, 418, 420

И

Игилл 331

Иероним 119, 138

Ингенуй 208–210, 214–215, 402

Иоанн Антиохийский 32, 38, 56, 58–59, 64–66, 150–151, 310, 333, 385, 388–389, 395, 397

Иордан 30, 38, 40, 116, 138, 149–150, 163–164, 170–171, 173–174, 176, 180, 182, 232, 435

Иотапиан 145–147, 153

Ипполит 67

К

Калигула 16–17, 85, 105, 286, 423, 433

Каллиник 264

Кальпурний Домиций Декстер С. 75
Камсисолей 324

Каннаб (Каннабауд) 262

Капеллиан 76–77, 80, 100, 102, 158

Кар (М. Аврелий Кар) 229, 237, 333, 405–421, 432–433, 437, 441–442, 444, 448, 451

Каракалла (Бассиан, М. Аврелий Антонин) 81, 85–86, 91, 94, 105, 109, 113, 124, 128, 130, 136, 161, 178, 186, 220, 230–231, 238, 282, 335–336, 372, 381, 394, 402, 405, 425–426, 430, 438–439

Карин 321, 395, 406–407, 409–415, 418–421, 442

Катий Целер Л. 102

Квартин (Тит или Тиций Квартин) 59–60

Квиет 213–214, 342–343, 346

Квинтилл 246, 253–260, 263, 289, 308, 310, 431

Киприан 24, 137, 155–157, 164, 172–174, 188, 200, 357, 440, 450

Клавдий 44, 136, 160, 163, 223–224, 230, 235–237, 260–264, 266, 273–274, 364–365, 381–383, 386, 389,

- 390–392, 394, 400, 403, 405, 417, 431, 433, 441, 443–444
- Клавдий II (М. Аврелий Валерий Клавдий) 120, 159, 232, 238–257
- Клавдий Аврелий Тиберий 111, 131
- Классик 366
- Клеопатра 264, 273, 358–359, 363
- Клодий Помпеян 99
- Книва 162, 164
- Коммод 7, 11–16, 18, 35–36, 44, 73, 159–160, 203, 424, 426, 430, 438
- Константин 7, 25, 27–28, 30, 136, 150, 221, 237, 323, 402, 409
- Констанций Хлор 224, 235, 243, 254
- Корнасидий Сабин Т. 37
- Корнелий 164, 175
- Корнелий Октавиан М. 199
- Корнелий Секулярий П. 371
- Крапп 205, 413
- Криспин (Рутилий Пудент Криспин) 81–82, 93, 101
- Л**
- Лактанций 67, 157, 168, 205
- Лелиан (Ульпий Корнелий Лелиан, Лоллиан) 370, 376, 383–385, 387, 390, 401
- Лепид 110, 374
- Либералиний Пробин 374
- Лидий (Пальфусрий) 324
- Лицинии 185, 226
- Лициний 81, 136, 150
- Лоллиан Авит 35
- Лонгин (Кассий Лонгин) 290–291, 355–356
- Лукиан 157
- Луцилл 81, 193
- Люций 175
- Люций Вер 85–86, 159
- Люций Цезарь 378
- М**
- Магн (Г. Петроний Магн) 56–62
- Магненций 184
- Македон (Македоний) 59–60
- Макриан 113, 187, 188, 204, 210–215, 226, 289, 342
- Макриан младший 213
- Макрин (М. Опелий Макрин) 21–22, 41, 45, 48–49, 54, 109
- Макриний Дециан Г. 187, 229
- Максимин, родственник императора Тацита 305, 307, 311
- Максимин Фракийец (Г. Юлий Вер Максимин), император 12, 29, 31–33, 38–43, 45–68, 70–82, 84, 86, 89–94, 97, 101, 103–105, 109, 114, 122, 133–134, 142, 146, 148, 165, 169, 182–183, 206, 210, 228, 230, 238, 403, 425, 430, 439, 444–445
- Малес 337
- Мамея (Юлия Мамея) 22, 32, 46–47, 55, 109, 128–129, 396
- Маний Ацилий Авиола 99
- Маппалик 157
- Мариад (Кириад) 177
- Марий, римский полководец и государственный деятель республиканской эпохи 44
- Марий (М. Аврелий Марий), галльский император 249, 385–390, 402
- Марий Перпетуй Л. 53
- Мариниан 236
- Марк Аврелий 8, 12, 15, 24, 35, 44, 73, 83, 85–86, 117, 159, 225, 316, 329, 424, 427, 436, 438, 445
- Марцеллин 25, 64, 119, 121–122, 177, 260, 268–269, 273, 291, 392
- Марциал 157, 200
- Марциан 223, 232, 234–235, 240, 242
- Марциниан 333
- Матрониан 419
- Мемор 215
- Менофил (Туллий Менофил) 82, 93, 101, 110, 116, 142

Меоний (Манай) 245, 350–351
Меоний Астианакт 444
Мессии, Мессии Квинты 157
Меценат 92
Меция Фаустина 98–100
Микка 38–39, 41
Мнестей (Эрот) 295
Мукапор 295–296
Муссий Эмилиан Г. 214

Н

Навлобат 232
Намациан 69
Нарсес (Нарсе, Нарсей) 332, 412
Нерва 15–16, 28, 69, 159, 202, 297
Нерон 16, 81, 89, 290, 424
Нигер (Г. Песцений Нигер) 14–15, 324
Нин 364
Нумериан 406–407, 410, 413–418, 420, 433

О

Овидий 16
Оденат 211–212, 214, 216, 226, 245, 266, 275, 290, 338–362, 368
Оденат старший 338
Одоакр 11
Октавий Аппий Суэтрий Сабин Г. 99
Октавий Сабин Г. 231, 374
Ориген 129, 138
Ород (Вород) 336–337, 349, 351, 354–356, 361
Орозий 29, 67, 119, 138, 150, 173–174, 208, 232, 234–235, 271–272, 342, 389
Острогота 149
Отацилия Севера 128–129, 144, 151

П

Павел Диакон 425

Павел Самосатский 291–292, 347, 356–358
Пакациан (Тиб. Клавдий Марин Пакациан) 147–150, 430, 442–443
Папиниан 17, 102
Паттерн 243–244
Пертинакс (П. Гельвий Пертинакс) 13–16, 35, 48–49, 159–160, 257
Петр Патриций 30, 101, 211
Петроний Тавр Волусиан Л. 225–226, 236, 243, 374
Пизон 89, 305
Пизон, полководец Макриана 213–214
Пипа 222
Плавциан (Г. Фурий Плавциан) 113
Плиний (Плиний младший) 17, 286
Плотин 117, 121, 291, 355
Полемиус Сильвий 271, 287
Помпей 72, 88
Помпеян 35, 99
Помпеян Франк 346
Помпоний Басс, консул 211 г. 293
Помпоний Басс Т. 293
Понтий Прокул Понтиан 53
Понциан 67
Порфирий 117, 121, 355
Постум (М. Кассианий Латиний Постум) 206–208, 210, 216, 226, 230, 232–233, 236, 241–242, 249, 273, 320–321, 328, 366–385, 387–391, 394, 399–403, 437, 448, 450
Постум младший 382
Приск Л. 163
Присциллиан (Л. Валерий Клавдий Ацилий Присциллиан) 81–82, 99
Проб (М. Аврелий Проб) 230, 264–265, 275, 280, 300–301, 305, 309–333, 407–408, 411–412, 415, 418, 420, 431, 441, 443–444, 449

- Прокул 53, 326–329
 Проктит 67
 Птолемен 264, 269, 359
 Птолемей 322, 358
 Птолемей Филадельф 359
 Публий Петроний Волусиан Л. 225, 243
 Пупиен 24, 77–81, 86–98, 101, 105–106, 114, 116, 130, 158, 188, 409, 428, 430–431, 437, 439
 Пупиен, Марк Африкан 52
- Р**
- Рагоний Венуст Л. 99
 Регалиан 209–211, 215, 442
 Рем 39, 318
 Респа 231
 Рискупорид V 196
 Ромул 16, 26, 39, 318
 Ромул Августул 11
 Рутили 81
 Руф Фест 232
 Руфин 84, 111–112, 341, 350–352
 Руфин (М. Гн. Лициний Руфин) 81–83, 339
 Руфиниан (Л. Цезоний Луцилл Макр Руфиниан) 81, 83, 100, 107, 110
- С**
- Сабин 37, 74–75, 78, 86–87, 99, 231
 Сабин Юлиан 419–420
 Сабиниан (М. Азиний Сабиниан) 107–109
 Салонин 192, 198, 206–207, 214, 371, 385, 399
 Салонина 222
 Сандарион 265
 Сасаниды 42–43, 115, 118, 126, 245, 343, 349, 430, 435
 Север Гостиан 123, 126
 Севериан 131–132, 143, 442
 Северы 22, 41, 53, 61, 73, 99, 105, 107, 153
- Селевкиды 358, 360
 Семирамида 362–364
 Семнон 321
 Сенека 89, 160
 Септимий 288–289
 Септимий Вород 349, 354–355, 361
 Септимий Север (Л. Септимий Север) 14–15, 17–22, 33–38, 40–41, 45, 48–49, 68, 81–82, 86, 94, 97, 99, 113, 124, 128, 130, 135–136, 140, 143, 145, 159, 186, 203, 209, 227, 270, 286, 298, 317, 324, 335, 339, 354, 394, 423, 428, 441, 447
 Септимий Хайран 338
 Сервий Туллий 161, 280
 Серторий 372–373
 Сильбаник 176
 Сильван 206–207, 399
 Симмах 38, 69
 Синкелл 30, 38, 56, 64, 119, 153, 169, 170–171, 204, 211–212, 232, 247, 250, 264, 292, 325, 343, 350–351
 Сиппициний Гениалис М. 198, 367
 Соайед Малех Адриан 124
 Статилий Аммиан 248
 Стаций 73
 Стефан 57, 200
 Стилихон 116
 Сукцессиан 197
 Сулла 231, 429
 Сульпиций 14
- Т**
- Тарвар 231
 Тацит, историк 16, 25, 29, 321, 366, 428, 435
 Тацит (М. Клавдий Тацит) император 237, 279, 294, 296–313, 315, 405, 420, 441, 444

Тенагинон Проб 246–247, 250, 264–265, 275

Теодорих Страбон 261

Теофан 88

Тетрик (Г. Пий Эзувий Тетрик) 249–250, 271–275, 289, 372, 374, 376, 383, 385, 395–401, 404

Тетрик младший 271–275, 398

Тиберий, император 16, 123, 132, 301, 406, 423

Тиберий Грахх 9

Тимаген 245–246, 248, 264, 268

Тимеситей (Г. Фурий Сабин Аквила Тимеситей) 53, 106, 108–120, 122, 127–128, 133, 141–142, 414, 437

Тимолай (Таймаллат) 360

Тициан Афинодор 361

Тит 59, 85, 159

Тит Таций 282

Траян 14–16, 36, 44, 69, 72, 76, 87, 120, 130, 158–159, 223, 227, 286, 298, 413

Трдат 177

Требеллиан 324

«Требеллий Поллион» 58–60, 163, 177, 192–193, 204, 206, 208–211, 213, 215, 222–223, 233–234, 236, 239–241, 246, 251–253, 255, 257, 270–272, 324, 343–344, 351, 360, 365, 370, 372, 382–386, 394–395, 397–398

Требониан Галл (Г. Вибий Требониан Галл) 163, 166–183, 186–187, 200, 340

Туск 208

У

Ульпиан 55, 58, 316, 335–336

Ульпии 87

Ульпий Виктор М. 102, 108, 141

Ульпий Кринит 298

Ульпия Северина 298, 396

Ураний Антонин (Юлий Аврелий Сульпиций Север Ураний Антонин, Сампсигерам) 178–179, 190–191, 340, 450

Урбан 289

Ф

Фабиан 157

Фабий Анниан Л. 93

Фабия Орестилла 73

Фальтоний Реституциан 102, 108–109

Фарсандз 196

Фаустин 98–100, 271–272, 276, 398, 400

Феликс 155, 203

Фелициан (Г. Аттий Алцим Фелициан) 111–112, 120, 123

Фелициссим 276, 287–288

Феодосий 11, 27

Филипп Араб (М. Юлий. Филипп) 111, 118–154, 157, 160, 170–171, 179, 181, 183, 187–189, 230, 266, 319, 339–340, 428, 437, 442, 447–448

Филипп II (Г. Юлий Сатурнин, М. Юлий Филипп) 130, 143–144, 151

Филострат 73

Фимилиан 200

Фирм 268–270, 275

Флавиан 160

Флавий Антиохиян 244

Флавий Апр Л. (ср. Апр) 417

«Флавий Вописк» 246, 259, 268–269, 284, 287, 289, 294–298, 300–301, 303–304, 307–308, 310, 313, 318, 320–321, 323–327, 330, 332, 356, 372, 405, 407, 413–414, 417–418

Флавий Констанций 420

Флавий Никомах 302
 Флавий Сабин 75
 Флор 86, 215
 Флориан 300–301, 304–313, 317, 405, 411, 441
 Фортунат 157, 229–230
 Фульвий Макриан 201, 211
 Фульвий Пий 53
 Фурия Сабина Транквиллина 109, 113, 120

Х

Хосрой 177

Ц

Цезарион 358
 Цезарь Марк 123, 126
 Цейоний Басс Л. 418
 Цекропий 234
 Целий Бальбин П. 336
 Цензор 374
 Цензорин 253, 255
 Цервоний Пап Г. 110
 Цериал 366
 Цецилия Паулина 63
 Цивилис 366
 Цилон 48
 Цицерон 9, 158, 159, 310

Ш

Шаммурамат 362
 Шамшиадад V 362
 Шапур I 114–115, 119–121, 125–126, 141, 168, 176–178, 203–205, 211, 341, 344, 350, 355

Э

Эгнаций 185
 Эгнаций Виктор Лоллиан Л. 185
 Эгнаций Луцилиан 102
 Эгнация Мариниана 185
 Эзувии 388

Элагабал 21–22, 78, 91, 128, 282–283, 293, 439
 Элии 230
 Элий Валент П. 141
 Элий Виталиан П. 62
 «Элий Лампридий» 55, 258
 Эмилиан, консул 173, 214–215, 226
 Эмилиан (М. Эмилий Эмилиан), император 180–185, 187, 329, 420, 430, 444, 450
 Эмилий Северин Л. 77

Ю

Юлиан 26, 120, 122, 332
 Юлии 64, 160, 230
 Юлий Аврелий 178, 361
 Юлий Аврелий Зенобий Забдилас 359
 Юлий Аврелий Сейба Адександр 361
 Юлий Донат Г. 371
 «Юлий Капитолин» 38–39, 45–46, 51, 54, 56–59, 62–63, 65, 75–80, 84, 86–94, 98, 106–107, 123
 Юлий Максимин Г. 31, 38, 42, 62
 Юлий Марин 124
 Юлий Марцеллин 248
 Юлий Пакациан Г. 37
 Юлий Платидиан 249, 294, 391
 Юлий Приск Г. 111, 347
 Юлий Рутилий Кордин Кв. 81
 Юлий Саллустий Фортунян Г. 229
 Юлий Сатурнин 129, 325
 Юлия Домна 18, 128, 270, 298, 336, 364, 394, 396
 Юлия Меса 21–22, 54
 Юлия Созмиада 128
 Юний Бальб 98
 Юний Рустик 225
 Юния Фадилла 54, 63
 Юстиниан 23, 61, 103, 224

Указатель географических и этнических названий

А

Абритт 167–168, 172
 Августа Треверов 220, 271, 277,
 374–375, 383, 390, 394, 398
 Августодун 249, 391–394, 397, 399,
 401
 Адриатическое море 102
 Азия 53, 82, 107, 109, 115, 117, 180,
 195–196, 198, 206, 265, 343, 446
 Аквилея 91, 93–94, 161, 250, 255
 Аквинк 216, 413
 Аквитания 53, 271, 370, 375, 395–
 396
 Аламаны 43, 51, 143, 190, 198, 206–
 207, 243, 288, 321, 326, 332, 370,
 411, 418, 434
 Аланы 38, 307
 Александрия 24, 71, 131, 139, 144–
 145, 154, 174, 217, 246, 263–264,
 267–270, 291
 Альпы 14–15, 198, 249, 326, 400
 Анатолия 112
 Антиохия 14, 114–115, 121, 126, 177–
 179, 190–191, 197–198, 203–204,
 217, 220, 245, 263, 268, 277, 291,
 324, 326, 343–344, 346–348, 352,
 354, 356–358
 Антониана, Верхняя Испания 65
 Арабы 124, 134, 148, 268–269,
 335
 Аравия 102, 112, 127–128, 132, 245,
 248, 317, 346–347, 354
 Арамеи 335
 Аргенторат 249
 Армения 44, 125–126, 177, 332
 Армяне 58, 177
 Аргос 231
 Ассирия 362
 Ассура 157
 Афины 33, 85, 231, 290, 355

Африка 14, 18, 24, 36, 51, 70–74, 76–
 77, 79–80, 84, 92, 100, 107–108,
 110, 112, 120, 141–142, 169, 175,
 207, 300, 319, 410, 418, 421, 440,
 446

Афродисиас 161

Ахайя 73, 163, 213, 446

Ахолла 107

Б

Бакваты 108

Балканский полуостров, Балканы 13,
 30, 37–39, 46, 115, 148, 150, 159–
 160, 162–164, 175–176, 179–181,
 195, 208, 213, 216, 230, 232, 238,
 250, 260, 280, 323, 332, 350, 368,
 381, 392, 400, 410, 417

Балтийское море 51

Барбалисс 177

Бастарны 323, 330–331

Батавы 393, 399

Бельгика 271, 367, 398

Бенак 243

Берберы 21, 108, 199

Бероя 150, 163

Бетика 75, 82,

Блеммии 173, 214–215, 268–269, 329

Ближний Восток 146, 178–179, 336

Болгария 116

Борисфен 210

Боспор, царство 163, 195–196

Боспор, пролив 195–196

Бостра 128, 346, 357

Британия 14–15, 32–33, 35, 37, 44,
 73, 208–209, 244, 250, 272, 317,
 319, 322, 327–331, 367, 373, 377,
 391, 394, 400, 403, 411

Брухейон 269–270, 291

Бургунды (бургундионы) 194, 322

Бурдигала 320, 395–396

В

Вавилон, Вавилония 248, 362–363
 Вандалы 11, 260–262, 321–322, 330–331
 Великая Армения 44, 125–126, 176–177, 332
 Венеция 419
 Верона 150–151, 266, 420
 Веронские поля 419
 Верхняя Британия 374–375
 Верхняя Германия 43, 272, 375, 383, 393
 Верхняя Мезия 37, 102
 Верхняя Паннония 209
 Вестготы 29, 116, 196
 Византий 203, 250
 Виминаций 179, 189–190, 208, 217
 Вифиния 53, 197–198, 265
 Восток 14–15, 17–18, 43, 60, 75–76, 82, 107, 112, 117, 120, 122, 124, 127–128, 132–133, 142, 145, 165, 171, 176, 181, 189–191, 203, 211–215, 217–218, 225, 246, 248, 264–267, 270, 274–275, 281, 283, 290, 294, 305, 311, 317, 325–326, 335, 340–346, 352, 358–360, 364–366, 402, 410, 412, 432, 443
 Восточная Римская империя, Византия 11, 124, 203, 250, 277
 Восточное Средиземноморье 268

Г

Галлия (Кельтика) 15, 25, 32, 109, 162, 249–250, 252, 272–274, 276–278, 289, 294, 299, 316, 319–322, 326–328, 330, 332, 363, 366–378, 380–385, 388, 391–393, 398–403, 410–411, 418–420
 Галлы 276, 325, 369, 389, 392–394,
 Гамбрии 322
 Гарины 321
 Гелизини 321
 Геллеспонт 231

Гельвеконы 321

Гем 250
 Гепиды 149, 262, 330–331
 Гераклея Понтийская 351
 Германия 37, 39–40, 43, 46–47, 50–51, 53–54, 59–60, 63, 114, 181, 207, 322–323, 369–370, 386, 411, 449
 Германцы 25, 32, 40, 43–44, 49, 53, 57, 60, 94, 96, 115–116, 171, 187, 190, 198, 200, 206, 243, 250–253, 256, 261, 271, 274, 287, 289, 300, 320–322, 327, 329–332, 369–371, 375, 379, 381, 384–385, 389, 391, 398, 427–428, 434–435
 Герулы 231–232, 252
 Геты 30, 252, 435
 Горгииппия 196
 Готия 39
 Готы 30, 38–39, 78, 101, 113, 115–116, 122, 128, 142, 149, 162–164, 167–168, 170, 172, 176, 179–180, 190, 193, 195–197, 206, 215, 231–232–234, 242, 244–245, 247, 250–253, 256, 260–262, 275, 293, 295, 340, 307, 309–310, 323, 330, 343, 435
 Гревтунги 330–331
 Греки 117, 231, 264, 286, 335, 363
 Греция 112, 163, 206, 215, 231, 290, 323

Д

Дакия 35, 116, 143, 159, 162–163, 189, 197, 206, 209, 232, 261–262
 Далмация 102, 110, 238, 288–289, 420
 Дардания 238
 Дунай 39, 43–44, 50–52, 74, 100–101, 107, 122, 128–129, 143–144, 146, 149, 162, 164, 171, 176, 179, 181–196, 219–220, 250–251, 252, 256, 260–262, 274, 368, 413, 435
 Дура-Европос 48, 191, 203

Е

Европа 179–180, 195, 207, 214, 262,
307, 309, 333, 342

Евфрат 118, 181, 211, 338

Египет 18, 24, 37, 75, 91, 115, 139–
140, 142, 144, 153, 156–157, 162,
173, 176, 199, 202, 213–215, 245–
248, 250, 257, 263, 269, 274–275,
300, 310, 317, 319–320, 324, 326,
346, 349, 353, 355, 357–359, 364,
400, 418

Египтяне 245–248, 263–264, 268–
269

З

Запад 14, 30, 76, 117, 126, 181, 216,
218, 225, 248, 250, 270, 275, 282,
344, 366, 368, 400, 402, 411, 442

Зараи 71

И

Иллирик 189, 214, 410, 412, 441

Иллирия 195, 214, 226, 232, 239, 300

Индийцы 117

Индия 117, 268, 363

Интерамна 181

Иран 42, 154, 267, 335, 344, 365

Исаврийцы 324, 329

Исаврия 324

Испания 15, 65, 206–208, 244, 249,
274, 321, 327–328, 332, 367, 372–
373, 375, 377, 383, 391, 393, 400,
403

Исс 14

Истрия 101

Истм 231

Италики 9, 14, 19, 37, 69, 76, 82, 92,
112

Италия 9, 11–14, 18–19, 32–33, 37–38,
43, 51, 69, 75, 78, 80–84, 91–94,
100–102, 116, 137, 140–142, 150–
151, 157, 180–181, 195, 197–199,
206, 209, 231–234, 239, 243, 253,

261, 263–264, 273, 279–280, 287–
289, 319, 344, 364, 367–368 381–
382, 410, 419, 444, 446

Иудеи 155

Иудея 273

К

Канузий 56

Каппадокия 67, 145, 180, 203, 205

Кария 198

Карпы 101, 143, 147, 149, 162–163,
168, 194, 196, 294

Карры 203–204

Карфаген 71, 74, 77, 107, 157, 172,
323, 363

Каталаунские поля 272

Келесирия 317

Кельты 370, 379

Кизик 217, 226, 250, 270

Киликия 75, 205, 347

Коза 63, 161

Колония Агриппина 65, 190, 192,
198, 207, 217–218, 220, 327, 374–
376, 390, 395, 398

Константинополь 79, 409, 444

Коптос 324–325

Коринф 231

Красное море 265, 269

Кремна 324

Крит 250

Крым 196

Ктесифон 118, 121, 342–343, 350
413–414

Л

Лаодикея 324

Ливийцы 70, 247

Ливия 108

Лигер 376

Ликия 198, 324

Ликия-Памфилия 198

Лонгионы 321–322

Лугдун 15, 277, 326, 392

Лугдунская Галлия 53, 109, 391
 Лугии 321–322
 Лукания 273
 Лютеция 320

М

Мавретания 21, 42, 44, 48, 62, 102, 108, 141, 199
 Мавры 58, 181, 215, 325
 Македония 131–132, 206, 213
 Малая Азия 30, 72, 114, 179–180 186, 193, 197, 203, 211–212, 233, 245, 307, 313, 324, 350–351, 353
 Малая Армения 125
 Манимы 321
 Марафон 117
 Марг 420
 Маркомания 44
 Марсово поле 283, 318
 Марсы 322
 Марцианополь 149
 Мезия 32, 35, 101–102, 116, 131–132, 147, 149, 163–164, 176, 180, 182, 195, 197, 208–209, 250, 319, 417, 420
 Медиолан 93, 160, 193, 198, 206, 217, 219–220, 233, 235–236, 240–243, 259, 278, 294, 381
 Менинг (Гирба) 169, 181
 Меотидское озеро 250, 307
 Меронты 176, 214
 Месихе (Пероз-Шапур) 121–122, 125–126
 Месопотамия 18, 37, 43–44, 52, 114, 118, 121, 125–127, 132, 177, 179, 203–206, 266, 334, 346–347, 411, 415
 Метавр 261
 Могонциак 383–384, 390, 399
 Мурса 209–210

Н

Наганарвалы 321

Наисс 248, 250
 Нарбонн 405
 Нарбоннская Галлия 249, 274, 367, 391, 393, 400, 405, 441
 Немет 273
 Нижняя Британия 73, 102
 Нижняя Германия 53, 386, 393, 398
 Нижняя Мезия 101, 148, 162
 Нижняя Паннония 417
 Нил 139, 263
 Никея 197
 Никомедия 197, 416, 418
 Новы 163
 Норик 82–84, 112, 187–188, 229, 333, 339
 Нубийцы 173
 Нумидия 76–77, 100, 186–188, 199, 229, 247

О

Океан 51
 Ольвия 116
 Осроена 118, 127
 Осроенцы 59–62
 Остготы 195, 197

П

Палестина 132, 156, 310, 335–336, 347
 Пальмира (Тадмор) 115, 245, 248, 263–268, 270, 273–278, 282, 284, 290–291, 293–295, 334–366, 397
 Памфилия 324
 Паннония 14, 32, 40, 147, 149, 158, 195, 197, 208–209, 211, 319, 412, 419
 Паннонцы 33
 Парфяне 42, 206, 334, 355, 436
 Парфия 21, 42, 248, 344, 349
 Передняя Азия 115, 346, 354–355
 Персия, Персидская держава 42–43, 114, 117, 125, 135, 177, 191, 200, 205, 245, 266, 295, 332, 335, 341,

344, 347–348, 352, 410–413, 415, 428, 435
Персы 32, 42–43, 46, 52, 113–119, 121–122, 125, 127, 141, 168, 177–179, 182, 187, 191, 197–198, 200, 203–204, 206–207, 211–214, 217, 226, 274, 294, 332, 334, 340–345, 349–350, 409–412, 414, 416, 427, 433, 436, 447
Перузия 169–170
Пиренейский полуостров 249
Питиунт 197
Плаценция 261
Поднестровье 261, 307
Подунавье 307
Понт 67, 206, 350
Понт Эвксинский 197, 307, 364
Приморские Альпы 326
Проконсульская Африка 71
Птолемаида 324–325

Р

Равенна 78, 93–94
Рейн 32, 43, 50–51, 57, 59, 63, 94, 99–100, 107, 143, 162, 171, 181, 187, 190, 192, 194, 206–208, 219–220, 252, 261, 271, 321–323, 326–327, 330, 369–370, 376, 379, 411, 434–435
Реция 37, 43, 183, 187–188, 198–199, 233, 333, 367, 369, 371, 375
Рим (Город) 6–10, 14–17, 19, 22, 24, 26–27, 30, 34, 40, 44, 48, 51, 59, 61–62, 71, 74–75, 77, 80–81, 85–87, 100, 106, 108–109, 120, 122, 125–126, 128–129, 159–163, 215–217, 251, 254, 277–283, 308–315, 363, 373, 382, 403, 414, 419–423, 444, 448
Родан 249, 272
Родос 250
Роксоланы 210–211
Румыния 116

С

Саксы 371
Саламин 117
Самосата 211, 217
Сарацины 268
Сардиния 67, 140–141, 152
Сарматия 44
Сарматы 51, 122, 209–211, 307, 329, 410, 412
Свевы 261, 322
Северная Африка 108
Северная Италия 84, 192, 219, 233, 243, 253–256, 261, 266, 419–420
Северная Сирия 346
Северное Причерноморье 251, 435
Секвана 271, 320, 376
Селевкия 268
Семноны 198
Сидон 324
Силинги 322
Сиракузы 323
Сирия 14, 18, 35, 39, 43, 114, 118, 131–132, 145–147, 171, 177–179, 205–206, 211, 245, 265, 267, 305, 307, 310, 334–336, 339–340, 342–343, 346–348, 354–356
Сирмий 50–51, 101, 157, 191, 220, 250, 332
Сисция 217, 256, 419
Сихем-Неаполь 128
Сицилия, остров 9, 215, 323
Сицилия, поселок 32
Скаптопара 103
«Скифы» 128, 150, 179, 190, 196, 198, 203, 215, 307, 343, 351–352
Спарта 231
Сполетий 183
Средиземное море. Средиземноморье 115, 144, 219, 267–268, 323, 334, 427

Т

Танаис, город 196

Танаис, река 210
 Тарракон 207
 Тарраконская (Ближняя) Испания
 101, 110, 148, 165, 229
 Тевтобургский лес 44, 436
 Тиана 265
 Тиатира 112
 Тингитанская Мавретания 42, 102,
 141
 Тир 324, 362
 Тира 116
 Тицин 235–236
 Транспадана 93
 Трапезунд 197
 Трахонитида 124, 138
 Трибаллы 42
 Троя 117

У

Умбрия 181
 Уругунды 194, 196

Ф

Фасис 197
 Фермопилы 163, 231
 Фессалия 213
 Фессалоники 213, 250
 Фиваида 215
 Филиппополь, город в Аравии 127
 Филиппополь, город во Фракии 128,
 163–164, 167, 170
 Финикийская Сирия 339
 Финикия 324
 Фракийцы 38, 54, 64
 Фракия 38, 40, 116, 128, 149, 161–164,
 167, 182, 195, 197, 214, 330–331

Франки 43, 190, 207, 323, 326,
 330, 369–371, 399–400, 411,
 418, 434
 Фригия 198

Х

Халкедон 231
 Хатра 115, 335

Ц

Цезарейская Мавретания 48, 62, 102,
 108, 199
 Цирта 320

Ш

Шахба 141

Э

Эбла 334
 Эгейское море 190, 364
 Эги, город в Киликии 75
 Эдеса 52, 127, 203–204
 Эдуи 391–395, 397, 400
 Эзувии, эзубии 376
 Эмеса 178, 213, 282, 346, 350–351,
 357–358
 Этрурия 63, 157, 169, 226, 319
 Эфес 180
 Эфиопия 173

Ю

Юг 76
 Ютунги 198, 260–261, 367

Я

Языги 260

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Начало «военной анархии»	31
Глава II. Сенаторская реакция	69
Глава III. Путь вниз	97
Гордиан III.	97
Филипп Араб и его сын	123
Деций	152
Требониан Галл и его соправители	169
Эмилиан	181
Глава IV. Правление Валериана и Галлиена	184
Совместное правление Валериана и Галлиена	184
Апогей политического кризиса	205
Реформы Галлиена	218
Конец Галлиена	231
Глава V. «Свет в конце туннеля»	238
Клавдий II Готский	238
Приход к власти Аврелиана	254
«Восстановление вселенной»	260
Внутренняя политика Аврелиана. Усиление императорской власти.	276
Междуцарствие и избрание Тацита	296
Правление Тацита	302
Проб	309
Глава VI. Пальмирское царство	334
Пальмира до создания царства	334
Пальмирское царство	343
Попытка восстановления Эллинистического государства ...	358

Глава VII. Галльская империя	366
Образование Галльской империи. Правление Постума	366
Преемники Постума	385
Галльская империя и Римская империя	399
Глава VIII. Ликвидация принципата.	
Конец «военной анархии»	405
Ликвидация принципата	405
Кар и его сыновья	409
Смерть Нумериана и приход к власти Диоклетиана	415
Заключение	422
Список сокращений	452
Указатели	455
Указатель имен	455
Указатель географических и этнических названий	464